

И. Е. ПЕТРОСЯН

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ

ЯНЫЧАРЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

И. Е. ПЕТРОСЯН

ЯНЫЧАРЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

И. Е. ПЕТРОСЯН

ЯНЫЧАРЫ
В ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ

ГОСУДАРСТВО И ВОЙНЫ
(XV—НАЧАЛО XVII В.)

Санкт-Петербург
«Наука»
2019

УДК 94(560)“653”

ББК 63.3(0)32

ПЗ1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»

*А. И. Алексеев, Д. Д. Беляев, Д. М. Бондаренко, И. О. Ермаченко,
А. А. Исэров, А. Ю. Карачинский (ученый секретарь),
Н. Н. Крадин, Т. В. Куц, А. А. Немировский, П. С. Стефанович,
П. Ю. Уваров (председатель), А. К. Шагинян,
В. В. Шишкин (заместитель председателя)*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *А. В. Витол*
доктор исторических наук *А. А. Колесников*

ПЗ1 Петросян И. Е. Янычары в Османской империи. Государство и войны (XV—начало XVII в.). — СПб.: Наука, 2019. — 604 с.

ISBN 978-5-02-040540-0

Книга рассказывает об истории янычарского корпуса, правилах и нормах его комплектования и существования, а также той роли, которую сыграли янычары как в военных, так и во внутривосточных событиях Османской империи. В монографии показаны фундаментальные особенности функционирования османской государственности, ее тесная связь с политикой войн и территориальной экспансии, влияние исламского фактора, а также значительная роль янычарского войска в формировании внешней и внутренней политики турецких султанов. История янычарского корпуса рассмотрена в книге на фоне военных событий XV—начала XVII в., результатом которых стали заметное ослабление османской военной державы и упадок самого янычарского корпуса как военного института. История янычар представлена автором как часть социальной истории Османского государства, что важно для воссоздания более полной общественно-политической и этнографической картины средневековой жизни турок.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-19-00226, не подлежит продаже*

© Петросян И. Е., 2019
© Издательство «Наука», серия «Библиотека всемирной истории» (разработка, оформление), 2016 (год основания), 2019
© Палей П., оформление, 2019

ISBN 978-5-02-040540-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге, написанной для любознательного читателя, рассказывается о знаменитом янычарском корпусе. Знаменитом потому, что кто же из нас не слышал о янычарах? О тех войнах ислама, которые по своему рождению исламу не принадлежали, а были выходцами из христиан, еще детьми насильственно забранными турками в военное обучение, обращены в ислам и фанатично служили турецким султанам. Это они, янычары, на протяжении по крайней мере нескольких веков обеспечивали туркам громкие военные победы в Европе и участвовали в их обширнейших завоеваниях. Это они со временем держали в страхе своих августейших повелителей и собственных командиров, поднимали бунты, смещали султанов, бесчинствовали и своевольничали во время бесчисленных осад крепостей, иногда приостанавливая грозные походы турецких султанов, и постепенно превращались из некогда неустрашимых воинов ислама в ремесленников, торговцев и ростовщиков, обзаводились семьями и детьми, становясь малопригодной военной силой, содержание которой отнимало у казны последние средства.

В 1826 г. отважный и решительный турецкий султан Махмуд II разгромил янычарский корпус в своей столице — Стамбуле, физически ликвидировал янычар, применив против них артиллерию и новые созданные им воинские подразделения, а немногие чудом спасшиеся янычары разбежались по провинциям, где их также ожидали гонения и смерть.

А. С. Пушкин, побывавший во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. на Кавказском театре военных действий, результатом чего стало его «Путешествие в Арзрум», был впечатлен мусульманским миром, столь отличным от привычной ему европейской культурной жизни, и откликнулся на увиденное полузабытыми ныне поэтическими строками:

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар.
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рушука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликаая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик. Тогда султан
Был духом гнева обуян.

А современный отечественный кинематограф в «Рабе любви» Никиты Михалкова напомнил нам о турецкой истории запомнившейся репликой одного из героев фильма: «И тут из кустов вылезают янычары!»

Бесспорно, имя янычар у всех на слуху. Однако, по сути, отечественный читатель мало знает о действительной истории янычарского корпуса, о той роли, которую он сыграл в военной и политической жизни Османского государства. Автору данной книги в 80-е годы прошлого века посчастливилось издать свой перевод на русский язык турецкого трактата, составленного в самом начале XVII в. анонимным автором. Из труда анонима явствует, что длительное время (21 год) он был занят работой с янычарскими дефтерами (писцовыми книгами янычарского корпуса)¹. Текст трактата, сохранившийся в рукописи XVIII в., содержит немало сведений по истории янычар, однако не дает четкой последовательной картины истории корпуса и общего представления о политической роли янычар в турецкой истории. Да и кто из современных читателей будет читать научные переводы востоковедов, изданные в фундаментальной «черной» (по цвету книг) серии академическим издательством «Наука»? Новому поколению это едва ли придет в голову — слишком затратно по времени и информационно мозаично. В отечественной литературе, правда, имеется еще один (сугу-

бо научный) труд по истории янычарского корпуса, связанный, однако, по большей части с последним периодом его существования и уничтожением янычарского войска в 1826 г. Труд этот, написанный в рамках традиционного интереса наших отечественных туркологов к истории реформ в Османской империи, носит к тому же далекое от янычар название².

Оба указанных издания, к сожалению, не дают цельной картины истории янычарского корпуса, хотя, как представляется, могут быть полезны читателю. Между тем история янычар тесно связана с историей государства, известного нам как Османская империя. На пике своего могущества (конец XVI в.) она занимала огромную территорию в Азии, Европе и Африке и прекратила свое существование по историческим меркам сравнительно недавно — в 1923 г., оставив нам в наследство слово «османизм», интригующее тех, кто интересуется современными событиями на Ближнем Востоке.

Военный фактор оказал огромное влияние не только на становление и развитие Османского государства, но и на общий ход турецкой истории. Роль войн в ней была во многих отношениях решающей. Из настоящей книги, написанной на основе многих турецких (османских) аутентичных источников (в первую очередь, исторических хроник), читатель сможет узнать о том, как и какими силами велись знаменитые турецкие завоевания, приведшие к созданию огромной Османской империи, как они влияли на ход внутривосточной истории Османского государства, на социально-экономическое положение османского общества, какую роль во всем этом сыграл янычарский корпус, аналога которому мы не найдем в истории Средневековой Европы.

Нельзя не отметить также, что в условиях растущего интереса к Турции, не сходящей с полос мировых газет и журналов, небесполезно еще раз обратиться к ее истории, а ее история — это в первую очередь история военная и военно-политическая. Подробный обзор ее событий поможет понять некий важный архетип, и ныне влияющий на современное состояние турецкого общества, на формирование ее внешней политики и на умонастроение широких масс турецкого населения. Да и вообще — ретроспективный взгляд на историю всегда полезен.

Глава 1

НАЧАЛО ОСМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ

В 1453 г. окончательно прекратила свое существование великая твердыня Восточного христианства — Византийская империя. С 1073 г., все более теснимая тюрками-сельджуками, вторгшимися на территорию Малой Азии, она сужала свои границы под напором новой — сельджукской — волны ислама, на протяжении многих десятилетий отражая непрекращающийся натиск Сельджукского (Румского) султаната, а в конце XIII в. уже имела вблизи своих восточных границ несколько тюркских княжеств (бейликов) — осколков распавшегося к тому времени своего мусульманского соседа. Среди них маленький и мало-значительный Османский бейлик казался византийцам менее всего опасным. Однако именно ему удалось нанести Византийской империи военные удары, от которых она не смогла оправиться.

Письменные источники, упоминающие факты ранней османской истории, крайне немногочисленны, а сведения, которые они сообщают, весьма скудны. В сохранившемся труде Языджи-оглу Али, представляющем собой в основном турецкий перевод двух сочинений, написанных на персидском языке (их авторами были Ибн Биби и Раванди)¹, упоминается один из военачальников сельджукского султана Алаэddина Кей Кубада I (1219—1237) Хюсамеддин Чобан-бей, совершивший военный поход в Крым. В труде Языджи-оглу упомянуты трое сыновей Хюсамеддина Чобан-бея — Эртогрул, Гюндюз Алп и Гёк Алп, которые были посланы для охраны пограничных с Византией северо-западных земель (*тур. удж*) Румского султаната, —

практика, обычная для истории сельджукских государственных образований².

Военный поход против Крыма был совершен в 1225 г. по приказу тюркского правителя провинции Кастамону³ и организован, по всей вероятности, в связи с нападением монголов на крымский Судак в самом начале 20-х гг. XIII в., о чем имеется рассказ арабского историка Ибн ал-Асира⁴.

Языджи-оглу Али, создавая свой «перевод», подходил к своей работе творчески, инкорпорируя в свое сочинение, как многие мусульманские историки и до, и после него, сведения, относящиеся, собственно, к уже османской истории, пользуясь при этом существующими версиями генеалогического происхождения османской династии. Проверить точность его исторической информации на базе имеющихся источников едва ли возможно. Однако в его рассказе об Эртогруле, отце основателя османской династии, Османа, имеется важная деталь, указывающая на этническое происхождение Эртогрула, — принадлежность к огузскому племени кайы. Языджи-оглу Али сообщает, что к племени кайы принадлежал сам Хюсамеддин Чобан-бей, и посылка им на границы с Византией выходцев из кайы выглядит естественной и логичной. В тюркской среде и ныне сохраняют память о своих племенных корнях и доверяют в первую очередь своим соплеменникам.

В освещении ранней истории Османского государства современный историк вступает в основном в зыбкую область предположений о том, кем были Эртогрул и его сын Осман, — пограничными племенными вождями, воины которых начали совершать регулярные набеги на византийские земли в поисках добычи, или воинами-гази, уже не связанными, строго говоря, с племенными образованиями и принадлежавшими к особому разряду военной структуры мусульманского Румского султана в Малой Азии, целью которых была вооруженная борьба с «неверными» и утверждение ислама на захватываемых у христиан территориях. Первая версия кажется мне более предпочтительной. Во всяком случае, она не противоречит тому, что мы знаем из истории Сельджукидов, политикой которых неизменно была отправка на границы создаваемых ими государств беспокойных и «неудобных» для оседлого земледельческого населения кочевников.

В поэме (дестане) турецкого (османского) поэта Ахмеди «Искендер-наме» (конец XIV—начало XV в.), посвященной походам Александра Македонского, мы находим раздел, посвященный османской истории. В нем отец основателя османской династии — Эртогрул — представлен как типичный пограничный племенной вождь, признающий верховную власть сельджукского султана, совершающий набеги на земли неверных и захватывающий богатую добычу. Описания ранней османской истории у более поздних историков османской династии — Оруджа, Ашык-паша-заде, Нешри, Лютфи-паши и других — полны реминисценциями, связывающими родоначальников Османского государства с тюркскими племенными обычаями и культурой.

Согласно Ахмеди, Эртогрул получает пограничный с Византией удж за свои военные заслуги в походе Сельджукида Алаэддина против земель византийских греков. Под именем Алаэддин в XIII в. в Малой Азии известны три румских султана. Поэт выводит под этим почетным прозвищем обобщенный образ сельджукского правителя, как это свойственно произведению, опирающемуся на фольклорную традицию:

Вот отправился в путь, быстро войско собрав,
С Эртогрулом отважным боец Гюндюз Алп.

Бильгиль Алп с ними также и много огузов,
Сильно войско и крепки соратников узы.

Прибыл вскоре из Коньи великий султан,
К тем двоим он явился, представ племенам.

Баям всем оказал он великую честь,
И для бедных конца его милостям несть.

И обрушилось войско на землю кафиров,
И несли им погибель союзные силы.

Сделал много для сечи бывший там Эртогул,
Нет сомнения в том, что он славу добыл.

Много взял там добычи предводимый им иль,
Вместе с войском своим он врага покорил⁵.

Участие кочевых тюркских племен в военных походах сельджукских султанов было обычной практикой в Румском султанате, столь же привычной была и практика предоставления им в уджи пограничных земель. Греческие авторы описывают появившихся на византийских границах в Вифинии в конце XIII в. тюркских соседей как воинственных и грубых кочевников, совершающих разорительные рейды в глубь византийских пограничных территорий.

Пограничный удж, подконтрольный Эртогрулу, после распада Румского султаната географически оказался в наиболее выгодной и исторически наиболее перспективной для родоначальника будущей Османской империи точке формирования государственности. Первоначально маленький и экономически весьма слабый бейлик — в ряду других тюркских бейликов, образовавшихся на землях прекратившего свое самостоятельное политическое существование Румского султаната, при наследниках Эртогрула очень скоро выдвинулся в число сильнейших и начал планомерную экспансию на запад, подчиняя себе все новые и новые византийские территории.

Об удже Эртогрула в конце XIII в. мы знаем почти исключительно из византийских источников. Греческие авторы посвящают страницы своих исторических трудов своим беспокойным тюркским соседям, нарушающим варварскими набегами течение жизни культурных византийцев. В сочинении Георгия Пахимера, посвященном истории императоров Михаила VIII (1259—1282) и Андроника II (1282—1328) Палеологов, мы читаем о появлении новой волны тюркских кочевников, «не имеющих постоянных жилищ и чуждых гражданской жизни, не желающих подчиняться тохариям (т. е. монголам, правившим в это время в Конье, бывшей столице Румского султаната. — *И. П.*), живущих без всякого контроля и занимающих приграничные земли Византии». Пахимер сообщает, что эти турки, внешне признавая новую монгольскую власть ильханов в Конье, бегут от нее к границам, совершая постоянные набеги на византийские земли, живя грабежом и привлекая тем самым к себе новые орды⁶. Где-то среди них следует искать и Эртогрула с подчиненными ему соплеменниками.

Конечно, среди разбойничавших на византийских границах тюрков были не только кочевники (точнее говоря, полу-

кочевники), но и многочисленные отряды вольных гази, идейных борцов за мусульманскую веру, оседавших на захваченных у византийцев территориях и имевших возможность спокойно и безбоязненно осваивать их. Способствовали этому парадоксально складывавшиеся внешние обстоятельства. Блестательный политический успех византийского императора Михаила VIII Палеолога, отвоевавшего в 1261 г. у крестоносцев Константинополь, имел вместе с тем и важное последствие: император перенес свою столицу из Никеи (будущий *тур.* Изник) в древний и прославленный столичный Константинополь. Это событие весьма ослабило пограничные византийские земли в Вифинии. Процветающие и густонаселенные земли с переносом столицы быстро заустевали — греческое население спешило покидать эти места, соседствующие с опасными для христиан мусульманскими соседями⁷. Главные экономические и политические интересы византийской аристократии были отныне связаны главным образом с Балканами, а интерес к прежде процветающей Вифинии был практически утрачен. Крупнейший отечественный историк-византист Ф. И. Успенский отметил, что личные интересы византийской правящей аристократии во главе с Палеологами и Кантакузинами были сосредоточены во Фракии и Македонии, где находились их богатые родовые земли. Вифиния, по его словам, стала «запустелой крестьянской областью», заброшенной правительством. Спротивление туркам в период их начавшейся целенаправленной захватнической политики были вынуждены оказывать крепости, стены которых были построены еще во времена Римской империи⁸. К тому же произошедшее в 1262 г. восстание акритов, защищавших византийские границы в Вифинии, хотя и подавленное, еще более усугубило ситуацию — граница с подконтрольными монголам территориями бывшего Румского султана оказалась слабой и фактически открытой для тюркских вторжений⁹.

Число этих вторжений значительно увеличилось, что вело к обогащению и увеличению политического авторитета племенных тюркских вождей и их верхушки, а с захватом культурных греческих земель также к быстрому разрушению их полукочевого уклада жизни и массовому оседанию рядовых кочевников. В удже Эртогрула процесс этот занял несколько

десятилетий, и уже упоминавшийся Ахмеди пишет в своей поэме «Искендер-наме», что при Орхане, внуке Эртогрула и сыне основателя османской династии Османа, обычный разбойный кочевнический набег (акын), сменился джихадом — целенаправленной борьбой с неверными, которую вели идейные борцы за веру — гази¹⁰. Это полностью согласуется с тем, что нам известно из истории тюркских бейликов Малой Азии конца XIII—начала XIV в.¹¹ К успешным предводителям тюркских отрядов на византийских границах присоединялись многочисленные воины-гази из внутренних земель Анатолии, действовавшие против христианских греков под лозунгами ислама.

Сын Эртогрула, Осман, как его рисует Георгий Пахимер, действует еще как обычный кочевник, вторгающийся в летнюю пору в плодородную долину византийской Никомедии (*тур.* Измид) во время сбора урожая с целью захвата сельскохозяйственной продукции¹². Как пишет Пахимер, часто бывало, что византийские греки, желая обрести для себя спокойствие и безопасность, добровольно переходили под власть тюркских пришельцев, освобождаясь при этом от жестокого налогового гнета своих христианских правителей¹³.

Особенностью положения уджа Эртогрула, а затем бейлика его сына Османа было то, что граница с Византией в этом месте оказалась наиболее легко преодолимой. Легкость, с которой происходили набеги османских турок (будем называть их теперь привычным для читателей именем), позволила сменившему Эртогрула Осману и его отрядам начать планомерные захваты византийских земель, не ограничиваясь одними лишь грабительскими рейдами, как сообщает тот же Георгий Пахимер¹⁴. Его описание первых османских завоевательных действий вполне согласуется с тем, о чем сообщают ранние османские источники — исторические хроники Ашык-паша-заде, Нешри, Лютфи и др., писавшие о начале Османского государства.

В XIV в. в тюркских княжествах (бейликах), образовавшихся по периметру бывшего Румского султаната, происходил быстрый процесс сложения новых государственных образований, копировавших уже существовавшие образцы мусульманской государственности. Османский бейлик, подключившийся к этому процессу несколько позднее своих тюркских соседей — бейликов Айдын, Сарухан, Гермиян и др., не был в этом смысле

исключением и очень скоро начал обрастать мусульманскими институтами власти, социальной структуры и культуры, не порывая, впрочем, с некоторыми традициями трайбализма. Проводниками и усиленными строителями новых мусульманских государств выступало мусульманское духовенство — улемы (*правильно*: ‘улема), при столь благоприятном для них соседстве с терявшими былую силу христианами-греками активно проповедывавшие идеи священной войны с неверными (газават). Улемы, признанные в тюркской среде носители мусульманской образованности и духовной культуры, пользовались в бейликах Малой Азии огромным авторитетом, а ислам являлся важнейшим культурным фундаментом новообразованных тюркских бейликов, в том числе и османского. Ислам был своеобразной «национальной идеей», скреплявшей организационно социальные элементы начавшего формироваться Османского государства. Один из ранних османских историков, Мехмед Нешри, описывая в своем труде «Китаб-и джихан-ньюма» период правления Османа, вставляет в свой труд примечательный и глубоко символический эпизод, желая выставить османского бей ревностнейшим мусульманином. Согласно Нешри, оказавшийся однажды на ночлеге в доме одного благочестивого мусульманина Осман целую ночь провел стоя пред Кораном из почтения к этой священной книге мусульман¹⁵, однако не читая его, так как не знал грамоты. Во всяком случае, мы можем так думать, полагаясь на сообщение другого османского историка (XV в.), Ашых-паша-заде, который в своем сочинении «Теварих-и Ал-и Осман» помещает рассказ о встрече Османа с одним из мюридов (учеников) шейха Эдебалы — Кумралом Деде, во время которой он признается, что «не умеет писать»¹⁶. При этом интересно само сообщение о контактах тюркской верхушки с представителями суфийского ислама, который со времен Румского султаната, как и в других мусульманских государствах иранского и арабского мира, пользовался глубочайшими симпатиями не только народных масс, но и правителей. Суфизм, в отличие от официального ислама, сумел впитать в себя множество народных верований и в рамках мусульманского вероисповедования обладал определенной степенью интеллектуальной свободы, опираясь на богатейшее религиозно-философское наследие как мусульманских, так и домусульманских мыслителей.

Труды первых османских историографов, написанные значительно позднее описываемых ими событий, имеют ярко выраженную мусульманскую окраску. В целом они создают исторически верную картину жизни сначала уджа, а затем бейлика, получившего свое название по имени сына Эртогрула — Османа. Эта картина включает в себя многие архаичные черты, связанные с историей кочевых тюркских обществ. Это видно, например, из рассказа о процедуре избрания бея после смерти Эртогрула. Претендентом на власть, согласно рассказу, выступает брат Эртогрула Дюндар-бей, что отражает древние нормы тюркского права, характерного для тюркских кочевнических обществ. Выбор племенной верхушки на совете падает, однако, не на Дюндара, а на сына Эртогрула — Османа. Пытаясь обосновать законность сделанного на совете (курултае) выбора в пользу Османа, историк Нешири в своем труде посвящает несколько строк описанию доблестных качеств избранного: Осман изображен храбрым воином, первенствующим на охоте и во время боевых рейдов, авторитетным лидером, постоянно окруженным молодыми воинами-соплеменниками¹⁷, что отражает еще не изжитый в то время древний меритократический принцип верховной власти.

Выбор племенной верхушки в пользу Османа делается, таким образом, вопреки древнему праву. Она оказывает поддержку претенденту, обладающему большим авторитетом. Обретя власть, Осман поддерживает ее организованными им удачными набегами на соседние византийские земли, приносящими ему и его воинам добычу. Описывая один из таких набегов, Ашык-паша-заде сообщает, что воины Османа «взяли богатую добычу», а удачное руководство Османа объясняет его стремлением «держат в подчинении свой народ». В бейтах, завершающих описание одного из набегов, Ашык-паша-заде дает картину тоя (празднества по случаю окончания удачного набега), во время которого производится раздел добычи:

Кто серебро, кто золото от бея получил,
А кто-то радуется скакуну иль девушке прекрасной¹⁸.

В другом месте Ашык-паша-заде пишет: «Гази радовались, каждому [Осман] давал деревни, каждому оказывал положен-

ные ему милости. Гази Османа были довольны и желали бесперывно вести войну за веру (газа)»¹⁹.

Конные отряды Османа в его правление (ок. 1299—ок. 1324) приступают к планомерному захвату земель христиан-греков. Уже упомянутая поэма-дестан Ахмеди рисует этого бея не просто предводителем полукочевой орды, довольствующейся грабительскими набегами, а вождем-беком (*тур.* бей), воином-гази, расширяющим границы подвластных ему мусульманских земель. Ахмеди представляет это в духе героического газавата — войны с неверными:

Стал великим гази сын Тогрула Осман,
И, куда бы ни шел, ждал успех его там.

Рассылал он повсюду отряды гази,
Нападая, неверных рубили они.

Овладел Биледжиком отважный Осман,
Захватил Инегель он, Кёпрю Хисар.

Непрестанно он войско в набег посылал
И немало земель у кафиров отнял.

Разорен и сожжен был Османом кафир,
В окружении Бурса, в осаде Изник.

Так случилось, велел то сам Бог,
Что скончался Осман, сих не взяв городов²⁰.

Хотя Ахмеди пытается показать Османа как мусульманского правителя, ставящего перед собой задачу построения государства, это едва ли в полной мере соответствует действительности. Тем не менее Османа справедливо считают основателем Османского государства, опираясь на те скудные данные, которые сохранили для нас историки. Одно из ранних преданий о начальной истории османских турок сохранилось в труде Лютфи-паши «Теварих-и Ал-и Осман» (первая пол. XVI в.), отсутствующее, насколько мне известно, у других османских хронистов. Лютфи передает рассказ о том, как однажды к Осману явились предводители (беки) и старейшины ряда соседних огузских племен, выразили ему свою покорность и предложили стать их ханом²¹. «Царский» титул хан был выше титула бека, который

носили многие представители племенной верхушки, и соответствовал арабскому титулу мелик²². Хан был обладателем гражданской, военной и законодательной власти. Если организация миграции кочевников (и полукочевников) требовала руководства, не выходящего за рамки племени, то систематическое ограбление (в виде дани) оседлых обществ требовало надплеменной формы социальной организации и наличия сильной верховной власти. Завоевание византийских территорий, появление в качестве подданных (данников) оседлого населения, оторванность от политического центра власти в Конье, подконтрольной монголам, создавали благоприятные условия для укрепления и расширения сферы верховных прав Османа как предводителя формирующегося Османского государства, что выразилось в присвоении им более высокого властного титула — хан, сохранявшегося в титулатуре османских правителей на всем протяжении их истории.

Османский бейлик в период властвования Османа еще сохранял многие черты архаичности и обретал атрибуты государственности, копируя государственную практику соседних мусульманских бейликов. Интересен в этом отношении эпизод с введением османами базарной пошлыны бадж, как об этом рассказывает, опираясь на сохранившееся устное предание, Ашлык-паша-заде. По словам историка, после захвата греческой Мелангии (*тур.* Караджа Хисар) к Осману явился некий человек из соседнего Гермиянского бейлика и попросил дать ему на откуп городскую базарную пошлыну. Согласно рассказу, Осман проявил полную неосведомленность в том, что касалось баджа, и гермиянец был вынужден объяснять, что собирается взимать с каждого приехавшего на базар торговца особый сбор — бадж, идущий в пользу правителя. Тогда Осман спросил у пришедшего: «Так поступают по воле Всевышнего или это принято у владетелей-беев?» Затем между гермиянцем и Османом разгорелся спор по поводу самого обычая собирать бадж. Пришелец из Гермияна объяснил его смысл, ссылаясь на понятное Осману обычное право — тюре, на что тот сердито возразил, что никто не имеет права на то, чем владеет другой, и согласился с учреждением базарного сбора, лишь убедившись, что такова обычная практика в соседних тюркских бейликах²³. (Об архаичности предания говорит в описании употребление Османом для

обозначения Бога тюркского слова тенгри (*тур.* танры) вместо Аллах.)

Другой османский хронист, Мехмед Нешири, рассказывая о периоде правления Османа и захваченном им Караджа Хисаре, пишет, что в этом городе начали читать хутбу²⁴ с именем Османа, а также чеканить османскую монету²⁵, что являлось важнейшим атрибутом государственности и политической независимости правителя²⁶. Согласно Ашык-паша-заде, в Караджа Хисаре поселились многие приехавшие сюда мусульмане, превратившие местные христианские церкви в мечети и попросившие у Османа назначить в городе кадия (мусульманского судью)²⁷. На самом деле Османский бейлик в начальный период своей истории был довольно слаб политически. Так, чтобы избежать натиска своего более сильного соседа — бейлика Гермиян, Осман был вынужден вступить под покровительство бея эмирата Хамид — Дюндара²⁸. Приходилось ему, по-видимому, считаться и с властью ильханов в Конье²⁹.

Военные предприятия Османа в его бейлике осуществлялись первоначально с помощью сильного конного ополчения, изначально связанного с племенными структурами, а затем включившего в себя постоянно прибывающих на границы воинов-гази из внутренних земель Анатолии. Конное войско Османа отличалось высокими боевыми качествами, было чрезвычайно мобильно и обладало не слишком большой численностью, действуя подчас против превосходящих сил противника с помощью высоко ценимой у тюркских кочевников военной хитрости.

Желая, по всей вероятности, избежать борьбы за верховную власть в бейлике, Осман еще при своей жизни назначил своим преемником своего сына Орхана. Сохранившаяся вакуфная грамота, выданная от имени Орхана, а также монета с его именем, отчеканенная в 1324 г., мюльковая грамота жены Орхана, Аспортче-хатун, где еще упоминается имя Османа, говорят о том, что Осман в 1324 г. был еще жив³⁰.

Ашык-паша-заде оставил нам любопытное сообщение об «имушестве», оставшемся после смерти Османа. Это были потник, который кладут под седло лошади, янчык (боковые прикрытия для лошади), солонка, футляр для ложки, туркменские сапоги из тонкой сафьяновой кожи, несколько лошадей и не-

сколько лично принадлежавших ему стад овец, пасшихся неподалеку от Бурсы (*виз.* Пруса), а кроме того несколько скаковых лошадей, содержавшихся в Султанёню, и несколько пар волов для кибиток. Этот бей-воин, по словам историка, не накопил ни золота, ни серебра, оставив после себя завоеванные им земли³¹.

Перед нами, таким образом, предстает типичный образ правителя «в седле», не имеющего казны и постоянной столицы, а также сформировавшегося и отделившегося от общей массы населения государственного чиновничьего аппарата. Административные дела решались при Османе на совете бея, куда входило его ближайшее военное окружение, старейшины и представители официального ислама и суфийские шейхи.

Помимо военных отрядов, состоявших из всадников племенного ополчения и примкнувших к ним борцов за веру — гази, Осман имел при себе собственную конную дружину, составленную из нукеров — продолжение старой кочевнической традиции, уходящей корнями в центральноазиатское кочевое прошлое³². У монголов нукер являлся свободным воином, служившим своему вождю, становившемуся для него «законным» господином, государем. Именно своих дружинников-нукеров Осман назначал комендантами завоеванных у византийцев крепостей и городских поселений³³.

Пришедший на смену Осману его сын Орхан (ок. 1324—1360) продолжил завоевательную политику своего отца. В период его правления Османский бейлик встал в ряд эгейских бейликов (эмиратов), обрел основные черты мусульманской государственного образования и начал играть заметную роль в политической истории северо-западной части Малой Азии. На военную силу османского бея обратили внимание византийские императоры, завязавшие с ним дипломатические, политические и военные контакты. Первым крупным успехом османов стало завоевание ими византийской Прусы (*тур.* Бурса). С именем Орхана связаны два важнейших военных успеха — в 1331 г. им была захвачена византийская Никея (*тур.* Изник), а в 1337 г. — Никомедия (*тур.* Измид).

Стоящий во главе османского бейлика Орхан, в описании Ахмеди, уже не предводитель отрядов, совершающих грабительские рейды (акыны), а ревностный мусульманин, ведущий со своими воинами священную войну за веру — газа:

Ревнители веры громили врага,
И грозный акын превращен был в газа.

Неверных с обжитых им мест изгоняли,
Закон шариата, ислам утверждали³⁴.

Война с неверными, по Ахмеди, происходит при активной поддержке представителей ислама:

К Орхану те шли, кто с наукой знаком,
Стал прахом кафир их усердным трудом.

Язычника капища, где б ни нашли,
С землею равняли — Создатель Один!

С тех пор долгом веры всем стала война,
Дала всем одежду святая борьба³⁵.

Удачливость, военные успехи, приносящие богатую добычу воинам-гази, поднимали авторитет Орхана, укрепляли его верховную власть, привлекали в его бейлик всех, кто искал себе благосостояние и славу воинов ислама. И это также отражено в дестане Ахмеди:

Пять-шесть крепостей покорились гази,
Сколь много земель захватили они!

Бог дал падишахство Орхану за то.
Воспрянул ислам попеченьем его.

Воспрянул в короткое время народ,
Был бедным, в царя обратился вдруг он.

Удачей Орхана сам Бог одарил,
Взял Бурсу Орхан и ее укрепил³⁶.

Византийский двор в Константинополе долго не верил в возможность падения хорошо укрепленной Прусы под натиском войска рядового тюркского князька и не спешил с оказанием военной помощи осажденным. К тому же в это время в византийской столице были заняты борьбой за власть, которая разгорелась между двумя Андрониками — дедом и внуком. Однако Пруса, длительное время выдерживавшая осаду,

все же была вынуждена сдаться³⁷. Стратиг (комендант) греческой крепости сделал это, заключив договор с осаждающими. По преданию, сохраненному османскими историками, Пруса, окруженная со всех сторон, не имела возможности получать продовольствие, ее защитники испытывали огромные страдания от голода и были вынуждены сдаться³⁸.

Утвердившись на троне, император Андроник III решил военными средствами начать борьбу с новоявленным противником, однако проявил малую информированность и не рассчитал своих сил. Весной 1329 г. он высадился со своим войском на азиатском побережье, желая отвлечь силы османцев от уже осажденной ими Nikei, еще совсем недавно бывшей столицей Византии. Узнав о высадке войска императора, Орхан оставил часть своих сил под осажденной Nikeeй, а сам, с восьмидесятысячным войском, отправился навстречу противнику. 10 июня 1329 г. неподалеку от побережья, при Филокрене, произошло сражение, в результате которого Андроник III потерпел поражение от османских турок и едва спасся вместе с Иоанном Кантакузином³⁹. Военное превосходство османцев было в то время далеко не бесспорным, однако турки навязали грекам бой не на равнинной местности, а в узком ущелье, но, получив таким образом некоторое преимущество, все же в течение дня не сумели одержать убедительную победу и понесли большие потери. Византийское войско сумело устоять против натиска искусной османской конницы, однако ночью Андроник принял решение отойти от турецкого войска, продолжавшего сражаться. При этом туркам удалось разбить вспомогательный отряд византийцев, что явилось началом их окончательного разгрома. Среди греков началась паника, и вслед за своим императором⁴⁰ они обратились в бегство. Теперь ничто уже не могло помочь осажденной турками Nikee, и участь ее была решена.

По рассказам османских историографов, и Nikeя, и Никомедия были сданы туркам на основании заключенных договоров. Греческому населению было разрешено уйти из Никомедии, а покинутые дома заняли мусульмане, переселившиеся с ранее захваченного турками Айдоса. Христианские церкви Никомедии были превращены в мечети, в городе появилась школа-медресе. В том же 1337 г., когда была взята Никомедия, в Бурсе

(бывшей Прусе), по инициативе Орхана, была возведена мечеть, украшенная надписью: «Орхан, султан, [правитель]-гази по праву рождения, урожденный Гази, господин горизонтов, герой мира»⁴¹. Бурса стала городом-ставкой (столицей) Орхана, в которой, правда, он как истинный «правитель в седле» бывал не слишком часто, лишь зимой проживая там более или менее постоянно.

Что касается Никомедии (Измида), то деревни вокруг этого завоеванного города, расположенные на плодородных землях, были переданы Орханом его наиболее отличившимся воинам и представителям военной верхушки в качестве тимаров, условных земельных пожалований, доходы с которых шли их владельцам, несших военную службу у османского бей. Правителем этой захваченной области был назначен старший сын Орхана Сулейман-паша. Другие завоеванные земли Орхан также отдавал в управление представителям военной верхушки и своим ближайшим соратникам.

Османские источники, описывая первые завоевания Орхана, ссылаются на договоры (ахд), по которым византийские греки часто сдавали туркам осажденные ими крепости. Подробные условия этих договоров историками не приводятся, однако есть основания полагать, что они включали в себя часть экономических положений. Обычно под защиту стен крепости, которую брали в осаду турки, уходили окрестные крестьяне. Из чуть более позднего времени турецких завоеваний известно, например, что, когда османы появились на землях Фракии, иногда они получали крепости на условии освобождения местного крестьянского населения от натуральных налогов, при этом греки обещали туркам дань «кровью». Местные крестьяне брали на себя обязательство участвовать в военных походах турок в качестве пехотинцев-гарбаджиев (от *тур.* гарба — копьё). Таким был, к примеру, случай с овладением крепостью Раковицы⁴². Иногда заключались более пространные договоры, как то было при сдаче туркам крепости Цепина. Ее жители послали вестника в Филиппополь (*тур.* Филибе, совр. Пловдив) к турецкому бей-лербею (управителю) Румелии Шахин-паше с предложением своих условий сдачи. Жители соглашались скрыть укрепления в замке Цепины, уплачивать турецкому военачальнику-завоевателю Давуд-паше десятину со всех полевых плодов, а вместо

мусульманского хараджа и других податей поставлять в турецкое войско солдат от 20 до 35 лет (дань «кровью»). Подобная подать «кровью» положила начало турецкому воинскому подразделению войнуков⁴³. В то же самое время жители Цепины просили сохранить для них церковную автономию.

Орхан не ограничился завоеванием византийских земель, рассматривавшихся как земли неверных, против которых велась священная война — газа. Окрепнув, он попытался подчинить своей власти соседний тюркский бейлик Караси. Воспользовавшись междоусобной борьбой, развернувшейся между двумя сыновьями умершего главы бейлика Караси, Орхан сумел подчинить его своей власти. В новоприобретенных городах началась чеканка монет с именем Орхана, а в мечетях читалась хутба с его именем. На службу к новому правителю были вынуждены перейти военные предводители и приближенные прежнего эмира Караси. Наибольшую известность среди них в ранней османской истории приобрел везир сына эмира Караси Хаджи Иль-беги. Управление подпавшими под османскую власть землями Караси Орхан отдал своему старшему сыну Сулейман-паше⁴⁴. В данной связи интересно отметить сохранившийся у османов реликт кочевнической государственности. Акад. В. В. Бартольд писал, что монгольский обычай требовал, чтобы степень удаленности удела каждого сына хана соответствовала его возрасту⁴⁵. Сулейман как старший сын Орхана по мере продвижения османских завоеваний получал в управление все более удаленные от считавшихся коренными земель Османского бейлика. Находясь в пограничных областях, он возглавлял и завоевательные акции османов. Ашых-паша-заде не забывает упомянуть в своем труде, что Мураду, другому сыну Орхана, был предоставлен в качестве удела район Инегель, «так как он был младшим сыном»⁴⁶.

Ширившаяся территориальная экспансия Османского бейлика заставляла соседние тюркские бейлики, имевшие несколько более длительную историю своей государственности, искать дипломатических контактов с османским беєм. Ко времени правления Орхана относятся первые упоминания о политических связях Османского бейлика с тюркским бейликом Гермиян, с беєм которого, Якубом Гермияноглу, Орхан состоял в переписке⁴⁷.

Византия, пытавшаяся военными средствами остановить османскую экспансию и терпевшая в этом поражение, была вынуждена вступить в переговоры с новоявленным мусульманским соседом. Заключив мир с Орханом, византийский император обязался платить османским туркам ежегодную дань в 12 тыс. иперпиров⁴⁸. Получение дани от византийского императора вполне устраивало Орхана, понимавшего, что дальнейшее расширение границ бейлика в сторону северо-запада было едва ли возможно. Гораздо более реальной выглядела территориальная экспансия на юго-западных рубежах, где турками была объявлена война за веру, которую успешно вел сын Орхана Сулейман. Ахмеди так воспел в своем дестане, ратные подвиги Сулеймана и его воинства:

Веленьем тенгри и наказом отца
Велась непрестанно святая война.

Вел много походов во имя ислама,
Наградю слава гази Сулейману.

.....
Вот крепость взята — и в доход ему бадж,
И взят от князьков им обильный харадж.

И там, где кафирская церковь была,
Горят власяницы, сокрушены колокола.

Кафиров ничтожных он предал земле —
И формула истинной веры слышна там везде⁴⁹.

В дестане Сулейман показан ревностным гази, повсюду утверждающим власть ислама. Подобный образ — не только идеализированный образ гази, как того и требовал жанр газават-наме, которым, по существу, является дестан Ахмеди. Сулейману действительно принадлежали большие заслуги по расширению границ Османского бейлика и упрочению османской власти на завоеванных у Византии территориях.

Выход османцев к Эгейскому побережью напротив Галлиполи (*тур.* Гелиболу), начавшиеся их рейды с переправой на европейский берег и наконец осада византийского Галлиполи явились последовательными вехами неуклонной экспансии Османского бейлика, которая осуществлялась силами турецкой

конницы. Внутриполитические события в Византии представляли для этого исключительно благоприятные возможности. После смерти в 1341 г. византийского императора Андроника III власть в империи попытался захватить один из видных представителей византийской знати Иоанн Кантакузин, великий домestik, ставший регентом малолетнего Иоанна V Палеолога (1341—1391). Византия вступила в период гражданской войны, отвлекавшей ее от антитурецкой обороны. Более того, Иоанн Кантакузин в интересах своей борьбы за власть заключил договор о союзе с Орханом, пытаясь использовать появление турок на европейских землях против сербов. Именно Иоанн Кантакузин помог османам утвердиться на европейском берегу и даже выдал свою дочь Феодору замуж за османского бейя. Заключая союз с Кантакузином, Орхан действовал как истинный политик, заинтересованный в создании благоприятных условий для продолжения своей территориальной экспансии. Этим же объясняется и та легкость, с какой Орхан заключил соглашение с политическим противником Иоанна Кантакузина — матерью малолетнего византийского императора Иоанна V Анной Савойской, оказав ей свою военную помощь.

В 1352 г. отрядами сына Орхана, Сулеймана, была захвачена византийская крепость на Галлиполийском полуострове — Цимпе⁵⁰. Следующей его целью стал Галлиполи. Однако стены галлиполийской крепости были столь мощны и внушительны, что захват ее требовал огромных сил и времени. Неожиданный удар стихии, сильное землетрясение, случившееся 2 марта 1354 г., помогло туркам решить и эту задачу. Стены крепости во многих местах оказались разрушенными, чем немедленно воспользовались турки, ворвавшись в город через проломы и овладев городом. Иоанн Кантакузин предложил Орхану выкуп за город, отправившись лично на встречу с ним в Никомедию, однако Орхан уклонился от этого свидания и заключения сделки. Вскоре последовали новые успехи османов в европейских владениях Византии, и встревоженная константинопольская знать перед лицом турецкой опасности даже заговорила о целесообразности перехода под власть Венеции, Сербии или Венгрии⁵¹.

Однако, несмотря на громкие военные успехи, Османский бейлик в это время не был полностью политически независим.

Существуют сведения, что Орхан уплачивал ежегодную дань Хулагуидам⁵² до 1353 г., когда их государство, со смертью последнего ильхана Туга-Тимура, прекратило свое существование. С этого времени Османский бейлик, приобретший славу успешного борца за веру, расширявший границы земель ислама, обратил на себя особое внимание представителей мусульманского духовенства, получившего здесь широкие возможности как для проповеди ислама, так и для личного материального благополучия. Строительство мечетей, медресе, суфийских обителей — текке и завийе — укрепляло духовную власть и позиции представителей мусульманского религиозного авторитета, привлекало на новые земли многочисленных дервишей, тесно связанных с тюркскими народными массами. Предания сохранили некоторые имена авторитетных лиц ислама, искавших покровительства Орхана в его бейлике. Об одном из них упоминает Ахмеди в своем дестане:

О, чистая вера, само благочестье Орхан,
Улем с ним свершенье желаний познал.

К Орхану явился Синан. Он — факир,
И душу Орхана он прочно пленил.

Когда возглашал он: «Ка ал-факр кадану йакун», —
Успех сам шел в руки, богатство росло.

В угоду наук об Аллахе пашой его сделал Орхан,
Богатство, почет, положенье познал при Орхане Синан⁵³.

Григорий Палама, известнейший византийский богослов, оказавшийся в 1354 г. в плену у османских турок, получил возможность принять участие в религиозном диспуте, состоявшемся между христианами и сподвижниками Орхана, и оставил его интереснейшее описание, помогающее составить представление об исключительной интенсивности религиозной жизни в Османском бейлике в ранний период его истории⁵⁴.

Военные силы, с помощью которых были сделаны первые территориальные завоевания османских турок, не выглядели слишком значительными. Главной силой турок была конница. Для ее переправы на европейский берег Эгейского моря требовались суда и морские экипажи, которыми османы без труда

обзавелись в сравнительно короткое время. При Орхане у них появилась достаточная флотилия для переправки своих воинов с азиатского берега на европейский. Более того, известна попытка турок после захвата ими в 1337 г. византийской Никомедии подойти на захваченных ими там судах к Константинополю, в тот раз оказавшейся, конечно, неудачной⁵⁵. Османский флот в это время значительно уступал флоту, к примеру, бея тюркского Айдынского бейлика, успешно совершавшего рейды в водах Эгейского моря.

Завоевания турок в Европе первоначально велись в основном силами всадников-акынджи (от *тур.* акын — набег), значительную часть которых составляла племенная конница. Очень рано, уже при Орхане, кочевников из анатолийских земель Малой Азии начали размещать в пограничных европейских землях⁵⁶, где они либо вскоре переходили к оседлости, либо находили места для продолжения традиционного для них кочевого (точнее, полукочевого) образа жизни. Воины-акынджи по-своему понимали задачу постоянных набегов на соседние территории, руководствуясь традиционным пониманием целей набега-акын. Своими целенаправленными грабежами, стремительностью и неожиданностью набегов они наводили ужас на жителей земель, подвергавшихся нападению. Отправляя кочевников на окраины своих владений, Орхан проводил политику, свойственную еще Сельджукидам. Быстро феодализировавшаяся военная верхушка Орхана, получавшая за свою службу тимары или мюльки (безусловные земельные пожалования), видела в кочевниках беспокойный социальный элемент, приносивший значительный вред земледельческому населению тех мест, подати с которых составляли доход османских конных воинов — тимариотов, а также владельцев мюльковых земель.

Первые османские хронисты, рассказывая о начальных завоеваниях османов, дают возможность составить представление о том, как складывались первоначальные отношения турецких завоевателей с массой местного греческого населения. Так, например, Ашык-паша-заде, описывая осаду турками византийской Никеи, сообщает, что окрестные села, которые исстари являлись поставщиками продовольствия для горожан, были отданы Орханом своим воинам в качестве тимаров. Крестьяне этих деревень, само собой разумеется, были обложены податью

в пользу своих новых владельцев, и подать эта была значительно легче налогов, которые греческие крестьяне прежде платили своим прежним владельцам — грекам. Ашык-паша-заде описывает, как крестьяне этих деревень во время осады призывали осажденных сдаться туркам, вкладывая в уста крестьян следующие слова: «Выходите, дайте себе отдых. Мы его [уже] получили»⁵⁷.

Известно, что в эпоху Сельджукидов, и позднее, во второй половине XIII—первой половине XIV в., в период монгольского завоевания, тюркские и монгольские феодалы совершенно не интересовались производственной деятельностью сидевших на их землях крестьян, не имели собственного господского хозяйства, ограничиваясь получением положенного им дохода. Обычно до наступления старости они и не жили в пожалованных им деревнях, проводя летнее время в военных походах или в ставке верховного правителя, а зимой перебирались в свои городские дома, при этом не порывая совсем с традиционным для кочевников образом жизни — не забывая о своих летовках и зимниках. С предоставленных им в пользование деревень они лишь взимали, как правило, продуктовую ренту⁵⁸.

Мы имеем возможность оценить положение греческого (городского) населения, подпавшего под османскую власть, благодаря сообщениям византийских авторов. Например, Никифор Григора замечает по поводу взятия турками Никеи в 1331 г., что, «безнаказанно поселившись в приморских местах Вифинии, варвары (имеются в виду османские турки. — *И. П.*) наложили самые тяжелые дани на оставшихся в небольших городах»⁵⁹. Эта оценка отражает отношения, складывавшиеся у османов с греческими торговцами и ремесленниками. Описывая первые турецкие завоевания, османские историографы сообщают, что покинутые жителями дома в завоеванных турками городах отдавались воинам Орхана. В жены им часто передавались гречанки, потерявшие своих мужей при захвате города. Так было при завоевании турками Никеи⁶⁰. Практика предоставления пленниц в жены турецким воинам была довольно распространенной. По понятиям тюрок, девушки и женщины-пленницы всегда считались ценной добычей, так как женитьба на соплеменницах требовала больших расходов на выкуп и подарки, которые нужно было дарить родителям невесты⁶¹.

Много споров у историков вызывал вопрос о том, заставляли ли турки насильно принимать ислам своих новых христианских подданных. По-видимому, случаев насильственного принуждения к этому было мало. Османские турки не проявляли в то время никакого религиозного фанатизма. Известно, что еще Осман, если это было нужно, привлекал к своим военным операциям христиан, обращая мало внимания на их вероисповедание. Сохранился рассказ о военном сподвижнике Османа Михале (Михаиле), который прославился как отменный воин и тактик, к тому же прекрасно ориентировавшийся на местности. Длительное время он участвовал в военных операциях Османа, оставаясь христианином, и стал в конце концов мусульманином, идя навстречу пожеланию Османа⁶².

Добровольное принятие ислама жителями городов, захваченных турками-османами, было распространенным явлением. Об этом можно судить хотя бы по посланиям греческого патриарха жителям Никеи с требованием не отречься от христианской веры, датируемые 1339 и 1340 гг.⁶³ Известно, что, обращаясь к Иоанну Кантакузину в амвона церкви св. Софии, Димитрий Кидони с горечью возглашал: «Проклято время наше, и неслыханны грабежи постоянно призываемых полчищ Омар-бея и Урхана. Наступило время божьего заступничества, ибо народ, ожидая божьего суда, теряет веру. Много христиан сделались споспешниками турок. Простонародье предпочитает сладкую жизнь магометан христианскому подвижничеству»⁶⁴.

Однако отсутствие принуждения в делах веры не означало ее малого значения в жизни Османского бейлика. Орхан в гораздо большей степени, чем его отец Осман, использовал авторитет ислама для укрепления своей власти и политического влияния. В его окружении находилось немало представителей религиозного авторитета — мусульманских богословов и суфийских шейхов, которые в XIII—XIV вв. еще не представляли собой двух строго обособленных групп в исламе, как то было позже⁶⁵. В интересах поднятия авторитета верховной власти использовались даже старые, домусульманские верования и представления, которые еще далеко не были изжиты в тюркской народной среде. Проводниками и хранителями этих народных верований во многом были странствующие дервиши, относящиеся к тому или иному суфийской тарикату (учению).

В этом отношении очень показателен рассказ, согласно которому, один из суфийских дервишей, явившийся в столицу Орхана, Бурсу, посадил у ворот его дворца деревце тополя⁶⁶. Значение этого действия было совершенно понятно как Орхану, так и его окружению. Следует вспомнить о почитании древними тюрками священных деревьев — остатки этого культа прослеживаются в тех сохранившихся преданиях, которые включил в свой труд Ашык-паша-заде⁶⁷. В данном случае посаженный дервишем тополь являлся символом мирового дерева, соединяющего три сферы — подземное царство, землю и небо. По поверью о «мировом дереве», о тополе с золотыми ветвями, связанного с небесной сферой и растущего в центре земли, действия дервиша должны были символизировать особое (центральное) положение османской столицы и самого Орхана. Первые османские правители, еще сохранявшие племенное сознание, чтити предания и обычаи своего не столь далеко кочевого прошлого. Присутствие на их землях значительных масс племен, ведущих кочевой образ жизни, являлось постоянной питательной средой для сохранения многих архаичных черт османского социума, во многом предопределяло синтетический характер религиозных верований основной массы тюркского населения. Сохранением этих старых религиозных представлений объясняется, на наш взгляд, столь сильное влияние в жизни Малой Азии суфизма, проявлявшего известную гибкость и терпимость к дому-сульманскому пласту верований турок, а также умение использовать эти верования в целях пропаганды ислама.

Орхан выказывал большое уважение суфийским дервишам, заботился об их материальном благосостоянии, строя для них обители-завийе и посвящая доходы с учреждаемых им вакуфов на их содержание и благотворительную деятельность. По преданию, и сам Орхан любил проявлять свое благочестие и, бывало, собственноручно раздавал приготовленную в имарете⁶⁸ пищу странникам и зажигал для них светильники. Скорее всего, Орхан был мюридом какого-то шейха, а по правилам, принятым в суфийской среде, мюриду полагалось добровольно выполнять какую-либо возложенную на себя послушническую «черную» работу⁶⁹.

Внимание и щедрость к представителям религиозного авторитета позволяли повышать престиж Османского бейлика

в ряду других тюркских государственных образований Малой Азии. Переезд в османскую столицу влиятельных улемов и шейхов из других бейликов способствовал, кроме того, поднятию культурного уровня бейлика, ставя его в один ряд с другими мусульманскими государственными образованиями того времени. Сохранившиеся имена первых османских улемов говорят о том, выходцами из каких мест они были. Так, мюдеррисом учрежденного в Изнике медресе стал вначале Давуд Кайсери, приехавший из Кайсери, о чем свидетельствует его прозвание (нисба). Затем его сменил выходец из Коньи — Тадж ад-дин Курди⁷⁰. Сохранилась вакуфная грамота брата Орхана, Алаэддин-паши, который, по некоторым сведениям, был его везиром. В этой грамоте от 733 г. хиджры (1332—1333), составленной на арабском языке, говорится, что Алаэддин учреждает вакуф в пользу имамов, факиров и нищих из доходов двух своих деревень, являющихся его мюльковой собственностью. Эти обращенные в вакуф деревни, по условиям завещания, не могли быть проданы, подарены, отданы в залог или переданы в качестве мюлька какому-либо другому лицу⁷¹. Наличие такой грамоты показывает, что прибывавшие в Османский бейлик улемы, шейхи и дервишы могли рассчитывать на щедрость своих высоких покровителей. Ясно, что составление подобных грамот было возможно лишь при наличии достаточной прослойки образованных людей, которые собственно и являлись проводниками мусульманской культуры и учителями государственности в молодом Османском государстве. При этом происходило прямое заимствование уже существующих социальных, экономических и культурных институтов, характерных для государств мусульманского мира.

Говоря о благотворительной деятельности османских правителей по отношению к служителям ислама, нельзя не вспомнить о вакуфной грамоте самого Орхана, датированной 1324 г., согласно которой он завещал в вакуф доходы от принадлежавшей ему на правах мюлька деревни в пользу учреждаемой им ханаки — дервишеской обители. В тексте, составленном на персидском языке — литературном языке Румского султаната, говорится о том, что наследственным мютевелли⁷² этого вакуфа назначается освобожденный Орханом раб по имени Таваши Шерефеддин Мукбили. В вознаграждение за службу в ка-

честве мютевелли последнему должна была идти десятая часть доходов переданной в вакуф собственности⁷³.

Одним из важных элементов ранней османской государственности являлись религиозные братства ахи, тесно связанные с городской культурой Малой Азии (значительную часть ахи составляли ремесленники). Первые связи османских беев с ахи относятся, по-видимому, еще к концу правления Османа. Во всяком случае, ахи присутствуют на выборах беем Орхана. Османская историческая традиция утверждает, что ахией был тесть Османа шейх Эдебалы⁷⁴. Синкретическое в своих воззрениях и ритуалах мусульманское братство ахи⁷⁵, корни которого следует искать в раннем суфизме, организовавшемся как футувва еще в IX—X вв., впитало в себя многое из христианских воззрений. Желать другим то, что желаешь себе, искоренять свои недостатки и слабости, бороться с корыстолюбием, являть милость и бескорыстие к ближнему — эти принципы в свое время были обнародованы в трактате суфийского шейха ас-Сухраварди (1145—1234/35). Одним из важных обрядов суфийского братства ас-сухравардийа, а впоследствии и ахи, был ритуал опоясывания кушаком — повязывания пояса, что являлось ритуалом инициации. Значение этого акта состояло в том, что посвящаемый «отрешал свой живот» от запретного, язык — от клеветы, глаза — от выдачи увиденного, уши — от услышанного и т. д. В организацию не могли быть приняты люди, пившие вино, совершавшие прелюбодеяния, лжецы, доносители и клеветники. Одежнием посвященных являлись шаровары и пояс. Им предписывалось быть щедрыми, трудолюбивыми, овладевать каким-либо ремеслом. На малоазийской почве футувва охватила собой главным образом ремесленников, привлеченных провозглашавшимися футувва принципами товарищества, взаимопомощи и сочувствия к народным нуждам. Члены религиозного братства футувва в Малой Азии стали известны под именем ахи.

Ахии как сильная, сплоченная, богатая и влиятельная городская социальная группа явились во многом важным цементирующим элементом молодого турецкого государства и их поддержка придавала вес молодой османской династии, чем она на первых порах активно пользовалась. Примечательно, что сын Орхана Мурад I (1360—1389) счел необходимым сам всту-

пить в братство ахи и достиг степени шейха, имевшего право посвящения новых членов⁷⁶.

Важнейшим фактором развития османской государственности следует считать создание при Орхане основ той военной организации, которая позволила туркам со временем одерживать свои знаменитые победы в Европе, Азии и Африке. При Орхане был заложен фундамент пехотного войска, впоследствии ставшего известным как янычарское. Ранние османские хронисты донесли до нас предание о создании первой османской пехоты, носившей название *яя*. Из сообщений византийского историка Никифора Григоры известно, что уже в сражении османских турок с византийцами при Пелеканоне (1329) в войске Охрана имелась легкая и тяжелая пехота⁷⁷.

По преданию, сохраненному османскими историческими сочинениями, пехота под названием *яя* была учреждена по личному приказу Орхана. Она была укомплектована первоначально из добровольцев, набранных на территории Османского бейлика. Запись в эту пехоту велась кадием. Желающих было так много, что за право поступить на эту военную службу даже давали взятки⁷⁸. Мехмед Нешри пишет, что создаваемое пехотное войско замышлялось как личное (*хасс*) войско Орхана, комплектовавшееся из числа крестьян (*реайя*). Именно этим Нешри объясняет большое число добровольцев, желавших вступить в новое войско. Они обретали более высокий социальный статус и, что весьма важно, получали жалованье⁷⁹. Ашык-паша-заде рассказывает, что запись в пехотное войско производил Чандарлы Халиль, кади Биледжика (греч. Белакома). Именно он, по словам Ашык-паша-заде, когда у него спросили совета по поводу создания пехотных частей, предложил набирать пехотинцев из *иля*⁸⁰. Употребление этого древнетюркского слова (*эль*, *осм. иль*)⁸¹ указывает на то, что производить набор предполагалось из тюркского населения Османского бейлика. Подтверждением такого понимания термина служат и более поздние сообщения османских авторов. Рассказывая о создании пехотного войска *яя*, они прямо пишут о том, что набор производился среди турок. В частности, автор компилятивного труда по истории османской династии Саадэддин, составивший свое сочинение в конце XVI в., говорит о том, что набор в пехотное войско *яя* был произведен среди турецких юношей⁸².

Мехмед Саадэддин, пользовавшийся трудом Ашык-паша-заде, не идентифицирует Халиля как кади Биледжика Чандарлы Халиля, жившего при Мураде I. Подчас неверное указание времени событий у Ашык-паша-заде возникает в результате одновременного использования им различных источников, в том числе и устных преданий, что порождает многие контаминации. Ахмеди, на наш взгляд, довольно точно воспроизводящий в своем дестане основные события начальной османской истории, относит время деятельности Халиля ко времени правления Мурада I⁸³.

Гораздо более поздний (начало XVII в.) анонимный создатель трактата о янычарском корпусе «Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи», пользовавшийся в своем труде по истории янычар хроникой Саадэддина, вносит новые детали в историю создания османами пехотного войска яя. Он пишет, что его учреждение диктовалось необходимостью ведения осад крепостей. Так же, как и Саадэддин, он сообщает, что набранным пехотинцам-яя платили жалованье. У Саадэддина указана цифра 1 акче⁸⁴, у анонима, автора «Мебде-и канун» — 2 акче⁸⁵ в день. Оба автора согласно пишут, что служба солдат яя ограничивалась временем военного похода. По окончании военной кампании они возвращались в свои родные места и продолжали заниматься крестьянским трудом. За свою службу солдаты яя освобождались от уплаты налогов в пользу казны⁸⁶.

Так же следуя тексту труда Саадэддина, автор «Мебде-и канун» пишет, что солдаты яя показали свою крайнюю недисциплинированность как во время военной службы, так и по возвращении в свои родные места. Поэтому от услуг турецких крестьян со временем было решено отказаться, а в пехотинцы начали набирать сыновей христиан крепкого телосложения. Их обращали в ислам, а затем использовали при взятии крепостей. За несколько лет таких пехотинцев набралось около тысячи человек. Жалованье им было положено по одному акче в день, но, как пишет Саадэддин, некоторым платили больше — в зависимости от выполняемых ими военных обязанностей. Так было положено начало, утверждает этот османский историк, янычарскому войску⁸⁷.

Не вполне ясно, являлись ли эти первые пехотинцы-янычары лично свободными людьми или они имели статус рабов,

набирались ли они из числа захваченных в плен христиан или это были насильственно забранные на военную службу христианские юноши из числа жителей захваченных турками земель. Ничего неизвестно и о порядке службы этих первых янычар в невоенное время. Ясно одно — янычарское войско (*тур.-перс.* йени чери — новое войско) было создано исходя из военных потребностей — для использования его при осаде крепостей вместо солдат яя. Отсюда, вероятно, идет название янычарской офицерской должности яябаши. При Мураде I, сыне Орхана, развитию этого нового войска был придан значительный импульс. Известно, что оно стало комплектоваться на регулярной основе из числа захваченных в плен юношей-христиан, проходивших перед зачислением в янычарское войско предварительную подготовку, о чем речь пойдет ниже. Растянувшийся по времени период формирования янычарского корпуса при Орхане и Мураде объясняет то, что османские историографы относят его создание либо к периоду правления Орхана, либо к периоду правления Мурада I.

Орхан, расширивший границы Османского бейлика и заложивший основы государственных институтов, позаимствованных у соседних тюркских бейликов, осколков Румского султаната, установивший политические и экономические связи со своими тюркскими соседями и со средиземноморскими владельцами, оставил своему сыну Мураду I (1360—1389) достаточно сильный бейлик, способный соперничать с ними во многих отношениях.

По всей видимости, Мурад был младшим сыном Орхана. Об этом можно судить по одному из сообщений Ашык-пашазаде, который пишет, что Орхан пожаловал Мураду область Инегель, «так как тот был младшим сыном»⁸⁸. Область Инегель являлась частью изначального ядра Османского бейлика, а согласно существовавшему у кочевников обычаю юрт отца передавался в управление именно младшему сыну⁸⁹. Между тем верховная власть по тюркскому обычаю должна была переходить по старшинству — либо к брату покойного правителя, либо к старшему сыну — практика, начавшая превалировать у османских турок, однако еще прочно не утвердившаяся. После смерти отца Мурад вступил в борьбу за власть с другими сыновьями Орхана. Об этой разгоревшейся схватке вскользь

замечает в своем дестане Ахмеди, описывая начальный период правления Мурада:

И затеяли братья с ним злую войну,
Всех он их погубил, власть спасая свою.⁹⁰

Толчком для начала междоусобной борьбы за верховную власть стала преждевременная смерть старшего сына Орхана — Сулеймана, умершего еще при жизни отца. Судя по совершенному в начале своего правления походу против восставшей Ангоры (совр. Анкара), Мурада поддержала военная верхушка, имевшая решающий голос в вопросе о власти.

В 1362 г. ахии Ангоры объявили об учреждении здесь собственного правления, независимого от власти Мурада, что имело связь с междоусобной борьбой внутри османской династии. Бунт против османской власти разразился в Ангоре, как считается, при подстрекательстве караманского бей, пытавшегося таким образом ослабить растущую силу Османского бейлика⁹¹. Этот эпизод открывал одну из первых страниц долгой политической борьбы между двумя тюркскими государствами, одно из которых — Караманский бейлик, со старинной столицей в Конье, считало себя прямым продолжателем и наследником государственности Сельджукидов Рума. Из последующей истории известно, что караманские беи не упускали ни малейшей возможности использовать междоусобную борьбу внутри османской династии для усиления собственных политических позиций.

Для нас поход Мурада против восставшей Ангоры важен в том отношении, что в связи с ним османские хронисты упоминают о существовании в это время у османов состоявших на жалованье придворных кулов (рабов), входивших в состав личной гвардии османского бей. Мехмед Нешри пишет, что при подходе войска Мурада к Ангоре затеявшие смуту ахии выступили ему навстречу и начали бросать под ноги свиты Мурада серебряные монетки-акче. Среди участников торжественного шествия это вызвало беспорядок и суматоху, так как «кулы» с жадностью бросились подбирать раскиданные монеты. Разгневанный этим Мурад обвинил своих гвардейцев в жадности, напомнив, что платит им за их службу жалованье⁹². Среди этих

«кулов» на жалованье, скорее всего, следует искать и янычар, которые являлись частью придворного султанского войска, носившего название капыкулу (*букв.* рабы двора).

В 1362 г. османские турки сумели отнять у византийцев Адрианополь, который с 1365 г. стал европейской столицей Османского бейлика, получив турецкое название Эдирне. Чуть ранее Мурадом была захвачена византийская Дидимотика. Эти приобретения дали османам возможность прочно обосноваться на европейских берегах Эгейского моря и начать регулярные нападения на фракийские земли. Эти набеги совершались силами пограничной турецкой конницы акынджи. Нешри сообщает, что после перенесения Мурадом столицы в Эдирне пограничные силы османов, состоявшие из всадников (сипахи), совершали регулярные рейды против болгарских земель в районе Ипсалы и Загоры, доходя до Филиппополя. Военными предводителями этих набегов стали Лала Шахин и ренегат, бывший христианин, Эвреноз-бей, как и упоминавшийся выше Михаль-бей ставший основателем известной в османской истории сипахийской фамилии. Эти набеги, совершавшиеся по большей части с грабительскими целями, из желания «подкормить» своих акынджи, приносили богатую добычу и значительное число пленников. Именно увеличившееся их число натолкнуло турок на мысль о возможности использовать их в качестве особых султанских кулов (гулямов). По сообщению османских историографов, было принято решение взимать пятую часть этой живой добычи в пользу османского бей. По преданию, введение такого рода пятин, известной исламу, произошло по инициативе улема Кара Рустема, перебравшегося на службу к Мураду из Караманского бейлика. Кара Рустем обратился к османскому войсковому кади (кадиаскеру) Чандарлы Халилю с вопросом, почему при совершаемых турками набегах теряется столь много из того, что могло бы принадлежать верховному правителю. При этом Кара Рустем разъяснил, что согласно мусульманскому закону правителю принадлежит пятая часть захваченной во время газа добычи. Чандарлы Халиль поручил взимать указанную пятину (*араб.* хамс, *перс.* пенчик) самому Кара Рустему. С каждого всадника, перебивавшегося с добычей на азиатский берег, начали требовать уплаты двадцати пяти акче за каждого перевозимого им пленника. Нешри, который пишет об этом, со-

общает дополнительно, что в его время помимо взимания этой пятины, войны должны были платить еще и сбор за их провоз (гечит акчеси). По его словам, войны старались обходным путем переправлять своих пленников на азиатский берег, чтобы не платить этих денег⁹³. Практика взимания пятины с захваченной добычи до начала ее применения османскими турками уже существовала в Айдынском бейлике⁹⁴.

Через какое-то время возглавлявшим набеги Эвреноз-бею и Лала Шахину было поручено забирать в пользу Мурада I не деньги, а одного из пяти захваченных пленников. Если у воина было меньшее их число, он был обязан уплатить денежную пятину. Отряды акынджи сопровождали кадии, которым поручалось заниматься этим сбором. По рассказу все того же Нешри, таким образом постепенно набралось большое число пленников-христиан, которые доставлялись в распоряжение Мурада. По совету Чандарлы Халиля их начали отдавать в работы турецким крестьянам, где они обучались турецкому языку и постигали основы ислама, а после этого их зачисляли в «новое войско» (йени чери)⁹⁵. Комплектование нового войска было возможно лишь при достаточно большом числе пленников, поступавших в пользу Мурада. Скорее всего, избегая уплаты пятины деньгами, турецкие войны старались заполучить как можно большее число пленников, чтобы расплатиться «натурой».

Ашык-паша-заде, у которого во многом заимствует свой рассказ о начале янычарского войска Нешри, уточняет, что местом сбора пенчика был Гелиболу. Он пишет, что взимание живой пятины велось под началом Эвреноз-бея, который учредил для этого должность специального кадия⁹⁶. Именно в подчинении Эвреноз-бея находились крупные силы акынджи, совершавшие постоянные набеги на христианские земли и поставлявшие пленников.

Ашык-паша-заде поясняет, почему войско, составленное из пленников, получило свое название йени чери — новое войско. Он пишет, что так оно было названо потому, что являлось постоянным (езел)⁹⁷ — в отличие от конного, собиравшегося лишь на время ведения военных походов.

Особый характер созданного войска из кулов (рабов), какими юридически являлись пленники, Ашык-паша-заде подчеркивает приводимым им бейтом:

Нужно новое войско иметь при дворе,
Дабы хана хранило всегда и везде⁹⁸.

Из этого ясно, что новое войско — йени чери — первоначально являлось, по сути, личной гвардией султана. Пленники (ими были христиане) могли принадлежать к самым разным этносам — в зависимости от того, в какой местности они были захвачены. Это были болгары, сербы, греки, оказавшиеся в плену во время крупных набегов и завоеваний на европейских землях.

Некоторые сведения о начальной истории янычарского корпуса приводит анонимный автор «Мебде-и канун». По его словам, комплектование войска из пленников-христиан, которых называли аджеми огланами (чужеземными юношами), началось еще при жизни старшего сына Орхана Сулеймана. Собранных в Гелиболу юношей стали записывать в состав «нового войска» (йени чери) с назначением им ежедневного жалованья в 2 акче уже после прихода к власти Мурада I. Аноним пишет, что для перевозки анатолийского конного войска сипахи на европейский берег (для участия в походе против Валахии) в прибрежных Лапсеки и Чардаке были построены два судна, гребцами на которых использовались солдаты яя и азебы. Но они показали себя крайне недисциплинированными и было решено заменить их пленниками-христианами. Они должны были прослужить впоследствии на судах 5—10 лет, после чего их зачисляли в янычарское войско. Во время этой службы в качестве гребцов им платили по 1 акче в день, а при переходе на военную службу в янычарский корпус поднимали им жалованье до 2 акче⁹⁹.

Упомянутый столь ранний турецкий поход против Валахии во время правления Мурада I мог быть походом болгарского царя Шишмана (против валашского господаря Владислава), в котором приняли участие и османские воины. Об этом событии, относящемся, по-видимому, к 1366 г. есть упоминание в одной из исторических грамот¹⁰⁰.

Некоторую путаницу в вопрос о ранней истории янычарского войска вносит рассказ анонима о появлении пенчик кулу, пленников, набранных в качестве пятины. Согласно ему, после обнаружения малой военной пригодности пехотинцев яя был отдан приказ совершить набег на византийские владения в окрестностях Биледжика и пятую часть захваченных пленни-

ков, которых набралось 300 человек, внесли в дефтер (реестр) «нового войска»¹⁰¹.

Биледжик был захвачен османскими турками еще при Османе. Из рассказа анонима выходит, что новое пехотное войско над названием янычар начало создаваться уже при нем. Это сообщение как будто бы подтверждается словами византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила, который пишет о создании Османом особого военного подразделения из воинов, которые должны были постоянно находиться при нем, т. е. речь идет о личной гвардии Османа. «Сейчас они называются янычарами», — добавляет историк. Халкокондил пишет, что с их помощью Осман держал в повиновении своих подданных, заставляя их выполнять его указы¹⁰². Однако Халкокондил, по всей видимости, путает янычар с военной дружиной Османа, состоявшей из нёкеров, которые служили османскому бегу. Однако они являлись свободными людьми, а не обращенными в ислам рабами. Институт нёкеров (нукеров) был известен в Мавераннахре в XIV в., где кочевые ханы имели «собственную тысячу», которая набиралась из представителей какого-либо рода (племени)¹⁰³. В этой связи приходит на память и первоначальная тысяча «янычар», о которой сообщает Саадэддин.

За отсутствием османских письменных источников, относящихся ко времени правления первых османских правителей, учитывая тот факт, что первые труды по собственно османской истории во многом питались сохранившимися устными преданиями, представляется невозможным с точностью реконструировать события, связанные с созданием янычарского войска. Мозаичность картины и непоследовательность отрывочных сообщений говорит лишь о том, что янычары появились уже при первых османских правителях, комплектовались разными способами и исполняли роль «придворного» войска. Их функции со временем расширялись и дифференцировались. Янычары выполняли роль пехотинцев, главная функция которых заключалась в их участии в осадах турками крепостей, в то время как комплектовавшаяся из пленников придворная гвардия османских правителей выделилась как особое подразделение. С достаточной определенностью мы можем говорить лишь о том, что пехотное янычарское войско, комплектуемое из пленников-христиан, считавшихся рабами правителя Османского бейлика,

могло сформироваться лишь при Мураде I, когда европейские завоевания османских турок приобрели достаточный размах, принося большое число пленников, часть которых вошла в состав «нового войска».

Цель создания «придворного» войска капыкулу первоначально едва ли была только военной. Османский правитель обладал достаточно сильной армией, в которую входили всадники-сипахи, пехотинцы-азебы, крестьянское ополчение, привлекаемое для военной службы на время военных походов, солдаты яя. Создание войска, отличного от сипахийского, в немалой степени было связано с нуждами формирования османской государственности, с возросшим осознанием османскими беями своего политического значения как мусульманских правителей, с их стремлением — с помощью копирования государственных институтов других мусульманских государств — на равных вписаться в число окружающих мусульманских владетелей. Нельзя не отметить и того, что создание придворного войска из рабов (кулов) могло быть связано с междоусобной борьбой за верховную власть внутри формирующейся османской династии. Придворное войско, составленное из рабов, представляло собой силу, независимую от родоплеменных образований. С его созданием османский правитель получал инструмент укрепления своей верховной власти. Важным условием существования подобной придворной гвардии являлось наличие столичного города, каким при Мураде стало Эдирне.

В связи с историей создания янычарского корпуса нельзя не отметить еще одного обстоятельства. Уже давно историки обратили внимание на то, что головной убор янычар, а именно белый колпак со свисающей сзади широкой полосой, похожий на надетый на голову рукав, напоминает головной убор малоазийских ахи. Патроном мусульманского братства ахи считался халиф Али — почитаемый у шиитов зять пророка Мухаммада. Патроном янычар также считался Али, что пришло к ним, как считается, через орден бекташи, имевший большое влияние в янычарском корпусе. У янычар, как и у бекташи, практиковалось безбрачие. Все это привело акад. В. В. Бартольда к заключению, что первоначально история янычар была тесно связана с братством ахи, как о них рассказывает арабский путешественник Ибн Баттута¹⁰⁴.

Действительно, некоторые черты сближают братство ахи и «братство» янычар, однако из этого не следует, что янычарский корпус напрямую связан с организацией футувва. По-видимому, можно говорить лишь о том, что янычарский корпус изначально оказался под влиянием ордена (тариката) бекташи, основателем которого был Хаджи Бекташ. Автор «Мебде-и канун» пишет, что законы и правила янычар такие же, какие предписывал своим ученикам Хаджи Бекташ Вели: янычары не должны были жениться и отпускать бороду до тех пор, «пока совсем не состарятся»¹⁰⁵. Он рассказывает также историю появления головного убора специфической формы, какую носили янычары. Согласно ему, во время переезда отца Хаджи Беташа Вели в Малую Азию, его сын, сам Хаджи Бекташ, поранил себе ногу. Отец велел перевязать ему пораненное место оторванным от своей накидки рукавом. Однако Хаджи Бекташ, вместо того чтобы перевязать этим ногу, из почтения к отцу, надел оторванный рукав себе на голову, положив, таким образом, начало новому виду головного убора. От сына Хаджи Бекташа, Тимурташа Деде, форма этого головного убора якобы перешла к янычарам¹⁰⁶.

Скорее всего, эта легенда (позднего происхождения) была призвана подчеркнуть связь бекташийского ордена с янычарами. Сам вопрос о возможных связях первых янычар с представителями малоазийского суфизма и организацией ахи требует специального изучения, что представляет большие трудности из-за скудости источников и их позднего происхождения. Возможно, существует, как считал В. В. Бартольд, связь между ахи и бекташи, в которых этот авторитетнейший востоковед видел лишь «преобразованных» ахи.

При невозможности воссоздать из мозаики исторических сообщений подлинную картину создания янычарского корпуса с правильной последовательностью событий можно все же с уверенностью сказать, что янычарский корпус как пехотное регулярное войско сформировался далеко не сразу, возник на основе придворной гвардии гулямов (кулов), комплектовавшейся главным образом из захваченных пленников-христиан. И лишь со временем, отпочковавшись от нее, превратился в войско, ставшее известным под именем янычар. При этом сложились, основные черты и способ его комплектования, формы его тюркизации и исламизации.

Глава 2

КОМПЛЕКТОВАНИЕ И СТРУКТУРА ЯНЫЧАРСКОГО КОРПУСА

Введенный при Мураде I сбор пятины (хумс, пенчик), в какой-то момент распространенный на захваченных пленников, заложил основу для создания придворного войска, частью которого стал янычарский корпус. Было ли это в XIV в. единственным способом его комплектования? Туркологи уже давно обратили внимание на содержание одной из речей Фессалоникского митрополита Исидора, произнесенную им в 1395 г. В ней упомянуто о какой-то «дани детьми», собираемой турецкими эмирами (военными предводителями пограничных войск сипахи)¹. Исидор описывает горе родителей, теряющих своих детей, и страдания самих детей, вынужденных менять свою жизнь и терять свой язык, дабы стать орудием, по словам митрополита, «всякого зверства и гнусностей», превратиться из свободных людей в рабов². Оставим в стороне эмоциональную окраску этих слов. Она вполне объяснима. Турки в конце XIV в. уже хозяйничали на европейских землях, отнятых у Византии. Глубокие рейды турецких акынджи не приносили христианским жителям ничего, кроме потерь и страданий, и византийское духовенство с тревогой следило за военными успехами мусульманских завоевателей. В данном случае важно другое. Митрополит Исидор, по всей видимости, говорил о хорошо знакомой ему практике набора турками христианских мальчиков и их последующей судьбе. Известно, что он бывал в Малой Азии до 1393 г. и посетил, в частности, двор сына Мурада I Баязида I (1389—1402), добываясь у турок выдачи захваченных ими пленных³. Описывая свои впечатления от посещения столицы ос-

манского правителя, Исидор упоминает о придворных рабах и о пребывании пленных юношей в земельных владениях турецких феодалов и турецких крестьянских хозяйствах⁴. Это подтверждает достоверность сообщения Ашык-паша-заде, который, рассказывая о создании при Мураде I янычарского войска, пишет, что набранных христианских пленников на несколько лет отдавали азиатским туркам и лишь затем доставляли для службы ко двору.

Исидор знал, о чем говорил и о чем хлопотал, желая спасти христиан от турецкой неволи. После многолетней осады турками города Фессалоники (*тур.* Селяник) в 1383—1387 гг. город оказался под их полным контролем. Там был оставлен турецкий гарнизон, а после смерти в 1391 г. византийского императора Иоанна V Палеолога османский султан Баязид ввел в городе турецкое управление и объявил о наборе христианских мальчиков в янычары⁵. Это было началом той практики рекрутирования, которая получила название девширме.

С конца XIV в. набор христианских детей в янычары производился, по-видимому, при взятии турками крепостей достаточно часто. К сожалению, исторических свидетельств подобного рода сохранилось очень мало, но для чуть более позднего времени они все же есть. Известно, например, что, осаждая крепость Янина в 1430 г., турецкий военачальник Синан-паша отправил осажденным письмо, в котором предлагал им сдаться добровольно, за что обещал не производить набора-девширме среди городских жителей⁶.

П. Виттек, исследуя вопрос о религиозно-правовой основе учрежденной османскими турками практики насильственного отнятия детей у христиан и обращения их в ислам для последующего включения в состав янычарского войска, установил, что юридически набор-девширме наиболее соответствовал шафиитскому мазхабу. Согласно воззрениям мусульман-шафиитов, христиане, принявшие крещение после ниспослания Корана Мухаммаду, не могли считаться истинными зиммиями, т. е. христианскими подданными мусульманского правителя с защищавшим их правовым статусом⁷.

Большинство вопросов государственной практики осуществлялось турками с помощью авторитетного мнения представителей религиозного авторитета. Вопреки существующему пред-

ставлению о прочном ханифизме османских турок, следует, по-видимому, говорить о том, что политические интересы ставились иногда выше приверженности этому мазхабу. Известно, например, что при решении вопросов, связанных с отношением к своему политическому сопернику — бею Караманского бейлика Ибрахиму, турецкий султан Мурад II (1421—1481 — с перерывами) весьма прагматично пользовался мнением известных представителей всех четырех мазхабов, выбирая то, что наиболее соответствовало его политическим интересам⁸.

Сохранилось описание отбора христиан в завоеванной турками крепости Ново Брдо, принадлежащее очевидцу и участнику событий Константину из Островицы. Константин сообщает, что после овладения крепостью армией Мехмеда II (1451—1481) поступил приказ вывести за ее стены жителей города, где был произведен отбор живой добычи султана. По рассказу Константина, в пользу Мехмеда было отобрано 320 юношей и 704 девушки. Юноши были записаны в янычары и посланы в Анатолию — «на воспитание». Константин рассказывает, что когда мальчиков гнали «в турки», они задумали побег и перебили свою турецкую охрану. Константину и его двадцати товарищам по несчастью вначале побег удался, однако турки все же сумели догнать их, связали и «мучили, волоча за конями». Константина, как и других беглецов, ждало тяжелое наказание за содеянное, однако за него поручились его братья, также отобранные в янычары после взятия Ново Брдо, но не принявшие участие в побеге. Константина увезли «за море», т. е. на работы в Анатолию, которые предшествовали зачислению юношей в янычарский корпус⁹.

В исторической хронике Ибн Кемалья, османского автора начала XVI в., также имеется описание захвата турками во главе с султаном Мехмедом II крепости Ново Брдо. Однако автор не сообщает интересующих нас деталей этого события, кратко упомянув лишь о том, что захваченная крепость была обложена хараджем¹⁰. Очевидно, для турок такого рода набор-девширме был обычной, не заслуживающей специального упоминания практикой при взятии осажденных крепостей.

Для христианских авторов сведения о девширме, подобные тем, что привел Константин, имели значительно больший интерес, и они сообщают об этом несколько подробнее. Так, в труде

Критовула сохранилось описание набора мальчиков турками по завоевании Мехмедом II крепости Энос. По сообщению этого автора, из городских жителей было отобрано 150 мальчиков из знатнейших семейств¹¹. А при взятии турками в 1461 г. Трапезунда (*тур.* Трабзон, Тарабузан) было забрано 800 захваченных в качестве пленников мальчиков¹². Не всех их ожидала участь янычар. Некоторые из них попадали, предварительно пройдя обучение турецкому языку и основам мусульманской религии и культуры, в штат многочисленных придворных служб.

В XV в. какое-то число будущих янычар поступало от пограничных военачальников (*удж-беев*), командовавших силами турецких всадников *акынджи*. Их набеги на христианские земли приносили значительную долю живой добычи, пятая часть которой по закону должна была отчисляться в пользу османского правителя. В турецких архивах сохранились документы относительно сбора *пенчика* и обстоятельств, при которых он производился. В недатированном сборнике законодательных установлений султана, хранящемся в Стамбульском университете, сохранился документ, где упоминается сбор-*пенчик* из числа пленных, захваченных во время набегов (*акынов*) приграничными *удж-беями*. Указ предписывает набирать пленных мальчиков в возрасте от 10 до 17 лет. При этом подробно оговаривается, какую часть пленников может оставить себе воин-*акынджи* и какую должен передать в пользу султана (не всегда это была именно пятая часть), а также какое вознаграждение положено за сбор живой добычи специальному турецкому чиновнику. В указанном документе говорится, что местные представители султанской власти — *санджакбеи* и *тойчи* (от *тур.* *той* — добыча) — обязаны оказывать содействие чиновнику, уполномоченному производить сбор *пенчика*. В данном случае, как, впрочем, и в большинстве других бюрократическо-канцелярских процедур в Османском государстве, предписывалось составлять два экземпляра реестра (*дефтера*), куда заносились сведения о набранных. Один *дефтер* должен был составлять чиновник, ответственный за сбор *пенчика*, а второй, предназначенный для сверок, — предводитель данного военного набега, *акынджи-беги* (делал он это, конечно, не сам лично, а с помощью *кятиба*, писаря). Из указанного документа видно, что от первоначальной практики сбора пятинны оставалось одно

название. Воину, захватившему пленника, которого забирали в пользу султана, теперь полагалось вознаграждение в размере 300 акче¹³.

Из датированного султанского указа (июль 1493 г.) о наборе пенчик огланов, как назывались набираемые таким образом мальчики-пленники, ясно, что несмотря на существовавший в то время основной способ набора — девширме, который производился на основе рекрутирования среди христианских подданных султана, по-прежнему практиковался и набор пенчик. Его питали не прекращавшиеся набеги приграничных турецких акынджи на территории соседних государств. Из вышеназванного указа от 1493 г. ясно, что набор был произведен в ответ на просьбу местного главы сборщиков пенчика, пенчийекчи-баши, произвести такой набор, посланную им в Стамбул, т. е. это была инициатива «с мест». От имени султана удж-беям и их людям предписывалось незамедлительно совершить набег на приграничные земли. В указе предусматривалась посылка в набег не самого удж-бея, а подчиненных ему беев. При этом сбор пенчика мог производиться только в том случае, если отряд акынджи состоял из 100 и более человек. Всех захваченных во время набега пленников надлежало собрать в одном месте и под присмотром пенчийекчи-баши, составить дефтер со сведениями о пленных. Из числа захваченных в плен предводителю воинов-акынджи полагалось 20 мальчиков. 5 пленников получал пенчюйекчи и т. д. Свою долю получали все уполномоченные лица, задействованные в сборе пенчика. Остальные пленники шли в пользу османского правителя.

Как и в уже упомянутом выше указе, в данном сборе предписывалось отобрать мальчиков в возрасте от 10 до 17 лет (и даже чуть старше), заплатив за каждого из них по 300 акче захватившим их во время набега. Пленники всегда представляли собой ценную добычу и их отбор в пользу султана вызывал неудовольствие воинов-акынджи. В указе говорится, что санджакбей, глава административного округа — санджака, должен приводить в повиновение не подчиняющихся указу о взимании пенчика, а в случае неподчинения сообщать имена бунтовщиков в Стамбул для назначения им наказания¹⁴.

Сохранился текст недатированного регламента по сбору пенчика, в котором детально прописана цена на пленников раз-

ного возраста и физических данных, а за сбором пенчик огланов, как назывались набранные по пенчику, предписано наблюдать местному кадию¹⁵.

Из содержания указов видно, что практика комплектования янычарского корпуса еще в конце XV в. была во многом связана с набегами-акын, являвшимися чисто коммерческим предприятием для воинов-акынджи. При этом совершенно ясно, что юридический статус попадаемых таким образом в янычарский корпус лиц был особым. Это были рабы, хозяином которых выступал османский султан. Пленники, захваченные во время войны или грабительского набега, на протяжении всей древней и средневековой истории стран Востока имели рабский статус. Плен являлся основным источником рабства, а сам пленник рассматривался как захваченное имущество. Он считался рабом на основании права силы и захвата¹⁶.

Попадавшие через эту систему в штат придворных слуг и в придворное войско, в том числе в янычарский корпус, захваченные пленники обозначались термином кул (или гулям), который указывал на их рабское состояние. Не только практика пенчик была источником поступления кулов в султанский двор. Среди мальчиков, которые попадали в султанский дворец и там воспитывались (их называли ич огланами), были и пленники, подаренные султану. Среди них были поляки, немцы, итальянцы, черкесы, представители других национальностей¹⁷.

Именно янычар в статусе рабов имеет в виду Константин из Островицы, когда рассказывает о «несвободных» янычарах, не имеющих права свободно распоряжаться своим имуществом. Он пишет: «...если когда-либо они (турки. — *И. П.*) вторгнутся в какую-либо землю и захватят пленных, то султанский писарь идет вслед за ними. И сколько есть мальчиков, всех их он берет в янычары и за каждого дает пять золотых, а их посылает за море». Относительно забранных таким образом Константин сообщает, что они называются «пенджик» и «после своей смерти ничего не могут завещать... все их имущество идет султану, а если кто выслужится и будет освобожден, то он может оставить (имущество) после своей смерти, кому захочет»¹⁸.

Таким образом, рабство пенчик огланов, попавших в янычары, заключалось в отсутствии права свободно распоряжаться своим имуществом, которое принадлежало их хозяину — сул-

тану. Примечательно, что за свою службу они могли получить личную свободу. Отпуск рабов на свободу у мусульман поощрялся и считался богоугодным делом. Тот же Константин из Островицы пересказывает одну из услышанных им мусульманских проповедей, в которой приверженцев ислама призывали давать свободу рабам: «Невольникам и невольницам устанавливайте годы их невольничества в соответствии с их возрастом. А кто бы захотел долго держать невольника, не определяя ему числа лет, то соседи не должны этого терпеть, потому что он не бог, чтобы мог держать человека в неволе всю его жизнь»¹⁹.

Константин пишет, что по случаю окончания священного для мусульман месяца рамазан (рамадан) турки раздают милостыню и сокращают на несколько лет невольникам срок рабства, а больных рабов отпускают на свободу. Причем этот автор замечает, что подобные благодеяния совершают главным образом богатые люди²⁰.

Итак, ряды начавшего создаваться при Мураде I янычарского войска пополнялись либо через систему пенчик, когда в пользу султана отбиралась, за плату, часть пленников, захваченных во время набегов-акын, либо через принудительный набор (девширме) юношей из захваченных во время военных действий городов. Последний способ явился основой для последующего развития системы девширме — регулярно производившегося набора из числа христианских подданных султана.

В отличие от набранных по системе пенчик или в период военного похода юношей, считавшихся военной добычей, а потому имевших статус рабов, рекрутируемые в янычарский корпус по системе девширме являлись фактически свободными людьми, так как набор производился в мирное время среди подданных султана. Введение такого вида регулярного набора, появившегося во второй четверти XV в., предполагало наличие описей земель, прочно вошедших в состав Османского государства. Известно, что такие описи начали составляться лишь в начале XV в. За набранными среди подданных султана мальчиками, попадавшими в янычарский корпус, тем не менее закрепилось общее название кул — раб, то же, что и для янычар с бесспорным рабским статусом. В данном случае термин, отражавший более раннюю практику набора, когда янычарский корпус пополнялся только рабами в юридическом смысле, ока-

зался перенесенным на янычар, набравшихся по новой, регулярной системе девширме и не являвшихся рабами в собственном смысле слова.

Константин из Островицы специально отмечает разницу между янычарами, набранными в корпус разными путями. Помимо янычар, оказавшихся в рядах янычарского корпуса в результате набора пенчик, он называет тех, кто был рекрутирован султаном «в своей земле». Константин приводит и специальное обозначение для таких новобранцев — «чилик». Набранные «в своей земле» имели право свободно распоряжаться своим имуществом, завещая его по своему усмотрению²¹.

Система девширме сформировалась в Османском государстве в первой половине XV в. и вскоре стала доминирующей. В турецких государственных архивах сохранились указы, предписывавшие проведение набора мальчиков в той или иной местности. Проведению набора, проводившегося не ежегодно, а по мере необходимости, предшествовало письмо-прошение, которое составлял глава (ага) янычарского корпуса. В этом прошении указывалось желательное число мальчиков, подлежащих рекрутированию, а само прошение подавалось в диван, султанский «совет министров», состоявший из везиров и других крупных сановников государства. В компетенцию янычарского аги входило и назначение конкретных лиц, которым поручалось проведение набора²². В одном из самых ранних из такого рода сохранившихся указов (начало XVI в.) говорится об обложении данью детьми 40 хане (домов, семейств). Отцам семейств предписывалось явиться к месту сбора со своими сыновьями от 14 до 17 лет, из которых сборщикам предстояло выбрать наиболее подходящих. В указе предписывалось забирать сыновей лишь у многодетных семей и воздерживаться от набора среди тех, кто имеет малое число сыновей²³.

О дальнейшей судьбе набранных по системе девширме мы может узнать, например, у автора XV в., уже упомянутого выше Константина из Островицы. Он сообщает, что набранных отдают на попечение жителям, «которые находятся за морем», т. е. в Анатолию (внутренние области Малой Азии). Особые уполномоченные должны отвезти их, «куда будет приказано». Только после пребывания на службе у турок, согласно Константину, начинается военное обучение новобранцев — «их сажают

в лодки, пригодные для этого, и возят на них и обучают боевым действиям». Затем они зачисляются на жалование и, партиями, передаются в янычарский корпус, где младшие должны служить старшим²⁴.

Более поздние сообщения сохранили другие подробности практиковавшейся турками системы девширме. Венецианский посол в Османской империи Бернардо Наваджеро описывает, например, в одном из своих посланий Сенату от 1553 г. процедуру отбора мальчиков в янычарский корпус. Он пишет, что пребывающий в какой-либо населенный пункт сборщик вызывает к себе «начальников» близлежащих мест с поручением для отцов семейств явиться со своими сыновьями к месту сбора, где находится рекрутер. Ослушавшимся указа грозило неминуемое наказание. Из представленных на смотр мальчиков сборщик вместе с писцом (кятибом) был обязан выбрать годных по возрасту и физическим данным рекрутов. Выбирались наиболее крепкие на вид подростки от 12 до 15 лет. Из 4—5 представленных главами семейств сыновей сборщик мог забрать лишь одного. Однако, замечает Наваджеро, случалось, забирали и единственного²⁵.

По другим сведениям, вместе с отцами семейств к месту сбора являлись и местные священники, имевшие при себе документы о крещении мальчиков. При наборе-девширме присутствовали иногда также местный кадий, сипахи (феодал, из деревни которого забирали подростка или подростков) или их представители, деревенские старосты (кетхюда), следившие за правильностью произведения набора²⁶.

Указы о проведении набора-девширме составлялись от имени султана и вручались сборщику, назначаемому янычарским агой. Эти указы составлялись, как правило, по трафаретной схеме и отличались друг от друга лишь конкретными деталями. В них указывались провинции и округа, в которых следовало произвести набор, а также общее число мальчиков, которых надлежало рекрутировать. В различных по времени составления указов число семейств, из которых производили набор мальчиков, называлось разное, что диктовалось конкретными потребностями пополнения янычарского корпуса. В указах не оговаривался точный возраст рекрутов, который мог варьироваться в зависимости от обстоятельств каждого набора.

В анонимном «Мебде-и канун» рассказывается, что первоначально ответственными за проведение набора-девширме были местные кадии. Однако из-за их значительных злоупотреблений, как пишет аноним, девширме было поручено «бегам вилайета», т. е. провинциальным административным лицам. Однако и они были уличены в злоупотреблениях, в результате чего их также отстранили от процедуры рекрутирования. В дальнейшем производить набор-девширме было поручено представителям самого янычарского корпуса²⁷, что практиковалось вплоть до исчезновения практики самого набора в XVII в.

В указах о проведении девширме предписывалось составлять 2 дефтера со списками набранных рекрутов. В таких дефтерах указывалось христианское имя новобранцев, имя их отца, название деревни, откуда они были родом, а также имя сипахи, — местного феодала, за которым числилась деревня. Регистрировались также личные приметы рекрутов. Внесение всех этих сведений в дефтер диктовалось необходимостью строго контролировать каналы поступления новобранцев и борьбой с возможными попытками их побега.

Набранных мальчиков предписывалось собирать в партии (сьюрю) по 150—200 человек и доставлять под присмотром охраны из числа янычар в Эдирне или Стамбул. В одном из указов о наборе, датируемом началом XVI в., когда девширме еще производилось под началом местных кадиев, а в качестве сопровождающих новобранцев лиц названы специально назначенные кадием люди, а также местные войнуки, мюселлемы²⁸ или лица, выделенные для этой цели местными сипахи, из деревень которых забирались рекруты²⁹. Необходимость в сильной охране объяснялась, как это видно из других султанских указов, частыми побегами новобранцев.

Наборы-девширме проводились в XVI в. как в Румелии (европейской части Османского государства), так и в ряде мест Анатолии (азиатских районах страны). Однако в Анатолии наборы начали производиться значительно позднее, чем в Румелии. Известный турецкий историк Ахмед Рефик пишет, что только после вступления на престол султана Селима I (1512—1520) объявленный им набор-девширме был распространен и на земли Анатолии, где он был произведен из местного христианского (армянского и греческого) населения³⁰. Отметим здесь

же, что некоторые вассальные территории Османского государства в XV в., например Валахия, брали на себя обязательство помимо выплаты обычной денежной дани своему сюзерену предоставлять султанскому двору и определенное число мальчиков. Так, захвативший в 1439 г. власть в Валахии Влад Дракула обещал в 1441 г. Мураду II выплачивать в качестве дани 12 тыс. дукатов в год и ежегодно посылать в османскую столицу по 500 мальчиков³¹.

В одном из поздних султанских указов от 1622 г. перечислены области Анатолии, где мог производиться набор-девширме. Это — Коджаэли, Болу, Кастамону, Чорум, Самсун, Синоп, Амасья, Малатья, Карахисар-и Шаркы, Арабкир, Сивас, Мараш, Диярбакир, Байбурт и некоторые другие³². Из этого списка местностей видно, в каких районах Анатолии христианское население жило значительными компактными группами, позволяя турецким властям производить здесь регулярный набор-девширме. В этом же указе фиксируются категории земель, на которых мог производился набор. Это — хассы, тимары, вакуфы и даже мюльки (частные владения)³³.

Понятно, что владельцам этих земель (условных и безусловных пожалований) был невыгоден набор-девширме, лишавший крестьянские хозяйства мужских рук, особенно в тех случаях, когда в рекруты забирался единственный сын крестьянина, а такие случаи бывали. Однако, учитывая демографический взрыв, какой, по мнению ряда историков, наблюдался начиная со второй половины XVI в. в регионе Средиземноморья и, в частности, в Османской империи, набор-девширме едва ли вызывал противодействие и был даже выгоден крестьянам, освобождая хозяйство от «лишних ртов» и материально устраивая судьбу детей мужского пола.

Экономические мотивы, впрочем, брались в расчет христианским населением, у которых забирали сыновей в янычары, в последнюю очередь. Наборы-девширме, особенно в европейских владениях турецких султанов, чаще всего вызывали острое недовольство христианских подданных султана — греков, болгар, сербов и др. Важно помнить о значении религиозного фактора в эпоху Средневековья. Забранный в янычары мальчик-христианин насильственно менял свою веру — принимал ислам. Это означало не только отказ от веры во Христа, но

и полный разрыв с родной культурной традицией и инкорпорирование в чуждую, до того воспринимаемую часто как враждебную, среду. Все это остро переживалось христианским населением Османского государства, в котором отсутствовала единая этно-конфессиональная общность. Укрывательство детей, организация их побегов были частыми явлениями при проведении наборов-девширме. В указах особо оговаривается недопустимость укрывательства сыновей крестьянами, феодалами-сипахи, мютеввели (управляющими) вакуфов и другими лицами, заинтересованными в том, чтобы не отдавать наборщикам рекрутов. Упоминается в указе и недопустимость подмены уже набранных мальчиков какими-либо другими³⁴.

Из сохранившихся документов ясно, что некоторые должностные лица на местах пытались спрятать мальчиков от набора, руководствуясь меркантильными интересами, — чаще всего за взятку, полученную от родителей. Подобным укрывательством занимались управляющие земельными пожалованиями (хассами) везиров, местные кадии, а также субаши и чиновники финансового ведомства³⁵. Описывая правила проведения наборов-девширме, автор «Мебде-и канун» призывает к тому, чтобы местные власти и сипахи не оказывали сопротивление набору, не укрывали мальчиков и не занимались их подменой³⁶.

В начале XVII в., когда в Османской империи социальная обстановка крайне обострилась из-за восстаний, получивших известность как джелялийская смута, когда значительные массы мелких феодалов-сипахи, крестьян, деклассированных элементов, а также местных чиновников с оружием в руках боролись с центральной властью, были нередки случаи неповиновения при наборе-девширме. Например, из указа 1610 г. о проведении набора явствует, что при рекрутировании в кадийствах Вильчитрим и Ипек, ряд эмиров, т. е. санджакбеев, а также кадиев и аянов (местных богатых и влиятельных лиц, не занимавших каких-либо административных постов) подстрекали население оказывать сопротивление набору, в результате чего правительство было вынуждено вторично высылать указ о его проведении³⁷.

Конечно, отдавать своих сыновей в янычары не хотели в первую очередь сами родители-христиане, и вербовщики умело пользовались этим к вящей своей пользе. Проводить на-

бор стало выгодным материальным предприятием. Анонимный автор истории янычарского корпуса, описывая ситуацию конца XVI—начала XVII в., сообщает, что по объявлении набора-девширме янычарские офицеры платили янычарскому аге, обязанному назначить вербовщиков, огромную сумму в три-четыре юка акче (один юк был равен 100 тыс. акче), собирая ее затем с янычар, которых брали с собой для производства набора и охраны рекрутов. При этом, для того чтобы с выгодой для себя возместить отданные янычарскому аге деньги, янычарские офицеры-вербовщики старались набрать в свою «команду» как можно больше людей. Автор «Мебде-и канун» предупреждает о недопустимости брать с собой для проведения девширме по 30—40 янычар, получив с каждого по 3—4 тыс. акче, ибо это означало, что участвовавшие в процедуре рекрутирования янычары, в свою очередь, должны были сами (с лихвой) возместить отданные ими деньги. Сделать это можно было либо, как пишет автор «Мебде-и канун», с помощью всяческих вымогательств у крестьян в той местности, где происходил набор (или по которой пролегал путь партии новобранцев³⁸), либо с помощью взяток с родителей, стремившихся спасти своих сыновей от рекрутирования.

То, что подобного рода взятки с целью спасения своих детей были весьма распространены, подтверждает современник автора «Мебде-и канун», османский историк Мустафа Али, сам занимавший ряд должностей в административном аппарате империи. Он прямо пишет о том, что сборщики, нарушая запрет забирать единственного сына у родителей, старались делать именно это в ожидании получить выкуп³⁹. Мустафа Али описывает, что происходило с родителями, пытавшимися спорить со сборщиками и отстаивать свои права. В этом случае янычарский офицер, яябаши, которому был поручен набор, попросту подвешивал отца мальчика за ноги, а мать за волосы, бил и мучил их, требуя отдать единственного сына. В конце концов случалось, что сборщик заполучал и единственного сына, и деньги с родителей, пытавшихся воспротивиться набору⁴⁰. Автор «Мебде-и канун» особо отмечает официальный запрет забирать единственного сына у родителей и сообщает, кроме того, что из двух имеющихся в семействе сыновей по закону было положено забирать лишь одного, а не двух сразу⁴¹. Правило оставлять единственного сы-

на родителям он объясняет необходимостью не наносить экономический ущерб хозяйству сипахи, лишаящегося работника⁴².

Любопытно, что Мустафа Али, описавший жестокости при проведении набора-девширме, будучи сам улемом, считает практику девширме с точки зрения мусульманского права незаконной и признает ее лишь де-факто. Любопытно, что, как и Саадэддин, он высказывает мнение, что набор-девширме был задуман и учрежден в Османском государстве с целью увеличения числа мусульман за счет обращения в ислам «неверных»⁴³.

Возможности для злоупотреблений при рекрутировании мальчиков в янычарский корпус давала также процедура препровождения партии рекрутов в Стамбул — пребывание в деревнях и городках, где местное население было обязано обеспечивать кровом и продовольствием как новобранцев, так и сопровождавших их лиц. Именно поэтому, очевидно, в правилах проведения наборов специально подчеркивалась недопустимость пребывания партии рекрутов в деревне в течение нескольких дней или повторный проход через ту же деревню партии новобранцев⁴⁴.

Подтверждением распространенности всяческих злоупотреблений и вымогательств со стороны сборщиков при наборе-девширме служат слова автора «Мебде-и канун», который призывает участвующих в наборе янычар «не притеснять и не грабить» жителей тех мест, где происходит набор или через которые проходит путь партий рекрутов. Он также предостерегает сборщиков от того, чтобы останавливаться в пути и совершать «набеги на близлежащие деревни» со специальной целью получения от населения «денег на продовольствие»⁴⁵.

О злоупотреблениях при проведении девширме говорится и в ряде сохранившихся в турецких архивах документов. Так, в указе от 1565 г., посланном кади Охрида, сообщается о лишении своих полномочий янычарского яябаши по имени Мехмед, который, как утверждается в указе, производил набор недопустимым образом, освобождая по своему усмотрению от набора целые деревни и сельские волости. Вступив в сговор с одним из займов⁴⁶ по имени Кору, а также христианином по имени Димитри, он занимался, говорится в указе, собственным обогащением, а потому набор в области Охрид поручается другому янычарскому яябаши — Али⁴⁷.

В другом указе, от 1566 г., кади Смедерево и Урунджа сообщает о том, что человек, посланный в эти области для проведения набора-девширме, занимается тем, что рассылает по деревням своих людей, которые взимают с каждого дома по 10 акче, называя это сбором «нал баха» (букв. «на подкову»), а с каждого плательщика хараджа по 120—130 акче. С каждой деревни, где производился набор, этот рекрутер взимал еще и «тезкере акчеси» («плата за документ») в размере 35 акче, из которых 15 акче шли кятибу (письмоводителю), составлявшему дефтер новобранцев, 10 акче охранникам, 5 акче — цирюльнику и 5 акче — повару (ашчи). Тот же самый вербовщик, злоупотребляя своей властью, забирал у родителей детей в возрасте 5—10 лет, вынуждая их выкупать своих сыновей обратно за 1000 акче и более. Указ предлагал кадиям изъять у вербовщика все им награбленное и объявлял о назначении вместо него другого человека⁴⁸.

В сохранившемся указе от 1589 г. описываются злоупотребления янычарского вербовщика, занимавшегося рекрутским набором в одной из прибрежных местностей Дуная, и о его смещении. В случае неподчинения указ предписывал выслать виновного в тимар⁴⁹. Высылка в тимар означала для виновного вербовщика-янычара назначение в далекий пограничный гарнизон с предоставлением вместо ранее получаемого твердого жалованья земельного (или иного вида) условного пожалования под названием тимар, доход с которого обычно был крайне мал. К тому же удаление из столицы само по себе являлось заметным наказанием. О таких наказаниях при различных обстоятельствах часто упоминает автор «Мебде-и канун». Наказанный фактически обрекался на пожизненную ссылку и серьезное изменение своего положения. Оставаясь формально в рядах янычарского корпуса, фактически он становился рядовым сипахи — положение, к тому времени очень незавидное с материальной точки зрения. Его доход теперь зависел от размера урожая, собранного в его тимаре крестьянами. Такой гарнизонный янычар-тимариот вычеркивался из списков янычар, состоявших на жалованье. Всеми правдами и неправдами наказанные таким образом янычары старались пристроить на янычарскую службу хотя бы своих сыновей. В османских источниках их называли «ферзэнд-и сипахи». При Селиме II (1566—1574) сыновьям

таких янычар, в нарушение прежних правил, было разрешено записываться аджеми огланами⁵⁰, чтобы со временем быть зачисленными в мухафизы, в обязанность которых входила гарнизонная служба по охране крепостей⁵¹. О «ферзенд-и сипахи» в янычарском корпусе как о вредном новшестве пишет в своем трактате османский автор первой половины XVII в. Кочубей Гёмюрджинский⁵².

Однако проштрафившийся при наборе-девширме янычарский офицер мог пострадать лишь финансово, лишившись возможности возместить сумму, отданную им янычарскому аге для проведения набора. Впрочем, иногда наказание могло быть очень суровым. Так, известен случай, когда янычарский офицер был казнен за совершенные им злоупотребления при проведении рекрутского набора в янычарский корпус⁵³. Бывало, что за провинности янычар-рекрутеров расплачивался глава янычарского корпуса и высшее офицерство. Османский автор XVI в. Мустафа Селяники пишет, например, что в 1590 г. после обнаружившихся злоупотреблений при проведении набора-девширме был смещен со своего поста янычарский ага Махмуд и янычарский кетхюда⁵⁴.

Нельзя не заметить, что христианские подданные османских султанов активно пользовались своим правом жаловаться на притеснителей. Султанский указ от 1589 г. начинается с констатации того факта, что на действия вербовщика поступают жалобы от крестьян (реайи)⁵⁵. И подобные жалобы, следует признать, не оставались без внимания. В этом состояла важная особенность административной системы, созданной османскими турками. Одной из важнейших функций султанской власти являлось осуществление «правосудного правления». Очень ярко это представление о «справедливости» османских правителей отражено в строках дестана Ахмеди, прославляющего их как правосудных государей. Описывая правление сына Баязида I, Сулеймана, своего литературного патрона, Ахмеди восклицает:

Вот со славой вернулся, все его веселит,
И в бейлике своем правый суд он вершит.

И при нем справедливость познал весь народ,
Всяк — велик или мал — правосудье найдет.

И по всей ты стране не найдешь уголка,
Где бы правдой его не цвела сторона⁵⁶.

В подобных славословиях нельзя усматривать лишь вынужденную хвалебную риторику. Слава о правосудии османского правления шла впереди османских завоеваний, в некоторых случаях облегчая территориальные завоевания османов. Традиция внимательного отношения к жалобам подданных имела в Османском государстве длительное существование и до определенного времени способствовала процессу снятия социальной напряженности, если она возникала.

Число рекрутировавшихся мальчиков для нужд комплектования янычарского корпуса различалось в зависело от меняющихся потребностей. Они во многом определялись потерями, какие несло янычарское войско в военных кампаниях османских правителей. Сохранился указ от 1573 г. (в период затяжной турецко-персидской войны) о дополнительном наборе-девширме, который предписывалось провести в Анатолии. В этом указе на имя сансунджибаши (офицер высокого ранга в янычарском корпусе), говорилось, что, несмотря на уже проведенный набор в санджаках Мараш, Кайсери, Нигде, Бейшехри, необходимо провести дополнительный набор мальчиков в бейлербействах Караман и Зулькадыр⁵⁷. Будучи проведенным в местах, где он обычно не практиковался, он вызвал недовольство населения — это видно из указов того же года на имя бейлербея и кадиев Караманского вилайета. Об отсутствии обычая проводить набор-девширме в области восточнее бывшего Караманского бейлика автор «Мебде-и канун» пишет, что «население [этих мест] смешано с туркменами, курдами и грузинами»⁵⁸, которые, отличаясь свободолюбием, трудно подчинялись приказам центральной власти. В этом отношении у турок были свои предпочтения и антипатии. Так, тот же автор «Мебде-и канун» предупреждает в своем трактате о нецелесообразности производить рекрутирование в Белграде, Центральной Венгрии и пограничных землях Хорватии, так как, по его словам, набранные там юноши никогда не превращаются в «настоящих мусульман» и склонны к побегам. Столь же малопривлекательными в глазах турецкой администрации были лазы, проживавшие в области Трабзона⁵⁹.

Возвращаясь к указу от 1573 г. о дополнительном наборе-девширме в Анатолии, которым оказались затронуты местности в Караманском бейлербействе (территория бывшего сильного Караманского бейлика), можно отметить, что его жители активно прятали своих сыновей от рекрутеров при попустительстве местных властей. Следует сказать, что население Караманского бейлербейства долго хранило память о своем славном политическом прошлом, так как его земли некогда составляли ядро Сельджукского Румского султаната со столицей в г. Конье, а затем — после его распада — стали территорией сильного и фактически независимого Караманского бейлика, лишь в XV в. подчиненного турками-османами. Проведение девширме в этих землях расценивалось здесь как дополнительное унижение со стороны завоевателей. В указе, посланном в Караманскую область, местным властям предписывалось оказывать всяческое содействие вербовщикам при проведении набора и не допускать бегство рекрутов. В указе, адресованном бейлербею Диярбакыра, констатировалось, что в вилайете, где был проведен набор-девширме, по дороге в Стамбул исчезло 18 новобранцев. При этом 12 мальчиков были отбиты у охраны людьми некоего Хюсейна, бея Пало. Бейлербею Диярбакыра предписывалось разыскать пропавших и вновь вписать их в реестры⁶⁰.

Доставка партий набранных рекрутов в Стамбул в целости и сохранности составляла особую заботу правительства, старавшегося оградить местное население от возможных злоупотреблений вербовщиков и их сопровождающих. В правительственном указе от 1573 г. на имя кадиев Румелии особо оговаривалось, что на пути следования новобранцев запрещено брать у населения продовольствие сверх установленной меры, делать остановки в деревнях на 2—3 дня и, намечая маршрут, останавливаться в одной и той же деревне дважды. Сборщиков предупреждали о необходимости выбирать кратчайшие пути, избегая окольных, не отбирать имущества подданных султана в пользу новобранцев и не совершать поборов с местного населения⁶¹. Призыв не брать лишнего продовольствия во время поста содержится и в указе от 1584 г., посланного в связи с набором-девширме, проводившемся в области Трабзон⁶².

При проведении набора-девширме рекрутированию подлежали по закону лишь христиане. Однако имелось одно ис-

ключение. В Боснии практика девширме распространялась и на мусульманское население. Автор «Мебде-и канун» объясняет это желанием самих боснийцев, попавших под власть турок при султанах Мехмеде II (1451—1481). Согласно рассказу анонима, присоединение Боснии к Османскому государству привело к быстрой добровольной исламизации населения этого края. По этой причине Мехмед II, в знак благоволения к жителям Боснии, согласился на выраженную ими просьбу производить среди них набор в янычары. В результате при проведении в Боснии девширме мальчиков забирали как из христианских, так и из мусульманских семейств⁶³.

При запрете производить набор среди мусульман, каковы-ми в Османском государстве были главным образом сами турки, под видом мусульман-босняков в число рекрутов за взятку могли зачислить и сыновей турок. Это было нарушением «чистоты» института и порождало явление, которое получило особую силу к концу XVI в., — появление в янычарском корпусе «чужаков» (эджнеби), как правило, турок. Сведениями об этом полна «История» Мустафы Селяники, писавшего свой труд в последней четверти XVI в. Появлением в корпусе «чужаков» османские историки, составлявшие свои хроники, объясняли многие нарушения норм жизни внутри янычарского корпуса, его недисциплинированность и уменьшившуюся военную эффективность. Предупреждения о недопустимости производить набор среди турок содержит, в частности, «Мебде-и канун». Привлекательность янычарского корпуса в глазах турецкого населения, стремившегося отдать своих сыновей в янычары, во многом объяснялась демографическим взрывом, наблюдавшимся во второй половине XVI в.⁶⁴ Турецкие крестьяне, отдавая своих сыновей в янычарский корпус, получали возможность материально обеспечить своих детей, оказывавшихся «лишними» в крестьянских хозяйствах. Кроме того, военная служба в придворном войске, каким являлся янычарский корпус, не могла не привлекать турецкое население, лишенное возможности отдавать туда своих детей «на законных» основаниях, а военная служба всегда считалась среди турок почетной и престижной. И, наконец, следует добавить, что через набор-девширме в значительной своей части комплектовался состав придворных ич огланов, которые, после периода особо-

го специального обучения, поступали на придворную службу, доходя в своей карьере порой до ранга великого везира. Все это заставляло турецкое население с завистью смотреть на наборы-девширме, длительное время остававшиеся ему недоступными.

Между тем в Боснии, где, по преданию, население участвовало в наборах-девширме, бывали случаи сопротивления набору. Об этом можно судить хотя бы по тексту указа, посланного кадиям Боснии, которые противились проведению девширме среди местных мусульман. В указе говорится, что в Боснии, Герцеговине и районе Килиса набор ведется главным образом среди мусульманского населения⁶⁵. После прибытия боснийских рекрутов в Стамбул их не подвергали физической проверке, как остальных новобранцев, в резиденции янычарского аги⁶⁶. Рекрутов-босняков не осматривал специально назначенный лекарь, который должен был выявлять мальчиков-мусульман, уже в детстве подвергшихся обряду обрезания. Поэтому вербовщики имели возможность (конечно, за деньги) включать в партии набранных в Боснии также и турок, идя навстречу пожеланиям их родителей. Автор трактата о янычарском корпусе предлагает производить обязательную проверку мальчиков, набранных в Боснии. «Когда прибывает партия [огланов], набранных [в Боснии], ее следует хорошенько проверять, с тем чтобы никто из турок не попал в их число за деньги», — пишет он⁶⁷. Этот автор предлагает посылать в Боснию производить набор-девширме лишь отличающихся особой честностью лиц, ибо, как он пишет, в число рекрутов из Боснии «легко попасть человеку со стороны»⁶⁸.

В некоторых сохранившихся указах делается предупреждение о возможных попытках проникновения в группу боснийских рекрутов незаконных «чужаков». Для различения набранных босняков-мусульман и турок могло бы быть знание или незнание турецкого языка. Видимо, поэтому в одном из правительственных указов от 1589 г. специально оговаривается, что следует набирать только тех мальчиков, которые не знают турецкого языка⁶⁹.

Автор «Мебде-и канун» очень резко предостерегает от набора сыновей турок. В своем трактате он объясняет, в чем, по его мнению, состоит смысл предписания не производить набор

в янычары среди турецкого населения: «Детей турок не следует брать потому, что большинство из них жестокосердны и для веры они слабая опора. Когда они попадают на службу к повелителю, то все их близкие и родственники, живущие в их родных местах, начинают говорить: „Я стал слугой повелителя” — и притесняют и угнетают реайю и берайю. Мало того, что не платят ашара и других налогов, они проникают в ряды янычар, а санджакбеи, алайбеи и воеводы тех мест, считая, что они действительно придворные слуги, не смеют им приказывать. Когда в провинции оказываются неизвестные [янычары], которые на самом деле не являются слугами повелителя, их невозможно наказать. Как только нужно [послать] донесение о них в Обитель Счастья⁷⁰, это вызывает их бунт и возмущение, ведет к появлению джеляли»⁷¹.

Эта запись автора «Мебде-и канун» требует комментария. Она отражает довольно позднюю ситуацию, относящуюся к концу XVI—началу XVII в. К этому времени янычары представляли собой столь самостоятельную и грозную для правительства силу, что могли позволить себе безнаказанно нарушать законы. Как видно из слов автора трактата о янычарском корпусе, даже родственники лиц, зачисленных в янычарский корпус, выказывали неповиновение властям, причисляя и себя к «слугам повелителя», т. е. султана, и пытались извлечь выгоды из социального положения своего родственника, попавшего в янычары. В цитированном выше отрывке из «Мебде-и канун» проявляется также традиционное отношение османской бюрократии (и просвещенного класса вообще) к турецкому крестьянству, к деревенщине-тюрку, неспособному в силу своей «грубости и невежества» быть «опорой веры». Нельзя забывать и о широко распространенном в мусульманском мире представлении, что придворное войско из инородцев, обращенных в ислам, является более надежной опорой для власти правителя, чем войско из этнически родственной среды.

Автор «Мебде-и канун» особо упоминает о недопустимости произведения набора в области Трабзон. Он сообщает, что набор-девширме давно отменен здесь из-за дурных качеств местного населения. Он пишет, что «порочность тарабузанцев (трабзонцев) превосходит все, что можно себе представить, еще ни один из займов и сипахи из их числа не проявил в походах

ни отваги, ни доблести. Они совершали лишь обман и злодейство»⁷².

Христианское население Османской империи, как могло, противилось наборам своих сыновей в янычары. В изданных И. Х. Узунчаршылы указах о наборе часто говорится о недопустимости укрывательства детей, замены одних рекрутов другими, оказания покровительства населению со стороны местных властей при проведении набора⁷³. Чтобы уберечь своих сыновей от набора, христиане прибегали к разным хитростям. Зная, что статус янычара предполагал безбрачие, некоторые из них рано женили своих сыновей. Раб одного турка, венгр по рождению, рассказал проезжавшему по Румелии в 70-х годах XVI в. немецкому путешественнику Герлаху, что албанцы и болгары женят своих сыновей в 8—9 лет, чтобы освободиться от девширме⁷⁴. Он же отмечал в своих заметках, что родители старались откупиться от набора-девширме⁷⁵, особенно, когда у них забирали, вопреки закону, единственного сына⁷⁶.

Многие новобранцы, противясь своей участи, пытались бежать. Некоторые родители прибегали к похищению своих сыновей уже после того, как те оказывались в Стамбуле. В указе от 1565 г. на имя бей и кадия города Сис говорится о том, что приехавший для проведения набора-девширме янычарский ябаши по имени Давуд рекрутировал семь мальчиков и доставил их янычарскому аге в Стамбул. Однако затем в столицу приехало несколько их родственников-зимми (так именовалось немусульманское население империи) и самовольно увезли детей домой, спрятав их в местной церкви. В указе предписывалось схватить виновных, а укрытых новобранцев вновь доставить в Стамбул⁷⁷.

Подобные указы не единичны. Судя по их содержанию, побег новобранцев были довольно распространенным явлением. Так, бежали по дороге в Стамбул мальчики, набранные в 1564 г. в районе Кайсери. При этом беглецы, как стало известно, вновь приняли крещение, хотя обряд перехода в ислам происходил не сразу после рекрутирования, а лишь по прибытии в Стамбул. Это показывает, что суть трагедии для рекрутов и их родителей состояла прежде всего в перемене веры. Однажды побег совершили все рекруты, набранные в районе Бандырмы и на близлежащих островах, из-за чего к ответу были привлечены местный

священник и окружной староста. А из указа от 1573/74 г. ясно, что сбежали мальчишки, набранные в Караманском вилайете, где местные власти не прилагали особых усилий к тому, чтобы поймать беглецов⁷⁸.

Жители многих мест пытались официально освободиться от набора-девширме, как об этом можно судить по сохранившимся документам. В них упоминаются прошения некоторых деревень к турецким властям по поводу незаконного проведения у них набора-девширме, так как население их было освобождено от набора взамен исполнения той или иной службы в пользу государства. Так, из султанских указов становится ясным, что жители некоторых деревень, записанные в горнорудные рабочие, не были обязаны отдавать своих сыновей в янычары⁷⁹. Однако такие права не были, по всей видимости, прочными. Известен султанский указ от 1558 г., которым отменялось право рабочих, работавших в рудниках в местности Йенипазар, не участвовать в девширме⁸⁰.

Число жителей, освобожденных от набора, было, по видимому, незначительно, насколько об этом можно судить по османским документам, сохранившимся в архивах. Например, известно, что только 40 жителей сел, лежащих вдоль пути из Софии в Самоков, были освобождены от набора-девширме — а кроме того от уплаты чрезвычайных налогов (авариз-и диванийе), ряда обычных налогов (текалиф-и орфийе) и некоторых натуральных поставок — взамен их службы по охране указанной дороги⁸¹.

Были освобождены от целого ряда налогов и набора-девширме и жители 23 деревень в районе Карахисар-и Шаркы, которые занимались добычей квасцов (на какое-то время эта привилегия была отменена)⁸². Возложение на себя какой-либо службы было выгодно немусульманскому населению, получавшему за это налоговые льготы и освобождение от дани детьми. Это видно, в частности, из указа 1578 г., в котором говорится, что жители одного из венгерских местечек в санджаке Сирем взяли на себя обязательство содержать в порядке дорожный мост, за что получили право не платить ряд налогов и не поставлять рекрутов для янычарского корпуса⁸³. Следует отметить, что сравнительно поздно вошедшие в состав Османского государства венгерские земли так и не стали сколь-нибудь пол-

но интегрированной его частью, несмотря на существовавшую в венгерских землях турецкую администрацию. Венгерское население отчаянно сопротивлялось османскому владычеству, обращаясь к помощи австрийских Габсбургов, не прекращавших военной борьбы за возвращение себе венгерских земель.

Имеется целый ряд документов, из которых видно, что от набора-девширме были освобождены и некоторые другие категории христианского населения, несшие какую-либо государственную повинность (содержавшие на постое гонцов-улаков, занятые на крепостном строительстве, изготовители весел для турецкого флота и т. д.)⁸⁴. Жители некоторых категорий земель также освобождались как от уплаты части налогов, так и от набора-девширме. Так, например, мюльковые земли в районе Йени Иль, принадлежавшие матери султана Мурада III (1574—1595), при обращении их в вакуф были, по желанию их владелицы, освобождены от чрезвычайных налогов, местных налогов и набора-девширме, о чем было официально сообщено местному кади⁸⁵.

Конечно, не все, подпадавшие под набор-девширме, отрицательно относились к нему. Уже упоминавшийся немецкий путешественник Герлах записал свои впечатления от встречи с местными мальчишками-греками в окрестностях Бурсы, которые вызвались показать ему местные христианские храмы. Они радостно сообщили ему о том, что скоро станут янычарами и будут иметь жалованье, почет и подарки⁸⁶. Герлах описал свои впечатления от поездки в Османскую империю в 70-х годах XVI в., когда янычары пользовались уже высоким социальным престижем, добившись для себя максимума почета и привилегий.

Хорошо знакомый с жизнью Османского государства Мураджа д'Оссон, автор XVIII в., пишет, что набор-девширме, который к его времени, как он утверждает, ограничивался лишь областью Албании, Боснии и Болгарии, не вызывал никакого недовольства населения. Он сообщает, что турки редко вынуждены пользоваться силой при рекрутировании и что родители радуются милости, которая позволяет их детям попасть в янычарский корпус⁸⁷.

Несмотря на то что, как правило, в число рекрутов попадали сыновья крестьян, при девширме, по-видимому, поощрялась практика наборов сыновей местной христианской вер-

хушки. В правилах о наборе-девширме, как их описывает автор «Мебде-и канун», содержится предписание брать сыновей «знатных лиц, детей священников, детей самых лучших среди неверных»⁸⁸. Набор детей местного нобилитета, особенно на ранних этапах развития Османского государства, являлся важным инструментом укрепления связей правительства с местной немусульманской верхушкой и христианской церковью.

Почти всех рекрутов ожидала военная карьера янычар. Однако некоторые из набранных, в том числе сыновья высоких лиц среди христиан, попадали в дворцовую школу ич огланов, являвшуюся питомником османской администрации. В нее помещали, как правило, мальчиков привлекательной наружности, выходцев из знатных христианских семей⁸⁹. Их готовили к государственной службе. Они жили в особых дворцовых помещениях под присмотром воспитателей и надсмотрщиков⁹⁰. Высший эшелон государственной власти в Османской империи заполнялся во второй половине XV—XVI вв. почти исключительно лицами нетурецкого происхождения, принявшими ислам, каналом для чего служила система девширме или прямой захват пленных. Мальчики-пленники благородного происхождения имели шанс попасть именно в дворцовую школу ич огланов, где облаченные в «легкие белые салоницкие ткани», они получали мусульманское образование. Каждое утро к ним приходили учителя, учившие их писать и читать, они знакомились с основами своей новой религии и приобщались к правилам османского «адаба», т. е. мусульманских правил поведения. Выходцем из такой школы был виднейший представитель османской правящей верхушки великий везир Махмуд-паша, пользовавшийся огромным влиянием при дворе османского султана Мехмеда II, завоевателя Константинополя. В детстве в Сербии он был захвачен турками в плен вместе со своей матерью, воспитан в султанском дворце, женился на дочери великого везира Заганос-паши, также не турка по происхождению, и со временем стал великим везиром. Махмуд-паша родственными узами был связан с рядом аристократических фамилий Балканского полуострова и, в частности, по материнской линии, с Палеологами⁹¹.

Практика проведения наборов-девширме выработала своеобразные предписания, которые должны были учитывать вербовщики. Женатых юношей запрещалось брать из-за их отсут-

ствия стыдливости, сыновей ремесленников предписывалось не брать из-за того, что они оказывались плохими воинами («ремесленник не станет переносить тяготы [военной службы] ради жалованья»). Не рекомендовалось брать тех юношей, которые какое-то время пожили в Стамбуле, — они окажутся людьми, утратившими чувства стыда. Мальчиков слишком высокого роста или, наоборот, слишком маленького также предпочитали не брать в янычары, как и юношей с мягкими чертами лица. Автор «Мебде-и канун», пишущий об этом, полагает, что такие «склонны к смуте и бунту» и выглядят недостаточно мужественно. Не рекомендовалось брать чересчур словоохотливых и т. д.⁹² Все эти предписания не являлись, по-видимому, строго обязательными, а лишь желательными.

Автор «Мебде-и канун», который составил свое сочинение в самом начале XVII в., был озабочен восстановлением порядка в янычарском войске, улучшением его состава и восстановлением практики девширме в ее первоначальном виде. Он хорошо знал то, как обстоят дела с рекрутированием в действительности, сколь много злоупотреблений происходит при проведении наборов. Выступая с позиций государственных интересов, как то было свойственно многим османским чиновникам в конце XVI в., с тревогой наблюдавшим за ослаблением военной мощи Османской империи, этот автор пытался искоренить злоупотребления при наборах, от которых страдало местное население. Он пишет, например, о том, что не следует брать с жителей деревни, из которой был произведен набор мальчиков, «хылат бахасы», деньги, предназначавшиеся, очевидно, на покрытие расходов по экипировке рекрутов. Он замечает, что если все же сбор этих денег производится, то нельзя брать более 200 акче, ибо «в старые времена взималось по 100 акче». «Ныне же, — пишет он — когда аба⁹³ в цене, берут и по 300 акче... [Эти деньги] нужно брать в зависимости от числа новобранцев»⁹⁴. Плата эта, судя по сохранившемуся указу от 1622 г., составляла уже 600 акче⁹⁵.

Согласно зачитанному в венецианском Сенате сообщению венецианского посла при дворе султана Сулеймана II (1520—1566) Бернардо Наваджеро, прибывшего в Стамбул в 1550 г., вербовщик-янычар, которому поручалось проведение набора мальчиков, вез с собой «столько новых одежд, сколько нужно

для новобранцев»⁹⁶. Таким образом, взимаемая плата «хылат бахасы» в некоторых случаях должна была покрыть расходы, понесенные казной, на приобретение платья для новобранцев.

В одном из сохранившихся указов о наборе-девширме от 1550 г. говорится, что два зимми по имени Дурмуш и Яни приняли на себя обязательство заплатить по 100 акче за одежду для новобранцев, рекрутированных в их местах⁹⁷. К сожалению, из документа не ясно, была ли уплата этих денег благотворительным актом богатых лиц, заплативших за крестьян, или же уплаченные деньги они впоследствии должны были с них собрать.

Автор «Мебде-и канун», рассказывая о наборах-девширме, предупреждает о недопустимости незаконных поборов с населения тех мест, где происходит набор, — особенно продовольствия, «овец и ягнят»⁹⁸. Это говорит о том, что подобные незаконные поборы были весьма распространены. Он же предлагает янычарскому аге посылать проводить набор людей, славящихся своей честностью «Если [выяснится, что] было какое-то притеснение со стороны [янычар] — чорбаджи либо находящихся при них кятибов и кетхюда, наказывать [их] по закону. Если же притеснений не было, если [они] действовали согласно закону, [янычарский ага] должен оказать им милость»⁹⁹.

Кроме денежного сбора «хылат бахасы», который взимался с жителей деревень, где производился набор мальчиков, имелось еще несколько сборов, который платили крестьяне. Писарь (кятиб), записывавший в особые дефтеры все сведения о новобранцах, взимал (в зависимости от размера деревни) по 10—20 акче, носивших название «тезкере акчеси». 4—5 акче из них шли янычарскому сборщику-кютхюда, а остальные — самому кятибу. Деньги под названием «кул акчеси» выплачивались жителями деревень, где производился набор мальчиков, янычару-сюрюджи, охранявшему партию новобранцев в пути¹⁰⁰. Когда число набранных рекрутов достигало 100—150 человек, их, записав в дефтер, облачали в привезенную для них одежду (длинные, до пят, платья и высокие шапки с пером)¹⁰¹ и отправляли под охраной янычар-сюрюджи в османскую столицу.

По прибытии в Стамбул новобранцев первоначально размещали в домах горожан, а наутро доставляли в резиденцию янычарского аги¹⁰². Здесь происходила процедура их проверки, йо-

клама, в которой принимал участие специальный лекарь (джеррах), обязанный удостовериться, что в партии нет мусульман и ответственный за процедуру обрезания христианских мальчиков.

Во время этой проверки-йоклама в ведомстве аги происходило назначение новобранцев (их, как уже указывалось, называли аджами огланами) на различные виды работ, предшествующих их зачислению в янычарский корпус. Мальчиков с привлекательной внешностью передавали во дворец. Крупных сложением и мужественных на вид зачисляли в бостанджи, служители султанских садов (бостанов), которые были обязаны нести их охрану и выполнять другие виды работ. Часть мальчиков попадала в столичные казармы аджами огланов, использовавшихся в столице на различных общественных работах. Какую-то часть рекрутов передавали за деньги в качестве работников в провинцию всем желающим. Установленная законом плата в этом случае составляла 1 золотой¹⁰³. Однако со временем она возросла. Автор «Мебде-и канун» отмечает, что аджами огланов продавали азиатским туркам за три куруша. Учитывая, что в конце XVI в. один куруш (серебряная монета иностранного происхождения) приравнивался к 100 акче¹⁰⁴, плата за приобретение работника-аджами оглана должна была составлять в это время 300 акче, что было дороже стоимости золотого алтуна. Мустафа Али сообщает, что соотношение между серебряной монетой акче и алтуном в последней четверти XVI в. было следующим: 1 алтун = 120 акче¹⁰⁵. Сообщение автора «Мебде-и канун» о передаче мальчиков туркам за деньги разрешает недоумение издателя и переводчика трактата Кочубея Гёмюрджинского В. Д. Смирнова, который считал подобное же сообщение Кочубея необъяснимым¹⁰⁶.

Существовали некоторые ограничения на передачу аджами огланов в работники. Автор «Мебде-и канун» сообщает, например, что запрещалось отдавать мальчиков в услужение данышмендам — выпускникам медресе высшей ступени, а также кадиям, ремесленникам, и вообще жителям Стамбула. Объяснялось это тем, что все перечисленные категории населения не были связаны с сельским хозяйством, а потому не могли использовать взятых мальчиков в работах, приучавших их к «перенесению лишений»¹⁰⁷.

За аджами огланов, отдаваемых для работы в провинции, были ответственны два высших должностных лица янычарского корпуса — анатолийский и румелийский ага. По сообщению Бернардо Наваджеро, они получали за каждого отданного мальчика по 25 акче¹⁰⁸. Какую-то сумму получали кятибы, занимавшиеся оформлением соответствующих записей в дефтерах. В обязанности румелийского и анатолийского аги входили периодические проверки положения отданных в работы аджами огланов. За эти проверки турки, приобретающие мальчиков, обязаны были уплачивать инспекционный сбор «йоклама акчеси» в размере 80 акче¹⁰⁹. Служба анатолийского и румелийского аги специально из казны не оплачивалась. На должность проверяющих назначались обычно старшие офицеры янычарского корпуса. Румелийским ага был кто-либо из янычарских баш яябаши, баш яябаши корпуса аджами огланов или какой-нибудь деведжи и хассеки¹¹⁰. (Обо всех этих должностях и званиях речь пойдет ниже). Румелийского агу ожидала должность анатолийского аги, а последний, после некоторого срока службы, назначался Стамбульским агой, который ведал всеми аджами огланами, выполнявшими различные работы в Стамбуле¹¹¹.

Естественно, что не сами румелийский и анатолийский ага непосредственно производили проверки. Они поручали это другим лицам, кетхюда. Два кетхюда отправлялись для этого в Румелию, а два — в Анатолию. Они взимали «йоклама акчеси» с крестьян, которые взамен этого освобождались от уплаты налогов «текалиф-и орфийе» (обычные налоги). Всего у анатолийского и румелийского аги в подчинении было 10—15 человек в ранге кетхюда, которые занимались проверкой отданных в провинцию аджами огланов¹¹².

Мальчики, переданные туркам, не получали за свою работу никаких денег и находились на полном обеспечении купивших их. Аджами огланов использовали как простых работников в хозяйстве. Обычно турки покупали одного-двух мальчиков. В турецких семьях аджами огланы имели возможность научиться говорить по-турецки и приобрести основные знания о своей новой религии. По сообщению венецианского посла Наваджеро, турки использовали юношей «как рабов»¹¹³, хотя они не являлись их рабами в юридическом смысле. Проработав у турок 2—3 года, а иногда и дольше (до 8 лет), что зависело от

потребностей пополнения янычарского войска, аджами огланы возвращались в Стамбул на основании особого документа (тезкере) румелийского или анатолийского аги. Наваджеро пишет, что юноши с охотой ехали в Стамбул, стремясь освободиться от своего рабского положения и тяжелой работы у турок¹¹⁴.

По прибытии в Стамбул аджами огланы не сразу зачислялись в ряды янычар. Их представляли янычарскому аге, который передавал их на сей раз на другую службу, называвшуюся службой «торба» (*тур.* мешок), под начало Стамбульского аги.¹¹⁵ Последний являлся начальником этих аджами огланов, занятых на общественных работах в Стамбуле и живших в специальных казармах — ода (*тур.* комната, помещение). Эти аджами огланы уже получали жалованье в размере 1 акче в день¹¹⁶.

Стамбульский ага, распорядившийся корпусом столичных аджами огланов, занимал довольно высокое положение в таблице о рангах янычарского корпуса. Его жалованье составляло 40 акче в день. Он назначал своей властью офицеров в бёлюках (ротах) аджами огланов, а также распоряжался деньгами, выдававшимися ему на закупку и доставку дров для султанского дворца, на содержание специальных грузовых лодок, на которых грузчиками и гребцами служили подчиненные ему аджами огланы. Стамбульский ага также являлся командиром одного из бёлюков аджами огланов, численность которого к концу XVI в. достигла 7—8 тыс. человек, так что пришлось разделить его на 9 бёлюков. Стамбульскому аге принадлежало право выпуска аджами огланов на янычарскую службу, для чего он должен был выдавать соответствующее документ (тезкере) со своей печатью¹¹⁷. Служба в бёлюке, командиром которого был сам Стамбульский ага, считалась наиболее выгодной. Именно Стамбульский ага следил за тем, чтобы на янычарскую службу выпускались аджами огланы, прослужившие наибольшее число лет.

В столице аджами огланы использовались на строительстве общественных сооружений, участвовали в их ремонте, работали в качестве грузчиков или гребцов на судах, доставлявших в столицу дрова для дворца и другие хозяйственные и строительные грузы. Автор «Мебде-и канун» отмечает, что во времена султана Сулеймана II в подчинении Стамбульского аги было 4 тыс. аджами огланов и 72 судна для перевозки дров. Можно до-

верить этим сведениям, приводимым автором «Мебде-и канун», так как именно в этот период его дед, Сакка Махмуд, в течение четырнадцати лет занимал должность Стамбульского аги¹¹⁸.

Жившие в стамбульских казармах аджеми огланы первоначально обеспечивались продовольствием из дворцовой кухни, но с ростом их числа они были переведены на отдельное обеспечение. Они ходили в определенную для них мечеть, где служили специально назначенные муэzzин и имам. Имели аджеми огланы и особую баню, построенную специально для них в правление султана Селима I. На обеспечение этой бани дровами шли деньги, регулярно взимавшиеся с казенных судов (8 акче с судна). Мытье в бане стоило 1 акче, из которых пол-акче было платой за вход и пол-акче — за дрова. Баня аджеми огланов была доступна и другим, но в этом случае плата составляла не 1, а 2 акче. Среди казарм аджеми огланов располагалась специальная тюрьма, куда помещали особо провинившихся юношей. За нетяжелые проступки аджеми огланов наказывали прямо в казармах с помощью биты палкой. Совершал наказание либо кетхюда Стамбульского аги, либо командир бёлюка — бёлюкбаши, но с ведома того же кетхюды. В конце XVI в. раз в году аджеми огланов обеспечивали отрезом сукна на верхнюю одежду¹¹⁹.

По сообщению все того же венецианского посла Бернардо Наваджеро, многие аджеми огланы работали на строительстве, где они были заняты черной тяжелой работой — переносили известку, землю, бревна и камни, получая за это обычное жалованье в 1 акче в день. В казармах они жили по 25—40 человек в одном помещении и питались сообща, собирая с каждого по 25 акче в месяц. На эти деньги на базаре закупались продукты — рис, масло, а также дрова и свечи. Аджеми огланам выдавалось также по 5 акче в месяц на покупку обуви. Кроме того, каждый год, как пишет Наваджеро, им выдавалось по отрезу сукна синего цвета и полотно на рубашки. Повар (ашчи), выбиравшийся из самих аджеми огланов, живших в казарменном помещении (ода), готовил для них еду и был освобожден за это от уплаты денег на собственное питание. Командиром подразделения аджеми огланов, живших в одном казарменном помещении, являлся бёлюкбаши, который носил такой же, как у янычар, белый головной убор, отличаясь тем самым от про-

чих аджами огланов, носивших остроконечные колпаки желтого цвета. Описывая бёлюкбаши аджами огланов, Наваджеро пишет, что они повсюду сопровождали аджами огланов с палкой в руке, чтобы их подопечные «не причиняли вреда людям по дороге». Жалованье бёлюкбаши аджами огланов составляло 2 акче в день¹²⁰.

Автор «Мебде-и канун» сообщает, что на должность бёлюкбаши обычно назначался старший по возрасту аджами оглан каждого подразделения. Бёлюкбаши был подчинен ашчибаши, который являлся командиром аджами огланов всех ода. Жалованье ашчибаши составляло от 6 до 7 акче¹²¹. Бёлюкбаши производились в должность ашчи¹²². Что касается ашчибаши, то он мог быть назначен чавушем Стамбульского аги, а после того его кетхюдой. И чавуш, и кетхюда Стамбульского аги также считались командирами аджами огланов, живших в казармах. При этом казармы были поделены на две части. Одна их часть — 15 ода — находилась под началом чавуша, а другая, также 15 ода — под началом кетхюды Стамбульского аги. Казармы аджами огланов строго охранялись: при воротах несли вахту старшие аджами огланы, называвшиеся капуджи. Они были обязаны следить за тем, чтобы в казармы не проникали посторонние лица и чтобы в помещения не проносили запретные вещи¹²³.

Старшими командирами в бёлюках аджами огланов считались также чорбаджи, которым были подчинены все бёлюкбаши, ашчи и ашчибаши. Эти чорбаджи, в отличие от чорбаджи янычарских рот, назывались аджами чорбаджи и имели ранг яябаши. Со временем их возводили в ранг янычарских яябаши или переводили на службу в бёлюки придворных сипахи¹²⁴ с жалованьем в 20 акче. Иногда, в виде особой султанской милости, им давалось звание чавуша. Старшего аджами чорбаджи — баш яябаши — могли назначить на пост Румелийского аги¹²⁵. Порядок продвижения по службе был строго определен, по крайней мере на бумаге, и его старались придерживаться, что не исключало, конечно, отдельных нарушений.

Как уже указывалось, основная масса аджами огланов работала на строительстве общественных сооружений в столице. При этом бывали случаи злоупотреблений со стороны должностных лиц янычарского корпуса, которые пытались использовать

даровую рабочую силу для своих личных целей. За подобный проступок в 1592 г. лишился своего поста янычарский кятиб — незадолго до того назначенный на эту должность известный османский поэт и историк Мустафа Али (1541—1600). Проезжая однажды по Стамбулу, султан Мурад III увидел, что на строительстве его дома трудятся янычары и аджеми огланы¹²⁶.

Кроме занятых на строительстве, значительное число аджеми огланов работало в султанских садах, огородах и виноградниках, занимаясь чисто сельскохозяйственной работой. Наиболее крепких аджеми огланов направляли на работу в султанские бостаны, где они находились под началом бостанджибаши. Один из бостанов — хасс бахче — был особо привилегированным местом службы аджеми огланов, и работавшие там получали жалованье 2 акче в день. В других бостанах жалованье было поменьше — полтора акче¹²⁷.

В одном из садов, Куле бахче, по сообщению автора «Мебде-и канун», работавшие там аджеми огланы также получали жалованье 2 акче. По преданию, пол-акче прибавки они получили особым указом султана Сулеймана II. Когда он был еще наследным принцем (шехзаде), его отец, султан Селим I, однажды в гневе приказал казнить его. Исполнить приказ было поручено бостанджибаши. Но тот, «предвидя конец дела», передел шехзаде в платье рядового бостаджи и спрятал среди работавших в Куле бахче аджеми огланов. Когда гнев султана остыл и он пожалел о своем приказе, бостанджибаши привел к нему живого и невредимого Сулеймана, за что был щедро награжден Селимом. Заняв престол, — пишет автор «Мебде-и канун», — Сулейман пожаловал огланам, служившим в упомянутом бахче, по пол-акче прибавки¹²⁸.

Служба аджеми огланов-рабочих была физически тяжелой, и они мечтали о скорейшем выходе на военную службу. Тот же автор описывает эпизод с зачислением в янычары аджеми огланов, работавших на закладке сада Халькалу неподалеку от Стамбула. Узнав о том, что работы должен посетить султан (Сулейман II), аджеми огланы решили проявить на виду у него особое усердие, чтобы побудить его зачислить их в янычары. Автор «Мебде-и канун» пишет, что работавшие в саду Халькалу молодые люди «уже по семь-восемь лет отслужили у турок и еще семь-восемь лет провели на службе торба»¹²⁹.

По сообщению Бернардо Наваджеро, в дворцовом султанском саду на работах было занято 800 аджеми огланов. Они часто получали подарки от султана, которые вручались по случаю султанских выездов на охоту. Эти аджеми огланы включались в состав свиты, сопровождавшей султана на охоту, исполняли обязанности гребцов на султанских лодках-кайыках. Всего Наваджеро насчитывает около 20 султанских садов, в которых, по его подсчетам, работало 2 тыс. аджеми огланов. Их начальником был бостанджибаши, лицо, приближенное к султану. Бостанджибаши жил в одном из помещений султанского дворца, сопровождал султана, в числе прочих придворных, при его прогулках по саду, исполнял роль рулевого в султанской лодке-кайыке¹³⁰.

Заняты были аджеми огланы на строительных работах и в европейской столице государства — Эдирне, в которой летом любили подолгу жить султаны, охотясь в его окрестностях. Из султанского указа на имя чиновника казначейства (хардж эмини) от 1568 г. мы узнаем, что посланным из Стамбула на строительные работы в Эдирне аджеми огланам предписывалось оформить прибавку к жалованью в 1 или 2 акче (2 акче — занятым на особо тяжелой работе грузчиков). Эта прибавка в указе обозначена словом «йемеклик» («на пропитание»)¹³¹.

В 1570 г., указом Селима II, на строительство мечети в Эдирне, осуществлявшегося на средства самого султана, предписывалось направить 100 аджеми огланов, служащих «у турка», с назначением им соответствующего жалованья¹³².

Принимали участие аджеми огланы и в ремонтных работах. Мустафа Селяники в своем труде описывает эпизод с небывалой грозой, разразившейся в окрестностях Стамбула в царствование султана Сулеймана II, которая вызвала селевые потоки, разрушившие мосты. Указом султана на их починку, в числе других рабочих и мастеров, были посланы и аджеми огланы, которые получили за это особое вознаграждение¹³³.

Довольно живописную картину того, как работали аджеми огланы на строительстве, дает автор «Мебде-и канун», объясняя, почему аджеми огланы, занятые на службе торба, получают прибавку к своему жалованью. Он рассказывает, как однажды строительство мечети Шехзаде посетила жена султана Сулеймана II. Мечеть Шехзаде была построена в Стамбу-

ле в 1548 г. в память об умершем в 1543 г. сыне Сулеймана и Хуррем Султан, знаменитой Роксоланы¹³⁴. Увидев работающих на строительстве аджами огланов — босых, без головных уборов, обросших щетиной, таскающих землю и камни, султанша попросила своего супруга назначить им прибавку к жалованью в размере 5 акче в месяц, которые получили название «тыраш акчеси» («деньги на бритье»). Для того чтобы выплачивать эти деньги аджами огланам, Хуррем Султан, по преданию, продала часть своих драгоценностей, после чего эта прибавка была официально узаконена. Ее могли получать лишь проработавшие более года и занятые на тяжелых строительных работах аджами огланы, получавшие не более 1 акче¹³⁵.

Лишь некоторая часть аджами огланов попадала в столицу на службу торба и в бостаны. Стамбульский ага имел в своем распоряжении 72 судна, на которых должны были служить аджами огланы¹³⁶. Суда под своим началом имели и некоторые другие офицеры янычарского корпуса, например янычарский кятиб, кетхюда-бей, секбанбаши. Гребцами на них также служили аджами огланы¹³⁷. О том, что аджами огланы использовались в качестве гребцов, свидетельствует, в частности, указ от 1568 г. на имя янычарского аги, в котором предписывается отобрать 300 аджами огланов, работающих «у турка» без жалованья, для службы на четырех строящихся грузовых судах¹³⁸. А в указе от 1583 г. сообщается о том, что на грузовых судах, перевозящих дрова, освободилось 1252 места, в связи с чем янычарскому аге предписывалось направить на службу на эти суда 700 аджами огланов, находящихся «у турка»¹³⁹.

Некоторых аджами огланов посылали на строительство военных судов. Так, после знаменитого поражения султанского флота при Лепанто в 1571 г., когда турки потеряли огромное число своих военных кораблей, началось интенсивное строительство нового флота, для чего из казны были отпущены значительные суммы. Для строительных работ на верфи было забрано множество аджами огланов, которые конопатили суда, плотничали, исполняли другие виды работ¹⁴⁰.

Особое подразделение составляли аджами огланы, работавшие в пекарне секбанов. В начале XVII в. их было 60 человек. Их командиром считался главный пекарь — этмекчибаши с жалованьем в 14 акче. По закону его нельзя было сместить

с должности. Ранг этмекчибаши был равен рангу янычарского яябаши. Аджеми огланы, работавшие в пекарне секбанов, занимались выпечкой лепешек фодла, или фодула, которые поставлялись в различные подразделения янычарского корпуса, а также выдавались различным должностным лицам янычарского корпуса. Старшие аджеми огланы, хорошо освоившие ремесло пекаря, назывались халифе и получали жалованье 7 акче в день. Замешивавшие тесто, хамуркяры, — 5 акче и, наконец, юноши, лепившие из теста бублики симит (симитчи) — 4 акче¹⁴¹.

Многие аджеми огланы работали на кухнях ряда столичных дворцов — Эски Сарай, Галатасарай, Ибрахим-паша сарайи и др. Какое-то их число работало на кухне султанского дворца, где аджеми огланы разделявали мясо, ошипывали и потрошили птицу, готовили йогурт и халву¹⁴². В ряде дворцов они служили в составе охраны или занимались стиркой белья.

Некоторые аджеми огланы попадали на работы в государственные оружейные мастерские, например в Топхане, где их зачисляли в ученики (шакирды) к пушкарям. Управляющий оружейными мастерскими в Стамбуле, топчибаши, обычно письмом извещал султана, сколько физически крепких аджеми огланов требуется для работы¹⁴³. В мастерских Топхане аджеми огланы использовались как подсобные рабочие при выплавке металла, здесь же они обучались кузнечному и плотницкому делу, их учили также ремеслу сверлильщика по металлу.¹⁴⁴ Направляли аджеми огланов и в мастерские по изготовлению пушечных повозок. Так, указом от 1579 г. предписывалось перевести в эти мастерские 50 аджеми огланов, занятых на службе торба¹⁴⁵, т. е. занятых на столичных строительных работах. Некоторое число аджеми огланов обучалось различным ремеслам для дворцовых и военных нужд. Указ от 1564 г. на имя янычарского аги предписывал забрать из работ «у турка» 8 способных к ремесленному делу аджеми огланов и отдать их в ученики мастерам султанских мастерских по изготовлению недоузтков и веревок из конской гривы¹⁴⁶. А в указе янычарскому аге от 1566 г. говорится о необходимости отправить 10 аджеми огланов на работу в большую султанскую конюшню в качестве седельников¹⁴⁷. Аджеми огланы работали также в султанских овчарнях, обучались ремеслу ткачей и т. д.¹⁴⁸ В ремесленных мастерских, которые имелись при ведомстве янычарского аги,

в качестве учеников также работали аджами огланы. Даже после зачисления их в янычарский корпус, они продолжали работать в качестве ремесленников.

Тяжелая физическая работа, психологические испытания, которые переносили юноши, навсегда оторванные от родной среды и нелегко осваивавшие чуждый им язык и нормы религии и культуры, мало способствовали физическому и психическому здоровью новобранцев. Выживали сильнейшие. Среди аджами огланов был довольно высок процент смертности. В султанских указах XVI в., предписывавших представить рекрутов на ту или иную службу, нередко сообщается о высвобождении мест службы из-за смерти аджами оглана. Так, в указе от 1568 г. на имя янычарского аги говорится, что в связи со смертью аджами огланов, работавших в султанских садах Эдирне в качестве бостанджи, о чем было сообщено письмом бостанджибаши Эдирне, для садовых работ требуется 72 оглана, в связи с чем на эту службу призывалось 72 аджами оглана, работавших в Анатолии «у турка»¹⁴⁹. В те же султанские сады Эдирне, согласно указу от 1572 г., потребовалось 54 аджами оглана — «вместо умерших», а в 1577 г. 67 огланов — «вместо умерших и сбежавших»¹⁵⁰.

Другой султанский указ от 1565 г. на имя янычарского аги гласит, что в связи со смертью аджами огланов, занимавшихся стиркой белья в султанском дворце, для исполнения этих работ требуется 5 аджами огланов. В указе от 1564 г. говорится о смерти 7 аджами огланов-прачек¹⁵¹. О высвобождающихся местах службы аджами огланов по причине их смерти пишет и анонимный автор трактата о янычарском корпусе¹⁵².

Многие аджами огланы пытались спасти себя от ненавистных им работ с помощью бегства. Это видно из многих указов, в том числе из указа на имя кадия Йенишехира от 1560 г., в котором сообщается, что аджами огланы, набранные в каза Йенишехира, находясь в ученичестве у султанского кумашчи (мастера-ткача), бежали в свои родные места¹⁵³. О бегстве аджами огланов сообщает также автор «Мебде-и канун»¹⁵⁴.

Общая численность аджами огланов известна нам по разным источникам для разных периодов. Она не была постоянной. Венецианец Константино Гарцони, сопровождавший в качестве частного лица венецианского посла в Стамбул в 1572 г.,

сообщает, что всего аджами огланов насчитывается по меньшей мере 6 тыс. Он очень нелестно отзывается об их поведении, называет их распущенными и отмечает, что аджами огланы «стремятся причинить неприятность всякому [человеку], какой бы нации или звания он ни был, что в значительной мере допускается их начальниками». Гарцони замечает, что аджами огланы «даже наглее, чем сами янычары»¹⁵⁵.

Некоторое число аджами огланов, в нарушение закона, попадало в слуги к султанским сановникам. Практика эта не являлась официальной и осуждалась. Автор «Мебде-и канун» приводит рассказ об одном аджеми оглане, который, служа в доме у столичного чиновника, не знал в лицо своего главного начальника, Стамбульского агу. Попавшись на этом, он был строго наказан¹⁵⁶.

После прохождения службы в корпусе аджами огланов в течение нескольких лет (срок службы мог колебаться) молодых людей наконец зачисляли в янычары, назначая им соответствующее жалованье. Этот выход на военную службу обозначался словом «чыкма» (от *тур.* чыкмак — выходить). Занесенные в янычарские дефтеры новички первоначально должны были прислуживать «старослужащим». В указе от 986 г. х. (1568/69) на имя янычарского аги говорится, что в связи с тем что отправляющимся в Каир янычарским яябаши, бёлюкбаши и подчиненным им янычарам требуются слуги-(хизметкяры), необходимо зачислить в янычары 40 аджеми огланов¹⁵⁷. Константин из Островицы также сообщает, что при поступлении на службу в янычары «младший должен служить старшему»¹⁵⁸.

Какой-либо строгой регулярности в зачисление аджеми огланов в янычарский корпус не существовало. Все зависело от наличия янычарских вакансий и возникавших потребностей. Вместе с тем имелись категории аджеми огланов, которых чаще, чем других, производили в янычары. Из султанского указа от 1583 г. на имя янычарского аги ясно, что аджеми огланы, служившие в Галатасарайе и пекарне секбанов, имели регулярные выпуски — раз в три месяца, в то время как аджеми огланы, работавшие в других пекарнях, таким правом не пользовались. В данном указе говорится, что по этой причине служащие в казенных пекарнях аджеми огланы побросали свою службу. Указом предписывалось впредь выпускать аджеми огланов из

государственных пекарен на янычарскую службу так же, как из Галатасарая и пекарни секбанов — раз в три месяца, а на их место зачислять других¹⁵⁹.

Такого же права в 1589 г. добились и аджеми огланы, служившие в Ибрахим-паша сарайи и пожаловавшиеся султану на то, что они находятся в невыгодном положении по сравнению с аджеми огланами из Галатасарая. Им также было даровано право выпуска раз в три месяца с зачислением каждый раз в янычары одного аджеми оглана¹⁶⁰.

Обычно при зачислении в янычарский корпус янычарскому аге посылался указ, в котором сообщалось о переводе в янычары некоторого числа аджеми огланов (точное число указывалось), работающих на таких-то видах службы, с занесением их имен в янычарский дефтер¹⁶¹. При этом место службы переведенных в янычары занимали другие аджеми огланы, служившие «у турка»¹⁶².

Бывали случаи массового зачисления аджеми огланов в ряды янычар. Так, при восшествии на престол султана Мехмеда III (1595—1603) был произведен большой выпуск аджеми огланов на янычарскую службу из числа тех, кто работал в Галатасарайе, Ибрахим-паша сарайи и других местах¹⁶³. Такое же массовое зачисление аджеми огланов в ряды янычар произошло в 1582 г. во время празднества по случаю обрезания наследного принца. Во время этого выпуска, особый милостью султана Мурада III, в янычарский корпус были зачислены «лица со стороны». По рассказу автора «Мебде-и канун», в дни столичного празднества некоторые жители Стамбула, немусульмане, перешли в ислам, за что от имени султана им была предложена служба султанских оружейников (джебеджи) и пушкарей (топчи). Однако новоявленные мусульмане отказались от этой милости, попросив другую, — зачислить их в янычары, точнее, в корпус аджеми огланов, состоящих на жалованье, с последующим зачислением их в янычары. Для выполнения этой просьбы требовалось составить дефтер наподобие того, который составлялся для набранных по девширме аджеми огланов. Он назывался эшкаль дефтери. Сюда заносились все данные о рекрутах, описание их внешности и особых примет. Тогдашний янычарский ага, Ферхад-паша, возразил против подобного зачисления в аджеми огланы, указав султану на то, что зачис-

ляемые являются лицами низкого происхождения, не получившими необходимого воспитания, и к тому же ремесленниками. Ферхад-паша также напомнил о существующем запрете набирать аджеми огланов в Стамбуле, Бурсе и Эдирне. Однако эти возражения янычарского аги не были приняты во внимание. Более того, противившийся набору новообращенцев Ферхад-паша в результате лишился своей должности, а назначенный вместо него янычарским агой Юсуф-паша послушно исполнил повеление султана Мурада III. Во время этого экстраординарного зачисления в корпус аджеми огланов жителей Стамбула, по словам автора «Мебде-и канун», за взятку в списки было внесено множество турок¹⁶⁴. Кочубей Гёмюрджинский в своем трактате также упоминает об этом незаконном зачислении в янычарский корпус «лиц со стороны»¹⁶⁵.

Аджеми огланы, в течение многих лет занятые на тяжелой физической работе, с нетерпением ожидали конца своей службы и зачисления в янычары, которые получали более высокое жалованье, вели иную жизнь и пользовались совсем иным общественным статусом. Это стремление усиливалось подчас и тем, что многие аджеми огланы, несмотря на существовавший запрет женитьбы, умудрялись во время своей службы обзаводиться семьями¹⁶⁶ (начиная с XVI в.) и были крайне заинтересованы в увеличении своего жалованья.

По существовавшим правилам, на янычарскую службу должны были выводиться в первую очередь прослужившие наибольший срок и старшие по возрасту аджеми огланы¹⁶⁷. Получив запрос, Стамбульский ага составлял тезкере — документ о выводе таких аджеми огланов со службы. При этом должна была производиться тщательная проверка данных о выпускавшихся на янычарскую службу: проверялись скрепленные печатью янычарского аги дефтеры аджеми огланов, с целью воспрепятствовать попаданию в ряды янычар посторонних лиц. В конце XVI в. эти правила в связи с общей коррупцией в административно-чиновничьем аппарате Османской империи нередко нарушались. Так, на янычарскую службу зачислялись часто не самые старшие по возрасту и выслужившиеся аджеми огланы. Автор «Мебде-и канун», озабоченный нарушением порядков в янычарском корпусе, предупреждает в своем трактате об одной из уловок в связи с процедурой зачисления. Он пи-

шет, что те, кто выпускал в янычары далеко не самых старших, оправдывали свои действия нежеланием самих старших по возрасту аджеми огланов заступать на янычарскую службу¹⁶⁸.

Иногда военные потребности приводили к массовым зачислениям аджеми огланов в ряды янычар. Так, в августе 1599 г. на янычарскую службу сразу было выведено 1000 аджеми огланов. Этот массовый выпуск был связан с необходимостью посылки янычар в Анатолию для борьбы с восставшим османским сановником Хюсейн-пашой¹⁶⁹.

Заступавший на янычарскую службу новичок получал распределение в определенную янычарскую ода — казарму. Зачисленные в одну и ту же ода стремились явиться на место своей новой службы как можно быстрее, опередив других, так как вошедшие в казарму раньше, считались старшими по сравнению с теми, кто прибывал позже. Зная это правило, получившие распределение новички со всех ног бежали в казарму. Видя, что кто-то опережает их, они выбрасывали вперед свою шапку. Если она оказывалась на пороге казармы раньше того, как в нее забегал соперник, то бросивший шапку считался по отношению к нему старшим¹⁷⁰. Старшинство, полученное даже таким образом, впоследствии давало преимущество в продвижении по службе и в получении прибавки к жалованью. Вообще старшинство играло огромную роль в социальной организации Османского государства. Критерий времени во многих случаях был определяющим для установления иерархической соподчиненности, уровня социального почета и т. п.

Аджеми оглан, зачисленный в янычары, начинал службу с ежедневного жалованья в 3 акче. Однако к концу XVI в. ситуация изменилась. По словам автора «Мебде-и канун», многие аджеми огланы еще до своего вступления в янычарский корпус выслуживали себе тем или иным способом жалованье в 7 или даже 8 акче и потому в янычары зачислялись с этим повышенным жалованьем. В связи с этим он замечает, что новичкам-янычарам не было особого резона проявлять большое усердие по службе¹⁷¹.

Новичок, прежде чем стать полноправным членом янычарской ода, должен был какое-то время прислуживать старшим янычарам, исполнять различные хозяйственные обязанности в казарме. Молодых янычар, исполнявших обязанности слуг,

называли кара куллулки (слуги по черной работе). Они убрали помещение казармы, чистили обувь, мыли посуду после янычарских трапез, кололи дрова, зажигали по вечерам светильники, ходили за покупками на базар. Кара куллулки находились в распоряжении казарменного повара, ашчи, приказания которого они должны были беспрекословно исполнять.

Среди кара куллулки была своя иерархия. Рангом ниже ашчи считался янычар, ходивший за покупками (пазара гиден), затем шел чистильщик обуви — папуччи, затем — кандильджи (зажигающий светильники) и т. д.¹⁷² Некоторых новичков представляли в качестве личных слуг к офицерам ода — чорбаджи и некоторым другим старшим по положению янычарам¹⁷³. Только прослужив в качестве прислужников, новички становились полноправными янычарами. Выслуживший свой срок куллулки должен был выставить своим старшим товарищам по казарме угощение, для чего он покупал тушку барана и подвешивал ее в помещении, называемом софа¹⁷⁴. Вечером, после того как угощение было готово, в софа янычарской ода собирались все янычары данной казармы. Затем происходило само угощение, в котором принимал участие выслуживший свой срок куллулки. Ему повязывали голову дюльбендом — чалмой из тонкой хлопчатобумажной ткани, поверх которой одевали головной убор из тонкого сукна, называвшийся аракийе. Во время этой процедуры старослужащие янычары произносили слова молитвы и благословения¹⁷⁵. Головной убор, как и пояс, играл особую, социально значимую, роль в одеянии. Отношение облачаемого к облачающему рассматривались как отношение младшего к старшему¹⁷⁶.

К концу XVI в., в связи с большими изменениями в положении янычарского корпуса и широко распространившейся в нем коррупцией, далеко не все янычары проходили службу в качестве кара куллулки. Еще будучи аджами огланами, многие пристраивались для службы в дома высокопоставленных лиц столицы, продолжали служить там и по зачислении в янычарский корпус, не появляясь в помещениях своих казарм, что не мешало им исправно получать янычарское жалованье. Со временем, за взятку, даваемую офицеру казармы, такие янычары добивались для себя самого высокого янычарского жалованья и, достигнув положения «старика», являлись наконец на службу¹⁷⁷.

Становившийся после торжественной трапезы полноправным янычаром кара куллуки должен был еще какое-то время прослужить простым янычаром, прежде чем перейти в разряд «стариков». Изменение статуса такого янычара в янычарской ода также сопровождалось совместной янычарской трапезой, которую устраивал получавший звание «старика». После этого он имел право отпустить бороду и сидеть наравне с другими янычарами в присутствии казарменного офицера одабаши¹⁷⁸.

Каждому янычару, заступавшему на действительную службу, полагалось по 2 алтуна «дюзен» (на экипировку). Эти деньги предназначались для обзаведения лошадью, когда объявлялся военный поход. Конечно, двух алтунов было недостаточно, чтобы купить лошадь. Выдаваемые деньги «дюзен» в невоенное время янычары отдавали в рост, а при объявлении похода взимали их с должников с приращением. Деньги складывались и на них сообща покупались лошади. После окончания похода лошадей продавали, а вырученные деньги вновь отдавались в рост. Ростовщичество было привычной частью жизни янычар, имевших дело с наличными деньгами, которые могли так или иначе накапливаться. Часто деньгами под проценты ссужали своих же товарищей, которые за каждые десять акче должны были вернуть кредитору 11 с половиной. О ростовщичестве среди янычар пишет, в частности, Мустафа Селяники¹⁷⁹.

Деньги, вырученные в качестве процентов под пущенные в рост «дюзены», должны были покрывать убытки, возможные при покупках лошадей. В начале XVII в. касса «дюзенов», по сообщению автора «Мебде-и канун», во многих янычарских ода истощились. (В некоторых все финансовые операции по этой части перешли в руки ростовщиков-немусульман.) По этой причине казна была вынуждена оказывать помощь янычарам в приобретении лошадей в случае объявления похода. На десять янычар из казны перед походом полагалось по 1 тыс. акче на покупку вьючной лошади. В связи с наблюдавшимся во второй половине XVI в. ростом цен в Османской империи этой суммы было недостаточно. Поэтому с каждого на эти цели взимали по 2 алтуна¹⁸⁰. По два алтуна перед походом брали также с каждого янычара на приобретение необходимого продовольствия. При этом деньги эти брались как с тех, кто был записан в поход, так и с тех, кто в походе не участвовал¹⁸¹.

Янычары, жившие в казарме (ода), составляли основное подразделение янычарского корпуса — орта. Янычарские казармы были построены в Стамбуле вскоре после его завоевания турками в 1453 г. Янычарское предание сохранило рассказ, согласно которому место для казарм было выбрано там, где, как считалось, при штурме византийского Константинополя в город ворвались первые янычары (в районе ворот Ун капаны) и водрузили свой флаг. На этом месте, как гласит предание, были построены первые столичные янычарские казармы, получившие со временем название Старых, в отличие от Новых, построенных позже¹⁸².

Понятие ода, казарма, совпадало с понятием орта — подразделением янычар, которые в этой казарме размещались. Личный состав орты носил название джемаат. Таких джемаатов, где старшим офицером являлся чорбаджи, в ранге яябаши, в янычарском корпусе было 101. В составе янычарского корпуса были еще и другие подразделения, называвшиеся бёлюками (роты), во главе которых стояли старшие офицеры, бёлюкбаши. Орта, в которых офицерами являлись яябаши, располагались в Старых казармах.

Таким образом, в янычарском корпусе насчитывался 101 офицер яябаши, один из которых считался старшим и назывался баш яябаши. Его, согласно табели о рангах янычарского корпуса, ожидала должность одного из высших офицеров янычарского войска — баш чавуша¹⁸³. Среди офицеров янычарского корпуса было еще несколько возглавлявших янычарские подразделения старших офицеров, которые не имели звания яябаши. Это были командиры рот хассеки, сансунджи, загарджи и турнаджи, исполнявшие специфические функции в янычарском корпусе. Жалованье янычарских яябаши составляло 24 акче в день. Они носили особый головной убор, украшенный султаном из перьев в виде маленькой метелки, называвшейся сьпюрге¹⁸⁴.

Янычарам из орта, где офицерами были яябаши, вменялась в обязанность нести гарнизонную службу в пограничных городах государства. В мирное время они несли такую службу по очереди, поэтому их называли нёбетчи (от *тур.* нёбет — очередь). Янычары во главе со своими яябаши были обязаны также охранять обозы с казной, которые посылались в столицу из провинции¹⁸⁵.

Яябаши 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 46-й и 95-й янычарских орта назывались деведжи и считались яябаши более высокого ранга. Головной убор их был украшен прикрепленными сзади перьями цапли. В обязанности рядовых деведжи входили погрузка и разгрузка верблюдов янычарского аги, в том случае, если он принимал участие в военном походе. Среди деведжи один считался старшим и назывался баш деведжи. В конце XVI в., после участия султана Мехмеда III в походе против Венгрии (1596 г.), во время праздничной иллюминации, устроенной в Стамбуле по случаю возвращения султана в Стамбул, один из деведжи был, в знак привилегии, назначен яябаши 39-й янычарской орта¹⁸⁶.

Яябаши, служивший в орта деведжи, мог быть назначен хассеки. Хассеки янычарского корпуса также входили в разряд яябаши. По рассказу автора «Медде-и канун», впервые звание хассеки было учреждено в XV в. при султани Мехмеде II, когда еще не существовало должности янычарского аги. Агой всех янычар являлся секбанбаши — глава секбанов, стрелков, принимавших участие в султанских охотах. Иногда участие в охоте совпадало по времени с необходимостью того же секбанбаши совершать дозорные поездки по Стамбулу. В связи с этим султан повелел назначить четырех старых и заслуженных янычарских чорбаджи в ранге яябаши, особыми лицами, хассеки, которым вменялось в обязанность следить за содержанием охотничьих собак, чтобы по первому требованию султана выезжать с ними на охоту вместе с янычарами своих ода.

Участие этих хассеки в султанской охоте делало их особо привилегированными лицами. Четыре хассеки имели привилегию сопровождать в составе свиты султана, когда тот отправлялся на пятничную молитву. В этих случаях они находились среди стремянных султана. Янычарские орта, командирами которых были хассеки, носили номера 49, 66, 67 и 68. Жалованье хассеки составляло 25 акче в день, на одно акче больше обычного яябаши¹⁸⁷.

Еще более почетное положение среди янычарских яябаши занимал офицер, носивший название турнаджибаши. Им назначался кто-либо из хассеки, старший по возрасту на момент назначения. Это звание было учреждено, по сохранившемуся преданию, после одной из охот султана Мехмеда II, в которой

отличился хассеки 68-й орта. Одна из спущенных этим хассеки охотничьих собак на глазах у султана схватила журавля — рядом с султаном в тот момент не оказалось ни одного из его сокольников. Отличившийся хассеки 68-й орта был пожалован званием турнаджибаши (от *тур.* турна — журавль), а служивших в этой орта янычар стали называть турнаджи. Янычары 68-й орта были обязаны содержать собак-халасджи, которых тренировали на вспугивание птицы. Турнаджибаши вместе со своими янычарами входил в состав свиты, которая сопровождала султана при его выездах из дворца, отчего постепенно обязанности турнаджи как псарей и охотников отступили на второй план¹⁸⁸.

Также с охотой была связана служба янычар, состоявших в 71-й орта. Старшим командиром здесь являлся сансунджибаши. Это звание появилось в янычарском корпусе также в период правления султана Мехмеда II, уделявшего много времени своему излюбленному занятию — охоте. Султан, получивший в подарок из Валахии несколько собак особой породы, использовавшихся при охоте на крупного зверя и называвшихся сансун, назначил одного старшего тогда по возрасту янычарского яябаши (старшего офицера 71-й орта) сансунджибаши. Ему передали полученных в подарок ценных собак, за которыми отныне присматривали подчиненные ему янычары. Их стали называть сансунджи. Жалованье сансунджибаши составляло 25 акче в день. Янычары этой орта, одетые в длиннополую одежду, с бамбуковой палкой в руках, которая имела серебряный наконечник, также принимали участие в султанской охоте. Для собак-сансун была создана специальная псарня неподалеку от казармы, где располагались янычары 71-й орта. Летом, во время сильной жары, этих собак содержали на специально выделенных для этого летовках в горах — яйла¹⁸⁹.

Старший командир 64-й орта имел звание загарджибаши, которое было рангом выше звания сансунджибаши. Янычары этой орта смотрели за султанскими охотничьими собаками-ищейками (загар) и также принимали участие в султанской охоте. Загарджибаши назначали кого-нибудь из султанских солаков, янычар из особо привилегированного подразделения янычарского корпуса. Солаки являлись по сути телохранителями султана и вели свою историю со времен Баязида I¹⁹⁰. Того,

кто имел звание загарджибаши, назначали на должность янычарского кетхюда — первого помощника аги всего янычарского корпуса¹⁹¹.

В состав янычар входили 4 орта солаков, которые возглавлял солакбаши. В рассказе Ашык-паша-заде о битве Баязида I в 1402 г. с Тимуром упоминается султанский солак по имени Караджа, который, в отличие от других, не покинул султана до последней минуты боя¹⁹². По сохранившимся сведениям о времени правления султана Мехмеда II, в период между 1473 и 1481 г. султанских солаков было всего 80 человек. Они являлись личными телохранителями султана и повсюду сопровождали его. Они препровождали султана либо до его шатра, либо до ворот дворца, а когда султан спешил, построившись кругом, несли охрану места, где находился султан¹⁹³.

Солаки были обязаны в совершенстве владеть холодным оружием и метко стрелять из лука. Возведению в звание солака в XVI в. предшествовала церемония состязания в стрельбе из лука. Кандидаты в солаки должны были продемонстрировать свое искусство стрелка в присутствии самого султана. Обычно эта церемония проводилась в день выезда султана на пятничную молитву, после выхода его из мечети. При этом существовала строгая очередность в стрельбе претендентов на звание солака¹⁹⁴.

В орта солаков назначали служить янычар высокого роста и крупного телосложения. Солаки входили в состав 60-й, 61-й, 62-й и 63-й янычарской орта. Автор «Мебде-и канун» пишет, что солаками назначали обычно опытных янычар внушительной внешности, но ими могли стать и молодые янычары, обладавшие физической солидностью. Рядовые солаки получали по 15 акче в день, что считалось высоким для янычарского корпуса жалованьем. Если янычар попадал в солаки после службы при янычарском аге, его со временем делали загарджи или офицерами-чорбаджи аджеми огланов (аджеми чорбаджи). Либо, в виде особой милости, возводили в ранг янычарского яябаши.

Особое положение солаков подчеркивал их головной убор, украшенный сзади журавлиными перьями, как это было у янычарских офицеров яябаши. Головной убор командира солаков украшали перья цапли. Солаки носили одежду особого покроя — локмалу доламан — из атласа и шелковой ткани. Они

носили также длинные рубахи из тонкой хлопчатобумажной ткани. Солаки, сопровождая султана при его торжественных выездах в мечеть, шествовали впереди него с луками и стрелами в руках. Во время сражений, в которых участвовал султан, солаки постоянно находились при нем, осуществляя охрану¹⁹⁵.

В качестве яябаши, одновременно являвшихся старшими офицерами (чорбаджи) в орта, назначались долго прослужившие, опытные и заслуженные янычары. Яябаши пользовались большим почетом в янычарском корпусе. Каждый имел в личном услужении одного или двух янычар.

Янычары яябаши принимали участие в дозоре, который проходил в Стамбуле в дневное время. Вместе с ними эту службу несли также деведжи и хассеки. Яябаши принимали участие и в верховом дозоре секбанбаши, когда дозорную службу в столице несли секбаны¹⁹⁶.

Яябаши был скорее почетной фигурой, чем действительным командиром янычарской орта. Всеми повседневными делами янычарской роты распоряжался казарменный одабаши. Он обладал огромной властью и большим авторитетом. По закону на должность одабаши мог быть назначен лишь тот янычар, который прошел все ступени янычарской службы — от кара кул-лукчи до старшины. Одабаши должен был быть неженатым, так как его обязанности предполагали постоянное пребывание в янычарской казарме. Одабаши осуществлял наказание провинившихся янычар орта, которых, в случае, если провинность их была не слишком велика, били палкой¹⁹⁷.

Командиром янычарской ода считался также ашчи, повар орта, в распоряжении которого находились кара кул-лукчи. Главный ашчи всех янычарских орта назвался ашчибаши. Значение этой должности было столь велико, что в случае провинности самого ашчи, ее скрывали от янычар, чтобы не подвергать его публичному позору наказания¹⁹⁸.

Одабаши, который непосредственно руководил всеми повседневными делами янычарской орта, являлся и распорядителем (мютевелли) финансовых дел янычар. Он занимался сбором и передачей в рост денег «дюзен», брал на себя обязанности управляющего денежными вакуфами, которые учреждали некоторые янычары в целях благотворительности. Каждую пятницу, вечером, янычар, исполнявший в ода обязанности ве-

кильхарджа и находившийся в подчинении одабаши, собирал с янычар деньги на недельный запас продовольствия. С каждого янычара взималось по 10 акче. Векильхардж хранил у себя собранные деньги в специальной шкатулке¹⁹⁹. На них в течение недели закупалась необходимая провизия.

До второй половины XVI в. собранных таким образом продовольственных денег было достаточно. Однако начавшийся затем в Османской империи рост цен при отсутствии повышения жалованья поставил янычар в трудное положение. Собранных денег на провизию стало не хватать. По этой причине некоторые янычары, которым удалось скопить за годы службы 10—15 тыс. акче, обращали их в вакуф. Управляющие этими денежными вакуфами одабаши отдавали эти деньги под проценты, получая за каждые отданные 10 акче 11 акче, что, по мнению автора «Мебде-и канун», соответствовало установленной в исламе норме ростовщического процента. Полученные в виде процентов деньги использовались, согласно воле учредителя вакуфа, для закупки продовольствия. Одабаши строго следил за всеми расчетами, связанными с передачей денег в рост и использованием полученной прибыли²⁰⁰.

В период, когда женитьба янычар, первоначально запрещенная, стала привычным делом, одабаши занимались денежными вопросами и в том случае, если после смерти женатого янычара оставались его несовершеннолетние дети. Имущество умершего продавалось, а вырученные от этого деньги отдавались в рост до момента совершеннолетия детей. При этом дефтер с описью проданных вещей и указанием их цены хранился в специальном сундуке, который стоял в ведомстве главного писаря янычарского корпуса — янычарского кятиба. Некоторую часть получаемых в виде процента средств одабаши имел право тратить на нужды янычар орта, где служил покойный. На это шли лишь проценты с основного капитала. По достижении же наследниками совершеннолетия им передавали как основной капитал, так и скопившиеся проценты, если от них что-либо оставалось после расходов, сделанных одабаши²⁰¹.

Несмотря на изначально существовавший запрет на женитьбу янычар, очень скоро после создания янычарского корпуса прослужившие много лет и считавшиеся ветеранами янычары добились для себя официального разрешения заводить семью.

Постепенно это право начало распространяться и на других. В частности, получили право жениться янычарские ябаши, а также старейшие из служивых. Однако многие были неспособны ждать слишком долго. Со второй половины XVI в. женитьба янычар была практически узаконена. Чтобы завести семью, янычарам нужно было лишь разрешение своих одабаши. Женитьба давала им возможность, числясь на службе, жить вне казармы. Между тем во времена, когда контингент янычар составляли в основном захваченные на чужих территориях пленники, считавшиеся рабами, для того чтобы жениться, янычару нужно было получить разрешение у самого султана.

По сохранившемуся преданию, официальное право жениться янычарам-ветеранам, уже неспособным по возрасту или из-за полученных увечий нести военную службу, было даровано султаном Селимом I (1512—1520). Брат второго везира Селима, Юнус-паши, служил янычаром и решил воспользоваться высоким положением своего брата, подав прошение о разрешении на женитьбу. С этого времени янычары официально получили право заводить семью²⁰².

С конца XVI—начала XVII в. жениться имел возможность практически любой янычар, получив для этого разрешение у своего одабаши. Чтобы ускорить дело, янычары попросту подкупали его. Автор «Мебде-и канун» горько замечает, что пары штанов и рубашки было вполне достаточно, чтобы получить разрешение на женитьбу²⁰³.

Помимо большого числа распорядительных обязанностей по поддержанию порядка и дисциплины в казарме одабаши был обязан следить за моральным обликом янычар. Именно он заботился о том, чтобы янычары не забывали о своих религиозных обязанностях и регулярно совершали намаз²⁰⁴. Одабаши представлял также интересы своих подопечных на советах, которые регулярно проводились в резиденции главы янычарского корпуса. В них принимали участие высшие офицеры корпуса — кетюда-бей, баш чавуш и кетхюда йери (заместитель кетхюды), одабаши и бёлюкбаши, командиры янычарских бёлюков, бейтульмальджи (должностное лицо, занимавшееся делами выморочного имущества янычар, которое поступало в султанскую казну) и, наконец, асесбаши — янычар, исполнявший обязанности полицмейстера и судебного исполнителя.

В руки асесбаши прямо на совете передавали янычар, которые были признаны виновными в грабеже или убийстве.

В работе янычарского совета принимали участие не все одабаши, а только те, дела подопечных которых рассматривались на совете. На заседаниях этого совета рассматривались жалобы и прошения, поданные янычарами. Для этого требовалось присутствие как одабаши просителя, так и самого ходатая.

Одабаши составляли списки янычар, которые должны были участвовать в походах текущего года. Одабаши мог отказать янычару, внесенному в такой список, заступить на службу (куллук) по охране какого-либо объекта. Это могла быть служба в Стамбуле (при таможне, городских воротах и т. д.) или в провинции. В провинции к концу XVI в. было расквартировано большое число янычар. Это были как солдаты гарнизонов²⁰⁵, так и куллукчи, жившие в провинциальных касаба (городках). Последние, при объявлении похода, если они хотели освободиться от своей военной обязанности, должны были отправить прошение об этом своему одабаши, заверенное местным кади и одним из местных нотаблей. Одабаши подавал это прошение янычарскому аге, который мог удовлетворить или не удовлетворить просьбу янычара²⁰⁶.

Более высокое положение, чем яябаши, занимал другой командир янычар — чорбаджи, носивший то же звание яябаши. Он не занимался делами орта и лишь осуществлял контроль за положением дел в янычарской ода. Чорбаджи являлись особо доверенными лицами. Не всякий янычар, имевший звание яябаши, являлся чорбаджи, но все чорбаджи имели ранг яябаши.

Янычарским яябаши поручались особо ответственные дела в янычарском корпусе. Обычно именно офицерам-яябаши поручалось проведение наборов-девширме. Яябаши, как и одабаши, имели право выдавать янычарам разрешение на женитьбу и освобождать их от участия в походе. Обычно они не принимали участия в работе совета при янычарском аге, но могли быть вызваны туда для разбора некоторых янычарских тяжб. В отличие от простых янычар, носивших ниспадающий сзади на спину головной убор, яябаши носили прямой головной убор, украшенный связанными в виде маленькой метелочки перьями. Их головной убор окаймляла широкая полоса (ускюф), тканая золотыми и серебряными нитями²⁰⁷. Как и особо привелегиро-

ванные чины янычарского корпуса, ябаши носили зеленый кафтан (собраман) — одеяние, считавшееся особо почетным.

Ябаши возглавляли отряды янычар-пожарных, отвечая за охрану имущества горожан во время тушения пожаров. Они же принимали участие в ночных дозорах, проводившихся на улицах Стамбула, в ночной охране ряда важных объектов столицы, следили за погрузкой клади на верблюдов янычарского аги, когда тот отправлялся в поход.

Четыре—пять янычар, имевших звание ябаши и называвшихся тюфенкчибаши (от *тур.* тюфенк — пицаль, мушкет, ружье), контролировали работу казенных мастеров ружейного дела, которые изготавливали мушкеты для янычарского корпуса. Они же осуществляли контроль за продажей имущества янычар, умерших в провинции. Ябаши посылали для этого в провинцию одабаши умершего янычара в сопровождении нескольких лиц. Имущество описывалось, продавалось на месте, а вырученные деньги со всеми документами привозились в столицу, где их помещали в особый сундук в ведомстве янычарского кятиба²⁰⁸.

Важнейшей обязанностью янычарских ябаши в звании чорбаджи являлось получение жалованья для янычар. Они являлись в Порту для получения мешков с монетами. Прибыв с жалованьем в ода, чорбаджи пересчитывали деньги и регистрировали излишек или недостачу. При следующей выдаче жалованья излишки возвращались в казну, а недостача восполнялась из казны по представлению ябаши²⁰⁹.

Особое место в янычарском корпусе занимала рота секбанов (65-й орта). Подразделение секбанов во главе с их начальником, секбанбаши, появилась, по-видимому, еще в конце XIV в. До введения отдельной должности аги янычарского корпуса главой всех янычар считался секбанбаши²¹⁰. Это указывает на то, что во время создания янычарского корпуса уже существовали секбаны, возглавляемые секбанбаши. Первоначально секбанов, по преданию, было тысяча. Это число указывает на связь созданного подразделения секбанов с традиционной военной организацией кочевников — с подразделением войска на тысячи. Однако со временем численность секбанов выросла. 65-я янычарская орта, где служили секбаны, включала в себя 34 бёлюка. Численность некоторых из них достигала 100 человек.

У секбанов имелось несколько одабаши и один из них представлял интересы секбанов на совете у янычарского аги²¹¹.

18-й бёлюк являлся местом пребывания кятиба секбанов (секбан кятиби), который ведал всеми дефтерами секбанов. Близость к лицу, имевшему дело с дефтерами, привлекала в 18-й бёлюк все большее и большее число секбанов, так что в этот бёлюк был назначен особый одабаши²¹².

33-й бёлюк секбанов состоял из секбанов-авджи (охотников), которые постоянно находились в лесах горного массива Истранджа, излюбленном месте султанской охоты. Секбаны-авджи обладали правом не принимать участия в военных походах даже в том случае, если в нем участвовал сам султан. Привлекаемые этой привилегией, в 33-й бёлюк в XVI в. стремились попасть сыновья османских сановников и высших чинов янычарского корпуса²¹³.

Кроме одабаши в бёлюках секбанов имелись и чорбаджи, называвшиеся бёлюкбаши. Звание яябаши им не давалось. Однако, как и янычарские яябаши, они передвигались верхом и, как и яябаши в других подразделениях янычар, получали мешки с жалованьем для своих подчиненных.

Секбаны принимали участие в султанской охоте. Собственно первоначально они и были созданы как части, которые должны были участвовать в частых охотах первых османских правителей, много времени отдававших этому занятию.

В XVI в. секбаны продолжали сопровождать султанов во время их охоты, ведя на поводках борзых и держа в руках тонкую бамбуковую палку с серебряным наконечником. Секбаны носили головной убор обычных янычар, однако имели более привилегированный, чем те, статус. Это было связано с возрастом их подразделения, появившегося еще до того, как было учреждено янычарское войско. Секбаны, наряду с солаками, первыми в корпусе получали жалованье. Лишь после выдачи денег им получали деньги все остальные²¹⁴.

Поскольку служба секбанов была связана с содержанием охотничьих собак, у секбанов была особая пекарня. В ней выпекались лепешки, которыми кормили собак. В пекарне секбанов работали аджеми огланы во главе со своим командиром — этмекчибаши. Для выпечки лепешек-фодла в конце XVI в. каждый день выдавалось 40 киле муки²¹⁵. Орта секбанов получала

каждый день по 117 пар лепешек-фодла. Офицеры и командиры бёлюков секбанов получали строго определенное для каждого число таких лепешек. Их выдавали и другим должностным лицам корпуса янычар, не имевшим отношения к охоте. По-видимому, это рассматривалось как продовольственный паек. Получали лепешки-фодла и другие офицеры янычарских орта, которые имели то или иное отношение к султанской охоте. Речь о них пойдет ниже.

Среди секбанов особое место занимали конные секбаны, получавшие довольно высокое жалованье — 13 и 15 акче. Они имели лошадей, которых были обязаны содержать за свой счет. В султанской охоте они принимали участие верхом. В услужении у каждого конного секбана имелся рядовой секбан, исполнявший обязанности конюха. За свою службу они получали прибавку к жалованью. Конных секбанов насчитывалось три бёлюка. В военных походах они принимали участие только в тех случаях, если поход возглавлял сам султан²¹⁶.

Главою всех секбанов являлся секбанбаши — второй по рангу после янычарского аги офицер (ага) янычарского корпуса. Жалованье его составляло 85 акче в день. В конце XVI в. служба секбанбаши оплачивалась за счет дохода с предоставленного ему в Румелии тимара-арпалыка, годовой доход от которого мог достигать 20 тыс. акче. Секбанбаши считался главным хранителем находившихся в Румелии охотничьих угодий, куда он направлял в качестве охранников лесов янычаркоруджи. Будучи высоким должностным лицом янычарского корпуса, секбанбаши имел впереди себя свиту, состоявшую из секбанов-бёлюкбаши, которые, несмотря на дарованное им право передвигаться верхом, шли перед секбанбаши пешими. У секбанбаши имелась собственная музыкальная команда, состоявшая из музыкантов-мехтеров²¹⁷. Время от времени секбанбаши принимал участие в верховом дозоре, в определенные дни объезжая улицы Стамбула. Помимо секбанов в таком дозоре с участием секбанбаши принимали участие янычарские яябаши²¹⁸.

В составе янычарского корпуса имелось еще одно подразделение, которое подчинялось непосредственно янычарскому аге. Оно состояло из 61 бёлюка и было создано при учреждении самой должности янычарского аги. Передавая сохранившееся

предание, автор «Мебде-и канун» пишет, что при султানে Баязиде II (1481—1512) в наказание за бунт янычар, произошедший во время заседания султанского дивана, был казнен секбанбаши Баязид-ага, являвшийся тогда главой всего янычарского корпуса. (Он был обвинен в подстрекательстве к бунту.) Тогда же было принято решение назначать главой янычар кого-либо из придворных султана. Для придания важности новому должностному лицу янычарскому аге предоставили 61 бёлюк янычар. В каждом из них служило по 50 человек. Постепенно число янычар в бёлюках, подчиненных самому янычарскому аге, выросло, достигнув к началу XVII в. 12 тыс. человек. Во время торжественного препровождения янычарского аги на заседания султанского дивана, который происходил в султанском дворце, старшие офицеры этих бёлюков — бёлюкбаши — шествовали непосредственно перед самим агой²¹⁹.

С постепенным ростом значения самой этой должности для аги янычарского корпуса потребовалось учреждение особой резиденции. Ему был передан для служебных целей дом, являвшийся вакуфным имуществом. Арендная плата за пользование этим домом, по условию вакуфа, составляла 1 акче в день. Дом находился на пути между Старыми и Новыми казармами янычар неподалеку от комплекса дворцовых сооружений Топкапы. При резиденции янычарского аги имелись ремесленные мастерские, обслуживавшие нужды янычарского корпуса²²⁰.

В 1-й и 21-й бёлюки янычарского аги, располагавшиеся в одних и тех же помещениях, входили янычары, которые являлись подчиненными самого янычарского аги. Они же составляли его свиту. Эти бёлюки были немногочисленны, а входившие в них янычары получали за свою службу прибавку к жалованью, распределением которой ведал сам янычарский ага.

В 1-м бёлюке янычарского аги числился кетхюда-бей — третье по рангу и второе по значимости лицо в янычарском корпусе. Обычно на должность кетхюда-бея назначался баш яябаши. Кетхюда-бей ведал назначением на должности командного состава янычарских орта и бёлюков — одабаши и чорбаджи. Он же ведал назначением янычар на куллуки — несение охраны важных объектов в Стамбуле и в провинции, получая за это с назначаемых определенную сумму. Вместе с его жалованьем в 60 акче в день это составляло его личный доход, считавший-

ся арпалыком. Система куллуков по всей Османской империи была весьма обширной, и кетхюда-бей имел от этого крупный доход. Кетхюда-бей имел право давать разрешение на предоставление куллука. Всеми организационными делами в связи с этим ведал находившийся в его распоряжении саррадж. Он организовывал встречу просителя куллука с кетхюда-беєм. Он же был обязан по получении просьбы назначить на куллук вызвать командира просителя — одабаши, чтобы получить необходимые сведения о янычаре, просившем о куллуке.

Получивший куллук янычар (куллукчи) уплачивал сумму в 85 акче, если место службы находилось в Стамбуле. 75 акче из них поступали кетхюда-бею, 10 акче — сарраджу. Кроме того, 5 акче получивший куллук платил кятибу, составлявшему соответствующую запись в дефтере. Служба куллукчи в Стамбуле давалась сроком на три месяца. В провинции срок службы составлял 9 месяцев. Куллук за пределами Стамбула стоил дороже — 3 куруша и 15 акче. Янычары-куллукчи несли охрану при городских воротах, в отдельных кварталах, при таможах и на базарах, осуществляя контроль за весами²²¹. Те, что служили в провинции, назывались еще ясакчи (от *тур.* ясак — запрет)²²².

Кетхюда-бей был правой рукой янычарского аги и фактическим управителем янычарского корпуса. Его власть была столь неразрывно связана с властью янычарского аги, что в случае смещения с поста янычарского аги чаще всего смещался и кетхюда-бей²²³. Сам он имел заместителя, называвшегося кетхюда йери, который исполнял его функции в том случае, если кетхюда-бей принимал участие в военном походе. Должность кетхюда йери, если верить автору «Мебде-и канун», была учреждена в правление султана Баязида II, что вполне логично. Она появилась, по-видимому, тогда же, когда возник сам пост янычарского аги. Церемониал янычарского корпуса предусматривал, чтобы кетхюда йери в дни проведения султанского дивана помогал янычарскому аге, отправлявшемуся в Порту, садиться на лошадь, а по прибытии на место спешиваться.

Кетхюда йери целый день находился в резиденции янычарского аги в дни проведения там советов. Он препровождал посетителей к аге и исполнял его поручения, а также распоряжался ремесленниками в мастерских янычарского аги и особыми

слугами аги, называвшимися гедикли, носившими в качестве отличительного знака пояс из парчи. Кетхюда йери исполнял и хозяйственные функции в резиденции янычарского аги, распорядясь его кладовыми и подсобными помещениями. Он хранил при себе особые дефтеры со списком янычар-зифтчи (зифт — смола), янычар-ветеранов, не принимавших участия в походах, которые жили не в столичных казармах, а в провинции и уплачивали подать в 500 акче, которая шла на смолу для казенных судов²²⁴.

5-й бёлюк из числа 61 бёлюка янычарского аги являлся местопребыванием четвертого по значимости лица янычарского корпуса — баш чавуша. Баш чавуш имел ранг бёлюкбаши и первоначально получал жалованье 10 акче. При Мураде III, в связи с ростом цен в Османской империи, жалованье ряду должностных лиц янычарского корпуса было повышено. Это были кетхюда йери, баш чавуш и мухзыр-ага, жалованье которых достигло 20 акче. Тогда же баш чавушу стали присваивать звание яябаши.

Как пишет автор «Мебде-и канун», баш-чавуш «для всех янычар и яябаши ... есть первый после кетхюда-бея командир»²²⁵. Служба его при янычарском аге и кетхюда-бее состояла в том, чтобы заниматься делами просителей, приходивших в ведомство янычарского аги: к нему самому или к кетхюда-бею. Баш чавуш решал, допускать или нет просителя. Он также вызывал в резиденцию янычарского аги янычарских одабаши для инструктирования по текущим делам янычарского корпуса. В отсутствие кетхюда-бея он имел право сам принимать посетителей и решать спорные дела. Баш чавуш вместе со своими помощниками — орта чавушем и кючюк чавушем — был обязан контролировать еженедельную раздачу свечей в янычарские казармы, проходившую обычно по средам. Он присутствовал при учебной стрельбе янычар из мушкетов, на проповедях в янычарской мечети Орта джами, читавшихся там по тому или иному поводу²²⁶.

Существовала еще одна важная должность в янычарском корпусе — должность мухзыра, называвшегося мухзыр-ага, или мухзыр-баши. Эта должность появилась еще при султানে Баязиде II. В обязанность мухзыр-аги входило ежедневное пребывание в ведомстве великого везира. Он являлся представите-

лем янычар при великом везире и в случае необходимости организовывал встречу с ним просителей-янычар. После третьей молитвы, т. е. после полудня, мухзыр-ага был обязан являться к янычарскому аге и докладывать ему о всех делах, которые рассматривались в ведомстве великого везира. Он же докладывал великому везиру о делах, рассматривавшихся янычарским агой в его собственном совете. Мухзыр-ага часто исполнял обязанности курьера по особым поручениям, доставляя в различные инстанции высочайшие указы.

Мухзыр-ага вместе с янычарским агой принимал участие в совершении периодических дозоров и был обязан задерживать янычар-нарушителей, отправляя их в казармы для разбирательства и наказания. Он выдавал денежное вспоможение («на колчан» и «на лошадь») тем из янычар, которые переводились из янычарского корпуса в конную гвардию султана — бёлюки сипахи. Мухзыр-ага входил в состав свиты великого везира, а не янычарского аги, когда тот отправлялся на заседание султанского дивана. Кроме того, он имел право назначать на должность некоторых подчиненных великого везира²²⁷.

К числу особых офицеров янычарского корпуса относился асесбаши, полицейское по своим функциям должностное лицо янычарского корпуса, осуществлявшее свою службу в Стамбуле. Асесбаши, которым назначался один из янычар в звании бёлюкбаши (из бёлюков янычарского аги), доставлял в тюрьму янычар, задержанных янычарским агой за совершение серьезных преступлений. У асесбаши хранились деревянные колодки для провинившихся, которые он выдавал в различные ода, получая за это один куруш²²⁸. Асесбаши являлся помощником стамбульского субаши²²⁹, с которым он объезжал улицы города, объявляя те или иные султанские указы. Он был смотрителем всех питейных домов (мейхане) и кофеен Стамбула, получая за это соответствующее вознаграждение²³⁰.

В состав офицеров янычарского корпуса входил также талимханеджибаши, отвечавший за обучение янычар стрельбе из лука. Для этих учений было отведено специальное место — талимхане — неподалеку от язычарских казарм. Талимхане посещалось янычарами по вечерам. Здесь они стреляли под руководством талимханеджибаши, который назначался из числа бёлюкбаши, отличившихся особым искусством стрельбы из лу-

ка. Приходившие в талимхане янычары получали здесь луки и стрелы и могли тренироваться в стрельбе ежедневно. Судя по тому, что сообщает в своем трактате автор «Мебде-и канун», стрельбы в начале XVII в. проходили уже за плату²³¹.

Кроме талимханеджибаши, в составе янычарского корпуса имелась должность зенберекчибаши, который должен был обучать янычар стрельбе из арбалетов (зенберек). Жалованье зенберекчибаши составляло 25 акче. На эту должность назначали самого искусного в стрельбе из арбалета янычара, который становился чорбаджи 82-й янычарской орты²³².

Важнейшая роль в янычарском корпусе принадлежала янычарскому кятибу — главе янычарской канцелярии, в которой работали писцы (кятибы), занимавшиеся составлением и перепиской янычарских дефтеров. Он считался финансовым чиновником — уполномоченным лицом султана. В ведении янычарского кятиба находились все янычарские дефтеры и дефтеры аджеми огланов — реестровые книги, которые переписывались каждые три месяца перед выплатой очередного жалованья, выдававшегося раз в три месяца. В дефтерах фиксировались имена янычар и аджеми огланов, получающих жалованье, с указанием их звания и должности, номера подразделения, где они служили, а также суммы самого жалованья. В связи с постоянно происходившими должностными перестановками, изменениями статуса и размера жалованья янычар и аджеми огланов и т. п. янычарские дефтеры требовали постоянного обновления. Они являлись важными финансовыми документами, согласно которым из казны выдавалось жалованье и прочие денежные выплаты.

Дефтеры, которые являлись основой для составления новых реестров, длительное время хранились в ведомственном здании, которое занимала канцелярия янычарского кятиба. В начале XVII в., по сообщению автора «Мебде-и канун», здесь в сундуках хранились дефтеры еще времен правления султана Сулеймана II (1520—1566). Более старые дефтеры сохранялись в архивах казнохранилища Внешней казны (Дыш хазине)²³³.

Жалованье, выдаваемое янычарам четыре раза в год, обозначалось по первым буквам названий месяцев, за которые выдавалось: масар, реджедж, решен и лезаз. В связи с постоянным ростом численности янычар, которым оно выплачивалось, в на-

чале XVII в., значительно вырос штат писцов, занятых перепиской янычарских дефтеров. К этому времени их было от 70 до 80 человек. Старший переписчик дефтеров назывался баш шакирдом и мог со временем получить за свою службу звание янычарского яябаши или звание аджеми кятиба²³⁴, который ведал всеми дефтерами аджеми огланов. Рангом ниже него был бейтульмаль кятиби, в обязанности которого входило составление дефтеров, где фиксировалось проданное имущество умерших янычар, его стоимость и вырученные за это деньги. Все остальные писцы назывались шакирдами, во главе которых стоял кятиб, называвшийся шакирд халифеси. Баш шакирд, бейтульмаль кятиби и шакирд халифеси были выходцами из янычар. Для этой писцовой работы требовались янычары, хорошо владевшие грамотой и почерками, использовавшимися при составлении дефтеров. Работа кятибов была прибыльной. Автор «Мебде-и канун» сообщает, что в его время желавшие получить ее, должны были уплатить 600 акче. Из них 300 акче считались «платой за продвижение» и шли, по всей видимости, офицеру орта так, как это описывает в своем трактате Кочубей Гёмюрджинский²³⁵. 300 акче упрачивалось самому янычарскому кятибу — главе канцелярии янычарского корпуса²³⁶.

Далеко не сразу янычару, поступавшему на службу писца, доверялась переписка дефтеров. Какое-то время он проходил период обучения и только затем ему поручалось копирование уже составленных дефтеров для выплаты жалованья. Эта копия передавалась одабаши для проставления отметок о получении жалованья янычарами ода. Сами эти отметки назывались ресид. После приобретения необходимых письмоводительских навыков новичку поручалось составление копий других дефтеров, например копии дефтера, по которому особым чиновником финансового ведомства — мукабеледжи — производилась сверка янычарских дефтеров. Только пройдя длительную практику переписывания, писец-шакирд получал право составлять новые дефтеры на основании старых, с занесением всех появившихся изменений. Это уже была работа, при которой у писцов появлялась возможность делать различные приписки: шакирд мог внести самовольные записи в дефтер, которые, при отсутствии должной проверки, становились официальными. Хотя поправки в связи с каким-либо изменением в статусе янычар

или изменением их жалованья вносились в старый дефтер самим янычарским кятибом, на стадии составления по нему нового дефтера могли появиться — и появлялись — нежелательные приписки. Для того чтобы избежать подобных злоупотреблений, составлять новые дефтеры полагалось под присмотром старшего писца — баш шакирда. Однако иногда это мало помогало, и приписок делалось (небескорыстно) довольно много. Появлялась возможность незаконного внесения в списки янычар имен посторонних лиц, вписывания неверной (завышенной) суммы жалованья и прочих приписок, которые увеличивали расходы казны на содержание янычарского корпуса. К началу XVII в. правительство было бессильно бороться с подобными вещами из-за повсеместной коррупции в бюрократическом аппарате Османской империи при почти узаконенной практике покупки любой должности в государстве, и в янычарском корпусе в частности.

Строгая организационная структура янычарского корпуса, установленная система продвижения по службе, дифференцированность предусмотренного для каждой должности жалованья, строго определенные для янычар служебные обязанности — не только военные, но и охранные и полицейские, укоренившиеся традиции и закрытый казарменный быт делали янычарский корпус особой, замкнутой, социальной корпорацией, которая неизбежно работала на собственное самосохранение. Однако даже подобная система не могла не изменяться под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Являясь важной составной частью социальной структуры Османского государства, янычарский корпус изменялся сам и неизбежно оказывал влияние на развитие самого Османского государства. Для того чтобы проследить эти процессы, необходим широкий исторический обзор функционирования янычарского корпуса в процессе развития самой османской государственности, о чем речь пойдет ниже.

Глава 3

ЯНЫЧАРСКИЙ КОРПУС В ПРОЦЕССЕ УКРЕПЛЕНИЯ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА (XV—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI В.)

Постепенно увеличиваясь в численности, созданный при первых османских правителях янычарский корпус начал приобретать важное военное значение как профессиональное и хорошо организованное пехотное войско. О начальном этапе этого процесса почти ничего не известно, так как мы имеем возможность пользоваться весьма отрывочными и скудными сведениями исторических источников. Предположительно в 1365 г. турки перенесли свою столицу из Бурсы в захваченный ими у византийцев Адрианополь (*тур.* Эдирне)¹. Здесь, по преданию, для янычар были построены первые казармы². Халкокондил в своем труде, посвященном истории Османского государства, сообщает, что Мурад I, который вышел победителем в борьбе за верховную власть (см. гл. 1 настоящей книги), смог воспользоваться имевшимся у него придворным войском для упрочения своих прав среди военной аристократии Румелии. Халкокондил пишет, что Мурад «взял под копые янычар и других воинов Порты (двора) и со всей поспешностью двинулся в Европу, где подчинил своей власти тамошние войска, после этого основал свой двор в Адрианополе»³. По-видимому, перенос столицы в Европу во многом был вызван стремлением контролировать политическую ситуацию в Румелии, где были сосредоточены основные военные силы турецких акынджи, наименее склонных подчиняться какой-либо власти. Здесь же находилось основное направление завоевательных устремлений османских

турок, где им противостояли христианские государственные образования во главе с Византией.

Первое упоминание об использовании янычар в борьбе за власть среди представителей османской династии, которое мы встречаем у Халкокондила, перекликается со словами Ахмеди о борьбе Мурада со своими братьями, при этом завоевание симпатий верхушки румелийских сипахи являлось чрезвычайно важным.

Приблизительно в это же время, после окончательного перехода в руки турок в 1376 или 1377 г. Галлиполи (*тур.* Гелиболу)⁴, из попадавших в плен во время военных действий христианских юношей был создан особый корпус (очаг) аджеми огланов, расквартированный в Гелиболу. Они служили гребцами на турецких судах, перевозивших войско через пролив. На азиатском берегу прибрежными пунктами транспортировки войска были Ляпсеки и Чардак⁵.

Институт аджеми огланов появился, как уже указывалось выше, в связи с необходимостью иметь дисциплинированные команды гребцов на военно-транспортных судах. Использувавшиеся первоначально для этой цели случайно набранные люди, а затем солдаты являлись малое желание служить на судах и не годились для планировавшихся военных операций. Как пишет автор «Мебде-и канун», они «исполняли свои обязанности спустя рукава». К тому же солдатам являлось платить по 2 акче в день, что было обременительно для казны. Тогда и было решено, в связи с созданием нового войска (йени чери), использовать в качестве гребцов на судах юношей-пленников, становившихся затем янычарами. Служба в качестве гребцов стала считаться обязательной перед зачислением их в янычарский корпус. Денежное содержание аджеми огланов было наполовину меньше, чем у яв, — 1 акче в день, так что казна получила от этого нововведения некоторую материальную выгоду. Аджеми огланы должны были 5—10 лет прослужить на судах гребцами и только после этого их зачисляли в янычары. Отличительным знаком этих гребцов-аджеми огланов была шапка желтого цвета. Для них в Гелиболу, где первоначально их было 400 человек, построили специальные казармы — ода. К аджеми огланам приставили восемь командиров, которых называли аджеми чорбаджи. Гла-

ва всего корпуса аджами огланов Гелиболу назывался Гелиболу агасы. Его жалование составляло 25 акче в день⁶. В названии командирской должности чорбаджи отражен быт аджами огланов (и янычар). Слово чорба означает похлебку, которой кормили аджами огланов. Чорбаджи, находившиеся при аджами огланах в казармах, должны были надзирать за порядком во время общей трапезы.

Есть сведения, что уже при Мураде I, а возможно, при Баязиде I по совету влиятельного турецкого военачальника, возглавлявшего военные набеги на европейские земли, Тимурташ-паши, было решено также отдавать захваченных христианских юношей — будущих янычар — на службу «к турку». Об этом сообщает, например, Идрис Битлиси⁷. Автор «Мебде-и канун», основываясь в этом вопросе на устных преданиях, сохранившихся в янычарском корпусе, пишет, что аджами огланов начали отдавать на службу в турецкие крестьянские семьи только при султани Мехмеде II — после завоевания им в 1453 г. Константинополя. Однажды, пишет автор «Мебде-и канун», во время церемонии приветствия янычарами султана Мехмеда, один из стоявших в строю воскликнул: «Алейкум ас-селям, Мехмеда-баша!» Изумленный таким обращением к нему султан вызвал к себе тогдашнего великого везира Махмуд-пашу и спросил о причине такого поведения янычара. Махмуд-паша сослался на плохое знание янычарами турецкого языка и общепринятых правил поведения, после чего весьма разумно Мехмед II предложил отдавать аджами огланов до зачисления их на янычарскую службу туркам, для того чтобы они учились у них турецкому языку⁸.

По-видимому, этот рассказ имеет под собой реальную почву. Тот же автор сообщает, что после захвата турками Константинополя Мехмед II решил создать здесь корпус аджами огланов по примеру уже имевшегося в Гелиболу. Для осуществления крупных завоевательных планов султану, который имел неоднократную возможность убедиться в полезности янычар при взятии крупных крепостей, требовалось численно увеличить янычарское войско — при нем в аджами огланы было зачислено 3 тыс. человек. Из них в Стамбуле был составлен особый корпус с казармами, включавшими в себя 31 ода, в которых расположились бёлюки (роты) аджами огланов. Во главе их были

поставлены командиры, подчинявшиеся Стамбульскому аге, — распорядителю всех стамбульских аджами огланов. Стамбульский ага являлся одновременно командиром 11-го бёлюка аджами огланов. В остальных, за исключением 31-го, где командиром числился аджами кятиб, аджами огланами командовали чорбаджи⁹.

Несмотря на длительное пребывание будущих янычар в турецкой языковой среде, они говорили между собой на своих родных языках: болгарском, сербском, албанском, греческом и других. Многие современные наблюдатели отмечали, что в османском войске по большее части слышалась славянская речь¹⁰.

Янычарам, казармы которых находились в Эдирне, помимо жалованья, как сообщает автор «Мебде-и канун», при султানে Мураде II начали выдавать сукно на зимние кафтаны — йагмурлуки (от *тур.* йагмур — дождь)¹¹. Им выдавались также луки и стрелы — первоначально янычарское войско представляло собой войско лучников. Янычары считались воинами, служащими лично султану. Их главой вначале являлся секбанбаши (см. гл. 1 и 2), главный псарь османского правителя. Изначально янычары не только участвовали в военных походах, но и принимали участие в излюбленном занятии османских правителей — охоте.

С самого начала своего существования янычары занимали особое, привилегированное, положение в Османском государстве, несмотря на свой рабский статус до появления регулярно организованных наборов-девширме. Это определялось их личной службой султану. Эпизод с убийством двумя янычарами одного из почитаемых мусульманами потомков Мухаммада — сеййида — показывает неподсудность янычар обычному суду шариата. Судя по просьбе сына убитого, просившего о налоговых льготах «в компенсацию понесенного ущерба», виновные в убийстве янычары не были преданы казни, как того требовал сам характер их преступления.

Очень рано, судя по рассказу османского хрониста Мехмеда Нешри, проявилось основная черта придворного войска — его жадность к деньгам, что было не так уж странно для воинов, состоявших на жалованье. Жизнь их была тесно связана с состоянием денежного обращения и постоянным ожиданием оче-

редной выплаты не слишком щедрого жалованья. Уже Мураду I во время его похода в Анатолию, как уже указывалось выше, пришлось охлаждать пыл своих воинов, нарушивших торжественный строй султанского шествия и устроивших потасовку из-за серебряных монет, которые бросали из толпы в сторону Мурада желавшие выразить свои верноподданнические чувства ахи Анкары¹².

Частью придворного войска первых османских правителей были также всадники (сипахи), состоящие, так же как и янычары, на жалованье. Из рассказа Ашык-паша-заде и Нешри мы знаем, что у Мурада I во время женитьбы его сына Баязида, будущего султана, на дочери Гермианского бея было по меньшей мере тысяча таких придворных всадников¹³.

Армия Мурада I, в состав которой входили феодальная конница сипахи, отряды всадников акынджи, пехотинцы яя, азебы, мартолысы, а также придворное регулярное войско — пешее (янычарское) и конное (придворные сипахи), представляла собой грозную силу. Однако и она, случалось, терпела неудачи, столкнувшись с хорошо организованной военной силой европейцев. Известно, что малоазийские турки с начала XIV в. не раз бывали биты отрядами европейских наемников, призывавшихся на помощь византийцами. Сначала на них наводили ужас дружины каталонцев, бороться с которыми оказалось не под силу войскам эгейских тюркских эмиратов, затем успех сопутствовал воинам Амедея VI, графа Савойского, явившегося со своим войском, для того чтобы выволить из болгарского плена византийского императора Иоанна V Палеолога. В августе 1366 г. он отвоевал у османских турок Галлиполи, который снова перешел в их руки лишь в 1376 г.¹⁴ Случались у турок отдельные поражения и от владетелей балканских государств.

Едва ли турки-османы были обязаны своими первоначальными завоевательными успехами лишь силе и организации своего войска. Мурад I продолжил дипломатию своего отца Орхана, умело используя политические разногласия как внутри самой Византии, так и среди христианских владетелей Балканского полуострова. В правящем доме византийских греков не утихала борьба за власть, чем искусно пользовался Мурад. С трудом победивший своего политического противника на престоле Иоанна Кантакузина византийский император Ио-

анн V Палеолог переживал одну неприятность за другой. В мае 1371 г. его старший сын Андроник, действуя сообща с сыном Мурада I, Савджи Челеби, восстал против отца, попытавшись (неудачно) захватить власть императора. Узнав об участии в этих событиях своего сына, Мурад приказал выколоть ему глаза, предусмотрительно посоветовав Иоанну не делать того же с Андроником¹⁵, который был необходим ему в качестве удобной политической карты: в 1376 г. Мурад помог ему вступить в Константинополь и захватить власть.

Возникает вопрос, почему так сурово он обошелся с собственным сыном? Ясно, что, ослепив его, он лишал Савджи возможности, соблазнившись, последовать примеру Андроника и узурпировать власть собственного отца.

В 1376 г., получив помощь от Мурада и хозяйничавших в этом районе Средиземноморья генуэзцев, Андроник Палеолог низложил своего отца и короновался как Андроник IV (1376—1379). Неудивительно, что турки-османы воспользовались благоприятно сложившейся для них политической ситуацией и вернули себе стратегически важный для них Галлиполи, теперь уже окончательно оставшийся за ними. В 1379 г. они помогли низложенному Иоанну V Палеологу вновь вернуть себе престол¹⁶, и это показывает, сколь мало значения придавали они личности того или иного византийского императора, действуя в своих собственных политических интересах исключительно прагматично. Помогая той или иной стороне, турки неизменно извлекали для себя из этого ощутимые материальные выгоды. Приобретение Галлиполи является ярким тому примером.

В первоначальный период своих завоеваний в Европе, а в значительной мере и позднее, турки, не обладая еще достаточно сильной осадной техникой, широко использовали при взятии крепостей практику заключения договоров, в которых оговаривались выгодные для осажденных условия сдачи. Эти договоры, как правило, обещали им ощутимые налоговые послабления. Устанавливалась выплата десятины, а в некоторых случаях оговаривалось освобождение сдающихся от подушной подати — хараджа, взамен чего они должны были нести тот или иной вид вспомогательной службы¹⁷. На прочно захваченных турками европейских землях поселялись анатолийские турки, к новым границам переводились кочевые племена, по-

ставлявшие всадников в войска акынджи. Во главе их стояли пограничные беи.

Военные действия в пограничных землях Болгарии, Сербии, Албании турки вели в основном силами конного войска — сипахи и акынджи, подчинявшихся пограничным беям. Особую известность среди них в конце XIV—начале XV в. получили Лала Шахин-паша, Хаджи Иль-беги, Давуд-паша, Тимурташ-паша. Их военные операции часто преследовали чисто грабительские цели. В этом случае турецкие отряды проникали в глубь территорий Балканского полуострова и, захватив добычу, удалялись в свои приграничные владения.

Попытки христианских правителей Сербии, Венгрии, Болгарии договориться о совместном походе против турок по большей части успеха не имели. Предпринимаемые же отдельные военные операции, как правило, заканчивались неудачей. Особо яркий пример этого представляет поход сербского князя Влкашина с участием деспота Серреса Иоанна Углеша, его брата, и сербской знати. Решив воспользоваться отсутствием Мурада в Европе и нанести османским туркам сокрушительное поражение, они собрали армию, насчитывавшую 60 тыс. человек, и, казалось, никакая сила не могла помешать разгромить противостоявшие сербам пограничные войска Румелии. Однако, воспользовавшись сведениями, полученными от лазутчиков, турецкий военачальник Хаджи Иль-беги с конным отрядом в 4 тыс. человек внезапно ночью 26 сентября 1371 г. атаковал беспечно пировавших неподалеку от берега р. Марицы сербских воинов. Нападение вызвало страшный переполох и неразбериху в войске сербов, совершенно не ожидавших атаки и не услышавших приближения бесшумной турецкой конницы. Сербы были перебиты, многие — в паническом бегстве — утонули в водах Марицы. Турки захватили богатую добычу, а место сражения получило у них название Сырб Сындыгы (Место гибели сербов)¹⁸.

Этот разгром крупной армии, хорошо вооруженной и организованной, деморализующе подействовал на балканских владетелей. Начиная с этого времени большинство их признало сюзеренитет османцев, выплачивало Мураду харадж и посылало свои военные отряды в войско османского правителя¹⁹. Во всех этих военных мероприятиях янычары участия не при-

нимали, оставаясь при Мураде, который в это время редко сам возглавлял походы в Европе, будучи занят устройством политических дел в Азии. Бурса оставалась фактической столицей Османского бейлика, там же находился его двор.

Описание сражения, в котором участвовал сам Мурад, а вместе с ним и янычары, мы находим лишь в связи с азиатским походом османского правителя против Караманского бея, попытавшегося в 1386 г. овладеть землями, полученными Мурадом от бея тюркского эмирата Хамид. Оставив во главе румелийских сил Чандарлы Халилия, носившего к этому времени почетное прозвание Хайреддин-паша, Мурад I вместе с сыном паши, кадиаскером Али Челеби, исполнявшим при нем обязанности везира, с большим войском выступил в 1387 г. против караманского бея Алаэдина. В османском войске находились сербские и византийские отряды, а также отряды тюркского бейлика Джандар (с центром в Кастамону), ставшего вассалом османского правителя. Войско противника Мурада, Алаэдина, насчитывало 70 тыс. человек — по большей части в него входили отряды кочевников-туркмен Центральной и Восточной Анатолии. Мурад обладал численно меньшим войском, однако в нем имелась пехота, состоявшая из легких и тяжелых лучников (в ее составе были и янычары). Во время развернувшегося сражения они находились в авангардной части османской армии. Позади них располагалось конное войско. На левом фланге Мурадом были поставлены всадники бейлика Джандар и сербов, которыми командовал сын Мурада I, будущий султан Баязид I, на правом — анатолийское войско во главе с анатолийским бейлербеем Сары Тимурташ-пашой и другим сыном Мурада, Якубом. Здесь же расположилась татарская конница под командованием Сараджа и отряды владетеля Кюстендила. В центре, прикрытая пехотой, стояла румелийская конница во главе с Кара Тимурташ-пашой, а также конные воины Сиврихисара, возглавляемые Тимурташ-беем.

В развернувшемся сражении главенствующую роль в одержании победы над противником сыграли румелийские всадники во главе с Кара Тимурташ-пашой. Добычей им стало все, оставшееся от бежавшего с поля боя Караманского бея Алаэдина. За эту победу, как сообщают некоторые османские хронисты, Кара Тимурташ-паша получил звание везира²⁰.

Как это можно понять из сохранившегося описания сражения, лучники-янычары не сыграли существенной роли в битве. Их главной успешно выполненной задачей была, по-видимому, охрана особы османского правителя и принятие основного удара вражеской конницы, после чего в сражение вступила румелийская конница. Из пехотных частей, участвовавших в сражении на правом фланге, упоминаются отряды яя под предводительством Саруджа-паши, Инджеджик Балабана, Торуджа Балабана, Ильяс-бея и субаши Мюстенджаба²¹. Возможно, среди этих пехотинцев яя находилось и некоторое число янычар. Пехотинцы обозначены в источниках общим термином яя. Для времени правления Мурада I известны имена командиров пехоты (яя) Румелии — яябаши. Однако не вполне ясно, имеют ли они отношение к янычарскому корпусу или к продолжавшему существовать параллельно с янычарами пехотному подразделению яя — пехоте, набиравшейся из турецких крестьян²².

Как придворное войско османского правителя упоминаются янычары и в связи с описанием самой известной из битв турок XIV в., произошедшей на Косовом поле в 1389 г., во время которой был убит Мурад I. Мехмед Нешри в своем труде сообщает, что янычары во время сражения находились рядом с Мурадом в самом центре построения османского войска, «готовые пожертвовать своей жизнью» ради защиты своего господина²³.

Этой битве, имевшей большое значение для судеб Юго-Восточной Европы, предшествовало несколько военных походов турок против болгарских земель, во время которых сначала под началом везира Али-паши и Яхши-бея, сына Тимурташ-паши, а затем под началом самого Мурада была завоевана почти вся Болгария. Тырново капитулировало. Болгарский царь Иван Шишман, правда, был помилован Мурадом и сохранил свою власть (1388), однако Болгария фактически потеряла свою политическую независимость. Мурад оставил на троне Шишмана, чтобы иметь буферную зону, отделявшую европейские владения турок от Валахии и Венгрии.

Задумывая свой поход против сербов в 1389 г., Мурад желал отомстить им и союзным им боснякам за поражение, которое турецкое войско в 1387 г. потерпело при Плочнике и Топлице от объединенного войска сербского князя Лазаря и боснийского короля Стефана Твртко, собравшими под своими

знаменами 30 тыс. человек²⁴. Европейские владетели, для того признавшие сюзеренитет Мурада I, сочли для себя удобным момент, когда тот был занят походом в Азию против караманского бей Алаэддина, и изменили ему в то время, когда их воины сражались в Анатолии в составе войска турецкого правителя в качестве его вассалов.

Выступив из Филиппополя (*болг.* Пловдив, *тур.* Филибе), Мурад двинулся со всей своей армией в сторону Сербии, пройдя через Ихтиман, Кюстендил и Кратово. 15 июня 1389 г. османское войско встретилось на Косовом поле с объединенной армией сербов во главе с Лазарем, босняков — во главе с воеводой Владкой Храничем, хорватов, болгар, вспомогательных отрядов валахов, присланных валашским господарем Мирчей, а также владетелей Албании. Сражение носило крайне ожесточенный характер. Потери с обеих сторон были необычайно велики²⁵. Нешри сообщает, что в войске Мурада имелось значительное число лучников. Тысяча лучников находилась на правом фланге, где ими командовал предводитель иррегулярной конницы бейлика Хамидоглу. Другая была выставлена на левом. Ею командовал сын Хамидоглу Мустафа Челеби.

Турки всегда внимательно относились к советам своих военачальников из числа бывших христиан, которые хорошо знали противника, особенности местности и природные условия. В Косовском сражении, по преданию, хорошим советчиком оказался ренегат Эвреноз-бей, ставший впоследствии настолько истовым мусульманином, что им был совершен хадж в Мекку²⁶. Эвреноз посоветовал Мураду заранее занять выгодное положение на поле битвы и не спешить вступать в сражение, дождавшись, когда спадет жара²⁷.

У противника имелась артиллерия, однако ядра не причинили особого вреда войску Мурада. Были бомбарды и у Мурада. Ими заправляли пушкари-топчи, несомненно, бывшие христиане, находившиеся на службе у османского бей. Начало сражения положили они. Затем вступили в битву лучники, азебы и янычары, выпустившие тысячи стрел в тяжеловооруженных, закованных в латы христианских всадников. Едва ли это могло нанести им сколь-нибудь серьезный урон, однако стрелковая атака лучников заставила их разомкнуть свои ряды и прийти в движение. Обе армии вступили в непосредственную схватку

друг с другом. На правом крыле османского войска сражался сын Мурада Баязид, как сообщают об этом Ашык-паша-заде и Нешри²⁸. Знание этого обстоятельства важно для понимания последовавших за сражением событий.

В той части своего дестана, которая посвящена истории османской династии, поэт Ахмеди подчеркнул ожесточенность и размах сражения на Косовом поле:

Там великое было сраженье,
Будут помнить его поколенья.

Там, куда б ни взглянул, сотни вражьих голов,
И, куда б ни пошел, трупы павших врагов.

Кровь везде и голов многорядные груды,
Кони воинов шли по лежавшим сплошь трупам.

От немолчного грома враг Мурада ослаб,
Опрокинут, повержен, позорно бежал²⁹.

В описании битвы, которое дает Ахмеди, есть упоминание и о янычарах, которые названы кулами (рабами) Мурада:

Всё кяфирское войско бежало, умчалось вспять,
И остался на поле вместе с кулами шах.

Возвращенья бойцов на том поле он ждал,
К встрече с ними готов был военный глава³⁰.

Согласно Ахмеди, одержав победу на Косовом поле, Мурад остается на месте сражения и ожидает возвращения своих воинов, преследующих бежавшего противника. И в этот момент, по версии Ахмеди, Мурада настигает удар кинжалом, произведенный раненым воином-христианином:

Весь в крови, с ног до самой главы,
Притаился средь павших некий хитрый кяфир.

Незаметно средь тел он тихонько лежал,
Вдруг увидел он хана, сжал рукою кинжал,

И свершилось несчастье — он внезапно вскочил,
И кинжал смертоносный в грудь он шаху вонзил.

В тот же час, там, на поле, пал Мурад-хан Саид,
Стал шехидом, конечно, — в жизни был он гази!³¹

Это изложение обстоятельств гибели Мурада I, самое близкое по времени к произошедшим событиям, несколько отличается от более поздних версий османских хронистов. Ашык-паша-заде, например, рассказывает о том, что убийца Мурада по имени Милош Кобыла с шапкой в руке и со спрятанным дротиком на спине, пробрался к шатру, где после боя находился османский правитель, и сказал охранявшим его войнам: «Пропустите [меня], я пришел поцеловать руку [Мураду]. Я явился с доброй вестью. Пойман сын Лазаря, [его] ведут [сюда]». Обрадованная стража пропустила Милоша к Мураду. Воспользовавшись случаем, тот находившимся при нем дротиком пронзил османского правителя. Приведенные вскоре в шатер плененный Лазарь и его сын, увидев убитого Мурада, поняли, что в отмщение их ожидает неминуемая смерть. «Что делать, пришел нам конец!» — произнес якобы Лазарь. В тот же миг, его «как собаку» убили вместе с сыном, пишет Ашык-паша-заде³². Хронист Мехмед Нешри в передаче этого события пытается совместить оба этих рассказа³³. Он не мог не учитывать рассказа Ахмеди, так как широко цитировал в своем труде дестан поэта. Ближе к действительности, скорее всего, версия Ахмеди, предназначавшего свое произведение для сына Мурада I, Баязида, которому были хорошо известны обстоятельства гибели отца. Ведь Баязид сам участвовал в битве на Косовом поле.

Первые прямые сообщения о янычарах в составе военных сил турок-османов относятся лишь ко времени правления сына Мурада I, Баязида, которому удалось захватить верховную власть сразу же после гибели Мурада на Косовом поле. И Ашык-паша-заде, и Мехмед Нешри согласно пишут о том, что при решении вопроса о власти верхушка была настроена в пользу Баязида. Его брат Якуб, также участвовавший в Косовском сражении, был обманом заманен в шатер погибшего отца и убит. Ашык-паша-заде, избегая употребления слова «убивать», пишет: «Как только [Якуб] явился, с ним поступили так же, как с его отцом. Его доставили вместе с сыном. С ними [обоими] поступили [так, как того требовали] обстоятельства».

Между тем Якуб, по-видимому, пользовался симпатиями войска сипахи. Ашык-паша-заде сообщает, что исчезновение Якуба вскоре было замечено войском, среди которого начались волнения. С рассветом Баязид, опасаясь их последствий, покинул Косово поле и поспешил в Эдирне, европейскую столицу Османского бейлика³⁴.

Ахмеди, первоначально предназначавший свой дестан Баязиду, предпочитает вовсе не писать об обстоятельствах восшествия на престол своего венценосного патрона.

Вопрос о переходе верховной власти к Баязиду имеет важное значение для понимания расстановки сил в верхушке Османского бейлика. Известно, что турки и монголы имели установленные правила передачи власти, что не означает, конечно, что они не нарушались. Власть переходила к старшему сыну, а в более ранние времена следующему по старшинству брату почившего. Старшие из представителей династии (правлящего рода) занимали почетное место по правую сторону от царствующего правителя³⁵. Это правило действовало и во время пиришественного угощения, и на поле боя при построении войска. Правило это сохранялось и у османских турок и было известно Ашык-паша-заде и Нешри. Однако в османской истории следует учитывать некоторые дополнительные обстоятельства. Ядро Османского государства находилось в Азии, и за этой территорией признавалось старшинство. Правый фланг здесь означал и иерархически более высокое положение. Европейские земли, завоеванные позже, являли собой как бы зеркальную ситуацию. Они были «младшей» территорией, и старшинство на ней переходило на левую сторону, так что сын Мурада Якуб, по всей видимости, был старшим сыном Мурада — в его азиатском походе он был поставлен отцом на правый фланг войска, а в европейском, на Косовом поле, — на левый. В рассказе Ашык-паша-заде о построении войска Мурада I на Косовом поле говорится, что Баязид находился на правом фланге, а Якуб — на левом. Таким образом, хорошо знакомому с традицией читателю должно было быть ясно, кто являлся старшим сыном Мурада. Сдержанность, с которой Ашык-паша-заде пишет о гибели Якуба, а также его упоминание о волнении войска и попытка объяснить убийство «обстоятельствами» показывают, что он неодобрительно относился к братоубийственному поступку Баязида.

К тому же был убит и сын Якуба, находившийся с отцом в войске. Вместе с тем ясно, кто был популярнее и более любим войском.

Вопрос об убийстве Якуба волнует и другого османского хрониста, Мехмеда Нешри. В своем труде он считает необходимым заявить о старшинстве Баязида при описании событий на Косовом поле³⁶. Он всячески подчеркивает законность произошедшего затем братоубийства, пытаясь смягчить деяние Баязида. Он пишет, например, что вместе с Якубом был убит не его сын, а сын сербского князя Лазаря. Он также специально сообщает, описывая поход Мурада I против караманского бея Алаэдина, что участвовавший в этом походе Баязид является старшим сыном османского правителя, а Якуб, также принимавший участие в этой военной экспедиции, — младшим³⁷.

Переход власти к Баязиду вызвал серьезные столкновения с главами других тюркских бейликов, присягнувших на верность его отцу — Мураду³⁸. В течение нескольких лет после своего воцарения Баязид был вынужден вести военную борьбу в Малой Азии для установления своего политического верховенства среди тюркских владетелей. В 1390 г. он подчинил своей власти Айдынский бейлик³⁹. Затем он овладел византийской Филадельфией (*тур.* Алашехир), сравнительно долго сохранявшей свою независимость благодаря дружественным связям с главами Айдынского бейлика. При захвате Филадельфии зимой 1389/90 г. в войске Баязида находились сам византийский император Иоанн V Палеолог и его сын Мануил, будущий император Мануил II Палеолог. Сюда же, в ставку турецкого султана, прибыл Иса-бей, правитель политически и экономически сильного Айдынского бейлика, вскоре признавший себя вассалом Баязида и отдавший ему в жены свою дочь Хафсе-хатун⁴⁰.

Византийский император призвал жителей осажденной Филадельфии сдаться, на что они ответили отказом⁴¹. Было ясно, что город придется брать штурмом. Баязид, который по пути в Филадельфию строго следил за тем, чтобы его войско не занималось грабежом местного населения, решил «компенсировать» упущенную «выгоду» своих воинов и объявил ягма, т. е. дал разрешение на разграбление города в случае его захвата. Подобные объявления всегда вдохновляли турок, способствуя успеху военной операции. Узнав о предстоящем грабеже, жите-

ли Филадельфии предпочли сдаться на договорных условиях⁴². Этот поход Баязида сыграл немалую роль в признании Айдынским беєм османского сюзеренитета. В Айдынском бейлике начала читаться хутба с именем Баязида, чеканиться его монета, а документы на владение тимарами свидетельствовали о службе местных сипахи новому правителю. Таким образом, сипахи Айдына становились вассалами Баязида и были обязаны нести военную службу в его войске.

Точно так же подпала под власть Баязида территория Саруханского бейлика. Османский бей объединил его в территориально-административном отношении в единое целое с бейликом Караси, давно перешедшим под власть османов. Во главе нового территориального образования встал сын Баязида Эртогрул⁴³.

Очень скоро новые османские завоевания были признаны венецианцами, которые вели активную торговлю, в частности, с Айдынским бейликом. В датированном 6 марта 1390 г. венецианском послании на имя Баязида выражена просьба признать им ранее заключенные договоры Венеции с бейликами Айдын и Ментеше⁴⁴.

Внешнеполитические события в регионе во многом благоприятствовали усилению влияния Османского бейлика, значительно расширившегося территориально. Участие самого византийского императора Иоанна V Палеолога и его сына Мануила в военном походе турок против Филадельфии, потрясшее воображение греков, дорого обошлось византийскому государству. Оно оказалось ввергнуто в новые политические потрясения. Во время отсутствия в Константинополе Иоанна V власть попытался узурпировать его племянник, сын Андроника. После смерти императора Иоанна в 1391 г. Мануилу пришлось в течение нескольких месяцев отвоевывать у Андроника императорскую власть. Все это крайне ослабляло Византию, которая теряла остатки своей независимости. Уже Иоанн V был вынужден отдать своего сына Мануила в качестве почетного заложника Баязиду, что явилось символом признания византийским императором своей зависимости от османского правителя. Слабые попытки византийского императора хоть как-то обезопасить государство от дальнейшей турецкой экспансии немедленно пресекались Баязидом. Когда византийский император начал

укрепление городских стен Константинополя, Баязид пригрозил ослепить его сына Мануила, находившегося при его дворе. Иоанну пришлось скрыть возводимые укрепления и прекратить работы. В это время в Константинополе имелась уже немногочисленная турецкая колония. Судить об этом можно по тому, что по вступлении в 1391 г. на престол Мануила Баязид потребовал, чтобы он допустил в город мусульманского кадия для разбирательства тяжб между константинопольскими мусульманами, а также между мусульманами и христианами⁴⁵.

Мануил узнал о смерти своего отца Иоанна V Палеолога, находясь в войске Баязида во время его похода в Анатолию. Османские историографы не освещают события этого похода, состоявшегося в конце 1390—начале 1391 г., хотя и упоминают о нем. Между тем о нем известно из дневника Мануила, зимой 1390/91 г. находившегося в ставке Баязида под Анкарой. Целью Баязида было усмирение сильного и упорного врага османского правителя — главы Караманского бейлика Алаэddина⁴⁶. Поход не принес успеха османскому оружию и оказался на редкость бесславным. Армия противника уклонялась от встречи, турки, двигаясь по землям Анатолии, испытывали недостаток продовольствия, зимние холода 1391 г. усугубляли дело. Дисциплина в войске, грабившем население, падала, энтузиазм солдат и их боевой дух в отсутствие сражений и добычи полностью иссяк. По окончании похода, во время пребывания в Бурсе, из армии тайно бежал Мануил, узнавший о смерти отца в Константинополе. Баязид послал ему письмо, в котором писал: «Если ты хочешь исполнять мои приказания, затвори ворота города и царствуй внутри него; всё же, что лежит вне города, принадлежит мне»⁴⁷, напоминая новому византийскому императору о его вассальной зависимости от османского султана.

За время своего недолгого правления Баязиду I удалось подчинить своей власти почти все малоазийские тюркские бейлики и подавить сопротивление восстававших против нее. Политическое значение Османского бейлика при Баязиде значительно возросло. С ним поддерживали отношения славянские и греческие владетели, а также могущественная Венеция. Дружбой с Баязидом старался заручиться король Неаполя и госпитальеры. Пограничные турецкие войска, совершая постоянные военные рейды, почти полностью овладели сербскими землями.

Подвергались нападениям приграничные области Боснии, венгерские и валашские земли.

Вассалом Османского бейлика считалось Тырновское болгарское царство. Баязид овладел и им, полностью подчинив Болгарию турецкой власти. Поход на Тырново весной 1393 г. возглавил сын Баязида Сулейман Челеби, которого христианские источники именуют просто Челеби. Тырново, с его прекрасно укрепленной крепостью, подверглось трехмесячной осаде. Город был взят штурмом 17 июля 1393 г.⁴⁸ Существует предположение, что Баязид предпринял завоевание Болгарии из-за опасения военных действий против него со стороны сильного валашского князя Мирчи⁴⁹. Подтверждением этого может служить предпринятый сразу же после завоевания Тырново поход осенью 1394 г. против Валахии. По-видимому, этот поход должен был носить характер устрашения. В османском войске находились воины сербского деспота Стефана Лазаревича, македонского владетеля Константина, боснийского короля (бана) Марко. Однако на поле, носившем название На Ровинах, Мирча нанес сокрушительное поражение османскому войску, понесшему большие потери — погибли многие турецкие военачальники, а также Марко и Константин⁵⁰. Османские историографы обходят молчанием этот неудачный поход Баязида. Его плачевный результат говорит о том, что у османского правителя имелись все основания опасаться своего задунайского соседа.

Османские хронисты не оставили описания и вполне удавшегося взятия Тырново, но мы находим его в христианских источниках, полных подробностями жестокостей, учиненных завоевателями. Взяв город, турки разорили церкви и приспособили их под бани и конюшни, а патриаршую церковь Вознесения Господня превратили в мечеть. Хранившиеся в тырновских церквях мощи святых были выброшены и сожжены. Замок Трапезица с дворцами и часовнями был сожжен и полностью разрушен. Дворцовые помещения Царевца также подверглись разрушению, однако его крепостные стены и башни были оставлены нетронутыми.

Царя Ивана Шишмана в городе во время осады не было. Главным лицом среди осажденных был митрополит Евфимий. В сохранившемся ценном историческом сочинении, принадлежащем перу современника событий Григория Цамблака, урожен-

ца Тырново, и посвященном Евфимию, содержится интересное описание встречи сына Баязида, Сулеймана Челеби, с Евфимием. Григорий Цамблак пишет, что, увидев подходящего к нему христианского клирика, завоеватель Тырново встал и предложил Евфимию сесть. Затем он выслушал его просьбы, некоторые из которых впоследствии исполнил⁵¹, что свидетельствует о почтительном отношении турок-османов к религиозному авторитету вообще и о понимании важности поддержания контактов с пользующимися большим авторитетом среди местного населения христианскими клириками, что весьма напоминает милости, проявлявшиеся татари-монголами в XIV и XV вв. по отношению к русскому духовенству.

Завоеванные турками города охранялись с помощью военных гарнизонов, обычно немногочисленных. Свои обязанности и защиту интересов завоевателя они осуществляли подчас весьма жестоким образом. Так, оставленный турками комендант Тырново созвал (под предлогом совета) в одну из церквей города всех видных граждан и знатных лиц города, где все они были перебиты. По рассказу Григория Цамблака, погибло 110 человек. Правда, существует и иная версия умерщвления знати города. Согласно ей, знатные тырновские горожане были убиты во время пира, устроенного завоевателями за стенами города.

После завоевания Тырново Баязидом был издан указ о сборе в городе знатных, богатых либо отличающихся красивой внешностью горожан и о переселении их в азиатские владения султана. С водворением турок многие тырновцы, спасая свои жизни, приняли ислам. Вместе с тем православная Церковь Тырново не была уничтожена и здесь оставался митрополит, подчинявшийся власти константинопольского патриарха⁵².

Согласно сообщению одной румынской хроники, болгарский царь Иван Шишман был пленен Баязидом в 1394 или 1395 г. и убит. Его сын Александр, принявший ислам, поступил на службу к османскому правителю, став наместником Баязида в Самсуне⁵³.

Баязиду I принадлежит попытка блокады в 1391 г., после бегства в Константинополь Мануила, ставшего после смерти Иоанна V Палеолога византийским императором, византийской столицы. Город был блокирован турками с суши и с моря. Оса-

да Константинополя была предпринята, по-видимому, под давлением военной верхушки, ожидавшей, в случае успеха, невиданно богатой добычи. Османские источники сообщают, что овладеть Константинополем Баязиду предложил его видный военачальник Кара Тимурташ-паша, ошибочно полагавший, что турок ждет легкий успех, как это было в случае со взятием Филадельфии⁵⁴.

Стремясь решить свою трудную военную задачу, Баязид приказал построить на берегу Босфора крепость, названную Гюзельдже Хисар, ставшую известной после строительства подобной же крепости на европейском берегу Босфора как Анадолу Хисар. (Крепость на европейском берегу, которая была построена лишь при султанах Мехмеде II, получила название Румели хисар.) При жизни Баязида удалось построить лишь стены и угловую башню азиатской крепости⁵⁵. Здесь был поставлен турецкий военный гарнизон⁵⁶.

В течение нескольких лет, сняв блокаду Константинополя лишь на время похода против крестоносцев, войско Баязида блокировало город, надеясь взять его измором. От полной блокады византийскую столицу спасало лишь то, что у турок еще не было достаточно сильного флота. У стен Константинополя они установили метательные орудия, манджыныки (катапульты), которые давно уже были на вооружении самих византийцев. В 1180 г. в Константинополе для обстрела стен собора св. Софии, где укрылись заговорщики, восставшие против власти молодого императора Алексея и его матери, были применены такие камнеметательные орудия⁵⁷. Катапульты (баллисты) были на вооружении и у тюрок эгейских эмиратов. Одна из них даже имела имя — Черный верблюд. Ее соорудил для айдынского бей Умура известный магрибский мастер. Эта катапульта «в щепы» разносила с берега суда неприятеля⁵⁸. При Баязиде манджыныки были у османцев едва ли не единственными орудиями, применяемыми при взятии крепостей. Ашык-пашазаде сообщает, что при этом османском правителе в армии турок было еще мало артиллерии, которая в достаточном количестве появилась лишь во время Мехмеда II⁵⁹.

Многолетняя блокада Константинополя турками подорвала силы византийцев. «Не стало ни жнущего, ни молотящего». Не хватало продовольствия и топлива. Для отопления зимой раз-

бирались на дрова деревянные дома. Император Мануил тщетно пытался договориться о помощи с папой римским, французским и венгерским королем⁶⁰ — политическая недалекость и эгоистические государственные интересы европейских правителей препятствовали созданию антитурецкой лиги.

Тем не менее захват Тырново и окончательное падение Болгарского царства отрезвляюще подействовали на венгерского короля. Турецкая угроза для Венгрии становилась реальностью. Турки почти вплотную подобрались к границам владений венгерской короны. Королю Сигизмунду, энергично взявшемуся за дело, удалось организовать антитурецкий крестовый поход. Это спасло Константинополь. Узнав о приближении крестоносного войска, как пишет Ашык-паша-заде, Баязид со своей армией поспешил ему навстречу, предав огню манджыныки, с помощью которых обстреливались стены осажденной византийской столицы⁶¹.

Узнав о падении Болгарии, Сигизмунд созвал в Буде совет, на котором были обсуждены планы оборонительных действий против турок. Сфрандзи сообщает, что венгерский король отправил к Баязиду посольство, чтобы выразить ему свое недовольство захватом Болгарии, которую Сигизмунд рассматривал как венгерское наследство. По преданию, Баязид, показав послану на развешанное по стенам его шатра оружие, сказал: «Возвратитесь к своему господину и скажите ему, что мои права на Болгарию основываются на оружии, которое вы здесь видели»⁶².

В 1396 г. Сигизмунду удалось собрать значительную по численности армию, в которую вошли многие рыцари Европы. Европейское рыцарство, слабо представлявшее себе противника, с которым предстояло встретиться, — особенно французское, — весьма легкомысленно отнеслось к предприятию, полагая, что предстоит всего лишь небольшая военная авантюра. При этом в поход с избытком были взяты женщины и вино. Что касается венгров, то, несмотря на христианские цели операции, они с усердием грабили по пути христиан, жителей Придунавья, мало чем отличаясь в этом от турецких акынджи⁶³.

Первое сопротивление войску крестоносцев должен был оказать турецкий гарнизон в Видине, в котором находился Иван Страшимир, брат болгарского царя Шишмана по отцу.

Ко времени похода Сигизмунда он являлся полунезависимым правителем, признававшим сюзеренитет османов. Иван счел за лучшее сдать город и выдал Сигизмунду всех находившихся в нем турок. Затем, после недолгой осады, крестоносцами был взят город Орехово. Его турецкий гарнизон был перебит или взят в плен⁶⁴. Перед Никоподем, где состоялось генеральное сражение между противниками, к войску Сигизмунда присоединился князь Валахии Мирча со своими отрядами, и численность крестоносного войска достигла 60 тыс. человек. Осажденный Никополь защищался 15 дней, пока не подоспело войско Баязида, и 28 сентября 1396 г. на равнине к юго-востоку от города произошла битва между войском Сигизмунда и армией Баязида. Участвовавший в сражении на стороне крестоносцев Иоганн (Ганс) Шильтбергер сообщает, сильно преувеличивая цифру, что османский султан привел с собой 200 тыс. человек, в то время как у Сигизмунда, по его словам, было лишь (теперь цифра им преуменьшена) 16 тыс. воинов⁶⁵. Историки, изучавшие поход Сигизмунда, считают, что в его войске находилось около 120 тыс. человек⁶⁶. Османский хронист Мехмед Нешри сообщает близкую цифру — 130 тыс. человек⁶⁷.

Как пишет Шильтбергер, разведка, произведенная Мирчей, установила наличие в войске Баязида 20 «корпусов», каждый из которых стоял под своим знаменем. Несмотря на разумное желание венгерского короля и валашского князя вступить со своими воинами в сражение первыми, учитывая их военный опыт борьбы с турками, герцог Бургундский, принимавший участие в походе, заявил, что привел с собой 6 тыс. рыцарей, понес наибольшие расходы по походу и потому имеет преимущественное право начать сражение. Никакие уговоры не помогли. Рыцари Бургундии вступили в бой первыми. Тяжело экипированные всадники устремились на передние ряды пеших лучников-азебов, стоявших на передней линии турецкого войска. Однако вскоре более половины рыцарей оказалось на земле, так как стрелы азебов метко попадали в лошадей. В плен был взят сын герцога Бургундии. Так описывает начало сражения Шильтбергер⁶⁸.

По другой версии, рыцари Бургундии сначала столкнулись с отрядами лучников сторожевого охранения, в которое Баязид обычно ставил самых малостоящих своих воинов. В борьбе

с ними рыцари утратили свой наступательный порыв, попав затем под обстрел лучников, стрелявших по лошадям. На поле боя после трех часов сражения лежали убитыми знатнейшие люди Французского королевства, Фландрии, Баварии и Савойи⁶⁹.

Второй удар Сигизмунд нанес уже по центру турецкого войска, где стоял, по сообщению Шильтбергера, двенадцатитысячный отряд пехоты, которую турецкий историк И. Х. Узунчаршылы отождествляет с янычарами. Эти янычары-лучники были смяты и перебиты воинами Сигизмунда, однако это не спасло крестоносцев от поражения. Большинство всадников христиан обратилось в бегство под натиском вступившей в бой легкой и стремительной турецкой конницы. Лишь небольшая часть воинства Сигизмунда смогла добраться до берега Дуная, сесть на суда и таким образом спастись. Множество рыцарей попало в плен к туркам⁷⁰.

Описание сражения при Никополе дает Мехмед Нешри, основываясь при этом на рассказе Умур-бея, сына военачальника Баязида Кара Тимурташ-паши, принимавшего участие в сражении. Правда, этот османский хронист следует во многом рассказу Ашык-паша-заде. Согласно турецким источникам, прибыв с армией к месту сражения, Баязид немедленно поручил Эвреноз-бею добыть языка. Однако тому не удалось это сделать, так как войско крестоносцев имело хорошее охранение. Между тем без данных разведки остались и крестоносцы, также не сумевшие заполучить сведения о своем противнике. Турки полагали, что христиане разделили свое войско на две части. Так, по-видимому, была расценена ими подготовка отряда французских рыцарей (лишь части крестоносного войска) к атаке. Боясь окружения своей армии с двух сторон, Баязид разделил собственное войско на две части, одна из которых была помещена в засаде. В день сражения отряд турецких воинов совершил нападение на христиан, был взят в клещи крестоносцами, и в этот момент, если верить турецким источникам, по рыцарям был нанесен удар из устроенной заранее засады. Это заставило христиан обратиться в бегство, во время которого турки захватили много пленных, число которых достигало 2 тыс. человек (явное преувеличение турецких хронистов)⁷¹.

Как видим, турецкое описание сражения отличается от того, что известно из рассказов европейских авторов. Следу-

ет сказать, что устройство засад было излюбленным военным приемом турок, и рассказ Мехмеда Нешри выглядит весьма правдоподобно. Уже Гиббонс отмечал, что европейские хронисты весьма сбивчиво рассказывают о второй части сражения, в которой принимал участие сам Сигизмунд. Для нас важно то, что в этом описании в качестве боевой силы в сражении упоминаются янычары, стоящие за передней линией легких лучников-азебов, защищающих их от первого удара противника.

Шильтбергер, как очевидец описывая то, что произошло сразу после битвы, рассказывает о массовом убийстве Баязидом захваченных пленников. Он же отмечает, что юношей, не достигших 20 лет, турки не убивали, как не убивали и знатных пленников в надежде получить за них богатый выкуп. Баязид потребовал в качестве выкупа 200 тыс. золотых монет, которые были присланы ему при посредничестве правителя о. Митилена Гаттилузи, а также генуэзских, венецианских и греческих купцов, имевших торговые отношения с турками⁷². Часть оставленных в живых пленников была взята самим Баязидом, остальные оставлены за теми, кто их пленил⁷³.

Чем объяснить резню, устроенную Баязидом после сражения? Следует сказать, что турки почти всегда вырезали какую-то часть попадавших в их руки пленников сразу же по окончании сражения. Однако в данном случае Баязид проявил чрезвычайную жестокость, умертвив огромное число христиан. Казнь проходила на глазах у знатных европейских рыцарей, которых со временем предполагалось освободить за выкуп. Не обращая никакого внимания на просьбы своей же военной верхушки пощадить захваченных, Баязид сурово наблюдал за расправой. Акция имела смысл только как устрашение, как предостережение тем, кому предстояло вернуться в Европу.

Участовавший в сражении и попавший в плен к туркам Иоанн Шильтбергер, сообщает, что 300 пленников юношей Баязид отправил в свою европейскую столицу Эдирне, где они пробыли 15 дней, а затем их доставили в Гелиболу. Там их 2 месяца продержали в заключении в крепости вместе с пленными знатными рыцарями во главе с сыном герцога Бургундии. После этого юноши были отправлены в Бурсу, где многие из них в качестве живых подарков были разосланы соседним мусульманским владетелям. Иоанн Шильтбергер оказался в числе личных

рабов Баязида. Он пишет, что 6 лет ему пришлось бегать «перед ним во время походов вместе с другими, как это было в их обычаях». Затем баварец по происхождению Шильтбергер оказался в числе придворных всадников (капыкулу), прослужив у турок 12 лет⁷⁴.

После поражения, нанесенного Баязидом венгерскому королю Сигизмунду и его союзникам, устрешенные Босния и Сербия подтвердили свой вассалитет, выплатив османскому султану годовую сумму хараджа, а оказавшийся среди побежденных валашский господарь Мирча получил приказ от Баязида принять участие в осаде Константинополя⁷⁵. (Не все турецкое войско покинуло стены византийской столицы в связи с приближением войска Сигизмунда.) Желая лишить Константинополь возможной военной поддержки со стороны, Баязид в 1397 г. направил в Пелопоннес 60-тысячное войско во главе со своими прославленными военачальниками Якуб-пашой и Тимурташ-пашой. Турки разграбили земли Пелопоннеса и удалились в Фессалию⁷⁶.

В осажденной турками византийской столице свирепствовал голод. На улицах лежали умершие от недоедания люди. Баязид в сочиненной в это время греками песне предстоит похваляющимся тем, что срует стены Константинополя, обратит собор св. Софии в мечеть, а юношей до 30 лет подвергнет обряду обрезания⁷⁷. Положение византийского императора Мануила II было самым жалким. Его племянник Иоанн в это время находился при Баязиде в качестве почетного заложника. Сам Мануил считался вассалом султана Баязида и искал любой способ, чтобы выбраться из страшной ситуации. Он даже попытался подкупить великого везира Баязида Али-пашу. По сохранившемуся преданию, тому было послано в подарок сто рыб, внутренности которых были заполнены золотыми и серебряными монетами. Если верить этому рассказу, приводимому Ашык-паша-заде, Али-паше удалось склонить Баязида к миру с византийским императором. При этом последний обещал, что в Константинополе будет разрешено жить туркам. Баязид потребовал, чтобы среди них был кадий, а в самом городе была построена мечеть. Мануил выполнил все требования османского султана, и в Константинополе поселились турки из Тараклы Йениджеси и Гёйнюк Хисара. Ашык-паша-заде сообщает, что эти переселенцы прожили в городе до разгрома Баязида Тиму-

ром и вслед за тем были изгнаны из византийской столицы. Мечеть их была разрушена. Потомки этих турок, по словам хрониста, жили впоследствии в деревне Гейнюкюлю под Текфурдагы (виз. Родосто)⁷⁸.

Одержав победу над войском Сигизмунда, что было расценено во всем мусульманском мире, как великая победа над «неверными», Баязид обратил свой взор на восток. В Анатолии по-прежнему находился его сильный непокоренный противник в лице караманского бея Алаэددина. Военные и политические успехи османов тревожили этого тюркского правителя, считавшего себя наследником великих традиций государства Сельджукидов в Малой Азии. При всяком удобном случае Алаэددин пытался наложить руку на анатолийские земли, подчинявшиеся власти османского правителя. Так, он занял Анкару и пленил видного представителя османской военной верхушки, анатолийского бейлербея Сары Тимурташ-пашу.

Баязид ответил на это сбором в 1397 г. огромного войска в Бурсе. 150 тыс. человек под его началом выступило в поход против столицы Алаэددина Коньи. Под ее стенами между противниками произошло сражение, продолжавшееся два дня. Несмотря на то, что численность армии Алаэددина Али-бея составляла 70 тыс. человек, первый день сражения не выявил победителя. Баязид решил прибегнуть к военной хитрости. Ночью, погасив лагерные костры сразу же после вечерней трапезы, он отправил отряд всадников численностью в 30 тыс. человек в тыл войска противника. Этот маневр ускользнул от внимания Алаэددина, в лагере которого всю ночь стоял немолчный шум от звуков барабанов и труб. Так караманцы демонстрировали боевой дух своего войска. С наступлением утра турки предприняли атаку на армию противника. Ее поддержали всадники, ударившие по армии Алаэددина с тыла, что вызвало панику среди его войска и заставило караманского бея укрыться за стенами Коньи.

Баязид осадил город, но ему долго не удавалось взять его штурмом. Жители Коньи, опасаясь за свою жизнь в случае взятия крепости, обещали османскому султану прекратить сопротивление, если им будет обещана безопасность. Во время очередного штурма крепостных стен турками защитники города прекратили сопротивление. Алаэددин Али-бей попытался бе-

жать, но был пойман и доставлен к Баязиду. Вынужденный объяснять османскому правителю причину своего неподчинения, он заявил, что считает себя равным Баязиду государем. В гневе от этих слов Баязид отдал приказ убить караманского бея. Голова его была насажена на острие копья и провезена по всем его владениям, чтобы устроить его подданных и заставить их подчиниться власти османского султана⁷⁹.

После Коньи наступила очередь Ларенде, старой столицы Караманского бейлика. Баязид подверг осаде и этот город. Жители его, вначале оказавшие сопротивление, вскоре, однако, предложили его сдачу в случае обещания безопасности их жизни и имущества, а также назначения правителем Караманского бейлика сына Алаэдина. Баязид согласился с первым условием, но не удовлетворил второе. В этих обстоятельствах жители отказались сдать город, продолжая сохранять верность караманской династии. На пятый день осады Баязид приказал доставить катапульту и метательные снаряды, чтобы начать разрушать крепостные стены Ларенде. Только тогда горожане сдались на милость врага.

Укрывавшаяся в Ларенде вдова Алаэдина (она же сестра Баязида) в сопровождении двух своих сыновей и городской знати выехала из города в лагерь османского правителя, где произошла ее встреча с братом. Отделившись от процессии и взяв за руку сыновей, она приблизилась к Баязиду и, пав к его ногам, умоляла пощадить их жизни, а затем передала брату ключи от городских ворот. Баязид отослал сестру и племянников в Бурсу, а в Ларенде поставил комендантом города одного из своих приближенных⁸⁰.

Подчинив своей власти почти весь Караманский бейлик, а затем и бейлик Джаник, Баязид обострил свои отношения с правителем другого тюркского государства в Малой Азии, Кади Бурханедином, правителем Сиваса. Последний признавал своим сюзереном мамлюкского султана Египта. Завершив начатое им завоевание бейлика Джаник с центрами в Кастамону и Самсуне, Баязид затем подчинил себе Сивас, Токат и Малатю, оказавшись со своей армией вблизи границ египетских владений. Он даже направил 20 тыс. своих всадников в помощь мамлюкскому султану ан-Насир Насиреддину Фараджу, занявшему престол в 1399 г.

Уже упоминавшийся Иоанн Шильтбергер сообщает, что мамлюкский султан воспользовался военной помощью Баязида для того, чтобы подавить мятеж, поднятый против него одним из придворных его покойного отца Баркука⁸¹. Шильтбергер участвовал в этой экспедиции и подавлении мятежа. Отголоском этой акции является, по-видимому, упоминание Ахмеди в своем дестане о походе Баязида «против Сирии» в связи со смертью Баркука⁸². Военная помощь была оказана османским правителем, как заявка на ответную помощь в деле получения согласия находившегося в Каире аббасидского халифа на дарование титула султан для самого Баязида⁸³. Повышение своего властного статуса было важно Баязиду для его переговоров с мамлюкским султаном о совместных действиях ввиду надвигающейся угрозы со стороны среднеазиатского завоевателя Тимура.

Баязид по праву мог считать себя сильным мусульманским правителем, подчиняющим своей власти земли «неверных», могущественным государем, постоянно расширяющим свои владения и сферу своего политического влияния. Ситуация на Балканах и в Южной Европе исключительно благоприятствовала этому. Не прекращающиеся раздоры между местными христианскими владетелями предоставляли августейшему гази возможность без крупных потерь с его стороны расширять границы ислама. Неаполитанский король призывал Баязида помочь ему в борьбе против Венеции, захватившей о. Корфу, из Ахейского княжества к Баязиду приезжал для ведения переговоров глава наваринцев Сан-Суперан. Один из архонтов Монемасии, крупного центра Мореи, борясь с деспотом Феодором Палеологом, правителем Мореи, также призывал на помощь турок. Военачальник Баязида Эвреноз-бей, правитель пограничной области с центром в Новых Патрах, воспользовавшись помощью Сан-Суперана, смог в 1395 г. овладеть Мистрой. Владетель Афин флорентиец Нерио Ачайоли умер, будучи данником Баязида, и после его смерти другой военачальник Баязида, Тимурташ-паша, осадил город. Лишь героические действия венецианского гарнизона, засевшего в Акрополе, не позволили туркам овладеть Афинами.

Едва ли можно утверждать, что христианские владетели не понимали серьезности турецкой угрозы. Деспот Мореи Тео-

дор, сенат Венеции и Сан-Суперан выдвинули проект создания сплошной оборонительной крепостной стены на Коринфском перешейке, для чего в Венецию для переговоров отправился грек Хрисолор. Однако Баязид чувствовал себя хозяином в Юго-Восточной Европе до такой степени, что, узнав о проекте, потребовал, чтобы к нему лично явились на суд византийский император Мануил и деспот Мореи Феодор Палеолог. Провинившихся обвиняли греки же — племянник Мануила Иоанн и архонт Монемвасии Мамона. Оба Палеолога, явившиеся к Баязиду, были в шаге от гибели. Их спасло лишь заступничество великого везира Али-паши, возможно, подкупленного⁸⁴. Мануил писал впоследствии, что, «по собственным словам» Баязида, тот желал, чтобы страна была очищена «от терниев, под которыми он подразумевал нас», чтобы «его сыновья могли плясать в земле христиан, не боясь окровавить своих ног»⁸⁵.

Чувствуя себя на вершине военной и политической славы, Баязид встретил весть об угрозе нападения на него Тимура с неразумным спокойствием. Политическое и военное сопротивление Баязида со среднеазиатским эмиром Тимуром (Тамерланом) представляет интереснейшую страницу истории Ближнего Востока. Османский правитель недооценил силу непобедимого завоевателя и упустил время и возможность создания против него военно-политического союза. Еще находясь у власти, Кади Бурханеддин обращался к Баязиду и мамлюкскому султану с предложением совместно выступить против Тимура после завоевания им Багдада (1393 г.). Однако ни тот, ни другой не согласился с этим предложением. Со временем Баязид понял свою ошибку и обратился с тем же предложением к мамлюкскому султану, но также не встретил поддержки. В завязавшейся дипломатической переписке Тимура с Баязидом среднеазиатский эмир предлагал османскому правителю прислать к нему одного из своих сыновей. Баязид, сам державший при своем дворе почетными заложниками сыновей признававших его верховную власть государей, прекрасно понимал политический смысл такого предложения. Согласиться с ним означало бы признать себя вассалом Тимура, который, будучи полновластным правителем, не носил ни титула хана, ни султана, внешне довольствуясь титулом гурган. Предполагалось, что он лишь управлял государством, в котором провозглашались законные

(подставные) ханы. Какое-то время даже свою монету Тимур чеканил от их имени, лишь со временем пойдя на то, чтобы поместить на ней собственное имя — но с титулом гурган. При этом Тимуру воздавались все почести, положенные верховному правителю⁸⁶.

Лишь недавно просивший у халифа признать за ним право на титул султан, Баязид отказался принять от Тимура шапку и кушак, что также означало бы признание Тимура сюзереном⁸⁷. В своих письменных посланиях к Баязиду Тимур называл его сыном («Сын мой Йылдырым-хан»)⁸⁸, что на политическом и дипломатическом языке того времени означало подчиненное положение Баязида.

По совету своего великого везира Али-паши, отличавшегося способностью (небескорыстно) улаживать внешнеполитические конфликты, Баязид попытался с помощью дипломатической переписки мирным путем договориться с Тимуром. Однако, отказываясь удовлетворить его требования, Баязиду следовало ожидать неизбежного военного столкновения, которое только и могло установить по понятиям того времени действительную политическую иерархию. Положение усугублялось целым рядом и других обстоятельств.

Баязид оказывал покровительство главе государства Кара Коюнлу Кара Юсуфу⁸⁹, а также Джалаиридскому султану Ахмеду, оказавшему сопротивление Тимуру, когда тот появился в Северном Иране и Ираке, а затем бежавшему из Багдада к мамлюкам⁹⁰. В то же самое время у Тимура искали защиты и покровительства представители тюркских династий малоазийских тюркских бейликов, лишённые Баязидом власти и своих владений. С помощью Тимура они стремились к восстановлению своих утерянных прав⁹¹. Так, выщипав бороду и волосы, под видом дервиша, пробирался за помощью к Тимуру Ильяс Ментешеоглу, а под видом бродячего торговца — эмир Айдыноглу⁹².

Первой военной акцией Тимура против Баязида был захват Сиваса. Под его крепостные стены были сделаны подкопы и началось их планомерное разрушение. Сивас в конце концов был взят, а множество его жителей уведено в плен⁹³. Осада Сиваса, происходившая в августе 1400 г., длилась 18 дней. Войсками Тимура командовал его верный союзник, основатель тюркской

династии Ак Коюнлу Кара Юлюк Осман⁹⁴ и владетель Эрзинджана Мутаххартан. Сивас оборонял Мустафа-бей Малкоч-оглу, оставленный защищать город сыном Баязида Сулейманом Челеби. Сдача была произведена на условиях договора, по которому Тимур обещал не проливать кровь осажденных. Условие было выполнено вполне в духе Тимура. По рассказу Шильтбергера, турецкие воины, защищавшие город, были по приказу победителя живыми закопаны в землю — пролития крови не произошло. Сивас был разрушен, в плен, помимо мужчин, было угнано множество женщин⁹⁵.

Османский хронист сообщает, что Тимур не убил защищавшего Сивас Малкоч-оглу, отпустив его к Баязиду, очевидно, чтобы тот смог рассказать ему об участии, постигшей защитников города. С особенным интересом Баязид выслушал рассказ прибывшего к нему Малкоч-оглу о войске Тимура⁹⁶.

Обстоятельства на какое-то время отсрочили военное столкновение между Баязидом и Тимуром. Последний получил известие о том, что войско мамлюкского султана направляется к Алеппо и поспешил ему навстречу. На равнине Мардж Дабик, неподалеку от города, войско Тимура нанесло сокрушительное поражение ан-Насир Насиреддину Фараджу, который едва сумел спастись бегством. Находившиеся в его войске туркмены во время сражения перешли на сторону Тимура (скорее всего, под влиянием пропаганды своих соплеменников, находившихся в войске среднеазиатского эмира). Сразу же после этого Тимур отправился к стенам Алеппо и после осады овладел городом, перебив множество горожан. Затем он взял Хаму, а по дороге к Хомсу посетил местные гробницы сподвижников Пророка Мухаммада. Из почтения к святым местам Тимур, по преданию, не увел в плен жителей Хомса, ограничившись наложением огромной дани⁹⁷. Такой поступок был в духе Тимура, из политических соображений всячески поддерживавшего о себе представление как о благочестивом мусульманине. В Сирии он, например, выступил защитником святынь шиизма и его сторонников, что заставило местное мусульманское духовенство считать его шиитом. Между тем в Хорасане он восстановил суннитское правоверие, а в Мазандеране подвергал наказанию шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников Пророка⁹⁸.

Всячески выказывая себя покровителем ислама, Тимур не забывал о грабительских задачах своего военного предприятия. Он разграбил Баалбек и осадил богатейший город Востока Дамаск, после взятия разграбив и его. Множество его жителей было уведено в плен. Здесь, по рассказу Ашык-паша-заде, он разыскал могилу Йазиды, велел раскопать ее, вынул кости и сжег их, а могилу приказал заполнить грязью⁹⁹, действуя так в интересах укрепления мусульманского правоверия. Йазид б. Аби Унайса, выходец из Басры, был основателем учения, согласно которому следовало ожидать появления пророка из неарабов, который провозгласит приход новой религии¹⁰⁰.

Не попытавшись вторгнуться в мамлюкский Египет, Тимур, проведя зиму в Карабахе, отправился в сторону Эрзинджана. В это время при его войске находился бей малоазийского тюркского бейлика Джаник, который в одну из ночей бежал от него в Кастамону. Зная о планах эмира, он стремился отсидеться в своих бывших владениях, ожидая военного поражения Баязида. Тимур начал с захвата принадлежавшей Баязиду Анкары, что означало открытый вызов османскому правителю. В ответ Баязид начал собирать войско, в которое, по совету своего великого везира Али-паши, включил многих добровольцев (серахоров) из Румелии и даже Константинополя¹⁰¹. Серахорам отводилась вспомогательная роль в армии, они должны были чинить дороги, ремонтировать разрушенные мосты и производить другие важные для продвижения армии работы¹⁰². По видимому, Тимур считал Баязида столь же сильным противником, каким являлся мамлюкский султан, и не исключал мирного исхода противостояния. После передачи завоеванной им Кемахи ее прежнему владельцу, правителю Эрзинджана Мутахартану, Тимур вновь предложил Баязиду прислать к нему одного из своих сыновей, объясняя свою просьбу нежеланием поднимать свой меч против мусульманского правителя, успешно ведущего борьбу с «неверными»¹⁰³. Однако для Баязида, как уже указывалось, это было невыполнимым условием. Османские хронисты показывают, что военное столкновение Баязида с Тимуром было неизбежным. Так, Лютфи-паша в своем труде приводит текст вызова на бой, который Тимур якобы послал османскому султану. Форма его была такова, что у османского правителя, да и у самого Тимура, не было иного выхода,

кроме как встретиться на поле боя. «Если ты не явишься и не сразишься со мной, ты — трус. А если я не явлюсь, быть моей жене бесплодной. Приходи, сразимся, узнаем, на чьей стороне Провидение!» — писал Тимур Баязиду¹⁰⁴.

Сыновья Баязида предлагали отцу внезапно напасть на войско эмира, не дожидаясь его боевого построения¹⁰⁵, когда лошади его воинов находятся на выпасе. Однако Баязид желал честного боя и не внял этому совету. План Баязида заключался в том, чтобы дать Тимуру сражение на открытой местности, где наиболее выгодно для себя могла проявить себя пехота, составлявшая значительную часть османского войска. Войско Тимура состояло из конницы. Военная верхушка Баязида была против такого плана, предлагая занять тактически выгодные для турок места, через которые должно было пройти войско Тимура, и разбивать его по частям. Однако Баязид своего мнения не изменил¹⁰⁶.

Два войска вышли навстречу друг другу в местности между Сивасом и Токатом, однако Тимур уклонился от сражения, посчитав момент невыгодным для себя. Он медленно двинулся в сторону Кайсери, опасаясь нападения с флангов. В июле 1402 г. его армия подошла к Анкаре, где османы прижали ее самым неудобным для противника образом. Мнение сыновей и военачальников Баязида было единодушно — наступил благоприятный момент, чтобы начать бой с Тимуром. Однако Баязид промедлил, позволив войску противника построиться в боевой порядок в выгодной для себя позиции.

На стороне Тимура было 160 тыс. всадников. В войске Баязида — 70 тыс. всадников и пехотинцы. Баязид занял место в центре своего войска, с ним были великий везир и сыновья Мустафа, Муса и Иса. Выбранное для ставки чуть возвышенное место со всех сторон было прикрыто рядами придворного войска, куда входили всадники-сипахи и янычары. Впереди, перед рядами построившихся янычар, стояли ряды легких лучников-азебов. На правом фланге расположилось войско анатолийских сипахи, по правую руку от которых также были размещены пехотинцы, вплотную примыкая к горе. Также на правом фланге находились отряды сербского деспота и албанцы.

На левом фланге стоял сын Баязида Сулейман Челеби, командовавший сипахи бывших бейликов Айдын, Сарухан и Ка-

раси. Здесь же находились румелийские войска, отряды татар, уже готовившихся переметнуться на сторону Тимура. Позади, на левом фланге, заняли позиции всадники санджака Амасья во главе с сыном Баязида Мехмедом. Левый фланг османской армии смыкался с равнинной местностью. Именно он принял на себя первый удар противника и выдержал первоначальный натиск. Румелийская конница была лучшей частью османского войска, испытанной не в одном сражении, и была способна отразить новые атаки. Однако на сторону Тимура переметнулись татары, открыв стрельбу из луков по румелийским всадникам и причинив им немалый урон. Войско Тимура атаковало и центр османской армии, однако эта атака захлебнулась — янычары не дрогнули, видя перед собой врезавшихся в ряды азебов всадников противника. Успешно защищался и правый фланг, где сражалось анатолийское войско. Однако и здесь не обошлось без измены. Сипахи бывшего бейлика Гермиян, увидев на стороне Тимура своего бывшего сюзерена, переметнулись на его сторону. За ними последовали воины других бывших тюркских бейликов, подчиненных османской власти. В результате, на правом фланге обнажился центр турецкого войска, где в окружении янычар находился сам Баязид. На правом фланге продолжали храбро сражаться одни лишь сербы.

Измена на обоих флангах склонила чашу весов на сторону войска Тимура. Многие начали понимать, что победа останется за ним. Поле боя предусмотрительно покинули сановники Баязида — великий везир Али-паша и Мурад-паша. Захватив с собой шехзаде Сулеймана, обратились в бегство ага янычар Хасан-ага и субаши области Караси Ине-бей. С тысячью своих всадников бежал в сторону Амасьи шехзаде Мехмед. Еще ранее бежал с поля боя другой сын Баязида — Мустафа. Это, согласно Ашык-паша-заде, вызвало презрительное замечание одного из охранявших султана янычар. Обращаясь к Баязиду, он якобы воскликнул: «Хорошую же службу сослужили тебе твои единокровные сыновья! А ты-то не тратил деньги, накапливал казну, приговаривал: „Все это для моих мальчиков”»¹⁰⁷.

Наконец вынуждены были обратиться в бегство сербы. Баязиду также предлагали бежать, но он отказывался и лишь немного отступил назад. Охранять его оставалось не более 2—3 тыс. янычар и сипахи его личной гвардии. Всадники

Тимура между тем предприняли попытку захватить Баязида. Только тогда, поняв, что дело окончательно проиграно, османский правитель стал прорываться через толпу продолжавших сражаться и попытался бежать. На его поимку были брошены всадники во главе с самаркандским ханом Султан-Махмудом. Баязида теперь сопровождало всего несколько янычар. Как сообщает Ашык-паша-заде, пытавшегося спастись Баязида узнал и выдал гермянский бей, еще совсем недавно лишенный власти в своем бейлике османским правителем. Баязид был схвачен и доставлен к Тимуру¹⁰⁸.

Баязид недолго пробыл в плену у среднеазиатского завоевателя, который, опасаясь побега пленника, по преданию, во время переходов возил его в железной клетке. Османский правитель умер, так и не доехав до Самарканда, куда его хотел доставить Тимур. Последний восстановил в верховных правах караманского бея, в свои бывшие бейлики на правах полноправных владетелей возвратились беи Айдына, Ментеше и Гермияна. Войско Тимура дошло до османской Бурсы, взяло ее и предало огню. Османское государство почти на четверть века потеряло свое бывшее военное и политическое значение, оказавшись ввергнутым в кровавую междоусобную борьбу.

Из описания битвы Тимура с Баязидом видно, что в 1402 г. созданное янычарское пехотное войско выполняло двойную функцию. Основная часть янычар, являясь важной частью османской армии, участвовала в сражениях в качестве пехотинцев-лучников. Другая часть входила в личную гвардию султана. В том числе это были солаки, являвшиеся особо почетным подразделением янычар. В сражении с Тимуром янычары с честью выполнили все возложенные на них обязанности. Баязид попал в плен, лишь покинув ряды защищавших его янычар. Османский хронист Лютфи-паша приводит рассказ одного из янычар Баязида, принимавших участие в битве при Анкаре. По его словам, лишь невыдержанность Баязида, попытавшегося всего с несколькими своими янычарами прорваться сквозь толпу сражающихся, сыграла роковую роль в его судьбе. Продержись Баязид со своими обороняющимися янычарами до вечера, он смог бы спастись, как спасся сам рассказчик¹⁰⁹.

В ходе сражения с Тимуром войско янычар, по формальному статусу рабов, никак не связанное с тюркской военной вер-

хушкой, родоплеменной по своему происхождению, осталось верным османскому правителю. Между тем новые малоазийские вассалы Баязида из числа бывших глав тюркских бейликов сыграли самую пагубную и роковую роль в судьбе своего, как оказалось, лишь номинального сюзерена. Не смирившиеся со своим новым для них подчиненным положением, они воспользовались приходом войска Тимура, чтобы вернуть себе власть в своих прежних владениях. Несмотря на проведенную Баязидом перепись тимарных грамот (бератов) с закреплением своих прав сюзерена в своих новых владениях, сипахи покоренных малоазийских бейликов с готовностью вернулась под власть своих прежних властителей¹¹⁰.

Разгром армии Баязида Тимуром привел к распаду Османского государства на отдельные территориальные образования, во главе которых встали его сыновья. Сразу же выделились земли в Румелии с центром в европейской столице турок-османов — Эдирне. Здесь обосновался, как считается (скорее всего, ошибочно) старший сын султана Баязида Сулейман Челеби. В азиатской части бывшего Османского бейлика, с центром в Бурсе, находился двор другого его сына — Мусы. Именно Мусе Тимур передал тело покойного Баязида для проведения надлежащего захоронения. Сам Муса, как и отец, оказался у Тимура в плену и находился там до смерти Баязида. Отсылая Мусу в Бурсу, Тимур одарил его на прощание поясом и мечом (знак вассалитета), а также сотней лошадей¹¹¹. В городе между тем, до появления там Мусы, находился другой сын Баязида, Иса, который сумел получить Бурсу от Тимура во время его похода на Измир. В результате развернувшейся вооруженной борьбы братьев за владение османской азиатской столицей Иса потерпел поражение и был вынужден уступить ее Мусе.

Однако Иса не смирился с потерей Бурсы и впоследствии сумел отбить ее, вынудив Мусу скрываться у своего дяди (бей Гермянского бейлика) в Кютахье¹¹².

Третья, небольшая азиатская часть бывшего Османского государства с центром в Амасье, оказалась в руках сына Баязида Мехмеда, который управлял этой областью еще до битвы при Анкаре.

Каждый из сыновей Баязида имел в своем подчинении сипахийское войско, янычарскую гвардию и штат придворных.

Сразу же после смерти отца между братьями началась борьба за установление своей единоличной власти. Успех того или иного османского принца в этой борьбе зависел прежде всего от поддержки военной феодальной верхушки, а также от политической помощи извне. В этот период междоусобицы все три части бывшего Османского государства оказались в положении рядовых тюркских бейликов Малой Азии, каждый из которых стремился занять главенствующее положение. Но словно какая-то неведомая сила вновь выводила на передний план именно Османское государство, несмотря на очевидное его ослабление и разгоревшуюся в нем братоубийственную междоусобную войну.

Некоторые преимущества по сравнению с другими имел сын Баязида Сулейман, уведенный с поля битвы под Анкарой янычарским агой Хасаном¹³. С ним вместе сумела уйти и часть румелийского войска. 20 августа 1402 г. Сулейман Челеби с 5 тыс. всадников высадился на европейском берегу и запросил мира у византийского императора, о чем сообщает венецианец Джованни Корнаро¹⁴. По некоторым известиям, в сентябре 1402 г. Сулейман лично посетил Константинополь, где вел переговоры об установлении границ с императором Византии Мануилом II. При этом военачальники, служившие еще Баязиду, защищали свои материальные интересы и пытались отстоять прежние территориальные границы государства, не желая делать никаких уступок грекам. Чуть позже начались политические переговоры османских турок с Венецией, куда Сулейман отправил своих послов¹⁵.

В результате заключенного в 1403 г. договора с Византией Сулейман был вынужден уступить грекам Салоники, Фессалию, всю береговую линию от Паниона на Мраморном море до Месемврии (берег Черного моря)¹⁶. Однако это были временные уступки. Сам характер турецкого государства, его экономические и идеологические основы порождали новую волну турецкой экспансии в Европе. Уже очень скоро Эвренос-бей, прославленный представитель румелийского сипахийства, начал совершать набеги на Фессалию, доходя до Будоницы¹⁷. Действия эти носили, правда, локальный характер, не перерастая пока в крупные военные предприятия.

Внешне Сулейман признал свое зависимое положение от Византийского государства, отдав в Константинополь залож-

никами свою сестру Фатиму-хатун и младшего брата Касыма. Прибыв в Эдирне, он провозгласил себя верховным правителем Османского бейлика¹¹⁸. Не помешавший Сулейману пересечь пролив и добраться до Андрианополя (Эдирне) Мануил вместе с тем попытался помешать переправиться на европейский берег 40 тыс. воинов румелийского войска, возвращавшегося после битвы с Тимуром. Однако на помощь им пришли венецианцы и генуэзцы, на своих судах доставившие турок в Галлиполи (Гелиболу)¹¹⁹.

Оказавшись на европейской земле и вступив в привычный круг внешнеполитических связей, Сулейман получил предпочтительные, по сравнению с братьями, шансы для возрождения Османского государства. В Юго-Восточной Европе проходила важная граница между двумя противоборствующими мирами — мусульманским и христианским. Это пограничное положение, а также наличие большой массы сипахи, не порвавших во многих отношениях с традиционными ценностями тюркского мира, видевших основной смысл своего существования в постоянных набегах и территориальной экспансии, создавали благоприятные условия для укрепления Османского бейлика и власти его правителя. С ним поневоле должны были поддерживать постоянные связи основные политические игроки этого беспокойного региона — остро соперничавшие экономически и идеологически. Всего этого не было в двух азиатских частях прежнего Османского бейлика, соседствовавших с преимущественно родственными себе конфессионально и политически государственным образованиями, традиционно враждебно к османам настроенными. Понимая значение европейских владений Османского государства, сыновья Баязида ставили себе целью овладеть Эдирне, где прочно обосновался их брат Сулейман.

Сулейман по праву мог считать себя преемником своего отца. В его придворном окружении оказались главные должностные лица, служившие еще Баязиду, — опытный и искушенный в политических делах великий везир Али-паша, а также янычарский ага. Сулейман имел в своем распоряжении сильное войско — янычарский корпус и значительную по численности массу румелийских сипахи, готовых в любую минуту поддержать его с оружием в руках. Правда, формально османский

правитель какое-то время был вынужден признавать, помимо политического покровительства Византии, формальный сюзеренитет Тимура. После битвы при Анкаре Сулейман Челеби получил письмо от среднеазиатского завоевателя, в котором тот предлагал ему выразить свое подчинение, либо приехав в его ставку, либо прислав требуемую дань. В случае отказа Тимур грозил Сулейману походом против него. Сын Баязида предпочел выплатить Тимуру дань в золотых монетах, которые смог заполучить в Бурсе на своем пути в Эдирне. Это была большая сумма, так как Сулейман реквизирует всю наличную казну Бурсы. Тимур удовлетворился присылкой денег и послал Сулейману шапку и пояс в знак своего сюзеренитета. После завоевания Тимуром Измира Сулейман, понимая опасность его возможного вторжения в европейские земли, поторопился написать Тимуру поздравительное послание, ответом на которое вновь стали присланные ему расшитые золотом кушак и шапка. Шапку и пояс получил и другой сын Баязида — Иса¹²⁰. Свою покорность Тимуру выразил и захвативший к тому времени Бурсу другой сын Баязида — Мехмед. В старинной османской азиатской столице в 806 г. х. (июль 1403—июнь 1404) была отчеканена монета с именем Тимура¹²¹. Сохранилось несколько монет Мехмеда, на которых стоят два имени — его и Тимура¹²².

Обосновавшись в Эдирне, Сулейман стремился поддерживать мирные отношения с соседними христианскими государствами, особенно с византийским императором. В то время как у того в почетных заложниках находились его сестра Фатима и младший брат Касым, в гареме Сулеймана жила одна из греческих принцесс¹²³. Уже к 1406 г. положение его по сравнению с братьями настолько укрепилось, что великие политические тактики — венецианцы — начали называть его «императором турок»¹²⁴. Не предпринимая завоевательных походов, Сулейман старался в то же время не допустить отпадения каких-либо османских территорий в Европе: когда около 1405 г. болгарские города на сербской границе в долине Тимока и в окрестностях Пирота, подстрекаемые сыном болгарского царя Страшимира Константином, восстали против турецкой власти, Сулейман, собрав войско, отправился в долину р. Тъмски и усмирил восставших, восстановив там свою власть¹²⁵.

Сулейман Челеби претендовал на главенствующую роль среди других сыновей Баязида и ни на минуту не забывал, что в их руках находятся азиатские владения его отца. Он с тревогой наблюдал за действиями своего брата Мехмеда, сумевшего изгнать из Бурсы Ису, который был вынужден бежать в Константинополь. Старые политические враги османских турок старались воспользоваться фактическим распадом Османского государства и сыграть на противоборстве между братьями в своих собственных интересах. А предусмотрительные генуэзцы поддерживали — на всякий случай — отношения с тремя сыновьями Баязида — Сулейманом, Исой и Мехмедом¹²⁶.

Первоначально Мехмед с его двором в Амасье установил мирные отношения с Сулейманом, признав его старшинство и главенство. По сообщению Ашык-паша-заде, он выразил это в письме к Сулейману. «Благополучия тебе во всем, эмир Сулейман! Если случилось так, что наш отец покинул [нас], отец для нас [ты], мой эмир», — писал он брату. Одновременно с письмом Мехмед послал в подарок Сулейману двух лошадей, получив в ответ нескольких невольников и невольниц¹²⁷.

Сулейман посчитал необходимым одержать победу над своим братом Мусой, который нашел убежище у заклятого врага османов, караманского бея. Он послал ему письмо с просьбой выдать ему брата в знак дружественного к себе отношения. Почувствовав опасность, Муса бежал к Исфендияру, бею другого малоазийского бейлика — Джаник, надеясь найти приют у этого давнего политического недруга османов¹²⁸, и Сулейман счел необходимым решить проблему военным путем. Османский хронист Ашык-паша-заде дает выразительную картину пребывания Сулеймана и его войска в Азии. На целую зиму воинство остановилось на берегу одного из притоков р. Сакарьи неподалеку от местечка под названием Гейнюк, занимаясь выпасом своих лошадей. Здесь Сулейман проводил зимние дни в беседах и пирах, отчего это место, по преданию, получило название Бей Кавагы (Тополь бея). Во всем этом мы видим традиционные черты быта вчерашних кочевников с незабытым еще почитанием больших деревьев, считавшихся у тюрок проводниками между миром людей и Небом.

Между тем Сулейману не пришлось продолжить свой поход. Бей Джаника Исфендияр предпочел избавиться от брата

Сулеймана Мусы, отправив его в Валахию, к Мирче¹²⁹, и заключил мир с османским правителем.

Внешне поддерживавший дружественные отношения с Сулейманом, другой сын Баязида, Мехмед, на самом деле являлся его сильным политическим противником. Опираясь на свой центр в Амасье, Мехмед завоевал ряд областей Анатолии — Токат, Никсар, Сивас, — используя для этого главным образом конницу кочевников-туркмен. Одновременно он замыслил захват Бурсы, которую занимал сын Баязида Иса. Между войсками братьев в районе Улубада произошло сражение, победителем из которого вышел Мехмед. Иса бежал в Константинополь и в конце концов был выдан византийцами — но не Мехмеду, а Сулейману. Утвердившись в Бурсе, азиатской османской столице, Мехмед провозгласил себя верховным правителем Османского бейлика¹³⁰.

Действия Мехмеда встревожили Сулеймана, и он предпринял поход в Азию с целью завоевания Бурсы, что ему удалось сделать. Он вновь подчинил османской власти Анкару, вынудив Мехмеда удалиться в Амасью. Военные успехи Сулеймана во многом объяснялись наличием у него сильной пехоты — янычарского войска, по-прежнему возглавлявшегося агой Хасаном, служившим еще Баязиду. Да и его румелийская конница сипахи, как всегда, отличилась особым военным искусством.

Действия Сулеймана в Анатолии в свою очередь встревожили караманского бей, который, получив от Тимура свои прежние владения, восстановил Караманский бейлик в его прежнем виде и политическом значении. Зная о военных возможностях Сулеймана, он попытался заключить союз с Мехмедом, и Сулейман, сочтя силы сторон неравными и не сделав попытки подчинить своей власти анатолийские бейлики, предпочел возвратиться в Эдирне. Но лишь только Сулейман со своим войском удалился в свои европейские владения, его брат Мехмед вновь подчинил себе Бурсу¹³¹.

Тем временем отправленный Исфахияром в Валахию к Мирче сын Баязида Муса в 1409 г. сумел перебраться в Румелию и, собрав вокруг себя с помощью валашского князя, сербов и болгарских бояр небольшое войско, дал сражение Сулейману, которого на этот раз поддерживал византийский император. Во время этого сражения, которое произошло неподалеку от Кон-

стантинополя, сербский отряд Мусы перешел на сторону Сулеймана, и это решило исход дела. Муса вынужден был бежать и скитался по Балканам и Фракии, собирая вокруг себя сторонников. Христианские союзники не оправдали его надежд, и он попытался найти себе помощников среди румелийских сипахи. Муса жестоко отомстил изменившим ему сербам, убив брата сербского деспота Вьлка, переметнувшегося во время боя на сторону Сулеймана, а также его племянника Лазаря. Успехом Мусы можно считать переход на его сторону Филибе (Пловдива), признавшего его власть. Позднее, за то, что турецкая часть жителей Филибе поддержала Мусу, Сулейман сжег город¹³².

Многое в исходе борьбы между сыновьями Баязида зависело от того, кого из братьев поддержит румелийская конница сипахи. Она была кровно заинтересована в продолжении завоеваний турок в Европе, суливших ей немалые материальные выгоды. И дело было не только в этом. Турецкие акынджи, хранители тюркских кочевнических традиций, чувствовали свою жизнь наполненной смыслом лишь тогда, когда проводили время в седле. Между тем румелийские беи, основная военная и политическая опора Сулеймана, так и не дождались от него сколь-нибудь значимых военных предприятий. С чувством неприязни они следили за жизнью своего невоинственного и склонного к веселому времяпрепровождению правителя. Ашык-паша-заде прямо говорит о недовольстве румелийских беев правлением Сулеймана. Узнав о пребывании Мусы в Валахии, именно они призвали его явиться в Румелию и занять место брата: «Приходи, от того, что твой брат — бей, никакой радости, ибо он в беспрестанных пирушках — и ночью, и днем». Муса воспользовался недовольством сипахивей Сулеймана. К тому же на его сторону перешел один из беев акынджи Михаль-оглу Мехмед-бей, получивший от Мусы звание бейлербея, т. е. высшего военачальника сил сипахи. По рассказу османского хрониста, Муса переправился через Дунай в районе Силистрии и принял под свои знамена многочисленных румелийских тимариотов и примкнувших к ним добровольцев¹³³.

С набранным конным войском Муса двинулся против брата и под Софией разбил посланную против него армию Сулеймана, а затем двинулся к его столице Эдирне. Решающим в этом противоборстве оказался переход на сторону Мусы янычарско-

го аги Хасана, которому Сулейман, по преданию, будучи пьян, нанес, по тюркским понятиям, ужасное оскорбление — отрезал ему кусок бороды¹³⁴.

Иногда клочок бороды стоит царства. По рассказу хрониста, Сулейман встретил весть о приближении войска Мусы в бане, где предавался любимым занятиям — беседе и винопитию. Велев побить гонца, принесшего плохую весть, а затем и убив его, Сулейман и не подумал что-либо предпринять перед лицом опасности. Он ничего не сделал и после того, как старый военачальник Хаджи Эвреноз-бей сообщил ему, что Муса уже разбил часть его войска. Вмешавшемуся в разговор янычарскому аге Хасану пьяный Сулейман отрезал ножом кусок бороды, и тот вскричал, обращаясь к присутствующим беям и придворным: «Счастье и удача покинули этого человека!»¹³⁵ Смысл этой фразы был совершенно ясен туркам: Сулеймана покинула особая сила (субстанция), известная у древних тюрков под именем кут. Именно ее наличие позволяло верховному правителю успешно править своим народом.

Оскорбленный Хасан-ага заявил, что переходит на сторону Мусы, и призвал янычар последовать за ним. Переход Хасана с янычарами к противнику Сулеймана повлиял на колеблющихся. Многие беи последовали примеру янычарского аги. Сулейман, оставшись фактически без войска, был вынужден бежать в Константинополь с оставшимися верными ему людьми — Караджа-беем и Кара Мукбилем. Их взялся сопроводить в дороге проводник-туркмен¹³⁶. Во время пути, как рассказывает Мехмед Нешри, туркмен дал знать своим единоплеменникам, что везет бегущего из Эдирне Сулеймана. Отряд «тюрков» (так у Нешри) окружил беглецов и завязалась стычка, во время которой был ранен Караджа-бей, а Кара Мукбил убит. В лошадь Сулеймана попала пущенная кем-то стрела, и османский бей упал на землю. Его схватили и связали, и здесь же он был застигнут погоней Мусы, который приказал убить своего брата-соперника. Сулейман был задушен, а тело его отослано в Бурсу, после чего Муса провозгласил свою власть во всей Румелии¹³⁷.

Ашык-паша-заде, выступающий в своем историческом труде «Хроники Дома Османа» противником братоубийственной борьбы в османской династии, дает иную версию гибели

Сулеймана, который в его описании погибает не по приказу Мусы, а от рук жителей одной из румелийских деревень, в которой во время бегства остановился Сулейман. В осуждение этого убийства Ашык-паша-заде приводит рассказ о том, что прибывший затем в эту деревню Муса жестоко покарал жителей за смерть брата, предав ее огню¹³⁸. Однако скорее всего это выдуманная версия. Об удушении Сулеймана сообщают многие славянские летописи, называя даже дату события — 5 июня 1411 г.¹³⁹ Сам метод убийства (без пролития крови), распространенный именно в османской династии и уходящий своими корнями к древней тюркской традиции, указывает на то, что убийство было совершено по приказу Мусы.

Новый османский правитель оправдал ожидания румелийского войска, начав активные захватнические действия в пограничных землях. По-видимому, Муса пользовался большой поддержкой и среди румелийских кочевников, туркмен, находившихся тогда под сильным влиянием шейха Бедредина Симави (Симавна-оглу). Последний нашел почетное место при дворе Мусы, будучи назначен кадиаскером. (На то, что туркмены Румелии поддерживали Мусу, указывает и рассказ Нешри о пленении и убийстве Сулеймана.) Муса совершил военный поход против Сербии и осадил Ново-Брдо, отнял у византийцев прибрежную европейскую полосу Черного моря, а также Фессалию и даже совершил нападение на Константинополь. С помощью доставшегося ему от Сулеймана сильного войска он нанес поражение при Инджекизе (Инеджегизе) переправившемуся через Босфор брату Мехмеду, вынудив его возвратиться в свои азиатские владения¹⁴⁰.

Узнав о гибели Сулеймана и воцарении в Эдирне Мусы, Мехмед сразу же двинулся из Амасьи в Бурсу, где был принят ее населением как новый османский правитель. (Здесь он провозгласил себя новым османским беєм.)¹⁴¹ Влиятельная часть населения Бурсы была настроена в его пользу еще при жизни Сулеймана¹⁴² Мехмеду удалось подчинить своей власти все азиатские владения Османского бейлика, до того признававшие власть Сулеймана. Договорившись через своего посла о помощи византийского императора, с опасением наблюдавшего за действиями воинственного Мусы, Мехмед выступил против брата, но, как было сказано выше, потерпел поражение. Од-

нако это не заставило его отказаться от планов по овладению Эдирне. В 1412 г. Мехмед дважды вступал в схватку с Мусой и дважды терпел поражение, находя затем убежище у византийского императора¹⁴³. Военные силы Мусы и Мехмеда явно были неравны. Янычарское войско и румелийская конница делали положение Мусы достаточно прочным. Однако вскоре в отношениях Мусы с румелийскими сипахи появилась трещина, которая сделала его более уязвимым перед братом. Не забыв об измене Сулейману военной верхушки Румелии, Муса заменил некоторых санбжакбеев своими слугами — кулами. Так, пост санбжакбея получил глава азебов по прозванию Азев-беги. Это было явным нарушением традиций и негласных прав румелийских сипахи, не терпевших в своей среде «чужаков». Подобные шаги Мусы вызывали неприязнь у турецкой военной верхушки Румелии. По какой-то неизвестной нам причине в темницу Дидимотики по приказу Мусы были брошены два пограничных бея Румелии — Юсуф-бей, предводитель сил акынджи в Северной Македонии, и Паша Йигит, пограничный бей Скопье. Бежав из тюрьмы, они возвратились в свои места и получили поддержку сербского деспота Стефана Лазаревича. Какая-то часть настроенных против Мусы румелийцев решила поддержать сына убитого Сулеймана — Орхана, которого византийцы переправили в Салоники, где ему должны были, по составленному плану, оказать помощь боярин-славянин Богдан и турецкие колонисты Македонии. Мусе удалось пленить Орхана, он приказал ослепить его и совершил карательный набег на Сербию, где близ Крушеваца в 1413 г. разбил войско сербского деспота при Вербнице¹⁴⁴.

Из этих событий ясно, что хитроумные византийцы затеяли политическую игру с целью устранить воинственного османского правителя — Мусу, сменившего миролюбиво настроенного по отношению к грекам Сулеймана. Козырями в этой игре стали сын Баязида Мехмед и сын Сулеймана Орхан. Однако разыграть обе карты долго не удавалось. Муса имел сильное войско и сам был превосходным военным предводителем. Не зря он имел прозвание Муса Кесиджи (Муса Разящий).

Не смирившийся со своими поражениями Мехмед между тем настойчиво стремился к своей цели. Узнав о недовольстве части румелийских беев, он привлек на свою сторону Эвреноз-

оглу Али-бея, получил военное подкрепление от своего тестя, владетеля анатолийского княжества Зулькадыр Насиреддин-бея, и с 30-тысячным войском, куда помимо конницы входила и пехота¹⁴⁵, при помощи византийских судов переправился на европейский берег. В его армии находились и воины византийского императора¹⁴⁶. Эвреноз-оглу Али-бей посоветовал Мехмеду направиться в Македонию, чтобы иметь возможность соединиться там с сербами, имевшими все основания ненавидеть Мусу¹⁴⁷.

Высадившись на европейском берегу, Мехмед двинулся в сторону Сербии. Неподалеку от Филибе войска братьев едва не столкнулись друг с другом, однако Мехмед еще не был готов к сражению и обошел армию Мусы, удачно соединившись на Топлице с войском Стефана Лазаревича, македонского боярина Богдана и беями Румелии, перешедшими на сторону Мехмеда. Среди последних был и Паша Йигит, бежавший из тюрьмы в Дидимотике. Лишь после этого 10 июля 1413 г. Мехмед принял сражение на равнине близ деревни Чамурлу неподалеку от Самокова.

Муса, кроме румелийской конницы, имел в своем войске 7 тыс. янычар. Это были меткие стрелки из луков, принимавшие на себя, после азебов, первый удар конницы противника и способные нанести ей большой урон. Так было и на этот раз. Сам Муса сражался с большой храбростью, собственноручно порубив саблей множество врагов¹⁴⁸. Однако, согласно сохранившемуся рассказу, был убит своими же собственными янычарами¹⁴⁹. По другой версии, он бежал с поля боя, был настигнут погоней и задушен¹⁵⁰.

Хронист Ашык-паша-заде, ссылаясь на рассказ раннего османского историка Яхши Факиха, сообщает о событиях так: Мехмед явился со своим войском в местечко Йорус (район Ускюдара), где, дождавшись судов, предоставленных ему византийским императором, переправился на них на европейский берег и расположился у Инджекиза. Сюда же прибыл с отрядами румелийских сипахи Эвреноз-оглу Али-бей. Тогда же к Мехмеду перешел и Михаль-оглу Яхши-бей, представитель знатного рода румелийских сипахи. И тот и другой были авторитетными лидерами в среде военной верхушки, и их поддержка много значила для успеха дела Мехмеда. Брат Михаль-оглу

Яхши-бей, Мехмед-бей, являлся бейлербеем Мусы и, как пишет Ашык-паша-заде, сам послал Яхши-бея в войско Мехмеда. Это обеспечивало интересы фамилии в случае победы любого из противников. На сторону Мехмеда перешли многие тимариоты Румелии — Мусе остались верными лишь силы акынджи и янычары, хотя ага янычарского корпуса предпочел переметнуться на сторону Мехмеда¹⁵¹.

Сражение возле Самокова, как уже указывалось, было проиграно Мусой. При этом, по сообщению Нешри, янычары сражались на его стороне до последнего, но не смогли повлиять на исход сражения¹⁵². Конница акынджи, сражавшаяся на стороне Мусы, в одиночку не была способна выигрывать крупные сражения, требовавшие известной тактической выучки. По существу, акынджи были мастерами внезапных набегов, ставящих своей целью разграбление вражеской территории. Сообщая о конце Мусы, Ашык-паша-заде пишет, что он бежал с поля боя в сопровождении своего раба по имени Терзи Саруджа. В одном месте лошадь османского бея, якобы споткнувшись, упала, а раб, сопровождавший своего хозяина, перебил ей сухожилия и доставил Мусу к Мехмеду. Рассказывая о смерти Мусы, Ашык-паша-заде опять прибегает к иносказательности, не одобряя братоубийства. Он пишет, что вечером в шатре Мехмеда состоялся совет, на котором обсуждалось сложившееся положение. Затем, не упоминая имени Мусы, хронист загадочно добавляет, что некто «в ту же ночь был отправлен к „дедам” в Бурсу»¹⁵³. Читатель, впрочем, хорошо понимал, что речь идет о Мусе, который был убит, а его тело отправлено в Бурсу для захоронения в месте погребения его предков.

Чтобы подчеркнуть свое неприятие убийств внутри османской династии, Ашык-паша-заде заканчивает описание обстоятельств воцарения Мехмеда стихами:

Повелось так давно — брату брата губить,
Мать, отца своего горем тем изводить.

Каин брата убил — с тех времен и пошло,
И среди ханов затем то в обычай вошло.

Сулейманом, Мусой был погублен Иса,
Брату брата губить — то обычай глупца¹⁵⁴.

В междоусобной борьбе сыновей Баязида за власть янычары использовались каждым из претендентов. Янычары имелись у Исы, когда тот осаждал Бурсу. Янычарской корпус был в войске Сулеймана¹⁵⁵. По наследству от него он перешел к Мусе. Конечно, янычары как пехотное подразделение являлись важным дополнением к конному войску. Но не только это было важным. Наличие янычар должно было указывать на высокий статус верховной власти, повышало авторитет правителя, позволяло ему иметь некоторую военную силу, независимую от сипахийского воинства, часто преследовавшего собственные интересы. Хотя и янычары, как это видно из рассказанных событий, не всегда являлись надежной опорой власти.

Единоличное воцарение Мехмеда ознаменовало собой восстановление Османского государства и начало его политического возрождения. Наследнику Баязида, казалось, ничто не связывало рук. Он наказал слуг своего брата, не оказавших ему должной поддержки. Бейлербей Мусы, Михаль-оглу Мехмедбей, представитель старой военной аристократии Румелии, был отправлен в изгнание в Токат, где ему была назначена пенсия — 1000 акче в месяц. От худшей участи его спасло то, что его брат, по его же совету, перешел на сторону Мехмеда. Шейх Бедреддин, поддерживавших Мусу, с сыном и дочерью, был отослан в Изник с такой же суммой денежного содержания. Вся Румелия признала власть Мехмеда, который отправил письма с извещением о своем воцарении всем соседним государям¹⁵⁶. Завершилось восстановление Османского государства, но, как оказалось, не закончился смутный период его истории.

Византийский император Мануил, оказав помощь Мехмеду, рассчитывал на установление мирных отношений со своим мусульманским соседом, а возможно, и на территориальные уступки. Действительно, после победы Мехмед был настроен к грекам вполне миролюбиво и в письме, посланном византийскому императору, даже назвал его отцом¹⁵⁷, подчеркнув политическое старшинство императора. Византия получила обратно отвоеванную Мусой прибрежную полосу Черного моря и Фессалию. Сербия также смогла вернуть себе ряд своих областей. Валашский господарь Мирча, владетели Морей и полунезависимые болгарские боляре прислали в Эдирне своих послов с выражением своей покорности. Однако Мирча лишь через

три года начал выплачивать ежегодную дань Мехмеду и то после того, как тот предпринял военный поход против валашских земель, захватив ряд городов на правом берегу Дуная, а также Джурджево¹⁵⁸.

По сообщению Халкокондила, Мехмед, поддерживая мирные отношения с Византией, старался, чтобы янычары не сообщались с греками из страха их бунта и возможного предательства¹⁵⁹, помятуя, очевидно, о той роли, какую они сыграли во время его борьбы с Мусой. Это первое в исторической литературе того времени (XV в.) упоминание о некоей политической роли, которую начали приобретать янычары в османской истории.

Возрождение Османского бейлика между тем не входило в расчеты его главного противника в Малой Азии — караманского бей. Воспользовавшись уходом Мехмеда из Азии для борьбы с братом Мусой, Мехмед-бей Караманоглу попытался захватить азиатскую столицу османов Бурсу. Двигаясь к ней из Силиври, он грабил и жег места, по которым проходила его армия, опустошив все вокруг Бурсы. 31 день он осаждал ее, делая подкопы под крепостные стены города. Однако субаши Бурсы Хаджи Иваз-паша умело оборонялся. Вовремя обнаруживая места подкопов, осажденные каждый раз убивали минеров. Он также помешал осаждающим лишить город воды, продержавшись до того момента, когда к Бурсе подошла траурная процессия с телом убитого Мусы. Это отрезвляюще подействовало на Мехмеда Караманоглу. Он снял осаду с Бурсы и возвратился в свой бейлик. Борьба двух Мехмедов была еще впереди.

Договорившись о помощи со стороны глав бейликов Джаник и Гермиян, османский правитель включил в свое войско их военные отряды и получил от них необходимое боевое и иное снаряжение для ответного похода против караманского бей¹⁶⁰. Бей Джаника даже прислал в войско Мехмеда своего сына Касыма.

Вначале Мехмед отправил против караманского бей войско под командованием своего везира и военачальника Баязид-паши. При местечке Чикель произошло сражение, в результате которого в плен попал сам караманский бей. Только после этого Мехмед сам выступил со всем своим войском против Коньи. В руках у османов находился не только правитель Карамана, но

и его сын Мустафа-бей. Неудивительно, что Мехмеду удалось заключить со своим врагом — караманским беем — очень выгодный для себя договор, по которому к нему перешли Акшехир, Сейдишехир, область Оклука, где жили кочевые племена, Бейшехри, Сиврихисар, Чам и Нигде. Таким образом, к Мехмеду переходила значительная часть Караманского бейлика. Караманскому бею как вассалу Мехмедом было пожаловано, по сообщению Ашык-паша-заде, почетное платье и знамя, несколько прекрасных лошадей и рабов. Довольный Мехмед с триумфом возвратился в Европу, а караманский бей, по преданию, произнес: «Вражда моя продлится до [дня] воскресения из мертвых»¹⁶¹.

Нешри упоминает еще о каком-то походе Мехмеда против караманского бея, во время которого тот якобы униженно просил не захватывать его столицу Конью¹⁶². Скорее всего, имеется в виду поход Мехмеда, предпринятый им против Караманоглу еще до своей победы над братом Мусой. О вышеописанном же походе Мехмеда I Нешри рассказывает приблизительно то же, что и Ашык-паша-заде, с добавлением некоторых любопытных подробностей, которые помогают понять соотношение сил противников. Если Ашык-паша-заде прямо говорит о том, что Мехмед не решился с ходу сразиться с войском Мехмед-бея и послал навстречу противнику войско Баязид-паши, то Нешри дипломатично пишет о болезни, помешавшей якобы Мехмеду сразу же лично возглавить войско. Нешри рассказывает также о военной хитрости, примененной Баязид-пашой, для того чтобы пленить караманского бея и его сына. Подчеркивает он и вассалитет Мехмед-бея Караманоглу, сообщая, что тому были пожалованы знамя и барабан¹⁶³ — бесспорные знаки вассалитета в тюркской среде Малой Азии.

Продолжением политики подчинения соседних владетелей явился поход Мехмеда против Валахии, вассалитет которой предстояло восстанавливать. В этом военном предприятии Мехмеда участвовали отряды его вассалов — бея Джаника и караманского бея. За Дунай для грабежа валашских земель были посланы отряды румелийских акынджи, возвратившиеся с богатой добычей. Воевода Валахии вынужден был подчиниться и отправил Мехмеду харадж, а также своих сыновей в качестве почетных заложников при османском дворе.

Политика захватов и расширения своих владений проводилась Мехмедом не только с помощью войн. Не желая вступать в военный конфликт с беем Джаника Исфендияром, признававшим сюзеренитет османского султана, Мехмед сумел завладеть частью его земель с помощью находившегося при его дворе на службе сына Исфендияра — Касым-бея. Мехмед попросил Исфендияра выделить Касыму в качестве «тимара» земли от Кастамону до Тосьи и Каледжика, пообещав пожаловать ему земли и лично от себя. При этом Мехмед ссылаясь на твердое желание Касыма остаться у него на службе. Это была плохо замаскированная аннексия части земель соседнего тюркского бейлика. Естественно, Исфендияр так это и расценил и попытался протестовать. Он прибегнул к помощи везира Мехмеда Баязидпаши, которого попросил выступить своим предстателем перед османским правителем. При этом Исфендияр заявил, что просимые земли являются его собственным дирликом¹⁶⁴, и он готов передать их самому Мехмеду, но не своему сыну. Любопытно обоснование, какое дает Исфендияр. Он заявляет: «Я являюсь везиром (здесь: слугой. — И. П.) [моего] господина (Мехмеда. — И. П.) и потому возвращаю [ему] Кангры и Каледжик с округой... Я отдаю [их] моему господину, а не Касыму, этому носителю злосчастья». Мехмед не возражал против передачи ему земель с такой формулировкой, но тотчас же предоставил их от своего имени Касыму. Последний владел ими, находясь на османской службе, до самой своей смерти. Таков рассказ Ашых-паша-заде¹⁶⁵.

Из этого рассказа видно, что иерархические отношения подчинения были весьма чувствительным предметом в отношениях между тюркскими правителями Малой Азии и их вассалами. Они строились по общепризнанным правилам. Исфендияр, бей Джаника, признавал свою вассальную зависимость от османского султана, называя себя его «везиром», по праву чего, как он считал, он владел своими землями. Только Мехмеду, своему сюзерену он имел право передать их. Но, конечно, здесь усматривается казуистическая уловка Исфендияра, не желающего расставаться со своими владениями.

Период восстановления былой политической силы Османского государства сопровождался мощным общественно-религиозным движением¹⁶⁶, во главе которого стояли шейх Бе-

дреддин Махмуд Симави, Бёрклюдже (у Ашык-паша-заде — Юреклидже) Мустафа и Торлак Кемаль. Об идеях движения многое известно. Добавим лишь, что религиозное брожение умов в период правления Мехмеда I затронуло не только земли Османского государства в Анатолии и Румелии. Близкие по характеру идеи всегда словно носятся в воздухе, приводя в возбуждение умы вокруг. Питаемое другими соками, это брожение на византийской почве проявилось в виде смелых религиозно-философских построений, обнародованных, например, признанным главой литературных кругов Мистры Георгием Плифоном, преподававшим неоплатоновскую философию. Во время заседания Флорентийского собора Плифон заявил, что христианство и ислам вскоре уступят место новой религии, близкой античной философии. (Главный трактат Плифона был сожжен его противником Схоларием¹⁶⁷.)

Утвердившись во власти не без помощи византийцев, Мехмед был настроен миролюбиво. Он подтвердил за ними право на Салоники и юго-восточную Фракию. Всем владельцам в Греции он обещал мир и лишь Венеция была слегка наказана им за поддержку его брата Мусы: флот османов разграбил принадлежавший Венецианской республике о. Эвбея. Однако вскоре не слишком сильный турецкий флот был разбит адмиралом Лорендано, и Мехмед предпочел заключить в 1416 г. мир и с Венецией.

Мануил II посчитал, что наступило время передышки в борьбе с турками и ею следует воспользоваться для укрепления своей обороны. Византийцы вернулись к своему старому проекту и в самом узком месте Коринфского перешейка всего за два месяца была построена стена с башнями. Император надеялся создать для греков убежище в Морее на случай падения Константинополя. В Морее Мануил провел около двух лет — его двор в это время пребывал в Мистре (древняя Спарта). В это время степень доверительности отношений между Мануилом II и Мехмедом I была такова, что совместно ими обсуждались дела чрезвычайной политической важности. Так, когда в Салониках зимой 1416 г. укрылись так называемый Лжемустафа, человек, выдававший себя за пропавшего без вести после битвы под Анкарой сына Баязида, а также Джунейдбей, представитель тюркской династии Айдыноглу, начались

активные переговоры между Мехмедом и Мануилом. Дело было чрезвычайно неприятным для Мехмеда и представляло для него огромную важность. Лжемустафа претендовал на власть в Османском государстве, пытаясь воспользоваться религиозной и социальной смутой, которой была в это время охвачена область Айдын. Воспользовавшись той же смутой, желал восстановить свою власть в Айдынском бейлике Джунейд-бей. Лжемустафу он считал своей козырной картой.

Согласно османским источникам, Мехмед придавал огромную важность улаживанию дела. В попытке заполучить обоих смутьянов, он осадил Салоники¹⁶⁸. По приказу византийских властей оба они были переправлены в Мистру, где должны были жить на деньги, посылаемые османским правителем¹⁶⁹. Мануил II не выдал их Мехмеду, полагая, что в его руках они будут гораздо полезнее. Сообщение византийских источников о том, что Мехмед назначил Лжемустафе пожизненную пенсию, как кажется, свидетельствует о том, что тот действительно был братом османского султана. Слова Энвери, который пишет в своей исторической поэме, что сына Баязида Мустафу пленил чагатайский эмир (т. е. Тимур) и через несколько лет плена он вернулся на родину¹⁷⁰, также подтверждают это.

В 1420 г. Мехмед вознамерился переправиться из Румелии в свои азиатские владения. В Константинополе раздавались голоса, предлагавшие воспользоваться этим и убить османского правителя. Сторонники убийства утверждали, что им известно о его планах, после улаживания дел в своих азиатских владениях, осадить Константинополь. По преданию, Мануил проявил благородство, отказавшись последовать этому совету. «Я не нарушу клятву, которую дал ему, даже если бы убедился, что он собирается захватить нас в плен, когда будет здесь; если же, напротив, он нарушит свои клятвы, остается уповать на Бога, который много сильнее его», — произнес якобы византийский император. Мануил выслал навстречу прибывающему Мехмеду посольство из знатных и прославленных греков — Димитрия Леондариса, Исакия Асана и Мануила Кантакузина — со свитой, состоявшей из сыновей знатных византийских граждан и воинов. В Кутилоне, где они встретились, османскому правителю были преподнесены дары от византийского императора. Все вместе они доехали до Ди-

плокиониона (ныне район Стамбула Бешикташ), при этом на протяжении всего пути Мехмед беседовал с Леондарисом.

В Диплокионионе Мехмеда встретил сам византийский император с сыновьями. Здесь он и Мехмед сели на приготовленные для них галеры и поплыли к азиатскому берегу в Скутарион (Скутари, *тур.* Ускюдар). Сойдя на берег, Мехмед вошел в приготовленный для него шатер, а Мануил с сыновьями остался на галере. Оба провели время в пиршестве, присылая друг другу в знак расположения различные яства. Так продолжалось до вечера, когда Мехмед, сев на лошадь, двинулся по дороге к Никомедии (*тур.* Измид), а византийский император на галере возвратился в европейскую часть Константинополя¹⁷¹.

Сфрандзи, рассказывающей об этой встрече Мехмеда, нарисовал любопытную картину дружелюбных отношений между византийским и османским правителями. Она сопоставима с современной картиной «встречи в верхах», с той оговоркой, что хозяева и гости провели торжественную встречу друг с другом в отдельных помещениях. Во всяком случае, картина в высшей степени благостная. Любопытно, что незадолго до своей смерти Мехмед, поручил заботам византийского императора своих младших сыновей¹⁷².

В период правления Мехмеда, получившего известность в османской истории как Мехмед I, обнаруживается новая роль янычарского корпуса. После сына Османа Орхана, и до Мехмеда I, ни один из османских правителей не умер естественной смертью. Борьба за власть в османской династии, кончавшаяся физическим уничтожением соперников, заставляла Мехмеда позаботиться о спокойствии в государстве после своей кончины. Еще при жизни он объявил своим преемником старшего сына Мурада, пытаясь таким образом предотвратить возможную междоусобную борьбу. В условиях непрекращавшихся попыток соперников османской династии в Малой Азии восстановить свою политическую независимость, где кроме караманского бея активно действовали представитель династии Айдыноглу Джунейд-бей и бей Джаника Исфендияр, поддерживавшие движение шейха Бедреддина, следовало опасаться попыток со стороны соперников привлечь на свою сторону сипахийское войско, верхушка которого в своих интересах

охотно участвовала в политической борьбе. Здесь впервые на исторической арене Османского государства в качестве важного инструмента защиты государственных интересов османской династии было использовано придворное войско янычар.

По совету Хаджи Иваз-паши, придворного Мехмеда I, тотчас после смерти этого османского правителя (1421) янычары были посланы из столицы в Бига. Там было определено место сбора азиатского войска в ложно объявленном походе против мятежного Джунейда Айдыноглу. На самом деле янычарам предстояло явиться в Бурсу, чтобы оказать поддержку старшему сыну Мехмеда I Мураду, извещенному о смерти отца. Получив положенное им жалованье, янычары выступили из Эдирне. В течение 41 дня приближенные Мехмеда I скрывали смерть правителя, стараясь представить дело так, будто он находится в болезни. Наконец в Эдирне получили известие о том, что в Бурсе произошла интронизация Мурада и что в азиатской столице Османского государства уже читается хутба с его именем. Лишь после этого в Эдирне было объявлено о смерти Мехмеда. Тело его затем было перевезено в Бурсу для погребения¹⁷³. В условиях реальной опасности возникновения борьбы внутри военной феодальной верхушки в пользу иных претендентов на верховную власть янычары сыграли роль той силы, которая обеспечила защиту государственных интересов и обеспечила переход власти к законному наследнику престола.

Мехмед Нешри, описывая этот эпизод междуцарствия, сообщает, что кулы (придворная гвардия), оставшиеся в Эдирне, чуя неладное, настоятельно требовали аудиенции у Мехмеда, и в случае обнаружения смерти правителя, следовало опасаться грабежей и беспорядков в городе¹⁷⁴. Чтобы избежать этого, во дворце даже была разыграна ловкая инсценировка — Мехмед с помощью искусных приемов был представлен «живым» перед проникшими во дворец кулами.

Несмотря на все принятые меры предосторожности, смена власти в Османском государстве не обошлась без волнений и смут. Воспользовавшись тем, что воцарившийся Мурад II находился в азиатской части страны, византийцы вмешались в ход дел и разыграли карту в лице сына Баязида I Мустафы (Лже-мустафы), поддержав его претензии на верховную власть. Мустафа был дядей нового османского правителя Мурада II и по

древним канонам тюркского социума, как старший в линии, имел на нее все права. Выпущенный византийцами из Мистры, Мустафа появился в Гелиболу в сопровождении небольшого войска своих сторонников — румелийских сипахи и Джунейда Айдыноглу — и объявил о том, что является сыном Баязида и требует присягнуть ему как законному правителю. Окрестное население Гелиболу под угрозой применения силы было вынуждено подчиниться. Мустафа был пропущен в Эдирне, где произошла его интронизация. В Эдирне и Сересе даже была отчеканена монета с его именем. Налицо было двоевластие.

Кто поддержал Мустафу и почему? Ведь в Бурсе уже был провозглашен законный правитель. Прежде всего политическую поддержку предполагаемому сыну Баязида оказала Византия, действовавшая по принципу «нанеси любой вред врагу». Мустафа был выпущен из Мистры, где содержался вместе с Джунейдом Айдыноглу, по инициативе сына византийского императора, Иоанна (будущий Иоанн VIII Палеолог), фактически правившего вместо отца еще при его жизни. Именно Иоанн настоял на том, чтобы вмешаться в дела османского престолонаследия и возвести на османский трон удобную для себя фигуру¹⁷⁵. Иоанн на галерах отправился в Галлиполи (Гелиболу), обеспечил там поддержку Мустафе, и после того как тот взшел на престол в Эдирне, попросил у него вернуть византийцам Галлиполи. Сфрандзи пишет, что Мустафа ответил, однако, отказом: «Все турки говорят, что наша вера — в Каллиполи, и мы никак не можем отдать его»¹⁷⁶.

В турецкой среде Мустафа обеспечил себе поддержку прежде всего пограничных сил акынджи, несших охрану границ в Фессалии. Среди его сподвижников мы находим имена беев из семейства Эвреноз-оглу, предводителя войск акынджи Турахан-бея, представителей рода Гюмлю-оглу — беев пограничного всадничества, почитавшего тюркские традиции. Из перечисленных военачальников Турахан-бею, бею пограничной области Водена (западнее Салоник), принадлежала особо активная роль в поддержке Мустафы, которого он мог знать лично во время пребывания того в Салониках и Мистре. Большую роль в возведении Мустафы на османский престол играла и поддержка Джунейда Айдыноглу, мечтавшего о возрождении своего бейлика и восстановлении собственной власти.

Следует отметить, что в Румелии в результате интенсивного переселения сюда кочевых туркменских племен из Анатолии, проводившегося предшествующими османскими правителями, оказались сконцентрированы значительные кочевнические массы, которые хотя и переходили к оседлости, однако постоянно подпитывали архаический культурный субстрат, сохранявшийся в тюркской народной среде. Именно эта среда создавала питательную почву для постоянной реанимации старых кочевнических традиций, в том числе архаических норм права, чем умело пользовалась военная верхушка. Поддержка притязаний Мустафы на верховную власть со стороны части румелийских сипахи и крестьян была возможна лишь при условии сохраненной народной памяти о традиционных нормах права кочевников. Мустафа, согласно этим нормам, имел законное право на власть, так как был старшим в роде Османа, единственным из оставшихся в живых сыновей Баязида, как когда-то имел право на власть брат Эртогрула Дюндар, дядя Османа. Именно поэтому с Мустафой произошло то, о чем пишет Ашык-паша-заде: «Вся Румелия признала его»¹⁷⁷. Именно поэтому, как представляется, посланный Мурадом II из Бурсы Баязид-паша, прибыв в Румелию для военной борьбы с узурпатором, нашел здесь для себя очень малое число сторонников и был разбит со своим войском армией Мустафы, на стороне которого вскоре оказалось все румелийское войско.

20 января 1422 г. Мустафа с 12 тыс. сипахи и 5 тыс. присоединившихся к ним азебов высадился в Ляпсеки и направился к Бурсе. Мурад, узнав о приближении армии соперника, с личными силами немедленно выступил из Бурсы, подошел к Улубаду и приказал разрушить мост через речку того же названия.

Против янычар, находившихся на стороне Мурада, действовала нерегулярная пехота — румелийские азебы, приведенные с собой Мустафой. Их атака, однако, не имела успеха. Действовавший из засады везир и военачальник Мурада II Умур-бей смог сдержать их натиск. Военачальники Мурада, однако, понимали истинное соотношение сил и решили прибегнуть к методам агитации. Много сил было потрачено на распропагандирование румелийских сипахи Мустафы. На берег реки выехал один из самых авторитетных военачальников Мурада, бей румелий-

ских акынджи Михаль-оглу Мехмед, бывший бейлербей Мусы, в свое время сам наказанный за предательство и высланный Мехмедом I в Токат. Назвав себя, он начал поименно вызывать беев румелийского войска, назвав Турахан-бея предателем¹⁷⁸. Бывший предводитель всего румелийского войска демонстрировал, что на сей раз служит законному правителю, и призывал к этому своих бывших товарищей. Одновременно Мустафе и Джунейду были посланы письма, ложно сообщавшие, что румелийское войско во время сражения расправится с ними и перейдет на сторону Мурада. Джунейду при этом было обещано передать в управление область Айдын, если он признает власть Мурада¹⁷⁹.

Сообща все предпринятые меры возымели успех. С наступлением ночи Джунейд со своими людьми покинул ставку Мустафы и отправился в свои бывшие владения. Утром, по предусмотренному плану, на позиции Мустафы была совершена атака со стороны фланга, где находились воины Хаджи Ивазпаши, как и предупреждалось в письме. Увидев это, Мустафа засомневался и поверил в возможную измену своего войска. К тому же он не мог не заметить исчезновения Джунейда и приписал это переходу его на сторону противника, в рядах которого в это время всячески демонстрировали радость по случаю перехода Джунейда на сторону Мурада. Выведенный таким образом из равновесия Мустафа с небольшой свитой предпочел бежать, а после его бегства румелийскому войску ничего не оставалось, как присягнуть законному правителю.

Преследуя Мустафу со своим войском, Мурад II оказался перед трудной задачей. Для переправы в Гелиболу, все еще находившегося в руках Мустафы, он не имел судов. К счастью, нашлось одно христианское судно (Нешри пишет, что это было торговое судно генуэзцев)¹⁸⁰, команда которого за 15 тыс. флоринов вызвалась перевезти людей Мурада на европейский берег. Посредником в этом деле оказался житель Гелиболу Тахартсыз Хатиб, один из людей великого везира Мурада II Ибрахима. Ночью на европейский берег было переправлено значительное число воинов Мурада. Были перевезены также осадные машины и тюфенки. В данном случае имеются в виду не ружья (пищали или мушкеты), называвшиеся тем же словом, а оружие, заржавшееся нефтью и служившее для поджогов в осаждаемых

крепостях¹⁸¹. Мурад готовился брать османскую столицу в Европе — Эдирне — с помощью осады.

Жители Гелиболу, вынужденные незадолго до этого присягнуть Мустафе, с почетом встретили Мурада, которому с неожиданной легкостью удалось вступить в Эдирне. Мустафа (возможно, всё же Лжемустафа) был пойман, привезен в столицу и повешен¹⁸².

В перипетиях междоусобной борьбы большую роль в победе Мурада сыграло янычарское войско. Именно оно было ядром военной силы Мурада II. К этому времени янычары уже начали прорастать корнями в чуждую им по рождению конфессиональную и этническую среду. Автор XV в., Халкокондил, отмечает, например, повествуя о времени правления Мурада II, что в янычарских казармах Эдирне, запрещалось жить их сыновьям¹⁸³. Это означает, что янычары, нарушая все запреты, уже начали заключать браки с местными жительницами, интегрируясь таким образом в турецкую культурную среду.

Мурад извлек урок из миролюбивой политики своего отца по отношению к соседним христианским государствам. Она дискредитировала себя, так как порождала недовольство в среде румелийских сипахи, солидарную силу которых Мурад испытал в полной мере. Византия, деятельно помогавшая его сопернику Мустафе захватить власть, стала рассматриваться Мурадом в качестве его главного политического врага. Халкокондил пишет, что очень скоро османский правитель попытался осадить Константинополь, послав к его стенам войско румелийского бейлербея Михаль-оглу Мехмед-бея. Оно разграбило окрестности византийской столицы, а вскоре сюда прибыл и сам Мурад со своим янычарским войском и придворными сипахи. (Халкокондил в своем труде сообщает, что их состав, в частности силахтары, пополнялся за счет выслужившихся янычар¹⁸⁴.) В придворное войско в это время входили и гарибы, всадники, которых набирали для придворной службы из Азии и Северной Африки. Халкокондил отмечает, что состоявшие на жалованье гарибы отличались большой храбростью. В составе этого же придворного конного войска имелись всадники улуфеджи, которых в XV в. насчитывалось около 800 человек. Наконец, при дворе султана имелись конногвардейцы, известные как сипахи. Их, по сообщению Халкокондила, было 200 чело-

век. Придворными сипахи становились сыновья наиболее знатных лиц двора или просто «порядочных людей», как пишет этот греческий автор¹⁸⁵.

По сообщению Халкокондила, в период правления Мурада II янычары активно использовались при взятии крепостей. Они же служили артиллеристами. Во время упомянутой осады византийской столицы Мурадом янычары неоднократно штурмовали ее крепостные стены, но грекам удавалось сбрасывать их оттуда¹⁸⁶.

Османские историографы по какой-то причине обходят молчанием эту попытку Мурада II овладеть Константинополем. Мехмед Нешри посвящает в своем труде этому событию всего лишь одну строку¹⁸⁷. Византийские же авторы не только пишут, но и подробно рассказывают об этом. Упоминает об этой осаде и Сфрандзи¹⁸⁸. Из греческого сочинения Иоанна Канана, специально посвященного описанию осады, мы узнаем, что у турок в это время имелись осадные машины¹⁸⁹. Из сообщения других авторов известно, что армия Мурада, осаждавшая Константинополь, не была слишком многочисленной. В составе войска Михаль-оглу было 10 тыс. воинов, с Мурадом к византийской столице подошло еще 20 тыс. В этой осаде приняли участие и имевшиеся у турок морские суда¹⁹⁰. Овладению Константинополем было придано большое религиозное значение. С новой силой при Мураде, подталкиваемом политическими обстоятельствами, начал возрождаться лозунг священной борьбы с неверными. К стенам византийской столицы, осажденной турецким войском, явилось множество дервишей во главе с имамом, который опоясал Мурада «мечом Пророка». Это был прославленный Эмир Султан, почитавшийся турками святым. Он приехал в Бурсу из Средней Азии, как показывает его нисба ал-Бухари, еще в правление Баязида I. Сын суфия и сам суфий, он приобрел в Бурсе множество учеников, мюридов, и женился на дочери Баязида I Хунди-хатун¹⁹¹.

Эмир Султан назначил день решительного штурма. Взятие Константинополя, оплота восточного христианства, представители мусульманского религиозного авторитета придавали особое значение. Мураду нужна была победа, которая у тюрков всегда являлась подтверждением высокого небесного покровительства правителя. Возможно, поэтому, не вполне полагаясь на

духовную помощь суфиев, Мурад объявил об отдаче города на разграбление.

К штурму готовились тщательно. Крепостные стены Константинополя турки опоясали частоколом, из-за которого беспрерывно велся обстрел из катапульт. Наконец к стенам удалось подкатить осадные башни. Утром 24 августа 1422 г. турки пошли на приступ, громко выкрикивая имена Аллаха и Мухаммада. Начали бить пушки, воздух наполнился тысячами пущенных стрел¹⁹². Главная роль в штурме принадлежала янычарам, которым удалось взобраться на крепостные стены. Жители Константинополя отчаянно сопротивлялись, сбрасывая на штурмующих всё, что было под рукой. Среди защитников стен византийской столицы были даже женщины. Несмотря на громадную силу напора наступавших, им все же не удалось успешно завершить штурм. Взобравшиеся на крепостные стены неизменно падали с высоты, убитые или сброшенные вниз защитниками. Ночью, неожиданно для обороняющихся, турки сняли осаду и ушли из-под стен Константинополя¹⁹³.

Принято считать, что византийскую столицу спасло сообщение о появлении у стен Бурсы войска младшего брата Мурада II, Мустафы, которому в это время было всего 12 лет. Однако это не совсем так. Сфрандзи пишет, что 30 сентября 1422 г. брат Мурада II Мустафа прибыл в Константинополь. 1 октября он явился «на поклон к василевсам». Однако Мануила в это время разбил неожиданный паралич. Проведя несколько дней в напрасном ожидании и так и не получив аудиенции, Мустафа отправился в Силиври, а уже оттуда перебрался в Бурсу¹⁹⁴. К этому времени турок уже много дней не было под стенами Константинополя. Видимо, какие-то иные причины побудили Мурада отказаться от захвата византийской столицы.

Турецкая армия в это время еще не имела достаточно сильной артиллерии и осадной техники, чтобы в достаточной мере разрушить мощные крепостные стены византийской столицы. Такая артиллерия появилась у турок только во время правления сына Мурада II, Мехмеда II¹⁹⁵. Не было еще у османов и достаточно сильного и многочисленного флота, чтобы полностью блокировать город со стороны моря. Кроме того, недостаточной была численность янычарского войска, сыгравшего основную роль при взятии турками Константинополя в 1453 г.

Между тем разгорался новый внутрдинастийный конфликт — между Мурадом II и его младшим братом Мустафой. Мустафу в его притязаниях на власть поддерживал его воспитатель-дядька (лала) Шарабдар Ильяс. Османские источники сообщают, что еще при жизни Мехмеда I Мустафе был назначен в управление санджак Хамид-эли¹⁹⁶. Однако ясно, что Мустафа был слишком юн, чтобы принимать политические решения. Кое-что проясняет известие о том, что бей Гермиянского бейлика, очевидно, после смерти Мехмеда I, объявил Мустафу своим приемным сыном¹⁹⁷. Это означало, что покровителем Мустафы и фактическим правителем области Хамид-эли становился старый соперник османов, представитель династии Гермияноглу. Именно он, воспользовавшись отсутствием в Азии Мурада II, направил своего приемного сына-подростка с войском, состоявшим из сипахи области Хамид-эли, против Бурсы. В этом предприятии военную помощь Мустафе оказал и давний враг османской династии караманский бей. С его стороны были посланы военные формирования племени тургутлу¹⁹⁸.

Опасаясь осады, жители Бурсы решили откупиться. Для переговоров с дядькой Мустафы Шарабдаром Ильясом Бурса послала депутацию ахи с собранными городом деньгами и дорогими тканями. Сам Мустафа с войском находился в это время под Изником в местечке Фидйе. Ахи, вручив подарки Шарабдару, который являлся командующим войска Мустафы, просили его не подвергать осаде совсем недавно восстановленную и укрепленную Бурсу. Они говорили, что в случае взятия Бурсы караманский бей, явившись, непременно разрушит и сожжет город. Ахи предлагали Мустафе взамен вступить в Изник, близ которого он находился уже в течение 40 дней¹⁹⁹.

Войдя в Изник, Мустафа разместился во дворце великого везира Ибрахим-паши. Отсюда он начал рассылать от своего имени указы о выдаче тимаров, действуя как полноправный правитель. При этом оказалось достаточно людей, которые воспользовались ситуацией и с выгодой для себя признали Мустафу законным правителем²⁰⁰.

Серьезных шансов утвердиться во власти у Мустафы не было. Мурад понимал, что перед ним слабый соперник, не обладающий достаточной военной силой. Шарабдару Ильясу было послано письмо, в котором его просили держать под своим

неусыпным контролем Мустафу до подхода войска законного османского правителя, при этом в награду Шарабдару была обещана должность анатолийского бейлербея. Когда Мурад со своим войском подошел к Изнику и окружил город, жители его, ждавшие этой минуты, с готовностью открыли ворота, через которые в город вступил румелийский бейлербей Михаль-оглу Мехмед-бей с отрядом своих телохранителей.

Везир Мустафы Таджеддин-оглу попытался воспрепятствовать захвату своего малолетнего государя и ему даже удалось убить Михаль-оглу. Однако и сам он был тут же зарублен кулами бейлербея. В это время подкупленный Шарабдар Ильяс посадил Мустафу на лошадь и насильно, невзирая на его мольбы, доставил в ставку Мурада, где он был немедленно казнен. Тело его было погребено в Бурсе рядом с могилой отца, Мехмеда I²⁰¹.

Описывающий эти события Ашык-паша-заде, придерживаясь своей твердой позиции морального осуждения убийств внутри рода Османа, вновь иносказательно пишет о казни Мустафы, вставляя в текст стихи, посвященные братоубийствам. Он приводит также оправдывающие произведенную казнь слова Шарабдара Ильяса, который говорит о вреде, который несет с собой наличие братьев у правителя. Любопытна и морально-религиозная аргументация Шарабдара Ильяса, который оправдывает свой предательский поступок тем, что в мир иной отправился мальчик, еще не успевший коснуться грязи земного существования и покинувший земной мир безгрешным²⁰². Такой взгляд перекликается с культом ордена бекташи, почитавших «безгрешных младенцев».

Мехмед Нешри, старающийся в своем труде отвести от Мурада II обвинения в убийстве Мустафы, сообщает, что мальчик был предан смерти без ведома султана²⁰³.

Увеличившееся со времени восхождения на престол Мурада II политическое значение янычар как контрбаланса сипахийству росло и далее. Под 828 г. х. (1424/1425) Нешри описывает, как некие недоброжелатели везира Мурада II Хаджи Иваз-паши внушили османскому правителю мысль, что тот задумал узурпировать власть в государстве, вступив в сговор с придворным войском. Они утверждали, что Иваз-паша намеревается убить Мурада во время одного из заседаний дивана, для чего надевает под платье кольчугу (джебе). Мурад решил проверить

сообщение и однажды коснулся спины своего везира во время одной из прогулок. Кольчуга оказалась не выдумкой. В ответ на расспросы Иваз-паша заявил, что опасается нападения на себя со стороны придворных кулов. Мурад, однако, поверил доносу и приказал ослепить своего везира²⁰⁴.

Факт связи Хаджи Иваз-паши с придворным войском остается у Нешри недоказанным, да и сам навет кажется фантастическим. Ни один османский правитель не имел оснований опасаться за свою власть со стороны человека, не принадлежавшего роду Османа. Традиция была незыблема: ханом у турков мог быть только представитель ханского рода. Однако ясно, что мысль о возможности вмешательства янычар в дела верховной власти не казалась историку абсурдной. Более того, она представлялась ему весьма правдоподобной. Так можно было думать о янычарах, если они действительно являлись политической силой, способной к тому времени вмешиваться в дела, касающиеся верховной власти. Автором интриги был, по-видимому, великий везир Ибрахим-паша, внук сподвижника и придворного Мурада I Чандарлы Халилия. Считая себя потомственным аристократом, во всяком случае, лицом знатным, Ибрахим-паша претендовал на единоличную власть при дворе Мурада II. Между тем Хаджи Иваз-паша, человек глубоко религиозный, совершивший, как показывает его прозвание Хаджи, паломничество в Мекку, пользовался огромным уважением Мурада II. Он происходил из семьи потомственных ахи Токата. Во времена Мехмеда I его отец, тимариот Баязид ибн Иваз, был замечен этим османским правителем и сделан приближенным. Хаджи Иваз-паша сыграл большую роль в приходе к власти Мурада II и оказался в числе всего лишь двух имевшихся у него везиров. Вторым был вышеназначенный Ибрахим-паша. Между тем и другим возникло соперничество, и Ибрахим, чтобы устранить конкурента, прибегнул к интриге. В союзе с Ибрахим-пашой действовал известный османский улем Фенари, который и донес Мураду о существовании кольчуги²⁰⁵.

Отвергая мысль о подготовке Хаджи Иваз-пашой заговора, нельзя совершенно исключить наличие какой-то связи везира с придворным войском. Представляется, лишь одно могло в тот период объединять Хаджи Иваза с янычарами — отношение

к братству ахи. О связях ахи с янычарами в ранний период османской истории уже упоминалось. Вероятно, эти связи существовали и впоследствии и могли лишь укрепиться, когда ахи Хаджи Иваз-паша стал везиром сначала при Мехмеде I, а потом при Мураде II. Великому везиру Ибрахим-паше, дед которого Чандарлы Халиль, кстати, также ахи, не нравилась связь на этой почве Хаджи Иваза с янычарами. Следует отметить, что в XV—XVI вв. янычарский корпус находился под сильным влиянием ордена бекташи. Мы мало знаем о развитии идей ахи в XV в. Известно лишь, что они приобрели в середине XV в. большой вес в городах. Возможно, мысль В. В. Бартольда о том, что бекташи есть лишь преобразованное братство ахи²⁰⁶, имеет под собой почву. В XVI в. мы застаем уже конец процесса, когда бекташи имеют вполне официальные отношения с янычарами, являясь, по сути, их духовными патронами.

Остается все же один вопрос. Почему Хаджи Иваз-паша носил кольчугу? Ответить на него непросто. Едва ли таким образом он спасался от возможного неожиданного нападения, это не вписывается в культурный контекст турецкого социума того времени. Может быть, это были своеобразные вериги? В эпоху популярности в регионе идей христианско-мусульманского синкретизма это не представляется невозможным. Тогда Хаджи Иваз-пашу можно было во всей этой истории обвинять в тайной приверженности к христианству. Не отсюда ли участие в заговоре улема Фенари?

Перед вступившим на престол Мурадом II вновь встала цель собирания Османского государства в единое целое и его политическое укрепление. В круг этих задач прежде всего входило подчинение стремившихся возродить свою политическую самостоятельность тюркских бейликов Малой Азии. Мураду II удалось подчинить своей власти Айдынский бейлик и бейлик Ментеше, где вновь стала читаться хутба с именем османского правителя и чеканиться его монета. Сложнее обстояло дело с Караманским бейликом. Он был достаточно силен как в военном, так и в политико-идеологическом отношении. Последнее было немаловажным. Караманцы видели себя прямыми наследниками сельджукской государственности в Малой Азии и не желали подчиняться политической выскочке, какой они считали Османское государство. При этом караманский бей вел

против османов уже не оборонительную, а наступательную политику, чаще всего, правда, без всякого видимого успеха.

Во время совершенного караманским беем похода против османской Анталы он погиб, и один из его сыновей, Ибрахим, получил инвеституру от Мурада II. Османский правитель был вправе ожидать дружественных отношений с новым караманским владетелем, женатым к тому же на его сестре²⁰⁷. Однако этого не произошло. Ибрахим неоднократно пытался нападать на османские владения, пользуясь любым затруднением своего политического соперника в Европе, незамедлительно нанося по нему предательский удар в Азии. Каждый раз дело заканчивалось победой османов, взаимным замирением и заключением очередного мирного договора. Ибрахим еще сохранял остатки своей самостоятельности, однако налицо были и признаки васалитета. Два брата Ибрахим-бей находились на службе при Мураде II. Караманский бей присылал свои отряды в его войско, когда тот предпринимал какой-нибудь крупный поход в Европе. Так, караманцы приняли участие в знаменитом сражении Мурада с Яношем Хуньяди на Косовом поле. Именно османский правитель возвел на трон удобного ему караманского бея, выбрав Ибрахима в обход его брата Бенги Али-бея. При этом между османским правителем и караманским беем заключался так называемый клятвенный договор, формально признававший равный статус правителей. Победенная сторона (ею почти всегда выступал караманский бей) должна была платить дань кровью (присылкой отрядов в войско Мурада) и посылать ко двору османского правителя почетных заложников из членов караманской фамилии. Такие договоры не исключали и междинастийных браков с целью укрепления политического союза, который, впрочем, очень легко разрушался.

Мурад, очень скоро понявший значение своего румелийского войска и главную суть его устремлений, вел активную политику в Европе, расширяя границы своего государства. Почти полной самостоятельностью пользовались беи его пограничных санджаков, совершавшие постоянные набеги на византийские, сербские, венгерские и другие земли. При этом политические планы османского султана и действия пограничных сипахи часто не совпадали. Так, в 1423 г. Турахан-бей самостоятельно, своими силами, попытался овладеть Фессалониками, потерпев

в этом неудачу. Византийцы, понимая, что им трудно самостоятельно защищать от турок эту крепость, предпочли передать ее за 50 тыс. дукатов венецианцам. В 1426 г. те заключили мир с Мурадом, оставив за собой Фессалоники и обязавшись ежегодно выплачивать туркам 100 тыс. акче²⁰⁸. Покупая этот город у византийцев, венецианцы, по словам Дуки, брали на себя обязательство «охранять, кормить, поднять его благосостояние и превратить во вторую Венецию»²⁰⁹. Со стороны Византии тогда это было единственно правильным решением. Сами греки были уже недостаточно сильны, чтобы защищать город. С помощью продажи его сильной Венеции Византия создавала гораздо более сильный, чем она сама, центр сопротивления турецкой агрессии.

Важным для пограничных военных беев были, впрочем, не сами территориальные приобретения. Главной целью был захват добычи. Это было основным двигательным мотивом принимаемых ими глубоких рейдов вглубь соседних территорий. Так, Турахан-бей, например, совершил набег на Морею, преодолев созданные Мануилом укрепления на Коринфском перешейке и уведя с собой тысячи пленных²¹⁰. Очевидно, именно этот набег имеет в виду Сфрандзи, когда пишет, что Турахан разрушил Эксамилион (Гексамилион)²¹¹.

В 1423 г. Мурад заключил мирный договор с византийским императором, в церемонии подписания которого принимал участие Георгий Сфрандзи. Он пишет, что до этого к Мураду послом ездил Мануил Мелахринос, узнавший о желании султана заключить мирный договор с Византией. Сфрандзи участвовал в подготовке договора как представитель супруги престарелого византийского императора Елены — родственницы Мурада II со стороны матери. Ему было поручено составление зашифрованных посланий императору Мануилу и его сыну Иоанну, уехавшему для дипломатических переговоров в Италию и Венгрию²¹². Переговоры о заключении мирного договора между Византией и Османским государством происходили в Эфесе. Кроме византийских греков в них приняли участие послы сербского деспота Стефана, валашского воеводы, генуэзской Маоны на Хиосе, Митилены, родосских рыцарей. Венецианских послов Мурад принять отказался, так как те поддерживали Джунейда Айдыноглу, не терявшего надежду возродить Айдынский бейлик, еще

сравнительно недавно игравший заметную роль в политической истории эгейского региона²¹³.

Мир был заключен на тяжелых для Византии условиях, так, на Мраморном море византийские владения заканчивались сразу же за городским рвом. Греки обязались выплачивать ежегодную дань туркам в 300 тыс. акче²¹⁴.

Мир нужен был Мураду II для борьбы с объявившимся новым сильным противником — Венгрией. Талантливый полководец венгерского короля — Янош Хуньяди не раз грозил гибелью Османскому государству. Под 831 г. х. (1427/1428) Ашык-паша-заде упоминает поход венгров с целью овладения Голубацем, находившимся тогда в руках у сербов. Крепость была взята в осаду, а стены подвергнуты сильному огню артиллерии. По-видимому, речь идет о борьбе между Венгрией и сербским деспотом Георгием Бранковичем, который не спешил передать Голубац, обещанный венграм его предшественником, Стефаном Лазаревичем. Мурад воспользовался случаем и решил нанести удар по сильной венгерской армии, послав против нее румелийское войско во главе с румелийским бейлербеем Синан-пашой. Турки остановились на расстоянии полудневого перехода от осажденной крепости и простояли так несколько дней, ничего не предпринимая. Вопреки укоренившемуся представлению о неустрашимости и безоглядности военных действий турок, следует признать, что все свои акции они совершали с большой долей расчетливости и с энтузиазмом подвергали себя опасностям военного предприятия, лишь если оно было сопряжено с обретением чрезвычайно богатой добычи. В данном случае турок пугало наличие у противника сильной артиллерии. Синан-паша пребывал в нерешительности и раздумье, так что Видинскому бею пришлось даже укорять турецкого командующего в бездействии. Синан отговаривался незнанием обстановки и боязнью напрасно погубить свое войско. Он просил доставить ему хотя бы одного языка, на что, по рассказу Ашык-паша-заде, видинский бей якобы заметил: «Разве пушки [для тебя] не язык? От их грохота наши лошади готовы разнести конюшни, да и сами мы оглохли». Налицо столкновение традиционного архаического понимания военной доблести, сопряженной с презрением к опасности при любых обстоятельствах, и разум-

ной осторожности, рационального подхода к решению военной задачи.

Видинский бей более не желал ждать и, призвав своих всадников-добровольцев, сопровождаемый отрядами акынджи, в одиночку двинулся навстречу опасности. Поневоле к нему должен был присоединиться и Синан-паша. Переход турецкого войска осуществлялся под покровом ночи. К утру турки оказались лицом к лицу с венгерской армией, с ходу атаковали ее и обратили в бегство. Ашык-паша-заде сообщает, что в плен было взято множество людей, которых затем продали на невольничьем рынке в Эдирне²¹⁵.

Людские и материальные богатства Балканского полуострова являлись постоянным предметом вожделений румелийских сипахи, однако наибольший соблазн вызывали Салоники (Фессалоники), находившиеся в руках у венецианцев. В 1430 г. Мурадом был предпринят поход с целью завоевания этого богатого и прославленного города²¹⁶. Походу предшествовала длительная подготовка, которая не могла укрыться от глаз политических противников турецкого султана. Генуэзцы, не зная в точности, куда будет направлен поход султана, поспешили укрепить константинопольскую Галату. Венецианцы, как всегда, попытались втянуть Мурада в долгие дипломатические переговоры. Был даже использован обычный метод подкупа турецких пашей, оказавшийся на этот раз безуспешным. В конце концов один из венецианских послов, присланных к Мураду, был посажен турками в тюрьму. Это означало начало войны. Венецианцы поспешили послать на помощь Салоникам свои морские суда²¹⁷.

Мурад хорошо подготовил войско технически. Армия была хорошо снабжена манджаныками (катапультами) и другими осадными орудиями. По мере движения турецкого войска к нему присоединялись многочисленные конные отряды румелийских сипахи и акынджи. Осада крепости заняла всего несколько дней, хотя первые попытки штурма оказались малоуспешными — немногочисленный гарнизон умело оборонялся. В Салониках находилось всего несколько тысяч жителей — большинство бежало из города еще до подхода турецкой армии. Во время осады многие горожане благоразумно перебежали на сторону турок²¹⁸. Гарнизон Салоников вынужден был действо-

вать без активной поддержки жителей, относившихся к венецианцам, как к чужакам. Однако и воины Мурада первоначально не проявляли особого военного энтузиазма, скорее всего, ожидая указа о разграблении города. Военная верхушка настоятельно советовала Мураду объявить ягма (грабеж). Салоники представлялись войску Мурада, наслышанному о богатствах города, крайне соблазнительной добычей. Отнюдь не религиозный фанатизм руководил чувствами турок — ими двигало традиционное представление о войне как об источнике обогащения. Услышав желанный указ о ягма, осаждающие с энтузиазмом бросились с осадными лестницами к крепостным стенам и сумели овладеть ими.

Салоники была разграблены, жители взяты в плен, а пустующие дома заселены турецкими переселенцами из захваченного еще при Мураде I в 1387 г. города Вардар Йениджеси (*греч.* Пеллы). Богатые церкви Салоник были обращены в мечети, в том числе главная святыня города — храм св. Димитрия Солунского, ставший соборной мечетью под названием Касымийе джами. Произошло это, правда, не сразу. Некоторое время совершенно разграбленный храм использовался для богослужений немногочисленным оставшимися в городе христианами²¹⁹. Венецианцы, потеряв город, выторговали у турок для себя право вести здесь торговлю и иметь своего консула. Кроме того, они обязались выплачивать туркам дань за свои сохранявшиеся владения в греческих землях²²⁰.

Несмотря на то что главной приманкой всякого турецкого военного предприятия всегда оставалась добыча, Мурад II прославлен историками как идейный борец ислама. Ашык-паша-заде, рассказывая о захвате Салоник, именует Мурада «султаном муджахидов», т. е. «султаном борцов за веру», и вводит в свой труд рассказ о том, как Мурад, объявив ягма для быстрого достижения своей цели, укоряет воинов за недостаток мусульманского рвения. Хронист вкладывает в уста Мурада следующие слова: «Эй, гази! Нет великой доблести в том, чтобы разграбить крепость. Вот если бы гази обратили в ислам верующих в Троицу, тогда я возлюбил бы тех гази»²²¹.

Во время того же похода Мурада против Салоников румелийский бейлербей Синан-паша со своим румелийским войском совершил рейд к Янине. Город управлялся албанским деспо-

том Карлом I Токко. Его сын Карл II, убоявшись турок, которые вели закулисные переговоры с незаконнорожденным сыном Карла I Мемноном, предпочел сдать им город. Однако удержать Янину под своей властью турки не надеялись. Взяв город, Синан созвал на совет городскую знать, состоявшую из греков, албанцев и сербов, и объявил ей о сохранении за Яниной самостоятельности. Турки ограничились лишь обложением города ежегодной данью — хараджем²²².

Мурад II чувствовал себя на Балканах хозяином положения, хотя территориальные приобретения его были не слишком велики. Он вмешивался в наследственные и политические дела владетелей Мореи и Средней Греции, не выезжая из своей столицы. Достаточно было его приказа одному из пограничных беев, и угроза набега отрядов турок к стенам того или иного города заставляла их владетелей подчиняться воле турецкого султана²²³.

В 1438 г. Мурад обратил свой взор на Венгрию. Годом ранее скончался венгерский король Сигизмунд и королем стал Альберт Габсбург. Эвреноз-оглу Али-бею был отдан приказ совершить рекогносцировочный набег на венгерские земли, который сопровождался грабежом и пленением жителей. Турецкие отряды, изучая особенности местности и направление дорог, в течение целого месяца находились на территории Венгерского королевства, не встречая особого сопротивления²²⁴. Так представлен этот набег в хронике Ашык-паша-заде. Лютфи-паша, пользовавшийся какими-то иными источниками, отмечает, что во время этого набега отряды Эвреноз-оглу Али-бея были разбиты²²⁵.

Только после этого Мурад II, собрав всю свою армию и призвав в нее отряды сербов и валахов (сербы к Мураду не явились), подошел к пограничному Видину и перешел Дунай. Чрезвычайно набожный Мурад, по рассказу Лютфи-паши, отправляясь в поход, в ожидании небесной помощи, «в священную пятницу» коснулся рукой построенной им в Эдирне соборной мечети Йени джами²²⁶. В течение 45 дней, которые турецкое войско провело на венгерских землях, турками было взято несколько крепостей, которые подверглись грабежу, а жители их были уведены в плен. Мурад возвращался в Эдирне через территорию Валахии, где был с почетом принят валашским госпо-

дарем Влaдом Дpакyлой²²⁷. Пoхoд нe нoсил зaвoевaтeльнoгo хaрaктeрa и имeл цeлью лишь устpaшeниe Вeнгpии и укрeплeниe пoлитичeскoгo aвтopитeтa oсмaнскoгo пpавитeля кaк зa пpeдeлaми eгo гoсудaрствa, тaк и внyтpи нeгo.

Вepoятнo, нeучaстиeм в вeнгepскoм пoхoдe oтpядoв сeрбскoгo дeспoтa, тyрeцкoгo вaссaлa, былa вызвaнa oсaдa Мyрaдoм Смeдepeвo, кoтopoe c 1430 г. стaлo стoлицeй Гeoргия Бpанкoвичa. Вeнгpия в этo вpeмя нe мoглa пpийти нa пoмoщь Сeрбии — в 1439 г. oт чyмы нeожидaннo yмep вeнгepский кoрoль Aльбepт Гaбсбyрг, стpoeвший плaны пoхoдa пpoтив тyрoк. Вoйскo Мyрaдa бeзyспeшнo oсaждaлo Смeдepeвo в тeчeниe тpex мeсяцeв. Зaщищaл гopод сын сeрбскoгo дeспoтa, сaм oн в этo вpeмя нaхoдилcя y вeнгepскoгo кoрoлeя²²⁸. Вo вpeмя этoгo жe пoхoдa Мyрaд пoпытaлся oсaдить и Бeлгpaд, нo кpeпoсть былa слишкoм хoрoшo зaщищeнa и нe пoддaлaсь oсaдe. Тyрки oгpaничились гpaбeжeм oкpeстных зeмeль, в тoм числe и зa Дyнaeм, гдe нaхoдилcя вeнгepские влaдeния. В oсaдe Бeлгpaдa пpинимaл yчaстие oсмaнский xpoнист Aшык-пaшa-зaдe. Oн рaсскaзывает, чтo сaмa бeлгpaдcкaя кpeпoсть и пoпытки взять ee пpoизвeли сильнoe впeчaтлeниe нa тyрeцкoe вoинствo. Всe были eдинoдyшны вo мнeнии, чтo никoгдa eщe нe стaлкивaлись c тaкими тpyднoстями пpи oсaдe, кaк y стeн Бeлгpaдa. Длeя oвлaдeния им тpeбoвaлись нe тoлькo мнoгoчислeннoe вoйскo и длитeльнaя oсaдa, нo и oчeнь сильнaя aртиллepия.

Сoглaснo рaсскaзy Aшык-пaшa-зaдe, в этoм пoхoдe былo зaхвaчeнo в плeн oгpoмнoe числo лyдeй и взятo мнoгo рaзнoй дoбычи. Xpoнист пишeт, чтo сyлтaн oдaрил личнo eгo плeнникaми, лoшaдями и дeньгaми. Oн сoбщaeт тaкжe, чтo в Эдирнe пpoдaл 9 дoстaвившихся eмy рaбoв пo цeнe oт 100 дo 200 aкчe)²²⁹.

Сoхpaнились извeстия, чтo вo вpeмя oсaды Смeдepeвo в тyрeцкoм лaгepe пpoизoшли кaкиe-тo вoлнeния²³⁰. Пpичинy их oсмaнские истoчники нe сoбщaют. Сoвpeмeнный тyрeцкий истoрик И. X. Узyнчapшылы в свoeй фyндaмeнтaльнoй мнoгoтoмнoй «Oсмaнскoй истoрии», oпиpаясь нa нeизвeстныe мнe истoчники, пишeт, чтo пo пpикaзy Мyрaдa были кaзнeны нeкoтopые бeи — Микaль-oглy и Кaсым-бeй-oглy Мeлик²³¹. Сyть пpoизoшeдшeгo кoнфликтa oстaeтся нeяснoй. Вoзмoжнo, вoйскo былo нeдoвoльнo тeм, чтo Мyрaд нe oбъявлял жeлaннoгo длeя сoлдaт гpaбeжa — ягмa. Aшык-пaшa-зaдe сoбщaeт, чтo сeрб-

ские земли во время этого похода были опустошены турками, во многих местах были поставлены турецкие гарнизоны, назначены кадии. Долго осаждавшееся турками Смедерево в конце концов также было взято. В устроенной в нем мечети стала читаться хутба с именем султана Мурада²³². Еще до начала этого похода Мурад заключил в тюрьму Токата двух сыновей Георгия Бранковича, живших почетными заложниками при его дворе. Все это означало переход Сербии в иное политическое состояние. Она становилась подвластной турецкому правителю территории.

Сербский деспот не смирился с потерей самостоятельности своих земель и попытался найти помощь у венгерского короля Владислава I Ягеллона. В 1442 г. его трансильванский воевода Янош Хуньяди дважды разбил большие турецкие армии — одну из них в Карпатах. В лице Яноша Хуньяди Мурад получил умного и умело действовавшего против его войска противника. Янош Хуньяди принадлежал к высшей венгерской знати и, как все считали, был сыном покойного короля Сигизмунда, при дворе которого он находился с детства. Некоторое время он провел в качестве предводителя наемников (кондотьера) в Италии, где хорошо изучил военное дело. Особенностью его военной тактики в сражениях с турками было использование баррикад из повозок, на которые устанавливались огнестрельные аркебузы большого калибра (в то время довольно примитивные и долго заряжающиеся). Когда в 1442 г. Хуньяди узнал о выступлении огромной армии Мурада (100 000 человек) в Трансильванию, он с войском всего в 15 тыс. человек перешел Карпаты и совершил неожиданное нападение на турецкое войско. Длительный и тяжелый бой завершился со стороны венгров практикуемой гуситами атакой на фланг турецкой армии, совершенной с помощью вышеописанных повозок, и турки были разбиты. Стоит заметить, что Хуньяди, едва ли не самый богатый барон Венгрии, на собственные средства собрал свою армию и пользовался славой национального героя²³³.

В Трансильвании же потерпел поражение от венгров Мезидбей, совершавший один из грабительских набегов, а 6 сентября 1442 г. турки потерпели крупное поражение в Валахии, где было разбито многотысячное войско румелийского бейлербея Шахин-паши²³⁴.

Осенью 1443 г. Владислав, по совету Хуньяди, организовал крупный поход против турок. В войске венгерского короля находились сербский деспот Георгий Бранкович и Янош Хуньяди. Различно датируя этот поход, и Ашык-паша-заде, и Мехмед Нешри весьма невразумительно описывают это военное противостояние османского и сербско-венгерского воинства, сообщая лишь о его результатах, — по условиям заключенного мира (в Сегеде) между Мурадом II и Владиславом турки передали сербам все захваченные ими в 1439 г. сербские территории. Это было крупным поражением Мурада. Генерального сражения между армиями не произошло. Хотя Владислав с войском взял Ниш и Софию и двинулся к Эдирне, горные проходы оказались для него непреодолимыми, так как были заблокированы турками. Суровые условия зимы также не способствовали успеху Владислава, и стороны пошли на заключение мира.

Нешри, описывая события этого столкновения, сообщает, что венгры перешли границу у Белграда и прошли маршрутом через Аладжа Хисар (Крушевац), Ниш и Шехиркёй (Пирот) до Златицы (восточнее Софии), сжигая все на своем пути²³⁵. Пытаясь как-то объяснить события, османские хронисты пишут, что Георгий Бранкович заранее послал подарки беям румелийского войска, чтобы они не позволили Мураду вступить в сражение с войском Владислава. По их рассказу, Владислав несколько дней простоял в ожидании у ущелья в горах и ушел со своей армией. Часть турецкого войска во главе с бейлербеем Касымпашой бросилась вслед за уходящей армией противника, однако христиане устроили засаду, в результате чего в их руки попали многие знатные турки²³⁶.

Гораздо более подробную картину этой военной кампании дают нетурецкие источники, в том числе Константин из Островицы. Венгерско-сербское войско было вынуждено остановиться у «Золотых ворот» (Златицы), так как далее путь им преграждало турецкое войско Мурада, мешая идти к Пловдиву. До Златицы венгры продвигались с большим трудом, так как дорога была загорожена сваями и стволами поваленных деревьев. Во многих местах к тому же она была залита водой, которая, замерзнув, делала ее подобной катку. Владиславу пришлось отправиться к Златице обходным путем. Его войско попыталось пройти в долину через неширокий проход, но здесь стеной стояли яны-

чары, которые не позволили войску этого сделать. Вероятно, это был тот самый момент, когда румелийская военная верхушка отсоветовала Мураду давать генеральное сражение.

Владислав, встретив неожиданную для себя преграду из янычар, вынужден был отступить. Он приказал вкопать в землю повозки, чтобы сделать из них заграждение при возможной погоне. Наступили холода, в войске христиан не хватало продовольствия, и венгерская армия быстрым ходом шла к Софии, а затем прокатилась через сербские земли, занимаясь грабежами и поджогами. Достигнув Пирота, Владислав узнал, что Мурад с войском вступил в сожженную им Софию. Это могло означать, что османский правитель собирается преследовать его войско. Поставив в арьергард с небольшим отрывом от себя сербов во главе с Георгием Бранковичем, Владислав продолжил отход к Дунаю, все так же преследуемый армией Мурада. Лазутчики сербского деспота постоянно доносили ему о продвижении турок. На подступах к Нишу, у горы Куновицы, было получено известие, что турки догоняют, имея большие силы. С марша они вступили в сражение с сербами, не дав венграм возможности предпринять необходимый маневр. 2 января 1444 г. между противниками произошла жестокая битва. Сербы и венгры сражались с огромной отвагой и разгромили армию Мурада наголову. Число жертв со стороны турок было очень велико. Огромные потери понесли янычары. Здесь, по сообщению Константина из Островицы, было перебито много турецкой знати, в том числе, как пишет Константин, «друг султана», который руководил сражением. Это был близкий родственник Мурада, которому турки на месте его гибели установили памятник²³⁷ (продолжение древнетюркской традиции установления памятных погребальных стел).

Одержав победу над Мурадом II, Владислав в феврале 1444 г. торжественно вступил в Буду. Между ним и султаном в Сегедине был заключен мирный договор, по которому вся Сербия была возвращена Георгию Бранковичу, а Валахия отдавалась под власть Венгрии²³⁸.

Все это можно расценить как крупную турецкую неудачу. Она свидетельствовала, что Европа обладала в то время достаточными силами, чтобы противостоять турецкой угрозе. Среди турок разгром был приписан измене, во всяком случае, уча-

ствовавший в военных действиях Турахан-бей был обвинен в сношениях с Георгием Бранковичем и посажен в темницу Токата²³⁹. Османский хронист Орудж, а за ним Мюнеджим-баши приводят в своих сочинениях любопытный рассказ о том, как Турахан-бей призывал своих акынджи не слишком усердствовать в бою с неверными, потому что, в случае победы над ними, акынджи потеряют возможность совершать набеги на их территории. Турахан-бей якобы запугивал своих воинов тем, что переход к туркам сербских земель приведет к тому, что они станут простыми райатами (крестьянами)²⁴⁰.

Власть пограничных беев над своими воинами-акынджи основывалась прежде всего на их способности организовывать успешные, приносящие добычу набеги на неприятельские территории. Естественно, что этими набегами (добычей с них) не менее других кормились сами беи. Активность их в набегах была столь высока, что часто они действовали в нарушение политических интересов своего сюзерена, что иногда приводило к неожиданным результатам. Традиционные модели поведения не допускали для воина, по существу, проводящего жизнь в седле, возможности какого-либо иного занятия, кроме набегов и грабежа. Для турецкого воина-всадника было характерно презрительное отношение к труду земледельца. Общепринятым в Османском государстве было представление о турецком крестьянине как о грубом и неотесанном «тюрке» (мужике).

Известно, что после случившихся событий зимы 1443/44 г., отдав сербам только недавно приобретенные им территории, Мурад II покинул свою столицу Эдирне, которую едва не потерял, и перебрался в азиатскую Манису. Правителем государства он назначил вместо себя своего несовершеннолетнего сына Мехмеда, переведя его из Манисы в Эдирне. Константин из Островицы пишет, что Мурад «от сильной печали... оставил империю и все свое государство передал сыну своему Мехмеду (будущему султана Мехмеду II. — *И. П.*), а сам вступил в орден, который называют дервишским»²⁴¹.

Этот поступок, который караманский бей Ибрахим назвал безумным²⁴², требует особого комментария. Ашык-пашазаде объясняет события «старостью» Мурада²⁴³. За ним это повторяет хронист Мехмед Нешри. Однако Мурад отнюдь не был стар, во всяком случае его возраст не помешал ему очень

скоро одержать блистательную победу при Варне. Дело было в чем-то другом. Безусловно, на решение расстаться с властью верховного правителя повлияли события, связанные с неудачным исходом борьбы с Владиславом. Еще для древних тюрков очень важным было представление о кут (счастье, удача), которым наделяло Небо верховного правителя. Это представление было сходно с представлением о фарне у иранских народов. Кут — счастье, удача — обеспечивал правителю способность поддерживать порядок в государстве, а также одерживать победы над врагом и распространять свою власть на окрестные земли. Прекращение ниспослания этой небесной милости приводило к поражениям и беспорядкам в государстве. Вспомним, как пораженный неспособностью сына Баязида I, Сулеймана Челеби, предпринять что-либо против наступающего с войском Мусы янычарский ага Хасан, по рассказу Нешри, говорит про него: «Этого человека покинули счастье и удача», — и переходит на сторону Мусы²⁴⁴. Реликты этих представлений долго сохранялись у тюрков в раннемусульманский период их истории. При этом именно дервишеские ордена (суфийские тарикаты) в Малой Азии, вбирая в себя многие домусульманские народные представления, были способны сохранять (в преображенном виде) идею о «счастье» правителя. Примерным аналогом кут в мусульманский период тюркской истории могут служить понятия «саадет» (счастье), «девлет» (счастье, сила) — в составе эпитетов (саадетли, девлетли) постоянно употребляемые в османских хрониках применительно к турецким султанам.

Можно предположить, что свое поражение Мурад II счел знаком утраты божественного благоволения и удалился от дел правления. Его сыну Мехмеду в это время было всего 13 лет — он не был официально провозглашен новым правителем²⁴⁵. Внешнее отречение не помешало Мураду предпринять поход против караманского бея, сжечь и разграбить его земли, а после этого заключить с ним мир.

Передача Мурадом власти сыну показалась византийцам удобным моментом, чтобы внести смуту в династийные дела Османского государства. Хитроумно и вероломно они отправили в Румелию брата Мурада II, Охрана, до того спокойно жившего при дворе византийского императора. Орхан, согласно старой тюркской традиции, по старшинству, имел большие

права на престол, чем Мехмед. Надеясь на силу этой традиции, еще не забытой среди турецких акынджи Румелии, Орхан мог рассчитывать на их поддержку. Однако против него было послано войско Шахин-паши (Хадым Шехабеддин-паша), что вынудило Орхана удалиться в Константинополь²⁴⁶. Эта попытка узурпации власти показывает, что Мурад действительно передал прерогативы верховной власти своему сыну Мехмеду, только в этом случае политическая претензия Орхана могла иметь хоть какой-либо успех.

Сложившаяся ситуация в Османском государстве была сочтена в Европе крайне благоприятной для организации большого крестового похода против турок, горячим сторонником которого выступил папский легат, кардинал Юлиан Цезарини. Венгерский король Владислав, лишь недавно заключивший мирный договор с Мурадом на 10 лет, принял решение его нарушить. Римский папа Евгений VI разрешил венгерского короля от присяги, которой он столь недавно скрепил Сегединский договор. Константин из Островицы пишет, что придворные астрологи единодушно предрекали Владиславу победу. Рыцари, под влиянием обильных винных возлияний, также пророчили ему удачу. Поддержал идею похода и Янош Хуньяди, которому Владислав, в случае удачи, обещал передать в управление Болгарию²⁴⁷. Владислав предложил принять участие в походе и Георгию Бранковичу, однако тот отказался, посоветовав отложить поход, укрепить крепости и накопить достаточно денег. Не одобрил мысль о походе и валахский господарь Влад Дракула.

Тем не менее решение было принято. В начале августа 1444 г. Владислав объявил о походе против турок. Венгерская армия численностью в 20 тыс. воинов, перейдя границу, двинулась внутрь османских владений. Были взяты крепости Шумен, Видин, Нови Пазар и др. Бей Никополя, Мехмед, со своими отрядами акынджи мог лишь совершать нападения на арьергарды венгерского войска, в котором, по сообщению хрониста Лютфи-паши, имелось множество повозок с «пушками»²⁴⁸.

Когда войско Владислава подошло к Варне, неожиданно для него оказалась встреча с турецкой армией во главе с Мурадом, насчитывавшей 40 тыс. человек. (Переправиться из Азии через Босфор туркам помогли корабли генуэзцев.) Как видим, Мурад вновь появляется на политической арене в один

из опасных моментов истории Османского государства. По общению османского историка Турсун-бега, Мурад нелегко переносил свое добровольное удаление от дел. Окружавшие его лица подливали масла в огонь и всячески осуждали поступок своего господина во время частых винопитий, к которым пристрастился турецкий султан. Находившийся в Эдирне при Мехмеде бывший великий везир Мурада Халиль-паша, узнав о готовящемся походе Владислава, срочно созвал на совет придворных и военачальников румелийского войска, где добился от них решения о необходимости поставить во главе армии Мурада. Это решение совсем не понравилось Мехмеду, однако военная аристократия все еще имела решающий голос в государственных делах, и Мехмед вынужден был подчиниться. Румелийские беи заявили, что не отправятся сражаться, если во главе их не встанет Мурад²⁴⁹. Халиль-паша, объясняя свою позицию, доказывал, что, призывая встать во главе войска Мурада, он пытается сохранить жизнь его сыну²⁵⁰. Турки, знавшие силу венгерского войска, не исключали возможности поражения.

Две армии сошлись у Варны. Произошло невиданное, по определению Ашых-паша-заде, сражение. Анатолийское войско, стоявшее на левом фланге, в результате предпринятой против него атаки лишилось своего военачальника, анатолийского бейлербея, который был убит. В сражении погибло также множество санджакбеев. Румелийское войско не выдержало натиска врага и обратилось в бегство. Султан оказался на поле сражения лишь в окружении придворного войска янычар. История повторялась. Казалось, что Мурад повторит судьбу своего деда Баязида, плененного Тимуром. Однако на этот раз ошибку, подобную ошибке Баязида, совершил Владислав. Ослушавшись Хуньяди, у которого, хорошо знакомого с тактикой ведения боя турок, без сомнения, имелся план сражения, венгерский король в разгар битвы в окружении своих польских всадников-телохранителей из 500 человек, врзался в ряды янычар, устремясь к месту, где находился Мурад, однако был взят в тиски и в результате убит²⁵¹.

Этот рассказ о гибели Владислава могут дополнить некоторые другие детали. Турки воспользовались в сражении характерной для них тактикой ложного отступления. Во второй половине дня сражения янычары, делая вид, что отступают,

отошли в небольшое ущелье, поросшее высоким вереском, и спрятались, насколько это позволяли условия местности. При этом они держали в своем кольце Мурада. Приняв отход янычар с Мурадом за попытку побега, Хуньяди решил начать преследовать остатки турецкой армии, которая, казалось, была полностью разгромленной. Янычары же впустили воинов, возглавляемых венгерским королем, в ущелье и ударили по ним с двух сторон. Лютфи-паша сообщает, что янычарам и азебам удалось также подобраться к повозкам с огнестрельным оружием неприятеля и отбить их у него²⁵².

По османскому преданию, оказавшийся в ловушке Владислав был обезглавлен янычарским ябаша по имени Коджа Хызыр. Голова венгерского короля была насажена на пику и провезена по остаткам турецкого войска. Это вдохнуло новые силы в почти разбитое турецкое войско, которому с невероятным трудом удалось одержать победу над крестоносцами. Спасшиеся венгерские воины бежали в Албанию, где знаменитый Скандербег помог им затем переправиться в Венецию²⁵³.

Константину из Островицы принадлежит подробное описание действий янычар во время сражения при Варне, которое он мог слышать в подробностях от еще живых участников этого похода во время своей службы в артиллерии янычарского войска. Насыщен реалистическими деталями его рассказ о мародерстве янычар после сражения. По его словам, янычары, пленившие многих знатных рыцарей, после боя «стали выволакивать убитых, ища денег и сдирая с них одежды»²⁵⁴.

В результате Варненского сражения турки захватили значительное число пленных. В подарок египетскому султану аз-Захиру Сайф ад-дин Юсуфу, вместе с извещением о победе над венгерским королем Владиславом, было послано 24 рыцаря. Глава азебов по случаю счастливого события обратился к Мураду с просьбой об освобождении из Токатской тюрьмы Турахан-бей, что и было исполнено. Примечательно, что после победы при Варне Мурад вновь объявил себя верховным правителем, а сына Мехмеда отправил правителем в Манису²⁵⁵. Одержанная победа доказывала всем, что османский правитель вновь стал обладателем священной благодатной силы.

Янычары в Варненском сражении показали не только личную отвагу и смекалку, но и военную выучку — умение вы-

полнять распоряжения своих командиров и отлично стрелять из луков. Им принадлежала большая роль в успешном для турок исходе боя. Вместе с тем нельзя не отметить, насколько важными для янычар были экономические мотивы их жизни и службы. Уже в этот период существования янычарского корпуса отмечено их выступление в связи с выплачиваемым им жалованьем. Так, в 1432 г. в одном из донесений дубровчан было рассказано о возмущении, случившемся среди янычар, которые выразили свое недовольство тяжестью своей военной службы и недостаточностью ее оплаты. Возмущение это удалось подавить лишь присылкой янычарам денег и богатых подарков²⁵⁶.

Сражение при Варне впервые с отчетливостью обнаружило сильную сторону османской военной машины — наличие хорошо обученной, профессиональной пехоты, способной на инициативу в бою. В сущности, все источники отмечают исключительную заслугу янычар в выигранном варненском сражении. В этот период развития Османского государства янычары в полной мере отвечали тем целям, ради которых было учреждено янычарское войско.

Через год после своей победы при Варне Мурад II (необъяснимо для большинства окружающих) во второй раз удалился от государственных дел, вновь оставив пост верховного правителя. Из арабских источников известно, что 2 декабря 1445 г. в Каир прибыли турецкие послы с подарками для египетского султана и с сообщением о передаче Мурадом власти своему сыну Мехмеду²⁵⁷. Возможно, это как-то связано с крупными противоречиями в военной верхушке. Известно, что в окружении Мехмеда боролись две партии, возглавлявшиеся, с одной стороны, Заганос-пашой и Халиль-пашой — с другой. Заганос был сторонником активной военной политики в Европе и Азии. Халиль советовал проявлять сдержанность. Верх одержала воинственная партия, делавшая ставку на сына Мурада, Мехмеда, менее чем через 10 лет после варненского сражения завоевавшего Константинополь. От сербского деспота, караманского бей, бейлика Джандар к Мураду в Манису, куда он, как и в первый раз, удалился от дел, поступали жалобы на то, что военачальники Мехмеда совершают нападения на их земли. Об этом пишут в своих исторических сочинениях Бехишти, Идрис Битлиси, Мустафа Али²⁵⁸. Мехмед, будущий Мехмед II Фатих

(Завоеватель), поддерживал воинственную партию и политику экспансии. Такая политика отвечал интересам сипахи как в Румелии, так и в Анатолии.

Мурад не вмешивался в дела управления своего сына. И здесь на политическую арену выступило янычарское войско, которое в 1446 г. подняло бунт в Эдирне. Константин из Островицы, не располагая информацией о скрытых пружинах этого события, пишет, что янычарам была задержана выплата жалованья за полгода. По этой причине янычары «возмутились и истребили все дома наиболее знатных и наиболее богатых фамилий из султанского совета, так что ни один вельможа в Адрианополе (Эдирне. — *И. П.*) не был оставлен ими»²⁵⁹.

Некоторые турецкие историки полагают, что причиной бунта янычар послужило ухудшение качества монеты²⁶⁰. Это мнение основано на сообщениях некоторых средневековых османских хронистов. Саадэддин сообщает, например, что Мехмед, получив власть от отца, отчеканил новую монету и начал украшать мечети и общественные здания надписями со своим именем. Между тем бунт янычар в Эдирне начался с пожаров, случившихся на крытом рынке (бедестане) и в ряде других мест. Скорее всего, это были поджоги, совершенные самими янычарами. Они также напали «на [дом] Хадым Шехабеддин-паши», румелийского бейлербея, известного под именем Кула Шахин-паша. Шехабеддин спасся, бежав в Старый дворец, где был укрыт Мехмедом. Янычары собрались на холме Бучук Тепе и прекратили бунт только после того, как им была обещана прибавка к жалованью в полакче. Тогда, по сообщению Саадеддина, турецкая верхушка в лице Халиль-паши, Исхак-паши и анатолийского бейлербея приняли совместное решение призвать на правление Мурада. Он ответил на их призыв. Перебравшись на европейский берег, Мурад явился в Эдирне туда, где находились янычары. «Узнав, чего они хотят», замечает Саадеддин, он вновь занял престол²⁶¹.

Прибытие Мурада к янычарам показывает, что у них были не одни лишь экономические требования. Те, кто использовал их бунт, руководствовались, по-видимому, политическими целями. Янычары разграбили дом румелийского бейлербея Кула Шахин-паши, который был политическим врагом Халиль-паши. Это, как кажется, указывает на то, что Кула Шахин-паша,

возглавлявший румелийское войско, был противником Мурада, которого не любили румелийские сипахи. Причиной этой нелюбви была его малоактивная политика в Европе и чересчур «миролюбивый» характер этого султана-мистика. Халиль-паша, сторонник Мурада, нашел себе между тем поддержку в лице анатолийского бейлербея Озгур-оглу Иса-бея, везира Сарыджа-паши и, наконец, янычарского аги Куртчу Догана. Воспользовавшись бунтом янычар, вполне возможно, заранее подстроенного и организованного, Халиль-паша послал в Манису Саруджа-пашу с целью возвращения на престол Мурада. Последний прибыл в Эдирне в тот момент, когда его сын Мехмед находился на охоте²⁶². Есть и иные версии появления Мурада в османской столице. Рухи, а за ним Мустафа Али пишут, что, перебравшись на европейский берег, Мурад вначале тайно прибыл во дворец Сарыджа-паши. Саадэддин же утверждает, что Мурад явился к месту сбора янычар, ибо лишь при их поддержке мог вступить во дворец²⁶³.

Константин из Островицы описывает эпизод возвращения Мурада близко к тому, о чем сообщает Саадэддин. Он рассказывает, что после грабежа города янычары отправились к месту охоты Мехмеда, разгромили шатры его свиты, заставив ее бежать, и заявили молодому султану, что бунт вызван действиями его везиров и что они не желают иметь его правителем, пока жив его отец. Мехмед поклялся призвать на правление в Эдирне Мурада, выплатить задолженное жалованье, повесить его каждому янычару на полакче и тем самым погасил бунт. Мураду было послано известие, что янычары просят его возвратиться на престол. По возвращении в Эдирне Мурад, согласно рассказу Константина из Островицы, прежде чем отправиться во дворец, приказал, чтобы янычары приготовили ему «шалаш» из свежей зелени и явились туда для его встречи. В шалаш якобы явился и его сын Мехмед со своими придворными и здесь же возвратил правление своему отцу²⁶⁴.

Как бы там ни было, ясно одно: янычары явили себя как политическая сила (скорее всего, ими только воспользовались), вмешавшаяся в борьбу в высших слоях власти, и победили. Как представляется, выступившие с политическим заявлением янычары в данных событиях стремились прежде всего обеспечить свои экономические интересы. Учитывая то обстоятельство,

что в Эдирне подожгли бедестан и базары, бунт произошел из-за дороговизны продуктов. Имеется сообщение Сфрандзи о «достойной упоминания» всеобщей засухе, которая случилась летом 1445 г. (она началась 17 июля 1445 г.)²⁶⁵.

История перехода власти то к Мехмеду, то к Мураду все же несет некоторую долю неясного. Возможно, это было как-то связано с особенностями характера Мурада, склонного к мистицизму и по-своему оценивавшего какие-то неудачи своего правления, или за всем этим скрывалась борьба за влияние на государственную политику между различными группами правящей верхушки. По-видимому, имело место и то и другое. Во всяком случае, возвращение Мурада на престол в 1445 г. при участии янычар показывает, что Мурад не имел твердых намерений отказаться от верховной власти и всегда мог рассчитывать на поддержку «нейтральной» силы в лице янычар. Нападение янычар именно на дом румелийского бейлербея указывает на существование какой-то оппозиции по отношению к Мураду со стороны румелийского войска сипахи. Примечательно, что под конец своей жизни, словно идя навстречу интересам румелийских сипахи, заинтересованных в походах, Мурад совершил две крупные военные кампании в Европе: в 1447 г. в Албанию и в 1448 г. — в Морею. Ашык-паша-заде сообщает, что поход в Албанию с целью захвата Акча Хисара (Кройя) был принят турецким султаном по совету племянника знаменитого Скандербега, Хамза-бея, указавшего Мураду на сложившиеся благоприятные условия в Албании в связи с возникшими противоречиями среди местной феодальной знати. (На протяжении всех своих завоеваний турки исключительно умело пользовались разногласиями в лагере противника.) В поход в Албанию отправился лично султан, взяв с собой сына Мехмеда. Крепость Акча Хисар подверглась двухмесячной осаде. Совсем недавно ее отвоевал у турок Скандербег. Поддерживаемый Римом, Венецией и Неаполем, он сумел подчинить своей власти значительную часть Албании и на сейме славянских и албанских бояр в принадлежавшем венецианцам городе Алессо в сентябре 1444 г. был избран главой Албании. На протяжении 1444—1446 гг. он одерживал победы над турецкими пограничными войсками, отвоевав в том числе и Акча Хисар. Осаждавшие город турки долго не могли овладеть крепостью и

терпели при штурмах одну неудачу за другой. Лишь обнаружив водные источники, которые питали город, и перекрыв их, они смогли взять Акча Хисар, а затем подчинили себе и многие прилегающие к городу земли²⁶⁶.

Впечатленный победами турок в Албании и всегда выступавший за активное сопротивление турецкой экспансии Янош Хуньяди собрал (летом 1448 г.) объединенную армию из 30 тыс. венгров, поляков, валахов, немцев и чехов, в составе которой были не только всадники, но и многочисленная пехота, и, экипировав ее отличным боевым снаряжением, — мортирами, поставленным на повозки огнестрельным оружием и прочим — через сербские земли прошел к Косову полю, предав их по пути грабежам и пожарам²⁶⁷. Георгий Бранкович сохранял нейтралитет и не участвовал в походе против Мурада. Янош Хуньяди в этих обстоятельствах рассматривал сербские земли как вражескую территорию.

Узнав о переходе границы войском Яноша Хуньяди, Мурад поспешил из Албании ему навстречу, объявив «великий поход за веру»²⁶⁸. Уже хорошо зная, что имеет дело с сильным противником, Мурад успел собрать все свое воинство. В нем находились даже всадники из Караманского бейлика. Был устроен войсковой смотр, на котором проверялось наличие у сипахи положенных экипированных всадников джебели. На военную экипировку было обращено особое внимание. Ашык-паша-заде описывает в связи с этим любопытный эпизод. Он рассказывает, что караманский бей прислал в турецкое войско всадников из племени тургутлу. По словам хрониста, у них были деревянные седла, стремянные ремни заменяли веревки, веревкой же были привязаны кинжалы. На головах этих всадников красовались шапки из грубой козлиной шерсти, на поясе — плетеные из разноцветных тканей кушаки. Увидев это на смотре, Мурад воскликнул, обращаясь к командиру караманцев: «Я не нуждаюсь в помощи подобных [воинов]. [Караманский бей] прекрасно знал, [что он делает], когда посылал их. В моем войске нет шутов. Он прислал всех этих шутовства ради. Я не могу на них положиться»²⁶⁹.

Сбор большого войска, тщательный его смотр, всё говорит о том, что Мурад хорошо знал цену своему противнику. Когда два войска сошлись на Косовом поле и Мурад воочию увидел

армию Хуньяди, он совершил долгое моление. Османский правитель молился как Аллаху, так и, как хочется думать, старым тюркским божествам. Сойдя с коня, он сотворил молитву из двух ракатов, а затем надолго приник лицом к земле, словно прося у нее победы²⁷⁰.

Первый день сражения не выявил победителя, хотя туркам удалось захватить несколько знамен противника. На другой день, стойкий жизни нескольким турецким военачальникам²⁷¹, оба крыла турецкого войска под напором атакующих подались назад, имитируя отступление, в результате чего оголился центр войска, где стояли янычары, и на них оказалась направлена вся сила атакующего противника. Янычары, а вместе с ними и азебы, умело прикрываясь щитами, обрушили на воинов Хуньяди огонь из пушек и тюфенков²⁷². Затем и они начали отступать, увлекая за собой атакующих. В этот момент с двух сторон на христиан обрушился сокрушительный удар фланговых частей турецкой армии²⁷³. Янош Хуньяди бежал, хотя его войско еще продолжало сражаться. Лишь узнав о бегстве своего военачальника, его армия прекратила сопротивление и по большей части была перебита. Георгий Бранкович сумел пленить Яноша Хуньяди во время его бегства и выпустил на свободу только после долгих переговоров — за выкуп в 100 000 дукатов, который он рассматривал как компенсацию за опустошения, произведенные тем в Сербии²⁷⁴.

Осенью 1448 г. (или в 1446 г.)²⁷⁵, по просьбе Турахан-бея, Мурад совершил со своим войском поход против греческой Морей. Об этом же его просил и правитель Афин, данник Мурада II Нерио²⁷⁶. Таким образом, поход был предпринят по инициативе одного из влиятельнейших представителей румелийской военной верхушки, которая была кровно заинтересована в активной завоевательной политике и во многих случаях самостоятельно устанавливала дипломатические связи с местными князьками и владетелями.

Большим препятствием для турецкой армии являлся оборонительный вал на Коринфском перешейке, созданный специально для защиты от турок. Оборону его возглавил будущий последний византийский император Константин (XI) Палеолог. И с той, и с другой стороны была задействована сильная артиллерия. К вечеру четвертого дня своего пребывания у Ко-

ринфской оборонительной линии турки разожгли в своем палаточном лагере огромные костры и начали нараспев читать молитвы, готовясь таким образом к решающему штурму. Халкокондил сообщает, что у турок это делалось обычно за два дня до готовящегося приступа. С помощью специальных вспомогательных солдат турецкой армии, серахоров, которые не принимали участия в сражениях и использовались лишь как рабочая сила, турки подтянули артиллерийские орудия к самому краю рва и начали обстрел оборонительной стены²⁷⁷. У греков не хватало людей, чтобы успешно защищать всю оборонительную линию. Константин послал к Мураду для переговоров присутствовавшего при осаде будущего историка Халкокондила, пытаясь уладить дело миром. Однако турецкий султан был полон решимости открыть для турецких акынджи дорогу в Морею и отправил присланного гонца в тюрьму. В результате интенсивного пушечного обстрела стен в одном месте появился пролом, который защищали 300 греков, сражавшихся отчаянно, но в конце концов вынужденных бежать²⁷⁸. Оборонительная линия греков не устояла.

В декабре 1448 г. пал осажденный армией Мурада Коринф. Для того чтобы захватить его, необходимо было овладеть пятью находившимися в его округе замками, что требовало значительной осадной артиллерии. Турки подвезли к Коринфу на верблюдах медь и начали отливать пушки прямо на месте. На 13-й день осады в крепостных стенах Коринфа появились достаточно крупные бреши, через которые в город ворвались янычары. Первым, по преданию, взобрался на крепостную стену янычар сербского происхождения, которого византийские историки называют именем Хитирис, за ним устремились все остальные. После взятия турками Коринфа Константин Палеолог обязался выплачивать туркам харадж²⁷⁹. Захват Коринфского оборонительного рубежа открыл для турок путь для регулярных набегов в Морею²⁸⁰.

Турахан-бей, инициатор похода, получил разрешение незамедлительно совершить набег на область Мистры. Мурад же с войском осадил Патры, но не смог их взять и отступил к Фивам, уведя многие тысячи пленников. В его ставку явились послы братьев Палеологов (Феодора и Константина), которым султан обещал мир, взамен уплаты ежегодного хараджа²⁸¹.

Армию Мурада сопровождало большое число торговцев, которые продавали солдатам продукты питания, лошадей и покупали все награбленное прямо на месте. Халкокондил, внимательный наблюдатель быта турецкого войска, отмечает огромные многочисленные обозы военной знати, которая везла в походы обильную экипировку и багаж. Его поразил и сам вид турецкого лагеря — великолепие установленных палаток и шатров, которых, по его словам, было более 10 тыс²⁸².

Это были последние крупные военные кампании Мурада II. Последние 3 года жизни он провел без попыток каких-либо новых завоеваний. Он умер в 1451 г. Тело его 16 дней находилось без погребения во дворце Эдирне. Его смерть скрывали от всех до прибытия из Манисы Мехмеда. За сыном Мурада был послан гонец (улак), который и сообщил ему весть о кончине отца. Девятнадцатилетний Мехмед, одетый в траурные, «как ночь», одежды и темную чалму, неожиданно для горожан появился в Эдирне в сопровождении Шехабеддин-паши и принял участие в намазе над телом покойного отца²⁸³. Затем тело Мурада II было перевезено в Бурсу и там погребено. Ашык-пашазаде сообщает, что Мехмед приказал убить своего брата, сына Мурада от дочери бей бейлика Джаник Исфендияра, и, верный своему принципу иносказания в случаях описания братоубийства, пишет, что брата нового правителя «доставили на место его упокоения, туда, где ему полагалось находиться»²⁸⁴.

Несмотря на то что Мехмед II уже дважды находился у власти и на тот момент являлся единственным совершеннолетним сыном умершего Мурада II, были приняты все меры предосторожности против возможных возмущений. Дело в том, что Мехмед был «незаконным» сыном Мурада — мать его была простой наложницей османского правителя. (По некоторым известиям, она была армянкой.)²⁸⁵ После смерти сына Мурада II, принца (шехзаде) Алаэддина в 1443 г. (обстоятельства ее не совсем ясны, возможно, он был убит)²⁸⁶, который был на 2 года старше Мехмеда, Мехмед оставался единственным представителем мужского пола в османской династии. Еще один сын Мурада II, Хасан, умер в 1444 г. Видимо, «незаконность» Мехмеда во многом подталкивала Мурада к тому, чтобы еще при своей жизни как-то утвердить сына в правах на престол, чему уходы с поста правителя способствовали. Лишь в 1450 г. у Мурада,

от дочери Исфендияра, родился сын Ахмед, который, будучи ребенком от законной жены, со временем мог бы претендовать на престол. Именно поэтому он был умерщвлен Мехмедом сразу же после смерти его отца. Придворный историк Селима I (1512—1520) Ибн Кемаль, описывая это деяние нового правителя, старается показать его политическую необходимость, прибегая к традиционной аргументации, характерной для тюркского социума. Он апеллирует к древним пластам общественного сознания: трон занял тот, кого сочло достойным Небо. Подкрепляет свою мысль он и еще одним аргументом, традиционным для тюрков, он пишет о том, что сосуществование двух лиц там, где требуется единоличная власть, невозможно:

В ножнах одних двум клинкам не бывать,
В логове львам двум не быть, не живать²⁸⁷.

Правление Мехмеда II (1451—1481) началось с совершенного им азиатского похода против караманского бея. Для того чтобы обезопасить себя в это время от возможных враждебных акций своих европейских соседей, Мехмед II пошел на некоторые территориальные уступки, добиваясь дружественных отношений главным образом с византийским императором Константином XI и сербским деспотом Георгием Бранковичем. Византийская империя доживала свои последние дни. Константин, ее последний император, впервые короновался (за исключением никейского периода византийской истории) не в Константинополе. Императорскую корону ему доставили в Мистру, где в кафедральном соборе города она была возложена ему на голову 6 января 1449 г. При своем восшествии на престол Константин должен был уже получать одобрение османского правителя, послом к которому по этому поводу был отправлен Георгий Сфрандзи²⁸⁸. Лишь в марте 1449 г. Константин перебрался в Константинополь, где его братья Димитрий и Фома, после принесенной ему присяги, получили в управление Морею²⁸⁹.

10 сентября 1451 г. в Эдирне был возобновлен подписанный еще Мурадом II мир с Венецией, затем с Яношем Хуньяди (на 3 года), с Дубровником, который предложил уплачивать больший, чем прежде, харадж. С восшествием на престол Мехмеда в Эдирне явились представители других христианских владе-

телей. Перед прибывшими из Константинополя послами Мехмед поклялся на Коране, что будет уважать территориальную целостность Византии и ежегодно выплачивать византийскому императору по 3 тыс. акче на содержание Орхана, сына Мехмеда I, продолжавшего жить в византийской столице²⁹⁰. Сербскому деспоту был отдан во владение Крушевац с прилегающими окрестностями, кое-какие земли в районе Мраморного моря получили и византийцы²⁹¹.

Более всего в это время Мехмеда беспокоили действия караманского бей, который сразу же после смерти Мурада II попытался возмутить представителей старых тюркских династий Малой Азии — Ментеше, Айдын и др. — против османской власти. Бей Карамана предпринял поход против Алайе (совр. Аланья). Мехмед собрал в ответ все свое войско и направился в Анатолию. В войске находились янычары, которым Мехмед, по сообщению Халкокондила, устроил смотр в Гелиболу. При этом обнаружилось, что в войске находится не полный состав янычар (отсутствовали сокольничии, обычные участники султанской охоты), за что ага янычар был наказан — бит палкой²⁹².

Прибыв в Бурсу, Мехмед узнал о бегстве сыновей караманского бей, содержащихся Мурадом в качестве почетных заложников. Османское войско двинулось к Акшехиру и овладело им. Вскоре оно оказалось под стенами Коньи. Караманский бей Ибрахим, прибегнул к мягкому методу улаживания конфликта, запросив пощады и подкрепив свою просьбу посылкой османским пашам золотых монет. К Мехмеду был послан для ведения переговоров Мевляна Вели, который сообщил Мехмеду о полной покорности Ибрахима. Сановники Мехмеда также действовали энергично, убеждая османского султана в необходимости согласиться на предложение караманского бей. Тот пообещал отдать в жены Мехмеду свою дочь, посылать в османское войско военные отряды и беспрекословно выполнять все приказы Мехмеда. Сановники убеждали его в том, что Ибрахиму следует оставить власть, ибо так всегда поступали все предшественники султана. Мехмед II отправил к Ибрахиму своего посла Кассаб-оглу Махмуд-бей, перед которым Ибрахим произнес клятву, что не будет поднимать восстаний против османского правителя, «будет другом его друга», «врагом его врага» и во всем будет подчиняться воле султана. Караманский бей,

спасая свою власть, предлагал даже некоторые территориальные уступки. По составленному соглашению города Бейшехир, Сейдишехри и Кыршехир переходили в руки Мехмеда²⁹³. Это были города, окаймлявшие владения караманского бей по линии «северо-запад», являясь по сути пограничными между двумя тюркскими государствами.

Во время возвращения войска Мехмеда, на одной из стоянок близ Акшехира, янычары неожиданно выступили с требованием для себя денежного подарка (бахшиша, или инама) в награду за совершенный поход. Как пишет Ибн Кемаль, выстроившись рядами, при полном вооружении — с кинжалами у пояса и луками и стрелами в руках, янычары дождались появления Мехмеда и, произнеся все положенные благопожелания в адрес правителя, заявили, что «в вознаграждение» за поход им положено «золото и серебро». Находившиеся рядом с Мехмедом Шехабеддин-паша и Турахан-бей начали стыдить янычар, обвиняя их в «неприличествующем» поведении по отношению к султану. Нимало не убоившись бунта, молодой султан проявил твердость и не удовлетворил требования янычар, сочтя его недопустимой дерзостью. Возвратясь в свой шатер, он отдал приказ о смещении с поста янычарского аги Куртчу Догана и о наказании палочными ударами старших янычарских офицеров — яябаши. Каждому из них было назначено по 100 палочных ударов. Затем наказанные таким образом янычарские офицеры — яябаши — были изгнаны из янычарского корпуса, а вместо них назначены новые лица²⁹⁴.

Это беспрецедентное выступление янычар во время султанского похода, сопровождавшееся, правда, столь же беспрецедентным наказанием палками янычарского аги, показало, сколь высоко выросло осознание янычарами себя как самостоятельной и сильной корпорации. Вместе с тем это был едва ли не единственный пример проявления силы верховной власти по отношению к янычарскому корпусу, что, как кажется, принесло свои плоды. Во всяком случае, в период правления Мехмеда II янычары проявляли исключительную лояльность по отношению к султану. Правда, существует и иная версия событий. Хронист Мехмед Нешри утверждает, что Мехмед II удовлетворил просьбу янычар, выдав им 10 кисе²⁹⁵ акче (1 млн. акче), а затем сместил янычарского агу Догана (историк называет также,

по-видимому, второе прозвание аги — Казанджи) и назначил вместо него Мустафу-бей²⁹⁶.

Действия караманского бей, направленные на восстановление политической независимости своего государства, его подстрекательства к неповиновению других тюркских бейликов Малой Азии имели результатом начавшиеся волнения в бывшем бейлике Ментеше. Один из представителей его правящего рода, Ильяс-бей Ментешеоглу, открыто восстал против власти нового османского султана. На его усмирение было послано анатолийское войско во главе с Исхак-пашой, которому удалось подавить мятеж. В результате Мехмед II объявил об окончательном подчинении османам бейлика Ментеше. Его крепости были заняты османскими гарнизонами, а сам Ильяс-бей был вынужден бежать²⁹⁷.

Обеспечив себе тылы в Азии, и вопреки советам своего великого везира Халиль-паши, Мехмед начал подготовку к крупнейшему военному и политическому предприятию своего царствования — захвату Константинополя. Клятва на Коране об уважении территориальной целостности Византии очень скоро была им забыта. Характеристика, которую дает вступившему на престол Мехмеду II Константин из Островицы, точно отражает характер этого османского правителя: «И был он очень хитрый и кого только мог, обманывал с помощью перемирия; он редко держал слово, а когда кто-либо упрекал его за это, он набрасывался на него, как безумный»²⁹⁸. В осуществление плана захвата Константинополя на европейском берегу Босфора, напротив построенной еще Мехмедом I крепости на азиатском берегу, им было начато строительство Новой крепости. Султан лично посетил стройку²⁹⁹. Она велась с 15 апреля по 31 августа 1452 г. под наблюдением четырех везиров султана. Крепость получила название Богаз Кесен (позднейшее название — Румели Хисар). В крепости, контролировавшей пролив Босфор в самом узком месте пролива, были установлены пушки, способные стрелять огромными для того времени ядрами³⁰⁰. Окрестности Константинополя были подвергнуты разграблению отрядами бывшего военачальника караманского бей Акчайлы-оглу Мехмед-паши, оставшегося, по-видимому, на османской службе еще со времени сражения Мурада II с Яношем Хуньяди в 1448 г. (Воинов этого недавнего предводителя кочевников из Карамана

интересовала традиционная добыча — стада скота.) В идеологическую подготовку захвата византийской столицы включилось мусульманское духовенство: со всех кафедр мечетей раздавались проповеди с призывами захвата Константинополя³⁰¹.

Одновременно велись подготовительные военные операции. Армия румелийского бейлербея Дайи Караджа-бея взяла не оказавшие сопротивления византийские города на Черноморском побережье — Месемврию, Анхиалос и Визос, а также местечки на Мраморном море — Селимврию и Перинфос. Последние пытались защищаться, но были взяты штурмом, разграблены и разрушены³⁰².

Ничто не мешало начавшемуся исполнению грандиозного честолюбивого замысла Мехмеда: со всеми современными ему владельцами-соседями были заключены мирные договоры на тот или иной срок, с восстаниями тюркских династий Малой Азии временно было покончено. Мехмед пытался выдать свои приготовления к осаде Константинополя за предупредительные меры против пиратов, мешающих ведению торговли, но спрятать очевидное было невозможно. Французский король Карл VII уже предлагал византийскому императору убежище во Франции. В июне 1452 г. греки попытались отогнать турок от стен своей столицы, но безуспешно. Они были разбиты и вынуждены укрыться за городскими стенами. Многих из них турки пленили. Началась блокада города³⁰³. Ибн Кемаль описывает один из инцидентов, случившихся между противостоящими сторонами в период установившейся блокады. Мехмед оставил в построенной им крепости на Босфоре коменданта с гарнизоном. Однажды воины гарнизона (обычно ими были янычары и азебы) устроили пьяную пирушку за стенами крепости Румели Хисар. Возвращаясь домой, они встретили греческих пастухов, гнавших стадо овец. Турецкие солдаты потребовали продать им овец, а когда греки отказались это сделать, выхватили кинжалы и бросились на пастухов, защищавшихся с помощью ножей. В результате турки зарезали нескольких овец и ранили некоторых пастухов. На выручку грекам из Константинополя бросился отряд пеших и конных воинов. Прибыла подмога и к туркам. Развернулось целое сражение, в результате которого греки потерпели поражение, однако часть турок попала в плен. Через какое-то время они были возвращены султану с присо-

вокуплением подарков³⁰⁴. Фактически великая Византия оказалась запертой внутри стен своей столицы.

Постоянные военные конфликты с греками возникали и в Море, куда осенью 1452 г. вторгся Турахан-бей со своими сыновьями и многочисленным войском. При этом один из его сыновей попал в плен к грекам³⁰⁵.

Все говорило о том, что султан готовится к решительным действиям против Византии. Ко времени окончания строительства крепости на европейском берегу Босфора турки обладали достаточно сильным флотом и мощной артиллерией, чтобы надеяться на захват Константинополя. Согласно греческим авторам, Мехмед II объявил войну Константину XI в конце августа 1452 г.³⁰⁶, а зиму 1452/53 г. провел в военных приготовлениях.

5 апреля 1453 г. вся турецкая армия подошла к стенам Константинополя. Это оказалось неожиданностью для тех турок, которые жили в византийской столице. Все они были убиты греками³⁰⁷. Осажденный с суши и моря город был окружен турецкими войсками по всей линии его сухопутных границ. Армия, приведенная султаном, составляла 150 тыс. человек. В осаде участвовали 80 военных и более 300 грузовых судов. Янычары, непреременные участники всех осад, сразу же приступили к рытью траншей. Они неустанно носили землю в корзинах, устраивая валы и гнезда для пушек³⁰⁸.

Осада Константинополя многократно описана разными авторами и трудно найти новые штрихи к описанию великой битвы, произошедшей у стен столицы восточного христианства. Овладение Константинополем было честолюбивой мечтой Мехмеда с самого начала его царствования. Дважды в отрочестве вынужденный покинуть османский престол, Мехмед со смертью отца во что бы то ни стало стремился доказать свои способности великого правителя и завоевателя. Дука писал, что молодой султан «ночью и днем, ложась спать и вставая, в своем дворце и вне его всю свою заботу полагал на то, какими военными действиями и средствами овладеть Константинополем», а в частые бессонные ночи он на бумаге чертил план города и городских укреплений, намечая места, откуда легче будет взять город³⁰⁹.

Как сообщает находившийся в дни осады в византийской столице Георгий Сфрандзи, подошедшая к стенам Константи-

нополя сухопутная армия, по его оценке, состояла из 200 тыс. человек³¹⁰. Турки доставили к стенам города мощную артиллерию — многочисленные пушки, отлитые в Эдирне. Из Гелиболу прибыл флот, состоявший из почти 400 судов (сюда входили как крупные и средние суда, так и лодки), на которых прибыло 20 тыс. азебов, исполнивших роль морской пехоты. Во главе турецкой флотилии стоял Сулейман Балта-оглу (по преданию, болгарин родом). Как красочно описывает османский хронист Ибн Кемаль, море было сплошь покрыто красными бёрками (шапками) азебов. В войске султана развевались зеленые и красные знамена, «янычарские полки текли, как [волны] Средиземного моря». Сам Мехмед с 15 тыс. янычар разбил свой лагерь напротив ворот св. Романа³¹¹. Здесь же стояла гигантская пушка турок, отлитая венгерским мастером Урбаном и составлявшая их гордость, а также основные батареи. Правый фланг занимало азиатское войско во главе с Исхак-пашой, на левом фланге стояли румелийские сипахи во главе с Дайи Караджа-беем. На море, перед стенами Константинополя, встала огромная турецкая флотилия³¹².

Мощные крепостные стены города непрерывно обстреливались из осадных орудий. Некоторые турецкие пушки стреляли каменными ядрами весом почти в 500 кг. Тюфенчки стреляли зажигательными снарядами, стараясь поджечь город. В обстрелах принимали участие и зенберекчи, искусно стрелявшие из арбалетов (зенбереков)³¹³. Штурм величественных и с виду неприступных стен Константинополя требовал длительной осады с обстрелом с целью образования достаточно крупных брешей, а также создания многочисленных подкопов и мин с последующими подрывами для разрушения стен снизу и обеспечения проходов для штурмующих. В этих тяжелых и изнурительных занятиях, которые поручались по большей части янычарам, совсем не лишней была их выносливость и сила, приобретенные за годы службы в качестве аджеми огланов.

Обороняли Константинополь весьма малочисленные силы. По свидетельству Сфрандзи, «столь великий город имел в обороне 4773 человека, не считая иностранцев, которых было едва 200 или чуть больше». Сфрандзи имел столь точные сведения потому, что византийский император Константин, находившийся среди защитников, велел переписать всех способных оборонять

город «мирян и монахов» и пересчитать их. В этом пересчете, который велся тайно, участвовал сам Сфрандзи. Он пишет, что принес византийскому императору «списочек с грустью и величайшей мрачностью. И количество (защитников. — *И. П.*) осталось в тайне только между мной и им»³¹⁴. По повелению Константина в город заранее были привезены запасы продовольствия, на случай длительной осады, а крепостные стены в ряде мест отремонтированы³¹⁵.

Византийская столица не получила никакой действенной помощи от Европы. Римский папа ограничился тем, что прислал в Константинополь кардинала Исидора, грека, бывшего московского митрополита, который в ознаменование восстановления мира между Восточной и Западной церквями отслужил униатскую обедню в храме св. Софии, что вызвало сильнейшее возбуждение среди горожан. Именно тогда византийский аристократ, «великий канцлер» Лука Нотара произнес знаменитые слова: «Лучше видеть в городе власть турецкого тюрбана, чем латинской тиары»³¹⁶.

В защите Константинополя приняли участие венецианцы и генуэзцы. На помощь городу прибыло два судна с о. Хиос во главе с генуэзцем Джованни Джустиниани. Однако трудно было представить, что они что-либо смогут сделать перед лицом многочисленного турецкого флота. Большого успеха, правда, добились подошедшие 20 апреля к Константинополю четыре генуэзских судна и одно греческое, сумевшие пробиться через флотилию неприятеля и пройти в бухту Золотой Рог. Борта прибывших судов были выше турецких и туркам не удалось взять их на абордаж³¹⁷. До 22 апреля турецким судам не удавалось проникнуть в бухту Золотого Рога. Традиционно приписывают это обстоятельство тому, что бухта была перекрыта цепью, мешавшей прохождению кораблей. Однако турки преодолели это препятствие. За одну ночь они, посуху, переправили 70 своих судов в Золотой Рог. Защитники крепости намеревались ночью поджечь турецкие суда, но этот план был выдан противнику и не удался³¹⁸.

Во взятии Константинополя главную роль сыграла сильная турецкая артиллерия. Турки имели в большом числе усовершенствованные бронзовые пушки крупных размеров, которые стреляли огромными каменными ядрами, успешно разрушав-

шими внешне мощные, но старые константинопольские стены. Греческий историк Критовул писал, что все делавшиеся янычарами подкопы под крепостные стены и подземные ходы «оказались излишними и только вызвали бесполезные расходы, так как пушки решили все»³¹⁹. Особой славой пушечных дел мастера пользовался у турок венгр Урбан, искатель лучшей жизни, сначала предложивший свои услуги византийскому императору, а затем султану Мехмеду II. Он наладил ему отливку пушек крупного калибра, ядра которых наносили значительные повреждения крепостным стенам³²⁰. В день турки производили до 100 выстрелов из крупнокалиберных орудий, которые легко повреждали сложенные из кирпичей стены. Кроме того умело использовались баллисты, метавшие тысячи стрел³²¹.

Все 54 дня осады города турки занимались засыпкой крепостного рва землей и камнями, чтобы иметь возможность по разрушению стен провести генеральный штурм. В турецком лагере находилось мусульманское духовенство, неустанно велась религиозная пропаганда: в осаде приняли участие известные богословы Ак Шемседдин, Велиэддин-оглу и др.³²²

18 апреля турки попытались предпринять штурм крепости, в котором приняли участие янычары и другие пехотинцы. Турецкие солдаты бросились к уже имевшимся брешам в стенах, однако защитники умело отбивались от нападавших с помощью камней, стрел, копий и кипящей смолы. Сражение продолжалось целый день, а ночью грекам удалось расчистить засыпанную турками часть рва. Попытки штурма предпринимались еще дважды — 7 и 12 мая, но также безуспешно. Не помог и подкоп под Влахернский дворец: он был обнаружен защитниками города и турок изгнали из подземного хода с помощью дыма. К стенам у ворот св. Романа турки подкатили высокие деревянные башни, обитые кожей. Одна из них была выше крепостных стен и имела мосты на канатах для перехода на укрепления, а также мощный таран, с помощью которого туркам удалось сильно разрушить стену. Они сделали попытку ворваться через проделанную брешь в город, однако была отбиты и вынуждены к ночи отойти, оставив башню у крепостной стены. Защитники города сожгли ее, к утру успев заделать брешь³²³.

Наконец был объявлен генеральный штурм. Ночью в турецком лагере зажгли многочисленные костры. Понимая, что для

взятия стен Константинополя не хватает самого малого импульса, Мехмед объявил, что отдает город на разграбление — ягма. По всему войску об этом зачитывался указ султана. Это известие увеличило энтузиазм турок более, чем все религиозные лозунги борьбы с неверными. В ночь перед штурмом мусульманские проповедники поднимали дух турецких воинов, призывая их совершить утренний намаз уже в стенах города. Рано утром 29 мая 1453 г. турки, развернув свои знамена, строем пошли на приступ. В нем приняли участие как пехотинцы, так и всадники-сипахи. Воздух наполнился звуками бубнов, зурны и барабанов. Турки приближались к трем брешам, которые остались незаделанными и были наспех завалены греками бревнами и землей. Завязался рукопашный бой, в котором турки несли большие потери. На приступ шли все новые и новые янычары, одновременно стены обстреливались из пушек, появлялись новые бреши, которые некому было заделывать³²⁴.

Защитники города сражались на стенах отчаянно. Потери штурмующих были очень велики. Ибн Кемаль образно пишет, что, когда турки начали взбираться по лестницам на стены, потекли «реки крови». Однако поток штурмующих не иссякал. Первыми в город ворвались янычары. Среди турецкого войска разнеслась весть о взятии Константинополя. Со стороны бухты Золотой Рог штурм вели азебы и солдаты капудан-паши (адмирала турецкого флота). Турки все в большем числе проникали в город через появлявшиеся новые бреши³²⁵.

Энтузиазм турецкой армии сделал свое дело. Цель представляла собой исключительную привлекательность для штурмующих. Взятый Константинополь подвергся страшному разграблению. Войсковой базар мгновенно наполнился живым товаром и награбленным имуществом, среди которого были изделия из золота, серебра, драгоценных камней³²⁶. Грабеж города длился в течение одного дня. Император Византии Константин XI сражался до последней минуты и был убит янычаром. Его отрубленная голова, по рассказу Константина из Островицы, была доставлена султану со словами: «Счастливый господин, вот тебе голова твоего жесточайшего неприятеля». Голова Константина была выставлена на высокой колонне в центре города. Сам янычар был щедро одарен Мехмедом³²⁷. К вечеру султан в сопровождении своей янычарской гвардии вступил

в византийскую столицу, остановившись перед главной святыней города — собором св. Софии. По преданию, спешившись, он посыпал свой тюрбан горстью земли в знак смирения перед Всевышним. После этого он вошел в храм и долго простоял там в молчании. Несколько находившихся в соборе пленников-христиан он отпустил на свободу. На следующий день начался раздел захваченной добычи.

Вопреки сложившемуся на основе греческих описаний представлению о разрушении Константинополя победителями, следует признать, что далеко не всё оказалось разрушенным. Представители власти ряда кварталов города, имевших собственные внутренние стены, узнав о появлении турок в Константинополе, благоразумно открыли ворота и сдались победителям. Благодаря этому были сохранены многие церкви города. А ко второму по величине и почитанию храму Константинополя — собору св. Апостолов — Мехмед II послал охрану, и он остался неразграбленным³²⁸.

В первую же пятницу после захвата византийской столицы в превращенной в мечеть церкви св. Софии была прочитана хутба с упоминанием имени султана. В город был назначен субаши. Во все стороны были посланы гонцы, призывавшие поселиться в домах завоеванного Константинополя, который получил у турок название Истанбул (Стамбул), и сюда в скором времени прибыли переселенцы из разных мест³²⁹. Именно тогда целые кварталы оказались занятыми людьми, прибывшими из какого-либо одного места, по которому эти кварталы и получали свои названия. В кварталах Кючюк Караман и Бююк Караман поселились, например, выходцы из Караманского бейлика. Ашык-паша-заде описывает довольно любопытный конфликт, разразившийся тогда же между новопоселенцами и султаном. Султан передавал поселенцам дома с придомными участками на условиях аренды (мукатаа), а не в полную собственность (мюльк), что вызывало у приехавших в Стамбул жалобы: «Вы оторвали нас от наших родных мест, поселили в эти дома неверных. Что же, вы привезли [нас], чтобы [мы] снова лишились своих домов?» Везир Мехмеда II, Шехабедин-паша, уговорил султана передать дома переселенцам на правах полной собственности. При этом он сослался на практику предшествующих султанов: «Твой отец, твой дед, мой счастливый султан,

завоевали столь много земель и нигде не учреждали [при этом] мукатаа, а [потому] и моему повелителю делать этого не следует». Только после этого Стамбул, по словам Ашык-паша-заде, начал снова заполняться жителями³³⁰. Однако со временем в Стамбуле, по совету везира Мехмеда II Махмуд-паши, выходца из знатного греческого рода, дома все же стали передаваться в аренду.

Ибн Кемаль пишет, что переселившиеся в дома и дворцы Константинополя турки были обложены годовым налогом на недвижимость, которая в целом составила огромную сумму в 2 млн. золотых. По мысли Мехмеда II, это должно было способствовать справедливому заселению городских зданий. Бедным оказалось не по карману занимать великолепные резиденции, в которые они сначала въехали, и они были вынуждены покинуть их и поселиться в более скромных домах. Богатые же получили возможность занять дома побогаче. После этой операции годовая подать на недвижимость была отменена³³¹.

Завоевав Константинополь, Мехмед постарался сразу же придать ему внешний вид мусульманского города. Здесь начали строиться мечети, медресе, странноприимные дома, обустриваться культовые места поклонения. Было воздвигнуто тюрбе над предполагавшимся местом захоронения Абу Эйюба — одного из сподвижников Пророка. По преданию, Абу Эйюб принял участие в первой осаде арабами Константинополя (674—678), был убит под его стенами и здесь же похоронен. Как сообщает Ибн Кемаль, могилу Абу Эйюба «нашел» один из известных улемов Мехмеда II, принимавший участие во взятии Константинополя, Ак Шемседдин. Обнаружению могилы сподвижника Пророка османские хронисты придали характер мистического события, случившегося благодаря ясновидению благочестивого Ак Шемседдина. Однако ему, скорее всего, было хорошо известно ее местонахождение. По рассказам арабских авторов, могила почиталась константинопольскими греками как могила святого еще в XIII в. Над ней в засуху христиане возносили молитвы о ниспослании дождя. Могила Абу Эйюба стала считаться третьим по значению местом паломничества в мусульманском мире³³².

Овладение мировым центром восточного христианства, древним богатым городом на пересечении сухопутных и морских

торговых путей, высоко подняло авторитет Мехмеда II как мусульманского правителя. В Каире взятие Константинополя было расценено как победа всего мусульманства и в то же самое время как появление сильного политического соперника на Ближнем Востоке. Мамлюкские авторы отметили в своих сочинениях, что османские правители официально ранее не носили титулов «малик» (царь) и «султан». В своей переписке с османскими правителями мамлюкские султаны именовали их эмирами или хункярами (худавендигярами), т. е. владыками (государями). Арабский автор Ибн Ийас пишет, что Мехмед II первым из османских правителей начал официально называть себя султаном, тем самым претендуя на равное с мамлюкскими султанами положение в мусульманском мире³³³. Своей победой Мехмед ввел себя в ряд культурных мусульманских правителей. То, что было важно еще для его отца Мурада II, помнившего о своих огузских корнях и почитавшегося «мудрейшим из рода огузских ханов», родовую ветвь которого славословили как «более благородную и древнюю ветвь, чем ханский род Чингиза и все прочие»³³⁴, уходило в прошлое, теряло прежний смысл для Мехмеда, вошедшего с завоеванием Константинополя в круг великих исламских правителей.

Имея мирные договоры с соседними владельцами, Мехмед вместе с тем вовсе не собирался отказываться от политики дальнейшей экспансии и завоеваний. В них была сделана лишь маленькая передышка, во время которой залечивались нанесенные турецкой армии раны и восстанавливалась ее боевая мощь. Это было триумфальное время для молодого султана (завоевателю Константинополя исполнился всего лишь 21 год). Двор Мехмеда в Эдирне посетили послы Георгия Бранковича — деспота Сербии, посольства деспотов Морей — братьев Димитрия и Фомы Палеологов, императора Трапезунда Иоанна IV Комнина, владельца Мингрелии и Имеретии Дадиани, владельца островов Лесбос и Тасос Дорино Гаттилузи и его брата, владельца Эноса (совр. Энез) Паламеде, прибыли также послы от хиосской Маоны и от великого магистра ордена иоаннитов. Мехмед потребовал, чтобы все они признали его сюзеренитет с назначением суммы ежегодной дани.

Вскоре после завоевания Константинополя Мехмед направился против владельца Эноса, портового города, славившего-

ся своими солеварнями, приносящими годовой доход в 60 тыс. акче³³⁵. Город, которым к этому времени владел брат Дорино Гаттилузи, Паламеде, был осажден турками с моря и с суши. Продвижение турецкой армии к Эносу проходило в исключительно трудных условиях. Жара сменялась резким холодом, зима, оказавшаяся первоначально столь мягкой, что зацвели обманутые погодой деревья, затем разразилась обильными снегопадами, завалив горные дороги толстым слоем снега. Янычары и азебы особенно страдали от снежных заносов, однако проявляли удивительную выносливость и выдержку, покорно преодолевая ставший труднопроходимым путь. Янычары не роптали. Авторитет Мехмеда II после завоевания Константинополя был чрезвычайно высок. К тому же они хорошо помнили урок, преподнесенный им во время совсем недавнего караманского похода, когда их бунт был подавлен твердой рукой девятнадцатилетнего правителя. Ибн Кемаль пишет, что янычары двигались впереди султана, расчищая для него дорогу от снега, доходившего им до груди. Непрекращавшиеся снегопады делали красные шапки азебов неразличимыми от белых янычарских. Несмотря на все трудности, Мехмед не повернул назад и дошел до Ипсалы, где было произведено общее построение войска, а затем армия двинулось дальше. По пути, без оказания какого-либо сопротивления, ей сдавались небольшие местечки, еще не подпавшие под власть турок³³⁶. Когда турецкое войско подошло к Эносу, его владетель находился уже на о. Самофракия во дворце своего отца. Он даже не попытался помочь осажденным, которые были вынуждены сдать город практически без сопротивления³³⁷.

По сообщениям османских историографов, Энос был формально оставлен в руках христианского правителя, однако в нем были поселены турки, а в находившуюся напротив Эноса островную крепость Тасос (Фасос) Мехмед поставил турецкий гарнизон³³⁸. Турецкий флот занял принадлежавший Паламеде о. Имрос (совр. Имроз), где наместником султана стал известный византийский историк Критовул, а также Самофракию. Турецкий флот, хотя и довольно многочисленный, был еще недостаточно силен для того, чтобы захватить и контролировать все острова Архипелага, и Мехмед II признал правителя Наксоса Гильельмо II герцогом Архипелага, заключив с ним договор, по

которому Наксос обязывался выплачивать османскому султану ежегодную дань³³⁹.

Турецкие завоевания были выгодными экономическими предприятиями, которые приносили большой доход казне, пополнявшейся как за счет поступлений от сбора налогов, так и за счет поступления дани с вассальных правителей.

Весной 1454 г. Мехмед отправился в свой первый поход против Сербии. По сообщению Ашык-паша-заде, к этому его побуждал пограничный бей Иса, сын анатолийского бейлербея Исхак-паши, стремившийся воспользоваться выгодно сложившимися для этого политическими обстоятельствами³⁴⁰. Исхак-паша еще при Мураде II возглавлял войска сипахи в пограничных с Сербией землях. В лице Иса-бея и его отца Исхака мы видим остатки старой потомственной военной (сипахийской) аристократии, всегда игравшей заметную роль во внешнеполитических (и часто внутривосточных) делах Османского государства, побуждавшей османских правителей, иногда против их воли, вести активную завоевательную политику. И идея расширения границ во имя ислама если и играла в этом определенную роль, то вовсе не главную. Сохраняла свою силу старая традиционная для тюркского социума идея территориальной экспансии, столь важная для поддержания авторитета правителя. Однако эта (и любая) зависимость от воли своей военной верхушки не устраивала нового султана — Мехмеда II, любившего власть и при этом власть единоличную. После захвата Константинополя Мехмед казнил многих везиров своего отца и представителей старой племенной аристократии, сделав ставку на выходцев из рабов — новообращенцев, преданно служивших лично ему. К ним относился, например, назначенный им великим везиром Заганос-паша.

Войско Мехмеда II, начавшего поход против Сербии, соединилось с пограничными отрядами Иса-бея в районе Ускюба. Здесь Исе было поручено совершить набег на Ново Брдо. Его отцу, Исхак-паше, поступил приказ осадить сербскую крепость Островиц, где оставалась казна Георгия Бранковича, бежавшего с семьей в Венгрию. Сам Мехмед с румелийским войском направился к крепости Смедерево, которая была великолепно укреплена. Турки использовали всю силу своей артиллерии для разрушения внешних крепостных стен и неустанно наполняли

крепостной ров земель и камнями, готовясь к штурму. Однако все их усилия оказались тщетными. Внутренняя крепость Смедерево, так и не была ими взята. Будь у Константинополя такая же внутренняя цитадель, возможно, устоял бы и он. 16 ноября 1454 г. у Ново Брдо Мехмеду с большим трудом удалось разбить лишь немногочисленный сербский отряд, сражавшийся с редким героизмом. Сами турки, по рассказу Константина из Островицы, поражались стойкости сербов и говорили, что если бы они сообща напали на армию Мехмеда, то она была бы разбита. Ограничившись разграблением сербских земель и поделив добычу (турки захватили в Сербии 50 тыс. пленников), Мехмед возвратился в Эдирне и заключил мирный договор с сербским деспотом Георгием Бранковичем. Последний обязался посылать в казну османского султана по 3 млн. акче в год³⁴¹. Султан отобрал из числа захваченных пленников несколько сот юношей, которые были зачислены в аджеми огланы и отправлены к «туркам» в Анатолию для последующего зачисления их в янычарский корпус. Среди этих юношей оказался и Константин из Островицы, впоследствии описавший свою службу у турок в сочинении, известным под названием «Записки янычара». Он описывает свой путь из Сербии в сопровождении турецких стражников, попытку побега в землях Болгарии и наказание, которому его за это подвергли (связав, волочили за лошадыми)³⁴².

Вскоре после первого Мехмед совершил свой второй поход (1455) против Сербии, на этот раз захватив Ново Брдо, Кратово, Баницу, богатые серебряные рудники и огромную добычу. Во время этого же похода Иса-бей совершил со своим пограничным войском набег на Боснию, который принес им богатую добычу в виде драгоценной утвари, скота и пленных³⁴³. Крепость Ново Брдо была осаждена и сдалась на 40-й день осады после интенсивного обстрела ее стен артиллерией³⁴⁴. Турки присоединили таким образом к своим владениям южную часть Сербии до Крушеваца. Посланный Бранковичем в Вену и в итальянские государства посол тщетно просил помощи у немецких князей и итальянцев. Бил тревогу Сенат Дубровника, потерпевший с захватом Сербии большой ущерб для своей торговли. В посланном письме римскому папе Каликсту III было сказано: «Турки занимают территорию светлейшего господина деспота (Бранко-

вича. — *И. П.*), который является для нас источником денег; нашим купцам перекрыты пути»³⁴⁵. Всем было ясно, что Мехмед не остановится и следующей его целью станет Белград.

Весной 1456 г., собрав стотысячную армию, Мехмед направился через Болгарию и Сербию к венгерскому Белграду (Нандорфехервар). Для овладения этой неприступной крепостью на Дунае требовалось большое число осадных орудий. В Ускюбе с этой целью была произведена выплавка пушек. Пушки были отлиты для этого похода и в Грошеваце, а затем реками доставлены на место³⁴⁶. По-видимому, испытывая в это время нехватку меди, турки переплавили на металл даже медные скульптуры лошадей, украшавшие Константинополь, медные кресты и колокола³⁴⁷.

Никто в Европе не пришел на помощь венграм. Напрасно римский папа взывал к католическим странам, хлопоча о создании антиосманской лиги. Венгрия оставалась с турками один на один. Знаменитый Янош Хуньяди смог первоначально собрать войско лишь в 10 тыс. человек. Отчаявшийся папа Каликст III объявил крестовый поход против турок и послал в Венгрию францисканца Джованни да Капистрано, чьи вдохновенные проповеди, переведенные на венгерский язык, помогли собрать в Южной Венгрии еще 20 тыс. воинов-крестоносцев, которые направились к Белграду. В подготовке крестоносного похода участвовал и папский легат — воинственный кардинал Хуан Харвахал³⁴⁸.

Белград оказался крепким орешком для армии Мехмеда. Осада началась в июле 1456 г. Туркам противостоял немногочисленный гарнизон. Турецкая кавалерия начала действовать в округе города, а тяжелые осадные орудия, управляемые янычарами-топчи, приступила к обстрелу его мощных крепостных стен.

На созванном военном совете румелийский бейлербей Дайи Караджа-паша предложил переправить свое войско на другой берег Дуная, чтобы дать бой армии Хуньяди, движущейся к Белграду. Однако румелийские акынджи и санджак-беи не согласились с этим планом. «Кто-то будет брать Белград, а нам таскаться по землям?»³⁴⁹ — заявляли они, и это показывает действительное отношение турок к войне, рассматривавшейся прежде всего как выгодное экономическое предприятие. Несмотря

на многодневный обстрел стен крепости и проделанные бреши, янычарам не удавалось взять их штурмом. С одной стороны Белград защищен водой — в месте слияния двух рек, Савы и Дуная, — и штурм его в этом месте был невозможен. Белград обложили турецким войском, расположившимся со стороны суши в несколько эшелонов. Турки упорно пробивали достаточно большие бреши, чтобы прорваться внутрь города. Несмотря на все трудности осады, Мехмед не намеревался ее снимать, отдав приказ продлить артиллерийский обстрел еще на 2 недели. Янычарский ага Исмаил настоятельно советовал султану провести решительный штурм, который состоялся 21 июля, однако он не принес желаемого успеха. Во время него погибло огромное число янычар. Артиллерист Константин из Островицы, участвовавший в сражении, пишет, что видел, как янычары бежали из города, куда они было уже прорвались, и как по ним стреляли защитники крепости, убив очень многих, а некоторых изрубив в преследовании³⁵⁰. Много не складывалось для турок во время этой осады: однажды защитникам города ночью удалось поджечь осадную технику, которая на ночь была укрыта соломой³⁵¹.

Защитники Белграда оборонялись исключительно искусно и мужественно, постоянно совершая неожиданные вылазки из крепости. Во время одной из них едва не погиб сам Мехмед II, оказавшийся на какой-то момент без своей янычарской охраны. Только личная храбрость спасла султана, который, увидев, что находится с одним лишь янычарским агой, собственной саблей проложил себе дорогу сквозь строй атакующих. Янычарский ага, чувствуя свою вину перед султаном, сам бросился в атаку и погиб под ударами сабель³⁵². Мехмед был только ранен.

Белград спасло явившееся войско Яноша Хуньяди. Одновременно с ним к Белграду подошла и его речная флотилия. Поджидавшие подхода Хуньяди в Видине на Дунае турецкие суда вступили с ней в бой, но были разбиты.

Войско Хуньяди удачно атаковало турок. Помощь была оказана и защитникам крепости — Янош имел возможность посылать своих воинов в город. Все это придало дополнительные силы осажденным. Халкокондил пишет, что султан был недоволен действиями своих янычар, не проявивших, с его точки зрения, должной храбрости. Янычарам никак не удавалось подо-

браться к крепостным стенам — защитники Белграда стреляли по ним столь метко, что неизменно обращали в бегство³⁵³.

Во время развернувшегося генерального сражения между турецкой армией и войском Хуньяди, в котором находились венгры, чехи и немцы, турки потерпели сокрушительное поражение, потеряв 300 пушек. Огромны были и людские потери. Победители называли цифру (конечно, преувеличенную) в 24 тыс. человек. Во время сражения под стенами Белграда погиб румелийский бейлербей Дайи Караджа-паша. Уходило поколение военачальников, не связанных с системой капыкулу (придворных рабов, назначавшихся султаном на должности в силу их личной преданности). Раздосадованный Мехмед был вынужден снять осаду с Белграда и уйти из-под стен города. По окончании этого неудачного похода султан приказал казнить некоторых своих везиров и военачальников.

Вскоре после осады Белграда во время эпидемии чумы умер Янош Хуньяди, победа которого на 70 лет предохранила Венгрию от турецкого нашествия. Но ничто уже не могло спасти Сербию от окончательного завоевания.

Внешняя политика Мехмеда не ограничивалась одними лишь завоеваниями. Много решалось с помощью договоров и соглашений. Так произошло с Дубровником в 1458 г., со Смедерево в 1459 г. и с Афинским герцогством (1456 г.), красота правителя которого, флорентийца Франко, восхитила султана и на четыре года отсрочила полное вхождение герцогства в состав Османского государства. Четыре года Франко продолжал управлять Фивами, но затем был убит. Его владения Мехмед аннексировал, а сыновей взял в янычары³⁵⁴. Мехмед был не только воином и ценителем европейских военных технологий, на службу к которому приезжали военных дел мастера из всей Европы, но и ценителем живописи, о чем свидетельствуют его прижизненные портреты, созданные итальянскими мастерами кисти. А на написанном в конце его жизни, в 1480 г., турецким художником Синан-беем, турецкий султан изображен с поднятым цветком (розой?) в руке.

Однако война и завоевания оставались главным делом жизни этого во многих отношениях выдающегося султана и яркой личности. В 1458 г. большая армия во главе с великим везиром Мехмеда II Махмуд-пашой была послана Мехмедом на завоева-

ние ряда сербских крепостей. Между Нишем и Скопье осенью 1458 г. состоялись переговоры великого везира с послами из Дубровника, над которым нависла непосредственная турецкая угроза. Послы вручили Махмуду богатые подарки в виде серебряной утвари, обещав единовременную сумму в 500 дукатов и ежегодные подношения в 200 дукатов. Все это имело тот результат, что Дубровник получил желаемую грамоту от имени султана Мехмеда, согласно которой республике Дубровник было разрешено вести свободную торговлю — с обязательством выплачивать османскому правителю ежегодную дань в полторы тыс. дукатов³⁵⁵.

В 1459 г. турками была окончательно завоевана Сербия. В Смедерево, которым ко времени завоевания турками уже владел боснийский князь Томаш, разместился гарнизон из янычар и азебов³⁵⁶. Этому предшествовал поход Мехмеда II в Морею, предпринятый им в 1458 г. С 1454 г. вечно ссорившиеся и борющиеся друг с другом братья Палеологи платили Мехмеду ежегодную дань. Деньги, как формально считалось, были платой за военную помощь грекам турецкого наместника Фессалии Турахан-бея. Последний во время восстания албанцев принудил их подчиниться власти деспотов Мореи. Однако власть последних была эфемерной. Через голову Палеологов феодальная знать Пелопоннеса обратилась к Мехмеду II с просьбой признать их привилегии. Мехмед поддержал эти претензии. В декабре 1454 г. в диване Мехмеда была составлена грамота на греческом языке, где были перечислены греческие аристократы, наделавшиеся целым рядом привилегий, сохранять которые, по своему легковесному обычаю, Мехмед поклялся Кораном и своей саблей. Взамен этого морейская знать признала свой вассалитет от турецкого султана³⁵⁷. Это была попытка договориться с завоевателем Константинополя с учетом узко классовых, эгоистических интересов, помешавшая созданию единого фронта для борьбы с турецкой опасностью.

Димитрий Палеолог пытался, в свою очередь, следовать старой проверенной политике задабривания османских правителей, послав к Мехмеду послов с денежными дорами. Однако у турецкого султана уже были далеко идущие планы в отношении Мореи, и эта акция не возымела своего обычного действия. Судьба Мореи была предрешена. Димитрий не оказывал во-

енного сопротивления вошедшей в Морею армии султана. Турецкое войско без труда преодолело защитные сооружения на Коринфском перешейке и приступило к осаде Коринфа. Турки давно поняли огромное значение артиллерии и заботились о ее постоянном пополнении. При этом тащить тяжелые пушки на большие расстояния бывало слишком затруднительно, и в ряде случаев их отливали прямо на месте. Под стенами города из привезенной меди были отлиты «четыре разрушительных пушки»³⁵⁸. Осадные орудия, ядрами для которых послужил мрамор античных построек, непрерывно обстреливали крепостные стены Коринфа, однако взять крепость не удавалось. Город оставался в осаде несколько месяцев и открыл свои ворота лишь по настоянию коринфского епископа³⁵⁹.

Во время этого же похода турками были взяты Патрас (здесь турецкой армии противостоял отряд в 6 тыс. человек), Аргонида, Леонтарион и Каритена, столица брата Димитрия, Фомы. Во всех завоеванных городах были оставлены гарнизоны, в которые неизменно входили янычары.

Возвращаясь с войском в свою столицу, Мехмед специально задержался в Афинах, чтобы осмотреть город, историю которого он хорошо знал. Как тут не вспомнить благоговейное длительное созерцание султаном внутреннего убранства собора св. Софии при взятии им Константинополя. Турецкий султан не был невежественным варваром. Многие свои «европейские» знания он получал от итальянского еврея Джакомо из Гаеты, служившего врачом при его дворе³⁶⁰.

Победы Мехмеда в Морее встревожили венецианцев, опасавшихся за свои владения в Негропонте (о. Эвбея), и они поспешили прислать султану своих послов с богатыми дарами³⁶¹. Однако Мехмед не предпринял против венецианцев никаких враждебных действий — он умел рассчитывать свои силы. Перезимовав в Эдирне, следующей весной Мехмед вновь появился со своим войском в Морее, где овладел целым рядом оставшихся незахваченными крепостей.

Поводом для нового похода стало восстание Фомы, поддержанное частью пелопоннесской знати. Оно переросло в гражданскую войну между греками, так как Димитрий придерживался протурецкой ориентации. Даже после того как турецкая армия вступила в Морею, Палеологи не прекратили борьбу

между собой³⁶². Все это значительно облегчало завоевательные операции Мехмеда II. Но лишь после третьего своего похода в Морею, состоявшегося в 1460 г., Мехмед полностью овладел ею, захватив Мистру, столицу Димитрия. Сам Палеолог отдался на милость победителя и ему была сохранена жизнь³⁶³. Есть основания полагать, что всему этому предшествовал тайный стговор Димитрия с Мехмедом. Кривовул писал, что все «было разыграно для показа, а втайне все уже было договорено, решено и сделано». 30 мая 1460 г. Мистра была сдана туркам³⁶⁴. Фома Палеолог покинул Пелопоннес и бежал на о. Корфу.

После падения Мистры греческие крепости сдавались одна за другой и лишь гарнизон Сальменикона, небольшой крепости неподалеку от Патр, оказал туркам героическое сопротивление. Город был уже взят, а ее комендант, Константин Палеолог Грайтца, держался в акрополе до июля 1461 г., взывая к итальянским владетелям о помощи. Мужество гарнизона Сальменикона вызвало уважение султана. Защитники крепости получили после взятия акрополя свободу, а везир Мехмеда II заявил, что Грайтца оказался единственным настоящим мужчиной во всей Морее³⁶⁵. Однако справедливости ради следует сказать, что и многие другие крепости Пелопоннеса оказали туркам серьезное сопротивление (Флиос, Акова, Астрос и ряд других). Их защитники были убиты или уведены в плен³⁶⁶.

Завоевания первых лет царствования Мехмеда II, сопровождавшиеся взятием крепостей, где главную роль играли янычарская пехота и янычарская артиллерия, приносили огромные потери в живой силе именно среди янычар. Это заставляло Мехмеда заботиться о пополнении янычарского корпуса. Огромное число пленников бралось с целью возмещения этих потерь. Так, захватив лишь одну из крепостей в Морее, Сальменикон, Мехмед записал в янычарский корпус 900 мальчиков³⁶⁷. Ашык-паша-заде в своем труде отмечает, что все завоевания сопровождалось пленением значительного числа людей³⁶⁸.

Совершив все реально осуществимые на тот момент завоевания в Европе, Мехмед обратил свой взор на Азию. Малоазийские бейлики, сохранявшие остатки своей былой политической самостоятельности, казались султану легкой военной добычей. Государственная политика османских правителей, формировавшаяся в ранний период в немалой степени на основе традиционной

идеологии территориальных захватов и идей газавата, внешне мало изменилась. Формируясь на основе привычной идеологической базы, она по-прежнему выдвигала на передний край лозунги «борьбы за веру», но по сути уже давно диктовалась практическими политическими интересами и обстоятельствами, на деле лишь формально связанными с религиозным фактором (хотя его влияние иногда бывало велико).

Обратив свой взор на восток, Мехмед прежде всего окончательно подчинил себе остатки бейлика Джаник — Кастамону и Синоп, совершил завоевание греческой Трапезундской империи, вступил в борьбу с тюркским государством Ак Коюнлу. Завоевания в Азии сопровождались переселением значительных масс людей. Как правило, местное население перемещалось на жительство в западные районы Малой Азии или в Румелию, а место уехавших занимали турецкие переселенцы. Захватив в 1461 г. Кастамону с Синопом, Мехмед переселил местных сипахи и бея бейлика Джаник Исмаила в европейские земли³⁶⁹. Это вызывалось причинами политического характера. Мехмед II учитывал опыт прошлого, связанный с подчинением османской власти эгейских тюркских бейликов. Политическая ненадежность их владетелей, лишенных власти, готовность их сипахи в любой момент поддержать политические притязания своих прежних сюзеренов, никогда не забывавших о своей государственности, их частые восстания заставляли Мехмеда II по-новому строить свою политику в отношении сипахи покоренного Джаника. С помощью переселений достигались их разобщение, отрыв от родной почвы и населения, готового поддержать своих прежних правителей. Знаком подчинения бейлика Джаник османской власти служило то, что в захваченных землях появились турецкие гарнизоны из числа капыкулу³⁷⁰.

Вместе с тем овладение бейликом Джаник было предопределено гораздо более важной для Мехмеда задачей — захватом богатой и антиосмански настроенной греческой Трапезундской империи, осколка великой Византии. В сущности это являлось основной целью турецкого султана, которая вынуждала его убраться со своего пути тюркский бейлик Джаник, мирный и ничем ему не угрожавший. Уже в 1456 г. турецкие отряды начали совершать набеги на трапезундские владения. Однако император Трапезундской империи Иоанн IV Комнин обязался

уплачивать туркам ежегодную дань в размере 3 тыс. золотых монет и тем самым на время сохранил свою власть. Он понимал, однако, что после взятия турками Константинополя, ему дана лишь отсрочка. Иоанн IV, заполучивший престол с помощью убийства собственного отца, был готов пойти на любые средства для сохранения своей власти. Он попытался составить антиосманскую лигу из христианских и мусульманских владетелей, как и он, боявшихся турецкой экспансии. Иоанн хотел, чтобы в коалицию вошли грузинские князья и Узун Хасан, глава тюркского государства Ак Коюнлу. В предках у Узун Хасана было много христиан. Его бабашкой с отцовской стороны была греческая трапезундская принцесса, а матерью — знатная христианка из Северной Сирии. И сам он взял в жены красавицу Феодору, дочь Иоанна. Однако планам этим не суждено было осуществиться из-за смерти Иоанна Комнина в 1458 г. Регентом при его малолетнем сыне Алексее был назначен брат Иоанна Давид, который был избран императором Трапезундской империи. Из письма Давида Филиппу Бургундскому от 29 апреля 1459 г. известно, что Давид хотел отдать в жены Узун Хасану свою племянницу — в целях привлечения его в антиосманскую лигу. В этом случае, как надеялся Давид, в его распоряжении были бы собственные 20 галер и 20-тысячное войско, а также 50 тыс. воинов Узун Хасана и 60 тыс. — грузинского царя Георгия VIII. В своем письме Давид называет нескольких грузинских князей, готовых предоставить ему свою военную помощь. Он также надеялся получить ее от караманского бея и бея Синопа Исмаила³⁷¹.

Дипломатическая активность Давида, скорее всего, не являлась тайной для Мехмеда и во многом спровоцировала его поход на Трапезунд. К этому следует добавить, что Давид попросил Узун Хасана провести переговоры с Мехмедом об отмене ежегодной дани. Послы Хасана, отправившиеся к султану, вели себя крайне высокомерно, потребовав чтобы на 60 лет турки отказались от взимания ежегодной дани. Такое поведение Ак Коюнлу было расценено как открытый вызов султану³⁷².

Отправляясь в свой малоазийский поход, Мехмед взял с собой огромное войско, насчитывавшее около 150 тыс. человек³⁷³. Движение его армии сопровождалось постоянными нападениями со стороны участников антиосманской коалиции. Турки

испытывали нехватку продовольствия, дорога шла через гористую местность, иногда через болота. К тому же сезон оказался на редкость дождливым. «Вода была коням по брюхо», — писал участник похода Константин из Островицы³⁷⁴. Янычары мужественно переносили все тяготы путешествия. Они проявили чудеса дисциплины, когда однажды в пути один из вьючных верблюдов свалился с горной дороги вместе с груженными на него сундуками. Падая, сундуки разбились, обнаружив свое содержимое. Им оказались золотые монеты султанской казны. По рассказу Константина из Островицы, увидев это, янычары с обнаженными саблями тотчас же выстроились рядами для охраны рассыпавшихся сокровищ. Шел сильный дождь. На узкой горной дороге образовался затор. Подъехавший султан, узнав о причине случившегося, приказал брать деньги любому желающему, чтобы как можно скорее возобновить движение. Мгновенно все золотые монеты были разобраны, «так что земля стала черной, ибо брали, кто как мог, с травой и гнилью, один вырывая у другого»³⁷⁵.

Однако не следует преувеличивать первоначальное бескорыстие янычар, ибо они понимали, что рассыпавшиеся монеты предназначались для выплаты жалованья в первую очередь им самим. Об отношении янычар к султану Мехмеду говорит рассказ Константина из Островицы о трудностях перехода через горы. Горные дороги из-за дождей совершенно развезло и ехать на лошадях при спусках и подъемах становилось просто опасно. Бывало, что янычары на руках несли султана. Скверное состояние дорог делало крайне трудным и спуски вьючных животных. В этих условиях Мехмед «попросил янычар, чтобы они взяли на себя труд по сопровождению верблюдов». Константин описывает, как янычары были вынуждены «всю ночь возиться с верблюдами», пока не привели их к месту предполагаемой стоянки. За свои труды они, впрочем, были щедро вознаграждены. По приказу Мехмеда, янычарам было роздано 50 тыс. золотых монет, а янычарские офицеры, яябаши, получили прибавку к жалованью³⁷⁶.

Описывая тот же поход, Ашык-паша-заде сообщает, что Мехмед вынужден был преодолевать горные дороги близ Трапезунда спешившись. Великий поборник священной войны за веру, Ашык-паша-заде не забывает заметить, что все тяготы по-

хода были перенесены ради победы ислама и вкладывает в уста Мехмеда II следующие слова: «Все сии тяготы — ради [торжества] веры, ради того, чтобы заслужить благосклонность Аллаха, когда [наступит час] предстать пред ним на том свете»³⁷⁷. Без сомнения, так это понималось не только хронистом Ашык-паша-заде, но, вероятно, и самим султаном, ни на минуту не забывавшим о своей миссии истинного мусульманского правителя. Когда на переговоры с ним с дарами прибыла мать Узун Хасана, Сара-хатун, и высказала мысль о том, что Трапезунд не стоит предпринимаемых султаном усилий, Мехмед ответил, что ему было бы стыдно не тратить силы во имя веры, когда в его руках меч ислама³⁷⁸.

Осажденный турками с моря и суши Трапезунд сдался 15 августа 1461 г. Этому предшествовали попытки переговоров. Великий везир Мехмеда новообращенец Махмуд-паша был сыном сербского князя и знатной трапезундки. Он послал в Трапезунд (*тур.* Тарабузон, Трабзон) своего секретаря — грека Фому Катаволину — с просьбой сдать город. О том же просили осажденных и другие, в том числе Сара-хатун. И хотя сильная крепость Трапезунда позволяла оборонять его несколько недель, город был сдан. Никто из союзников Давида не поспешил оказать ему военную помощь. Городская знать Трапезунда была отправлена морем в Стамбул, а простые горожане переселены в другие места, а частично обращены в рабство³⁷⁹. Окрестности Трапезундской столицы были опустошены рейдами турецких отрядов, как всегда, взявших богатую добычу. Часть захваченных в Трапезунде мальчиков (800 человек) была забрана Мехмедом для нужд янычарского корпуса, часть греков попала в число его личных слуг. В Трабзоне был оставлен военный гарнизон из янычар и азебов³⁸⁰.

Мехмед с войском провел зиму в захваченном городе. Нечего было и думать о возвращении в столицу после столь тяжелого похода. В завоеванном османами городе оставалась лишь треть его прежних жителей. Это были простолюдины, жившие в отдельном квартале. Знать Трапезунда, как уже указывалось, по условиям договора, переехала в Константинополь. Сыновья знатных фамилий, физически сильные и обладавшие привлекательной внешностью, были отобраны для помещения их в дворцовую школу ич огланов, в этот питомник высших должностных лиц

Османского государства. В покинутые греками дома вселились мусульмане, а императорский дворец занял турецкий наместник³⁸¹.

Военная деятельность Мехмеда требовала значительных средств. При этом основной статьей расходов была выплата жалованья янычарскому войску и другим регулярным подразделениям. В то же самое время и сипахи, турецкие феодалы, обязанные принимать участие в походах, несли большие расходы по исполнению своих военных обязанностей и постоянно нуждались в деньгах. Их доходы зависели от поступлений от крестьян, живших в предоставленных им тимарах. Значительную долю этих поступлений составлял поземельный налог с крестьян под названием «ресм-и чифт», или «чифт акчеси». В интересах своих сипахи, совершавших походы в «отдаленные области», Мехмед увеличил этот налог с 22 до 30 акче³⁸².

Поход Мехмеда в Малую Азию и захват им пограничной крепости Койлухисар до крайности обеспокоили правителя Ак Коюнлу — Узун Хасана, не получившего ожидаемой им помощи извне. Узнав о приближении войска Мехмеда II, Узун Хасан выслал ему навстречу в качестве почетной заложницы свою мать Сара-хатун³⁸³. Мехмед оказал ей торжественный прием, так же как и его послу Курд Шейх Хасану³⁸⁴. Ашык-паша-заде пишет, что во время осады Трапезунда войском Мехмеда мать Узун Хасана находилась в турецком лагере и даже получила в виде подарка часть захваченной добычи³⁸⁵.

Несмотря на осторожное уклонение Узун Хасана от прямого столкновения с войском Мехмеда, турецкий султан попытался воспользоваться своим зимним пребыванием в захваченном Трапезунде, организовав несколько военных операций против своего потенциального противника. Ранние османские источники ничего не сообщают об этом. Однако участвовавший в них Константин из Островицы, преследовавший в своем сочинении задачу показать возможность борьбы с турками, подробнее освещает события и пишет, что султан смог овладеть несколькими крепостями, подвластными Узун Хасану. И все же Мехмеду не удалось навязать правителю Ак Коюнлу генерального сражения в выгодных для себя условиях. Тогда Мехмед прибегнул к хитрости: он заслал в лагерь противника своего шута, рассказавшего Узун Хасану о начавшемся отступлении османского

войска из владений Ак Коюнлу. Ложь сработала, и Узун Хасан послал вдогонку армии Мехмеда войско под командованием своего сына, а затем выступил против Мехмеда и сам. Прервав ложное отступление, Мехмед на ходу развернул свою армию и вступил в сражение с войском противника. Сражение продолжалось два дня и закончилось победой Узун Хасана, у которого, кроме конницы, имелось, по примеру турок, хорошо обученное и дисциплинированное пехотное войско. В его армии отсутствовала лишь артиллерия, которую Узун Хасан просил прислать ему венецианцев, но она так к нему и не поступила³⁸⁶. Однако в данном случае наличие артиллерии оказалось бы малополезным. Исход сражения решали конница и лучники-пехотинцы, имевшиеся и с той, и с другой стороны. Константин из Островицы пишет, что «вся султанская кавалерия была наголову разгромлена, и если бы не янычары, был бы убит сам султан»³⁸⁷.

Константин рассказывает, что на обратном пути из земель Ак Коюнлу Мехмед устроил около Ангоры смотр своему войску. Глядя на стройные ряды янычар, он якобы сказал: «Если бы я мог иметь десять тысяч янычаров, я много бы отдал за это». Один из янычарских офицеров осмелился тогда произнести в ответ: «Счастливый повелитель, не десять тысяч, а двадцать тысяч надлежит вам иметь». За такой ответ находчивый янычар получил от султана 100 золотых монет³⁸⁸. Совершенно ясно, что владение многочисленным янычарским войском рассматривалось в то время Мехмедом важнейшим фактором обеспечения военных побед. В военной схватке с Узун Хасаном янычары продемонстрировали свои высокие качества гвардии, способной защитить жизнь верховного правителя.

Крупный военный успех ожидал вернувшегося в Стамбул Мехмеда в 1462 г. в Европе, где обстоятельства заставили его совершить не планировавшийся поход в Валахию. Последняя признавала над собой османский сюзеренитет с 1391 г., уплачивая ежегодную дань султану. Непременным условием демонстрации вассалитета считалось ежегодное прибытие валашского господаря к османскому двору. Правивший в Валахии Влад Цепеш (1456—1462), прославившийся своей исключительной жестокостью, за что получил прозвище «Сажатель на кол», прекратил эту практику приезда в османскую столицу.

Через своего посла он объяснил Мехмеду, что вынужден поступать так из-за боязни предательства своих бояр, стремящихся перейти под власть венгерской короны. Однако это было пустой отговоркой. Посланного к нему Мехмедом Хамзу-бея Влад приказал схватить вместе с членами всего его посольства, самого турецкого посла велел посадить на кол, а других поместить в тюрьму и, переправившись по льду Дуная со своими людьми на османскую территорию, подверг разграблению султанские владения, перебив при этом множество мусульман. Константин из Островицы и Ашык-паша-заде, независимо друг от друга, передают рассказ о том, как отрубленные носы и головы турок Влад послал в Венгрию, похваляясь своими победами над врагами христиан³⁸⁹.

Это было крайне дерзким вызовом со стороны валашского господаря. Мехмед призвал к себе его младшего брата — Раду Красивого, жившего при султанском дворе почетным заложником, и, велел облачить в платье из синей парчи, вручил ему в руки знамя как знак власти. Дав ему отряд из 4 тыс. человек, он послал Раду на границу с Валахией, к Никополю, одарив конями, золотом и шатрами, подобающими подлинному властителю. Вслед за ним с огромным войском выступил сам Мехмед II. В составе его армии, как всегда, находились янычары. Прибыв к Никополю, султан организовал ночную переправу через Дунай янычарского войска. Константин из Островицы, принимавший участие в походе, сообщает, что «султан велел дать им (янычарам. — *И. П.*) восемнадцать больших снаряженных лодок и других приспособлений: пушек, ружей, больших и малых пищалей». С наступлением ночи янычары заняли места в лодках и бесшумно, так «что звуков от весел и людей не было слышно», поплыли вниз по течению, а затем высадились на другом берегу чуть ниже, того места, где стояло войско Влада Цепеша. Здесь янычары «окопались, поставив орудия и прикрыв их вокруг большими щитами». Около себя пушкари установили дреколья, чтобы защитить себя от атак конницы неприятеля. Затем к ним на лодках переправилась другая часть янычарского войска.

Высадившиеся янычары начали приближаться к войску Влада, вооруженные пиками, оружием и щитами. Во время установления орудий на новых позициях они попали под сильный

обстрел противника и понесли большие потери. Константин пишет, что за это время «враги перебили у нас... двести пятьдесят янычар». Лишь энергичное вмешательство янычарских пушкарей, поспешивших начать интенсивный обстрел врага из двадцати «малых пушек», спасло янычар от полного истребления. Затем через Дунай были переправлены азебы и дополнительное военное снаряжение. Валашское войско предпочло отступить. Лишь тогда Мехмед с оставшейся частью турецкой армии переправился на противоположный берег Дуная. Янычары, успешно решившие важную боевую задачу, были щедро вознаграждены султаном — им было роздано 30 тыс. золотых монет. Многие янычары, юридически считавшиеся рабами, получили личную свободу, чтобы, как пишет Константин, «они оставили после смерти свое имущество, кому хотели»³⁹⁰.

В землях Валахии, однако, армию Мехмеда ожидали тяжелые военные испытания. Об этом откровенно сообщает Константин из Островицы, но предпочитает умолчать в своей хронике Ашык-паша-заде. Константин пишет, что хотя Влад располагал весьма небольшим войском, «мы очень его остерегались, каждую ночь опоясывая лагерь копьями». У валашского господаря была не только отличная конница, но и пехота, которая однажды ночью, как рассказывает Константин, напала на турецкий лагерь, перебив множество солдат. Валахи резали людей, коней, верблюдов, грабили шатры, перебив несколько тысяч человек и нанеся значительный урон армии Мехмеда. Турецкие солдаты, спасаясь от неожиданного нападения, по сообщению Константина из Островицы, искали убежища в расположении янычар, но последние, из страха самим быть перебитыми, отгоняли от себя бегущих, а некоторых даже убивали. За этим драматическим ночным нападением последовала карательная акция Мехмеда, который приказал собрать несколько сот пленных валахов и обезглавить их³⁹¹.

Османские авторы, Энвери и Ашык-паша-заде, также пишут о ночной атаке валахов, попытавшихся застигнуть турецкую армию врасплох. При этом они сообщают, что турки одержали победу. Энвери пишет о полном разгроме валахов. Из 60-тысячного войска Влада Цепеша «спаслась тысяча [человек]»³⁹². Ашык-паша-заде вторит ему и рассказывает о том, что нападение валахов не имело успеха и что спаслись лишь немно-

гие воины Влада. Вслед бежавшим валахам был послан отряд Али-бея³⁹³. Бояре, по словам Константина, видя, что «дела идут плохо, отступили от Дракулы (Влада Цепеша. — *И. П.*) и присоединились к его брату»³⁹⁴.

Известно, что крупное боярство Валахии подняло в 1462 г., во время пребывания армии Мехмеда II в Валашском княжестве, восстание против Влада Цепеша, вступив в союз с османским султаном. Получивший валашский престол Раду Красивый был послушным воле султана правителем, готовым в любой момент оказать ему военную поддержку. Крупные бояре Валахии сумели воспользоваться новой политической ситуацией в своих экономических интересах и расширить торговлю продукцией своих имений. Возросли экономические интересы и самих турок в Валахии, где они начали вести торговлю и приобретать недвижимое имущество³⁹⁵. (Валашские земли в результате похода Мехмеда 1462 г. были разграблены и преданы огню, турками было захвачено огромное число пленных³⁹⁶.)

Возвратившись в Эдирне, Мехмед II почти сразу же отправился на завоевание о. Лесбос с его главной крепостью Митилена, где была использована вся мощь турецкой артиллерии. Энвери пишет, что янычарские пушкари непрерывно обстреливали крепость из «бесчисленных пушек»³⁹⁷. Подтверждает это и Константин из Островицы, сообщающий, что Мехмед взял с собой «разрушительные пушки и приспособления, стреляющие вверх и мечущие камни на города». Константин пишет, что Мехмед надеялся на внезапность своего появления у стен крепости, что отчасти сыграло свою роль, и в конце концов после долгой и упорной осады с применением крупнокалиберной артиллерии и катапульт защитники Лесбоса были вынуждены сдаться — по «договору», условий которого Мехмед не сдержал. Он приказал казнить владельца Лесбоса и защитников Митилены. Вскоре весь остров оказался в руках у турок, захвативших большую добычу³⁹⁸. На этот раз пала частица латинского христианского мира, оказавшегося неспособным оказать помощь своим единоверцам. Никколо Гаттилузи, младший сын Дорино, в борьбе за власть задушивший своего брата, передал Лесбос османскому султану и сам был задушен³⁹⁹.

Вслед за Лесбосом наступила очередь Боснии, к 1463 г. номинально зависевшей от венгерской короны. Король Боснии

Твртко II (1421—1443) выплачивал дань туркам. Однако сначала он, а затем его преемник Стефан Томаш (1443—1461) начали всё более ориентироваться на Венгрию. В июне 1444 г. Стефан Томаш признал сюзеренитет венгерского короля Владислава III и обязался выплачивать ему ежегодно 3 тыс. золотых. Однако с ростом числа военно-политических побед Мехмеда II в Боснии росло и число сторонников ориентации на турецкого султана. Постепенно все бóльшую политическую независимость начала приобретать южная часть Боснии, где находились поместья сторонника протурецкой ориентации Сандаля Хранича, которому наследовал его племянник Степан Вукчич Косача (1435—1466), при котором южная Босния признала сюзеренитет турецкого султана. В 1448 г. Степан Косача, желая обрести политическую независимость, объявил себя «герцогом святого Саввы», отчего принадлежавшая ему область получила название Герцеговина. Герцеговинский владетель вел враждебную экономическую политику по отношению к Дубровнику. Как пишет современный исследователь, ни один турецкий бей не причинил Дубровнику столько опустошений и вреда, сколько затянувшаяся на несколько десятилетий вражда с герцеговинскими магнатами Радосавом Павловичем и Степаном Косачей⁴⁰⁰. Степан Косача в конце концов попросил у турок разрешения завоевать Дубровник. Дубровчане затратили немало средств и сил (вели крупные фортификационные работы), чтобы обезопасить себя от «нового герцога» и в 1454 г. между ними был заключен мир.

Северная часть Боснии, во главе с королем Стефаном Томашевичем, занявшим престол в 1461 г., пыталась избавиться от турецкой угрозы. Стефан Томашевич обратился за помощью к папе римскому и даже получил в этой инициативе помощь Степана Вукчича, решившего (слишком поздно для него) покончить с зависимостью от турок. В крепости Яйце, где собрались представители крупнейших феодальных фамилий, на Стефана Томашевича была возложена присланная из Рима корона. Папа Пий II планировал организовать крестовый поход против турок и, надеясь на его помощь, боснийский король в 1462 г. отказался платить Мехмеду II харадж. Это послужило турецкому султану поводом к походу против Боснии весной 1463 г. Мехмед потребовал у боснийского короля через своего посла воз-

обновить выплату хараджа, пригрозив в случае непослушания военным походом⁴⁰¹.

Без сопротивления сдался турецкой армии хорошо укрепленный город Бобовац. По сообщению Константина из Островицы, Мехмед II не взял с собой в поход против Боснии пушек (видимо, из-за трудностей их транспортировки по горным дорогам). Пушки были отлиты из привезенной меди уже под стенами Бобоваца⁴⁰². В течение шести недель турки подчинили себе северную Боснию, а также часть Герцеговины. Стефан Томашевич был обманом пленен турками в крепости Ключ. Один из его слуг сообщил подошедшим к стенам крепости туркам, что здесь находится король Боснии. Турецкий военный отряд, возглавляемый Махмуд-пашой (Константин из Островицы называет его Мехмедом), окружил крепость и поклялся «на молитвенниках», что в случае сдачи Стефаном крепости жизнь ему будет сохранена. Обещание это не было выполнено.

Константин пишет, что в захваченной боснийской крепости Звечай был оставлен турецкий гарнизон из 50 янычар, при этом гарнизонным янычарам было выплачено жалование на полгода вперед⁴⁰³. Турецкая казна в это время еще сравнительно легко справлялась со своими финансовыми обязательствами перед янычарами.

О том, что Махмуд-паша заключил договор о сдаче боснийской крепости, сообщает и Ашык-паша-заде⁴⁰⁴. Османский историограф пишет, что боснийский владетель был убит по политическим соображениям, из опасений возможного будущего неповиновения. Однако при этом была соблюдена видимость законности. Мехмед потребовал по этому вопросу издания соответствующей фетвы у находившегося в его войске улема из прославленного рода Али ал-Бистами, носившего прозвание Мусанныф. На вопрос султана, имеет ли он право на кровь и имущество Стефана, тот ответил положительно, сославшись на право убивать неверных во время священной войны за веру (газа)⁴⁰⁵. Перед убийством Стефана Томашевича турки успели заставить его отдать приказ главам гарнизонов Боснии сдавать города туркам без сопротивления. Все сдавшие свои крепости были турками казнены.

Ни одна балканская страна не была подчинена турками столь легко. Боснийское крестьянство равнодушно отнеслось

к поражению своей верхушки и перемене власти, видимо, ожидая от новых властителей улучшения своего положения. В одном из своих писем папе римскому Стефан Томашевич сообщал, что турки возвели в Боснии несколько своих крепостей и «льстят крестьянам», «обещают свободу всякому из них, кто перейдет на их сторону»⁴⁰⁶. Как видим, содержание турецкой политической, а вернее, социальной пропаганды в завоевательных целях мало изменилось с XIV в., когда осажденным жителям Никеи турки обещали налоговое облегчение (см. гл. 1). Это была сознательная политика, которая и в XVI в. значительно облегчала турецкие завоевания⁴⁰⁷. Анонимный автор трактата о янычарском корпусе сохранил в своем сочинении «Мебде-и канун» рассказ о повсеместном добровольном обращении крестьян Боснии в ислам во время похода Мехмеда II и о дарованной им в связи с этим милости — проводить среди боснийских мусульман набор-девширме⁴⁰⁸.

Действия Мехмеда II в Боснии чрезвычайно встревожили венгерского короля Матьяша Хуньяди (Корвина) (1458—1490). Осенью 1463 г. он попытался нанести ответный удар по туркам и отдал приказ венгерским баронам собирать войско. К набранным 12 тыс. воинов феодального ополчения он добавил две с половиной тысячи королевских наемников и с их помощью захватил крепости Яйце и Звечай, где среди солдат османского гарнизона находился Константин из Островицы⁴⁰⁹. В северной Боснии Матьяшу Хуньяди удалось установить власть венгерской короны.

Мехмед II предпринял ответную военную акцию в 1464 г., попытавшись выбить венгров из Яйце, но потерпел неудачу. Узнав о приближении к крепости части войска Матьяша Хуньяди, Мехмед снял осаду и увел из-под ее стен свою армию⁴¹⁰. Однако отвоевать у турецкого султана Боснию венгерскому королю не удалось — в его владении остались лишь незначительные ее территории.

Папа римский Пий II, постоянно агитировавший в Европе за организацию большого крестового похода против турок, объявил, что возглавит его лично. 15 июня 1464 г. он прибыл в Анкону, где уже стояла армия, составленная из простолюдинов. Однако ни один из христианских государей к назначенному месту сбора крестоносцев не прибыл. Дождь Венеции привел

свой флот в Анкону уже после смерти Пия II, по несчастью, случившейся уже 14 августа 1464 г. С опозданием подошел и флот герцога Бургундского. Крестовый поход не состоялся⁴¹¹.

После недолгого участия Мехмеда II в 1465 г. в междоусобной борьбе, развернувшейся в Караманском бейлике после смерти его правителя Ибрахима между сыновьями покойного, где Мехмед вновь столкнулся с политическим соперничеством Узун Хасана, поддержавшего одного из братьев, османский султан объявил о начале большого похода против Албании (1466). Албания, в конце XIV—первой четверти XV в. раздробленная на мелкие княжества, враждовавшие друг с другом и соседними правителями, в 1443 г. создала Лежскую лигу албанских князей, которые под руководством Георгия Кастриоти (Скандербег) вела борьбу с османским вторжением. Борьба проходила с переменным успехом. Скандербегу иногда удавалось отвоевывать у турок крепости, с поставленными там турецкими гарнизонами, в связи с чем проводились ответные военные акции турок против албанцев. На этот раз, стремясь наказать непокорных, войско Мехмеда вступило в Албанию. Страна подверглась опустошительным рейдом отрядов акынджи, проникавших в самые удаленные уголки страны. В Албании, часть феодалов которой признала сюзеренитет турецкого султана, Мехмед приказал укрепить крепость Эльбасан, на которую было совершено нападение воинов Скандербега, и поставил там сильный турецкий гарнизон. Албания была поделена Мехмедом на два санджака и отдана в управление султанским кулам. Самому Скандербегу удалось бежать. После победного похода в Албанию Мехмед отправился не в столицу, где в это время свирепствовала чума, а в один из городков на берегу Черного моря и лишь через какое-то время вернулся в Стамбул⁴¹².

Уладив дела в Европе, Мехмед счел наконец удобным момент для нанесения удара по своему азиатскому врагу, правителю государства Ак Коюнлу Узун Хасану, и по новому главе Караманского бейлика Пир Ахмеду. Последний попытался бежать, но был выдан турецкому султану одним из своих сипахи. Турецкая армия во главе с великим везиром Махмуд-пашой совершила карательные операции против племени тургутлу и дошла до Тарсуса. Понимая, что имеет в центре Анатолии постоянный очаг сопротивления османскому владычеству, Мехмед

вновь прибег к политике высылки и переселений. Он приказал переселить в Стамбул из караманских Ларенде и Коньи семьи ремесленников. Была также совершена попытка насильственного переселения в Стамбул знатных семейств Коньи. Ашык-паша-заде пишет, что переселению подвергся даже потомок чрезвычайно почитаемого среди турок основателя ордена мевлеви Джеляледдина Руми⁴¹³. Однако султан вскоре разрешил ему возвратиться в родную старинную Конью⁴¹⁴. В столице Караманского бейлика и других крепостях Мехмедом были поставлены сильные турецкие гарнизоны.

Следующей военной задачей, поставленной Мехмедом, оказалось завоевание о. Эвбея (Негропонт), имевшего важное значение для безопасности османских владений в Европе, морских сообщений в районе Эгейского моря и торговых коммуникаций. Эвбея — морская база венецианцев в Средиземноморье — находилась под управлением Никколо да Канале, который решился на проведение против турок морской экспедиции, во время которой им был взят и разорен находившийся в руках турок Энос и некоторые другие приморские владения султана. Располагая к тому времени уже довольно сильным флотом, Мехмед поручил Махмуд-паше командование турецкими судами (флотилия Махмуд-паши состояла из 300 судов, среди которых было 108 крупных галер), препятствовавшими получению помощи главной крепостью острова, которая должна была подвергнуться осаде. По величине, оборонным укреплениям и экономическому значению Эвбея была сравнима с Константинополем. Неутомимый Мехмед с огромным войском в 1470 г. отправился в Грецию, прибыв к месту, лежащему напротив главного города острова Эвбея, — Халкису. С моря крепость уже была блокирована флотом Махмуд-паши. Через узкий пролив, отделяющий остров от материковой части Греции, туркам удалось соорудить наплавленную переправу, по которой войско и сам султан перебрались туда, где предполагалась сухопутная осада. Вокруг крепости были установлены многочисленные пушки и осадные орудия. Однако на помощь Негропонту подошли корабли Никколо да Канале. Чтобы ускорить исход дела, Мехмед прибегнул к почти магическому для турок объявлению ягма. Весть об этом удесятерила силы штурмующих и стены крепости были взяты (12 июля 1470 г.), правда, не без помощи пре-

дателя⁴¹⁵. Три дня и три ночи продолжался разрешенный султаном грабеж, который Ашык-паша-заде называет «славным»⁴¹⁶. В результате захвата Эвбеи турки укрепились в стратегически важном пункте Средиземноморья, что расширяло их будущие возможности в процессе завоеваний. Политика территориальной экспансии, непрерывного расширения сферы турецкого господства являлась главной задачей царствования Мехмеда II, и этой политики он неуклонно придерживался, не забывая о необходимости защиты уже завоеванного. При этом завоевание одной области с неизбежностью влекло за собой необходимость завоевания другой, часто порождая политические обстоятельства, которые независимо от воли турецкого правителя диктовали необходимость действий в рамках жестко установившегося алгоритма. Экспансия, за отсутствием сильных противников, породила дальнейшую экспансию.

Контрбалансом действий в Европе служили карательные завоевательные акции в Азии. За походом против Эвбеи последовал поход на восток, чему предшествовали действия турецкой армии против так и не сломленных караманцев. С войском, куда вошла и часть янычар, в Анатолию был послан везир Рум Мехмед-паша, которому оказал помощь ряд анатолийских санджакбеев. Подойдя к Ларенде, карательное турецкое войско разрушило, по сообщению Ашык-паша-заде, даже мечети и медресе непокорных караманцев, а горожан и горожанок, «женщин и юношей», подвергло страшному бесчестью, заставив раздеться донага⁴¹⁷. Это было мезьей населению города за ту поддержку, которую оно оказывало членам бывшей тюркской династии Караманоглу.

Затем турецкая армия подошла к Эрегли и разрушила его. Не помогли даже заявления его жителей, которые сообщили Рум Мехмед-паше о том, что город является вакуфом, учрежденным в пользу священного для мусульман города Медина. Не возымели никакого действия и угрозы возмездия в загробной жизни. Выступивших с подобными речами жителей Эрегли было приказано казнить⁴¹⁸. Мюнеджим-баши пишет, что Рум Мехмед-паша подверг грабежу имущество богатых людей Караманского бейлика, не забывая о себе. Однако, когда турецкое войско возвращалось обратно, словно в наказание за богопротивные дела, в одном из ущелий на него было совершено напа-

дение кочевников, отобравших у турок всю их добычу. От их рук едва спасся сам Рум Мехмед-паша⁴¹⁹.

За походом Рум Мехмед-паши последовал поход во главе с Исхак-пашой. Его армия прошла через Ларенде, Ичель и вошла в Аксарай, вынудив сидевшего там караманского бей Мехмеда, а затем и его брата Касым-бей бежать во владения Ак Коюнлу под защиту непримиримого борца с османами Узун Хасана. Мехмед II отдал приказ вывезти на жительство в Стамбул несколько знатных караманских семейств, при этом одному из братьев караманского бей, признававшему власть османского султана, была отдана в управление и кормление область Чирмен в Румелии⁴²⁰.

Сильное сопротивление караманских земель османской власти вынуждало Мехмеда вновь и вновь посылать войска в Анатолию для проведения карательных операций. Еще далеко не вся Анатолия была подчинена власти турок. Один из военачальников Мехмеда II, Гедик Ахмед-паша, был отправлен султаном на завоевание области Алайе (Аланья), которую чуть раньше безуспешно пытался захватить Рум Мехмед-паша. Независимым правителем Алайе был Лютфи-бей-оглу Кылыдж Арслан-бей. Крепость Алайи была взята Гедик Ахмед-пашой в осаду. Участвовавшие в походе янычарские топчи установили против крепостных стен города многочисленные пушки, и уstraшенный правитель города предпочел сдаться. За сдачу крепости и отказ от власти Кылыдж Арслан был одарен султаном землями в Румелии в районе Гёмюльджины. Тимары получили многие члены его семьи, в том числе и его жена⁴²¹.

Несмотря на явные успехи Мехмеда II в Анатолии, оставшиеся на свободе члены караманской династии, нашедшие убежище у Узун Хасана, не прекратили своей борьбы за восстановление своей власти. Мехмед II был вынужден повторно посылать войска в Анатолию для закрепления своих территориальных приобретений в Азии. С особой силой военное противостояние разгорелось, когда представители караманской династии собрали большое войско, объединившись с силами одного из военачальников Узун Хасана — Юсуф-мирзы. Объединенная армия, в которой имелась пехота Ак Коюнлу, подошла к Акшехиру, предварительно разграбив принадлежавший османцам Токат. Сражаться с противником пришлось сыну

Мехмеда II, Мустафе, который был поставлен отцом правителем в бывшей караманской столице — Конье. В состоявшемся сражении Юсуф-мирза, племянник Узун Хасана, был взят в плен. Его подвергли позорной процедуре, протащив на веревке, завязанной на шее, как пишет историк, — «как собаку». Пир Ахмед, отстаивавший власть караманской династии, был вынужден бежать к Узун Хасану⁴²².

Политические интересы Мехмеда II настоятельно требовали нанесения удара по главному покровителю караманской династии — государству Ак Коюнлу во главе с Узун Хасаном. Весной 1473 г. для похода против него Мехмед собрал огромное войско, куда вошли сипахи и акынджи Румелии и Анатолии. В войске было также 10 тыс. придворных сипахи и 20 тыс. азербавов. В целом численность османской армии составила 100 тыс. человек. Ашык-паша-заде сообщает, что в составе мусульманского войска было также «войско христиан»⁴²³, что означает участие в походе военных отрядов европейских вассалов султана. В походе участвовали два сына Мехмеда II — Мустафа и Баязид. Третий сын, царевич Джем, был оставлен отцом в Эдирне. Походу предшествовал рейд румелийских акынджи в район Эрзинджана, где в плен попало множество армян, земли которых были преданы разграблению⁴²⁴.

Из Сиваса, где султаном была произведена генеральная поверка (йоклама) воинов, обязанных участвовать в походе⁴²⁵, турецкое войско направилось к Эрзинджану, стремясь обнаружить противника и навязать ему сражение. Однако Узун Хасан не спешил обнаруживать свои силы. Передовой дозор османской армии постоянно следил за местностью, готовый предупредить о появлении неприятеля. В какой-то момент с неизбежностью отряды османцев и отдельные части войска Узун Хасана столкнулись друг с другом и произошло сражение, в результате которого воины Узун Хасана были обращены в бегство. Вторая встреча с противником прошла для турок не столь успешно. Глава войска акынджи Михаль-оглу Али-бей и румелийский бейлербей Хасс Мурад-паша, переправившись со своими людьми через Евфрат, неожиданно для себя попали в засаду. Мурад-паша пропал во время стычки без вести, а многие турецкие военачальники попали в плен — в их числе Омер-бей Турахан оглу, многие командиры (субаши) войска румелийских акынджи, а также сын

знаменитого османского улема Фенари Ахмед-паша⁴²⁶. Однако и после этого Узун Хасан продолжал тактику уклонения от генерального сражения, ничем не выдавая присутствия своей армии. Мехмед II направился с войском к Байбурту (северо-восточнее Эрзинджана), и только здесь две армии встретились лицом к лицу. Сражение произошло в местечке под названием Отлукбели.

В войске Узун Хасан находились два его сына — Зейнель-мирза и Угурлу Мехмед, которые противостояли на флангах сыновьям Мехмеда II — Мустафе и Баязиду. Решающую роль в победе над Узун Хасаном сыграло янычарское войско. Рассказывающий о сражении османский хронист Нешри пишет, что Мехмед II во время боя расположился со своими янычарами на небольшой возвышенности, а строй готовых к бою янычарских пехотинцев производил внушительное впечатление — головные уборы янычар украшали султаны из перьев, отчего их ряды зрительно увеличивались. Прямо напротив центра, где стоял Мехмед II, расположились воины самого правителя Ак Коюнлу, возглавляемые им лично. Как пишет Ашык-паша-заде, «счастье султана Мехмеда Гази оказалось сильнее [счастья Узун Хасана]». Однако не следует забывать и о вкладе сильной турецкой артиллерии. Мощный пушечный огонь, сопровождаемый плотным огнем из тюфенков по центру войска Узун Хасана, вынудил правителя Ак Коюнлу бежать с поля боя, что вызвало расстройство в рядах его армии. Стоявшие на правом фланге вместе с Зейнель-мирзой союзные грузинские подразделения были турками перебиты. В плен попали многие знатные воины, сражавшиеся на стороне Узун Хасана. Его сын Зейнель-мирза был убит. Честь этого важного события была приписана турками аге азевов Махмуду. В руки османов попали и многие представители религиозного авторитета, находившиеся в войске Узун Хасана, к которым Мехмед после своей победы проявил должное уважение. Все они были отпущены на свободу, за исключением сбежавшего от Мехмеда улема Синан-оглу Ахмеда, который был казнен как изменник⁴²⁷.

Сражение выиграла османская артиллерия и огнестрельные ружья, чего так и не удалось заполучить Узун Хасану у венецианцев, с которыми он вел долгие переговоры о военной помощи.

Находившемуся на левом фланге войска Ак Коюнлу сыну Узун Хасана Угурлу Мехмеду удалось бежать. Караманский бей Пир Ахмед также бежал вместе с Узун Хасаном. Мюнеджим-баши презрительно пишет в своем труде, что Пир Ахмед «научился искусству бегства от своих предков и обладал им в полной мере», вторя словам своего предшественника, хрониста Ашык-паша-заде, написавшего, что Пир Ахмед «был хорошо знаком с [искусством] бегства»⁴²⁸. Бежавший в Азербайджан Узун Хасан в 1478 г. умер, а его государство распалось на части под ударами внутренних смут и в конце концов было захвачено Сефевидами.

По возвращению в столицу Мехмед, недовольный действиями в военной кампании своего великого везира, сместил его с должности и вскоре за этим он был казнен.

За победой над Узун Хасаном последовал новый успех турок, на этот раз в Крыму. Завоевание целого ряда крымских крепостей происходило под командованием талантливого военачальника Мехмеда II, назначенного великим везиром Гедика Ахмед-паши, который отправился в 1475 г. к берегам Крыма на 300 судах, имея при себе 70-тысячное войско и сильную артиллерию⁴²⁹. Раздираемое внутренними распрями Крымское ханство казалось (и на самом деле было) Мехмеду II легкой добычей. Главной целью Мехмеда стали генуэзцы, обосновавшиеся в своих крымских колониях — Кафе (Керчь), Солдае (Судак) и др. Осада этих крепостей с помощью турецкой артиллерии, перевезенной на судах, сделали свое дело, и крымские крепости генуэзцев пали. Был захвачен турками сын покойного крымского хана Хаджи-Гирея Менгли-Гирей. Проведя несколько лет в Стамбуле, он вернулся в Крым с османской армией как крымский хан — ставленник турецкого султана, признав себя его вассалом⁴³⁰. С покорением Крыма Мехмед II расширял свою сферу влияния далеко на север, поставив под свой контроль крымских правителей, бывших политической игрушкой в руках польско-литовской короны и Папства.

Расширяя свою территориальную экспансию, Османское государство все более вовлекалось в сферу внешнеполитических отношений Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, что приводило к последствиям, которые не всегда могло предусмотреть как правительство Мехмеда II, так и сам султан. За

его завоеваниями все с большей тревогой наблюдали европейские владетели, по мере своих сил пытаясь им помешать. Воспользовавшись военной операцией турецкой армии в Анатолии против Узун Хасана, господарь Молдавии Стефан (Штефан) III приостановил выплату ежегодной дани Порте. Он совершил также нападение на валашские земли, находившиеся под управлением вассала османского султана Раду Красивого, пытаясь хоть как-то претворить в жизнь планы созданной до этого антитурецкой лиги, куда входили Папство, Венеция, Неаполитанское королевство, Венгрия и Кипр. Однако господарь Молдавии не получил помощи от своих союзников. Его выступление явилось причиной военных попыток турок укрепить власть своего вассала. Однако пограничными турецкими силами решить эту проблему не удавалось. Это вынудило Мехмеда в конце 1474 г. послать с армией в Молдавию румелийского бейлербея Хадым Сулейман-пашу.

Узнав о выступлении турецкого войска, Стефан отдал приказ об уничтожении всего на пути, по которому должен был проследовать неприятель. Жители сжигали свои села, прятали скот, зерно и фураж, а сами находили убежище в горах и лесах. Это создавало большие трудности для османского войска, испытывавшего сильный недостаток продовольствия. Военная тактика молдаван заключалась в неожиданных нападениях на группы турецких фуражиров и небольшие отряды, отделявшиеся от армии для совершения грабежей, традиционных для военных кампаний турецкой армии. Вымотанная голодом и трудностями перехода, 10 января 1475 г. она встретилась в узкой долине реки Бырлад, неподалеку от Васлуя, с армией Стефана, обладавшей гораздо меньшей численностью. Разгорелось одно из самых крупных на то время сражений турок в Европе. «Молдавское войско состояло из 40 000 плохо вооруженных, чуть ли не от сохи взятых, молдавских крестьян, 5000 венгерских солдат (главным образом секлеров) и 2000 поляков гораздо слабее турок, но тем не менее разбило их наголову; лишь немного турок уцелело, убито было 4 пашы, взято 100 знамен»⁴³¹. В связи с этой победой господарь Молдавии получил от папы Сикста IV звание «воина Христа».

За поражением турок в 1475 г. последовал поход во главе с самим Мехмедом II. Господарь Молдавии ожидал, что европей-

ские державы, вдохновленные его недавней победой над турками, окажут ему военную помощь. В обращении к европейским государям от 25 января 1475 г., вскоре после своего триумфа, он писал, что Молдавия — «ворота христианства» и что в выгодах европейских государств помочь охранять эти ворота. Однако европейские монархи ограничились поздравлениями Стефана с победой, но ничем не помогли ему. Между тем Молдавия была не слишком сильна в военном отношении. Она не обладала многочисленным войском. В целом молдавский господарь мог выставить против турок 20—25 тыс. человек⁴³². В основном это было крестьянское ополчение. В этих условиях тактика партизанской войны, примененная Стефаном во время военной турецкой экспедиции 1474—1475 гг., конечно, могла принести Молдавии военный успех, однако нельзя было подвергать молдавские земли столь опустошительным методам защиты, вынуждая крестьян идти на огромные материальные жертвы и ввергать в разорение собственную страну.

Внешнеполитические обстоятельства не сулили победы отважному Стефану. После похода в Крым Гедик Ахмед-паши польский король Казимир IV (польский король 1447—1492) заключил с Мехмедом II мирное соглашение (1476). Несмотря на нелюбовь турецкого султана к соглашениям, связывавшим ему руки в моменты, когда политические обстоятельства требовали от него решительных действий, в этот раз договор с Польско-Литовским государством позволял Мехмеду, как ему казалось, беспрепятственно и безопасно «наказать» молдавского господаря за нанесенное туркам поражение. Мехмед жаждал реванша. Верный своему убеждению, что исход военных сражений решает большая численность армии, турецкий султан собрал войско, состоявшее по меньшей мере из 100 тыс. человек. В этом походе также приняли участие 10—12 тыс. татар и 2 тыс. валахов (в войске Мехмеда находился и сам валашский господарь). Стефан смог выставить 40-тысячную армию, однако к моменту главного сражения при Разбоенах, произошедшего 26 июля 1476 г., у молдавского господаря оставалось лишь 10—12 тыс. человек.

Турецкая армия во главе с султаном весной 1476 г., медленно двигаясь, подошла к Варне. Польский король, пытаясь предотвратить поход Мехмеда, проходивший в опасной близо-

сти от его земель, прислал к нему послов с предложением разрешить дело миром. Мехмед выставил условия, среди которых были уплата дани, выдача туркам генуэзцев и передача османам черноморской Килии. Стефан отверг эти предложения, и войско Мехмеда двинулось дальше.

Стефан, разорив места, по которым должны были пройти турки, угнал скот в неприступные для них горы, что вызвало продовольственные трудности в турецкой армии. Его туркам пришлось доставлять на судах по Дунаю. Укрывшись в гористой местности, молдавский воевода создал там оборонительную линию из повозок и поваленных деревьев, выставив против неприятеля пушки. Сюда и направил свою армию Мехмед. Произошло сражение, в котором отлично действовала анатолийская и румелийская конница, однако сильный артиллерийский огонь с молдавских укреплений вынудил янычар-пушкарей залечь, мешая им вести ответный огонь. Мехмед призвал к себе янычарского агу Трабзонлу Мехмеда и, пристыдив, попытался даже лично возглавить атаку. Это подняло дух янычар, и они успешно выполнили свою боевую задачу⁴³³. Армия Стефана после ожесточенного сражения была разбита. Мехмед вошел в Сучаву и сжег город, но не смог взять городскую цитадель. Более того, турки не смогли овладеть крепостями Хотин и Нямц. Стефан по-прежнему широко применял опробованный метод «выжженной земли». Турецкая армия испытывала голод, много потерь принесла ей и вспышка чумы. Не потеряв выдержки, Стефан с остатками своего войска организовал преследование возвращавшейся домой турецкой армии и разбил часть ее при ее переправе через Дунай⁴³⁴.

Однако Стефан был вынужден заключить мир с турецким султаном и обязался выплачивать ему ежегодную дань в 5 тыс. золотых⁴³⁵. В конечном счете, несмотря на ряд случившихся военных неудач, военный поход Мехмеда в Молдавию был расценен как его военно-политический успех. Слава его в исламском мире как мусульманского правителя, вынуждающего неверных к уплате дани, росла, а политический престиж Османского государства неуклонно рос.

Подробное рассмотрение внешней политики Мехмеда II и его отношений с государствами и владетелями времени его царствования не входит в задачу настоящей книги. И все же

нельзя не отметить широчайшую вовлеченность крепнувшего Османского государства в политические дела региона Средиземноморья в связи с турецкими военными акциями против христианских государств и их владений. Завоевание Константинополя и балканских земель превратило неприметный тюркский бейлик в одну из крупных держав на краю европейской ойкумены, и Европа в силу разных причин беспомощно следила за действиями турецкого султана, будучи не в силах остановить турецкую экспансию. Завоевательные планы Мехмеда II простирались теперь до Родоса и Италии, и только смерть турецкого султана в 1481 г. помешала им осуществиться.

Мехмед II не был необразованным и фанатичным мусульманским правителем. Религия и ее предписания, конечно, много значили для него, но ему хватало прагматизма, чтобы заимствовать у «неверных» то, что могло привести его к еще большим политическим успехам. Он любил науку, привлекал европейских военных специалистов и создал у себя хорошо оснащенную современной техникой армию. Конечно, более всего она устрашала своей численностью, но также и лучшими для своего времени пушками и осадными орудиями, высокой выучкой стрельбы из луков и арбалетов, пищалей и мортир.

Хладнокровный, скрытный, быстрый на решения и обладавший живым воображением Мехмед II являл собой неординарную, талантливую личность, способную к творчеству как в области поэзии (он писал стихи под литературным именем Авни), так и в сфере свободного научного поиска. В этом ему ничуть не мешали предписания его религии. Конечно, он был человеком своего века — жестоким, коварным, жадным до славы и богатств, не без предосудительных пороков, но, видимо, только такой человек мог осуществить столь грандиозный исторический проект, как захват Константинополя.

Экспансионистская политика Мехмеда II была продолжена его сыном Баязидом II (1481—1512), пришедшим к власти в результате острой внутридинастийной борьбы. Осторожный и благочестивый мусульманин Ашык-паша-заде в своем труде обходит обстоятельства восшествия на престол нового султана. Между тем их довольно подробно и откровенно описывает Лютфи-паша, османский чиновник, составлявший свой исторический труд, находясь уже в отставке и фактическом изгнании.

Он сообщает о смуте, возникшей в связи со смертью Мехмеда II в Стамбуле. Великий везир султана Карамани Мехмед-паша, тайный сторонник младшего сына Мехмеда Джема (по преданию, любимца покойного султана), хотя и выполнил условия установившейся практики передачи власти — послал известие о смерти отца шехзаде Баязиду в Амасью — одновременно известил о том же и Джема, надеясь на его быстрое прибытие в Стамбул. Однако письмо Карамани Мехмед-паши к Джему было перехвачено зятем Баязида, анатолийским бейлербеем Синан-пашой. Гонец, везший письмо, был казнен, а прознавшие о смерти Мехмеда II янычары, находившиеся в азиатской части Стамбула, Ускюдаре, и желавшие видеть на троне Баязида, подняли бунт и убили Карамани Мехмед-пашу. Лютфи-паша сообщает, что при этом они разграбили город⁴³⁶.

Мехмед II умер в самом начале задуманного им азиатского похода, когда его войско уже перебралось на азиатский берег Босфора. Карамани Мехмед-паша, по османскому обычаю, постарался скрыть от него смерть правителя. Было объявлено, что султан изъявил желание помыться в бане. Под этим предлогом, соблюдая все меры предосторожности, тело Мехмеда II было перевезено в европейскую часть Стамбула. При этом великий везир отдал приказ, запрещающий перевозить солдат с азиатского берега на европейский. Когда войско все же узнало о смерти султана, солдаты толпой хлынули на пристань. Янычары, раздобыв необходимые суда, перебрались на европейский берег. Сам Карамани Мехмед-паша вскоре был убит в помещении султанского дивана⁴³⁷.

Мюнеджим-баши пишет, что переправившиеся в Стамбул янычары сначала разграбили дом великого везира, а затем дома других сановников. Согласно Ашык-паша-заде, грабежу подверглись также дома стамбульских богатых евреев⁴³⁸. Пытаясь остановить янычарские бесчинства, из столицы послали весть давно удалившемуся от дел и жившему в Салоникском санджаке Исхак-паше — старому сановнику, служившему еще Мураду II, а также Мехмеду II. Исхак-паша, выходец из дворцовых рабов, был сначала дефтердаром (казначеем) Мурада II, затем анатолийским бейлербеем (и в этом качестве принимал участие во взятии Стамбула), а затем и великим везиром. Его авторитет в войске был столь велик, что янычары по первому же его

требованию прекратили бунт. Решающим, впрочем, скорее всего было то, что Исхак-паша от имени нового султана Баязида II пообещал бунтовщикам прибавку к жалованью.

При теле почившего султана постоянно находились два его внука — сын Баязида Коркуд и сын Джема Огуз-хан, словно символизируя собой будущий затяжной конфликт внутри османской династии, разразившийся между сыновьями Мехмеда. Армия находилась на стороне Баязида, и Исхак-паша назначил его сына Коркуда, до приезда отца в османскую столицу, представителем султанской власти.

Кто же решал вопрос о передаче власти одному из сыновей Мехмеда? Ближайшие придворные умершего султана, которых хронист Мюнеджим-баши называет «эركان-и девлет» («столпы государства»). Именно они во главе с великим везиром Карамани Мехмед-пашой остановили свой выбор на Баязиде и послали ему в Амасью гонца с извещением о смерти Мехмеда II. Однако не в правилах азиатских царедворцев было делать ставку лишь на одного претендента. Предчувствуя между ними крупную борьбу, великий везир тайно послал письмо, как уже указывалось, также и Джему, управлявшему в то время Караманским вилайетом. Перехват письма помешал Джему явиться в столицу. Но и вовремя получивший письмо Баязид почему-то медлил. Только через 3 дня после получения известия о смерти отца он выступил в Стамбул в сопровождении военного отряда из 4 тыс. человек⁴³⁹.

Почему колебался Баязид? Ведь он был старшим сыном умершего султана. Матерью Баязида, по высказанному предположению Фр. Бабингера, была наложница Мехмеда — предположительно славянка. Мечтавший о власти Джем выдвинул, пишет английский историк А. Д. Элдерсон, как ему представляется, чуждые исламу мотивы «царственного» (порфирородного) происхождения⁴⁴⁰. Однако следует заметить, что речь могла идти о юридически вполне правомерной для ислама претензии на преимущество по рождению. Вспомним, что Мехмед II был сыном невольницы, а не законной жены, и первоначально не рассматривался как возможный наследник на троне. Не потому ли его отец Мурад II дважды оставлял престол и передавал ему власть, чтобы фактически утвердить его права на трон? В этот период развития Османского государства чисто

тюркские, домусульманские традиции, полностью еще не уступили место иным нормам правосознания, связанным с юридическими положениями ислама. Сын султана от невольницы, а не от законной жены, не рассматривался как претендент на власть, невзирая на его старшинство. Для получения верховной власти в данном случае нужна была серьезная политическая поддержка. Ею стали янычары.

В вопросе перехода власти после смерти Мехмеда II янычары сыграли решающую роль. Именно их бунт определил выбор «столпов государства» в пользу Баязида. Бунтом янычар воспользовались не только в связи с переходом верховной власти. Исхак-паша с помощью янычар обеспечил себе пост великого везира. Сыграв на меркантильных интересах янычарского корпуса, он заявил, что возможный претендент на пост великого везира, Мустафа-паша, ехавший в Стамбул в свите Баязида, откажет янычарам в прибавке к жалованью. Сам он обещал сделать это сразу же по воцарении нового султана.

20 мая 1481 г. Баязид был провозглашен султаном. В день коронации янычары, выстроившись вдоль пути, по которому следовал султан, просили у него прощения за учиненные ими беспорядки, а также, помимо обычного коронационного бахшиша, и прибавки к жалованью. Янычары потребовали отправить обратно в Амасью приехавшего с Баязидом в столицу Мустафа-пашу, что и было исполнено. Исхак-паша добился желаемого и стал великим везиром. Однако вскоре, по настоянию тех же янычар, Мустафа-паша был возвращен из Амасьи и назначен вторым везиром дивана⁴⁴¹.

В период междуцарствия янычарское войско было с успехом использовано в качестве орудия в борьбе за власть внутри династии. Это был урок как для верховной власти, так и для янычар, убедившихся в своей огромной политической силе.

Брат Баязида Джем не смирился со сложившимися для него обстоятельствами. Собрав войско своих сторонников, он поспешил к Бурсе. Кто поддерживал его? Мюнеджим-баши пишет, что его сторонниками были «караманские разбойники» и «опальные» лица. Это указывает на то, что Джем поддержала караманская знать, недовольная потерей самостоятельности Караманского бейлика и мечтавшая с его помощью восстановить Караманское государство. Скорее всего, Джем обещал им это.

Баязид послал против брата везира Айас-пашу с двумя тысячами янычар — нейтральную силу, которая в отличие от анатолийских и румелийских сипахи была способна просто выполнить приказ своего хозяина — султана. Малое число посланных против Джема янычар указывает на то, что он не обладал большой по численности армией. Османское войско расположилось в местечке Каплуджа, неподалеку от Бурсы. Как рассказывает Мюнеджим-баши, жители Бурсы отказались впустить янычар в город, помятуя об их недавних бесчинствах и разбоях в столице. Но, конечно, это было лишь предлогом. Старая и искушенная Бурса предпочитала выжидать, не зная, кто из соперников одержит окончательную победу.

Джем послал сразиться с прибывшими из столицы янычарами военный отряд во главе с Гедик Насухом, который расположился близ имарета Баязида Йылдырым-хана. Янычары Айас-паши атаковали сторонников Джема, но крайне неудачно. Большая часть янычар была перебита или пленена. В этих условиях Бурса открыла свои ворота Джему и его сторонникам. Здесь претендент на османский престол занялся формированием собственной армии, которая, впрочем, оказалась бессильной перед посланным против него войском Баязида, которое возглавил опытный военачальник Гедик Ахмед-паша. Джем был разбит, а находившиеся у него в плену в Бурсе янычары выпущены на свободу. Они потребовали от султана наказать жителей Бурсы за свое унижение и добились того, что получили от города материальное возмещение, как мы бы сегодня сказали, понесенного морального ущерба⁴⁴².

Гедик Ахмед-паше, прославившемуся своими победами в Крыму, принадлежала большая роль в упрочении власти Баязида. Неоднократно своим военным искусством он обеспечивал победы над противниками султана и получил в конце концов пост великого везира. Однако выходец из янычарского корпуса⁴⁴³ Ахмед-паша обладал сильным и независимым характером, что не способствовало успеху его политической карьеры. Он был смещен со своего поста, однако его прекрасные полководческие таланты были нужны Баязиду, пока шла борьба с Джемом. К тому же он пользовался особым расположением янычар, и с этим было невозможно не считаться. Баязид лавировал и уступал своему военачальнику. Однако, как только

опасность со стороны Джема миновала, Баязид расправился с Гедик Ахмед-пашой, приказав его казнить. Это вызвало мятеж янычар в Эдирне, во время которого был убит городской субаши. Однако мятеж был подавлен⁴⁴⁴.

Во время своего пребывания в Бурсе Джем успел отчеканить монету со своим именем, его имя стало упоминаться также в хутбе⁴⁴⁵. Похоже, его права на верховную власть были признаны в старинной османской столице. И не только потому, что Джем использовал военную силу. За ним, по-видимому, признавались права на власть. В его окружении было много улемов, и в ходе длительной внутрдинастийной войны в Османском государстве Баязид так и не смог физически расправиться со своим опасным политическим конкурентом. Джем покинул пределы Османского государства и в конце концов оказался в Европе, где окончил свою жизнь в 1495 г.⁴⁴⁶

Баязид, к 1484 г. в целом упрочивший свою власть в государстве, продолжил экспансионистскую политику своего отца. Изгнание генуэзцев из Крыма и водворение там османского ставленника Менгли-Гирея укрепляли мечты Баязида превратить Черное море в «турецкое озеро», полностью подконтрольное османским султанам. Для решения этой задачи было важно овладение двумя черноморскими крепостями — Килией и Белгородом (Аккерманом). Баязид считал Килию «ключом к Молдавии», а Белгород — «залогом побед над поляками, чехами, русскими, венграми и центром торговли с соседними странами»⁴⁴⁷, как полагает современный исследователь Г. В. Гонца. Однако было бы преувеличением приписывать Баязиду столь широкие геополитические взгляды. Многие в действиях османских султанов объяснялось как актуальными внешнеполитическими обстоятельствами, так и внутривнутриполитическими причинами, связанными с функционированием Османского государства и его верховной власти. Успешно проведенный военный поход много значил для укрепления авторитета османского правителя, доказывая благосклонное отношение к нему Всевышнего, его «достоинство» высокого титула хана и предводителя своего народа. Молдавия была на тот момент наиболее удобным объектом для доказательства высоких достоинств нового султана. С другими христианскими государствами к тому времени были заключены мирные договоры. Они представляли собой

сильных и опасных противников, в любой момент способных к тому же разыграть карту с Джемом. В интересах защиты от укrywшегося в Европе Джема Баязид заключил в 1482 г. мирный договор с Венецией, пойдя на значительные уступки. Венеция прекращала выплату ежегодной дани туркам в размере 10 тыс. дукатов. Таможенные пошлины для венецианских товаров были уменьшены с 5 до 4 %. Баязид готов был отдать венецианцам даже Морею, если бы они передали ему в руки его соперника, окажись он в их руках⁴⁴⁸. В 1483 г. Баязид заключил также мирный договор с королем Венгрии Матьяшем Корвином, который из-за внутренней борьбы королевской власти с влиянием баронов в то время был заинтересован в мире с турками. С кем же было и воевать, как не с дерзкой и свободолюбивой Молдавией?

Поход 1484 г. возглавил лично султан. В захвате Килии и Белгорода (Аккермана) решающую роль, как всегда, сыграла турецкая артиллерия. Килия, после недолгой осады, сдалась на милость победителя. Жители ее были отпущены, а в городе появились турецкие поселенцы. Окрестные земли Баязид передал в качестве тимаров своим воинам и слугам, и в Килии начала читаться хутба с именем турецкого султана. Город не подвергся разрушению и разграблению, а жители не были пленены согласно условиям сдачи⁴⁴⁹.

Белгород, окруженный по периметру крепости рвом, оказался для турецкой армии крепким орешком. В течение многих дней янычары без усталости носили землю и засыпали крепостной ров, блокировали все крепостные ворота, и началась подготовка к генеральному штурму. В конце концов город был вынужден сдаться. Все имущество горожан было забрано в пользу Баязида, а сами они пленены. Часть пленников султан отдал своим воинам, некоторые были убиты. По традиционной практике турок, пустующие дома были переданы во владение мусульманам. Ашык-паша-заде сообщает, что молдавский господарь попытался осенью 1485 г. отвоевать Килию, однако предпринятый им штурм крепости оказался безуспешным. Турецкий гарнизон отбил атаку, во время которой погибло значительное число молдаван⁴⁵⁰.

Поход против Молдавии укрепил авторитет Баязида, а вскоре по молдавским землям прокатилась армия румелийского

бейлербея Хадым Али-паши, которая подвергла страну нещадному грабежу. При этом в войске турок находился соперник Стефана III — Петр Хронот. Поход в значительной мере убоготворил румелийских сипахи. Пятая часть захваченной ими добычи была послана Хадым Али-пашой самому султану — в том числе пятая часть пленников. Затем Молдавия была отдана на разграбление отрядам акынджи силистринского санджакбея Али-бея Малкоч-оглу. Али-бей, отправив своих акынджи на грабеж, остался ожидать их возвращения в окружении небольшого отряда, о чем стало известно лазутчикам молдавского господаря. «Девайсом» Али-бея были засады с использованием множества музыкантов с барабанами и литаврами. Имелась такая засада у него и на этот раз. Подвергшись неожиданному нападению молдаван, Али-бей и его люди мужественно отражали атаку, а с наступлением вечера в бой со страшным грохотом барабанов и литавр вступили весьма немногочисленные воины из засады. Эта психическая атака возымела действие — уstraшенные молдаване обратились в бегство. Али-бей немедленно бросился за ними в погоню, сумев перебить множество воинов противника⁴⁵¹. Рейд Али-бея также принес богатую добычу, пятая часть которой была отправлена султану. Так описывают турецко-молдавское противоборство османские историки. Из других источников, однако, известно, что турки одерживали не только победы, терпели они и поражения. Молдавский господарь Стефан III, спасая свою страну, лично присягнул на верность польскому королю Казимиру IV, получил от него военную помощь и с отрядом в 3 тыс. рыцарей одержал победу над «старым беем-бахадуром», как называет Али-бея Мюнеджимбаши. Петру Хроноту турки продолжали отводить роль своего ставленника в Молдавии⁴⁵².

Поддержка, которую оказал принцу Джемуну и его семье египетский султан Каит-бай, ввергла Баязида в конфликт с мамлюкским Египтом. Ряд военных действий против него был предпринят турецким султаном в 1485 г. Военные акции были проведены в районе Тарсуса и Аданы силами правителя Караманского вилайета Карагёз Мехмед-паши, которому удалось захватить ряд населенных пунктов с армянским населением, платившим харадж египетскому султану⁴⁵³. Но не все эти территориальные захваты османов оказались долговечными. Вско-

ре египтяне отвоевали обратно ряд своих земель, однако не смогли взять Адану и Тарсус, на помощь к которым поспешили с большим войском, куда входили румелийские и анатолийские азебы и янычары, анатолийский бейлербей Херсек-заде Ахмед-паша и два других военачальника с отрядами всадников.

Янычары в период правления Баязида II использовались с большой интенсивностью как наиболее нейтральная среди общественных сил в период внутрдинастийного противоборства. Не раз янычары оказывали военную поддержку султану там, где это требовалось ему для укрепления своей власти. Именно хорошо обученная пехота и используемая ею артиллерия решала исход многих сражений с инсургентами. Особенно наглядно это видно на примере борьбы султана с восстанием под руководством Шахкулу, произошедшим в 1511 г. Когда последний направился со своими сторонниками к Бурсе, разбив посланный против него отряд субаши Хасан-аги, обеспокоенный главный кади старой османской столицы Ахмед Бюкаи-эфенди обратился с письмом на имя янычарского аги, дав ему знать о нависшей над Бурсой опасности⁴⁵⁴. К этому времени Баязид, из-за болезни, практически отошел от государственных дел. Примечательно, что кади Бурсы обратился за помощью не к великому везиру, а к янычарскому аге, воины которого были способны не втянуться в конфликт, выступив на стороне инсургента. На помощь Бурсе было отправлено войско во главе с великим везиром Хадым Али-пашой. Это был один из опаснейших моментов для существования османской династии. К этому времени Анатолия была охвачена сильным религиозным движением в связи с развернувшейся здесь пропагандой шиитствующих сект, видевших своего покровителя в лице сефевидского шаха Исмаила (1501—1524). Идеи шиитствующих шейхов алеви и сафави оказались чрезвычайно популярными среди туркменских племен Анатолии и были использованы Сефевидами, новой династией в Иране, для борьбы с суннитским Османским государством. Сефевиды говорили по-тюркски и вышли из среды дервишей Восточной и Юго-Восточной Анатолии, где они пользовались огромным авторитетом среди туркменских племен. В 1501 г. шах Исмаил, основатель династии, отнял у государства Ак Коюнлу, давнего соперника османов, Азербайджан и в течение последующих десяти лет подчинил себе весь Иран.

Сефевидский Иран включал в себя территории Азербайджана, западного Ирана и Ирак. Исмаил сделал своей столице Тебриз и провозгласил себя шахом. Все это породило на восточных границах османской державы сильного врага не только в сфере религиозных идей, но и в области военно-политической. Исмаил ставил перед собой широкие экспансионистские планы. Он начал с гонений на суннитов Ирана и ожидал успехов пропаганды своих шиитских эмиссаров в Анатолии.

Баязид попытался сразу же бороться с обрушившейся на государство опасностью. В 1502 г. он переселил из Анатолии в Морею многих своих шиитствующих подданных, но это мало помогало в борьбе с распространением шиитских идей. Едва залечив раны от внутрдинастийной борьбы, Османское государство оказалось ввергнутым в еще более трудную борьбу за лояльность своих подданных из-за религиозных противоречий между суннитами и шиитами. Формально Османское государство придерживалось суннизма. Однако шиитские идеи с их верой в приход мессии — махди — и восстановления с его помощью социальной справедливости в обществе находили себе почву в различных суфийских тарикатах Анатолии, и элементы шиизма — в частности, особого почитания зятя Пророка, халифа Али — процветали во влиятельном мусульманском ордене бекташи, покровителе самих янычар.

Беспощадным борцом с шахом Исмаилом и его религиозно-идейным влиянием выступил сын Баязида, султан Селим I (1512—1520), которому после смерти отца пришлось выдержать уже привычную для османской династии борьбу за престол. Еще будучи принцем, шехзаде, он являлся правителем области Трабзон и был хорошо осведомлен о внутренней ситуации в Анатолии. Успехи бунтовщика Шахкулу, разбившего со своими сторонниками в сражении у Кютахьи войско анатолийского бейлербея, явились сигналом к началу активных действий Селима. Он попытался воспользоваться шиитской опасностью в своих собственных интересах. Его отец Баязид был болен и не мог лично возглавить военную борьбу против акций сефевидского шаха. Возглавив ее, Селим обеспечил себе сторонников среди румелийских и анатолийских сипахи. Стремясь привлечь на свою сторону военную верхушку, Селим, который формально не имел прав на османский престол, так как не был

старшим сыном Баязида, использовал не религиозные лозунги, а социальную пропаганду, нашедшую живой отклик в среде турецких феодалов. Он критиковал порядки при дворе, где, по его словам, сила и влияние находились в руках у тех, кто жаждал лишь власти и денег, но не был способен управлять государством. Он с гневом говорил о том, что достойные и заслуженные сипахи отодвинуты в сторону и не получают достойных им мест службы и должностей. Селим пытался внушить мысль, что именно непорядки при дворе сделали привлекательными для населения идеи шиитов. Селим обещал турецким феодалам свою полную поддержку, если они окажут ему помощь в борьбе за османский престол⁴⁵⁵. Такая пропаганда могла иметь успех лишь в условиях противоречий между наследственной феодальной военной прослойкой и высшей придворной бюрократией, комплектуемой из «чужаков» и приобретающей все больший вес и значение в государстве.

Селим, перебравшись сначала в Крым, а затем в Аккерман, появился в Румелии с 30-тысячным войском и после длительных переговоров с посланцами еще живого Баязида, не приведшими к успеху, вступил в сражение с армией отца, но потерпел поражение и был вынужден бежать в Кафу (совр. Феодосия), что еще более обострило ситуацию.

В османской столице, без сомнения, находились сторонники прихода к власти шехзаде Селима. Однако у Баязида имелся сын Ахмед, который был старше Селима и потому полагал, что имеет большие права на верховную власть, чем брат. Ему принадлежали к тому же большие заслуги в подавлении опаснейшего для государства восстания Шахкулу в Анатолии. Однако вооруженное выступление Селима показало всем, что этот принц продолжит борьбу за власть и в случае воцарения Ахмеда. Баязид твердо решил взять события под свой контроль и созвал совет из высших лиц государства. Большинство его сановников, т. е. придворная партия, высказалось за провозглашение султаном Ахмеда, который пользовался благосклонностью старого отца-султана. Баязид назвал на совете своим преемником именно его. Один лишь Херсек-заде Ахмед-паша, как кажется, попытался создать благоприятные условия для восшествия на престол Селима, предложив назначить его правителем Смедерова — поближе к столице. Однако это предложение не

получило поддержки других членов совета. Ахмеду было послано письмо с приглашением явиться в Стамбул. Вскоре он, со своим дядькой (лала) Синан-беем, прибыл в Малтепе, местечко неподалеку от столицы, расположенное на азиатском берегу Босфора. В город для переговоров он послал своего дядьку, сам оставшись дожидаться известий⁴⁵⁶.

Узнавшие о прибытии принца янычары, сторонники прихода к власти Селима, а не Ахмеда, подняли бунт. Они выдвинули против принца Ахмеда обвинение в недостаточном рвении, проявленном им якобы в борьбе против Шахкулу, и заявили, что он не годен для роли султана. По их мнению, для этого гораздо более подходил принц Селим⁴⁵⁷. В ходе мятежа, янычары подвергли грабежу столицу, напав при этом на дома сановников, являвшихся сторонниками шехзаде Ахмеда, при этом были разграблены и дома ни в чем не повинных жителей. Всю ночь янычары занимались разбоем и грабежами, а утром явились к воротам султанского дворца, повинились в совершенных ими ночью преступлениях и потребовали от султана сместить неудобных им сановников, что и было исполнено. Пощадили лишь старого слугу и сподвижника Баязида Мустафа-пашу. Не выпуская инициативу из своих рук, янычары заняли все пристани города, чтобы помешать Ахмеду переправиться на европейский берег. Тому ничего не оставалось, как возвратиться в Караманский вилайет, управителем которого он являлся. Неудачливый принц попытался собрать войско из своих сторонников и подчинить себе Анатолию, но неожиданно приобрел себе еще одного соперника в лице племянника по имени Мехмед. Мехмед был сыном умершего сына Баязида, Шахиншаха, и также объявил о своих претензиях на власть. Он укрепился в Конье, где нашел себе сторонников (старая Конья всегда была готова поддержать смуту внутри османской династии), но не смог выдержать осады города со стороны Ахмеда, который, взяв город, казнил всех, кто поддерживал Мехмеда.

Ситуация крайне осложнялась напряженной обстановкой среди различных племен Анатолии — варсак, автарлу, караманлу, тургутлу, бозоклу, текелю и хамидлю, среди которых успешно велась шиитская пропаганда через эмиссаров персидского шаха. Наиболее преуспевшим в этом оказался человек по имени Нуреддин. Ему удалось собрать значительное по чис-

ленности войско из туркмен, которое совершило нападение на окрестности Токата и Амасьи. Целью Нуреддина был Ахмед. Отряд дядьки принца Ахмеда, посланный против повстанческой армии Нуреддина, был полностью разгромлен, а его глава убит. Когда весть об этом достигла Стамбула, это крайне воодушевило сторонников принца Селима, и в этих обстоятельствах старый больной султан Баязид счел за благо послать письмо своему бунтовщику-сыну с выражением отцовской благосклонности и предложением занять трон. Письмо Селиму от отца повезли четыре старших офицера янычарского корпуса — яябаши. Однако это еще не было окончанием борьбы.

Ахмед был полон решимости сопротивляться приходу к власти Селима любой ценой, а теперь уже и спасать свою жизнь. Он послал письмо своему брату Коркуду, который был немного старше его, но не претендовал на трон из-за явного благоволения Баязида к Ахмеду. В письме Ахмед предлагал Коркуду занять османский трон вместо него. Новый претендент на престол прибыл в Стамбул в сопровождении лишь трех слуг, которых взял с собой из Саруханского вилайета, которым он до того управлял. Явившись к янычарам, Коркуд заявил, что бежал от Ахмеда. Остановившись в Орта джами, казарменной мечети янычар, Коркуд щедро одарил придворное войско, качнув весы симпатий на свою сторону. Янычары исправно несли при нем караульную службу, ограждая от всяких сношений с незнакомыми лицами. Наконец Коркуд был вызван в султанский дворец, и там он объяснил свое прибытие в столицу страхом ослушаться приказа Ахмеда⁴⁵⁸.

Очень скоро в Стамбул прибыл и Селим. Вопрос о престолонаследнике не был решен и только все более усложнялся. Селим разместился в шатре в столичном саду Йени Бахче, куда несколько дней к нему никто не являлся и не спешил объявить наследником престола. Это подвигло его действовать более решительно. Он пригласил к себе на встречу военачальников и беев Румелии, перед которыми изложил свою военную и внешнеполитическую программу. Селим заявил, что в случае прихода к власти начнет военную кампанию против «черкесов» (мамлюкских султанов) и отберет у них принадлежащие им города, что совершит также поход против сефевидского шаха и даже прострет свою руку до земель Индии. Он клятвенно обещал во-

енной верхушке Румелии, что ни минуты не будет пребывать в бездействии, непрерывно совершая походы⁴⁵⁹.

В этой программе Селима обращает на себя внимание традиционное для тюркских правителей понимание задач ханской (султанской) власти — завоевательная, экспансионистская политика, ставящая целью подчинение соседних земель и народов и получение с них дани. Это была наилучшая цель, какую только мог предложить румелийской военной верхушке честолюбивый Селим. Политические традиции тюркского социума ни в коей мере не утрачивали своей привлекательности и в новых условиях бытования государства, отвечали ценностным установкам основной массы румелийского всадничества (сипахи), традиционно заинтересованного в постоянных завоеваниях с целью обретения земель и добычи. Да и сам Селим вполне разделял эти установки. Будущий турецкий султан обещал румелийским беям, что будет бороться со всеми видами притеснений в целях восстановления порядка и справедливости в государстве. Это обещание также отвечало социально-психологическим установкам тюркской среды, где хан представлялся мироустроителем и хранителем социального порядка. Вместе с тем все это хорошо вписывалось и в идеологические установки ислама с его требованиями ведения войн с неверными и поддержания общественной справедливости для всех членов мусульманской общины. Селим уверял румелийскую военную верхушку в том, что, в случае прихода к власти Ахмеда, ее ожидает политика «бездействия»⁴⁶⁰.

Однако, несмотря на все старания Селима, дворцовая верхушка была против объявления престолонаследником младшего сына Баязида. Придворные старого султана предлагали выслать Селима в Анатолию, поручив ему вести борьбу с шиитской смутой. Селим с готовностью согласился на призыв выступить с войском из столицы, но противодействие этому плану оказали представители янычарского корпуса, которые неожиданно для всех потребовали немедленного возведения на престол шехзаде Селима. Только после этого они готовы были отправиться с ним в Анатолию для борьбы с бунтовщиками. Баязид II, похоже, не знал, что предпринять, и предпочел выждать тактику выжидания. Он заявил, что пока он жив, он никому не передаст власть султана⁴⁶¹.

Теперь уже не на шутку испугались султанские везиры, зримо представив себе возможные последствия янычарского мятежа. Они заявили султану, что обнародование этого решения непременно вызовет бунт янычар и физическую расправу над ними самими. Они отказались объявить янычарам о решении старого султана даже под страхом казни. Поставленный в безвыходное положение Баязид был вынужден пойти на уступку и отречься от престола в пользу Селима⁴⁶².

История с воцарением султана Селима I (1512—1520) демонстрирует различие политических интересов внутри османской правящей верхушки — румелийских сипахи, хранителей старых традиций тюркского социума, претендовавших на активную роль в определении политических задач государства, и новой придворной бюрократии, выходцев из сформировавшегося слоя придворных рабов, новообращенцев, обязанных своей карьерой лично султану и далеких от сипахийского всадничества. В этих условиях поддержка придворного войска могла обеспечить победу той или иной группировке господствующего класса. В данном случае янычары поддержали Селима, выразителя интересов военно-феодалного класса, заинтересованного в территориальной экспансии и сохранении старых порядков управления государством.

Восьмилетний период правления Селима I, вступившего на престол с помощью янычар и румелийских сипахи, демонстрирует исключительно важную роль янычарского корпуса в жизни Османского государства. Почувствовавшие свою силу и вкусившие радость победы янычары, в полной мере понимавшие свою роль в приходе к власти Селима, еще не раз в период его правления демонстрировали примеры вмешательства в государственные дела, вынуждая султана менять свои политические планы и даже приводя его к мысли о необходимости физической ликвидации непокорного янычарского корпуса⁴⁶³. При Селиме I янычары добились официального разрешения на женитьбу. (Следует сказать, что неофициально они заводили себе семьи и раньше.) Это разрешение коснулось, правда, янычар-ветеранов, которым было позволено в связи с этим поселяться за пределами янычарских казарм⁴⁶⁴, что не могло не иметь важных последствий для янычарского корпуса как в целом закрытого социального института. Приведшие Селима к власти яны-

чары полагали, что султан должен расплатиться за оказанную ему услугу. Янычарское войско внутренне консолидировалось и в еще большей мере осознало свою политическую силу, что только укрепляло его корпоративный дух. Их активное участие в делах престолонаследия в полной мере показало способность янычарского корпуса быть решающей силой в борьбе за власть внутри господствующего класса.

Заняв место отца и казнив всех возможных претендентов на верховную власть, Селим I летом 1514 г. предпринял свой первый военный поход против иранского шаха Исмаила. Походы в восточные области Анатолии традиционно тяжело проходили для османских правителей. Труднопроходимость дорог, пролегание маршрута по гораздо менее богатым, чем в Европе, областям, что вызывало нехватку продовольствия и фуража, трудные климатические условия жаркого засушливого лета и ночных холодов в горной местности — все это создавало не самые благоприятные условия для армейских переходов, да и для ведения самих военных действий. Когда уставшее от длительного перехода османское войско подошло к стенам Эрзинджана, среди верхушки румелийского войска поднялся ропот недовольства. Армия противника не подавала никаких признаков своего присутствия. Оставалось неясным, сколь долго еще предстоит пройти армии. Румелийские беи высказали султану свои опасения в связи со вступлением войска в отдаленную и малознакомую местность, к тому же совершенно разоренную иранским шахом. Это грозило голодом и возможной гибелью армии. Сефевидский шах не спешил давать сражение турецкому султану, силу войска которого он себе хорошо представлял. Воины Селима были измотаны длительными переходами по горным дорогам в сильную летнюю жару. Продовольствия для армии стало катастрофически не хватать. Позже его смогли доставить морем через Трабзон, но это не спасло положения в целом. Военное предприятие Селима вызывало все большее недовольство. По рассказу Саадэддина, румелийская верхушка, наученная опытом недавних столичных событий, начала подстрекать янычар поднять бунт и вполне в этом преуспела. Депутация янычар явилась к султану и объявила о том, что просит его отказаться от дальнейшего продвижения в глубь владений шаха Исмаила, так как местонахождение его войска продолжает оставаться

неизвестным. Разведка не располагала никакими сведениями о местопребывании иранской армии. Янычары заявили, что войско совершенно обессилено после длительного пути, но еще имеет достаточно собственного достоинства, чтобы не уподобиться «волу, лежащему в жидкой грязи». Янычары просили султана отказаться от дальнейшего поиска противника и не возлагать на армию невыносимых тягот⁴⁶⁵.

Селим отказался выполнить просьбу янычар и объявил о своем намерении идти к столице шаха Исмаила — Тебризу. Это решение не понравилось румелийской военной верхушке. Румелийские беи попытались изменить его, действуя через султанского любимца, караманского бейлербея. Однако и эти попытки повлиять на Селима не изменили планов султана и только стоили бейлербею его поста.

Более недели Селим провел в Эрзинджане, дожидаясь прибытия продовольствия для армии из Трабзона. Тем временем активно продолжалась разведка близлежащей местности, для заполучения языка рассылались отряды во главе с искусными военачальниками — Селим активно пытался узнать хоть что-либо о местонахождении армии шаха. Наконец все эти старания увенчались успехом. Было получено точное известие, что шах Исмаил находится в Тебризе. Османское войско получило приказ о выступлении. В местечке Куле янычары вновь попытались оказать давление на Селима с целью остановить продвижение в глубь иранских территорий. Вновь явившись к султану, они заявили о полной невозможности дальнейшего марша из-за его чрезмерных трудностей и просили султана отказаться от плана похода на Тебриз.

Селим ответил на это гневной речью, в которой упрекал янычар в отсутствии преданности и неповиновении воле султана, предписываемом им их положением. «Мы пришли сюда не для того, чтобы повернуть назад», — заявил Селим янычарам, и они были вынуждены подчиниться⁴⁶⁶.

Это было первым случаем попытки нарушения янычарским войском во время похода своих «служебных» обязанностей. Похоже, янычары переоценили свои возможности влиять на султана, как переоценили их и румелийские беи.

Шаху Исмаилу очень скоро стало известно о решении Селима идти к Тебризу, и он начал действовать, двинувшись со своей

армией навстречу войску османского султана. В то же самое время Селим смог заполучить точные сведения о местонахождении и маршруте армии сефевидского шаха. Две противоборствующие армии сошлись на Чалдыранской равнине (восточнее оз. Ван). Некоторое время войско Селима и войско Исмаила сближались, постоянно получая сведения от своих передовых дозорных отрядов, выбирая наиболее выгодное место для окончательного боевого построения. Селим устроил свою ставку на легкой возвышенности, окружив себя плотными рядами янычар, вооруженных тюфенками. Основная масса янычар численностью в 10 тыс. человек была выдвинута вперед, ограждаемая боевыми повозками, — прием, позаимствованный османами у венгерской армии. Левый фланг заняло румелийское войско во главе с Хасан-пашой, на правом анатолийское — во главе с Синан-пашой. Впереди сипахийской конницы, как на правом, так и на левом фланге, были поставлены пехотинцы-азебы. Их ряды прикрывали выставленные вперед 500 боевых повозок с пушками-зарбузан⁴⁶⁷.

Селима окружала придворная конная гвардия, состоявшая из сипахи, сиялхтаров, улuffedжи и гарибов. Здесь же находились придворные чавуши, готовые в любой момент передать любое распоряжение султана. Султана охраняли также янычары-солаки с луками наизготове, исполнявшие роль личных телохранителей. Близ Селима находились придворные капыджи и мирахоры, чуть позади — дворцовые ич огланы, дефтердары и кятибы, и с ними султанская казна. Картину довершали кадиаскеры, на глазах у султана совершавшие молитву во имя победы. Над султанской ставкой развевались разноцветные знамена. Позади турецкого войска находились верблюды и мулы, слуги, охранявшие животных и поклажу, торговцы, сопровождавшие армию в походе.

Первая атака конницы Исмаила была предпринята против правого фланга турецкой армии, где стояли анатолийские всадники. Синан-паша хладнокровно наблюдал за продвижением конницы противника до тех пор, пока она не приблизилась на расстояние пушечного выстрела. Затем он отдал приказ открыть пушечный огонь. Действия сильной турецкой артиллерии привели к тому, что в рядах шахской конницы были пробиты проходы, по которым в атаку устремились турецкие

сипахи. В результате развернувшегося боя конница Исмаила понесла значительные потери в живой силе.

Атаку на левое крыло турецкой армии, где стояло прославленное румелийское войско, возглавил сам шах Исмаил. Ряды пехотинцев-азебов были смяты шахской конницей, вошедшей в непосредственное соприкосновение с румелийцами. Бой носил ожесточенный и длительный характер, унеся жизни многих румелийских санджакбеев, принадлежавших к виднейшим фамилиям Малкоч-оглу, Михаль-оглу и др. Румелийское войско не смогло устоять под натиском всадников шаха Исмаила, и наблюдавший за сражением Селим отдал приказ бросить на левый фланг бёлюки конной придворной гвардии и янычар. Однако воины Исмаила сражались с поразительным упорством, стремясь пробиться через центр турецкой армии к месту, где находился сам османский султан. Сражение проходило примерно так же, как шло сражение Баязида I с Тимуром при Ангоре, завершившееся пленением первого.

Против рвавшихся к центру турецкой армии всадников Исмаила выступили янычары, производившие дружные залпы из тьюфенков — ручного оружия, стрелявшего зажигательными снарядами. Их огонь смог остановить натиск шахской конницы. Однако вскоре последовала новая атака на левый фланг, которую турецкое воинство смогло отразить. Было ясно, что Исмаилу не удастся одержать победу. С остатками своего войска шах обратился в бегство, направившись в сторону своей столицы, Тебриза. Вслед за ним была послана погоня, состоявшая из воинов Шахсувар-оглу Али-бея⁴⁶⁸.

Всю ночь турецкое войско праздновало победу. Повсюду в лагере горели факелы, слышались звуки веселья, шел раздел брошенного противником снаряжения и имущества. По военному лагерю был зачитан приказ султана представить ему утром захваченных пленных и головы убитых врагов⁴⁶⁹.

Сразу же после Чалдыранского сражения Селим отправил в Тебриз отряд янычар из 500 человек во главе с секбанбаши и двух своих сановников-везиров — Дукаккин-оглу Ахмед-пашу и дефтердара Пири Челеби. Вместе с ними в Тебриз направился известный улем Идрис Битлиси, автор сочинения по истории османской династии, написанной на персидском языке — «Хешт бихишт». Он должен был объявить жителям Тебриза

о помиловании города, что и было сделано с минбара мечети. Саадэддин поясняет в своем труде «Тадж ат-теварих», почему на эту роль был выбран именно Идрис Битлиси. Он пишет, что тот был хорошо знаком с видными гражданами столицы Исмаила и поддерживал с ними отношения даже в период своей службы при дворе османских султанов⁴⁷⁰.

Прибывшие в Тебриз янычары обеспечивали общественный порядок в городе до прибытия туда самого Селима с остальной частью армии⁴⁷¹. Турецкий султан отчеканил в Тебризе свою монету и приказал читать в мечетях хутбу со своим именем. Чтобы расположить к себе горожан, он отдал приказ починить городские мечети, где совершались суннитские богослужения. Султан провел в шахской столице около трех месяцев. Здесь он встречался с городскими суфиями, присутствовал при совершении торжественного намаза в мечети Узун Хасана, посетил тюрбе прославленных мусульманских воинов-гази⁴⁷².

Турецкий султан, полагая, что борьба с Исмаилом еще не закончена, принял решение перезимовать с войском в Азербайджане. Однако военачальники и сановники, находившиеся при нем в войске, высказали пожелание возвратиться на зиму в родные места. Чтобы обсудить этот вопрос, султан созвал совет, в котором приняли участие везиры, доложившие султану, что войско испытывает трудности с продовольствием и что ему необходим отдых. Они выразили опасение, что затруднениями турецкой армии может воспользоваться противник. Селим возражал, отвечая на это, что собирается зимовать в богатой продовольствием области владений шаха — Карабахе⁴⁷³.

Между тем янычары не проявляли никакого желания зимовать в Карабахе. Вскоре после выступления войска из Тебриза они обратились к Селиму с предложением изменить планы и зимовать в Анатолии, объясняя это полным истощением своих сил. Они убеждали султана, что зимовка войска в Амасье обеспечит армии дешевое продовольствие, и обещали свое послушание в том случае, если войско проведет зиму в этом анатолийском городе. Янычары разговаривали с султаном дерзко и решительно, заявив, что ни в коем случае не останутся зимовать в Карабахе. И султан был вынужден уступить⁴⁷⁴.

Турецкая армия двинулась в обратный путь. В местах, по которым пролегал ее маршрут, высоко подскочили цены на про-

довольствие, что увеличило трудности со снабжением. Дефтердар (казначей) Селима Пири Челеби разослал с султанскими ферманами эмиссаров казны для приобретения продовольствия для армии. Однако закупок было явно недостаточно. Армия занялась грабежами. К султану начали поступать многочисленные жалобы, и Селим лишил звания везира двух своих пашей — Херсек-заде Ахмед-пашу и Дукакин-оглу Ахмед-пашу⁴⁷⁵. Однако грабежи не прекращались. Турецкая армия разбойничала в Нахичевани и Реване (Ереване), а в одной из крепостей, где турецкой солдатне оказало сопротивление местное население, янычары устроили настоящее сражение с мирными жителями, предав их жилища грабежу⁴⁷⁶.

По прибытии на зимовку в Амасью, янычары вновь показали свой нрав, совершив нападение на дома, где разместились дефтердар Пири Челеби и муаллим (учитель) султана Халими Челеби. На этот раз участники разбоя были наказаны — их было велено казнить. Был также казнен и чуть ранее лишившийся звания везира Дукакин-заде Ахмед-паша⁴⁷⁷.

Поведение янычар в иранском походе, от продолжения которого Селим был вынужден отказаться, вызвало его крайнее недовольство. Вернувшись в Стамбул, он призвал во дворец янычарских старейшин, желая узнать, кто был подстрекателем их бесчинств. Саадэддин пишет, что янычары назвали имена Искендер-паши, анатолийского кадиаскера Таджи-заде Джафера Челеби и секбанбаши Бальйемез-аги. Искендер-паша и секбанбаши были немедленно казнены. Что касается кадиаскера, то Селим долго обдумывал возможность казни улема и в конце концов отдал соответствующий указ⁴⁷⁸.

Кятиб Челеби, в числе других османских авторов сообщающий о дознании, проведенном султаном, и казни трех сановников, пишет, что вместо казненного Бальйемез Осман-аги, агой янычар был назначен один из придворных слуг Селима, бывший силахтар, а в то время миралем Якуб-ага. Султан, таким образом, поставил во главе янычар своего доверенного человека, который пробыл на этом посту семь лет. Этим назначением была учреждена особая должность янычарского аги (до этого агой всех янычар считался секбанбаши). Примечательно, что на пост янычарского аги назначили человека из придворного штата, что лишало известной автономии янычарский корпус, на-

значенцы на должности в котором выходили из самой янычарской среды. Для нового должностного лица янычарского корпуса был учрежден 61 бёлюк — с бёлюкбаши во главе каждого из них. В подчинении у них находилось по 30 человек. Если ранее должность кетхюда янычарского корпуса занимал загарджибаши, то теперь им стал назначаться бёлюкбаши первого бёлюка. Пятый бёлюк был определен для пребывания баш чавуша янычар. Ему были подчинены орта чавуш и кючюк чавуш⁴⁷⁹. По существу, Селим I провел первую в османской истории военную реорганизацию, цель которой состояла в том, чтобы усилить правительственный контроль над корпусом янычар.

Одними лишь трудностями похода против сефевидского шаха Исмаила нельзя объяснить крайнюю воинскую недисциплинированность участвовавших в нем янычар. Их бунты являлись символом возросших противоречий внутри османского господствующего класса. На одном из полюсов борьбы находилось служилое военное сословие сипахи, желавшее иметь возможность влияния на государственные дела. На другом — высшая придворная бюрократия, получившая наибольшие возможности формирования внутренней и внешней политики страны. Каждая из сторон пыталась воспользоваться янычарским корпусом для политического давления на султана. Янычары были использованы той группой господствующего класса, которая была заинтересована в приходе сильного султана, каким представлялся Селим, способного продолжить активную политику завоеваний и территориальной экспансии. Это было турецкое сипахийство. Во время иранского похода 1514 г. румелийская верхушка вновь попыталась использовать янычар, чтобы изменить вектор экспансионистской политики Селима и переориентировать ее с востока на запад: война с Сефевидским Ираном не приносила румелийским беям никаких экономических выгод. У придворной верхушки в этой войне также имелись свои интересы, заставлявшие ее убеждать Селима отказаться от продолжения военных действий против Исмаила. Возможно, ее страшило поражение, которое грозило неприятными переменами в их карьерной судьбе.

По преданию, сохранившемуся в янычарской среде, вернувшись в 1515 г. из похода в свою столицу, Селим испытывал страстное желание ликвидировать янычарский корпус —

по словам историка, «сжечь все дефтеры [янычар]». Однако придворные отговорили его, сославшись на невозможность физического уничтожения сильного и многочисленного войска. По совету сановников, как утверждает автор трактата «Мебде-и канун», в отношении янычар была предпринята хитроумная акция, во многом характеризующая межэтнические отношения в османском обществе. В янычарский корпус было предложено внедрить «жителей Трабзона», под которыми в первую очередь подразумевалось автохтонное лазское население, пользовавшееся у турок дурной славой. Лазов турки считали «предателями», людьми ненадежными и склонными к доносительству. Автор «Мебде-и канун» пишет, что само имя «лаз» вызывало смех. Трабзонцев было решено зачислить в янычарский корпус для борьбы против тайных сговоров янычар⁴⁸⁰.

Другие османские исторические сочинения не содержат упоминания о желании Селима ликвидировать янычарское войско. Через 100 лет такая попытка была предпринята другим турецким султаном, Османом II, но окончилась неудачей и стоила ему жизни (см. об этом гл. 5).

Поход Селима I против шаха Исмаила 1514 г. явился началом длительного военно-политического противостояния двух государств — суннитского османского и шиитского иранского. Затянувшийся на столетия ирано-османский конфликт, помимо религиозных причин, был вызван и рядом других политических и экономических обстоятельств. Но не они были главными в борьбе между османским султаном и сефевидским шахом. Борьба шла за умы подданных, готовых опасно поддержать ту или иную сторону в старом мусульманском конфликте суннитов с шиитами, отголоски которого мы постоянно слышим и в современном мире, несмотря на все успехи вездесущего просвещения и науки.

Начатая Селимом I борьба с Сефевидским государством нарушила политический баланс на Ближнем и Среднем Востоке, столкнув интересы трех наиболее могущественных мусульманских государств этого региона: Османской державы, Сефевидского Ирана и мамлюкского Египта. При этом, если принять во внимание религиозный аспект борьбы, союзниками должны были выступить Османское государство и государство мамлюков — шиизм был неприемлем ни для османского, ни для

мамлюкского султана. Несмотря на то что все три династии, помимо принадлежности к исламу, имели некий элемент этногенетической общности, это никак не уменьшало силу политических амбиций и острого соперничества. Как бы ни симпатизировал в глубине души египетский султан Кансух ал-Гаури начатой турками борьбе с шиизмом, он предпочитал стоять в стороне от развернувшейся борьбы между Селимом и Исмаилом. Политическое ослабление их обоих было выгодно ему. Мамлюкский султан полагал, что эта борьба не затронет Египет, находящийся вдали от основной арены столкновений. От противоборствующих сторон Египет защищали буферные государства Рамазанидов в Киликии и Зулькадиридов в Каппадокии⁴⁸¹. Однако расчеты египетского султана оказались ложными. Победа над Исмаилом внушила Селиму веру в свои военные возможности и укрепила его решимость перенаправить свою экспансионистскую политику на восток. Его наместники в восточных провинциях Османского государства, при помощи глав курдских племен, сумели овладеть подвластными Египту крепостями Амид (Диярбакыр), Харпут и рядом укрепленных мест в Курдистане и Северной Месопотамии, установив там власть османского султана.

Однако «недопобежденный» Исмаил, несмотря на его поражение при Чалдыране, вызывал у Селима множество опасений. На блокирование принадлежащих Ирану крепостей султан отправил в 1516 г. 40-тысячное войско во главе с великим везиром Синан-пашой, объявив незадолго до этого экономическую блокаду «нечестивому» правителю. Всемерно препятствуя транзиту иранских товаров, он ударил при этом по экономическим интересам Египта. Селимом был издан указ, запрещающий торговцам поездки во владения сефевидского шаха. Все, кто нарушил этот запрет, поплатились арестом своих капиталов и товаров⁴⁸².

Непримиримая борьба с Ираном продолжалась и на идеологическом фронте. Собственно, борьба за умы и сердца османских подданных в этом противоборстве являлась главной. Привыкшие рассматривать всё прежде всего с экономической точки зрения, современные историки обычно недооценивают самостоятельность и огромную важность мотивов религиозной вражды. Религиозные противоречия выступают подчас на

передний план даже в современном мире, тем более они имели огромное значение в эпоху Средневековья, когда религия являлась естественной формой общественного сознания. Безусловно, религиозная борьба была тесно переплетена с экономической и политической, однако идеологические разногласия обладали огромной автономной силой. Ревностные шейхуль-исламы Селима издавали грозные фетвы, обличавшие шиитскую ересь, предупреждали о муках ада, которые ждут всех шиитов (в Османском государстве их называли кызылбашами — красноголовыми — по цвету полос на головных уборах иранских шиитов)⁴⁸³. Еще перед началом иранского похода 1514 г. османским улемам было приказано разъяснять народу, что шииты отвергают то, что священно для любого приверженца сунны, а османский улем и историк Ибн Кемаль написал трактат, в котором разъяснял позволительность убийства шиитов, отнятия у них имущества и объявления против них джихада (т. е. священной войны за веру)⁴⁸⁴. В условиях разрастающегося влияния шиитских идей в азиатских владениях султана продолжение их пропаганды со стороны Сефевидов грозило Османскому государству внутренними социальными потрясениями, утратой подданных и земель.

Селим занимал непримиримую позицию по отношению к Сефевидскому государству, что в результате привело его к конфликту с Египтом. В интересах борьбы с Исмаилом Селим подчинил себе буферные государства Рамазанидов и Зулькадиридов и вошел в непосредственное соприкосновение с мамлюкскими владениями, вызвав крайнее недовольство египетского султана Кансуха ал-Гаури, посчитавшего такое соседство опасным и нежелательным. Как полагают некоторые исследователи, завоевания Селима на границах с Египтом не имели никакого антиегипетского подтекста и являлись лишь побочным следствием борьбы Селима против Сефевидов⁴⁸⁵. Совсем не так ситуация была расценена в Египте, полагавшем, что следующий удар турецкого султана будет нанесен по нему.

Узнав о победе Селима над государством Зулькадир, Кансух ал-Гаури увидел в этом непосредственную угрозу для северо-восточных областей своего государства. Не желая иметь на своих границах столь опасного соседа, мамлюкский правитель предложил свою помощь Исмаилу и с пятидесятитысячным

войском выступил из Египта в Сирию, оставив наместником в Каире своего племянника Туман-бая. Кансуху противостояла 40-тысячная армия Синан-паши, ранее посланная Селимом к границам Сирии. Однако едва ли она могла выиграть сражение у сильного египетского войска, во главе которого находился сам египетский султан.

В этих условиях Селим созвал правительственный совет, чтобы обсудить вопрос о позволительности своего выступления против войска суннитского правителя. Вопрос был не прост с религиозной точки зрения. Мнения участников совета разделились. Часть сановников полагала, что Селиму следует воздержаться от военного столкновения с египетским султаном, другая, принимая во внимание лишь военную сторону проблемы, считала, что война с Кансухом возможна и даже необходима. Особую позицию занял на совете потомственный улем и бывший нишанджи (глава правительственной канцелярии) Мехмед-паша Ходжа-заде, получивший от Селима сан везира. Как утверждает хронист Саадэддин, его мнение отразило сокровенное желание самого Селима, мечтавшего о титуле «служителя двух священных городов» (т. е. Мекки и Медины), которым обладал египетский султан. «Нашей обязанностью является вооруженная борьба с государством, имеющим злые намерения, противостояние ему там, где они проявляются», — заявил Мехмед-паша. В ответ Селим заметил, что такого же мнения придерживается и он сам.

Если борьба с шиитским правителем могла быть признана османскими улемами допустимой и даже приравненной к джихаду, то вооруженный конфликт с суннитским правителем не казался столь бесспорным. Он требовал серьезного обоснования. Селим укрепил свою позицию мнением османских улемов, издавших разрешительные фетвы относительно вооруженной борьбы с Кансухом. В одной из них мамлюки объявлялись предателями ислама, поддерживающими «неверных» Сефевидов⁴⁸⁶. Вопрос стоял также о том, кто может и должен считаться истинным халифом и главой мусульманского мира⁴⁸⁷.

В июне 1516 г. с огромным войском турецкий султан выступил в свой египетский поход. 24 августа на Дабикском поле (Мардж-Дабик), к северу от Алеппо, произошло крупнейшее на то время сражение между турецким и египетским войском.

На правом фланге турецкой армии находилась конница азиатского бейлербея, бейлербея Карамана, отряд во главе с представителем династии Зулькадыр и воины Рамазан-оглу Махмуд-бей. На левом — войско румелийского бейлербея и конница бейлербея Диярбакыра. Их позиции были укреплены передвижными «крепостями» из связанных между собой телег. В турецком войске в изобилии имелись средства для борьбы с вражеской конницей — шипы (кистени) и железные крюки с веревками, с помощью которых стаскивались на землю тяжеловооруженные всадники и добивались на земле топорами и ятаганами. В османском войске, как всегда, имелись пушки, установленные на повозки, запряженные парами волов. Арабские источники довольно подробно описывают эти османские передвижные заграждения, которые представляли собой связанные цепями телеги, а также нагромождения древесных стволов. Янычары, как всегда при сражениях, занимали центр войска, представляя собой глубоко эшелонированную живую стену, преграждающую путь к ставке самого султана. Янычары были вооружены тюфенками, для стрельбы из которых они держали наготове фитили в ожидании приказа открыть огонь. Впереди них были установлены пушки. Над османским войском развевались знамена — семь с именами предков Селима и двадцать четыре с его собственным именем. На всех красовались изречения из Корана: «Мы даровали тебе несомненную победу» (сура XLVIII, аят 1), «Помощь от Аллаха и победа близка» (сура LXI, аят 13). Имелось и белое знамя, как сообщает арабский источник, которое называлось «знаменем ислама»⁴⁸⁸.

Кансух аль-Гури расположился в центре своей армии, окруженный мамлюкской гвардией. Число мамлюков достигало 15 тыс. На левом фланге его армии находилась тюркская и арабская конница Алеппского правителя Хайыр-бая (Хайрбека), на правом — конница правителя Сирии.

Атаку начала египетская конница, ударив одновременно по флангам и центру турецкого войска. Однако она не увенчалась полным успехом, хотя турецкая конница понесла огромные потери (было убито около 10 тыс. сипахи). За этим последовала контратака румелийской конницы, поддерживаемой огнем турецкой артиллерии и янычарской пехоты. Натиск румелийских

сипахи и шквал огня оказались столь сильны, что египетские всадники дрогнули и начали отступать. Кансух аль-Гаури с одним из своих рабов бежал с поля боя, предвидя свое полное поражение. По рассказу арабских авторов, воины правого фланга египетского войска, возмущившись тем, что в бой не вступили султанские мамлюки, покинули поле сражения. Отвел свое войско и Хайр-бек. Победу одержали турки⁴⁸⁹. Огромную роль в ней сыграла сильная турецкая артиллерия и огнестрельное оружие, имевшееся у янычар. Находившиеся среди египетского войска халиф Мутеваккиль и главы трех из четырех мусульманских мазхабов с их наибами (заместителями) сдались на милость победителей⁴⁹⁰.

После громкой победы над египтянами турецкая армия вступила в Алеппо, сданный горожанами без боя. Уже на следующий день Селим был провозглашен в городской мечети «служителем обоих священных городов», торопясь объявить себя главой мусульманского мира. В сентябре 1516 г. он показал себя и покровителем хаджа, своей властью назначив дату его начала⁴⁹¹. Османские историки пишут, что Селим объявил о хадже и направил кисву (черное покрывало для Каабы с вышитыми на нем айатами из Корана) в Мекку после захвата им Каира⁴⁹².

В Алеппо султанская казна пополнилась огромными богатствами на сумму в один миллион золотых динаров в монете, драгоценностях, тканях, мехах и т. п.⁴⁹³ Лютфи-паша сообщает, что в руки Селима попала казна остававшегося в Алеппо египетского султана. Во время пребывания в городе турецкий султан несколько раз щедро одаривал свое войско, выдавая ему бахшиш⁴⁹⁴. Военная экспедиция Селима принесла ему значительный доход, как приносили доход почти все завоевательные походы турецких султанов. Грамоты, объявлявшие о победе Селима, тотчас же с гонцами были разосланы соседним правителям и в столицу Османского государства — Стамбул. Практика рассылки победных грамот (фетх-наме) с кратким изложением обстоятельств победы и прославлением одержавшего победу османского правителя, что являлось продолжением древней традиции тюркского социума, была, по сути лишь видоизмененной практикой письменной фиксации побед, которую мы видим на мемориальных стелах древних тюрков.

После овладения Алеппо последовало занятие армией Селима Хамы, Хомса и наконец Дамаска, которые сдавались турецкому султану без боя. В Дамаск Селим вступил 9 октября 1516 г., проехав по устланым знаменитыми сирийскими шелковыми тканями улицам города. Власть в Сирии была оставлена за представителями прежних властей с признанием их вассальной зависимости от султана. Селим, собрав совет из представителей сирийских городов и областей, объявил о снижении налогов и торговых пошлин с 20 до 5 % и создал комиссию по составлению новых земельных законов. Он также снял все ограничения с отправления культа местными христианами и евреями, а также выказал свою благочестивость, посетив мечети, многие места паломничества и Иерусалим, с почитаемой всеми мусульманами мечетью аль-Акса, которая упоминается в Коране как место, куда был перенесен чудесным образом из Мекки Мухаммед перед своим вознесением вместе с Джibriлом (библ. Гавриил) на небо, где он предстал перед Аллахом и затем был возвращен в Мекку.

Селим пробыл в Дамаске до середины декабря 1516 г. и был готов заключить с мамлюками мир (к этому времени в Каире был избран новый султан — племянник пропавшего без вести Кансуха аль-Гаури — Туман-бай) с условием признания им себя вассалом турецкого султана. Однако египетский правитель отверг предложение о мире (послы султана были убиты) и начал военные приготовления⁴⁹⁵.

Далеко не все сановники и военачальники турецкого султана были согласны с тем, что следует продолжить поход и овладеть Каиром. Их пугало возможное военное поражение. При этом несогласные с продолжением похода ссылались на историю, указывая, что многие из великих завоевателей прошлого отказывались от идеи завоевания Каира и Египта — в их числе Александр Македонский и «ханы из рода Чингиза». Однако Селим думал иначе, руководствуясь важными для него политическими соображениями. Ему представлялось необходимым сокрушить Египет — потенциального сильного союзника Сефевидского Ирана. Он желал установления в Египте османской власти⁴⁹⁶.

Решение о продолжении похода было принято, и турецкая армия двинулась дальше, имея своей конечной целью Каир.

Султанские лазутчики известили Селима о том, что в Газе ожидается прибытие войска нового египетского султана — Туманбая. Селим немедленно направил к Газе несколько тысяч своих воинов во главе с Хадым Синан-пашой, которому 25 декабря 1516 г. удалось одержать победу при Бейсане (Палестина) над мамлюкской конницей Джанберди ал-Газали. В войске Синан-паши были янычары, которые первыми начали сражение, обрушив на египтян шквал огня из тюфенков и тучи стрел, тем самым деморализовав противника. Дело завершила анатолийская и румелийская конница.

Заняв Газу, Синан-паша поспешил известить о своей победе Селима, уже начавшего продвижение к Каиру с остальной частью армии. Желая произвести благоприятное впечатление на местное население и мусульманское духовенство, Селим несколько раз делал остановки в пути, посещал местные святыни и объявлял о своих милостях по отношению к гражданскому населению. По прибытии в Газу Селим вознамерился посетить могилу Ибрахима (библ. Авраам), выехав в Хеброн с пышной свитой — в сопровождении тысячи янычар, тысячи всадников из придворного войска и двух своих военачальников. Османские хронисты, описывая это путешествие, отмечают, что кроме могилы Авраама Селим посетил также могилы Исаака (тур. Исхак) и Иакова (тур. Якуб), а также могилу Иосифа (тур. Юсуф), где турецкий султан совершил молитвы, прося их помощи и покровительства. При этом из богоугодных целей турецкий султан щедро одаривал местных факиров — проповедующих аскетизм дервишей. Демонстративное почитание местных святынь во время завоевательного похода поднимало авторитет Селима в глазах местных жителей⁴⁹⁷. Однако не всё население Палестины легко смирилось с появлением турецких завоевателей. Например, в Рамле произошло восстание жителей, жестоко подавленное войсками Синан-паши незадолго до вступления сюда войска турецкого султана.

Несмотря на твердое желание Селима вступить в сражение с Туманбаем, среди его сановников продолжали раздаваться голоса о чрезмерных трудностях предстоящей военной операции. Среди противников похода на Каир был казненный за это Хюсам-паша, которому, правда, вменили в вину еще и то, что он осмелился сообщить Селиму о несогласии янычар получать

жалованье в местной монете. (В египетской казне, захваченной в Алеппо и Дамаске, в изобилии имелись местные динары и дирхемы, которыми попытались расплачиваться с янычарами.) Во всяком случае, впоследствии, в разговоре с отцом историка и шейх-уль-ислама Саадэддина, Селим объяснял казнь Хюсам-паши именно этими причинами, утверждая, что тем самым предотвратил бегство паши к шаху Исмаилу⁴⁹⁸. Мюнеджим-баши между тем сообщает, скорее всего ошибочно, что вместе с Хюсам-пашой был казнен также Искендер-паша, обвиненный в тайном подстрекательстве войска к бунту⁴⁹⁹.

Турецкая армия, несмотря на внутреннее брожение и недовольство, продолжала двигаться к Каиру. Лазутчики доносили, что Туман-бай принимает меры к созданию сильных оборонительных линий близ Каира. Он перенял турецкие военно-технические приемы, поставив на телеги пушки, производство которых сумел быстро наладить. Правитель Египта, сумевший собрать конное войско в 30 тыс. человек, приказал вырыть траншеи и сделать палисады, установив за ними большие пушки, при которых находились пушкари-европейцы. Пушки были привезены с о. Родос (и оказались в результате не столь совершенными, как турецкие). Накануне боя Джанберди ал-Газали тайно передал Селиму сведения о диспозиции египетского войска и местах нахождения артиллерии⁵⁰⁰.

Сражение при Риданийи произошло 22 января 1517 г. Первый в бой с египтянами вступила анатолийская конница, которой командовал Синан-паша. Ей противостояли конные воины предателя Джанберди ал-Газали. Вместе с Синан-пашой сражались придворные сипахи во главе с Бали-агой. Во время боя Синан-паша получил ранение и был вынужден спешиться. Его поместили в махфе (особое крытое сидение на верблюде), откуда он продолжал руководить своими воинами, пока силы полностью не оставили его⁵⁰¹.

Огонь турецких пушек смог в конце концов уничтожить египетские батареи, а воины Селима, пользуясь переданной им информацией, совершили обходной маневр и окружили конницу Туман-бая. Она понесла огромные потери, но сумела отступить и рассеяться. Сам Туман-бай сражался отчаянно и храбро и именно ему приписывали нанесение смертельной раны Синан-паше⁵⁰².

Турецкая победа при Риданийе открыла Селиму дорогу в Каир, в который был отправлен передовой военный отряд. Сам султан, пробыв день на месте сражения, перебрался в Булак, временно сделав его своей ставкой. Здесь он объявил о грабеже Каира, ограничив его, впрочем, домами египетских воинов. Турецкие солдаты, посланные им в Каир, были встречены горожанами крайне враждебно — из окон домов в них летели стрелы, убившие и ранившие значительное число интервентов. Селиму пришлось послать в Каир подкрепление, однако неповиновение горожан не было преодолено еще в течение трех последующих дней. Лишь окончательно убедившись в воцарении спокойствия, Селим вступил в Каир со всем своим войском, выбив из города так и не покорившиеся ему местные власти. Затем началась настоящая охота за воинами Туман-бая. Было поймано и доставлено Селиму 4 тыс. 800 человек. Никакие просьбы о помиловании не возымели действия, пленников казнили, топя в водах Нила.

Несмотря на одержанную внешне победу, Селим не мог считать Египет вполне подчинившимся османской власти. Еще находился в бегах египетский султан Туман-бай. Заполучить его или навязать ему сражение долгое время не удавалось. Селим тем временем совершал путешествие по египетским землям, осматривая их достопримечательности. С помощью знатоков истории он много узнал о Египте и его памятниках. Так и не дождавшись известий о местонахождении Туман-бая, турецкий султан принял решение возвратиться в Стамбул⁵⁰³.

Во время посещения Селимом Александрии к пристани города подошла вызванная им из Стамбула турецкая флотилия, привезшая продовольствие и жалованье для оставляемого в Каире турецкого гарнизона. Турецкие суда загрузились военной добычей и египетскими товарами и отплыли обратно в Стамбул. Сам Селим возвратился в Каир, где всему войску был объявлен смотр-йоклама и ему возвестили об увеличении жалованья придворным сипахи и янычарам и источников доходов тимариотов. Янычары получили прибавку к ежедневному жалованью в 1 акче⁵⁰⁴. Так султан расплатился со своей армией, осуществившей грандиозную победу мусульманского оружия.

Между тем Туман-бай не бездействовал и не терял надежды вернуть себе власть. Скрываясь в Среднем Египте, он су-

мел сплотить вокруг себя часть бедуинов и остатки мамлюков. Однако турецкая артиллерия доделала дело покорения Египта. Она наводила страх на арабских бедуинов, которые разбегались при звуке первого же пушечного выстрела. Более чем что-либо это помогло туркам в конце концов одержать победу. Туманбай попал в плен и в апреле 1517 г. был казнен — повешен под аркой каирских ворот⁵⁰⁵.

Оторванные на длительное время от дома воины Селима, и в особенности его сановники, давно мечтали о скорейшем возвращении в Стамбул. Последние попросили одного из известных улемов, историка Ибн Кемаля, приближенного Селима, завести с султаном разговор о скорейшем возвращении армии домой, что тот при удобном случае и сделал. Через какое-то время вызвав к себе Ибн Кемаля, Селим заявил, что его цель стать «служителем двух священных городов» достигнута и что он намерен возвратиться в Стамбул⁵⁰⁶.

Египет был полностью подчинен турецкой власти. При этом наибольшие потери понесли мамлюки, лишившиеся многих своих прежних привилегий. В целом административное устройство Египта не было изменено. В результате ряда экономических мер на некоторое время население было обложено даже более низкими налогами, как это часто практиковалось турками при их завоеваниях. Селим пытался выглядеть в глазах египетских феллахов защитником их интересов. И это не было одной лишь уловкой. И сам султан искренне желал этого. Военный успех был завершён эффектным финалом, когда шериф Мекки прислал к Селиму в Каир своего сына с богатыми дарами и ключами от Каабы⁵⁰⁷.

Оставив наместником Египта Хайр-бека, который еще после битвы при Мардж-Дабике перешел на сторону османского султана, Селим выступил в Сирию. Во время пути гвардейский отряд янычарского войска, состоявший из солаков — телохранителей султана — получил приказ казнить Юсуф-пашу, обвиненного в злоупотреблениях во время нахождения армии в Египте⁵⁰⁸. Таким образом, янычары исполнили палаческую функцию, выполнив указ Селима.

В оставшиеся четыре года своего правления Селим не предпринял более ни одного военного похода, летом проводя время на летовках в горах неподалеку от Эдирне, зимой предпочитая

жить также не в городе, а где-нибудь на природе. Восточные границы Османского государства охраняло анатолийское войско, которое во главе с великим везиром вело борьбу с шиитствующими мятежниками, возглавляемыми шейхом Джелалем. Джелаль, которого его сторонники называли Шах Вели, собрал вокруг себя значительное число жителей Анатолии. Его армия оказалась настолько сильна, что, для того чтобы разбить ее, пришлось объединить силы нескольких анатолийских управителей и военачальников. В помощь им было послано войско из столицы, в котором имелись янычары⁵⁰⁹, а главное пушки, не раз выручавшие османских правителей при подавлении народных движений. Янычары превращались в карательную силу, обеспечивавшую прочность султанской власти в борьбе с выступлениями народных масс.

Впечатленный победой Селима над мамлюкским Египтом, шах Исмаил на какое-то время отказался от активной враждебной политики в отношении султана, ограничившись отдельными акциями подрывного характера, как это было в случае с засылкой в Анатолию мнимого племянника Селима, — Мурада, якобы сына шехзаде Ахмеда. Однако Селим успешно справился с нависшей опасностью возобновления внутрдинастийной борьбы, предприняв грандиозный сыск для установления подлинной личности объявившегося претендента на османский престол. Самозванец, собравший вокруг себя в окрестностях Амасьи, где когда-то правил шехзаде Ахмед, значительное число сторонников, что лишний раз подтверждает широкое признание в тюркской среде прав на османский престол старшего в династийной линии, не сумел, однако, выиграть дело и очень скоро потерпел военное поражение.

Селим, по сообщению османских хронистов, лелеял мечту совершить крупный военный поход с целью завоевания Родоса, однако для достижения этого требовались длительная осадная кампания и огромное количество пушек и пороха, которого в достаточном количестве на тот момент у турок не было⁵¹⁰. Между тем родосские рыцари-иоанниты доставляли множество неприятностей турецким судам, курсировавшим в Средиземном море между Каиром и Стамбулом.

Селим умер не в столице, а в местечке Сырт, неподалеку от Чорлу в сентябре 1520 г. Здесь когда-то, в период борьбы за

власть, состоялось его сражение с войском собственного отца. Еще до кончины султана наученные горьким опытом внутридинастийной борьбы придворные послали известие в Манису его сыну, шехзаде Сулейману, хотя к этому времени он оставался единственным мужским потомком Селима. Это обеспечило Сулейману мирное наследование власти. Тем не менее смерть султана скрывали до тех пор, пока новый султан не прибыл в Стамбул — во дворце опасались бесчинств янычар. Хранитель казны выражал беспокойство в связи с возможным нападением на дворец с целью разграбления казны⁵¹¹. Но все опасения оказались напрасными, и Сулейман благополучно занял престол 22 сентября 1520 г.

После церемонии похорон почившего султана придворному войску — по заведенному порядку — был выдан бахшиш и прибавка к жалованью (терраки). По указу Сулеймана из ссылки было возвращено 600 семейств, сосланных Селимом во время его похода в Египет из опасений их возможной враждебной деятельности. Молодой султан также отменил арест капиталов и товаров, произведенный Селимом в рамках его экономических санкций против Сефевидского Ирана. Из государственной казны пострадавшим были выданы деньги в возмещение убытков, которые они понесли за время объявленной экономической блокады Ирана. При этом в случае, если купцов уже не было в живых, деньги были выплачены их компаньонам или наследникам⁵¹². С самого начала своего царствования султан Сулейман хотел предстать перед своими подданными справедливым правителем.

Воцарение нового султана вызвало попытку наместника Сирии Джанберди ал-Газали освободиться от турецкой власти. Под его начало собралась 15-тысячная армия. Посланная против инсургента турецкая армия во главе с третьим везиром Ферхад-пашой включала в себя 4 тыс. янычар. Узнав о приближении турецкого войска, Джанберди снял начатую им осаду Алеппо и обратился в бегство, преследуемый отрядами правителя бывшего княжества Зулькадир Шахсувар-оглу Али-бея и правителем Алеппо Караджа-пашой. Подоспевший со своей армией Ферхад-паша столкнулся с Джанберди в местечке Мастаба близ Дамаска и дал бой его войску в конце января 1521 г. Сражение продолжалось целый день до захода солнца. В войске

Ферхада находилась конница анатолийского и румелийского бейлербеев, караманцы, а также часть конной придворной гвардии и янычары. У Джанберди, как и у турок, имелись пушки, однако это не смогло помочь ему, и его войско было разгромлено. Сам Джанберди, переодевшись в платье дервиша, попытался бежать, но был через несколько дней схвачен, преданный своим собственным казначеем. Голову казненного наместника Сирии вместе с известием о победе Ферхад-паша послал Сулейману в Стамбул. Мюнеджим-баши пишет, что весть о подавлении мятежа Джанберди вызвала бурную радость у Сулеймана, при этом венецианскому балы стоило немалого труда отговорить султана от посылки головы изменника венецианскому дожу Лоредано⁵¹³.

Ферхад-паша получил приказ султана оставаться в Анатолии из-за опасения враждебных действий со стороны Ирана. Только придворному войску — янычарам и сипахи — было разрешено вернуться в Стамбул для участия в планируемом походе султана в Венгрию. Венгры, по истечении трех лет перемирия, заключенного с турками в 1518 г., не стремились к его продлению. Посланник-чавуш, отправленный Сулейманом ко двору венгерского короля Лайоша (Людовика) II Ягеллона с требованием уплаты дани, был принят оскорбительным образом и убит. Скорее всего, это объяснялось самочинными действиями румелийских пограничных акынджи, которые с приходом к власти нового султана захватили в первые же дни его царствования принадлежавшие Венгрии Сребрник, Тесну, Сокол и Книн. В нарушение данного турками обещания гарнизоны этих мест были перебиты⁵¹⁴.

Этими действиями, нарочито предпринятыми беями акынджи после воцарения нового султана и обострившими отношения Сулеймана с венгерским королем, румелийские сипахи пытались перенаправить турецкую экспансию в сторону Европы. Акынджи жаждали добычи и новых источников доходов. Поставленный перед свершившимся фактом Сулейман был вынужден весной 1521 г. объявить венгерскому королю священную войну (джихад). София была объявлена местом сбора румелийского войска. В Смедерево собрались пограничные румелийские акынджи — численность их составила 10 тыс. человек. Отряды акынджи с приданной им янычарской пехотой в тыся-

чу человек были отправлены под стены принадлежащего венграм Белграда, когда-то так и не покорившегося Мехмеду II.

В мае 1521 г. Сулейман с придворным войском и в сопровождении 400 повозок, груженных пушками-зарбузан, выступил из Стамбула по дороге к Эдирне. В Эдирне к нему присоединилось войско румелийских сипахи под предводительством бей-лербея Ахмед-паши. По прибытии в Софию, где состоялась проверка войска, румелийская конница была направлена на осаду крепости Шабац на берегу Савы (чуть западнее Белграда). Ранее Дунаем к стенам Белграда на 50 лодках-кайиках была отправлена часть турецкого военного снаряжения. Целью похода было взятие Белграда. Овладение Шабацем, находившимся чуть выше по течению Савы, имело в связи с этим важное военное значение.

Сам Сулейман, отправив с пушками к стенам Белграда великого везира Пири-пашу, двинулся к стенам Шабаца, где уже находилось румелийское войско во главе с Ахмед-пашой. Для того чтобы придать необходимую долю энтузиазма турецкому воинству, султан объявил грабеж-ягма. Это вызвало столь сильный прилив энергии у турецких воинов, что они, по словам османского хрониста Лютфи-паши, прежде всякого действия артиллерии, бросились на штурм крепостных стен. С помощью веревок, крюков и лестниц, невзирая на огонь защитников крепости, вооруженные саблями они взобрались на стены. Предпринятый штурм оказался удачным, и Шабац пал.

В это время к стенам захваченного Шабаца подошли 300 кайиков, изготовленных в Зворнике для переправы турецкой армии на другой берег Савы. На лодках румелийское войско переправилось через реку и подвергло грабежу местность вокруг, богатую своими сельскохозяйственными угодьями. (Лютфи-паша, описывающий в своей хронике эти события, особо отмечает, что тамошние места изобиловала мельницами⁵¹⁵.)

Между тем Сулейман отдал приказ о строительстве моста через Саву, который был сооружен за короткий срок. Мост был не наплавным, а сделан на сваях. Между тем прошедшие проливные дожди в верховьях реки вызвали ее бурный разлив, который смел на своем пути как прибрежные мельницы, так и мостовые сваи. Сам мост был унесен водой, и Сулейману пришлось переправляться на другой берег с помощью лодки. В это

время султаном было получено письмо от венгерского короля, в котором тот сообщал о невозможности его встречи с турецким султаном на поле боя. Ознакомившись с содержанием письма, являвшегося ответом на посланный вызов Сулеймана, султан двинул свою армию к стенам Белграда. Крупнейший город Сербии, принадлежавший венгерской короне, представлял собой почти неприступную крепость в месте слияния Савы с Дунаем. Напротив него лежал небольшой замок Землин, к стенам которого подошло турецкое войско. Не дожидаясь подхода Сулеймана, сравнительно легко турки овладели Землином, в который турецкий султан вступил как победитель. По преданию, увидев неприступные стены Белграда, Сулейман упал духом, однако отдал приказ о начале осады. В захваченном Землине войску был выдан щедрый бахшиш.

Когда к стенам Белграда прибыли многочисленные пушки, привезенные Пири-пашой, начался регулярный обстрел крепости. Туркам удалось овладеть внешними стенами Белграда и они приступили к методичному обстрелу крепостных стен цитадели. Ее защитники оказывали ожесточенное сопротивление, но им не хватало времени для того, чтобы заделывать появлявшиеся крупные бреши. У каждого из возникавших проломов защитники отчаянно оборонялись. Однако, поняв бесполезность дальнейшего сопротивления, они запросили пощады. Сулейман пообещал сохранить жизнь жителям Белграда. Город, взятый турками в августе 1521 г., не подвергся грабежу. Его крепостные стены по приказу султана были отремонтированы, а в городе размещен гарнизон из 3 тыс. янычар. При этом Сулейман не попытался тогда же развить свой военный успех и не вступил в глубь венгерских земель, к зиме вернувшись в Стамбул. Несколько военных операций предприняли совместно с румелийскими сипахи лишь отряды акынджи. Ими было захвачено несколько укрепленных мест в Среме, находившихся под венгерским управлением, в том числе Митровиц и Уйлок. Все они были разграблены и опустошены⁵¹⁶.

В сентябре 1521 г. Сулейман уже планировал свой новый поход, для чего заключил мирный договор с Венецией, который подтверждал прежние торговые капитуляции республики. Это было началом дипломатической подготовки новых завоеваний в Европе. Целью был о. Родос, захватить который мечтал еще

Селим I. С завоеванием Египта османский султан считался покровителем и защитником мусульманских паломников в Мекку во время ежегодного хаджа, и Османское государство было заинтересовано в обеспечении безопасности турецких морских коммуникаций в Средиземном море, в том числе и из-за судоходных связей с Египтом. Между тем Родос был сильным морским форпостом, находившимся в руках рыцарей ордена св. Иоанна Иерусалимского. Орден был учрежден в 1023 г., когда купцы из Амальфи (Южная Италия) основали больницу и странноприимный дом для больных и паломников, направлявшихся в Иерусалим. В 1306 г. члены ордена захватили о. Родос, находившийся тогда в руках у генуэзского пирата, хотя номинально остров считался владением Византийской империи. После захвата Родоса орденом иоаннитов, он стал сильной морской базой его рыцарей, которые в духе своего времени, не брезговали пиратством и беззастенчиво грабили корабли, везшие в Стамбул товары и продовольствие. Важным мотивом для попытки завоевания Родоса являлось для Сулеймана пребывание там уцелевших в междинастийной борьбе представителей рода Османа. В руках иоаннитов находился внук султана Мехмеда II (сын его сына Джемала) и его сыновья, которые, оставаясь в живых, представляли потенциальную опасность для пришедшего к власти султана.

Для похода против Родоса Сулейман построил флот, состоявший из 664 больших и малых судов⁵¹⁷. Из Стамбула и Гелиболу отправилась огромная турецкая флотилия из 700 судов. Из столицы, опережая выступление самого султана, 15 июня 1522 г. в сторону бывшего тюркского бейлика Ментеше выступило янычарское войско, которому было приказано дожидаться прибытия султана в Кютахье.

Когда соединившаяся армия вступила в область Айдын, были получены вести о победе Ферхад-паши над возмущившимся Шахсувар-оглу Али-беем и захвате санджакбеем Герцеговины венгерской крепости Искер, что было расценено турками как доброе предзнаменование. С пристани напротив о. Родос в море на судах вышли румелийское и анатолийское войско и лишь затем к его берегам отплыл сам султан Сулейман в сопровождении янычар и придворных сипахи. 300 турецких судов были оснащены пушками для отражения возможного напа-

дения кораблей, посланных в помощь родосским рыцарям. По высадке на Родосе были установлены крупные дальнобойные пушки, ядра которых были способны разрушать толстые крепостные стены. Янычары занялись возведением земляных валов со щитами и рытьем траншей. Высокая плотность огня обеспечивалась поставленными на расстоянии 10 шагов друг от друга спаренными пушками. Среди них были орудия, стрелявшие огромными ядрами. Повсюду были оборудованы места для янычарских стрелков из тьюфенков. Материальное обеспечение турецкой армии было значительно укреплено с прибытием из Египта кораблей, полных продовольствия и боеприпасов⁵¹⁸. Предполагалась длительная и тяжелая осада.

Янычары занимали позиции вместе с румелийскими сипахи с левой стороны осадной линии, которая была признана наиболее трудной для ведения осады. Защитники крепости несколько раз пытались сорвать ход подготовительных осадных работ турок, предпринимая ряд неожиданных смелых вылазок на позиции противника, однако ни одна из них не имела заметного успеха. В нескольких местах туркам удалось сделать подкопы под крепостные стены и произвести подрывы, только после этого были предприняты первые попытки штурма. Однако обороняющиеся умело защищались, метко стреляя и сбрасывая взбравшихся на стены янычар, которые несли значительные потери. Брешы, проделываемые в крепостных стенах, оказывались также совершенно бесполезными для штурмующих: в крепости укрылось много жителей близлежащих деревень, которые были заняты исключительно заделыванием появлявшихся пробоин. Эффективности обороны способствовала и умная затея главы рыцарского ордена, организовавшего «национальные» посты защиты крепостных стен (французский, английский, португальский и т. д.), когда-то нечто подобное было использовано при защите стен Константинополя. Это заставляло воинов каждого поста с особой отвагой защищать свой участок обороны, ревниво оберегая честь своей нации⁵¹⁹.

Не добившись какого-либо успеха, Сулейман был вынужден созвать военный совет, на котором было принято решение передислоцировать всю осадную технику и войско к другой стороне крепостных стен, куда можно было добраться, лишь преодолев горную часть местности. Однако и этот маневр не

облегчил задачу. Осада продолжалась еще в течение 5 месяцев (Лютфи-паша пишет о шести месяцах осады)⁵²⁰. С турецкой стороны в осаде принимало участие 100 тыс. человек. Длительность ее все же сделала свое дело. Испытывая недостаток в продовольствии и боеприпасах, родосские рыцари были вынуждены сдаться.

Одним из условий сдачи родосской крепости, выдвинутым защитниками, был отход турецкой армии от стен города на значительное расстояние. Однако янычар это не устраивало. Под предлогом встречи своих товарищей, которые должны были прибыть на Родос с границ с Ираном, они покинули свои позиции. Вооруженные палками, они атаковали одни из крепостных ворот уже сдавшейся крепости, сумели ворваться в город и начали грабить дома наиболее видных жителей, совершив при этом массу насилий. Их особая ярость была направлена против церкви св. Иоанна, главной святыни Родоса. Трудно сказать, что более двигало ими — религиозный пыл или желание пограбить самую богатую церковь острова. Возможно, и то и другое. Во всяком случае, они соскабливали фрески с изображениями святых, разбивали статуи Богородицы и святых, взламывали могилы погребенных в церкви главных кавалеров острова, разрушили алтарь, волочили кресты по земляной грязи и растаскивали церковную драгоценную утварь. Что-то ужасное виделось в этой картине поругания христианских святынь, совершаемого теми, кто был рожден в святом крещении, но насильственно обращен в ислам, став рьяным поборником своей новой веры. Наконец с колокольни церкви св. Иоанна раздался мусульманский призыв к молитве, а на башне св. Николая Мирликийского зазвучала турецкая музыка. Условия договора о сдаче этой вылазкой янычар были нарушены⁵²¹.

С завоеванием острова Родос янычарское предание связывало появление в корпусе отураков, т. е. янычар, получивших официальное разрешение, в связи с полученными увечьями при завоевании родосской крепости, выйти на пенсию. Отураки более не принимали участия в походах, получая при этом по 2—3 акче в день. Указ об учреждении звания отурака был вызван, по рассказу автора «Мебде-и канун», огромным числом раненых и увечных, появившихся в янычарском корпусе после длительного и трудного захвата острова⁵²².

Родосские рыцари были вынуждены смириться со своим поражением. Для переговоров с Сулейманом, по его требованию, в турецкий лагерь выехал сам родосский капитул Вильер д'Иль-Адам в сопровождении нескольких рыцарей. Султан, возможно, намеренно проводил в час его прибытия заседание дивана, и приехавший к нему глава иоаннитов длительное время, под дождем и мокрым снегом, был вынужден ожидать у входа в шатер турецкого султана⁵²³. В конце концов рыцарям ордена было разрешено покинуть остров. Это предусматривалось условиями сдачи⁵²⁴.

В крепости, занятой турками в конце декабря 1522 г., находился сын неудачливого претендента на османский престол Джема (сына султана Мехмеда II). Он приходился Сулейману двоюродным дядей и был старшим в династийной линии. Из политических соображений Сулейман отдал приказ о казни его и всех его сыновей, не разрешив им уехать в Европу. Вдова сына Джема с дочерьми была отправлена в Стамбул.

Гордый своей победой Сулейман совершил прогулку по захваченной крепости, посетив дворец капитула ордена иоаннитов Вильера д'Иль-Адама. Его сопровождали командующий турецким войском Ахмед-паша и сам глава родосских рыцарей, объяснявшийся с султаном на греческом языке, с которого переводил Ахмед-паша⁵²⁵.

В 1530 г. император Священной Римской империи Карл V даровал изгнанным с Родоса рыцарям о. Мальту, которым они владели до 1798 г., до появления на острове Наполеона. Изгнанные вновь, временно они нашли убежище в России у Павла I и наконец обосновались в Риме.

Завоевав Родос и установив там власть мусульман, Сулейман одержал крупную победу над христианством. Это высоко подняло его в глазах всех приверженцев ислама, но повергло в печаль Европу. При этом конкретная цель, ради которой завоевывался остров, — обеспечение безопасности морских путей и облегчение морских сношений с Египтом — была достигнута. Однако эта недавно приобретенная турками территория вскоре доставила султану большие политические неприятности.

После смерти в октябре 1522 г. поставленного еще Селимом I турецкого управителя Египта, который в своих административных действиях опирался на египетских мамлюков и

бедуинских шейхов, обращая мало внимания на присутствие османских солдат, наместником султана в Египте был назначен второй везир дивана Чобан Мустафа-паша. Мустафа-паша в качестве командующего флотом, осаждавшим главную крепость Родоса, вызвал недовольство Сулеймана, и он сместил его, дав ему новое назначение в Египет.

Новый наместник прибыл в Каир в сопровождении 500 янычар. Он укрепил административную структуру Египта в интересах турецкого правления — Египет стал одним из бейлербейств Османской империи, правда, с максимальным учетом управленческих традиций покоренной территории. В 1523 г. недовольные турецким правлением мамлюки и бедуины Египта подняли восстание против турецкой власти, подавлять которое пришлось янычарам с помощью пушек и ружей. Хотя войско восставших удалось разгромить, Мустафа-паша был смещен со своего поста и заменен везиром Ахмед-пашой, который был недоволен своим новым назначением. В июне 1523 г. Сулейман сместил с поста великого везира Пир (Пири) Ахмед-пашу, и его тезка Ахмед-паша надеялся занять его место, однако обманулся в своих ожиданиях. Вместо этого он был отправлен в далекую и беспокойную османскую провинцию, управление которой представляло большие трудности. Удаление из столицы заслуженных и авторитетных везиров, участвовавших в завоевании Родоса, а затем отправка видного военачальника Ферхад-паши санджакбеем пограничного Смедерево (через пару лет Ферхад-паша был казнен) демонстрировало желание Сулеймана избавиться от сильных сановников, служивших еще при его отце — Селиме I, способных отстаивать свое мнение. Новым великим везиром, в нарушение должностной иерархии и правил назначения, Сулейман объявил своего придворного агу Ибрахима, выходца из дворцовых ич огланов⁵²⁶. Подобное назначение означало усиление личной власти султана, ее возросшую независимость от правительственной структуры и разрыв с принятыми традициями управления государством. Сулейман был готов не оглядываться на мнение своей придворной верхушки, не говоря уже о военной знати, что отличало его от стиля руководства отца — Селима I, исключительно внимательно относившегося к мнению своих ближайших сановников и глав

сил сипахи, долго обсуждавшего важные вопросы и никогда не менявшего принятых решений.

Подобный отход от привычной схемы отношений внутри правящей верхушки на этот раз дорого стоил султану. Перемещение в Египет Ахмед-паши оказалось большой ошибкой. Недовольный своим новым назначением, он встал во главе восстания против турецкой власти (точнее, против султана), в котором приняла участие старая египетская знать. Инсургентам удалось перебить янычарский гарнизон Каира, где они призвали к восстановлению прежнего управления страной. Однако вскоре сам Ахмед-паша стал предметом недовольства многих египтян, после того как обложил высокими налогами торговцев и держателей собственности в Египте⁵²⁷. В феврале 1524 г. против него созрел заговор, во главе которого стоял Кади-заде Мухаммад-бей. На турецкого наместника Египта было совершено нападение, когда он находился в бане. Ахмед-паша сумел бежать, но был пойман в марте 1524 г. и предан казни. Только после проведения ряда мер, призванных привлечь симпатии местного населения и предпринятых посланным в Каир великим везиром Ибрахим-пашой, Египет был замирен.

В то короткое время, когда великий везир Ибрахим-паша был занят делами в Египте, а сам султан Сулейман находился в Эдирне, где проводил зиму, в Стамбуле вспыхнул бунт янычар, которые разграбили дома второго везира — Аяс-паши, дефтердара Абд ас-Селяма и некоторых других столичных сановников. Одновременно были разграблены дома и многих горожан. Немедленно прибывший в Стамбул в связи с янычарским бунтом Сулейман созвал экстренный диван, приказав явиться к султанскому дворцу все свое придворное войско. Спрошенные о подстрекателях произошедших беспорядков, янычары указали на своего агу — Мустафу. Мюнеджим-баши пишет, что кроме янычарского аги были выявлены и другие подстрекатели янычарского бунта — реис-уль-кюттаб (глава канцелярии султанского дивана) Хайдер-эфенди и его кетхюда, Кибран Бали Мустафа-паша. Все они по приказу султана были казнены⁵²⁸.

Османские историографы не называют причин, вызвавших бунт янычар. О них можно только догадываться. Возможно, предполагалось проведение какого-то мероприятия, связанно-

го с янычарскими дефтерами, в котором должны были принять участие дефтердар и реис-уль-кюттаб. Скорее всего, речь могла идти о перерегистрации янычар. Известно, что османская казна к этому времени уже испытывала недостаток средств, о чем можно судить хотя бы по усиленным хлопотам правительства по сбору и присылке египетской дани⁵²⁹.

По всей вероятности, именно финансовые затруднения заставили Сулеймана не спешить с началом давно задуманного им похода против Венгрии. Когда же с замирением Египта и поступлением оттуда годовой дани положение казны улучшилось, султан начал подготовку похода против венгерского короля Лайоша (Людовика) II. Османский историограф Лютфи-паша в своем труде, посвященном истории османской династии, стараясь объяснить причины этого похода, живописует интенсивные приготовления европейских государей к войне с турецким султаном. Он рассказывает о прибытии в Европу (Френкистан) изгнанных родосских рыцарей и их упреках в адрес христианских государей, не спешивших с помощью в борьбе с турками⁵³⁰, о консолидации всех европейских правителей и их активных военных приготовлениях для начала войны с турецким султаном. Во многом это либо чистый вымысел — с целью преувеличить силу противника, либо сильное преувеличение. Время перед походом турецкого султана против Венгрии летом 1526 г. было далеко не благоприятным для создания в Европе каких-либо антиосманских союзов. Крестьянская война в Германии, тяжелая борьба Папства с Реформацией, сложные внутрдинастийные обстоятельства в доме Габсбургов мешали антитурецкой консолидации в Европе и делали Венгрию, выбранную Сулейманом целью своей дальнейшей экспансии в Европе, слабейшим звеном антитурецкой оборонной политики.

На самом деле армия, которую смог собрать венгерский король (без особой помощи своих коронованных современников) против Сулеймана, была слабой и небольшой по численности⁵³¹. Родосские рыцари могли сколько угодно упрекать Европу в отсутствии слаженных действий против общего опасного врага, однако это имело ничтожный эффект. Европа словно забыла о турецкой угрозе, о том, что совсем недавно христианский мир лишился Белграда и о. Родос. Частные национальные заботы и интересы европейских монархов препятствовали

созданию сильной антитурецкой лиги. Временами европейцам казалось, что турки уже удовлетворили свои территориальные аппетиты и едва ли посмеют двинуться в центр Европы. При этом они плохо представляли себе внутренние пружины существования турецкой государственности и в отношении Османской империи руководствовались европейскими представлениями о мотивах внешней политики. Они не могли представить себе существования политики, при которой территориальная экспансия диктуется не столько политическими, экономическими и конфессиональными мотивами, сколько традиционно существующими представлениями о главной цели верховной власти, заключающейся в непрестанном распространении власти хана (султана) на соседние народы и территории и обложении их данью. Конечно, в XVI в. эта цель в Османском государстве уже не формулировалась в понятиях древней традиции: ислам видоизменил формулировки, поставив во главу угла политико-конфессиональные цели. Однако суть политики, корни которой уходили в далекое историческое прошлое тюркских народов, осталась прежней. Естественным ограничителем существования в рамках этой парадигмы мог бы стать лишь более сильный противник. Но его на тот момент не было. Власть султана в глазах его подданных представлялась легитимной и правильной только при условии успешной экспансионистской политики. Именно ее отсутствие сделало уязвимым Баязида II, поколебав его авторитет и возбудив против него недовольство войска, чем воспользовался его сын Селим для захвата власти. А захватив ее, был обязан вести завоевания.

Начавшийся поход Сулеймана против Венгрии отрезвил Европу, но европейские государи, по-прежнему занятые своими внутренними проблемами и раздорами, не оказали необходимой помощи Венгерскому королевству. Сулейман в полной мере представлял себе трудности далекого похода в глубь европейских территорий и с исключительным вниманием отнесся к его подготовке. Турецкая армия собралась в Эдирне, где султанской конной гвардии была устроена проверка-йоклама. Затем проверку, уже в Софии, прошли румелийские сипахи, а чуть позднее — азиатское войско. Великий везир Ибрахим-паша, который одновременно был назначен румелийским бейлербеем и главнокомандующим, получил приказ двигаться

впереди от основных сил армии, на расстоянии одного перехода. Сулейман не имел информации о том, какое войско смог собрать Лайош II, и на всякий случай принимал меры предосторожности. В частях, двигавшихся с Ибрахим-пашой, находились сипахи придворной гвардии и 2 тыс. янычар-тюфенки. Авангард имел при себе также 150 пушек-зарбузан. Всего же в войске Сулеймана было 500 пушек, как о том сообщает Лютфи-паша — мощный арсенал артиллерии⁵³².

Движение армии происходило при чрезвычайно жаркой погоде, которая изнуряюще действовала на воинов. Продвижение было бы почти невозможным, если бы не ежедневно случавшиеся во второй половине дня грозы, приносившие некоторую прохладу⁵³³. Когда армия во главе с Сулейманом подошла к Белграду, был получен приказ соорудить мост через Саву. По нему армия перебралась на другой берег. Еще до выступления войска в поход через Черное море на Дунай были отправлены многочисленные чайки (лодки) с пушками и военным снаряжением для доставки боевого имущества к Белграду. Во время одной из стоянок султан отдал приказ выдать конным и пешим воинам боевые доспехи и снаряжение, которые были изготовлены в столичном арсенале Джебхане⁵³⁴.

Проникнув на венгерскую территорию, турецкая армия в июле 1526 г. расположилась лагерем перед стенами крепости Сланкамена (Сланкамен, в совр. Сербии). Взятие ее было поручено Ибрахим-паше. Туркам довольно скоро удалось пробить бреши в крепостных стенах с помощью подкопов, и через 7 дней город был взят. Сланкамен был полностью razoren и сожжен, «так что в домах не осталось ни одного жителя»⁵³⁵. Высланные вперед всадники-акынджи, сразившись с небольшим отрядом венгров неподалеку от Петерварата, смогли заполучить несколько языков, немедленно доставленных к султану. Только после получения необходимой информации турецкая армия двинулась в сторону вышеназванной крепости. Гарнизону ее было предложено сдаться, однако он отказался подчиниться. После длительной и ожесточенной осады янычарская артиллерия сделала свое дело, и в августе 1526 г. Петерварад был взят. Его жители были вырезаны победителями. Сразу же после этой победы в шатре Сулеймана состоялось заседание дивана, на которое были приглашены особо отличившиеся в осаде и взятии

города военачальники. Они были допущены к целованию руки султана, а затем им были вручены ферманы о назначении их санджакбеями. Приращение тимаров и свою долю пленников получили многие отличившиеся тимариоты. Некоторые сипахи получили в подарок от султана почетное платье⁵³⁶. Это было время, когда султан тщательно следил за тем, чтобы его военная верхушка получала должное вознаграждение за свои боевые заслуги.

После Петерварада турецкая армия медленно двинулась в сторону Мохача, овладевая по пути небольшими крепостями и населенными пунктами. Венграм пришлось сдать туркам хорошо укрепленный Уйлак, жители которого еще до прибытия армии Сулеймана бежали вглубь венгерской территории. В лагерь великого везира Ибрахим-паши прибыла депутация горожан для заключения условий сдачи города. За Уйлаком настала очередь Осиека, у которого по наведенному плавучему мосту была совершена переправа через Драву. По ее окончании мост был разобран⁵³⁷.

К этому времени стало известно, что армия венгерского короля расположилась на равнине близ Мохача. Турецкие авторы называют огромную численность войска противника — 150—200 тыс. человек, но лишь для того, чтобы придать вес одержанной Сулейманом победы. Цифра эта, конечно, сильно преувеличена.

Сражение между двумя армиями началось с перестрелки авангардных частей противников. С турецкой стороны в ней участвовали янычары-тюфенкчи и азебы. Затем атаку предприняли воины-акынджи — легковооруженная тюркская конница беев Смедерево и санджакбея Боснии, после чего центр турецкой армии, где располагались янычары, был атакован венгерской конницей во главе с самим венгерским королем Лайошем. Эта атака была встречена плотным огнем янычарских тюфенков. С турецкой стороны началась стрельба из пушек, установленных на телегах. Янычары стояли в центре турецкой армии, построенные в несколько эшелонов, и были надежно защищены выставленными впереди заградительными телегами.

Встретившись с плотным пушечным и ружейным огнем янычар, венгры не смогли добиться успеха в атаке и перенесли ее против правого крыла турецкой конницы. Турецкие сипахи

с помощью крюков легко сбрасывали с лошадей тяжело экипированных всадников, однако противник продолжал храбро атаковать и сражаться. Лютфи-паша пишет, что румелийское войско — лучшая часть турецкой конницы — не смогло выдержать натиск венгерских воинов и расступилось, пропуская их внутрь. Не мешкая, венгры начали захватывать оказавшиеся на их пути боевое снаряжение противника.

На левом фланге турецкого войска, где стояла анатолийская конница, ситуация складывалась в пользу турок. Здесь противнику была устроена засада, и он явно терпел поражение. На подмогу своим воинам Лайош бросил дополнительные силы, однако это не изменило ситуацию. Янычары, по приказу султана, открыли огонь по наступавшему на левый фланг противнику, оказывая огневую поддержку анатолийским сипахи. Перед сильным огнем турецких тюфенков оказались бесполезными рыцарские латы. Сам король Лайош, дважды раненный, попал в окружение и был убит посреди сражения. Одержав победу, турки без промедления занялись грабежом брошенного венграми военного и иного имущества⁵³⁸.

Одержав громкую победу при Мохаче, Сулейман 10 сентября 1526 г. подошел к Буде, где его встретила депутация горожан, вручившая султану ключи от городских ворот. Султан запретил грабить город и осматривал его в течение двух дней вместе со своим великим везиром Ибрахим-пашой. Ценности королевского дворца и книги из библиотеки Матьяша Корвина были погружены на турецкие суда и отправлены в Стамбул. Грабежу подверглись лишь окрестности Буды, где турками была захвачена богатая добыча⁵³⁹. Сулейман оставил после себя в Венгрии разграбленные отрядами румелийских сипахи и акынджи земли, из которых были уведены тысячи пленников. На территории севернее Серема турки не оставили ни одного своего гарнизона.

Незахваченная турками часть Венгрии перешла в руки Фердинанда I Габсбурга, боровшегося за венгерский престол с венгерским магнатом Яношем Запольяи. Сулейман поддержал в этой борьбе притязания Запольяи, проводя традиционную для турецких султанов политику в духе «разделяя, властвуй».

Несмотря на постоянные и опасные смуты в восточно-анатолийских землях Османского государства, где на религиозной

почве неоднократно вспыхивали восстания против султанской власти, Сулейман все свое внимание сосредоточил на Европе. Ирано-турецкое соперничество и противостояние на некоторое время утратили свою остроту. Османское государство находилось в зените силы и славы, чего не мог не понимать Сефевидский шах Исмаил. Эта передышка в турецко-иранской конфронтации — религиозной и политической — давала возможность турецкому султану целенаправленно готовить новые военные акции на европейских землях.

10 ноября 1526 г. в г. Секешфехерваре венгерским королем был провозглашен трансильванский воевода Янош Запольяи — его поддержала часть венгерских и хорватских дворян. Его соперник, Фердинанд Габсбург, младший брат императора Священной Римской империи Карла V, 16 декабря 1526 г. также был избран западными баронами королем Венгрии. В течение 1527 г. боровшийся со своим соперником Фердинанд одержал две важные военные победы над Запольяи, и тот был вынужден бежать в Польшу. Проигравший, но не сломленный Янош Запольяи обратился за помощью к Сулейману. Развернулась острая борьба за венгерский престол. (По этому вопросу Сулейман даже вел переговоры с Францией.) Поддержав Запольяи, турецкий султан принял решение подкрепить свою политику военными средствами. Был объявлен поход, конечной целью которого была объявлена Вена. План был в высшей степени амбициозным. Посол Фердинанда Габсбурга, прибывший в столицу Османского государства в мае 1528 г., не смог договориться с султаном и вызвать его расположение.

Огромная турецкая армия в 200 тыс. человек (турецкая цифра преувеличена, по европейским источникам — 120 тыс.) на этот раз должна была вторгнуться уже в австрийские владения Габсбургов. Поход в богатую Европу казался чрезвычайно выгодным материальным предприятием, порождая энтузиазм и надежды у всего турецкого войска. 18 августа 1529 г. турецкая армия подошла к Мохачу, где она соединилась с войском своего союзника Яноша Запольяи. 3 сентября турки появились у стен Буды, которая на тот момент находилась в руках Фердинанда Габсбурга, сумевшего отнять город у Яноша Запольяи. Крепость Буда подверглась осаде, ее гарнизон не смог оказать долгого сопротивления и 8 сентября Буда была сдана туркам.

Сулейман запретил грабить город, что вызвало бурное негодование янычар. Они захватили великого везира Ибрахим-пашу, заперли его в одном из городских храмов и потребовали его содействия в получении у султана бахшиша. Долгое время Ибрахим-паша сопротивлялся, отказываясь выполнить требование янычар, но в конце концов был вынужден уступить⁵⁴⁰.

Инцидент не ограничился нападением на великого везира и его пленением. Во время этого же бунта янычары ранили второго по значимости высшего офицера янычарского корпуса — секбанбаши, а также забросали камнями других государственных сановников⁵⁴¹. По словам Лютфи-паши, во время этого бунта было совершено «много непристойностей»⁵⁴². Принято считать, что в период царствования Сулеймана султанская власть еще была способна жестко держать в узде янычарское войско. Однако это не совсем так, и подобные оценки проистекают из некоторой идеализации фигуры Сулеймана, что можно объяснить грандиозностью военных предприятий этого османского правителя.

Султан, проявляя характер, отказался выплатить янычарам бахшиш в возмещение «упущенной выгоды» от запрещенного грабежа. В ответ они устроили резню горожан и перебили гарнизон Буды, нарушив тем самым условия капитуляции. И прославленный Сулейман оказался бессильным в обуздании своего придворного войска. Этот бунт продемонстрировал основные черты поведения янычар, особенно ярко проявившееся при последующих османских правителях. Янычарский корпус, и ранее мало когда упускавший случай побороться за свои «экономические» интересы и меркантилизм которого проявлялся либо более, либо менее ярко в прямой зависимости от состояния государственной казны, все более осознавал себя могущественной силой, обретал черты корпоративного института, работающего исключительно «на себя». Подобные действия янычар, хорошо организованных и сплоченных, способных безнаказанно диктовать свои условия верховной власти, грозили многими будущими бедами Османскому государству — особенно в кризисных ситуациях, что ярко проявилось в последней четверти XVI в. и двумя десятилетиями позже.

Сулейман изгнал войско Фердинанда за пределы Венгрии, оставив при Запольяи военный отряд во главе с венецианским

авантюристом Алоизио Гритти. Последний был назначен Яношем Запольяи наместником Венгрии. А 27 сентября 1529 г. армия Сулеймана дошла до стен Вены. Высланные вперед отряды турецких акынджи уже успели пограбить ее окрестности, доставив султану множество пленников. От них туркам удалось узнать о численности венского гарнизона. Сулейман заявил, что намерен сразиться с войском самого Фердинанда Габсбурга⁵⁴³. Однако неблизкий путь к Вене занял у турок слишком много времени. Обычно турецкие военные кампании заканчивались к концу сентября—началу октября. На зиму войско возвращалось обратно на свои зимние квартиры. Между тем было совершенно ясно, что предстоит длительная осада — Вена представляла собой неприступную крепость. Тем не менее осада началась, заработала сильная турецкая артиллерия, под крепостными стенами начали делаться многочисленные подкопы и производиться взрывы. Однако произведенные разрушения и бреши на этот раз не помогли. Оборона была организована столь превосходно, что янычары, видя это, не выказывали особого энтузиазма при всех попытках штурма. Со своих высоких стен венцы наблюдали, как офицеры заставляли янычар и азебов идти на приступы, подгоняя их ударами палок⁵⁴⁴. Наконец был назначен день решающего штурма. Между тем в турецкой армии уже ощущалась нехватка продовольствия и боеприпасов. Энтузиазм войска был столь невелик, что солдат начали подбадривать обильной выдачей денег и щедрыми обещаниями. Каждому янычару было выплачено по 1000 акче. В турецком лагере было объявлено, что тот, кто первым заберется на крепостную стену, получит тимар с доходом в 30 тыс. акче или должность субаши и санджакбея⁵⁴⁵.

14 октября решающий штурм начался, однако ему явно не хватало наступательного порыва. Воинов гнали на стены сам великий везир Ибрахим-паша, анатолийский бейлербей и янычарский ага, грозя саблями и палками. Однако солдаты предпочитали битве и даже смерти от своих командиров гибели от выстрелов длинных немецких аркебуз⁵⁴⁶. Все предпринятые атаки не привели к желаемому результату. Наблюдая за всем этим, Сулейман дал знак прекратить штурм.

Турецкое войско, вымотанное и недовольное материальными результатами похода, оказалось неспособным выполнить по-

ставленную перед ним задачу. Однако будем справедливы. Не «длинные немецкие аркебузы» и умение обороняться спасло Вену, а ее удаленность от столицы Османского государства. Измотанная янычарская пехота уже к полуночи после неудачного генерального штурма, сложив свои палатки, жгла все лишнее из обоза, предвидя трудности обратного перехода. Солдаты расставались даже с частью своей добычи: были перебиты пленники-старики, женщины и дети, которые могли не дойти до невольничьих рынков. Жителям Вены предстала ужасная картина пылающего турецкого лагеря, откуда доносились отчаянные крики убиваемых. Предупреждая возможные инциденты во время пути домой из-за недовольства янычар, Сулейман велел раздать им 246 тыс. дукатов⁵⁴⁷. Вероятно, в эту сумму вошло и их жалованье.

Плохо ориентируясь в сети дорог австрийских владений Габсбургов, не имея хороших проводников, турецкая армия медленно продвигалась в сторону Белграда, теряя при этом в пути большую часть своей клади. Лишился своего багажа, застрявшего в болоте, даже великий везир Ибрахим-паша. У шести тысяч обозных слуг, обязанных обеспечивать сохранность войскового имущества, было в результате отобрано жалованье или часть их тимарных пожалований. Лишь в декабре 1529 г. турецкая армия достигла Стамбула⁵⁴⁸. Окончание «похода на Вену» оказалось весьма бесславным.

Неудача турецкой армии под Веной стало крупным политическим поражением турецкого султана. Между тем хитроумный Сулейман действовал так, словно никакой неудачи не было. Сохраняя ритуал рассылки «фетх-наме» («победных грамот»), на этот раз султан разослал «извещения об успехе» (башарет-наме)⁵⁴⁹ своего военного предприятия. Соответствующая грамота была составлена таким образом, что могло сложиться впечатление об удаче похода в Европу. Курдский бек Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси, находившийся на службе у иранского шаха Тахмаспа, в своем историческом сочинении «Шараф-наме» писал, что Сулейман выступил против Венгрии «для ее разгрома и, достигнув желаемого, изволил возвратиться в обитель славы и достоинства»⁵⁵⁰.

Зимой 1529—1530 гг., занятый улаживанием смут в Восточной Анатолии, Сулейман не оставлял мысли о Вене. Анти-

габсбургская политика турецкого султана втянула его в круг активной дипломатической борьбы в Европе. Цель политики Сулеймана заключалась в том, чтобы не допустить власти Габсбургов над всей Венгрией.

В октябре 1530 г. в Стамбул прибыло посольство от Фердинанда, имевшее целью заключить мир с Османской империей, однако оно закончилось неудачей. Сулейман предполагал победить своего противника на его поле. Дунайский регион между тем не был первостепенным для Габсбургов, которые сосредоточили свои основные интересы в центре Европы и ограничивались оборонительными акциями против турок, избегая генерального столкновения⁵⁵¹. Сулейман, хорошо ориентировавшийся в сложившейся внешнеполитической обстановке, принял решение атаковать вновь.

В апреле 1532 г. султан организовал новый антигабсбургский поход. Турецкое войско включало в себя 16 тыс. румелийских сипахи, 30 тыс. — азиатских, 12 тыс. янычар, 20 тыс. придворных сипахи и 60 тыс. акынджи. В Белграде к османской армии присоединился отряд крымских татар в 5 тыс. человек. В Эссеке в турецкое войско влились боснийские сипахи и акынджи во главе с Хусрев-беем⁵⁵². Целью оставалась Вена. По пути армия Сулеймана взяла 17 укрепленных населенных пунктов (Шиклош, Эгерсег, Папоч и др.). Однако турки застряли у большой крепости Сомбатхей, гарнизон которой умело и героически защищался. Огромной турецкой армии, использовавшей всю силу своей артиллерии и осадной техники, никак не удавалось добиться успеха. Турки проделали 13 мин (подземных ходов под стены), производили подрывы, в результате чего образовались бреши шириной в 15 м, однако предпринимаемые штурмовые атаки так и не дали положительных результатов. По приказу Сулеймана, которого начало раздражать это неожиданно возникшее препятствие, были возведены две высокие фашины, с которых также начался обстрел крепости. Однако ее защитникам удалось поджечь и уничтожить эти фашины. Шел 19-й день осады крепости. Великий везир Ибрахим-паша потребовал у защитников сдачи крепости и признания себя данниками султана. В крайнем случае, он предлагал гарнизону откупиться за 2 тыс. венгерских дукатов, передав их «капитанам» янычар⁵⁵³. Ясно, что именно янычары потратили больше всего

сил при осадных работах, приступах и обстрелах крепостных стен и требовали вознаграждения.

Комендант крепости отказался выполнить турецкие требования. Великий везир пообещал янычарам прибавку к жалованью и предоставление тимаров в случае овладения крепостью, что несколько усилило энтузиазм янычар и азевов, сумевших взобраться на крепостные стены и водрузить на них 8 турецких знамен. Однако жители города — старики, женщины и дети, наблюдавшие за происходящим из-за укрытий, — «испустили столь пронзительный жалобный крик, что уstraшенные нападающие обратились в бегство, оставив неприятелю даже два своих знамени»⁵⁵⁴.

Иозеф Хаммер, посвятивший несколько страниц своего труда описанию доблестной защиты отважного гарнизона, чуть иронично прокомментировал этот эпизод следующим образом: «Сей результат показался довольно экстраординарным как осаждающим, так и осажденным, так что они сочли необходимым дать ему чудесное толкование. Первые утверждали, что видели небесного всадника, который грозил им своей сверкающей шпагой, а вторые убеждали себя в том, что им на помощь пришел св. Мартин, святой покровитель Сомбатхея»⁵⁵⁵.

Вероятно, если бы турецкая армия продолжила штурмы, она бы в конце концов достигла успеха, однако осада и так заняла у турок почти месяц и отняла у них огромные силы. Между тем отдаленность конечной цели похода — Вены — вынуждала армию Сулеймана торопиться. Великий везир Ибрахим-паша пригласил к себе на встречу коменданта непокоренной крепости и скоро убедился в том, что тот вовсе не намерен сдавать ее. В военном отношении эта победа была совершенно необязательна и ничего не решала. По видимости, следовало предпринять нечто чрезвычайное, хитрое и не задевающее чести турецкого оружия. В результате был разыгран целый спектакль. Ибрахим-паша поставил у пробитой турками брешки в крепостной стене 12 солдат, якобы для того чтобы не пускать в город турецких мародеров. Комендант Сомбатхея одарил всех турецких военачальников богатыми серебряными вазами. Те, в свою очередь, одарили его почетным платьем. С музыкой и развернутым пурпурным знаменем с надписью «Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — посланник Аллаха» —

турецкий отряд подошел к пролому в крепостной стене, громко выкрикивая мусульманскую формулу (*тур.* бисмала, *араб.* бас-мала) «Во имя Аллаха!». Все это было сочтено турками достаточным знаком выражения победы мусульман и дало возможность великому везиру доложить султану о капитуляции города, за что Ибрахим-паша был щедро одарен Сулейманом⁵⁵⁶.

Впрочем, Сомбатхей был редкой неудачей турецкой армии. Уже на следующий день после описываемых событий пришло известие о сдаче австрийцами Алтенбурга (*венг.* Мошонмадьярвар, *Мадьярвар*). Сулейман тем временем стремился к тому, чтобы дать генеральное сражение, в котором принял бы участие сам главный его неприятель. Однако Фердинанд Габсбург всячески избегал этого. Через своих послов турецкий султан послал Фердинанду письмо с призывом лично явиться с армией, однако Габсбург пренебрег вызовом, предпочтя остаться под защитой крепостных стен Вены. Турецкая армия продолжила свое продвижение по австрийским землям. Проходя Штирию, турки предали ее разрушениям и разбою. Отряды акынджи во главе с Касым-беем рыскали по встречавшимся им дорогам, убивая или забирая в плен жителей. Однако плохое знание местности сыграло с турками злую шутку. Неожиданно для себя Касым-бей натолкнулся на части войска Фердинанда Габсбурга, удачно атаковавшего неприятеля. Понимая, что ему будет трудно прорваться к основным силам турецкой армии, имея при себе 4 тыс. пленников, глава акынджи отдал приказ перебить всю захваченную живую добычу и глубокой ночью, разделив отряд на две части, попытался осуществить прорыв. При этом лишь части акынджи удалось вернуться к своему войску. Отряд, возглавляемый самим Касым-беем, был почти полностью разгромлен⁵⁵⁷.

Армия Сулеймана между тем грабила города Австрии. Многие ее жители смогли укрыться в храмах, превращенных в маленькие неприступные крепости. Наступил сентябрь, и султан не решился, за малостью остававшегося для военной кампании времени, начать осаду Граца. 14 сентября армия остановилась у Зекаи, где в изобилии запаслась провиантом, а затем отошла к Марбургу (Марибор), попытавшись взять его, но безуспешно. Турки спешили, сооружая мост через Драву, чтобы переправиться на другой берег. Сама же переправа про-

ходила в суматохе и страшной неразберихе — армия рвалась домой. Переправившись через реку, Сулейман отдал приказ сжечь мост. Проход по землям Штирии оказался чрезвычайно трудным. Турки понесли большие потери в боевом снаряжении и лагерном имуществе. Отход турецкого войска сопровождался грабежами, пожарами и убийствами мирных жителей.

Поход Сулеймана 1532 г. против Фердинанда Габсбурга оказался пусть и эффектной, но пустой демонстрацией силы. Так же как и поход 1529 г., он стоил огромных сил и средств. Военный неуспех его был очевиден, однако он имел некоторые политические последствия. В письме дожу Венеции с торжественным извещением о победах, одержанных турками в кампании 1532 г., Сулейман сообщил о «возведении» на венгерский престол Яноша Запольяи. Правда, власть турецкого протезе не была прочной. Фердинанд Габсбург не прекращал своей борьбы за венгерскую корону, и лишь в феврале 1538 г. в Надьварде между Фердинандом и Запольяи был заключен мир. Территория Венгрии оказалась поделенной между ними на две зоны, но соглашение не было окончательным. Каждый из соперников мечтал о власти над всей Венгрией. При этом Янош Запольяи лишился возможности получать турецкую помощь, так как Сулейман на несколько лет оказался вовлеченным в дела восточной части своей империи. В 1533 г. между Фердинандом, Сулейманом и Запольяи было заключено долговременное перемирие⁵⁵⁸.

Активизация восточной политики Сулеймана была связана с событиями, развернувшимися на далеких рубежах Османского государства вблизи от границ с Сефевидским Ираном. В 1529 г. в Центральном Ираке произошло крупное антишиитское восстание во главе с одним из представителей лурской кочевой знати Зульфикар-беком. Он разгромил войско сефевидского наместника и овладел Багдадом, ключи от которого послал Сулейману. Более того, в Багдаде он начал чеканить монету с именем турецкого султана и приказал упоминать в хутбе его имя. Однако в 1530 г. иранский шах вторгся в Ирак, разбил войско повстанцев и овладел Багдадом, назначив своим наместником Мухаммад-хана, выходца из племени текелю⁵⁵⁹.

Примерно в это же время покровительства Сулеймана начал искать один из приближенных шаха Тахмаспа, Улама, так-

же выходец из племени текелю. Спасаясь от шахского гнева, он перешел на службу к турецкому султану и получил от него в управление Битлисский вилайет. Прежний битлисский правитель, Шараф-хан, не желая расставаться со своей властью, в свою очередь обратился за помощью к Тахмаспу. Шах Ирана двинул к Битлису свои войска и снял с него турецкую осаду⁵⁶⁰. События сталкивали Сулеймана с сефевидским шахом Тахмаспом, унаследовавшим власть в Иране от Исмаила в 1524 г. Османская империя имела громкую славу в мусульманском мире не только как оплот суннизма, но и как сильное в политическом и военном отношении государство. Естественно, что к турецкому султану за помощью в случае борьбы за власть обращались многие мусульманские царьки и владетели, стремившиеся получить выгоды от подобного покровительства, что льстило имперским амбициям турецких султанов, но требовало от них соответствующих политических действий.

Так произошло и на этот раз. В сентябре 1533 г. из Стамбула в Алеппо выступило турецкое войско во главе с великим везиром Ибрахим-пашой. Целью похода было овладение Иранским Азербайджаном. В июле 1534 г. турецкая армия после зимовки в Алеппо вступила в Тебриз. При этом были учтены уроки прежних походов. Войско выступило не весной, а осенью, чтобы иметь возможность после отдыха со свежими силами приступить к выполнению военной задачи. Окружающие Тебриз крепости не оказали сопротивления туркам, добровольно передавая им ключи от крепостных ворот. В это время самого шаха Тахмаспа в столице не было — он находился в Хорасане с намерением совершить поход в Мавераннахр. Однако, узнав о прибытии турецкого войска, шах отказался от похода в Среднюю Азию и повернул назад⁵⁶¹. Между тем покорность турецкой власти выразил правитель Ширвана и владетель Гиляна Музаффар-хан. Ибрахим-паша вручил управление Азербайджаном Улама, а Ираком — Байындыр-оглу Мурад-беку⁵⁶².

Еще до вступления в Тебриз турецкое войско, которому Ибрахим-паша отказал в грабеже города, возмутилось и потребовало, чтобы во главе армии встал сам султан Сулейман. Опасаясь бунта, Ибрахим-паша отправил письмо султану, прося его лично возглавить поход⁵⁶³. Войско, выступившее в *завоевательный* поход без султана, посчитало это нарушением сложившей-

ся традиции. Присутствие во главе войска султана рассматривалось как одна из важных предпосылок победы, что было связано с представлением о сакральности личности правителя.

Сулейман был вынужден уступить. В начале октября 1534 г. он прибыл в Азербайджан на летовье Уджан, где его встречали Ибрахим-паша с сановниками и Музаффар-хан. Отсюда турецкий султан прибыл в Тебриз. Узнав, что шах Тахмасп находится в местечке Султанийе, имея при себе не более 7 тыс. воинов и лишь три тысячи лошадей, пригодных для сражения, Сулейман с войском поспешил туда. Однако уже наступил сезон холодов, в горах выпало много снега и продвижение турецкой армии стало затруднительным. Не хватало провианта. Все это вынудило Сулеймана отказаться от своего первоначального замысла и направиться в Багдад.

Переход в Ирак также доставил множество трудностей турецкому войску, во время пути понесшему большие потери в людях и животных. Особенно тяжелым оказался переход через горы Загроса. Шли непрерывные дожди, в поднявшихся реках гибло войсковое имущество. Но самое главное, турки утратили множество пушек — чтобы облегчить продвижение армии был отдан приказ сжечь сто пушечных повозок, а пушки закопать в землю во избежание попадания их в руки врага.

Иракский наместник шаха в Багдаде, узнав о приближении турецкого войска, заранее покинул город, не попытавшись оказать никакого сопротивления. В Багдаде турецкая армия провела целую зиму⁵⁶⁴. Это время султан использовал для посещения мусульманских святынь. Он посетил тюрьму Абу Ханифы и, не проявляя никакой враждебности к шиитам, побывал на могилах Али и Хусейна в Кербеле и Неджефе — как и на могиле седьмого шиитского имама Мусы Казима, отдав распоряжение завершить начатое еще при шахе Исмаиле строительство здесь мавзолея⁵⁶⁵. Население Багдада, по большей части суннитское, еще до прихода турок перебило наиболее ненавистных ему шиитских проповедников. В целом оно сочувственно отнеслось к появлению турок. Сулейману были переданы ключи от крепостей Шахрабан, Харунийе, Дакук, Киркук, Хилле⁵⁶⁶. В Ираке была введена турецкая администрация, проведена перепись земель⁵⁶⁷. Следует отметить, что овладение турками Ираком было во многом случайным. Выступил Сулейман с самого нача-

ла похода вместе со своим войском, не потеряй он время, и ход иранского похода мог бы быть совсем иным. По-видимому, Сулейман не планировал заранее захват Ирака — к этому его подвел сам ход событий. Но после вступления Сулеймана в Багдад установление турецкой власти на территории Ирака представлялось уже неизбежным ввиду суннизма турок, из-за которого им симпатизировало большинство населения. Уход шахской администрации рассматривался местным населением как освобождение.

Воспользовавшись пребыванием Сулеймана в Багдаде, шах Тахмасп овладел Тебризом. Оставленный там турками военный гарнизон, состоявший из сипахи и янычар, был изгнан из города, при этом Тахмасп завладел брошенными ими пушками и прочим боевым снаряжением. Как сообщает (немного презрительно) османский историограф Лютфи-паша, эти пушки были переплавлены на медные монеты⁵⁶⁸. Затем шах осадил закрывшегося в Ване турецкого наместника Азербайджана Улама-хана. Эта осада, продолжавшаяся несколько месяцев, была прервана известием о восстании Сам-мирзы, отложившегося от Тахмаспа и принявшего османское подданство. (Сулейман объявил Сам-мирзу правителем Ирана.) Все это внесло разлад среди племен, поддерживавших Тахмаспа, и крайне усложнило положение иранского шаха, запросившего у Сулеймана мира, когда тот в июле 1535 г. со своим войском отправился из Ирака к Тебризу.

Сулейман жаждал сразиться с Тахмаспом и отвергал все мирные предложения. Желая задобрить свое войско и поднять его боевой дух, султан, подойдя к шахской столице, выдал воинам бахшиш и объявил об увеличении жалованья и иных источников дохода⁵⁶⁹. Однако Тахмасп всячески избегал генерального сражения. Турецкая армия двигалась дорогами Восточной Анатолии, иногда происходили отдельные стычки с отрядами всадников иранского шаха, но сам шах нигде не объявлялся. В этих условиях султану ничего не оставалось, кроме как возвратиться в Стамбул. Приближались зимние холода. Янычары, находившиеся в составе гарнизона в крепости Ван, поняв, что Сулейман не собирается идти на подмогу к Улама-хану, подняли бунт и сожгли крепость и ее окрестности, заявив, что также возвращаются в Стамбул. Султану доложили, что гарнизон са-

мовольно покинул город⁵⁷⁰. Янычары действовали совершенно безбоязненно.

Сулейман понимал, что нужно возвращаться. Погоня за шахом грозила затянуться надолго. По существу, Тахмасп, не обладая многочисленным и хорошо вооруженным войском, вел партизанскую войну, неожиданно появляясь там, где его совершенно не ждали. Отдельные отряды его воинов могли наносить неожиданные победоносные удары по разрозненным частям турецкой армии — генерального сражения не происходило. Примечательно, что, как только Сулейман покинул земли Восточной Анатолии, Тахмасп немедленно начал восстанавливать свою власть на захваченных турками территориях⁵⁷¹.

Сулейман отправился в Стамбул, не забыв ритуальной рассылки фетх-наме, в которых описывались одержанные им победы в Азии. 8 января 1536 г. он вступил в столицу.

Восточный поход султана, возможно, стоил жизни его многолетнему соратнику и любимцу, великому везиру Ибрахим-паше, казненному вскоре после прибытия войска в Стамбул. В ночь с 15 на 16 марта 1536 г. он был задушен в султанском дворце. Опала влиятельного сановника, много лет бессменно возглавлявшего султанский диван, вызвала много толков и попыток объяснить внезапную немилость. Все они сводились к тому, что Ибрахим-паша позволял себе в отношении султана поведение, которое могло быть расценено как вызывающе независимое. Ибрахим-паша вел себя так, словно имел власть, равную султанской. Постоянный собеседник Сулеймана и неизменный участник совместных развлечений, Ибрахим-паша даже ночевал в султанском дворце, словно соправитель⁵⁷².

Трудно представить себе, что Сулейман всерьез опасался, как пишут османские хронисты, узурпации верховной власти со стороны своего великого везира. Известно, правда, что, находясь в восточном походе, тот самочинно изменил свой титул. В рассылаемых им официальных бумагах он теперь присоединял к слову сераскер (главнокомандующий) слово султан. В Восточной Анатолии, в районах проживания курдов, Ибрахим-паша считал, вероятно, необходимым пользоваться именно таким титулом в целях поднятия своего авторитета в качестве главы султанского войска⁵⁷³. Однако этого факта, пусть и достаточно неординарного, было явно недостаточно для казни

любимца. Сулейман, вернувшись из похода, не сразу казнил своего великого везира, а по истечении некоторого времени. Молва утверждала, что Ибрахим-паша пал жертвой заговора со стороны любимой жены Сулеймана — Хуррем Султан (Роксоланы). Никто не забывал о предстоящей рано или поздно смене власти и возможной борьбе за престол между сыновьями Сулеймана. Ибрахим-паша испытывал симпатии к старшему сыну Сулеймана — Мустафе, рожденному от другой жены султана, в то время как Хуррем Султан мечтала возвести на трон одного из своих сыновей.

Глава 4

РАСШИРЕНИЕ ИМПЕРИИ

Разросшееся Османское государство постепенно обрело все черты империи с огромным населением, говорившем на десятках языков. Вместе с ростом ее территории росли и имперские амбиции султана Сулеймана, мечтавшего теперь о своем полном господстве в Средиземноморье. Турецкие суда появились и в Индийском океане. Великой цели соответствовали и герои — одним из них стал Хайреддин-паша, известный в истории под именем Барбаросса. Сын греческого горшечника с о. Лесбос, Барбаросса добровольно поступил на службу в турецкий флот, затем покинул ее, встав во главе набранной из североафриканцев армии, отнял у испанцев Алжир и был провозглашен султаном, пользуясь турецким покровительством. В 1538 г. флот Барбароссы наголову разбил эскадру перешедшего на испанскую службу генуэзца Андреа Дориа, а в 1539 г. взял крепость Герцег-Нови в Бокотторском заливе. Перебив цвет испанского войска, немногих оставшихся в живых Барбаросса отправил на галеры. Это можно было считать огромным морским успехом покровителя Барбароссы — турецкого султана¹. Хайреддин-паша доходил со своим флотом до берегов Испании и Туниса, грабя побережье и исправно отправляя добычу в Стамбул.

Примерно в это же время покровительства и защиты Сулеймана запросил владетель Гуджаратского султаната Бахадуршах (1526—1537), теснимый могольским правителем Хумаюном. (Последний захватил часть территории Гуджарата.) Бахадуршах первоначально обратился за помощью к португальцам, которым разрешил за это построить крепость в Диу.

Однако португальцы предоставили Бахадур-шаху лишь два жалких отряда, состоявших из нескольких десятков всадников и пехотинцев². Тогда султан Гуджарата отправил послов к Сулейману с просьбой направить в Гуджарат его флот и войско. Эту военную помощь Бахадур-шах обещал оплатить золотом, которое намеревался выслать в Египет. Золото действительно было доставлено в Каир, взвешено и отправлено в Стамбул³. Впоследствии эти сокровища были предложены турецким султаном в качестве дара Мекке. На помощь Бахадур-хану Порта решила отправить флотилию под командованием Сулейман-паши, адмирала, в прошлом евнуха султанского гарема. Старый Сулейман-паша был настолько тучен, что, по рассказам, его поднимали, помогая встать на ноги, 4 человека. Флотилия Сулейман-паши состояла из 70 судов, на которых отплыло двадцатитысячное войско. В его составе находилось 7 тыс. янычар. Корабли для этой морской экспедиции были построены в Суэце под присмотром египетского бейлербея⁴. Турки строили суда для каждой своей морской кампании, и эти суда использовались обычно 7—8 лет и уже в середине своей службы требовали ремонта (для сравнения: суда в Республике Дубровник использовались в течение 40 лет)⁵. В Адене на борт флагманского корабля хитростью был заманен и оставлен пленником арабский принц Амир бен Дауд, а территория Адена была объявлена турецким санджаком, во главе которого был поставлен Бехрам-бег. Иногда турецкие завоевания совершались и таким образом.

Через несколько недель плавания флотилия Сулейман-паши достигла берегов Гуджарата, и турки приступом овладели двумя крепостями — Куке и Катом. В начале октября 1538 г. была осаждена и крепость Диу. Среди привезенных турками пушек было несколько таких, которые стреляли ядрами весом до 90 фунтов (около 36 кг). Осада Диу длилась в течение 20 дней, однако португальцы умело защищались. В турецком лагере уже ощущалась нехватка продовольствия, а сменивший убитого в 1537 г. португальцами Бахадур-хана его сын Махмуд не спешил оказать помощь туркам. Не помогли и хитрые стратегемы. Махмуда не удалось заманить, как аденского принца, на турецкий корабль и столь радикальным способом добиться поставленных целей. Сулейман-паша был вынужден отказаться

от затей взять Диу и 13 марта 1539 г. турецкая флотилия вернулась в порт Джидду⁶.

Этот эпизод ясно показывает размах военной и политической активности Османского государства в период правления султана Сулеймана. В это же время османского султана связывают также дипломатические отношения с самаркандским правителем Абдул Латифом и правителем Бахрейна. В сферу политического влияния Османской империи входят огромные территории как в Европе, так и в Азии. Растет осознание своей политической значимости у самих турецких султанов.

Вовлеченность в политические дела европейских государств в качестве сильного в военном отношении правителя заставляла турецкого султана активно действовать в Европе и расширять сферу своего влияния на все новые земли в районе Средиземноморья, где турки начинали чувствовать себя как истинные хозяева. Заключенный Сулейманом в 1536 г. договор с Францией — в продолжение его антигабсбургской политики — ознаменовал собой начало подготовки к морскому походу против владений Габсбургов в Италии. Согласно турецко-французскому договору, французские войска должны были действовать против Габсбургов в Северной Италии. Франция, получавшая по этому договору большие торговые привилегии в османских владениях, отказалась от антитурецкой политики побуждаемая политико-экономическими интересами собственной страны. Договору предшествовали драматические события.

После избрания Карла испанского императором Священной Римской империи равновесие в Европе оказалось нарушенным. В руках Карла V оказались Испания, Южная Италия, родовые земли Австрийского дома, владения в Америке. Новый император был не прочь присоединить к своим владениям также часть французских земель, воспользовавшись смутой, вызванной претензиями на французский престол Карла Бурбона, собственника огромных земель в срединной Франции. Бежав к Карлу V, Карл Бурбон вместе с испанцами принял участие в походе на земли Южной Франции. Здесь развернулась длительная борьба интервентов с верными французскому королю Франциску I войсками. В битве при Павии, где сторонникам легитимного французского монарха противостояли немецкие ландскнехты, французы потерпели поражение, несмотря на на-

личие артиллерии и свое численное превосходство. Артиллеристы Франциска действовала крайне неумело, снаряды попадали в собственных же солдат, а рыцари вели сражение в рамках старинных традиций личной отваги. В феврале 1525 г. король Франциск I оказался в плену. Около года его держали в мадридской тюрьме и освободили только после подписания им тяжелого по своим условиям договора, по которому французский король потерял Бургундию и отказался от своих притязаний на Милан и другие территории Италии.

Катастрофа при Павии несколько отрезвила бывших союзников Карла V — английского короля Генриха VIII и римского папу, вовсе не стремившихся к чрезмерному усилению Габсбургов. Угрожающей становилась обстановка в Италии, где в начале 1527 г. к Риму двинулись наемные войска Карла Бурбона, мечтавшего о французской короне. Он дошел до Рима, но не смог насладиться зрелищем его взятия, так как был убит во время штурма. Рим был разграблен его наемниками, творившими вещи, недостойные христиан. Запершийся в башне Ангела папа римский Климент VII был вынужден откупиться с помощью огромной суммы, переданной солдатам, и бежать.

В том же 1527 г. Франциск I предпринял военные действия в Италии, направленные против Габсбургов, стремясь к пересмотру заключенного в Мадриде договора. В результате по договору с Карлом V французский король возвратил себе Бургундию и женился на его сестре. Добившись ликвидации одного условия Мадридского договора, Франциск решил добиваться ликвидации и другого, объявив свои притязания на Милан. И здесь, поставив свои политические интересы выше религиозных, он пошел на заключение договора с турецким султаном. К этому его побуждало также военное вторжение в начале 1536 г. в Прованс войска Карла V, закончившегося, правда, поражением последнего.

Франциск I отправил Сулейману письмо с просьбой о помощи против Габсбургов. Турецкий султан, в соблюдение условий союзного договора с Францией, собрал огромный флот, на котором к берегам Албании отправилось войско, в которое входили азебы, 4 тыс. янычар, 600 янычарских пушкарей и сипахи из Румелии и Анатолии. В море к ним присоединились суда флотилии Хайреддин-паши. Командовать соединенным

флотом был назначен второй везир султана Лютфи-паша, описывающий этот поход в своем труде как непосредственный его участник. Сам Сулейман с огромным войском, в состав которого вошли румелийские и анатолийские сипахи, с сыновьями Селимом и Мехмедом 18 мая 1537 г. выступил из Стамбула. При торжественном вступлении в Эдирне, где султанскую процессию встречали представители городских ремесленных цехов, разразилась гроза, при этом молния попала в знаменосца цеха портных, возглавлявшего депутацию. Его гибель на глазах у всех так поразила воображение турок, что этот факт попал на страницы османских исторических хроник⁷.

Рассказывая о прибытии армии Сулеймана в Албанию, Мюнеджим-баши пишет, что здесь турецкое войско легко овладело областью Дельвина — «благодаря великолепным действиям великого везира Айас-паши, албанца по происхождению»⁸. В начале июля 1537 г. войско подошло к Авлонье (*алб.* Валлона, совр. Влора). В это время Лютфи-паша получил приказ произвести нападение на побережье Апулии (Южная Италия). Турецкий десант высадился неподалеку от Отранто. Румелийской конницей и янычарами руководил перебежчик-итальянец Пинателли, осаждавший вместе с турками замки Кастро, Уджен-то и др. В незнакомой местности туркам был весьма полезен столь опытный предводитель и проводник. Турецкими солдатами была разграблена итальянская южная прибрежная область. По рассказу самого Лютфи-паши, румелийская конница огнем и мечом прошла по итальянской земле, сжигая захваченные замки и деревни. Главной целью турок были грабежи и устрашение. По словам того же Лютфи-паши, турецкий десант разграбил 30 итальянских замков. По сообщениям итальянских источников, турки пленили 10 тыс. местных жителей⁹. Цифра эта, конечно, сильно преувеличена. Турецкая флотилия просто не смогла бы вместить всех пленников, чтобы доставить их на невольничьи рынки.

Хайреддин-паша также подверг грабежу итальянское побережье. Затем его флотилия отправилась к берегам Албании. Лютфи-паша с досадой пишет о своем сопернике по военной операции, который лишил его возможности самому заполучить ту добычу, которая досталась Барбароссе¹⁰. Во время действий турок в Южной Италии имели место опасные моменты. Однаж-

ды румелийские сипахи, занятые грабежами, едва не лишились своей флотилии, так как на рассвете к ней неожиданно подобралось несколько христианских судов. В завязавшемся морском бою турки сумели одолеть противника. Им удалось взять на абордаж и захватить четыре корабля христиан¹¹. Подобного рода эпизодов во время данной кампании было немало.

Флотилия Лютфи-паши пробыла у берегов Апулии в течение месяца, а затем получила приказ овладеть о. Корфу. Такой же приказ получил и Хайреддин-паша. Остров Корфу считался «морским ключом» Венецианской Республики. Началась осада, в которой принял участие и сам султан Сулейман. 25 августа 1537 г. на острове высадился турецкий корпус в составе 28 тыс. человек. У турок было 30 пушек. Затем на острове со своими воинами появились великий везир Айас-паша, второй везир дивана Мустафа-паша, бейлербей Румелии, янычарский ага со своими янычарами, а также отряды акынджи, которые в течение трех дней и ночей занимались грабежом о. Корфу. У осажденных в крепости Керкира была отличная артиллерия, которой они пользовались весьма эффективно, нанося большие потери турецкой армии в живой силе. В течение 20 дней турки осаждали главную крепость острова и были вынуждены снять осаду. Приближалась осень и длительный переход армии на зимние квартиры¹². По пути морские силы турок предпринимали грабительские операции на островах, принадлежавших Венеции, где главной добычей турок становились юноши, девушки и женщины¹³.

Воспользовавшись военными действиями турецкой армии в Албании и Италии, которые отвлекли от турецких границ значительные воинские силы, Фердинанд Габсбург попытался нанести удар по туркам в Венгрии. Посланное им к Белграду многотысячное войско, столкнулось, однако, с неудачей. Начавшиеся сильные дожди и нехватка фуража и продовольствия изменили все планы, и армия Фердинанда повернула обратно. Она не смогла избежать нападений на свои арьергарды отрядов пограничных сипахи, что вызвало ее паническое бегство. При этом христиане побросали в дороге свою артиллерию¹⁴, вызвавшую живой интерес у противника. Турки с самого появления у них огнестрельного оружия активно пользовались услугами европейских мастеров-оружейников¹⁵. Турецкие пушки

были по существу оружием, изготовлявшимся на основе европейской технологии. Трофейные образцы могли служить моделями для воспроизведения в турецком варианте. Во второй четверти XVI в. европейские пушки качественно превосходили турецкие. Об этом можно судить по словам Лютфи-паши, который, рассказывая о попавшей в руки турок артиллерии, замечает, что пушки неприятеля были доставлены в Белград, изучены и вызвали немалое удивление. Они были «столь искусно сделаны», что заставили осматривавших их признать, что таких они еще «никогда не видывали»¹⁶.

В феврале 1538 г. Фердинанд Габсбург и Янош Запольяи заключили между собой договор, по которому признавалась верховная власть каждого на занимаемой им территории. Кроме того, было заключено соглашение о взаимной помощи в случае турецкого нападения. Особым пунктом соглашения указывалось, что после смерти Яноша Запольяи все венгерские земли должны были быть объединены под скипетром Фердинанда¹⁷.

Не только Венгрия наконец осознала крайнюю степень турецкой опасности и необходимость политической и военной консолидации. Албанский поход Сулеймана и турецкое нападение на побережье Италии заставили римского папу, венецианский сенат и испанцев объединить свои силы для отпора растущей мощи османского флота. В феврале 1538 г. был заключен военно-политический союз Священной Римской империи, Венеции и Папства, получивший название Священной лиги. Боевые операции лиги планировалось вести главным образом на море. Состав объединенного флота мог включать в себя 100 парусных судов и 200 гребных галер. Личный состав союзного войска насчитывал 55 тыс. моряков. Во главе союзной флотилии был поставлен опытный флотоводец, генуэзец Андреа Дориа.

Ему противостоял прославленный турецкий капудан-паша Хайреддин, командовавший флотилией, которая состояла из 87 галер, 30 галеасов (галер с одним рядом весел) и 35 фуст (легкие суда, не имеющие огнестрельного оружия и обычно использовавшиеся пиратами). Летом 1538 г. у о. Корфу собралась объединенная союзническая флотилия христиан. Несмотря на ее численное превосходство над турецким флотом, Андреа Дориа не решился дать туркам генерального морского сражения.

Османские историографы сообщают, что Хайреддин-паша вышел из Стамбула 2 июля 1538 г. с заранее подготовленной флотилией, состоявшей из 300 больших и малых судов. На их борту было 3 тыс. янычар-тюфенчи и сипахи из анатолийских санджаков. Перед флотилией была поставлена задача «подвергнуть разорению франкские владения»¹⁸. Под этим подразумевался грабеж средиземноморских прибрежных земель, хозяином которых все еще была Венеция. Хайреддин-паша умело сочетал военную и торговую деятельность. Он был крупным и богатым работорговцем, занимавшимся продажей захваченных в плен во время морских рейдов христиан. Его флот однажды завладел даже французским Тулоном, где шла торговля христианами, захваченными в Италии и Испании¹⁹.

На этот раз флот Хайреддин-паши занялся захватом и грабежом островов, принадлежавших Венеции: остров Тенос (*тур.* Истендил), сдавшийся Хайреддину, обещал ежегодно выплачивать султану по 3300 золотых. Жители двух других островов, Андроса (*тур.* Андре) и Сироса (*тур.* Сирку), узнав о приближении турецкого флота, покинули его. Андрос и Сирос были полностью разграблены турками, которые совершили нападения и на ряд других островов, разорив их. Затем суда Хайреддина подошли к Криту и высадили на его побережье десант. В течение пяти дней турецкие солдаты грабили прибрежные земли, захватывая в плен его жителей и охотясь за теми, кто бежал в горы. Когда турецкая флотилия подошла к о. Кос (*тур.* Истанкёй), Хайреддин-паша получил известие о готовящемся нападении на него объединенного флота Священной лиги. В связи с этим Барбаросса направился с лучшей частью своей флотилии в район Превезы.

Часть союзного флота христианских государств под командованием Андреа Дориа, куда входили суда и капитула Родоса, встала на якорь в двух милях от Превезы. Ночью венецианцы начали высадку десанта и в это время были атакованы турками, использовавшими артиллерию. Венецианцы были вынуждены ретироваться на свои корабли и уйти в море. Их начал преследовать флот Хайреддина, укрывавшийся в бухте Превезы в 10 милях от места высадки венецианского десанта. В конце сентября 1538 г. между двумя флотилиями состоялось крупное морское сражение, в котором турки активно и уме-

ло использовали пушки. Часть кораблей христианской флотилии получила пробоины и затонула, а их команды были взяты в плен. Часть судов Андреа Дориа обратилась в бегство и укрылась в бухте о. Мауры (Лефкас). Возникла угроза полного поражения флота Священной лиги. Однако Хайреддин-паша прекратил преследование противника, так как близился неблагоприятный для плавания зимний сезон. Довольный успехом турецкий адмирал возвратился в Стамбул, послав возвращавшемуся из похода против Молдавии Сулейману послание об одержанной им победе²⁰.

Союзники по Священной лиге направили свою эскадру против крепости Герцег-Нови в Бококоторском заливе, сумев захватить ее в ноябре 1538 г. Это был реванш. Защищал город санджакбей Герцеговины, сумевший вырваться из окружения с двумя сотнями своих людей, но обрел на плен 1700 человек и собственный гарем. В крепости христиане обнаружили казну санджакбея в 70 тыс. талеров. В завоеванной крепости был поставлен испанский гарнизон из 4 тыс. человек. Летом 1539 г. Хайреддин-паша подошел со своим флотом к Герцег-Нови и с помощью находившихся при нем 4 тыс. янычар, после четырехдневной осады, отвоевал крепость, перебив почти весь испанский гарнизон. Морское противоборство закончилось в 1540 г. заключением мирного договора между Османской империей и Священной лигой²¹.

Одновременно с морскими операциями Сулейман начал свои акции в Юго-Восточной Европе. Его интересовали дела антиягеллоновской коалиции и борьба Молдавии, России и Крымского ханства. Молдавия, считавшаяся вассалом турецкого султана, подконтрольным Порте, тем не менее пыталась вести самостоятельную внешнюю политику, что вызывало крайнее недовольство султана. Сулейман указывал на недопустимость того, чтобы Молдавия направляла своих послов в иностранные государства, не согласовывая свои действия с Портой. Турецкое правительство в это время приравнивало по статусу земли Молдавии к землям завоеванной турками Боснии, Герцеговины и др. Требуя от польского короля Сигизмунда I немедленно освободить занятые им молдавские земли, великий везир Ибрахим-паша писал: «Молдавское княжество является землей турецкого султана, а Петр Рареш, как и дру-

гие его беи, является рабом Османской империи»²². Однако это мало изменило положение.

13 июня 1538 г. Сулейман начал готовить поход в Молдавию. Несмотря на секретность начавшейся подготовки, о планах турецкого султана очень скоро узнал ряд европейских монархов. Крымский хан в преддверии кампании участил свои набеги на молдавские земли. Сулейман объяснял свой поход против Молдавии наличием мирного договора Османской империи с Польшей, который Петр Рареш самовольно нарушил своими действиями в Покутье. Для Сулеймана также не был секретом антиосманский договор Петра Рареша с Фердинандом Габсбургом, заключенный им в 1535 г. Молдавский господарь, выполняя условия этого договора, в 1536 г. не оказал помощи сопернику Фердинанда Яношу Запольяи, о которой его просил Сулейман. В 1537 г. Польша попыталась в очередной раз покончить с Петром Рарешем, жалуюсь султану на его враждебные действия и предлагая Сулейману совместную борьбу с молдавским господарем. В мае 1538 г. польский посол, прибывший в Стамбул, предложил Порте заменить непослушного вассала Порты на какого-нибудь другого ее ставленника. Ситуация накалилась, когда летом 1538 г. на молдавские земли были совершены нападения османских, польских, татарских и валашских отрядов. У границ Молдавии сосредоточил свое войско Янош Запольяи, которому было поручено не пропускать Петра Рареша в Трансильванию.

Молдавский господарь разбил отправившихся против него в набег крымских татар у Штефанешт и заключил мир с Польшей, отказавшись от своих притязаний на Покутье. Однако сделано это было слишком поздно. Предстояла борьба с турецкой армией, уже двигавшейся в сторону Молдавии. Молдавские бояре не поддерживали идею дать сражение туркам, намечаемое у Ботошан, и покинули войско Рареша. Молдавский господарь был вынужден бежать в Трансильванию. Армия Сулеймана заняла Сучаву²³.

Молдавское боярство придерживалось протурецкой позиции и тайно жаловалось Сулейману на Петра Рареша, прося заменить его на посту государя кем-либо другим. Накануне намечавшегося первоначально генерального сражения глава молдавских военных сил Миху и логофет Тротушан покинули Петра

Рареша. Умиротворением турок бояре пытались не допустить превращения Молдавии в турецкое бейлербейство наподобие других завоеванных областей Османской империи²⁴.

15 июля 1538 г. султанское войско подошло к Исакке, где к нему присоединились румелийские сипахи во главе с румелийским бейлербеем Мехмед-пашой. Здесь, в Исакке, ему был пожалован ранг везира. В составе турецкой армии находились также анатолийские сипахи и, конечно же, янычары во главе со своим агой Ахмедом²⁵. Когда армия султана находилась на стоянке в местечке Султан Чайыры, в ставку Сулеймана с дарами — соболями и соколами — прибыл в сопровождении переводчика посланник Петра Рареша. Он передал султану послание, в котором молдавский господарь выражал удивление в связи с действиями Сулеймана, просил у него мира и выражал свою покорность сюзерену. В ответном послании турецкий султан писал, что поход вызван помощью, которую молдавский господарь оказывает «неверным» (кяфирам), однако обещал простить Петра Рареша, если тот явится к нему в султанскую ставку. Письмо было послано через эмина Кафы Синана Челеби, который, как замечает Печеви, «был осведомлен в делах той страны (т. е. Молдавии. — *И. П.*) и был человеком мудрым и опытным»²⁶. Ответ Петра Рареша не заставил себя ждать: Печеви пишет, что Синан Челеби объявил об отказе молдавского господаря подчиниться воле турецкого султана²⁷. Сулейман продолжил свой поход. Подчиняясь древней турецкой традиции почитания могил святых, султан не преминул просить о помощи дух чтимого турками Сары Салтука-Деде, могилу которого в Добрудже он посетил по пути в Молдавию²⁸. Здесь, в Добрудже, жили потомки румских сельджуков, которые некогда переселились сюда из Конийского султаната.

Путь турецкой армии дважды преграждали реки — Дунай и Прут. Мост через Дунай был заранее построен по указанию султана, который заблаговременно послал через своих чавушей указы санджакбейам Силистры, Никополя и Видина. Для переправы через Прут архитектором Синаном был сооружен мост, строительство которого заняло несколько дней. Возглавлял строительство известный нам Лютфи-паша. Здесь в султанскую ставку прибыли улаки (гонцы), посланные санджакбеем Карлы-или Хюсейн Шах-беем, которые сообщили о морской победе

турок над венецианцами, пытавшимися атаковать морскую крепость Преvezу. Гонцы доставили султану головы убитых врагов и захваченные во время сражения неприятельские знамена, что было воспринято войском и самим султаном как доброе предзнаменование для начавшегося похода²⁹.

Уже в молдавских землях к турецкой армии присоединилось войско крымских татар в 50 тыс. сабель во главе с самим крымским ханом Сахиб-Гиреем I. Объединенному турецко-татарскому войску противостояло у Ботошан, по некоторым турецким оценкам (видимо, преувеличенным), 80 тыс. молдаван (Печеви говорит, например, всего о нескольких тысячах молдавских «разбойников»)³⁰. Покинутый в Ботушанах командующим войском и другими молдавскими боярами Петр Рареш был вынужден бежать в Трансильванию³¹.

Не встретив никакого сопротивления, Сулейман подошел к Яссам и разграбил город, а затем беспрепятственно вошел в Сучаву. Население Сучавы, наслышанное о знаменитых турецких ягма (грабежах), попряталось по домам, но Сулейман отдал приказ, запрещающий совершать грабежи в городе. Призванные в ставку султана молдавские бояре и знатные горожане просили у Сулеймана назначить господарем Молдавии Стефана Лакусту, сына бывшего молдавского господаря Стефана Великого, жившего в качестве заложника в Стамбуле. Султан удовлетворил их просьбу. Были выработаны и условия подчинения Молдавии султанской власти — раз в два года государь Молдавии должен был лично являться в Порту для доставки в султанскую казну установленной суммы хараджа (ранее харадж привозился в османскую столицу особым посланником господаря). Турецкий вассал в Молдавии обязывался подчиняться всем распоряжениям, исходящим из Стамбула. Ему в качестве слуги султана в знак его зависимости и службы, были оставлены «барабан, литавры, штандарт и знамя», которые, «по старинному османскому обычаю», должны были находиться в Сучаве. Для охраны Стефана Лакусты был оставлен отряд из 500 янычар.

Новый молдавский господарь поклялся выполнять предъявленные ему условия, присягнув на Евангелии и кресте. Стефану были подарены «красный головной убор с золототканым ускуфом и кафтан». Между Османской империей и вассальным Молдавским княжеством была определена четкая граница. Не-

большая территория между реками Прут, Тузла и Дунай была присоединена к Османской империи. Со временем здесь турками были поселены ногайцы. На северной границе этой территории были сооружены две крепости — Фэльчиу и Бендеры. В Бендерах была установлена мемориальная плита с надписью, где от имени султана Сулеймана говорилось: «Я здесь изгнал злоумышленного бунтовщика Петра. Когда подковы моей лошади подняли пыль, я завоевал Молдавскую землю»³², в чем нельзя не увидеть реликт древнетюркской традиции установления мемориальных стел в честь одержанных побед.

В Сучаве турки захватили большие ценности, принадлежавшие изгнанному молдавскому господарю, ранее хранившиеся в его дворце, но ввиду турецкой опасности закопанные в землю. Это была золотая и серебряная утварь, драгоценное оружие и ткани. Все это было передано в султанскую казну. С величайшей торжественностью в октябре 1538 г. Сулейман возвратился в Эдирне³³.

Таким образом, молдавское боярство, проявив политическую гибкость, по видимости подчинившись воле султана, избавило молдавские земли от крупного разграбления и добилось поставленной цели — предотвратило превращение Молдавии в обычное турецкое бейлербейство, что означало бы полную утерю независимости Молдавского княжества. Несмотря на наличие многочисленной армии, состоявшей в основной своей массе из крестьян, хорошо владевших оружием, Молдавия все же не смогла бы одержать военную победу над турецкой армией, располагавшей сильной артиллерией.

После ухода турок из Молдавии Петр Рареш попытался восстановить свою власть господаря, однако новый турецкий ставленник одержал над ним победу, отослав Сулейману голову убитого сына Рареша³⁴.

Летом 1539 г. в османской столице разразилась эпидемия чумы, от которой умер великий везир Айас-паша. Его место в этой должности занял Лютфи-паша, известный не только как крупный сановник, но и как историк. В то же лето Стамбул понес значительный ущерб от сильного пожара, вспыхнувшего на одной из городских пристаней. Все это было расценено как дурные предзнаменования. Глубоко религиозный и суеверный, как и все его подданные, Сулейман, по-видимому, решил просить

защиты от несчастий у духов предков. Осенью он совершил поездку в Бурсу — древнюю столицу османских правителей. Здесь произошел инцидент, о котором счел нужным упомянуть в своей хронике Лютфи-паша. Население Бурсы выехало для встречи султана верхом на лошадях, что вызвало его крайнее неудовольствие. Позже он издал указ, запрещающий горожанам ездить верхом, что приличествовало, по его разумению, лишь сословию сипахи³⁵. Конечно, не простолюдины встречали Сулеймана на лошадях. Скорее всего, это были богатые ремесленники и торговцы, однако в глазах султана это нарушало установленный принцип сословности и принижало его собственный статус монарха.

Из Бурсы Сулейман выехал в инспекционную поездку в Чардак — населенный пункт на берегу пролива Дарданеллы, напротив Гелиболу. Здесь султан осмотрел существующие крепостные сооружения и, находясь на корабле, приказал произвести стрельбы из пушек, чтобы проверить их действие. Любопытно, что во время этого визита турецкий султан принял решение перенять европейский опыт крепостного строительства и отдал распоряжение соорудить на крепостных стенах «башни, как у франкских крепостей». По мере накопления опыта осад крепостей туркам стало понятно назначение башен, позволявших защитникам вести стрельбу вдоль стен. Здесь же, в Чардаке, султану была продемонстрирована и стрельба из крепостных пушек³⁶.

Летом 1540 г. умер Янош Заполяя, оставив после себя сына-младенца Яноша Жигмонда (Сигизмунда), рожденного от брака Заполяя с дочерью польского короля Сигизмунда Изабеллой и провозглашенного сторонниками Заполяя королем Венгрии. Тем самым нарушалось некогда заключенное соглашение Яноша Заполяя с Фердинандом Габсбургом о передаче всей власти над Венгрией после смерти Заполяя единолично Фердинанду. Регенты Яноша Жигмонда обратились к Сулейману с просьбой одобрить решение о выборе нового короля и прислать военную помощь для борьбы с Фердинандом. 27 апреля 1541 г. Сулейман утвердил королем Венгрии сына Изабеллы³⁷. Однако Фердинанд также вел свою борьбу за венгерскую корону. Он послал султану письмо, в котором предлагал уплачивать ежегодно по 30 тыс. золотых за разрешение

взять под свою власть часть Венгрии, прежде находившуюся под управлением Яноша Запольяи. Однако это письмо осталось без ответа. Тогда Фердинанд осадил Буду. Изабелла, мать маленького Яноша Жигмонда, стараясь сохранить власть своему сыну, в октябре 1540 г. прислала Сулейману письмо с просьбой о помощи, присоединив к этому богатые дары и дань в размере 30 тыс. дукатов. Сулейман, своим указом, посланным ей через чавуша, подтвердил свою поддержку прав Яноша Жигмонда на венгерский престол. Венгрия должна была при этом согласиться на уплату ежегодного хараджа³⁸. Сулейман последовательно проводил политику «разделения» противника. Венгрия не переставала оставаться лакомым куском в завоевательных планах турецкого султана.

В апреле 1541 г. Фердинанд, добиваясь выполнения условий договора 1538 г., заключенного с Яношем Запольяи, вновь осадил Буду. Его осадные пушки днем и ночью били по стенам крепости. В ответ на это Сулейман послал на помощь Бude 3 тыс. янычар во главе с секбанбаши, два бёлюка придворных сипахи во главе с их агами и третьим везиром Мехмед-пашой, а также отряд румелийских сипахи во главе с румелийским бейлербеем. Планировался крупный поход Сулеймана против Габсбургской Венгрии. Одновременно для защиты от возможных действий иранского шаха Тахмаспа к восточным границам было послано две с половиной тысячи янычар.

За войском, отправленным к Бude, вскоре выступил и сам Сулейман. Передовой отряд турецкой армии во главе с Мехмед-пашой в течение месяца пытался отогнать солдат Фердинанда от стен венгерской столицы, используя для этого как огонь своей артиллерии, так и многочисленные конные атаки. Однако воины Фердинанда умело защищались, успешно проводя контратаки и укрываясь за хорошо защищенной оборонной линией. Защитники Бude тем временем начали испытывать большие затруднения с продовольствием. Сдача Бude была бы неминуемой, если бы не разнеслась весть о приближении армии во главе с самим султаном Сулейманом, что имело огромный психологический эффект. В ночь на 22 августа 1541 г., побросав боевое снаряжение, солдаты Фердинанда начали высадку на лодки, с тем чтобы переправиться на противоположный берег Дуная. Воспользовавшись этим, воины Мехмед-паши предприняли

атаку, в результате которой среди неприятеля возникли паника и давка. Большое число солдат Фердинанда при этом погибло под турецким огнем, многие утонули в водах Дуная.

Наутро Мехмед-паша выехал для осмотра оставленных неприятелем позиций, где были найдены поразившие турок пушки и фальконеты, а также другое боевое снаряжение. Все найденное было передано в казенный арсенал³⁹. Прибывший позже Сулейман также осмотрел военные трофеи и велел произвести показательные стрельбы⁴⁰.

Сулейман с армией появился под стенами Буды 27 августа 1541 г. Через два дня он призвал к себе представителей венгерской знати во главе с опекуном Яноша Жигмонда Мартинуцци и объявил о создании турецкого бейлербейства на территории между Дунем и Тисой с центром в Буде. В Венгрии произошло то, чего смогла избежать Молдавия. Вступившие в крепость янычары разоружили находившийся в Буде гарнизон, при этом 3 тыс. янычар во главе с их командиром секбанбаши составили турецкий гарнизон Буды⁴¹. В целом охранять Буду осталось 20 тыс. человек, куда кроме янычар входили азебы, солдаты-добровольцы и солдаты «бешлю», т. е. гарнизонные воины, получавшие жалованье в пять (*тур.* беш) акче⁴².

1541 г. оказался на редкость несчастливym для Габсбургов. В октябре этого же года император Священной Римской империи Карл V Габсбург, возглавивший морскую экспедицию с целью овладения Алжиром, который ранее в результате действий Хайреддин-паши подпал под власть турецкого султана, потерпел сокрушительное поражение. Испанский флот, состоявший из более чем ста судов, желая избежать встречи с флотом Хайреддина, вышел в море глубокой осенью, в сезон жестоких штормов. Благополучно подойдя к берегам Алжира и высадившись на берег, испанские и мальтийские рыцари, участвовавшие в походе, налегке направились к стенам крепости Алжир. Пушечные залпы, произведенные с кораблей, легко разогнали бедуинов, пытавшихся помешать высадке европейцев. Однако той же ночью разразился жестокий шторм, разметавший испанские корабли, многие из которых были выброшены на берег. Потопленной оказалась артиллерия, а значительная часть людей, оставшихся на кораблях, погибла. Утром комендант Алжира, ставленник Хайреддин-паши, совершил нападение на

вымокших и обессиленных испанцев, мушкеты которых после прошедшего ливня оказались совершенно бесполезными. Карл V и его рыцари были вынуждены отойти от крепости, с трудом обороняясь от наседавших солдат-алжирцев. Испанцы потеряли в этой морской операции десятки судов и 12 тыс. солдат⁴³. Это был сокрушительный удар. Последующие попытки испанцев отвоевать Алжир успеха не принесли. В 40—50-е гг. XVI в. росла и крепла мощь Османской империи в западной части Средиземноморья.

Создание турецкого бейлербейства на части венгерских земель представлялось венгерскому дворянству непереносимым унижением и великой материальной потерей. После ухода Сулеймана из Венгрии вдовствующая Изабелла с сыном и двором удалилась в Липпу, а в начале 1542 г. двор переехал в трансильванский Дьюлафехервар. Под властью малолетнего короля оставались лишь области Затисья и воеводство Трансильвания, составившие Трансильванское княжество. Венгерское дворянство попыталось восстановить независимость Венгрии, вступив в союз с Фердинандом Габсбургом. Однако после неудачной попытки летом 1542 г. взять Буду и напрасных усилий Карла V овладеть Пештом осенью 1542 г. венгерский двор в Дьюлафехерваре в декабре 1542 г. признал себя данником турецкого султана и обязался выплачивать султану ежегодную дань в размере 10 тыс. форинтов⁴⁴.

Сулейман расценил военные и дипломатические акции Габсбургов и Мартинуцци как угрожающие его новым владениям в Венгрии и летом 1543 г. предпринял новый поход против Венгрии. Султан выступил из Стамбула весной 1543 г. вместе со своим восемнадцатилетним сыном — шехзаде Баязидом. К этому времени другие его сыновья — шехзаде Мехмед и Селим были отправлены в санджаки Маниса и Караман⁴⁵. Сулейман по мере сил пытался предотвратить возможную борьбу между собой своих сыновей. При отсутствии письменного закона о престолонаследии передача власти в Османском государстве всегда была драматической. Между тем борьба за власть между сыновьями Сулеймана началась еще при его жизни.

В армии Сулеймана находились сипахи Анатолии и Румелии. Эта кампания, как отмечает Хаммер, отличалась образцовым снабжением войска и высокой воинской дисциплиной. За-

ранее было запасено достаточное количество ячменя и муки, которые морем, а затем Дунаем были отправлены к Белграду и Буде. Часть продовольствия находилась в самой армии султана⁴⁶. Анатолийское войско нагнало султанское только в районе Белграда. Мобилизация анатолийских сипахи и маршевый переход заняли значительное время. Военные действия начались с осады крепости Валпово (Вальпо), еще до подхода основной части турецкого войска. К стенам ее турки доставили пушки из близлежащей крепости Эсек. В этой осаде, кроме ряда пограничных санджакбеев, вскоре приняли участие румелийские сипахи во главе с Ахмед-пашой. Однако взять крепость не удалось и осада ее затягивалась, хотя сама она представляла собой, по словам Печевы, простой замок с отвесными стенами, который защищали не солдаты, а «разбойники». Но эти «разбойники» успешно отражали все приступы нападавших. На 18-й день осады турками был предпринят решающий штурм, во время которого обе стороны понесли большие потери. Однако и этот штурм не привел к успеху. Все решила подошедшая армия султана. Расположившись на виду у крепости, султан произвел смотр своего войска. Это психологически подействовало на защитников и 23 июня 1543 г. осажденные сдали замок Валпово⁴⁷.

Переправившись через Драву, войско султана подступило к крепости Шиклош и осадило ее. Турки вырыли вокруг крепости траншеи, установили пушки и начали обстрел крепостных стен. Печева отмечает, что в решающем штурме Шиклоша отличились анатолийские сипахи. Штурм завершился взятием внешних стен крепости. Однако обороняющиеся продолжали защищаться, укрывшись в цитадели. Наконец, после десятидневной осады турки взяли город 7 июля 1543 г. Особо отличившиеся турецкие воины получили вознаграждение — либо прибавку к жалованью, либо увеличение тимара. Некоторые были вознаграждены деньгами. Так, первыми взобравшиеся на крепостную стену янычарский ашчи и подчиненный ему янычар получили по 20 тыс. акче каждый⁴⁸. Понятно, что при таком вознаграждении, если оно объявлялось заранее, солдаты должны были проявлять «чудеса храбрости». Захваченные Валпово и Шиклош административно были присоединены к турецкому санджаку Печ.

После захвата Шиклоша турецкая армия прошла на север по территории Будинского бейлербейства и наконец подошла к Буде, где ее встречали янычары гарнизона во главе с секбанбаши. Близилась трудная операция — завоевание Эстергома, прекрасно защищенной крепости на берегу Дуная. Крепость, с ее сильным гарнизоном, ввиду ее близости к Буде служила военной базой противника, совершавшего отсюда рейды против занятой турками Буды⁴⁹. После взятия Шиклоша турки перевезли 40 крупнокалиберных пушек к Дунаю и по нему доставили их к стенам Эстергома. К ним добавились 365 больших и малых артиллерийских орудий, находившихся в Буде.

Под покровом ночи пехотинцы занимались установкой пушек и выкапыванием «крысиных ходов» к крепости. Крепостные стены Эстергома без промедления подверглись мощному обстрелу из всех осадных орудий. Неизвестно, сколько бы длилась осада, если бы не измена самого искусного пушкаря Эстергомского гарнизона, а также полученные сведения о противнике, доставленные другими перебежчиками. С их помощью туркам удалось узнать о наименее защищенных местах крепостных стен. В турецкой армии, как всегда, находились прорицатели, к искусству которых обращались в наиболее сложных ситуациях. Рамаль — гадатель на песке — указал наиболее благоприятный день для решающего штурма. Он начался 6 августа 1543 г. С криками «Аллах! Аллах!» турки неистово сражались с обороняющимися у проделанных осадными пушками брешей крепостных стен. Однако, несмотря на предсказанную «благоприятность» дня для штурма, он не увенчался успехом. Через два дня защитники крепости сами сдали ее, посчитав сопротивление бесполезным. Всем защитникам было обещано сохранить жизнь. На крепостных стенах появились турецкие флаги. Но это была дорогая победа, которая стоила жизни огромному числу турецких воинов. В турецком войске оказалось очень много раненых. Защитники Эстергома великолепно стреляли из огнестрельного оружия, и возможности меткой стрельбы из их оружия, по-видимому, в это время уже превосходили возможности турецкого оружия, не говоря уже о высоком искусстве владения им.

Сулейман осмотрел Эстергом, посетил находившуюся там епископскую резиденцию, и в христианском соборе, обращен-

ном в мечеть, была совершена пятничная молитва с упоминанием имени победителя. В городе был поставлен кади и многочисленный турецкий гарнизон со всем необходимым ему боевым снаряжением. Нельзя не упомянуть также о том, что успеху турок во многом способствовало то, что они смогли перекрыть водоснабжение города⁵⁰.

18 августа 1543 г. турецкая армия двинулась на юго-запад, в сторону крепости Тата (совр. Татабанья), которую защитники предпочли покинуть, узнав о приближении войска Сулеймана. Оставшиеся там жители вручили туркам ключи от города. Тата, несмотря на ее добровольную сдачу, была по приказу султана полностью разграблена и разрушена — султан вознаградил своих воинов, до того времени не получавших разрешения на ягма. Были разграблены и окрестности города, а также разрушены близлежащие замки⁵¹.

Во время этого же похода был осажден и Секешфехервар. Здесь была использована вся мощь турецкой артиллерии. Крепость опоясали многочисленные траншеи янычар. Пушки вели обстрел крепостных стен несколько дней, пока не появились достаточно крупные бреши. Особенно усерден был четвертый везир Хусрев-паша, всячески подбадривавший своих солдат и поэтому, как пишут османские историографы, на его участке осады турки проявляли чудеса храбрости⁵². Когда в крепостных стенах образовалась крупная брешь, Хусрев-паша, ничего не сообщив о своих намерениях соседям по осаде, бросил на приступ своих солдат. Однако их атака была отбита, и многие воины полегли под огнем противника. После неудачного приступа турки били из пушек по крепостным стенам еще в течение шести дней. Все чаще становились их попытки штурма. Наконец Сулейман отдал приказ о генеральном штурме крепости и объявил о предании города грабежу. В ночь перед намеченным штурмом на землю лег туман, позволивший туркам незаметно подобраться к брешам. Начался приступ, сопровождаемый стрельбой из многочисленных пушек. Через бреши осаждавшим удалось прорваться внутрь крепостных стен, однако и внутри крепости ее защитники яростно защищались. Турки потеряли огромное число своих солдат. При этом все еще не была взята цитадель. Через несколько дней ее защитники, однако, признав бесполезность сопротивления, сдались.

Сулейман приказал оставить в живых лишь австрийцев и «франков». Всех венгров было велено казнить. Казнь не была произведена лишь потому, что венгерская часть гарнизона присягнула султану и обязалась платить джизью, подушный налог, признав себя христианскими подданными султана⁵³.

В Секешфехерваре турками был оставлен многочисленный гарнизон, куда вошла тысяча янычар, после чего Сулейман с войском возвратился в Стамбул. Позже, весной 1544 г., бейлербеем Буды, при поддержке войск санджакбеев Венгерского пашалыка и янычар местных гарнизонов, была взята крепость Вишеград (Вышеград), расположенная неподалеку от Буды. Турки использовали свои знаменитые крупнокалиберные пушки, доставленные из Буды, которые назывались «баль йемез». Из них велся огонь по южной части крепостных стен — с остальных сторон крепость была почти неприступна из-за отвесности склонов. В той части, где турки сосредоточили свой пушечный огонь, стены оказались почти полностью разрушены. Защитники крепости были вынуждены сдаться, однако оставались еще внутренние крепостные стены цитадели на самой вершине горы. Турки приложили немало усилий, чтобы подкатить поближе к стенам цитадели пушки и осадные орудия. Десять дней янычары непрерывно вели обстрел, и в конце концов защитники крепости капитулировали. Однако янычары коварно обманули их. Пообещав пощаду, они перебили весь гарнизон, находившийся в цитадели. Спасти удалось лишь начальнику гарнизона, которого от рук янычар спас бейлербей Мехмед-паша⁵⁴, вероятно, надеявшийся получить за него большой выкуп. В захваченном Вишеграде турки обнаружили диковинное для них огнестрельное оружие, которым пользовался неприятель. Это были кремневые пистолеты, вызвавшие у турецких солдат огромное любопытство⁵⁵.

Завоевав Вишеград, бейлербей Буды Мехмед-паша, продолжил свои операции в близлежащих венгерских землях, облагая население завоеванных территорий налогами в пользу Османского государства. В это время были завоеваны венгерские Ноград, Хатван, Дебрекез, Шимонторнья и др. Везде были поставлены турецкие гарнизоны.

Габсбурги ответили на поход Сулеймана и действия Будинского паши укреплением своих крепостей на протяжении

всей границы с турецкой частью Венгрии. В общей сложности на этой оборонительной линии имелось около 150 крепостей. В 1547 г. Сулейман заключил мир с Габсбургами — Фердинандом и Карлом V: стороны обязывались не совершать нападений друг на друга в пограничных землях, пропускать купцов и выдавать беглецов, оказавшихся на той или другой стороне.

После заключения мирного договора, и во многом благодаря ему, Габсбурги смогли укрепить свои границы с Османской империей. Фердинанд выкупил у венгерских магнатов некоторые замки, имевшие ключевое значение для защиты против турок. В 1556 г., придавая огромное значение оборонным мерам в области крепостного строительства, он создал особый Придворный военный совет, который руководил строительством пограничных королевских крепостей. На создание антитурецкой укрепленной линии тратилась львиная доля австрийской казны. Фердинанду помогали и другие европейские правители, понимавшие значение для Европы венгерской линии обороны⁵⁶.

В течение нескольких лет после венгерского похода 1543 г. Сулейман не совершал новых военных экспедиций. Лишь на границах Османского государства — как на западе, так и на востоке — происходили отдельные военные действия, участниками которых становились пограничные войска. Активная военная политика продолжалась лишь в Средиземноморье, где неустанно действовал флот Хайреддин-паши, и в Красном море, где османским флотом руководил Пири Реис, назначенный адмиралом в 1547 г. Турки пытались конкурировать с сильным португальским флотом, а Османская империя упрочивала свою славу мощной морской державы.

В 1548 г., соблазнившись представившейся возможностью нанести удар по иранскому шаху Тахмаспу, Сулейман предпринял поход на восток, в Иранский Азербайджан. Бежавший к нему через Кафу брат Тахмаспа Алкас-мирза, желавший завладеть престолом брата, уверял турецкого султана, что стоит ему появиться со своим грозным войском в иранских владениях, как тотчас же подданные шаха перейдут на его сторону⁵⁷.

Весной 1548 г., взяв с собой в поход на этот раз своего сына Джихангира, Сулейман выступил с войском из Стамбула, продолжив серию далеких и трудных восточных походов, еще никогда не приносивших Османскому государству легких завое-

ваний. Когда турецкая армия подошла к Сейитгази, Сулеймана посетил его сын Селим, наместник Саруханского вилайета, специально приехавший из Манисы, чтобы, по всей вероятности, добиться благосклонности отца. На аудиенции, которой он был удостоен, Сулейман поручил ему охрану европейской столицы Османского государства — Эдирне, что, несомненно, являлось признаком особого султанского благорасположения. О троне для своего сына Селима мечтала Хуррем Султан, немало для этого интриговавшая при дворе. В Акшехире Сулеймана встретил также другой его сын, Баязид, который был на год старше Селима и являлся наместником Караманского вилайета. Когда же султан прибыл в Сивас, его посетил самый старший из его сыновей — Мустафа, прибывший из Амасьи. Внешнее благополучие внутри членов династии казалось залогом будущего благополучия при будущем престолонаследии. Однако мир в семействе был одной лишь видимостью.

По прибытии Сулеймана в Иранский Азербайджан дела обернулись совсем не так, как предрекал Алкас-мирза, брат шаха Тахмаспа. Приезжавшие вместе с Алкас-мирзой из Ширвана в Стамбул его сторонники вновь перешли на сторону шаха, в то время как Тахмасп в борьбе с турецким султаном прибегнул к своей излюбленной тактике избегания генерального сражения и не спешил сразиться с армией Сулеймана, вторгшейся вглубь его владений. Турецкий султан беспрепятственно занял Тебриз и, пробыв там четыре дня, отправился к крепости Ван, находившейся в руках кызылбашей. Руководил осадой крепости великий везир Рустем-паша. Вокруг нее в несколько эшелонов были вырыты траншеи и установлены осадные орудия. В течение восьми дней крепостные стены Вана подвергались обстрелу из осадных орудий, а на девятый день осажденные запросили пощады. Войдя в город, Сулейман приказал починить стены крепости и поставил в городе турецкий гарнизон. Поиск и преследование шаха Тахмаспа оказались невозможными из-за неожиданно начавшегося падежа лошадей. Лютфи-паша пишет, что в войске султана их почти не осталось. Стала ощущаться также нехватка продовольствия⁵⁸.

Судьба Ирана, как и судьба габсбургской Австрии на западе, во многом зависела от географического фактора. Иранские владения находились далеко на востоке, и путь до них занимал

немалое время, которого в рамках летней кампании было слишком мало для ведения военных действий после длительного марша. Наступление осенне-зимних холодов в горной местности естественным образом ограничивало военные возможности турок. Длительные переходы по горным дорогам даже в летнее время во многом обессиливали турецкую армию, которая к тому же всегда испытывала в восточных областях недостаток продовольствия. Кроме того, восточные пограничные районы, населенные мусульманами, не представляли столь широких, как в европейских землях, возможностей для захвата пленников и добычи — эти походы были экономически невыгодны. Турецкой армии было за что не любить восточные кампании, протекавшие для нее трудно и малоэффективно.

По сути, партизанская война, которую вел шах Тахмасп на своей территории, не позволяла туркам в полной мере использовать возможности своей действительно сильной армии. Подчиняя себе города и области Сефевидского Ирана и оставляя в пограничных районах свои гарнизоны, султан тем не менее не мог одержать полной победы над противником. Как и в Венгрии, где по уходе турецких войск, австрийцам часто вновь удавалось вернуть себе захваченные турками крепости, в Иране турецкие завоевания также оказывались крайне непрочными. При этом непрерывные осады и захваты крепостей — как на западе, так и на востоке — обессиливали турецкую армию, какой бы многочисленной и хорошо вооруженной она ни была. И здесь, и там военные кампании свелись к взятию, а затем защите крепостей, к частным сражениям отдельных частей войска противников — без прежних крупных генеральных сражений и громких побед турецкого оружия. Вся вторая половина XVI в. оказалась заполненной подобного рода военными кампаниями, носившими изматывающий, разорительный и малорезультативный характер.

Овладев Ваном в сентябре 1548 г., Сулейман все же попытался настичь Тахмаспа, опустошавшего своими партизанскими военными рейдами земли Восточной Анатолии. Вступая на выжженные шахом земли, турецкая армия с трудом находила для себя фураж и продовольствие. Желая пополнить свое войско лошадьми, Сулейман был вынужден отправиться к Диярбакыру. В то время, когда турецкий султан со своим войском находился

на пути к Битлису, Тахмасп сжег часть кварталов этого города, а также множество окрестных деревень. Шах Ирана с успехом выполнял свою тактическую задачу — изгнать турецкое войско без дачи ему генерального сражения. Сулейман попытался ответить на это столь же беспощадной тактикой выжженной земли. Практически это осуществлял мятежный брат Тахмаспа Алкас-мирза. По мере продвижения армии его сторонников к Багдаду к нему присоединялись все новые и новые наемники, любители легкой наживы. Таким образом Алкас-мирза полностью разграбил Хамадан, Кум, Кашан, Исфахан. Грабеж сопровождался массовым истреблением жителей. Уже из Багдада им были совершены рейды в Хузистан, во время которых проводились грабежи и убийство местного населения. Многие из награбленного Алкас-мирзой во дворцах Хамадана и других городах было отправлено в качестве подарков султану, в том числе богато оформленные рукописные книги: экземпляры Корана, тафсиры, сборники хадисов, книги по мусульманскому праву, подносные подарочные рукописи, исторические сочинения, рукописи «Шах-наме», диваны (сборники стихов)⁵⁹. В частности, таким образом пополнилось богатое собрание рукописей султанского дворца в Стамбуле.

Действия Алкас-мирзы на иранских территориях вынудили Тахмаспа прекратить погромы в Восточной Анатолии. Шах выехал на зимовку в любимый им Карабах, а Сулейман, пополнив в Диярбакыре свою армию лошадьми, отправился на зимовку в Алеппо, назначив своим сипахи место для зимовки⁶⁰. Во время пребывания турецкого султана в Алеппо его вновь посетил его сын, принц Баязид, с которым Сулейман совершил поездку в район Хамы, где вместе с ним провел султанскую охоту⁶¹. Приезд Баязида, по всей видимости, был связан, с подспудно разгоравшимся соперничеством между сыновьями султана.

Весной 1549 г. Сулейман отправился в обратный путь в Стамбул, одновременно отправив второго везира дивана Ахмед-пашу в Грузию, дав ему несколько тысяч янычар и артиллерию. Здесь, подавив ряд восставших районов Грузии и овладев несколькими крепостями, Ахмед-паше удалось укрепить власть турецкого султана в землях, все более и более становившихся объектом соперничества между турецким и иранским правителями⁶².

Шараф-хан Битлиси, служивший в то время шаху Тахмаспу, пишет, что Ахмед-паша был послан в Грузию для борьбы с иранским шахом, и, «хотя двух противников разделяло расстояние [всего] в один переход, [Ахмед-паша] не рискнул дать сражение»⁶³. После ряда все же одержанных побед в Грузии, которые хоть как-то «подкормили» янычар, Ахмед-паша догнал в пути султанское войско, которое лишь зимой 1549 г. вернулось в Стамбул.

1549 год, как представляется, явил собой временной пик турецких завоеваний на Западе и Востоке. Османское государство в целом обрело те границы и пространственное протяжение, которые позволяли Османской империи функционировать как более или менее контролируемой и способной к самосохранению государственной системе. Границам империи был положен естественный предел: дальнейшее расширение государства на запад сдерживалось умелой политикой и оборонительными действиями Габсбургов, а на востоке — хорошо продуманной и успешной тактикой иранского шаха. И хотя туркам еще предстояло совершить несколько завоеваний в Северной Африке и на Кавказе, они уже не имели принципиального значения. Границы Османской империи в основном сложились, и защита своих огромных территориальных владений более чем на три столетия стала основной военно-государственной задачей турецких султанов. На осмысление этой новой политической реальности Османскому государству потребовалось немалое время. Элементы архаичной идеологии, ушедшей своими корнями в далекое прошлое степных кочевых империй, полностью не утратили своей силы, подкрепляемые более современными (и воинственными) лозунгами ислама, но начали заметно ослабевать. Сохранение их обеспечивалось турецкой армией, классом сипахи, заинтересованных в завоевании новых земель и увеличении своих доходов. Новоприобретенные земли приносили добычу, связанную с грабежом, а также доход от новых земельных пожалований. Однако этот успешно работавший до середины XVI в. механизм начал давать сбой из-за физической невозможности дальнейшей экспансии и завоеваний. Османская империя в последующие 150 лет еще пыталась вести завоевательные войны, но без прежнего напора, а главное — успеха, постепенно теряя свое военное превосходство в силу как внешних, так и внутрен-

них причин. Да и соперники Османского государства были уже не те. Они научились противостоять мощи турецкой армии. Сипахи, несшие немалые тяготы дальних походов, требовавших от них значительных расходов, постепенно начали терять к ним интерес как к невыгодным материальным предприятиям. Турецкие сипахи принимали участие в походах второй половины XVI в. во многом из опасения лишиться своих условных земельных пожалований, связанных с несением военной службы. Примечательно, что именно со второй половины XVI в. у турецких сипахи и высших должностных лиц государства появляется явное стремление превратить свои условные владения в безусловные. Что же касается янычар, прежде всегда находивших широкие возможности пограбить во время походов и во многом этой возможности лишившихся, то в значительном своем числе запертые теперь в своих дальних гарнизонах и уже напрямую не связанные с почетной ролью «личных слуг» султанов они постепенно начали терять интерес к своей малоприбыльной военной профессии, обратившись к поиску иных источников доходов. Правда, статус янычар по-прежнему давал им огромные социальные преимущества. Их сплоченность и сословная солидарность, широкая вовлеченность в товарно-денежные отношения (финансовые операции, растущая связь с ростовщичеством, ремеслом и торговлей) делали янычарское войско сильным социальным институтом, с которым не могли не считаться турецкие султаны.

Изменился к этому времени и характер султанской власти. Власть верховного правителя — султана — все менее нуждалась в идеологической поддержке старых представлений о функциях хакана (хана), распространяющего свою власть на «четыре стороны света», отрывалась от скреп личного военного авторитета и личных достоинств правителя, основываясь теперь не на «демократических» меритократических принципах, а исключительно на религиозно-политических представлениях ислама о правителе и на лозунгах ведения «войны за веру». «Небоизбранность» верховного правителя уже не доказывалась военными победами — султанская власть рассматривалась теперь как абсолютно богоданная и неоспоримая. Уже сын Сулеймана, Селим II, не нуждался в подкреплении своего авторитета правителя личным участием в военных походах и спокойно препору-

чал военные функции своим сердарам (главнокомандующим). Лишь в конце первой четверти XVII в. энергичный Осман II попытался возродить подзабытую практику верховного военного предводительства в лице султана, апеллируя к старой традиции и архетипам сознания. Однако для их успешного возрождения требовались победы, добиться которых в новых условиях было почти невозможно. Поражение же, как по старым тюркским, так и по мусульманским представлениям, являлось признаком некой богоотверженности правителя и ни в коей мере не укрепляло его власть и авторитет.

Идея экспансии жила и поддерживалась со второй половины XVI в. карьерными интересами высшей административной прослойки, превращавшейся в самостоятельную институциональную силу, работавшую саму на себя. Сановный мир административной верхушки, державшей бразды правления в своих руках как в столице, так и в провинции, кормившейся от своего должностного положения, был кровно заинтересован в активной военной политике. Ее проведение в жизнь предоставляло нововыдвиженцам, которых продолжала поставлять система девширме, административные должности и связанные с ними земельные и иные пожалования. От власти султана, оценивавшего «эффективность» деятельности своих должностных лиц, зависела вся цепочка государственных назначений, их ротация, иерархические передвижки и связанные с ними перераспределение должностных полномочий и доходов. Причем частота этих передвижек и величина доходов во многом зависели от военных успехов этой военной и военно-административной верхушки, к которой постепенно переходили функции военного предводительства. Существование системы девширме питало почву постоянной административной конкуренции, сохраняя и подкрепляя турецкий вектор государственной политики. К середине XVI в. в этой конкуренции начали активно участвовать представители наследственной бюрократии. Смещения и назначения, борьба за должности — часто тайная — с подкупами, почти легализованными, с использованием придворного войска и гарема — вот характерные черты наступавшей эпохи. Ристалищем для этой борьбы, где выяснялось соотношение сил соперников, продолжал оставаться театр военных действий. Успешный военачальник мог рассчитывать на большую долю

доходов и власти. Орудием этой конкурентной борьбы все чаще становились янычары. Столичная придворная бюрократия и янычары (через девширме) долгое время были выходцами из одного и того же источника — инациональной (нетурецкой) среды подданных Османского государства и, порвав со своими корнями, не имели никаких иных социальных подпор, кроме султанской власти, которой служили. Тесно соприкасаясь и взаимодействуя, высшая бюрократия и армия составляли тот внутренний мотор, с помощью которого осуществлялось движение политической машины Османского государства. При этом некогда главная военно-политическая сила османской государственной системы — класс сипахи, принадлежавший к турецкой массе населения Османской империи и сохранявший элементы национального сознания и модели поведения, в условиях новых войн и экономических обстоятельств начал терять свое политическое значение, — безусловно, сохраняя военное. У сипахи хотя и сохранялись собственные интересы, связанные с ведением войн, однако уже не было рычагов для прежнего политического влияния в силу изменившихся обстоятельств. Вся власть и влияние постепенно перетекали в иную социальную среду — среду придворной бюрократии.

К таким итогам пришла Османская империя к середине XVI в. Необходимость защищать и укреплять свою власть на огромных захваченных территориях отныне становится главной чертой существования государства. В 1551 г. этой задаче были подчинены военные акции турок в венгерских землях. В военной кампании этого года, целью которой стала осада ряда венгерских крепостей, сам султан Сулейман уже участия не принимал. В поход было отправлено румелийское войско сипахи во главе с румелийским бейлербеем Соколлу Мехмед-пашой, получившим в подкрепление несколько тысяч янычар и артиллерию. В 1551 г. турки овладели Бече, Бечкерекком и Чанадом. Осады длились недолго. Уроженец венгерских земель Печеви рассказывает, что, когда турецкие солдаты подкатили повозки с осадными орудиями под стены Чанада, уstraшенные защитники крепости предпочли сдаться⁶⁴. Этим же летом 1551 г. турецкая армия овладела крепостью Липпа и подошла к Темешвару. Однако осада этой крепости затягивалась умелой обороной ее защитников. Между тем близились осеннее-зимние холода, погода резко

ухудшилась, пошли затяжные дожди, и турки, непривычные к ведению осад в таких условиях, отступили. Летняя кампания закончилась, войско было распущено по домам, а румелийский бейлербей получил приказ зазимовать в Белграде.

Эти военные действия послужили началом цепи осад и сдач крепостей, которые с переменным успехом осуществляли как турецкие, так и австро-венгерские силы. Турецкая власть, никогда не чувствовавшая себя в Венгрии хозяйкой положения, тратила огромные силы и средства для поддержания здесь своей власти. В Венгрии турки столкнулись с затянувшейся на длительный период борьбой за сохранение своего присутствия, сопровождавшейся частыми вылазками и атаками небольших военных отрядов противника. Это постоянное военное противоборство заставляло султана вновь и вновь организовывать рутинные военные экспедиции в Венгрию, которые в действительности уже не преследовали крупных завоевательных целей и осуществлялись без личного участия султана. В силу характера турецких боевых действий, предполагавших овладение крепостями противника, в венгерских кампаниях неизменно принимали участие янычары. Попытки расширить границы завоеванного в Венгрии хотя по-прежнему и предпринимались, но они носили, как правило, локальный, частный характер.

Летом 1552 г. турки вновь осадили Темешвар. На захват его было послано войско под командованием второго везира дивана Ахмед-паши, осаждавшего крепость 35 дней. В осаде принимали участие янычары и янычарские пушкарники, присланные из Эдирне, а также четыре бёлюка придворных сипахи. Среди осаждающих было и румелийское войско во главе с зимовавшим в Белграде Соколлу Мехмед-пашой. В конце концов Темешвар был взят. Этим же летом туркам удалось овладеть и рядом других небольших венгерских укрепленных пунктов, в результате чего под турецкой властью оказалась южная область Трансильвании. В то же самое время будинский бейлербей Хадым Али-паша вел военные операции севернее Буды, также сумев овладеть рядом венгерских городов — Шаг, Дьярмат и др. 4 сентября 1552 г. объединенное войско Али-паши и Мехмед-паши взяли Сольнок и двинулись к Эгеру, однако не смогли взять его по причине начавшейся осени. Последний штурм Эгера, закончившийся неудачей, был предпринят 14 октября

1552 г.⁶⁵ Под стенами хорошо укрепленного Эгера турки потеряли много убитыми и ранеными. Турецкое войско компенсировало свою неудачу совершением набегов на окрестные земли, захватив при этом богатую добычу. Значительную часть ее, как всегда, составили пленники (юноши и девушки).

Летом и осенью того же 1552 г. обострилась ситуация на восточной границе империи, где шах Тахмасп предпринял захват принадлежащей туркам крепости Ахлат, разрушив ее. Затем им был взят в осаду Арджиш, защищавшийся его гарнизоном до глубокой зимы. В конце концов крепость была вынуждена сдаться. Нападение было совершено и против Адильдиваза, где также находился турецкий гарнизон.

Активные военные акции Тахмаспа заставила Сулеймана задуматься об ответных действиях. Против иранского шаха было решено направить всю военную мощь Османского государства. В турецкое войско вошли анатолийские и румелийские сипахи во главе с великим везиром Рустем-пашой, янычары, а также бёлюки придворных сипахи. Однако султан не считал необходимым (или уже физически не мог) возглавить войско. Его отсутствие не лучшим образом сказалось на внутреннем состоянии армии. На стоянке в Аксарая великий везир послал султану письмо, в котором сообщил о распространившихся в войске слухах, что янычары желают видеть во главе кампании сына Сулеймана Мустафу. Он писал, что войско требует, чтобы сам Сулейман не брал на себя труд водительства и оставался в Дидемотике из-за своего «преклонного возраста»⁶⁶.

Уже современники подозревали в отправке письма затеянную интригу, направленную на то, чтобы вызвать гнев султана против своего старшего сына Мустафы. В его устранении была заинтересована, как предполагалось, жена султана Хуррем Султан, мать двух других сыновей Сулеймана — Селима и Баязида. Возможно, так оно и было. В данном случае привлекает внимание попытка использовать янычарское войско в дела престолонаследия с целью устранения с политической сцены еще здравствующего султана, т. е. повторить сценарий политических событий, имевших место при переходе власти от султана Баязида II к Селиму I. Однако автором попытки возглавить армию мог быть и сам шехзаде Мустафа, прекрасно осведомленный о хлопотах султанши в пользу своих сыновей. Восполь-

зовавшись недовольством янычар, отправившихся в далекий и трудный поход без султана, Мустафа, являвшийся правителем Караманского вилайета, сумел направить это недовольство в нужное ему русло.

Сложившаяся ситуация встревожила Сулеймана, и он изменил свое решение о неучастии в походе, отправившись вдогонку своему войску. В результате Рустем-паша был лишен звания главнокомандующего — сердара, а Мустафа жестоко поплатился за свои притязания на власть. На одной из стоянок армии в местечке Актепе он был приглашен в шатер отца и задушен одним из придворных ага⁶⁷. Тело убитого Мустафы было перевезено в близлежащий городок Эрегли, где кадиаскеры совершили над ним заупокойный намаз. После этого гроб был перевезен в Бурсу и там погребен. Сулейман объявил также и о смещении Рустем-паши с должности великого везира, что было в сложившихся обстоятельствах подозрительно легким наказанием. Выходец из янычарской среды и сам янычар, известный в то время поэт Ташлыджалы Яхья-бей, в сочиненном им мерсийе оплакал смерть Мустафы, упомянув при этом о причастности к ней Рустем-паши⁶⁸.

Так был устранен законный в глазах общества наследник престола. Последовавшая вскоре после этого смерть другого принца — Джихангира — устранила препятствия к будущему занятию трона одним из двух сыновей Сулеймана и Хуррем Султан, Селима и Баязида, между которыми началось острое соперничество. Отец и мать пытались вразумить обоих, посылая к ним с увещеваниями сановников и придворных. Сулейман был даже вынужден прибегнуть к экстраординарному средству — пригрозил объявить наследником престола своего племянника, сына своей сестры, Хатидже Султан, Осман-шахбея, являвшегося правителем Мореи⁶⁹.

Один из сыновей, Баязид, был особенно недоволен складывавшейся ситуацией. Он получил приказ отправиться на жительство из Коньи в более далекую Амасью. Внешне подчинившись, он был несогласен с таким решением отца. Для переговоров с ним в Конью был послан второй везир дивана Пертев-паша. Также для переговоров и увещеваний, ко второму сыну султана, Селиму, был послан в то время третий везир дивана — Соколлу Мехмед-паша⁷⁰. На пути следования Баязида из Ко-

нии в Амасью его встречал и приветствовал в Ангоре, анатолийский бейлербей Ахмед-паша, а в Чоруме — румелийский бейлербей Али-паша. Несмотря на все эти почести, Баязид не обманывался, помня о недавней казни Мустафы, и начал собирать вокруг себя своих сторонников. Имена некоторых из них приводятся на страницах турецких хроник. Это — Тарда, Биад, Кудуз Ферхад, Аксак Сейфеддин. Они убеждали Баязида в том, что он должен сменить на троне стареющего и впадающего в немощь султана Сулеймана, который собирается сделать своим преемником шехзаде Селима⁷¹. Баязид попытался втянуть в борьбу на своей стороне румелийского бейлербея, однако не имел успеха. Тогда он решился на открытое восстание против отца. Вместе со своими сторонниками он взял под свой контроль цитадель Амасьи, где располагался военный гарнизон, и выгнал оттуда султанского дыздара (начальника крепости). Установив в Амасье собственную власть и назанимав денег у богатых жителей Токата, Никсара, Синопа и других городов, Баязид создал армию из наемников численностью в 15 тыс. человек⁷².

С этими силами он двинулся к Конье, где в это время находился его брат Селим. Сулейман послал на помощь последнему войско, в которое вошли 3 тыс. янычар, несколько бёлюков придворных сипахи, пушкари и джебеджи. Во главе этого воинства был поставлен Соколлу Мехмед-паша. Румелийское войско также получило приказ быть готовым поддержать действия правительственных сил. Весной 1559 г. правительственные войска во главе с Соколлу Мехмед-пашой и армия Баязида встретились. Вместе с Баязидом находился его сын Орхан. Воины мятежного шехзаде сражались с таким мастерством и рвением, что первый день сражения не смог принести победы правительственному войску, несмотря на примененную им артиллерию. Утром следующего дня Лала Мустафа-паша объехал посланное Сулейманом войско и передал каждому бейлербею и санджакбею слова приветствия и благословения от принца Селима, прося воздержаться от грабежей в случае победы. Победа не заставила себя ждать, и Баязид с сыном были вынуждены бежать⁷³. При этом был казнен Эрзерумский бейлербей Айас-паша, обвиненный в том, что предоставил Баязиду подковы и гвозди для его лошадей. Бегство мятежного шехзаде означало, что борьба еще

не была закончена. Что касается шехзаде Селима, то в рамках антииранской кампании он получил приказ султана зимовать в Алеппо вместе с присланными к нему из столицы янычарами⁷⁴.

Шехзаде Баязид нашел убежище во владениях иранского шаха, отдавшись в руки правителя Ревана Шахкулу Султана. Однако в 1561 г. он был выдан шахскими должностными лицами посланцам Сулеймана и Селима и задушен вместе с четырьмя своими сыновьями⁷⁵. Таков конец истории борьбы за трон, развернувшейся между сыновьями Сулеймана в 1552 г. в начале восточного похода их отца против шаха Тахмаспа. Она имела и некоторые иные последствия.

В 1552 г., после казни шехзаде Мустафы, принц Баязид на время похода был оставлен наместником султана в Эдирне, пользуясь тогда еще полным доверием отца. Вскоре ему пришлось, однако, начать борьбу с объявившимся в районе Салоник и Йени Шехира (Лариса) самозванцем, Лжемустафой, объявившим себя сыном Сулеймана, чудесным образом избежавшим казни. Как и следовало ожидать, этот самозванец, внешне похожий на казненного шехзаде Мустафу, нашел поддержку среди местных румелийских акынджи, т. е. в той среде, где в наибольшей степени еще сохранялись традиции тюркского социума с его почитанием старшинства, а Мустафа, напомним, был старшим сыном Сулеймана. Один из акынджи по имени Оюл Тугджа стал великим везиром самозванца, объявившего о своих претензиях на престол по праву старшего сына султана. Среди студентов медресе нашлись двое, согласившихся стать кадиаскерами самозванного правителя. Самозванец сумел также войти в контакт с суфиями Добруджи, еще не забывшими идеи вольнодумца Бедреддина Симави.

Учитывая поддержку, которую смог получить Лжемустафа в Румелии, начала складываться опасная для османской династии ситуация. Самозванец присвоил себе право суда и наказания, а также привычные внешние знаки власти — барабан и знамя. Его поддержали консервативные слои тюркского населения Румелии, всегда стоявшие на стороне традиции.

Борьбу с Лжемустафой шехзаде Баязид начал с того, что послал против него отряд своих придворных сипахи (капыкулу) во главе с личным стремянным агой. В борьбу с Лжемустафой

было приказано вступить также правителю Нигеболу Мехмедхану, выходцу из династии Зулькадир. Вскоре о событиях в Румелии стало известно Сулейману, находившемуся в это время в восточном походе в Амасье. Он немедленно отправил на помощь Баязиду Соколлу Мехмед-пашу, предоставив ему 3 тыс. янычар и четыре бёлюка придворных сипахи. Янычары и придворные сипахи в данном случае выступают как единственная нейтральная сила, способная противостоять румелийским сипахи, оказавшим поддержку самозванцу.

Войску Соколлу Мехмед-паши, посланному против Лжемустафы, не пришлось участвовать в подавлении возникшей смуты. По прибытии в Эдирне Мехмед-паша узнал о том, что Лжемустафа уже задержан с помощью своего же «великого везира» Оюл Тугджа, передавшего его в руки правителя Нигеболу. Смутьян был переправлен в столицу и казнен, а предавший его Оюл Тугджа получил награду — зеамет (условное земельное пожалование с более высоким, чем тимар, доходом). Постепенно были пойманы и казнены и другие сторонники самозванца⁷⁶.

Поход против Сефевидского Ирана, начавшийся в 1552 г. при столь драматических обстоятельствах, с самого начала возбуждал глухое недовольство в войске, особенно среди янычар, не предвидевшихся от него для себя никаких выгод. Это не могло не беспокоить Сулеймана. Судить об этом можно по тому, что весной 1554 г., после зимовки в Алеппо, султан устроил торжественный диван, на который были приглашены все офицеры и старейшины янычарского корпуса. Совет, устроенный в огромном султанском шатре на равнине вблизи Алеппо, произвел сильное впечатление на присутствующих. В диване участвовало около тысячи человек. Султан льстил своему войску, взывал к его верноподданническим чувствам и всячески пытался заручиться его поддержкой. Сначала он обратился к офицерам с вопросом о состоянии войска и о трудностях похода, а затем разъяснил причины, по которым он был предпринят. Сулейман говорил о попрании чести Османского государства в результате «преступных действий беспутного шаха против ислама». Но главное, султан торжественно заявил, что знает о том, что «янычарские газы» не жалеют своих трудов во имя ислама, что он уверен в их ревностной службе и в будущем и что служба эта будет щедро вознаграждена.

Янычарские офицеры были польщены столь необычным вниманием к себе султана и заявили, что безропотно последуют за Сулейманом куда бы он ни направился — в Индию ли или Китай, будь это даже труднодоступные горы, и что они готовы пожертвовать во имя султана своими жизнями. Сразу же после этого экстраординарного совета, устроенного для янычар, Сулейман пригласил к себе офицеров придворной гвардии сипахи и своих сановников, также разъяснив им причины предпринимаемой военной экспедиции⁷⁷.

Сам факт отдельного приглашения на диван офицерской верхушки янычарского корпуса во время похода свидетельствует о том, что верховная власть уже в полной мере осознавала политическое и военное значение янычарского корпуса как силы, на которую приходилось опираться во внутридинастийной борьбе и при решении государственных задач военного характера. Янычарское войско приобретало решающее значение в турецкой армии и от его настроений зависели успех или неуспех военных предприятий султана. Очевидно, что к середине XVI в. янычары обрели некую самостоятельную политическую силу, с которой все более приходилось считаться.

От настроения янычар зависел и успех предпринятого похода против Тахмаспа. Между тем восточная кампания Сулеймана 1553—1554 гг. не принесла янычарам ни доходов, ни славы. Шах Тахмасп вновь был невидим и неуловим, поиск и преследование его армии среди горных троп и дорог оказался тяжелым физическим испытанием для янычарской пехоты, не находившей никакой материальной компенсации понесенных тягот. Сулейман жаждал внушительной и убедительной победы над врагом — этого требовал престиж его власти. От Диярбакыра его армия двинулась в сторону Эрзерума. Дороги были столь трудны для переходов, что янычары выступали в путь на день раньше остальной части армии. После нескольких дней трудного пути Сулейман щедро одарил свое придворное войско, выдав ему вознаграждение в золотой монете. Между тем люди одного из местных курдских беев доставили Сулейману языка — турецкая армия остро нуждалась в информации о местонахождении Тахмаспа. Уже зная, где находится иранский шах, по равнине перед Карсом турецкая армия двигалась во всем своем великолепии и внушительной мощи, желая

произвести должное впечатление на противника, который мог наблюдать всю эту картину. При этом Тахмаспу было послано письмо, в котором он обвинялся в отступлении от правоверия и бесчинствах по отношению к местному населению. Сулейман вызывал Тахмаспа на открытый бой⁷⁸. Однако шах не решился вступать в сражение с армией Сулеймана. В «Мебде-и канун» приведен эпизод, в котором рассказывается о проявленном якобы шахом малодушии перед лицом турецкой армии, явившей себя во всей своей силе и великолепии, а также о том, как приближенные Тахмаспа успокаивали и ободряли своего повелителя. Анонимный автор «Мебде-и канун» сообщает, что именно янычары посоветовали Сулейману построить всю свою армию и двигаться в боевом построении для устрашения иранского шаха⁷⁹.

Так и не дождавшись сражения с противником, Сулейман двинулся по направлению к Нахичевани. Место стоянки Шурагель оказалось настоящим подарком для истосковавшегося по добыче войска. Это плодородное и густонаселенное место, входившее в состав иранских владений, было предано турецкой армией опустошению и грабежу и его «благоустроенные творения прекратили существование, превратившись в груды праха»⁸⁰. Через несколько переходов войско Сулеймана подошло к Ревану (Еревану), где остановилось 19 июля 1554 г. Здесь турками были сожжены резиденции и сады Тахмаспа и его сановников. Разгрому и грабежу подверглись также земли вокруг реки Арпа-чай. Здесь произошла стычка отрядов Диярбакырского бейлербея с силами кызылбашей, в результате которой туркам удалось захватить несколько языков. Разведывательные отряды шаха Тахмаспа следовали по пятам турецкой армии, следя за ее передвижением и действиями. Турецкие сипахи, соблазненные возможностью пограбить местное население, часто забывали об этой опасности и, совершая набеги, попадали в засады, устраиваемые кызылбашами.

Наконец турецкая армия вступила в Карабах, местность, где любил проводить зиму иранский шах Тахмасп. По описанию османских хронистов, Карабах предстал турецкой армии совершенно опустошенной областью, жители которой «от слез не могли различать друг друга». Турецкое войско было разочаровано, лишь кое-где ему удалось поживиться добычей, нахо-

димой в каких-нибудь укромных местах. Словно мстя за скудную возможность грабежа, турки жгли местность⁸¹.

Из описаний грабежей, которые приводят сами османские хронисты, может сложиться впечатление о присущей именно туркам подобной манеры действий на вражеской территории. Такое суждение было бы не вполне справедливым, учитывая военную практику эпохи не только в Азии, но и в Европе. Мародерство, грабежи, опустошения — типичные черты войн эпохи Средневековья, которые велись без проявления какого-либо милосердия к противнику и местному мирному населению. Религиозные расхождения между турками-суннитами и иранскими шиитами усиливали взаимную ненависть и ожесточение противоборствующих сторон. Кроме того, не только в Азии, но и в Европе на войну в это время смотрели не только как на военное, но и как на выгодное материальное предприятие.

И все же опустошения, производимые турками в подвластных иранскому шаху землях, с особым тщанием описываются османскими историками по причине крайне обострившейся в этот период военно-политической и религиозной вражды, установившейся к тому времени между двумя государствами. Для османских султанов идеология шиизма представляла большую опасность ввиду заражения ею значительной части сельского анатолийского населения, с симпатией относившегося к Ирану и его правителю. Взаимная религиозная ненависть особенно ощущалась во время войн между двумя государствами. От этой вражды в первую очередь страдало мирное население. И в этот раз произошло то же, что обычно происходило во время ирано-турецких войн. Оказавшись в Нахичевани, где незадолго до подхода туда турецкого войска находился Тахмасп, турки разграбили город, а затем и обширные области вокруг него на расстоянии пяти дней перехода. Это была исключительно опустошительная для владений иранского шаха военная кампания. Тахмасп не решался на открытое столкновение с войском Сулеймана, но как только турецкая армия начала отходить в глубь Анатолии, шах немедленно приступил к активным партизанским рейдами, подвергнув грабежу вассальные земли султана в Грузии. В результате Сулейман был вынужден послать туда войско под командованием великого везира. В состав его вошли румелийские и анатолийские сипахи, кара-

манская конница, 4 тыс. янычар и бёлюки придворной конной гвардии. Только это смогло утратить Тахмаспа, и он покинул земли Грузии. А вскоре к султану прибыл шахский посол с предложением мира.

На обратном пути в столицу Сулейман вознаграждал свое войско за участие в тягостной и дальней кампании. Заимы получили прибавку к своим доходам в размере 200 акче на каждую тысячу зафиксированного дохода их зеамета, тимариоты-сипахи — 100 акче. Румелийский бейлербей Соколлу Мехмед-паша за свои военные заслуги получил от султана звание везира, а янычарский ага Пертев занял освободившуюся должность румелийского бейлербея. Янычарским агой был назначен придворный капыджибаши Искендер-ага. Иерархическая передвижка (с повышением) затронула значительное число сановников. По дороге в столицу Сулейман остановился в Амасье, где провел зиму 1554/55 г., занимая себя любимым делом — охотой⁸².

Пребывание турецкого султана в Амасье внушало Тахмаспу опасения, что с наступлением весны он вновь направит свою армию против его владений, и шах удвоил свои усилия по заключению мира. В Амасью в предложении мира прибыл шахский посол с богатыми дарами, и мир был заключен в 1555 г. Согласно ему за Ираном сохранялись все принадлежавшие ему в Закавказье земли — Азербайджан, Армения, Восточная Грузия. За Османской империей в Грузии оставались Имеретия, Гурия, Абхазия и земли, населенные лазами.

После описанного выше разрешения конфликта с принцами Баязидом и Селимом, в результате чего единственным претендентом на турецкий престол остался сын Хуррем Султан Селим, Сулейман принял амбициозное решение овладеть о. Мальта. В течение нескольких лет после иранского похода султан не предпринимал крупных военных кампаний: дело ограничивалось дипломатическими акциями, связанными с борьбой с австрийскими Габсбургами за власть в Трансильвании. После смерти шехзаде Баязида, с наступлением полной ясности в вопросе о престолонаследии, Сулейман решил начать подготовку к новой военной внешнеполитической акции. Она была связана с существованием серьезной угрозы для турецкого мореплавания в районе Средиземноморья. Изгнанные с о. Родос рыцари-

иоанниты, обосновавшиеся на Мальте, доставляли немало хлопот турецким торговым судам, перевозившим товары из Египта и северного побережья Африки в Стамбул и внутренние районы Малой Азии. Нередко в серьезные морские стычки вступали корабли османских корсаров и корабли мальтийцев, обладавших сильным флотом. Непосредственным поводом для начала похода турок против Мальты послужил захват последними османского торгового судна, направлявшегося в Стамбул с грузом для султанского дворца⁸³.

Сердаром военного похода был назначен пятый везир Кызыл Ахмедли Мустафа-паша, командующий флотилией — капудан Пияле-паша. Обоим было приказано действовать в тесном взаимодействии с турецким правителем Туниса Тургут-пашой — опытным флотоводцем и знатоком военных укреплений Мальты. Выходец из Анатолии, Тургут долгое время плавал на кораблях Барбароссы и отличился в морском бою при Превезе. Будучи уже немолодым человеком, он попал в плен к испанцам, которые четыре года использовали его на галерах, пока его не выкупил из плена Хайреддин-паша. После его смерти Тургут возглавил средиземноморских корсаров. Современники называли его «чудовищем-архипиратом», изумительным «сеньором» морей. Тургут признавал власть султана и получил от него пост правителя Триполитании⁸⁴.

Посланный весной 1565 г. из Стамбула флот (куда вошло 160 судов разных типов), на котором находилось турецкое войско, и в том числе несколько тысяч янычар, прибыл к берегам Мальты до того, как к острову подошла флотилия Тургут-паши. Не дожидаясь ее прибытия и высадившись в бухте Марсашлокк, сердар осадил крепость Санта-Мария⁸⁵. Когда Тургут-паша со своими кораблями подошел к берегам Мальты, осадные работы были в полном разгаре.

Несмотря на то что захват названной крепости, по мнению опытного средиземноморского флотоводца, не имел никакого военного значения, мало влияя на овладение острова в целом, крепость все же подверглась осаде и на 17-й ее день была взята. Турецкие потери были при этом огромны. Имелось большое число убитых и раненых, была потрачена также значительная часть привезенных боеприпасов. Добытая с таким трудом и ценою больших потерь победа вызвала необычайное ожесточение

турок, которые по взятии крепости казнили множество пленных⁸⁶. Затем турки осадили главную и прекрасно укрепленную крепость острова — Валетту. Вновь начались рытье траншей и установка осадных орудий, начался обстрел крепостных стен. Однако энтузиазм турецкого войска был уже не слишком велик. Недовольство части осаждающих вызывало то, что за овладение Санта-Марией войском не было получено никакого вознаграждения. При этом если солдаты Пияле-паши не получили ничего, то Кызыл Ахмедли Мустафа-паша не поскупился на денежные подарки своей части войска. В турецкой армии воцарился разлад. В конце концов крепость так и не была взята, а турки вернулись в Стамбул⁸⁷.

Это был крупный неуспех турецкой армии. Османские хронисты по-своему пытались объяснить его, защищая престиж султанской власти. Ибрахим Печеви объясняет провал бездарным руководством военными действиями со стороны сердара Мустафа-паши. Он пишет, например, что тот отдавал приказ на время своего послеполуденного отдыха останавливать стрельбу из пушек и осадных орудий, и обстрел крепостных стен надолго прекращался. Войско осталось крайне недовольным своим сердаром, а Мустафа-паша по возвращении в Стамбул в наказание был лишен звания везира⁸⁸. Мюнеджим-баши объясняет неудачу турок особой прочностью крепостных стен Валетты и недостатком времени для ведения осадных действий в связи с наступлением осеннего периода. Тем не менее, несмотря на неудачу, турецкое войско постаралось вознаградить себя за ратные труды и разграбило земли Мальты, разорив в том числе ряд ее монастырей⁸⁹. Во время этого похода получил смертельное ранение гроза Средиземноморья Тургут-паша, погибший от удара запущенного с крепостных стен камня⁹⁰.

Поражение турок под стенами Валетты, которую защищали рыцари ордена св. Иоанна, изгнанные турками с Родоса и нашедшие в 1530 г. убежище на о. Мальта, явилось грандиозным событием как для самого острова, так и для всей христианской Европы. Во главе обороны крепости стоял рыцарь-иоаннит Жан Паризо де ла Валетт. До сих пор эта победа отмечается жителями острова как большой праздник.

Турецкий флот вернулся к родным берегам ночью. Наутро город наполнился плачем по погибшим в походе, а стамбульцы-

христиане попрятались в своих домах, опасаясь мести со стороны мусульман⁹¹.

Честь турецкого султана была задета. Уже несколько лет христианский мир, занятый, впрочем, делами, связанными с Реформацией и контрреформацией, не слышал о победах турецкого оружия. Назначенный великим везиром опытный Соколлу Мехмед-паша настаивал на совершении похода с участием самого султана, несмотря на его преклонный возраст (73 года) и тяжелую болезнь ног. Этот «поход престижа» был совершен против Максимилиана Габсбурга, после смерти Фердинанда ставшего в 1564 г. королем Венгрии, императора Священной Римской империи. Максимилиан попытался урезать власть правителя Трансильвании Яноша Жигмонда (Сигизмунда), носившего титул короля Венгрии, утвержденный Сулейманом.

Весной 1566 г. румелийскому бейлербею Шемси Ахмед-паше был отдан приказ собрать румелийских сипахи в Софии. Началась подготовка к походу в Венгрию, где со стороны австро-венгров происходили постоянные нападения на турецкие гарнизоны, о чем докладывал в Стамбул бейлербей Буды Арслан-паша. Сердаром войска, которое должно было выступить несколько раньше выезда из столицы султана, был назначен второй везир Пертев-паша.

В составе армии Сулеймана находились только что назначенный великим везиром (вместо умершего Семиз Али-паши), Соколлу Мехмед-паша, а также другие везиры дивана, нишанджи, кадиаскеры и прочие должностные лица. Престарелый султан мог передвигаться теперь только на повозке. Он пребывал в угнетенном состоянии духа, его мучила встреча с каким-то старцем, которая произошла при выезде султанского кортежа из Адрианопольских ворот (Эдирне капысы) Стамбула. По преданию, увидев Сулеймана, тот произнес: «Мой падишах! Мы были довольны тобой, да будет [теперь] доволен тобой Всевышний!»⁹² Эти слова были истолкованы султаном как предсказание его близкой смерти.

Турецкой армии противостояло, по сообщениям, стотысячное (преувеличение!) войско, собранное Максимилианом в Венгрии с помощью папы римского. Когда турки находились в пути между Нишем и Белградом, янычарский ага приказал своим янычарам-ясакчи, исполнявшим в этом районе полицейские

функции, выловить «известных всей округе разбойников», тревоживших своими дерзкими вылазками местную турецкую администрацию. «Разбойники» (гайдуки) были представителями местного населения, часто это были деклассированные лица, которые ставили своей целью борьбу с турецкими завоевателями. Борьба эта, начавшись еще в XV в. в албанских землях, уже не прекращалась до XIX в. — времени национально-освободительных движений на Балканах. Янычары-ясаки приступили к выполнению задания, лишь заручившись обещанием аги повысить их по службе. Отряды гайдуков, действовавшие в этой местности, совершали нападения на арьергарды турецкой армии, мешая ее продвижению. К их поимке был привлечен славившийся своей военной доблестью тимариот по имени Эвренбей, уроженец Малкары. Организованная турками карательная операция была проведена успешно и пойманные «разбойники» были подвергнуты мучительной казни. Турки убивали по одному из них на каждой войсковой стоянке, что делалось, вне всякого сомнения, в целях устрашения местного населения. Янычары-ясаки, как и было им обещано, получили повышение — им пожаловали звание придворных сипахи с дневным жалованьем 13 акче⁹³.

Военные действия в Венгрии во время последнего похода султана Сулеймана велось отдельными частями армии. Отдельное войско под предводительством Пертев-паши, в которое вошли 2 тыс. янычар-пехотинцев, янычарские пушкары (топчи), джебеджи и придворные сипахи, а из феодальных сипахи — воины санджаков Смедерево, Видина, Темешвара, татарская конница и отряды, присланные молдавским господарем и валашским воеводой, — было послано на захват крепости Дьюла (на границе между Трансильванией и собственно Венгрией). Крепость осаждалась в течение двенадцати недель и в конце концов была взята турками. Столь долго сопротивлявшиеся осажденные сдали ее при условии, что им будет разрешено беспрепятственно уйти из крепости. Переговоры о сдаче вел санджакбей трансильванского Варада. Когда после подписания условий о сдаче венгерский гарнизон покидал стены крепости, янычары, уже привычно для себя, нарушили условия договора и набросились на защитников крепости. Многие из них были убиты или ранены. При этом едва удалось спастись самому турецкому

емиссару, санджакбею Варада, вышедшему из крепости вместе с ее защитниками⁹⁴.

6 июня 1565 г. будинский бейлербей Арслан-паша осадил Палоту, но ее защитники во главе с Дьёрдем Тури сумели отогнать турок от крепости. Более того, 24 июня объединенные отряды Дьёрдя Тури и Экхарда Сальма выбили турок из Веспрема и Тату, а Миклош Зриньи разбил турецкий отряд у Шиклоша. Он же возглавил оборону Сигетвара, к стенам которого 7 августа подошли основные силы турецкой армии во главе с султаном Сулейманом⁹⁵.

Неудачливый будинский бейлербей Арслан-паша поплатился жизнью за свое военное поражение. В турецком лагере он был публично казнен⁹⁶ в назидание другим турецким военачальникам.

Подойдя к Сигетвару, долго выбирали место для установки шатра Сулеймана. Старый и больной султан, покоритель земель «в четырех странах света», боялся быть убитым и приказал установить свой шатер на значительно большем, чем пушечный выстрел, расстоянии от театра военных действий⁹⁷. Сигетвар был блокирован и осажден со всех сторон. Янычары, во главе со своим янычарским агой, занимали осадную линию, которой командовал третий везир дивана Ферхад-паша. Обстрел стен крепости из 300 орудий велся круглосуточно. Наученные горьким опытом осады Палоты, турки создали караульную службу, остерегаясь неожиданных вылазок противника.

Крепость обороняли две с половиной тысячи венгров и хорватов. 9 августа обороняющиеся были вынуждены укрыться за стенами «старого города»: туркам удалось ворваться в Сигетвар, где более 600 жителей были тотчас же убиты⁹⁸. Перед стенами внутренней цитадели туркам открылся ров с водой, который удалось осушить, перекрыв водотоки. После ухода воды во рву осталась топкая жижа, которую пришлось долго забрасывать хворостом, стволами деревьев и другими подручными материалами, а затем и мешками с землей. Обеспечив себе проход к деревянному частоколу, за которым были установлены орудия противника, турки штурмовали его, пытаясь подрубить сваи и колья. Однако это плохо удавалось. Мало успеха принесли и попытки поджечь деревянную оборонительную линию. Осажденные храбро и ожесточенно защищались. Им удавалось

восстанавливать произведенные разрушения. После нескольких неудач янычары решительным штурмом все же преодолели линию обороны противника⁹⁹. Венгерские источники сообщают, что турки сумели ворваться в последний оплот осажденных после предпринятой 8 сентября Миклошем Зриньи атаки, во время которой все защитники погибли¹⁰⁰. Те же источники сообщают, что турки понесли при захвате Сигетвара огромные потери (25 тыс. человек убитыми — цифра, конечно же, преувеличенная). Ворвавшись в цитадель, турки обнаружили там склады с порохом, а когда попытались забрать его, тот начал взрываться, поубивав значительное число солдат.

Во время взятия Сигетвара скончался султан Сулейман. Великий везир умело скрывал это обстоятельство от войска и даже от ближайшего султанского окружения. Взвзавшая Сигетвар армия не знала, что ее военного предводителя, султана, уже нет в живых. Однако военные действия не были прекращены. Сразу же после захвата Сигетвара Соколлу Мехмед-паша отправил румелийскую конницу с двумя тысячами янычар и двумя бёлюками придворных сипахи на захват крепости Бабоча. Ее гарнизон, узнав о приближении турок, бежал. После взятия Бабочи посланное против этой крепости войско быстро возвратилось обратно. Между тем великий везир тянул время, для того чтобы сын скончавшегося Сулеймана, Селим, смог беспрепятственно прибыть в расположение турецкой армии до того, как солдаты узнают о смерти старого султана. Под предлогом ремонта крепостных стен Сигетвара Мехмед-паша продержал здесь армию более месяца. Все это время войско было занято тем, что совершало набеги на близлежащие местности с целью захвата добычи¹⁰¹.

С помощью находившегося в армии Феридун-бея, занимавшего в то время должность главы кятибов дивана, с гонцом в Кютахью было послано известие шехзаде Селиму о смерти его отца. 44-летний Селим, давно мечтавший о власти, в первую же пятницу приказал хатибу Кютахьи читать хутбу со своим именем¹⁰².

На девятый день после получения известия о смерти Сулеймана Селим прибыл в Стамбул и был провозглашен там новым султаном. Не задерживаясь в столице, он отправился в сторону Белграда. Тем временем великий везир Соколлу Мехмед-паша

отдал приказ о возвращении войска в Стамбул. Тело покойного султана везли в повозке, искусно скрывая, что Сулейман мертв. В паланкине вместе с телом покойного, находился один из султанских сияхтаров, Джафер-ага, которому было поручено время от времени произносить реплики и отвечать на «задаваемые султану» вопросы. Он должен был также изредка пошевеливать стены паланкина, создавая впечатление о движении в нем. При этом во время пути на имя султана внутрь паланкина подавались прошения, на которых сияхтар Джафер-ага, подражая почерку султана, накладывал резолюции. Так благополучно доехали до Белграда, где армию встретил прибывший туда Селим. Только после этого было объявлено о смерти Сулеймана и воцарении его сына.

Узнав об обмане, янычары вознегодовали на молодого султана за то, что им не был выдан коронационный бахшиш и не было объявлено о традиционной прибавке к жалованью. Еще по пути из Белграда янычары начали возмущаться нарушением «старинного обычая». По мере движения армии к Стамбулу волнение усиливалось. Янычары подавали прошения, чтобы из их рядов убрали лиц, зачисленных в янычары указом нового султана. Начались убийства и грабежи. Селим, не дожидаясь вступления в Стамбул, отдал приказ выдать бахшиш своему придворному войску. Янычары получили сумму вдвое большую, чем сипахи придворных бёлюков, но требовали заплатить еще, заявляя об особых трудностях состоявшегося похода. Янычары получили также и прибавку к жалованью. Те, кто получал самое маленькое жалованье, 3 акче, стали получать 5 акче, получавшие 5 — 8 акче, наконец, те, кто получал самое высокое жалованье, 8 акче, получили прибавку в 1 акче. Всего прибавка была дарована 12 003 янычарам. Назначена была прибавка к жалованью и придворным сипахи¹⁰³. Она коснулась также и других категорий придворного войска, придворных ремесленников и ряда других лиц придворного штата.

Казалось, что с недовольством янычар было покончено. Однако это было не так. На последней перед столицей стоянке войска в Халкалю, ночью, состоялось тайное собрание янычарских заговорщиков. Турецкий хронист Мустафа Селяники, принимавший участие в последнем походе Сулеймана, оказался случайным свидетелем этого сборища, когда поздно вечером

возвращался со встречи с друзьями. Вид возбужденной группы янычар, освещенной факелами и огромными светильниками, вызвал его подозрение. Он сообщил об увиденном реис-улькюттабу Мехмеду Челеби и главному кятибу дивана Феридун-бею, которые на лошадях немедленно отправились к месту, указанному Мустафой Селяники. В это время заговорщики вовсю готовились к ночному пиршеству, подкатывая бочонки с вином и громко обсуждая свои планы на следующий день.

Мехмед Челеби и Феридун-бей успели предупредить о готовящемся бунте янычар великого везира, однако, как пишет Селяники, времени оставалось слишком мало, чтобы воспрепятствовать действиям янычар¹⁰⁴.

Торжественная церемония въезда нового султана во дворец начала готовиться рано утром. Для встречи Селима за городскими воротами Стамбула выстроились сановники и высшие улемы. Как только, верхом на лошади, он появился, слышались слова молитв и благословений. Через Адрианопольские ворота (Эдирне капысы) новый султан вступал в город. Когда султанская процессия достигла Старых янычарских казарм, янычары разом остановились, застопорив движение султанского кортежа, и простояли так более часа, говоря друг другу: «Пусть постоит!» Затем процессия двинулась дальше. У стен бани Баязид-хана везир Пертев-паша попытался пристыдить янычар, сказав им: «Так вести себя недостойно, ребята!» За эти слова он был едва не убит одним из янычар, метнувшим в него дротик, так что везир упал с лошади. Подобным же образом они поступили и с Пияле-пашой, попытавшимся пристыдить янычар за их поведение. Сбитый с лошади сановник обратился в бегство, найдя убежище на дровяном дворе бани. Затем янычары начали угрожать везиру Ферхад-паше. Другой везир, Ахмед-паша, проявил сообразительность и откупился от янычар, бросая в их ряды имевшиеся при нем монеты.

Между тем янычары, сбившись в группы по 100—200 человек, блокировали ворота султанского дворца с намерением не пропустить туда султана Селима. Янычарский ага Али находился здесь же. Его шея уже была обвита платком, концы которого держали янычары, в любую минуту готовые задушить своего главного командира. На его попытки вразумить их, они отвечали упреками в скверном питании во время похода и в ску-

пости янычарского аги, весьма «глупо» желавшего побереечь казну. Пропустив во двор дворца часть бёлюков и ряд сановников, янычары остановили у закрытых ими после этого ворот великого везира Соколлу Мехмед-пашу. Они вынудили его доложить султану, что янычары не успокоятся до тех пор, пока им не будут обещаны деньги.

Понимая всю серьезность сложившейся ситуации и унижительность своего положения, Селим был вынужден подчиниться и велел прислать к нему на переговоры кого-либо из хорошо говорящих по-турецки янычар. Однако никто из них не решился предстать перед султаном. От Селима заочно потребовали выдать бахшиш и прибавку к жалованью. Великий везир подъехал к дворцовым воротам и попросил открыть их, сказав, что султан готов выполнить требования бунтовщиков. Однако янычары не сразу выполнили просьбу открыть ворота, и Селим был вынужден еще некоторое время провести в переговорах. Только слышав призыв на вторую молитву с минаретов Айа Софьи, янычары пропустили Селима во дворец¹⁰⁵.

Бунт благополучно завершился, а подробно описавший его Мустафа Селяники заметил в своем труде: «Спасибо еще, что не был разграблен город и что рука [янычар] не коснулась меча». По мнению историка, события можно было предотвратить с помощью ряда предупредительных мер. Однако султан не располагал на тот момент силами, способными подавить янычарский бунт. Потребовав вторичной прибавки к жалованью и вторичного бахшиша, янычары добились успеха. Они действовали слаженно, бесстрашно и хорошо продуманно, выступив со своими экономическими требованиями.

Вскоре после событий, связанных со вступлением Селима II в султанский дворец, разразился новый бунт, на этот раз придворных сипахи, также потребовавших для себя бахшиша. Султан был вынужден уступить и на этот раз. Однако неприятности с янычарами на этом не закончились. Прибыв в столицу, они обнаружили в своих казармах янычар-«чужаков» — лиц, зачисленных на янычарскую службу специальным указом воцарившегося Селима II. Получив известие о смерти Сулеймана и прибыв из Кютахьи в Стамбул с отрядом своих стрелков-авджи (секбанов), Селим поселил их в пустующих янычарских казармах, а затем составил из них, за отсутствием янычар, ушедших

в венгерский поход, свою почетную свиту. Эти авджи сопровождали его, когда он совершал обряд посещения могил предков. Воспользовавшись тем, что янычары находились в походе, авджи попросили Селима зачислить их в янычарский корпус. Селим удовлетворил их просьбу. Возмущенные появлением чужаков, весной 1567 г., янычары подняли бунт против новичков, потребовав, чтобы тех немедленно удалили из их рядов. Кроме того они просили оставлять в янычарских казармах во время своего отсутствия не менее тысячи охранников (коруджи). Наконец, янычары выставили требование увеличить жалованье некоторым офицерам корпуса — кетхюда-бею, баш чавушу, кетхюда йери, мухзыру и другим. И эти требования янычар были удовлетворены. Мустафа Селяники, крупный чиновник финансового ведомства, всегда отстаивавший интересы казны, пишет в своем труде, что удовлетворение всех этих требований стоило казне увеличения ежедневного расхода на сумму в 7530 акче¹⁰⁶, что в год составляло около 3 млн. акче.

Нетрудно заметить, что янычары во всех этих событиях выступали как сплоченная сила, способная отстаивать свои корпоративные интересы. Более того, требование увеличения жалованья офицерам янычарского корпуса, означало, что в бунте было замешано и высшее офицерство. Такая демонстрация единства верхушки корпуса и его низов означала прежде всего реально ухудшившееся к этому времени материальное положение янычар, связанное с начавшимися финансовыми трудностями государства. События показали, что и прежде доставлявшие немало хлопот правительству янычары стали представлять большую опасность для правительства, терявшего рычаги влияния на янычарское войско. Вместе с тем янычары являлись по сути единственной реальной силой, с помощью которой могла выполняться важнейшая задача сохранения власти султана на обширных землях империи. Их присутствие в крепостных гарнизонах по всей стране, участие в карательных акциях против инсургентов, где бы они ни появлялись, были столь же необходимы, как и их участие в военных походах в качестве профессиональной и хорошо организованной силы.

В 1568 г. 3 тыс. янычар с артиллерией и придворные бёлюки сипахи были отправлены на подавление восстания в Йемене¹⁰⁷, разразившегося против турецкого господства с приходом

к власти султана Селима II. Йемен начал подпадать под власть турок еще при Селиме I, когда бежавшие из Египта мамлюки основали здесь фактически самостоятельное государство (1517), но признали, правда, власть Порты. Вместе с тем на севере Йемена, в горных районах, укрепились вожди (имамы) шиитствующей секты зейдитов, которые на протяжении всего XVI в. вели борьбу против ортодоксального суннизма в Южной Аравии, представителями которого выступали йеменские Тахириды, затем мамлюки и впоследствии османские бейлербеи. Против османского сюзеренитета в отдельные периоды выступали различные эмиры и местные династы, но туркам удавалось вновь и вновь утверждать здесь свое влияние и реальную власть. В руках турок находилась морская база в Джидде и о. Камаран, защищаемые османским флотом от угрозы морских нападений португальцев. Их пиратские корабли разбойничали в Красном море и вдоль побережья Индийского океана. Османские правители, после завоевания Египта присвоившие себе звание покровителей ислама, пытались усилить свои позиции в этом районе мира, борясь с другими «господами морей» — португальцами. После победы над Габсбургами и Сефевидами Сулейман решил укрепить позиции ислама в бассейне Индийского океана. Бейлербей Египта получил приказ начать строительство флота для похода в Индию. Работами руководил один из видных генуэзских инженеров, лучшие мастера отливали пушки, среди которых были стрелявшие 100-килограммовыми ядрами.

13 июня 1538 г. османская морская флотилия вышла в море и двинулась в сторону Индии. В Адене турки легко и просто расправились с его тахиридским эмиром, любезно пригласив его на флагманский корабль, а затем удушив. Аден признал власть Порты. Последовавший после этого неудачный турецкий поход в Индию тем не менее укрепил власть султана в Йемене, где кроме побережья турки заняли и внутренние районы страны, установив там свою систему управления. Существовавший здесь вассальный мамлюкский эмират был полностью упразднен, а территория Йемена поделена на санджаки во главе с санджакбеями. Но горные районы, по-прежнему находившиеся в руках зейдитов, оказывали туркам упорное сопротивление. В 1539 г. был образован эйалет Йемен во главе с турецким бейлербеем.

Шиитское крестьянство Йемена, после прихода турок, составило массовую опору антиосманских движений на юге Аравии. Однако шиитствующие секты Йемена не были едины — исмаилиты и зейдиты часто боролись друг с другом, чем успешно пользовались завоеватели. В 1545 г. старший сын зейдитского имама аль-Мутаххар, недовольный решением отца сделать своим преемником другого сына, перешел на сторону турок, что позволило им установить свою власть и в ранее неподчинявшихся им районах и городах йеменского Джебеля¹⁰⁸. Однако турецкая власть здесь была непрочной.

Обстановка особенно накалилась в 1568 г. Во главе разразившегося восстания встал зейдитский имам аль-Мутаххар, который какое-то время занимал пост в турецкой администрации Йемена, являясь одним из его санджакбеев. Селяники прямо связывает начало восстания с восшествием на престол нового султана¹⁰⁹. Аль-Мутаххар не считал себя связанным узами вассалитета с воцарившимся султаном и предпринял попытку освободиться от турецкой власти. Подробно описывающий ход восстания Печеви выставляет в качестве его причины действия нового йеменского бейлербея Резван-паши, который, заняв этот пост, начал притеснять людей, на которых опирался в делах управления Йеменом его предшественник Махмуд-паша¹¹⁰.

Один из авторитетных вождей шиизма в Йемене, аль-Мутаххар в 1567 г. осадил Сану. В это время в Йемене происходила должностная передвижка. Вместо Резван-паши, спешно покинувшего Йемен, управление страной было передано Мурад-паше и Урус Хасан-паше. Под начало первого были переданы горные районы страны с Саной и Таизом, в подчинение второго — прибрежная полоса Тихамы. Мурад-паша, узнавший об осаде аль-Мутаххаром Саны, не решился выступить против него и лишь послал из Таиза в помощь осажденным продовольствие в сопровождении военной охраны. Аль-Мутаххар перехватил груз и перебил посланный с ним отряд. Только после этого Мурад-паша решился действовать активнее и выступил со своим отрядом из Таиза в Сану. На подходе к городу, в одном из ущелий, на головы его солдат полетели камни. Турки не успели применить оружие и обратились в паническое бегство. При этом был убит сам Мурад-паша. Оставшиеся без всякой помощи осажденные в Сане были вынуждены сдаться¹¹¹.

Овладев Саной, аль-Мутаххар объявил о ликвидации турецкого правления в Йемене. Он был провозглашен «халифом и эмиром правоверных». Его полководец Али бен Шовея захватил Таиз, Аден, взял Моху и подступил к столице Йемена Забиду¹¹², около которого турецкий правитель Тихамы Урус Хасан-паша, собрав войско, разбил отряды аль-Мутаххара, спасая Забид, который оставался единственным пунктом Йемена, находившимся в турецких руках, а затем доложил о положении дел в Йемене в Стамбул.

Новым бейлербеем Йемена был назначен Осман-паша, сердаром войска, которому поручалось подавить восстание — Лала Мустафа-паша. Именно Осман-паше принадлежала главная роль в подавлении восстания аль-Мутаххара. Бейлербей умело воспользовался боевыми возможностями янычар, у которых имелись пушки. Борьба свелась к взятию крепостей, где засели восставшие. При этом турецкие каратели не преминули воспользоваться случаем, чтобы пограбить захватываемые ими йеменские города¹¹³.

Янычары помогали также подавить антитурецкое восстания в Ираке. В распоряжение багдадскому бейлербею было послано 2 тыс. янычар для борьбы с восставшим арабским эмиром Ибн Уйяна. Войска багдадского бейлербейства, а также Басры, Курдистана, подкрепленные янычарами и артиллерией, справились с восставшими в середине 1568 г., предав грабежу и пожарам места, где антитурецкие настроения были особенно сильны¹¹⁴.

Начавшиеся восстания против турецкого господства в арабских провинциях Османской империи явились первыми сигналами нового периода ее истории. Пик турецких завоеваний был пройден, и главная задача турецкого правительства состояла в том, чтобы удержать захваченное и обеспечить нормальное функционирование огромного государства. Для этого турецкий султан еще обладал достаточной военной силой, главной составной частью которой являлись янычары. Успешность их карательных функций во многом обеспечивалась отсутствием каких-либо связей с местным населением. Карательная функция янычар во второй половине XVI в. стала одной из важнейших среди имевшихся у них. Однако это был обоюдоострый меч. Все чаще сами янычары становились предметом беспокойства для

турецкого правительства. Их самоволие, недисциплинированность, отсутствие боязни наказания внушали верховной власти все больший страх.

Боялось янычар и местное население. Издавна янычары выполняли функции городских пожарных. Зимой 1569/70 г., когда в еврейском квартале Стамбула случился пожар, ставший крупнейшим за всю историю османской столицы, янычары продемонстрировали все свои неблагоприятные стороны. Пожар начали тушить не сразу, возможно, это было связано с болезнью янычарского аги Джафера, который не сразу организовал борьбу с огнем. (За это он был смещен с должности.) Пожар распространялся с огромной скоростью, грозя уничтожить весь город, и лишь энергичные меры нового янычарского аги Сиявуша, предотвратили катастрофу. По данным европейских послов, огнем было уничтожено 36 тыс. домов (в Стамбуле дома были в основном деревянные). Во время тушения этого пожара янычары, забывая о своих обязанностях и не слушаясь приказов, занимались грабежом домов¹⁵. Тем не менее им зачлось то, что в конечном счете они справились с огнем, и по представлению янычарского аги особо отличившиеся на пожаре получили прибавку к жалованью в пол-акче¹⁶.

С наступлением весны 1570 г. среди турецких сановников начались разговоры о необходимости открытия военной кампании против Кипра. Обосновывалось это стремлением уменьшить влияние Венеции в Средиземном море. Однако в отношении сильной Венецианской республики великий везир Соколлу Мехмед-паша придерживался линии мира. Во многом это отвечало его личному стремлению сохранить должность — любой военный поход мог привести к непредсказуемым результатам, тем более против такого сильного противника, каким была Венеция. Однако партия войны в Порте приобретала все большее и большее влияние.

Селим II был султаном «нового типа», целиком оторвавшимся от старой традиции военного предводительства. Едва ли бы его предшественники-султаны сомневались в необходимости завоевания Кипра, славившегося своей торговлей, богатством и «рыцарским» происхождением. Во время 3-го крестового похода на острове высадились (в 1191 г.) отряды Ричарда Львиного Сердца, который за 100 000 золотых продал завоеванный им

Кипр своему родичу, экс-королю Иерусалима, французскому рыцарю Ги де Лузиньяну, брат которого провозгласил себя королем Кипра. Католическая церковь постепенно переподчинила себе островную паству греческой церкви, существовавшей здесь с IV в. Последний кипрский король из Лузиньянов, Иаков II, был женат на венецианке Катарине, которая после его смерти в 1485 г. уступила остров Венеции. Богатство Кипра зиждилось на посреднической торговле между христианским Западом и мусульманским Востоком, и кипрские купцы сделали Фамагусту главным портом Средиземноморья. Здесь процветала торговля пряностями, вином и сахаром, который производился из местного сахарного тростника, тканями из местного же хлопка, шерсти, льна и шелка. В Фамагусте и Никосии изготовлялись знаменитые камелотте (вид верхней одежды), которые имели большой спрос в Малой Азии¹¹⁷. Значение острова для мореплавания было также весьма велико, и завоевание его принесло бы славу любому мусульманскому монарху.

Однако Селим II, оценивая силы сторон, не одобрял планов по захвату острова. Между правителем Кипра и отцом Селима, Сулейманом, существовал договор о мире, и новый султан не собирался его нарушать. Правда, в 1566 и 1567 гг. турки активно действовали в Средиземном море, отобрав у Венеции острова Хиос и Наксос, что создало напряженность в отношениях между Венецией и Османской империей. При этом венецианцы действовали иногда достаточно агрессивно. Так, они захватили один из турецких кораблей, на котором находился дефтердар (главный казначей) Египта¹¹⁸. Однако таких инцидентов было достаточно много, и они не приводили к объявлению войны. В Стамбуле, тем не менее, существовал традиционный взгляд на Кипр как на источник повышенной опасности для плавания торговых судов и кораблей с паломниками, направляющимися для совершения хаджа в Мекку. И все же Селим не спешил с поддержкой партии войны. Скорее всего, он придерживался взгляда на бесперспективность похода против хорошо укрепленного в военном отношении острова. В памяти еще была жива крайне неудачная морская экспедиция против Мальты. Однако военная партия в Порте была довольно сильна и она победила. Многие в Порте мечтали о военной победе и сопутствующих ей повышениях в должностях и увеличении доходов. Однако Селим

упорствовал, ссылаясь на существующий мирный договор с венецианцами, и обратился за фетвой к шейхульисламу Абуссууду. Последний же дал ответ о позволительности похода против Кипра¹¹⁹. Поводом для объявления войны стал захват киприотами корабля с египетским дефтердаром. Турки потребовали от Венеции передачи им Кипра, и, получив отказ, в 1570 г. произвели высадку на остров.

В составе турецкого экспедиционного корпуса находились янычары, бёлюки придворной конной гвардии и сипахи. Во главе 5 тыс. янычар был поставлен кетхюда-бей Яхья, которому были подчинены и янычарские артиллеристы¹²⁰. Сердаром похода был назначен Лала Мустафа-паша. 17 апреля 1570 г. из Стамбула в сторону Кипра вышла флотилия под началом Пияле-паши. Примерно через месяц туда же отправился флот под командованием адмирала (капудан-паши) Али. Селим не захотел рисковать своим авторитетом и лично не возглавил поход, ограничившись благопожелательными молитвами по адресу своего флота, когда тот проплывал мимо крепостных стен Йеди Куле. Это было открытым разрывом со старой традицией. Султан не посчитал нужным встать во главе первого крупного похода своего царствования.

Двадцать дней турецкий флот провел в заливе напротив Финике (южное побережье Малой Азии) в ожидании подхода войска азиатских сипахи и, приняв его на борт, выступил в море. Подойдя к берегам Кипра, Лала Мустафа-паша произвел высадку войска в районе Лимасола, оставив на кораблях сильную охрану из тимариотов сивасского бейлербея. На кораблях находились запасы продовольствия и боевого снаряжения. Пияле-паша со своей флотилией был отправлен на патрулирование моря, чтобы обеспечить безопасность турецкого войска от венецианского флота. Капудану Али-паше было поручено взятие крепости Никосия (*тур.* Лefкоша). Шатер сердара был установлен неподалеку от осажденной крепости. Этому предшествовал опасный инцидент, когда бей Кыршехира, которому было поручено перевезти и установить шатер Лала Мустафа-паши, подвергся внезапному нападению киприотов, так что сердар был вынужден послать ему на выручку бейлербея Карамана — защитники острова действовали храбро и атакующе. У осажденной Никосии велись осадные работы. Одновременно

к стенам Фамагусты был отправлен бейлербей Мараша с конницей Зулькадрийе.

На 31-й день осады Никосии ее защитники, не желавшие сдавать город, совершили дерзкую вылазку против воинов Караманского бейлербея. После завязавшегося яростного сражения защитники вновь укрылись за стенами крепости. Подобное же нападение на турок совершили ночью и защитники Фамагусты, застав осаждавших врасплох. Лала Мустафа-паша, удивленный упорным сопротивлением киприотов, прибегнул к психической атаке. Он приказал развернуть на виду у защитников Никосии знамена мальтийских рыцарей, захваченных незадолго до этого алжирским бейлербеем на одном из мальтийских судов и присланных сердару. Таким образом турки пытались обмануть обороняющихся, внушая им мысль о том, что они захватили Мальту, находившуюся в руках у рыцарей ордена св. Иоанна. Однако эта демонстрация не произвела ожидаемого эффекта. Лишь на 51-й день осады через крупные бреши, проделанные в крепостных стенах, в город ворвались азиатские сипахи. Глава защитников Никосии с отрядом воинов закрылся в хорошо укрепленном дворце внутри города и оборонялся еще некоторое время, пока дворец не был захвачен войсками бейлербея Алеппо Дервиш-паши. Никосия подверглась тотальному грабежу. Венецианский наместник Никколо Дандоло, находившийся среди защитников крепости, был пленен и обезглавлен. Великий везир Соколлу Мехмед-паша снарядил в экспедицию галион, который должен был доставить в столицу награбленные в Никосии ценности. Однако султанскому двору и высшей знати, которым предназначалось «посылка», не суждено было воспользоваться награбленным. Корабль, груженный редкими и драгоценными вещами, погиб от взрыва находившихся на судне боеприпасов. В результате этого мощного взрыва пострадало также несколько других турецких судов. Вместе с кораблем погибли 800 пленниц, предназначавшихся для султанского гарема и везиров дивана.

Лала Мустафа-паша сразу же после победы поспешил разослать известие о падении Никосии жителям других городов острова, которые в этих условиях предпочли сдаться. Между тем сердар отправился ко все еще сопротивлявшейся Фамагусте. Крепость оказывала туркам упорное сопротивление. Под

ее стенами на море стоял флот Пияле-паши. Со стороны суши был вырыт глубокий ров, полностью блокировавший защитников крепости. Фамагуста отказывалась сдаваться неприятелю. Неслыханное дело, турецкое войско было вынуждено остаться зимовать на острове. Турецкий флот во главе с Пияле-пашой и Али-пашой отправился в Стамбул. На смену ему для несения морской охраны прибыла флотилия из 40 судов турецкого бей о. Родос — Араб Ахмед-бей¹²¹.

Ранней весной 1571 г. к Фамагусте из Стамбула подошла новая огромная турецкая флотилия из 300 кораблей во главе с Пияле-пашой и капуданом Али-пашой. Корабли доставили необходимое боевое снаряжение турецкой экспедиционной армии. Лала Мустафа-паша вновь приступил к обстрелу крепостных стен города. Умелыми действиями правителя Клиса Джанбулат-заде под стены Фамагусты со стороны моря удалось сделать подкопы и заложить пороховые заряды. Но даже произведенные крупные взрывы и появление брешей, после чего был предпринят решительный штурм, не принесли туркам успеха. Подкопы и взрывы производились все снова и снова, но желанный успех все не приходил. Один из турецких бейлербеев по имени Музаффер-паша, руководивший работами по производству подкопов и взрывов, указом сердара был лишен своей должности. Турки упрямо шли на приступы крепостных стен, поддерживаемые огнем своей артиллерии, однако это приводило лишь к большим людским потерям. Пушечный огонь поражал и турецкое войско. Защитники Фамагусты не только защищались, но и успешно нападали, делая встречные подкопы. Турецкая армия несла все большие потери. Общее число убитых достигало уже 3 тыс. человек. Но обстрел крепостных стен безостановочно продолжался. Наконец непрерывно делавшиеся подкопы и подрывы стен сделали свое дело. Образовались столь широкие бреши, что было ясно, что рано или поздно турки ворвутся в город. Защитники Фамагусты во главе с Марком Антонио Бригадино, посчитав сопротивление бесполезным, сдались. 31 июля 1571 г. они запросили пощады. Защищать город далее не представлялось возможным. Лала Мустафа-паша выполнил условия сдачи крепости и 4 тыс. ее защитников смогли покинуть остров на предоставленных им кораблях. Однако защищавший город Бригадино был убит. Останки его через какое-то

время были выкуплены венецианцами у турок, и он был похоронен как герой в церкви св. Иоанна и Павла. Однако янычары были крайне недовольны милостью, оказанной солдатам Фамагусты, у стен которой полегло огромное число их товарищей, и они устроили настоящую резню в городе, разграбив его и обратив в рабство многих горожан¹²². Турки пышно отметили взятие Фамагусты, водрузив на стены города свои флаги и штандарты. В крепости они обнаружили 760 больших и малых артиллерийских орудий, обеспечивавших защитникам города столь длительное сопротивление¹²³.

Турецкий триумф на Кипре, доставшийся дорогой ценой, был вскоре, однако, полностью нейтрализован сокрушительным поражением турецкого флота при Лепанто. Покинув берега Кипра, турецкая флотилия направилась в среднее Средиземноморье, совершив во время этого перехода рейд против Крита, где высаженный турками десант разграбил побережье острова. Вместе с флотом Алжирского бейлербея Кылыч Али-паши огромная турецкая армада подошла к берегам островов Кафалония и Корфу (Керкира), также разграбив их побережье. Туркам удалось взять две небольшие приморские крепости, принадлежавшие венецианцам, после чего нагруженные добычей турецкие корабли (275 судов), не встретив флота противника, направились к бухте Лепанто (*греч.* Навпактос, *тур.* Инебахты).

Подготовка турок к захвату Кипра с новой силой возобновили хлопоты папы римского Пия V по созданию антиосманской лиги. Папский легат Луис де Торес склонил к союзу испанского Габсбурга Филиппа II, его дипломатические хлопоты простирались даже до далекой Московии¹²⁴. В результате этой активности появилась Священная лига, куда вошли Папство, Венеция и Испания, Мальта, Генуя, Савойя и другие итальянские государства. Объединенный флот Испании и Венеции под командованием брата испанского короля, дон Хуана Австрийского, отплыл из Мессины для борьбы с турецкой флотилией, настигнув ее в начале октября 1571 г. у входа в Коринфский залив. Часть турецких морских экипажей была отпущена домой (из-за начавшейся во флоте эпидемии дизинтерии). Команды кораблей после длительной боевой экспедиции чувствовали себя вымотанными и уставшими, во всяком случае, не испытывали никакого боевого энтузиазма. Капудан Али-паша получил изве-

стие о приближении соединенного флота христиан, в который входило более 200 судов, с 50 тыс. гребцов и матросов, а также 30 тыс. солдат. (Для сравнения: флот «Непобедимой Армады», посланной испанским королем в 1588 г. для завоевания Англии, включал в себя 11 тыс. матросов и гребцов и 22 тыс. солдат.)

Капудан Али-паша и морской сердар Пияле-паша не пришли к единому мнению относительно того, каким образом встретить противника. Али-паша предлагал не выводить турецкие корабли из бухты Лепанто, указывая на крайнюю загруженность судов захваченной добычей и малую численность судовых экипажей. Пияле-паша настаивал на выводе флота навстречу флотилии неприятеля и издал соответствующие приказы. (Некоторые османские хронисты пишут, что предложение о невыводе флота из бухты принадлежало Пияле-паше, а не Али-паше.)

Огромная турецкая флотилия, на которой находилось 41 тыс. гребцов, 13 тыс. матросов и 34 тыс. солдат, покинула бухту и вышла в море, встретившись 7 октября с флотилией дон Хуана Австрийского. Силы противников были примерно равны, однако союзная эскадра располагала гораздо более сильной артиллерией — у нее было 1815 пушек против 750 турецких. Первоначально турки выстроили свои корабли в форме полумесяца, желая окружить флот противника. Однако, увидев большую численность неприятельских судов, разбили свою флотилию на три части. Построение кораблей было закончено перед самым началом сражения. Корабли союзников были выстроены в прямые линии¹²⁵.

В разгоревшейся морской битве, которая продолжалась в течение всего светового дня, турки потеряли 190 своих больших и малых судов. Сначала венецианцы разбили правое крыло турецкой флотилии, заставив большую часть ее кораблей выброситься на берег, а затем были разбиты турецкие суда в центре. При этом погиб Пияле-паша, когда на abordаж был взят корабль, на котором он находился. В плен к противнику попали его сыновья и слуги. Спасти удалось лишь судам Алжирского бейлербея, Кылыч Али-паши, построенным на левом фланге. На их борту находились опытные алжирские пираты, имевшие огромный опыт в борьбе с испанскими кораблями. На ходу обороняясь от преследовавших его кораблей неприятеля, которы-

ми руководил сын знаменитого генуэзского адмирала Андреа Дориа — Джан Андреа Дориа, Кылыч Али-паша собрал остатки своих кораблей и увел их от погони в открытое море¹²⁶.

Бой при Лепанто должен был бы показать туркам изменившееся положение дел в морском деле. Сражение было выиграно их противниками благодаря использованию более совершенной военной технологии: венецианские галеасы, впервые примененные при Лепанто, представляли собой крупные трехмачтовые боевые корабли (80 м длиной и до 9 м шириной) с одним рядом весел. Они не были скоростными, но вмещали экипаж до 1200 человек и до 70 орудий. В носовой части они были снабжены надводным тараном. Их огневая мощь сыграла огромную роль в позиционном Лепантском сражении. Кроме того, носовая часть галер, участвовавших в морском бою при Лепанто, также была усовершенствована (по предложению Джан Андреа Дориа)¹²⁷. Новые тактико-технические возможности европейских кораблей туркам оставались неизвестными. Подобных новшеств в их флоте не было.

Известие о поражении турецкого флота повергло османскую столицу в ужас. Совсем недавно здесь было отпраздновано завоевание Кипра, и полученная весть всем казалась невероятной. Не вернулись домой или пропали без вести тысячи матросов, солдат и гребцов. Через несколько десятилетий некоторых из попавших в плен к испанцам при Лепанто обнаружили голландцы, когда увидели их гребцами на захваченных испанских судах. Это были совсем пожилые люди, вопреки всему выжившие после многолетней гребной службы. Голландцы разрешили им вернуться домой, но многие из них не воспользовались этим и остались у них на службе¹²⁸.

Весть о сокрушительном поражении от христиан и фактической гибели турецкого флота была слишком непривычна для уха османских турок. Новость больно ударила по сложившемуся у них представлению об их безусловном военном превосходстве на море. В ход пошли толкования святых лиц. По просьбе Селима, потрясенного случившимся и жаждавшего утешения, его мухтесиб (должностное лицо, ведавшее во дворце мерами веса и др.) Джелал-бей привел в султанский дворец своего друга, главу стамбульских сеййидов, как назывались потомки пророка Мухаммада, чтобы тот растолковал султану

причину случившегося поражения. Сеййид объяснил все скверным состоянием дел в мусульманской умме (общине), за что Всевышний, по его мнению, наказал мусульман «руками неверных». Произошло то, сказал он, что было предначертано Аллахом, явившим таким образом свою силу, а только его волей уменьшается или увеличивается сила правителей. Сеййид не ограничил свои объяснения всемогущим промыслом Всевышнего и посоветовал султану без промедления начать строительство нового флота, чтобы одержать победу над неверными¹²⁹.

Селим II предпринял все меры для того, чтобы возместить понесенный ущерб. За 6 месяцев турками было построено 250 новых боевых кораблей на верфях Стамбула, Созополя (черноморское побережье Болгарии), Варны и Галлиполи. На стамбульских верфях в это время трудилось более двух с половиной тысяч человек. Вместе с тем, как становится известно из письма епископа Тимофея римскому папе Пию V, чтобы восполнить людские потери, понесенные при Лепанто, в 1572 г. султан объявил о проведении по всей стране набора-девширме. При строительстве нового флота валашский господарь отправил в Стамбул 200 повозок, груженных коноплей для изготовления полотна для парусов, а также льном. Из Румынии в Созополь и Варну завозился корабельный лес. Из Молдавии были присланы люди, которые должны были стать гребцами на построенных судах. Средства для нового флота были выданы из казны, а кроме того собирались с помощью частных лиц — савонников и богатых людей страны. Так, деньги на строительство 60 галер дал султанский фаворит, известный греческий богач-торговец Михаил Кантакузин, пытавшийся получить денежную помощь у константинопольского патриарха Митрофана, который, впрочем, не отозвался на этот зов благотворительности¹³⁰. Перенесенный шок Лепанто был велик. Историк Мустафа Али в своем труде пишет, что разговоры о поражении турецкого флота не стихали в течение двух лет¹³¹.

И все же столь велика была еще мощь Османского государства, что, несмотря на поражение турок при Лепанто, Венеция в 1573 г. была вынуждена заключить с Османской империей мирный договор на тяжелых для себя условиях. Османская империя по-прежнему оставалась в глазах европейцев опасным и сильным врагом. Построенный в короткие сроки старани-

ями великого везира Соколлу Мехмед-паши новый турецкий флот сразу же начал активно действовать в Средиземном море, и именно это обстоятельство заставляло венецианцев быть уступчивыми.

Вторым крупным военным предприятием царствования Селима II после завоевания Кипра явилось завоевание Туниса. Возрожденный турецкий флот жил в ожидании крупных операций. Турецкая власть на побережье Туниса была установлена еще в 1534 г. действиями турецкого капудана Хайреддин-паши. 15 августа этого года его корабли после взятия Бизерты подошли к Ла-Гулетте (*араб.* Хальк аль-Вади, *тур.* Халкульвад), морской крепости столицы, прикрывавшей вход в тунисскую лагуну, а уже на следующий день Хайреддин-паша прибыл в Хасбу, где «воссел на трон султанов». Очень скоро турецкая власть была распространена на всю страну.

Испания не могла смириться с утверждением турок в непосредственной близости от своих владений и военными средствами попыталась восстановить власть прежнего тунисского правителя. Войску испанского Габсбурга Карла V во время морской экспедиции 1535 г. удалось отвоевать у турок Тунис. Захват испанцами тунисской столицы сопровождался разбоем и грабежами. Испанские солдаты зверски убили множество горожан, произведя в городе огромные опустошения. Этот пример лишней раз показывает жестокие нравы эпохи и методы ведения войны, которые были присущи не одним лишь «кровожадным» туркам.

Испанцы утвердились в северо-восточной части Туниса, захватили Бизерту и Аннабу и возвели на трон прежнего правителя, султана Мулай Хасана, признавшего испанский протекторат. Однако это не привело к полному исчезновению турецкого влияния. Против испанцев очень скоро оказалась настроенной значительная часть населения страны. Возглавил борьбу с «неверными» турецкий реис Тургут, обретший опору в союзе с марабутами могущественного местного ордена шабийя. Борьба проходила с переменным успехом. Тургут во многом действовал самостоятельно и независимо от Порты, руководствуясь собственным авантюрным духом. Власть испанцев в Тунисе, где были очень сильны протурецкие настроения, была непрочной.

В 1569 г. против Туниса выступили войска Алжирского бейлербея Кылыч Али-паши. 19 января 1570 г. турецкий адмирал занял г. Тунис, где объявил о восстановлении турецкой власти. Здесь был поставлен турецкий гарнизон и назначен бейлербей — Хайдер-паша. Однако в руках испанцев оставалась Ла-Гулетта. Не разделявший перемену взглядов на политику в Северной Африке своего брата, Карла V, дон Хуан Австрийский, вдохновленный победой при Лепанто, где в полной мере проявились его военные таланты, организовал весной 1572 г. экспедицию против Туниса. 7 октября 1573 г. его флот отправился к берегам Африки и, высадившись, легко вступил в оставленный Хайдер-пашой и жителями город. Последовал новый испанский грабеж, а дон Хуан, поставив здесь испанский гарнизон, отплыл в Неаполь. Наместником Туниса был оставлен миланский генерал граф Габрио Сербеллони с 8 тыс. солдат. Операцией испанцев воспользовался тунисский султан Мулай Мухаммад и также предпринял в январе 1574 г. военные действия против опорных пунктов турок в Тунисе¹³².

Сколь бы ни было велико желание Соколлу Мехмед-паши воздерживаться от крупных военных кампаний, но события в Тунисе, угрожавшие потерей власти турок в этой части Средиземноморья, вынуждали его действовать. Началась подготовка к морской экспедиции. Сердаром ее был назначен Коджа Синан-паша, капуданом — Кылыч Али-паша, получивший после битвы при Лепанто почетное прозвание Кылыч (Меч). На пути к Мессине турецкий флот разграбил ряд островов, ритуально повторяя действия всех своих предшественников по морским экспедициям, а также захватил христианское торговое судно, разграбил и его, а затем сжег.

От Мессины флот, на котором находилось 40 тыс. солдат (в том числе 7 тыс. янычар), направился к берегам Туниса. Здесь к военным действиям уже приступил Хайдер-паша с войском в 10 тыс. человек. В июле 1574 г. он был уже вблизи города, а 12 июля его солдаты заняли г. Тунис, изгнав испанский гарнизон. В тот же день в районе Карфагена произвел высадку своих войск сердар Коджа Синан-паша. Население и мусульманское духовенство встречало турок как освободителей от ненавистного ига испанцев. 13 июля началась осада турками Халькульвада и аль-Бастиуна.

Халькульвад, куда бежал султан Мулай Мухаммад, осаждали войска бейлербея Триполи Мустафа-паши (он погиб при осаде) и Хайдер-паши. В осаде участвовали янычары с их сильной артиллерией. Осада велась всеми доступными средствами. Турки делали проходы через рвы, подкопы под крепостные стены, обстреливали крепостные стены из камнеметных орудий и крупнокалиберных пушек, бросали за стены крепости пороховые зажигательные снаряды. Турецкая осадная техника в это время еще мало в чем уступала европейской. Были у турок и свои военные технологические «девайсы». Захватившие турецкие камнеметные машины испанцы не понимали, как с ними обращаться, хотя среди них были опытные инженеры.

Более месяца длилась осада Ла-Гулетты, стены которой, удивившие турок своей неприступностью, обстреливались днем и ночью. Наконец, после двухдневного генерального штурма, турки одержали победу, а сопротивлявшийся им гарнизон из 5 тыс. человек был полностью перебит. В крепости победители нашли 200 артиллерийских орудий, которые были погружены на турецкие корабли. С захваченным в Ла-Гулетте Мулай Мухаммадом турки поступили особенно жестоко — с него была снята кожа, а из нее изготовлено чучело. Сама крепость была турками специально разрушена так, чтобы «не осталось возможности ее восстановления»¹³³. Турецкое войско понесло при осаде большие потери — особенно много погибло янычар. 13 сентября 1574 г. турками был взят и аль-Бастиун, испанский гарнизон которого оказал ожесточенное сопротивление. Правление Тунисом было передано Рамазан-паше, еще в 1570 г. оставленному Кылыч Али главой тунисского гарнизона¹³⁴.

Завоевание Туниса несколько скрасило туркам впечатление от недавнего позора Лепанто. Престиж османского султана был восстановлен. Идея превосходства ислама в глазах мусульман получила новое зримое выражение. В пылу радости и торжеств по случаю победы почти незамеченным прошло сообщение из Венгрии о неожиданном нападении двухтысячного австро-венгерского отряда на крепость Сигетвар, завоеванную турецким султаном Сулейманом в 1566 г. С трудом оно было отбито солдатами бея Дьюлы — Джафер-паши, поспешившего на помощь осажденному турецкому гарнизону¹³⁵. Однако именно в Венгрию вновь перемещался центр военной активности Османской

империи, где туркам пришлось столкнуться с непривычной для себя ролью постоянно обороняющихся. Военные силы Османской империи сконцентрировались в центре Европы. Наступал момент военно-политического равновесия — военная мощь Османского государства столкнулась с примерно равной ей мощью Габсбургов, на стороне которых был пока еще едва ощутимый, но уже формировавшийся экономический и технологический перевес.

Глава 5

ЯНЫЧАРСКИЙ КОРПУС И КРИЗИС ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Селим II, умерший в декабре 1574 г., был первым османским султаном, не принявшим личного участия ни в одном из военных походов. Современный турецкий историк И. Х. Узунчаршылы объяснял это тем, что в период правления этого султана не проводилось сухопутных кампаний¹. Такое объяснение кажется не слишком убедительным. Отец Селима, Сулейман, в равной мере принимал участие как в сухопутных, так и в морских турецких завоевательных экспедициях. Речь может идти о другом. Объективно сложившаяся в правление Сулеймана ситуация, определившая известные пределы экспансионистских возможностей турецких султанов, крайне малая результативность военных походов с точки зрения территориальных приобретений, постепенно меняли взгляд султанов на их личное военное предводительство. Теперь авторитет султана среди сипахи и придворного регулярного войска зиждился не на его способности одержать победу и расширить подвластную ему территорию. Абсолютная власть турецкого султана определялась догмами ислама и не нуждалась в подкреплении личным авторитетом. Эпоха меритократии безвозвратно уходила в прошлое. В последней трети XVI в. Османское государство объективно достигло края возможностей для своего физического расширения. Дальность походов — как на запад, так и на восток — ограничивалась временным фактором. Сбор войска и военные переходы занимали львиную долю времени весенне-летних кампаний. Остававшегося же времени начинало не хватать для успешного проведения осад и захвата крепостей, что

составляло основное содержание военных кампаний со второй половины XVI в. В их рамках уже не оставалось места для генеральных сражений с неприятельскими армиями, избегавшими подобного рода столкновений. К тому же экономические и технические успехи европейцев, появление новых типов огнестрельного оружия, новых тактических приемов ведения боя, начали сводить на нет былые военные преимущества огромной османской армии. Но это еще не был конец турецкого военного могущества. Это было начало его конца. Традиционная идея необходимости завоеваний еще была жива, ее инерционная сила, связанная теперь исключительно с идеей борьбы с «неверными», с противостоянием мира ислама и христианского мира, требовала продолжения активной военной политики, а ее успехи рассматривались как важный показатель божественного благоволения и покровительства.

До 1574 г. османская история знала малочисленные примеры поражений турецкого оружия, которые, впрочем, считались турками досадными исключениями, забывавшимися сразу же после последующих громких побед и завоеваний. К концу XVI в. уже одержанные победы могли рассматриваться как радостные исключения среди поражений, которыми полна османская история этого периода. Эту тенденцию четко уловил, по-видимому, Селим II, не желавший неудачным военным предводительством подвергать риску престиж своей верховной власти в глазах подданных. Не принимал участия в военных операциях и его сын, принц Мурад, оказавшийся после смерти отца совершенно не готовым возглавлять свою армию. Лишь однажды он мог видеть военные действия, когда двенадцатилетним мальчиком наблюдал с городских стен Коньи за сражением, развернувшимся между войском его отца Селима и дядей — Баязидом — в пору их спора о престолонаследии². Отказ от практики военного предводительства означал изменение представления об этой важнейшей функции верховной власти внутри самой власти. Но Османская империя оставалась военной державой по преимуществу и ее фундаментальные основы по-прежнему были связаны с военными предприятиями и интересами военного класса сипахи и регулярной армии. Во всяком случае, в последней трети XVI в. и те и другие еще требовали войн и побед, от чего во многом зависело их материальное бла-

госостояние. Но сама верховная власть уже не отвечала этим задачам и требованиям. Жизнь двора и бюрократической верхушки, дворцовые интриги и интересы гарема отныне значили для султана гораздо больше, чем необходимость являть собой образцового военного предводителя.

Благополучно взойдя на престол после смерти отца, внук Сулеймана Великолепного и Хуррем Султан, Мурад III не забыл свои детские впечатления о грозящей гибелью внутрдинастийной борьбе и решил для себя эту проблему без лишних затей. Прибыв из Манисы в Стамбул, он отдал приказ об одновременном убийстве всех своих братьев, избавляя таким образом себя от потенциальных соперников. С учетом печального опыта внутрдинастийной борьбы, разгоравшейся при вступлении на престол практически всех османских султанов, Мурад поступил жестоко, но весьма прагматично.

Упоминая об этих убийствах членов османской династии, османские хронисты по необходимости кратки в своих рассказах. Например, Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси сухо сообщает в своем труде «Шараф-наме», что братьев Мурада III задушили «в соответствии с османским законом и фетвой улемов, [придерживающихся] толка Абу Ханифы [ал]-Ну'мана б. Сабита: „Ради большой пользы дозволено устранить малое зло”»³.

Взойдя на престол, Мурад III принял традиционное для османских верховных правителей решение укрепить авторитет своей власти с помощью военного похода, причины которого были объявлены исходя из представлений о роли турецких султанов как покровителей мирового ислама и понималось как всемерная поддержка суннизма. По-прежнему традиционным врагом Османской империи оставался Иран — опора шиизма и шиитов не только в своем государстве, но и среди шиитствующих в Османском государстве, представлявших нелояльную и политически опасную часть населения. Не теряя времени, Мурад созвал большой совет для обсуждения дел внутри «мусульманской уммы» и предложил совершить поход против Ирана в целях «укрепления основ суннизма»⁴. В намерения нового султана, отличавшегося большим женолобием, плодовитостью и скупостью, возглавлять поход не входило. Момент для такого похода был весьма неблагоприятен. Ко времени вступления на престол Мурада III Османская империя переживала

финансовый кризис. Дефицит казны стал обычным явлением. Налоговые поступления не покрывали огромных государственных расходов, одной из главных статей которых было содержание войска на жалованье. В стране отмечался повсеместный рост цен, процесс обесценивания ходовой серебряной монеты акче шел быстро и постоянно⁵, что вело к уменьшению реальных доходов регулярной армии, участие в походах которой с каждым годом стоило казне все больших и больших средств. В наибольшей мере ухудшение дел казны отразилось на янычарском корпусе, но также и на придворных сипахи, равным образом состоявших на жалованье. Экономические интересы и тех и других в наибольшей степени пострадали от финансовых затруднений государства.

12 января 1575 г., вскоре после восшествия на престол Мурада, во время очередного дивана бёлюки сипахи подняли бунт, требуя, чтобы всем конногвардейцам в связи с выдачей коронационного бахшиша была предоставлена прибавка к жалованью в размере 5 акче. Члены правительственного дивана разъяснили смутьянам, что подобная прибавка полагается не всем сипахи, а лишь двум их первым бёлюкам. Сипахи остальных четырех бёлюков должны были получить прибавку в 4 и 3 акче. Однако подобное разъяснение не удовлетворило сипахи. Тогда из архива казначейства были доставлены старые дефтеры времен султана Мехмеда II, из которых следовало, что во второй половине XV в. прибавка к жалованью при подобных обстоятельствах предоставлялась в разных суммах⁶. Ссылка на древнюю практику с предъявлением дефтеров возымела силу, и бунт прекратился.

Дела казны были столь плачевны, что вопрос о начале военной кампании против Ирана бурно дебатировался в диване, несмотря на начинавшую благоприятно складываться для похода политическую обстановку в связи со смертью шаха Тахмаспа весной 1576 г. В Иране разразилась внутридинастийная смута. В результате нее в тот же день после восшествия на престол был убит Султан Хайдар-мирза, сын Тахмаспа от грузинской невольницы. Новым шахом был провозглашен имевший большую поддержку со стороны туркменских племен сын Тахмаспа Исмаил-мирза. Однако 28 ноября 1577 г. он умер. Во время своего короткого правления Исмаил пытался смягчить суннитско-

шиитскую рознь в Иране и запретил хулу в отношении суннитских шейхов, халифа Османа и Айши, дочери первого халифа Абу Бакра (и любимой жены пророка Мухаммада), желая установить конфессиональный мир в своем государстве. Однако это вызвало сильное недовольство шиитской знати. (По некоторым признакам, Исмаил-мирза умер насильственной смертью.) Иранским шахом был объявлен его брат — слепой Султан Мухаммад-мирза (Мухаммад Худабенде). Но он лишь номинально являлся шахом. Страной правила, разделив ее на сферы влияния, туркменская племенная знать. Великим везиром нового шаха, в это трудно поверить, был также слепец, Мирза Салман Джабири Исфакхани. Шараф-хан в своем труде восклицает в связи с этим: «И возжелали они при слепом государе и лишенном света зрения везире [навести] порядок в мире и упорядочить государство персов!»⁷

Иран казался теперь новому турецкому султану легкой добычей. Он находился в состоянии смуты, его казна была пуста, и Ванский бейлербей Хусрев-паша, вместе с сообщением о вступлении на престол слепого Мухаммада Худабенде, предлагал Мураду III воспользоваться «исключительно удобным случаем» для «отмщения врагам веры»⁸. Мурад не хотел упустить момент и приказал немедленно начать приготовления к восточному походу. Однако его великий везир, опытный Соколлу Мехмед-паша, служивший еще Сулейману и Селиму, был настроен решительно против войны и пытался убедить султана отказаться от иранского похода. Соколлу Мехмед-паша предупреждал, что поход вызовет негативную реакцию со стороны войска на жалованье (янычары весьма не любили далекие и трудные восточные походы), указывал на то, что кампания будет стоить огромных денег казне и что она ухудшит положение крестьян, которые должны будут понести убытки от чрезвычайных налогов и действий армии. Кроме того, великий везир доказывал султану, что провозглашенные религиозные цели войны не будут достигнуты, даже если иранские земли будут завоеваны: иранское крестьянство никогда не откажется от своих шиитских симпатий. Мехмед-паша напомнил султану о трудностях, с которыми столкнулся султан Сулейман во время своих иранских походов, о чем, по его мнению, предпочитали не говорить сторонники войны из окружения султана⁹.

Однако никакие доводы великого везира не смогли изменить решения Мурада. Султан намеревался назначить сердарами похода Лала Мустафа-пашу, который должен был начать военные действия против Ирана из Эрзерума, и везира Синан-пашу, которому предписывалось нанести удар по иранским землям со стороны Багдада. Назначение двух сердаров, вместо одного главнокомандующего, было чем-то новым для турецких военных кампаний. Военное взаимодействие двух сердаров, мечтавших о единоличном успехе, оказалось делом весьма затруднительным. Синан-паша отказался выступить с войском из Багдада, выставив предлогом то, что Лала Мустафа-паше, по его мнению, достались лучшие силы турецкой армии, в то время как его военные возможности были гораздо слабее. В результате непримиримой позиции Синан-паши правительству пришлось отказаться от первоначального плана нанесения военных ударов по Ирану с двух сторон. Единоличным сердаром похода был назначен Лала Мустафа-паша.

В начале апреля 1578 г. османское войско, куда вошли 5 тыс. янычар, бёлюки придворных сипахи, артиллеристы-топчи, джебеджи и другие представители войска на жалованье, выступило в поход. Из сипахи в походе должны были принять участие тимариоты и займы бейлербейств Диярбакыра, Эрзерума, Зулькадрийе, Алеппо и Карамана. Когда войско подошло к границам Грузии, стало известно, что к нападению на турецкую армию с тыла готовится иранское войско во главе с Токмак-ханом. Иран не изменил своей привычной тактике и собирался, как многократно ранее, навязать туркам тыловые военные действия. Однако наученные горьким опытом турки на этот раз решили сами воспользоваться теми же методами. Отряды, сформированные из кочевых туркмен во главе с Хасанбеком, совершили нападение на войско правителя Гянджи, Берды и Карабаха Имам-Кули-хана, направлявшегося для осады Вана. В результате совершенной ночной атаки его войско было разбито и рассеяно¹⁰. Основная часть турецкой армии тем временем продвигалась в глубь иранских земель. У местечка Чылдыр произошел ряд столкновений турецких отрядов с силами иранской армии, которые едва не закончились для турок поражением. С большим трудом они одержали победу над противником, перебив при этом множество вражеских воинов¹¹.

Турецкая армия вступила в часть Грузии, подконтрольной Ирану. Правитель Тифлиса, персидский наместник, бежал из города, и Лала Мустафа-паша беспрепятственно овладел крепостью. Область вокруг Тифлиса была разорена и разграблена солдатами сердара. Правителем города был назначен бей Кастамону Мехмед-паша, в подкрепление которому были даны янычарский гарнизон и пушки¹².

Из Тифлиса Лала Мустафа-паша повел армию в сторону Ширвана. Покорность турецкому султану выразил Александр (Искендер), правитель Загама и ряда других грузинских земель. Он посетил лагерь Лала Мустафа-паши, где был торжественно принят сердаром и одарен почетным платьем в знак его вассальной зависимости от турецкого султана. Грузинский владелец обязался ежегодно поставлять в Стамбул 30 юков шелка-сырца, (юк равен — в зависимости от местных различий — от 2 до 10 киле, т. е. от 50 до 250 кг), а также 10 юношей, 10 девушек и 10 соколов двух видов. Искендер получил от сердара бекрат (владельческий документ) на владение подчиненными ему ранее областями¹³.

В середине августа, на пути турецкой армии в Ширван, в шатер сердара ворвалась группа янычар и потребовала немедленного возвращения войска домой. Лала Мустафа-паше удалось утихомирить бунтовщиков и убедить их продолжить поход¹⁴. Чуть позже, при очередной из многочисленных переправ через бурные и порожистые горные реки, войско отказалось переправляться на другой берег, где к тому времени уже находился сам сердар. Почти половина армии, с пушками и боеприпасами, остановилась и не спешила с переправой. При этом сипахи объявили, что требуют назначения нового сердара — бей-лербея Мараша Мустафу-пашу. Однако подобные перемены не входили в планы тех янычар, которые, вместе с сердаром, уже переправились на противоположный берег, и сипахи ничего не оставалось, как переправиться через реку вслед за остальными. Лала Мустафа-паша щедро вознаградил янычар за оказанную ему поддержку: пять янычарских яябаши получили звание чавушей, сто янычар было переведено в бёлюки сипахи, а 60 получили звание коруджи. Для последних это означало освобождение от участия в военных походах (с получением жалованья). Сыновья янычар, участвовавших в этом походе, достигшие не-

обходимого возраста, были зачислены в число аджеми огланов с жалованьем в одно акче, а малолетние — занесены в списки «нахлебников», т. е. бесплатно получающих по пшеничной лепешке (фодла) в день¹⁵, что считалось большой привилегией. Ранее «нахлебниками» становились лишь сироты — сыновья убитых на войне янычар. Сообщение об этих действиях сердара показывают, что в очаг аджеми огланов в это время уже зачисляли не только набранных по системе девширме, но и сыновей янычар. Это означает также, что к этому времени уже не существовало никаких запретов на женитьбу янычар в период их действительной службы.

Вскоре после случившегося инцидента стало известно о готовящемся нападении на турецкую армию объединенного войска правителя Тебриза Амир-хана и правителя Гянджы, Берды и Карабаха Имам-Кули-хана. Против них Лала Мустафа-паша приказал действовать объединенному войску бейлербея Алеппо Мехмед-паши, бейлербея Зулькадрие Мустафа-паши и бейлербея Диярбакыра Осман-паши. В состоявшемся кровопролитном сражении между двумя армиями иранцы потерпели поражение, при этом множество их погибло в бою или утонуло в водах Куры.

К моменту, когда основная часть турецкой армии вступила в Арраш, она уже испытывала острую нехватку продовольствия. Группы недовольных являлись к сердару и грубо высказывали ему свои требования. Ячмень можно было купить теперь только за 10—11 алтунов (золотых) за киле (киле — примерно 25 кг), в то время как обычно он стоил 6 алтунов. Даже за 2 алтуна невозможно было купить соль. Между тем в Арраше имелся запас продовольствия, которого хватило бы армии на 40—50 дней. Кроме того, вокруг города располагались хорошие пастбища, где можно было отправить на выпас лошадей, и сердар принял решение сделать здесь длительную остановку. Из нарубленных поблизости деревьев турками были созданы оборонительные стены. Пробыв в Арраше 18 дней, турецкая армия повернула назад, намереваясь пройти через Грузию. Когда в начале ноября 1578 г. турки подошли к Тифлису, наступили почти зимние холода с сильными шквалистыми ветрами, которые рвали палатки (было повреждено около тысячи шатров). А накануне дня Касыма (8 ноября), когда войско подошло к кре-

пости Гори, пошел густой снег, покрывая на стоянках палатки толстым слоем. От сильного холода начали гибнуть люди и животные¹⁶. Мустафа Али в своем труде пишет, что армии было бы выгоднее возвращаться через земли Иранского Азербайджана, где солдаты могли вознаградить себя за трудности перехода богатой добычей. Однако путь через Азербайджан был длиннее, а войско сильно измотано. Путь в Эрзерум через Грузию оказался трудным также из-за скверных горных дорог и частых переправ через реки¹⁷.

Результатом военной экспедиции Лала Мустафа-паши против Ирана явилось овладение землями Ширвана, где турецким наместником был поставлен Осман-паша. В Дербенте турки оставили сильный турецкий гарнизон, в состав которого, как обычно, вошли янычары. В гарнизоне имелись пушки и достаточный запас боеприпасов (200 арсенальных сундуков). В составе гарнизона были оставлены также придворные сипахи и другие. Осман-паша получил и необходимую казну для выплаты жалованья подчиненному ему войску в течение полугода. Здесь в гарнизонные солдаты записалось 3 тыс. человек. Подобные массовые зачисления добровольцев значительно увеличивали расходы казны. Под началом Осман-паши остались зимовать также 10 тыс. тимариотов¹⁸.

С захватом Ширвана османский султан получил область, приносящую годовой доход в 247,5 юков акче (24 млн. 750 000 акче). Опись новоприобретенных земель была проведена незамедлительно. В качестве хассов бейлербея Шемахи были записаны земли, приносявшие годовой доход в 700 тыс. акче. Здесь были выделены также земельные держания — тимары и зеаметы — для сипахи, хассы для 14 санджакбеев и, наконец, лучшие земли были причислены к хассам самого султана. Турецкие военные труды приносили ощутимый доход. Описи подверглись и земли вокруг Дербента. Правителю Дагестана в качестве арпалыка был предоставлен, как пишут османские хронисты, «отменный санджак». Для установления связей с местной знатью Осман-паша взял в жены племянницу бывшего правителя Дагестана, предоставив своему новому родственнику арпалык¹⁹.

В конце ноября—начале декабря 1578 г. турецкая армия наконец достигла Эрзерума, где должна была провести зиму. Ча-

сти феодалов-сипахи было разрешено отправиться зимовать домой. У турецкого войска была возможность перезимовать в богатом Ширване, где можно было с легкостью выплачивать жалованье войску за счет налоговых поступлений. Однако Лала Мустафа-паша предпочел вернуться к месту начала похода, в Эрзерум, боясь, по словам Мустафы Али, получить из столицы указ о своем назначении бейлербеем Ширвана²⁰, что по сути означало бы отлучение его от столицы и, скорее всего, окончание карьеры.

Турки, оставленные в Ширване под началом Осман-паши, совершили набег на земли Карабаха и разорили их, но затем сами подверглись нападению кызылбашей Азербайджана. При Шемахе, на помощь которой поспешил Осман-паша, произошло сражение между противниками, во время которого совершенно бесполезной оказалась турецкая артиллерия. Лишь подошедшее конное войско татар решило исход сражения в пользу турок. В лице кызылбашской конницы турки встретились с великолепно действующим противником, которому не было равных в искусстве конного боя. Действия кызылбашских отрядов коснулись и Арраша. Здесь подвергшийся нападению турецкий гарнизон потерпел поражение. Правитель Арраша Кайтас-паша был убит, а город разграблен. В руки нападавших попала вся турецкая гарнизонная артиллерия²¹.

Захват турками Ширвана вынуждал иранского шаха действовать более активно. По его приказу была осаждена Шемаха, в которой укрылся Осман-паша. У ее стен сконцентрировалось многочисленное иранское войско. Уже через три дня осады Осман-паша послал гонца к крымским татарам с просьбой оказать ему помощь. Однако гонец попал в руки кызылбашей, и осаждавшие направились к месту нахождения татарского войска. Этот марш закончился разгромом татарской конницы под Махмудабадом, во время которого погибли братья крымского хана калга Адиль-Гирей и Гази-Гирей. Узнав об этом поражении, Осман-паша немедленно покинул стены Шемахи и перенесся со всей своей артиллерией в Дербент, где, как ему казалось, было легче обеспечить оборону²².

Лала Мустафа-паша, узнавший о произошедших событиях, организовал глубокий военный рейд внутрь иранских владений (до Казвина), в котором приняли участие отряды Багдадского

бейлербея и бейлербея Шахризора. При этом опустошению и грабежу подверглись все земли, по которым прошло турецкое войско²³.

К концу июня 1579 г. под начало сердара собрались все распущенные по домам сипахи, прибыло новое подкрепление и в середине июля 1579 г. турецкая армия выступила из Эрзерума, на этот раз направившись к Карсу. Это был слишком поздний срок для начала кампании. К тому же, оказавшись в Карсе, Лала Мустафа-паша затеял ремонт его крепостных стен. Мустафа Али пишет, что причиной задержки войска послужил несвоевременный подвоз продовольствия в Трабзон²⁴.

Пока в Карсе шел ремонт крепости, войско пребывало в бездействии. Единственным напоминанием о войне с Ираном являлись периодические отправки в Тифлис боеприпасов и продовольствия турецкому гарнизону, который в течение четырех месяцев подвергался осаде войска Имам-Кули-хана. Тифлис, после ухода из него осенью 1578 г. турецкой армии, постоянно испытывал нехватку продовольствия. Об этом стало известно Имам-Кули-хану, и он осадил город. Но блокада Тифлиса не была полной, и Лала Мустафа-паша имел возможность поддерживать осажденных посылкой продовольствия и боеприпасов. Вместе с тем подвозившие необходимый провиант турецкие солдаты одновременно занимались грабежом земель вокруг теперь уже османского Тифлиса, тем самым усугубляя его продовольственные трудности²⁵.

Все лето прошло в мелких стычках между посылаемыми на помощь Тифлису сипахи и отрядами кызылбашей. Иногда турецкие экспедиции сталкивались с нападениями грузинских отрядов. Доставка продовольствия в Тифлис в таких условиях становилась утомительным и опасным предприятием, от которого всячески пытались уклониться. Например, Диярбакырский бейлеребей нашел удобный предлог, только чтобы не быть посланным в Тифлис, за что был лишен своего поста²⁶. Командиры сипахи отказывались сопровождать обозы²⁷.

Этим же летом 1579 г. набег на земли Ширвана совершил со своим войском османский вассал, крымский хан Мухаммад-Гирей II, получивший соответствующий приказ от султана Мурада III. Его огромное войско выступило из Бахчисарая довольно поздно по тогдашним условиям ведения военных действий —

в июле (или августе). Впереди войска двигался ханский наместник Азова со своими отрядами численностью в 10 тыс. человек, везя продовольствие для Осман-паши. Турецкий наместник Ширвана назначил Мухаммад-Гирея правителем Ширвана и капуданом каспийской флотилии.

Мухаммад-Гирей с войском прибыл в Ширван лишь в первой половине октября. Времени для эффективных военных действий в это время года оставалось совсем немного, однако татарам удалось изгнать из Шемахи иранский гарнизон во главе с правителем Мазандерана Мухаммад-ханом и разрушить город, а также разгромить шахский гарнизон в Баку. Был произведен также совместный татаро-турецкий рейд по ряду районов Ширвана, основной целью которого являлся грабеж²⁸.

Не покидая Карса, Лала Мустафа-паша послал войско в сторону Ревана для борьбы с отрядами Токмак-хана, беспокоившего своими действиями местные турецкие гарнизоны. В войско были включены сипахи Румелии и Анатолии, Караманского и Диярбакырского бейлербейств. Подойдя к Ревану, турки изгнали Токмак-хана и полностью разграбили город и его окрестности, убили многих его жителей, а часть взяли в плен. По возвращении войска в Карс была издана специальная фетва, предписывавшая всем обладателям пленников незамедлительно продать их.

В Карсе, помимо ремонта крепостных стен, за три месяца были построены резиденция для турецкого бейлербея, четыре мечети, казармы для гарнизона и школа. Так и не предприняв никакой крупной военной акции со своим участием и с участием всего войска, сердар Лала Мустафа-паша возвратился на зимовку в Эрзерум. Между тем осенью 1579 г. в Стамбуле произошло крупное и чрезвычайное политическое событие — в своем доме, во время проведения послеполуденного дивана, неизвестным был убит великий везир Соколлу Мехмед-паша, бесценно руководивший правительством с 1566 г., — редчайший случай в истории Османской империи. Преступник был тотчас же схвачен и убит на месте. Оказавшийся босняком, он явился на заседание дивана под предлогом передачи прошения великому везиру и совершил свое кровавое деяние²⁹. Вместо Соколлу Мехмед-паши великим везиром был назначен Ахмед-паша, входивший в число членов султанской фамилии³⁰. С этими

событиями, по всей видимости, было связано и смещение с поста сердара Лала Мустафа-паши. Вместо него главнокомандующим был назначен четвертый везир дивана Синан-паша.

Убийство Соколлу Мехмед-паши, боснийского серба по происхождению, было каким-то образом связано с новообразованной Печской патриархией, во главе которой стояли его родственники³¹. Сам он был сторонником умеренной политики и мирных отношений с Ираном. Он понимал всю бессмысленность попыток военным путем добиться усиления суннитских позиций в иранских землях за счет уменьшения влияния шиизма. Это был весьма трезвый и прагматичный подход к делу. Однако в Порте преобладали воинственные настроения в отношении Ирана, раздираемого в это время внутренней борьбой. После насильственной смерти великого везира Соколлу Мехмед-паши воинственная точка зрения, предусматривавшая активные военные действия на восточных границах государства, только еще более усилилась. Между тем, по мнению этой военной партии, Лала Мустафа-паша преступно бездействовал. Назначенный вместо него сердаром Синан-паша еще до начала войны с Ираном обещал Мураду III быстрые новые завоевания в землях иранского шаха. Однако, получив то, чего желал, и оказавшись на месте Лала Мустафа-паши, Синан-паша сам не спешил действовать. Он затеял мирные переговоры с иранским шахом, которые начались вскоре после прибытия сердара в Эрзерум. Отправив своих послов с соответствующими предложениями, Синан-паша ограничил свою военную деятельность укреплением крепостей Карс и Тифлис. Ожидание, однако, затянулось — ответа от шаха все не было. Чтобы занять время и навести некоторый порядок в армии, Синан-паша провел на равнине перед Карсом проверку-йоклама турецкого войска. При этом было устроено нечто вроде военных маневров³². Сердар продолжал тянуть время и не предпринимал никаких военных акций. Между тем из столицы настаивали на решительных военных действиях и даже на походе против столицы шаха Тебриза. Но время для этого было уже упущено — близилась зима, и армия зазимовала в Эрзеруме.

В январе 1581 г. наконец-то прибыли послы от шаха с предложениями о перемирии, и сердар Синан-паша, более всего занятый заботой, как бы поскорее перебраться в столицу, поспешил

согласиться на начало переговоров в Стамбуле. В конце июля 1581 г. он возвратился в столицу. Чуть ранее сюда же прибыл шахский посол Ибрахим-хан Туркмен. Однако двор не был готов вести переговоры, погрузившись в подготовку предстоящего приятного события. Намечалось празднество по случаю обрезания сына Мурада III, принца Мехмеда. Султан приказал извлечь из дворцовых архивов дефтеры, в которых были зафиксированы расходы двора по случаю обрезания сыновей султана Сулеймана. Устроенные им тогда праздники запомнились стамбульцам как цепь великолепных увеселений с играми, танцами и пением, широкими угощениями и фейерверками. Мурад решил ни в чем не уступить в великолепии празднества своему прославленному деду.

Стамбул отметил торжественное событие с размахом. Самое активное участие в этом неожиданно приняло и войско на жалованье. Янычары, выполнявшие полицейские функции в городе, во главе со столичными субаши и асесбаши нагрянули в казармы придворных сипахи, где всюду отмечали торжество гвардейцы с приведенными туда женщинами. Между прибывшими янычарами и сипахи произошла потасовка. На помощь своим товарищам поспешили сипахи из соседних казарм и начали отбивать у субаши своих задержанных в казармах товарищей. Многие янычары во время разгоревшейся схватки были ранены. Разгоряченные вином сипахи притащили захваченного ими субаши на ипподром, где в это время находился султан, и бросили к его ногам своего обидчика. Бывшие при султани янычары, увидев это и узнав о нападении на своих товарищей, тут же набросились на сипахи. Зеваки Стамбула получили дополнительное бесплатное зрелище, которое грозило разрастись в крупные беспорядки. К месту происшествия был немедленно вызван янычарский ага Ферхад. Прибыв сюда со своими янычарами, он лишь усилил рвение своих подопечных, которые в драке убили двух сипахи. Присутствовавший при инциденте Синан-паша приказал Ферхад-аге немедленно удалиться, и только после этого драка утихла. Инцидент послужил поводом для смещения Ферхада с поста янычарского аги. Вместо него был назначен Френк Юсуф-паша. Через день после приключившейся драки праздник по случаю обрезания шехзаде Мехмеда был завершен³³.

Однако существует и другая версия относительно причины смещения Ферхада с поста главы янычарского корпуса. Анонимный автор «Мебде-и канун» сообщает, что во время празднования обрезания Ферхад-ага проявил «принципиальность» и воспротивился желанию султана внести в дефтер аджеми огланов имена тех участников праздника, которые обратились с просьбой зачислить их в янычарский корпус³⁴.

Лишь по завершении всех торжеств, которые состоялись в Стамбуле в 1582 г. и продолжались в течение 40 дней, Мурад III соизволил обратиться к иранским делам. При этом посол иранского шаха не был им принят и даже заключен в тюрьму. Тем самым султан недвусмысленно высказался за продолжение войны. Через Кафу турецкому наместнику Ширвана Осман-паше были посланы румелийские сипахи во главе с румелийским бейлербеем Хайдер-пашой, а также 3 тыс. янычар, бёлюк силихтаров и 86 юков акче для выплаты жалованья войску³⁵. Однако часть денег и продовольствия, которые должны были быть доставлены в крепость Тифлиса, попали в руки неприятеля. Обоз подвергся нападению правителя Ревана Токмакхана, правителя Гянджи Имам-Кули-хана и одного из грузинских князей — Симона. Турки обвинили в произошедшем грузинского ренегата, принявшего ислам и служившего султану под именем Мустафа-паша. Он был замыкающим обоза и, как полагали, допустил «нерадение и халатность», позволив неприятелю близко подойти к турецкому каравану и напасть на него. Мустафа-паша, справедливо полагая, что его ждет неминуемое наказание, бежал с группой грузин, совершив при этом нападение на турецких беев³⁶.

Подобные инциденты свидетельствуют о том, что шахский Иран вовсе не собирался смириться с турецким присутствием в Ширване и Грузии и продолжал бороться со своим сильным врагом партизанскими методами. Мурад же упрямо продолжал политику войны. Он сместил с поста сердара не оправдавшего его ожиданий Синан-пашу, назначив на его место Ферхад-пашу, которому во время празднества по случаю обрезания шехзаде Мехмеда было пожаловано звание везира. Военная партия в Стамбуле могла праздновать победу.

Новый сердар выступил с войском из Стамбула весной 1583 г., ставя перед собой задачу овладеть Реваном. Его пра-

витель, Токмак-хан, вывел из города все население и заставил жителей подняться на гору Арарат. Турецкая армия без боя заняла город, где Ферхад-паша немедленно развернул крупное крепостное строительство. За два месяца турки укрепили Реван, там были установлены 53 пушки и оставлен гарнизон, на содержание которого из казны было выдано 250 юков 35 тыс. акче³⁷. Между тем война с Ираном по-прежнему протекала без каких-либо крупных военных сражений. Лишь один раз новый главнокомандующий послал двух бейлербеев — Диярбакыра и Сирии — против разбойничавшего шахского бека, охотившегося на турецкие караваны с деньгами и продовольствием. Не раз турки подвергались нападениям кызылбашей, совместно с которыми действовали некоторые грузинские князьки. Засады у дорог стали для турок обычным явлением, и доставка продовольствия и денег в Тифлис и Реван каждый раз представляла собой весьма опасное предприятие³⁸. Воздержание от крупных военных операций со стороны Ирана объяснялось остротой внутрдинастийной борьбы, не позволявшей шаху оказывать туркам серьезное военное сопротивление.

Янычарское войско исправно несло свою военную службу, действуя, правда, разрозненными силами — либо в составе войска, либо в составе гарнизонов. Часть янычар оставалась в столице и время от времени принимала участие в других военных операциях того времени, например осенью 1583 г. 1500 янычар были посланы к крепости Бендеры, подвергшейся нападению казаков³⁹.

Гарнизонная служба плохо действовала на янычар, чувствовавших себя полными хозяевами мест, где они находились. Длительное неучастие в реальных боевых действиях, оторванность от столичной жизни, ограниченность своих экономических возможностей и отсутствие строгого контроля за их деятельностью, да и просто скука, нередко приводили к бунтам и беспорядкам. Давно уже чувствуя свою безнаказанность (за их проступки расплачивались по большей части их непосредственные командиры или янычарский ага), янычары не останавливались перед открытым неповиновением представителям султанской власти. В 1577 г. поднял мятеж, например, гарнизон Кипра. Здешний турецкий наместник, Араб Ахмед-паша, по мнению взбунтовавшихся янычар, назначал на должности

«скверных и худородных» людей, за что они сочли за благо расправиться с ним. Янычары напали на Араб Ахмед-пашу во время проведения им местного дивана, убив его самого и ограбив всех его приближенных⁴⁰.

В 1585 г. янычары, посланные в составе войска румелийского бейлербея в Ширван, принимали участие в набегах на районы Гянджи, Карабаха, Берды и совместно с крымскими татарами усердно опустошали владения шаха⁴¹. Иногда посланным против турок отрядам кызылбашей удавалось одержать над ними победу. Так, был разгромлен один из отрядов румелийских сипахи во главе с беём Силистрии Якуб-беём⁴². Положение в Ширване, перешедшем под османский контроль, было весьма шатким, и туркам не всегда удавалось чувствовать себя здесь хозяевами. Весной 1583 г. между войском Осман-паши и отрядами Имам-Кули-хана произошло сражение, которое ясно показало, что военные силы противников примерно равны. Туркам теперь не всегда помогало даже огнестрельное оружие. Бой, продолжавшийся в течение светового дня, не выявил победителя и продолжился поздним вечером при свете факелов. Противники сражались затем еще несколько дней (после суточного перерыва), и в конце концов отрядам Имам-Кули-хана пришлось отступить. Турки сочли это за свою победу, а принявшие участие в сражении, получили вознаграждение (бахшиш) и прибавку к жалованью и доходам⁴³.

Во время летней кампании 1584 г. турецкое войско под началом Ферхад-паши предприняло военную экспедицию в Грузию, где турками была восстановлена крепость Лори и заложена крепость в ущелье Дманис (*тур.* Доманич). Сердар разрешил бейлербеям немного «подкормить» своих воинов, отправив их в набег в район Гори. Турецкий отряд возвратился в войско с богатой добычей и большим числом пленников⁴⁴. Ферхад-паша планировал также укрепить Ахалцих (Ахалцихе), но натолкнулся на нежелание войска углубляться в грузинские земли и вынужден был отказаться от своего намерения.

Установленное турками господство в Грузии было очень непрочным. Грузинское население постоянно оказывало сопротивление захватчикам, предпринимая против них дерзкие вылазки. Так, на обратном пути в Эрзерум войско Ферхад-паши нарвалось на грузинскую засаду. В результате произошедшего

сражения турки потеряли много людей и провианта. Была разграблена даже личная повозка сердара, в которой находилась его любимая невольница, драгоценное оружие и шкурки соболя и рыси, традиционно ценимые турецкой верхушкой⁴⁵.

Летом того же 1584 г. Османское государство столкнулось со сложностями в отношениях с Крымом. Вассал турецкого султана, хан Мухаммад-Гирей II, принявший участие в летней военной антииранской кампании 1584 г. вместе со своими братьями и любимым сыном Саадет-Гиреем, самовольно покинул театр военных действий и возвратился в Крым, что вызвало гнев султана. Мурад III приказал наместнику Ширвана Осман-паше отправиться в Кафу и наказать виновного. В династии крымских Гиреев в это время существовала внутренняя смута — в ожидании наследования власти. Воспользовавшись ею, турецкий султан объявил крымским ханом брата Мухаммад-Гирея, Ислам-Гирея, до того спокойно пребывавшего в дервишеской обители в Бурсе. Ислам-Гирей отправился в Крым в сопровождении флотилии прославленного Кылыч Али-паши и захватил ханский престол, изгнав брата, подавшегося в Ногайскую Орду и погибшего по пути туда.

Между тем Ферхад-паша, все менее нравился двору в качестве сердара. Он не оправдывал возлагавшихся на него надежды в связи с намерением расширить военные действия против Ирана. Летом 1585 г., в ранге великого везира и сердара, в Эрзерум с целью совершить поход против Тебриза прибыл уже Осман-паша⁴⁶. Шахский Тебриз был взят турецким войском. В городе сразу же начались разбои и пожары. Во время одного из них полностью сгорел квартал Сурхаб. Осман-паша положил конец совершающимся разбоям только после того, как к нему явилась депутация знатных тебризцев с просьбой пощадить город. Однако многое было уже безвозвратно утеряно. После взятия Тебриза были взяты в плен, среди прочих, традиционно почитаемые всеми мусульманами сеййиды, потомки Пророка, уведены в Стамбул и проданы там как простые рабы⁴⁷. Турки вознамерились прочно утвердиться в иранской столице, для чего в течение двух месяцев велись работы по ремонту и строительству крепостных стен. В городе был поставлен семитысячный турецкий гарнизон. Армия покидала город, оставляя после себя черную память. В отместку за смерть своих товарищей янычары устро-

или настоящую резню, перебив множество горожан и полностью разграбив базар.

Однако, лишь только султанское войско покинуло Тебриз, вдогонку ему бросились отряды сына иранского шаха — Хамза-мирзы. В какой-то момент казалось, что турецкая армия будет разбита его конницей. Решающую роль в спасении турок от полного разгрома сыграли «профессионалы» — придворные сипахи, сумевшие прогнать неприятеля. Туркам в пору было вспомнить слова покойного великого везира Соколлу Мехмед-паши, предупреждавшего о бесперспективности военного противостояния с Сефевидским Ираном. В довершение ко всем неприятностям по пути из Тебриза умер сердар Осман-паша. Решением военной верхушки командующим войском был избран Чагала-заде Синан-паша. Он возглавил уставшую и голодную турецкую армию, которая с трудом продвигалась в сторону Вана, бросая на дороге погибающих от бескормицы животных⁴⁸.

Вскоре после ухода турецкой армии из Тебриза к шахской столице подошел Хамза-мирза и осадил город. В его распоряжении имелась пушка крупного калибра, стрелявшая ядрами весом в 60 окка (73.5 кг). Обстрел, который из нее вели, причинял большие неприятности осажденным⁴⁹. Турецкому гарнизону, испытывавшему большую нужду в продовольствии, приходилось совершать вылазки из крепости и вступать в стычки с противником для захвата имевшегося у него продовольствия. Во время одной из таких вылазок солдатам гарнизона удалось захватить и пушку, причинявшую им столько беспокойства. На канатах она была перетащена внутрь города⁵⁰.

Хамза-мирза вел осаду по всем правилам осадной науки. Он отдал приказ копать мины под крепостными стенами, но туркам с помощью осведомителей удалось обнаружить их. Они проникли на позиции противника, пройдя подземными ходами, и перебили множество кызылбашей, и Хамза-мирза был вынужден в конце концов снять осаду города⁵¹.

Летом 1586 г. на помощь тебризскому гарнизону было послано войско во главе с сердаром Ферхад-пашой. В это время Хамза-мирза вел уже вторую осаду города. Получив известие о приближении турецкой армии, он предпочел удалиться. Ферхад-паша беспрепятственно вошел в Тебриз, выплатил гарнизону жалованье и в изобилии выдал необходимое

продовольствие. Джафер-паше, возглавлявшему защиту Тебризской крепости, было пожаловано звание везира, подарено почетное платье и драгоценное оружие. После этого сердар Ферхад-паша покинул Тезбриз, уйдя на зимовку в Эрзерум⁵².

Летняя иранская кампания 1587 г. ограничилась крепостным строительством сердара в Грузии и лишь в 1588 г. турки предприняли завоевание Гянджи и Берды. В помощь уже имевшемуся на границе войску из столицы было послано 4 тыс. янычар и заново собранное войско тимариотов и займов⁵³. Завоеванная в результате Гянджа была укреплена, в ней был помещен турецкий гарнизон. Во время крепостного строительства в Гяндже, турки совершили несколько набегов на Карабах, где пребывали туркменские племена шаха, и, как пишут османские хронисты, обогатились добычей и пленниками. Казалось, что ирано-турецкой войне не предвидится конца и она будет медленно тянуться неопределенно долгое время. Однако события внутри иранской династии заставляли Сефевидов искать мира. В июне 1587 г. шахом был провозглашен младший сын Мухаммада Худабенде — шестнадцатилетний Аббас. Взойдя на престол, он предпринял несколько попыток заключить мир с турецким султаном. Однако Мурад по-прежнему не спешил, желая воспользоваться ситуацией для обретения новых земель. В это же время Иран подвергся нашествию узбекского хана Абдаллаха, посол которого в конце лета 1587 г. посетил Стамбул⁵⁴. Иран не был способен вести борьбу на два фронта. Абдаллах окружил Герат и осаждал его девять месяцев. В марте 1587 г. город был взят и полностью разграблен⁵⁵.

Весной 1589 г. шах Аббас запросил мира, прислав послов к Ферхад-паше, который в это время был занят завоеванием Нахичеванской области. Шараф-хан пишет, что завоевание Нахичевани турками было предпринято «по просьбе местного населения». Посланный в Нахичеванские земли бейлербей Ревана Хызыр-паша легко овладел краем, население которого выразило ему свою покорность. В местечке под названием Кёшк-и Балабан турки основали крепость⁵⁶.

Согласно соглашению, заключенному между послами Аббаса и Ферхад-пашой, в Стамбул в конце 1589 г. прибыло многочисленное иранское посольство, возглавляемое сыном убитого Хамза-мирзы, Хайдар-мирзой. Мустафа Селяники, который

был назначен михмандаром (принимаящим гостей), сообщает, что с иранским послом прибыло более тысячи человек. Казна выделила на содержание прибывших несколько сот тысяч акче⁵⁷. В результате длительных переговоров между Ираном и Османской империей был наконец заключен мир, по которому за турецким султаном оставались вся Грузия, Армения, Азербайджан с Тебризом (но без Ардебилля и Талыша), а также значительная часть Луристана⁵⁸. При этом не была забыта религиозная сторона конфликта. Шах Аббас обещал Мураду, что улемы отошедших к Османской империи земель не будут проносить слов хулы против трех халифов — Абу Бакра, Омара и Османа, а также жены Пророка — Айши⁵⁹. Это не означало, конечно, торжества суннизма в Иранском Азербайджане и других землях, ранее принадлежавших Сефевидам (шиитские выступления, происходившие позже в этих районах и даже в Эрзерумском вилайете, ясно говорят об этом), однако это снизило накал взаимной религиозной нетерпимости.

Закончилась одна из самых длительных войн (1576—1590), какую когда-либо приходилось вести турецким султанам. Внутреннее положение Османского государства в результате нее пошатнулось и оставляло желать лучшего. Волнения из-за ухудшения качества монеты, широкое распространение злоупотреблений, частые восстания, движение румелийских кадиев против налогового гнета — все создавало обстановку внутренней напряженности и недовольства, которые, накапливаясь, чуть позже вылились в значительные народные движения и социальные беспорядки. Стамбул, весной 1588 г. переживший крупный пожар, в результате которого сгорел бедестан (большой крытый рынок) и прилегающие к нему кварталы, подвергся осенью 1590 г. новому бедствию — эпидемии чумы⁶⁰. Казна испытывала значительный дефицит, что вызывало задержки с выплатой жалования войску. Правительство было вынуждено прибегать к всевозможным средствам, чтобы произвести выплаты и погасить недовольство в армии. Так, в одну из выплат жалования недостающие средства — 70 тыс. алтунов — были предоставлены казне Курд-агой, являвшемся душеприказчиком умершего дворцового чавуш-баши⁶¹. Этот эпизод показывает, какие огромные средства скапливались в руках административной верхушки и придворных служащих при одновременном

обнищании государственной казны. В Буде в конце сентября 1590 г. янычары гарнизона, которым задерживалась выплата положенного им жалованья, напали на резиденцию бейлербея Ферхад-паши и потребовали выплатить им не только задолженность за половину года, но и выдать деньги на три месяца вперед. Их требования были выполнены, но в результате бунта Ферхад-паша был убит, а дефтердар (казначей) с трудом спасся бегством⁶². Мустафа Али, сообщая об этом, пишет, что янычары просто разграбили казну, а также некоторые дома в Буде⁶³. На этот раз деяния бунтовщиков не остались безнаказанными. Посланные из столицы для расследования дела дворцовые служащие (мютеферрика), установив вину янычар, казнили 35 человек, многие янычарские офицеры были разжалованы⁶⁴.

Отовсюду в столицу поступали жалобы на притеснения янычар, расквартированных в провинции. В начале 1591 г. янычарский ага, рассмотрев эти жалобы, принял решение послать одного из своих бёлюкбаши, Кара Исмаила, для ареста и наказания виновных. Узнав об этом, янычары явились к дому бёлюкбаши и закидали его дом камнями, разбив все стекла. Сам Кара Исмаил едва смог избежать гибели.

Во время очередного султанского дивана явившиеся туда, как обычно, янычары отказались есть поданную им традиционную похлебку (чорба), что служило знаком их недовольства и грозило бунтом. Янычар поддержали присутствовавшие там же придворные сипахи. Бунтовщики набросились на членов дивана с бранью и обвинениями, не понеся за это впоследствии никакого наказания. За беспорядки поплатились высшие должностные лица янычарского корпуса — лишились своих постов кетхюдабей и бёлюкбаши янычарского аги. Во время того же бунта янычары разбросали в казарменной мечети Орта джами прокламации с требованием сместить янычарского агу и назначить вместо него своего ставленника. Они добились желаемого, также не понеся при этом никакого наказания⁶⁵. Вскоре на смещенного янычарского агу был получен донос, в котором говорилось, что он брал взятки за продвижение по службе офицеров янычарского корпуса и не занимался своими должностными обязанностями. По мнению Мустафы Селяники, сообщающего в своем труде об этом доносе, его составили те, кто при смещенном янычарского аге «обманулся в своих ожиданиях»⁶⁶.

События, произошедшие в столице летом 1591 г., показывают настроения и поведение столичных янычар, многие из которых вернулись из иранского похода. Проведя несколько лет вне столицы, лишенные возможности продвижения по службе, которое осуществлялось янычарским агай, стесненные финансово из-за походных расходов и плохого качества монеты, они сыграли большую роль в начатой ими социальной «борьбе за справедливость». Недовольство янычар объяснялось главным образом их ухудшившимся материальным положением, а их гнев в первую очередь был обращен против высших должностных лиц янычарского корпуса и государственных чиновников, известных своей коррупцией и злоупотреблениям.

Летом того же 1591 г. в стамбульском квартале Топхане вспыхнул пожар, который, как всегда, тушили янычары. Когда после ликвидации пожара, вооруженные топорами, они возвращались в свои казармы, они совершили нападение на дом диярбакырского бейлербея Ибрахим-паши, одно время бывшего бейлербеем Эрзерума и казнившего там одного из их товарищей, между тем как по закону янычары были подсудны суду собственных офицеров и лично султану. Уже во время случившегося инцидента в Эрзеруме янычары заявили протест против действий Ибрахим-паши, однако тот не понес за совершенное самоуправство никакого наказания. Во время пожара 1591 г. Ибрахим-паша находился в Стамбуле. Он привез в столицу налог авариз и деньги от откупщиков Диярбакырского вилайета, а также, как это было принято, подарки для султана. В диване его ожидал допрос в связи с потоком жалоб из руководимой им области на действия местных откупщиков (мюльтезимов). В страхе от нападения янычар на свой дом Ибрахим-паша, чтобы спасти свою жизнь, выкинул им мешки с привезенными в Стамбул деньгами. Пока янычары собирали монеты, он успел бежать из дома, так что все привезенные им из Диярбакыра деньги были разграблены. В руки янычар попали даже подарки, привезенные для султана Мурада. Дом Ибрахим-паши был также разграблен и сожжен. Когда на следующий день, совпавший с выплатой жалованья янычарам, янычарский ага, кетхюда и другие офицеры янычарского корпуса начали укорять янычар в содеянном, те в оправдание заявили, что действовали так в отместку за злоупотребления, совершенные Ибрахим-пашой.

При этом они потребовали, чтобы он явился к ним на мейдан для разбирательства. Оправдываясь за разграбление денег, привезенных Ибрахим-пашой для казны, янычары заявили, что грабежом занимались лишь янычары-«саплама» (т. е. те, которые были зачислены в корпус незаконными путями, от *тур.* сапламак — всаживать, вонзать, втыкать). Янычары обвинили этих новичков в том, что они не несут никакой военной службы и находятся при домах высокопоставленных лиц. «Наши командиры их и в глаза не видели», — заявили янычары.

Мурад III, возмущенный как бесчинствами янычар, так и более всего материальными потерями, которые понесла казна, отдал приказ отчислить виновных в грабеже из янычарского корпуса, а Ибрахим-пашу сместить с должности диярбакырского бейлербея и посадить в тюрьму⁶⁷.

Между тем столица со страхом ожидала наступления 1000 г. х. Повсюду в народе распространялись в связи с этим самые невероятные пророчества. Ожидали волнений и смут, предсказывали неизбежное наступление Судного дня. Однако начальный день года — 1 мухаррема 1000 г. х. (19 октября 1591 г.), как и последующие дни, не принес с собой ничего примечательного. Придворному войску сполна выдали очередное жалованье, и жизнь потекла привычным руслом под молитвы улемов и благочестивых мусульман с пожеланиями благополучия султану и его дому⁶⁸. Однако мирное существование длилось очень недолго. Зафиксированные договорами условия мира с австрийскими Габсбургами подходили к концу. Заключенные в 1568, 1576 и 1583 гг., они с трудом поддерживали хрупкое равновесие, не имея перспектив продления. Мир с Габсбургами, заключенный на 8 лет в 1583 г., был для турок во многих отношениях вынужденным из-за противостояния с Сефевидами и военных кампаний на восточных границах. Между тем австрийские Габсбурги, испытывавшие в этот период значительные финансовые трудности, начали задерживать выплату дани туркам и организовывать нападения отрядов пограничных крепостей на занятые османами венгерские земли в попытках освободить их от власти турок⁶⁹. В этом они находили поддержку римского папы Климента VIII, который высоко оценил вклад Рудольфа II Габсбурга (1576—1608) в дело контрреформации и предоставил ему значительную финансовую

и военную помощь во время начавшейся в 1593 г. длительной австро-турецкой войны. С турецкой стороны столь же активно, как и венгры, действовал на западных границах государства бейлербей Боснии Хасан-паша, постоянно совершавший набеги на приграничные венгерские территории, провоцируя тем самым военный и политический конфликт. Султан был даже вынужден отправить Хасан-паше письмо, в котором приказывал прекратить военные набеги на владения Габсбургов и ограничиться охраной границ, грозя наказанием в случае ослушания⁷⁰. Однако это предупреждение не возымело действия. Мустафа Наима сообщает в своем труде, что Хасан-паша опирался в своих действиях на поддержку великого везира Ферхад-паши и султанского мусахиба Дервиш-аги⁷¹, сторонников развязывания войны между османами и венгерской короной.

Между тем Мурад III не стремился к военному конфликту с Рудольфом II и в 1590 г. послал в Вену чавуша с заверениями своего желания продлить мир с Австрией, несмотря на приграничные инциденты. В ответном послании Рудольф II Габсбург, еще не готовый к крупному военному конфликту с турками, общал султану, что помимо ежегодной выплаты 30 тыс. дукатов собирается прислать султану «чрезвычайный» подарок, если тот согласится на продление существующего мирного договора еще на 8 лет. Для ведения переговоров в Стамбул выехало австрийское посольство во главе с Фредериком де Креквицем. В его состав входил дворянин из Чехии Вратислав, оставивший интересные записки об этом посольстве⁷².

Во все время проходивших в Стамбуле переговоров боснийский бейлербей Хасан-паша не прекращал активных военных действий на границе, захватив Карстовиц, Гору, а также Бихач, издавна принадлежавший венгерской короне⁷³. Позднее, к августу 1592 г., он захватил также Надасди. 300 захваченных здесь турками пленных были препровождены в Стамбул и проведены мимо дома, где остановилось австрийское посольство. Мир висел на волоске, но султан продолжал придерживаться антивоенной линии. К этому времени поддерживавший военные акции боснийского бейлербея великий везир Ферхад-паша был лишен своей должности. Поводом к этому смещению, случившемуся в феврале 1592 г., послужили события в столице, в которых были замешаны янычары.

До Стамбула дошло известие о казни янычар, бесчинствовавших в гарнизоне Эрзерума. Они перехватывали продовольствие, поступавшее в город, и продавали его на базаре по установленным ими самими ценам, вели на глазах у всех беспутную жизнь и не подчинялись никаким приказам своих командиров. Прибывшие в Стамбул жалобщики потребовали убрать из города разбойничавших гарнизонных янычар, заявляя, что в противном случае жители Эрзерума либо покинут город, либо поднимут восстание. Янычарский ага доложил султану о безусловно установленной вине эрзерумских янычар, и виновники были казнены. Узнав о казни своих товарищей в Эрзеруме, столичные янычары, во время своего очередного пребывания в диване, подняли бунт и потребовали выдать им человека, который ездил в Эрзерум выполнять приказ о наказании. Они грозили и тем, кто отдал приказ о казни провинившихся. Янычарский ага, секбанбаши и кетюда-бей, присутствовавшие на диване, попытались урезонить смутьянов, ссылаясь на приказ самого султана. «Вы что же, собираетесь убить на мейдане самого падишаха?» — вопрошали они взбунтовавшихся янычар. В конце концов их удалось удалить из дивана, но так как янычары отказались есть традиционно подаваемую им здесь похлебку-чорба, было ясно, что назревает очередной янычарский бунт.

Султан начал действовать по отработанной схеме — послал еще не смещенному на тот момент Ферхад-паше указ о смещении с поста янычарского аги Махмуда и назначении вместо него дворцового сияхтара Халиля. Опасаясь бунта янычар, Мурад сместил затем с поста и самого великого везира, назначив вместо него Сиявуш-пашу⁷⁴. При этом перемещения затронули всю верхушку столичной бюрократии, а также высших улемов государства. С помощью перестановок в верхнем эшелоне власти султан пытался задобрить янычар и уладить возникший конфликт. В данном случае это вполне удалось, однако очень скоро янычары вновь проявили крайнее самоволие, оказав свое покровительство молдавскому воеводе, которого султан намеревался сместить. Они укрыли его в своих казармах. В столице говорили, что они сделали это за большие деньги, уплаченные молдавским воеводой, и с помощью янычар ему удалось сохранить свою власть⁷⁵.

В конце лета 1592 г., в преддверии выплаты жалованья янычарскому корпусу, султан Мурад направил в Сирию двух своих уполномоченных для взимания налоговых поступлений в Дамаске и Алеппо. Казна испытывала острый недостаток средств, а Сирийский вилайет был одним из самых богатых по налоговым сборам. Желая угодить султану увеличением суммы налоговых поступлений, сирийский дефтердар обложил местных торговцев новыми пошлинами, вызвавшими их возмущение. Эти сборы под названием деллалийе (*араб.* деллаль — маклер, посредник) и седжлийе (от *араб.* седжл — благотворитель) были получены с богатых торговцев Сирии в пользу султанской казны. На действия дефтердара Сирии Тезкереджи-заде Махмуд-эфенди пожаловались в Стамбул местные улемы, указав на несоответствие подобных сборов шариату. Вопрос был представлен на рассмотрение шейхульислама Закария-эфенди. Защищаясь, дефтердар заявил, что в данном случае благо государственной казны важнее соблюдения шариата и что если сбор взимается в присутствии кадия то требования шариата необязательны. Однако эти доводы не встретили поддержки со стороны шейхульислама, и дефтердар был смещен с должности за самоуправство и заключен в тюрьму⁷⁶.

Данный эпизод показывает, что представители религиозного авторитета в Османском государстве могли выступать защитниками правовых основ жизни общества и противодействовать неправомерным действиям светской власти. Положения шариата являлись барьером на пути финансовых нововведений, и в ряде случаев увеличение налогов оказывалось невозможным. Это, конечно, не означает, что новые налоги в Османской империи не вводились. При трудных финансовых обстоятельствах Османское правительство прибегало к введению чрезвычайных налогов и сборов, но инициатива должна была исходить при этом от центральных властей.

Часть собранных в золотой монете и привезенных из Сирии налогов помогла на этот раз выплатить жалованье армии, однако сделано это было, по замечанию Мустафы Селяники, с великим трудом⁷⁷. Казна вновь оказалась пуста. Правительство предписывало государственным казначеям как можно скорее высылать в Стамбул собранные в провинциях налоги, но собрать их полностью не удавалось. Росли налоговые недоим-

ки. Из-за этого дефтердары (финансовые чиновники) лишались своих должностей, однако это не увеличивало количество денег в государственной казне. Дамоклов меч выдач жалованья висел над правительством и порождал атмосферу страха и неуверенности — боялись бунтов янычар. Поэтому, как только в казне появлялись деньги, в первую очередь жалованье выплачивалось янычарскому корпусу.

27 января 1593 г. происходила очередная такая выплата. Помимо пяти кесе золотых монет янычарам предназначались серебряные куруши и акче, половину из которых составили только что отчеканенные монеты. После янычар началась выплата жалованья бёлюкам придворных сипахи. Однако положение для них оказалось не столь благополучным. Старослужащие сипахи выразили свое возмущение тем, что их жалованье всегда выдается с недостачей, которая составляет сумму полугодового и даже более жалованья, и получение невыплаченного представляет всегда огромную трудность. Опасаясь возникновения бунта, казначейство немедленно выдало сипахи дополнительное число мешков с монетой. Однако это не успокоило недовольных. Гул возмущения увеличивался. Сипахи набросились на выдающих им жалованье кятибов и других должностных лиц, участвовавших в раздаче жалованья. Разобрав камни мостовой перед зданием дивана, сипахи начали забрасывать ими присутствующих султанских слуг, а затем потребовали голов великого везира Сиявуш-паши и главного казначея (дефтердара) Сейида Мехмед-эфенди⁷⁸.

Писавший почти через сто лет после этих событий османский хронист Мустафа Наима указывает, что при выдаче жалованья сипахи им предложили получить свои деньги по частям, из-за чего они, по его словам, и подняли бунт⁷⁹. По существу это совпадает с тем, что сообщает современник событий историк Мустафа Селяники. Мустафа Али, в своем труде «Кюнх аль-ахбар», много внимания уделяющий придворным интригам, пишет, что мятеж сипахи заранее готовился Синан-пашой, в прошлом неудачливым сердаром, уже занимавшим ранее пост великого везира. После своего смещения с должности он безвылазно жил в своем поместье в Малкаре неподалеку от столицы, где его навещали многие его сторонники — в том числе ага придворных сипахи Сулейман. Именно он и явился, по мнению

Мустафы Али, вдохновителем бунта и автором требования «голов» двух высших сановников государства⁸⁰.

На то, что бунт был заранее спланирован, указывает то обстоятельство, что бунтовщики не удовлетворились выданными им из личной султанской казны мешками с деньгами и даже не притронулись к ним. У организаторов бунта были и иные цели. На переговоры с бунтующими вышли члены султанского дивана и, передав им слова приветствия от имени султана, сообщили, что Мурад готов удовлетворить любую их просьбу, если они покинут территорию султанского дворца и не прольют здесь ничьей крови. Сипахи ответили на это градом камней, и не подумав расходиться. Время шло, и к бунтовщикам стали присоединяться, по выражению Мустафы Селяники, «злоумышленники и бродяги», т. е. многочисленные люмпены, которыми всегда была полна столица. Толпа росла на глазах, привлекая внимание множества зевак. На помощь правительству поспешили улемы. Ваиз (проповедник) мечети Сулейманийе и младший ваиз мечети Айа Софья вышли к бунтующим с Кораном в руках: «Мы принесли вам книгу божественных предписаний. Подойдите, коснитесь ее, пожалуйста...; сие есть слово, полезное для вашей веры и жизни», — торжественно провозглашали они. «И без вас знаем, вы тут нам не втолковывайте», — ответили сипахи. «Упаси Господь от таких кощунственных слов и помилуй. Нехорошо это. Ваше поведение ужасно. Оно губительно для мусульман», — увещевали улемы. «Мы давно уже превратились в неверных. Немедленно подать нам головы дефтердара и кетхюда-хатун!»

Требовать головы женщины — это было нечто из ряда выходящее. Между тем речь шла о распорядительнице гарема, имевшей большое влияние при дворе — Джанфеда-хатун⁸¹. При этом улемы, ведшие переговоры с бунтующими, приходили в ужас от самой мысли об убийстве сеййида, потомка Пророка, каковым был дефтердар Мехмед-эфенди. Однако это несколько не смущало бунтовщиков. В толпе присутствовавших сановников взывали к помощи Аллаха. Положение все более обострялось и становилось кретическим. Внезапно разнесся слух о приближении султанских вооруженных стражников-бостанджи, балтаджи и дворцовых ич огланов, а также янычар. В толпе сипахи раздались призывы прорываться к Арсеналу и вооружаться. Однако в этот

момент дворцовые охранники, похватав жерди на дровяном дворе султанского дворца, а также камни, брошенные бунтовщиками, с возгласами проклятья атаковали ряды бунтовщиков, вынудив их отступить. В воротах началась страшная давка — многие падали, их давили бегущие вслед за ними, в результате чего погибло множество людей. Лишь некоторым удалось укрыться в помещениях для дворцовых стражников, в конюшне и на дворцовой кухне. Те же, кто смог выбраться из ворот наружу, встретились с янычарами, вооруженными палками, и были ими рассеяны.

Несмотря на то что бунт удалось подавить, главный казначей все же был заключен в тюрьму крепости Йени Хисар, а на следующий день были смещены со своих должностей и два других дефтердара — Хасан-эфенди и Яхья-эфенди. Бунтовщики, сумевшие спрятаться во время их разгона на территории султанского дворца, были выловлены и казнены. Вскоре после этого специальным указом султана главный дефтердар был освобожден из тюрьмы Йени Хисара⁸².

В результате этих событий великий везир Сиявуш-паша лишился своего поста, а на его место вновь был назначен Синан-паша, которого считали тайным вдохновителем всех произошедших событий. Если интрига и была, то она вполне удалась. С приходом к власти Синана партия войны с Габсбургами усилила свое влияние. Близилась весна, а с ней и возможность открытия военной кампании в Европе. Синан-паша, некогда неудачно закончивший карьеру в качестве сердара восточного похода, жаждал взять реванш на европейском театре военных действий. Он убеждал султана начать войну в Венгрии, которая на тот момент не имела сильной армии и могла выставить против турок лишь частные войска аристократии и солдат крепостных гарнизонов. Возможно, по соглашению с Синаном летом 1593 г. бейлербей Боснии Хасан-паша с 30-тысячным войском открыл военные действия против австрийцев в Хорватии, однако потерпел поражение. Получив известие об этом, Мурад III приказал Синан-паше выступить со 130-тысячным войском против Габсбургской Венгрии, открыв начало пятнадцатилетней австро-турецкой войне (1593—1606)⁸³. Австрийский посол и члены австрийской миссии, находившиеся в Стамбуле, были заключены в тюрьму. Румелийскому бейлербею был отдан при-

каз собирать румелийское войско. Султан, не желавший войны, при полной пустоте казны, был вынужден подчиниться обстоятельствам и открыть военную кампанию. Возможно, в этом решении большую роль сыграло желание удалить из столицы придворное войско. Война предоставляла для этого прекрасные возможности.

Честолюбивый Синан-паша, заботясь об интересах семьи, назначил своего сына Мехмеда, будинского бейлербея, бейлербеем Румелии, который встал во главе румелийский сипахи. Это было знаком времени. Меритократия уходила в прошлое, на высшие должности в государстве все чаще назначались выходцы из высших административных слоев, решающее значение при этом имели связи при дворе. Наследственность и nepoтизм способствовали появлению родственных кланов в османской верхушке. В семействах, жаждавших высших административных должностей, сосредоточивались и большие богатства. Описывая выезд сына Синан-паши из столицы, Селяники отмечает, что в его свите находились 150 пеших стрелков (секбанов) и 150 всадников, одетых в дороге бархатные одежды. Стоимость каждого их одеяния Селяники оценил в 2400 акче, а их боевое снаряжение — в тысячу акче⁸⁴.

Осада боснийским бейлербеем Хасан-пашой хорватской крепости Сисак (48 км к юго-востоку от Загреба) на р. Сава сыграла важную роль в запуске механизма длительного военного конфликта. Австро-венгерское войско, состоявшее всего из нескольких тысяч человек, направилось на помощь осажденным. В это время Хасан-паша, пребывая в полной уверенности в успехе своего военного предприятия, удалился из-под стен крепости, перебрался через реку на другой берег и спокойно ожидал сдачи гарнизона. Он ничуть не встревожился, когда узнал о подходе на помощь Сисаку австро-венгерского отряда, и послал навстречу ему своего доблестного боевого командира Коджа Меми-бея. Однако тот обладал достаточным здравым смыслом, чтобы по численности противника понять, что будет разбит. Со своими опасениями он явился к Хасан-паше, который в тот момент играл в любимые им шахматы. Бейлербей Боснии, высмеяв Меми-бея, заявил: «С каких это пор следует волноваться по поводу численного превосходства неверных!» Меми-бей был вынужден подчиниться, а сражение с неприятелем

лем, как он и ожидал, было проиграно. Во время произошедшего боя погибло много турецких беев, в том числе сам Хасан-паша⁸⁵. И с той и с другой стороны в сражении участвовала конница, при этом прославленные турецкие сипахи не сумели одолеть противника. Турецкие историографы приписали поражение численному перевесу соперника. Однако, как показали последующие события австро-турецкой войны 1593—1606 гг., дело было в качественном военном превосходстве австро-венгров с их тщательно разрабатываемой тактикой боя, становившейся самостоятельной наукой. В сражении при Сисаке им удалось прижать турецкую конницу в угол, образуемый двумя рукавами реки⁸⁶, что не позволило туркам в полной мере проявить свое традиционное искусство конного боя.

Любое начало войны у турок всегда сопровождалось гаданиями и всевозможными предсказаниями. Историк и бывший османский сановник Мустафа Али, не любивший Синан-пашу, соперника его бывшего патрона Лала Мустафа-паши, записал в «Кюнх аль-ахбар», что предсказания относительно австрийского похода Синана были крайне неблагоприятными⁸⁷. Турецкий султан Мурад III предусмотрительно не встал во главе своей армии, в состав которой вошли бёлюки придворной гвардии, 9 тыс. янычар во главе с кетхюда-беем, загарджи-баши и другими офицерами янычарского корпуса, 2 тыс. 800 джебеджи, топчи, топ арабаджи, 2160 придворных чавушей, а также янычары-артиллеристы. Для участия в походе было приказано явиться даже янычарам, служившим в Дамаске. На войну были призваны также анатолийские сипахи⁸⁸. Долгий сбор армии и отправка ее в поход на исходе лета были весьма неразумными с военной точки зрения, ибо армия отправилась к европейскому театру военных действий единственно для того, чтобы зимовать в пограничной области. Впрочем, возможно именно это, как уже указывалось выше, входило в намерения султана, желавшего удалить из столицы беспокойное и опасное придворное войско. В летний сезон 1593 г. Синан-паша успел предпринять минимум возможного. Подойдя к стенам Вишеграда (Штульвайсенбурга), он провел смотр войска и выдал ему жалованье. Оставив под стенами крепости бейлербея Боснии, он направился к Веспрему, гарнизон которого уже через три дня турецкой осады сдался на условиях свободного выхода из кре-

пости (13 октября 1593 г.). Сдалась туркам и осажденная Палота, гарнизон которой, вопреки заключенному договору, был турками перебит. Затем армия отправилась на зимние квартиры. Янычары были размещены на зиму в Буде⁸⁹.

Короткая летняя кампания не обошлась без неприятностей. Придворное войско, пешее и конное, потребовало у сердара прибавки к жалованью в 2 акче — за «взятие крепостей». Синан-паша был вынужден удовлетворить это требование, в связи с чем Мустафа Али записал в «Кюнх аль-ахбар»: «Не сослужа службы и на два акче, они принесли казне мусульман огромный убыток»⁹⁰. Не ограничившись этим требованием, придворные сипахи и часть янычар напали на шатер сердара и потребовали отправить их на зимовку в Белград. Синан-паша был вынужден подчиниться и на этот раз. При таком начале военная кампания обещала оправдать все мрачные предсказания столичных прорицателей. В начале января 1594 г. турецкое войско во главе с сердаром прибыло в Белград⁹¹.

Придерживаясь своей обычной тактики, австрийцы тотчас же воспользовались уходом из Венгрии основной части турецкого войска. Значительный по численности отряд, невзирая на неблагоприятный для военных действий сезон, подошел к недавно взятому турками Вишеграду. Туркам всегда было свойственно преувеличивать численность противника. И на этот раз в столицу было послано сообщение, что к Вишеграду подошло 60 тыс. «неверных». На помощь осажденному турецкому гарнизону поспешил будинский бейлербей Хасан-паша — сын покойного великого везира Соколлу Мехмед-паши, захватив с собой оставленных на зимовку в Буде янычар с их артиллерией. К нему присоединились сипахи пяти пограничных санджаков⁹². Таким образом Хасан-паше удалось собрать войско численностью в 15 тыс. человек, в котором находился и румелийский бейлербей Мехмед, сын сердара Синан-паши.

Описывая случившееся затем поражение турок, Ибрахим Печевпи пишет о неопытности большей части турецких воинов, еще «не нюхавших пороха»⁹³. Однако дело было не в этом. Турецкое войско, вступившее в сражение с неприятелем, в очередной раз столкнулось с новыми для себя европейскими тактическими приемами ведения боя. Сформировав в XVI в. новую пехоту с новым огнестрельным оружием крупного и мелкого

калибра, а также тяжелую и легкую конницу, европейцы очень скоро научились комбинировать их в разных боевых обстоятельствах с учетом условий местности. Европейская пехота была организована в тактические единицы. То же самое произошло и с конницей, которая выстраивалась на поле боя в густые глубокие колонны эскадронами. И те и другие тактические единицы умели действовать слаженно и сообща. Европейцы специально обучали своих солдат строевому делу. Европейское построение кавалерии в XVI в. становилось целой наукой. Выстроившиеся в глубокие колонны всадники, продвигавшиеся медленным аллюром или ожидавшие противника стоя на месте, умело пользовались (кремневыми) пистолетами⁹⁴. Многие оказались новым и неожиданным для турок, более двух десятилетий не воевавших на европейском театре военных действий. Военная наука европейцев продвинулась значительно вперед. Европейская кавалерия подчинялась тактическому руководству и перед ней ставилась задача рассеивать пехоту (так она поступала с янычарами) и топтать ее лошадьми. Определялись и другие задачи — лишать янычар возможности передвижения с помощью атаки с двух флангов. Разделившаяся на эскадроны конница европейцев теперь умела атаковать с разных и неожиданных для противника сторон. Европейская пехота, также разделенная на подвижные, маневренные и легко управляемые в бою тактические единицы, легко перемещалась в ходе боя на нужное место⁹⁵. Подобной науки построения и ведения боя у турок не существовало. Традиционное построение, окружение с флангов, иногда засада — вот тот ограниченный набор тактических средств, которыми пользовались османы. Все это было досконально известно европейцам. Недостаточное искусство владения индивидуальным огнестрельным оружием (при традиционно высоком уровне владения холодным) являлось серьезным недостатком турецкой армии, не задумывавшейся о необходимости введения каких-либо новшеств.

Именно с глубокими колоннами кавалерии, продвигавшейся навстречу противнику медленным аллюром, столкнулись турки под Вишеградом 3 ноября 1593 г. и потерпели полное поражение. Участвовавшие в бою янычары были смяты, рассеяны и затоптаны лошадьми. Как пишет Мустафа Али, на поле боя взору янычарского кетхюда-бея предстали втоптаные

в грязь, раздавленные и окровавленные тела янычар⁹⁶. Число погибших среди них было весьма значительным. В то же самое время атаки турецкой конницы захлебнулись под огнем кавалерии противника⁹⁷. Эта была полнейшая и позорная разгром, вызвавший гнев у оставшихся в живых янычар и придворных сипахи. Часть из них (ветераны иранской кампании) отправилась в Стамбул, самовольно покинув театр военных действий. На совете, специально созванном в столице для заслушивания их претензий, янычары, по-своему осмысляя причины поражения, потребовали лучшего материального обеспечения похода, который, что им бросилось в глаза, не был похож на иранскую кампанию. Присоединившиеся к янычарам сипахи жаловались при этом на действия сердара Синан-паши, который принуждал их делать то, чего они прежде не делали. Говорилось и о враждебном отношении к зимующему турецкому войску местного населения (по мнению жалобщиков — несправедливого). Вполне разумно говорилось о том, что за 30 лет отсутствия войн с европейцами турецкая армия утратила навыки борьбы с «неверными». Очевидно, что турки отдавали себе отчет в том, что столкнулись в Венгрии с новыми для себя военными приемами европейцев. Янычары, потерявшие под Вишеградом помимо высших своих офицеров — янычарского кетхюда-бея и загарджи-баши — также множество своих рядовых товарищей, обвинили сердара Синан-пашу в том, что, тот, докладывая о случившемся в Стамбул, совершенно несправедливо полагал, будто янычары плохо действовали в бою.

Почти одновременно с янычарами в Стамбул прибыло донесение от самого Синан-паши, который жаловался султану на бросивших его янычар. Он сообщал, что их уход вынудил его записать в пехотное войско 6 тыс. новичков, отправленных охранять крепости Буды, Эстергома и Хотвана. Синан-паша предупреждал, что новоявленное «босаяцкое» воинство не сумеет оказать должного отпора врагу, так как записавшиеся на военную службу имеют одну цель — заполучить приличное платье и боевые доспехи⁹⁸.

Победа австрийцев при Вишеграде осенью 1593 г. оказалась не единственным их успехом. В зимний период 1593/1594 г. им удалось захватить несколько населенных пунктов, изгнав оттуда турецкие гарнизоны⁹⁹. Все это было крайне непривычно

для турок: противник действовал в зимних условиях, под носом у сердара, беспомощно сидевшего в Белграде. Самым позорным было то, что некоторые небольшие крепости турки оставляли без боя, обращаясь в бегство¹⁰⁰.

В феврале 1594 г. султан отдал приказ янычарскому аге Мехмеду выступить со столичными янычарами в Белград для соединения с войском Синана. Ситуация была не из простых. По традиции, сам янычарский ага выступал в поход лишь в том случае, если его возглавлял лично султан. Налицо было ее нарушение. Мурад вовсе не собирался возглавлять свое войско, однако отправлял к театру военных действий главу янычарского корпуса. На срочно созванном в связи с этим совете янычары решительно воспротивились такому решению. Они заявили, что оно противоречит традиции и что они выступят в поход лишь в том случае, если поход возглавит сам султан — да и то только если им выплатят бахшиш. Свои требования янычары изложили на бумаге, подбросив ее в свою полковую мечеть Орта джами. Однако на этот раз их требования не были выполнены и янычарам пришлось подчиниться. Они даже, согласно указу султана, провели на Ок мейданы тренировочные стрельбы из ружей¹⁰¹.

Внешне подчинившись, янычары тем не менее не спешили выступить из Стамбула. Стояла зима и передвижение по дорогам представляло для янычарской пехоты известные трудности. Кроме того — и это было главным — янычары ожидали выплаты задолженного им жалованья. Казна была пуста и не справлялась со своими финансовыми обязательствами. Лишь после прибытия авариза (чрезвычайных налогов) из Сиваса и Мараша в конце февраля 1594 г. правительство смогло выплатить жалованье войску. Дефицит казны был столь велик, что экипажи морских судов по году не могли получить денежного содержания, на что жаловался капудан-паша (адмирал турецкого флота). Турецкие капитаны кораблей и моряки отказывались служить на судах, и огромный турецкий флот был парализован. Чтобы исправить положение, Мурад III распорядился выдать экипажам деньги из своей личной казны¹⁰².

Между тем сердар Синан-паша также не имел денег, чтобы выплачивать жалованье войску. Прекрасно понимая, чем это грозит, он пошел на экстраординарный шаг, прося у султана

разрешения заложить свои собственные поместья (мюльки) и вакуфы как обеспечение под заем в 500 юков акче, которые он намеревался пустить на выплату жалованья.

Мурад на это согласия не дал. Вместо этого он отправил в Румелию придворного капыджи-баши (начальника дворцовой стражи) Йемишчи Хасан-агу в сопровождении 40 капыджиев для взимания налоговых недоимок. Полученные деньги должны были пойти на выплату жалованья войску¹⁰³.

Стамбульские янычары между тем по-прежнему не спешили отправиться в Белград, как того требовал Синан-паша. Лишь поздней весной, в конце апреля 1594 г., янычарский ага и высшие офицеры корпуса, побывав на личной аудиенции у султана, приняли решение выступить из столицы. Над резиденцией янычарского аги был водружен туг (турецкий штандарт) в знак начала военной кампании года с личным участием аги янычар¹⁰⁴. Между тем янычары, на время как будто забывшие о своих прежних требованиях бахшиша, уже находясь в пути, вдруг вспомнили о нем. Среди янычар стали распространяться слухи, что по прибытии в Чорлу войску будет выдан бахшиш. Сообщивший об этом письмом в Стамбул янычарский ага, оправдываясь перед султаном, докладывал, что разносчиками этих слухов явились не знающие янычарских обычаев новички-«саплама». Янычарские офицеры были вынуждены созвать своих подчиненных и урезонивать их, объясняя, что янычарский ага не уполномочен выдавать бахшиш, что это является прерогативой султана и что у янычарского аги просто нет необходимой для этого золотой монеты. Однако начавшийся бунт продолжился до тех пор, пока всем янычарам не было выдано по золотому в качестве «коюн акчеси», т. е. «денег на овец» — для закупки мяса на продовольствие¹⁰⁵.

В начале кампании 1594 г. не обошлась без неприятностей и при отправке на фронт джебеджиев, янычарских латников, которые в числе 1500 человек должны были в мае 1594 г. выступить из столицы. По сообщению Мустафы Селяники, новички-джебеджи, зачисленные в янычарский корпус, были людьми низкого происхождения — «тюрьками», т. е. турецкими крестьянами, «мужиками», которые, по понятиям тогдашней образованной столичной публики, были темными и невежественными людьми. Презрев правила дисциплины, они напали на агу дже-

беджиев, потребовав по своей «темноте» выплаты им жалованья. Требование это было удовлетворено, так как бунтовщики грозились применить физическую силу. 15 зачинщиков смуты, в наказание, были изгнаны из рядов латников¹⁰⁶.

Весной 1594 г. Габсбурги, проявив большую военную активность в Венгрии, попытались отвоевать у турок захваченные ими города и крепости. Собранные ими отряды действовали в области Ноград, а также осадили Хатван. Для отражения атаки в Ноград был послан с войском сын сердара Мехмед — румелийский бейлербей, в распоряжении которого оказались весьма незначительные силы сипахи трех-четырёх санджаков. Бейлербей Буды Хасан-паша, после поражения под стенами Вишеграда, оказался не в состоянии пополнить солдатами войско румелийского бейлербея. Прибывавшие в Буду выбитые из крепостей турки в мрачных тонах описывали пережитые ими ужасы. Однако их жалобы не тронули будинского бейлербея, и он, в назидание другим, приказал повесить одного начальника гарнизона, сдавшего крепость. В это время австро-венгерские отряды, в состав которых входили наемники самых разных национальностей, осаждали Хатван и Эстергом, применяя сильную артиллерию. Турецкие гарнизоны не сдавали крепостей и посылали своему сердару в Белград отчаянные просьбы о помощи¹⁰⁷. Однако Синан-паша не спешил с нею, дожидаясь подхода войска из столицы.

Между тем ожидаемое войско, прибыв из Стамбула в Софию, затеяло длительные переговоры с сердаром, посылая гонцов с поручением узнать, имеются ли у него деньги для выплаты жалованья. На требование янычарского аги поторопиться с маршем янычары отвечали, что, как и сипахи, испытывают недостаток денег и выступят в поход только после ответа сердара. При этом среди янычар нашелся один из офицеров, умевший составлять официальные бумаги, и на имя султана было отправлено прошение с просьбой выплатить положенное янычарам жалованье. Получив это послание из Софии, Мурад не на шутку встревожился, опасаясь, что янычары требуют его личного участия в походе. Узнав, что войско требует лишь денег, он безропотно подчинился, и из казны было выдано 600 тыс. золотых монет. Деньги были помещены в сундуки и лошадьми, в повозках, отправлены Синан-паше в Белград¹⁰⁸.

Известия о поражениях в Венгрии заставили правительство искать средства для усиления турецкого войска. В столице был издан указ о призыве в армию добровольцев из числа придворных сипахи. Помимо обычного жалования им пообещали дневную прибавку в 2 акче. Это возымело действия и привлекло некоторое число придворных сипахи, выразивших желание отправиться в Белград для участия в военной кампании¹⁰⁹. За этим последовали экстраординарные финансовые меры. Шейхульислам издал фетву, в которой признал разрешенным взимание с сипахи, придворных чавушей, мютефферики и кятибов, не принимавших участия в походе, денег «за дирлик», т. е. за получаемое ими в отсутствие военной службы жалование — в «помощь мусульманской казне». Взимание этого сбора началось сразу же, и благодаря этой мере, по сообщению Мустафы Селяники, казна пополнилась юками акче¹¹⁰.

Столица отказывалась верить получаемым известиям о сдаче турками крепостей в Венгрии и пыталась по-своему помочь своему мусульманскому воинству. В самом начале июня 1594 г. состоялся выезд сановников и стамбульских жителей на Ок мейданы — традиционное место янычарских стрельб, где прошло общественное моление за победу мусульманского оружия¹¹¹.

Отряды, собранные австрийцами, между тем действовали на венгерской территории весьма свободно и успешно, пользуясь тем, что турецкий сердар Синан-паша со своей армией по-прежнему находился в Белграде. Посылаемые им отряды не оказывали никакого серьезного воздействия на ход военных событий. Отряды, сражавшиеся под знаменами Габсбургов в Венгрии, были мобильны, совершали молниеносные нападения и наносили ощутимые удары по противнику. Попытка турок прогнать неприятеля из-под стен Хатвана закончилась неудачей. Посланные Синан-пашой отряды под командованием двух его сыновей потерпели поражение. Все старания заманить вражескую кавалерию и поставить ее под пушечный огонь оказывались бесплодными. Атака турецкой конницы также не принесла успеха — турки были обращены в бегство, при этом было убито множество сипахи¹¹². Положение осложнялось тем, что в отдельных местах (например, в округе Темешвар) восставало венгерское крестьянство, и часть войска приходилось посылать на подавление этих восстаний¹¹³.

Лишь к концу июня 1594 г. Синан-паша наконец дождался прибытия войска из Стамбула и объединенными силами выступил по направлению к крепости Тата (Татабанья), осадив ее. После трех дней обстрела крепостных стен ее гарнизон сдался. Здесь Синан-паша сместил с поста янычарского аги Мехмеда и назначил вместо него Йемишчи Хасан-агу. До тех пор назначение и смещение янычарского аги считалось исключительной прерогативой султанов. Впервые эта практика была нарушена, и современниками это было расценено как невероятная дерзость со стороны сердара¹¹⁴. Подобный акт знаменовал собой изменение статуса янычарского корпуса, который можно было рассматривать отныне как обычное наемное войско — терялась важная личная связь между янычарами и правителем.

Известие о захвате турками крепости Тата очень скоро стало известно в столице. Приглашенный на заседание дивана по этому случаю раненый (в руку) янычар, вернувшийся из Венгрии в Стамбул, рассказал везирам об обстоятельствах осады и взятия крепости, назвав при этом невероятную цифру (6 тыс.) пленных христиан¹¹⁵. За неимением иных побед чрезвычайное значение было придано военному событию, прежде считавшемуся рядовым.

Многодневных трудов стоила туркам осада Яныка (*венг.* Дьёр, *нем.* Рааб), где на помощь к осаждающим прибыло войско крымских татар. Крепость на берегу р. Раба беспрестанно обстреливалась из пушек и осадных орудий. Несмотря на это, защитникам ее удавалось совершать частые дерзкие вылазки, наносившие осаждающим большой урон. Из-за этого туркам даже пришлось передислоцировать свои орудия на другой берег неширокой реки и обстреливать крепостные стены с дальних позиций. Отсюда же велся и огонь из мушкетов. Турки неустанно засыпали землей ров, окружавший крепостные стены, однако засыпку размывало водой, поступавшей из Рабы. Наконец, несмотря на сильный огонь противника, нескольким турецким смельчакам удалось соорудить в нескольких местах рва мостики, по которым к стенам сумели подобраться солдаты-землекопы, тотчас же приступившие к рытью подкопов под стены крепости. Произведенные первые же подрывы, однако, лишь слегка повредили стену, и работы были продолжены. Защитники крепости в этих условиях предпочли сдаться, при этом в руки

турок попало большое число неприятельских пушек и боеприпасов¹¹⁶.

В самом конце августа 1594 г. турецкая армия осадила Комаром (нем. Коморн), гарнизону которого было предложено сдаться. Приближение осенних холодов, не позволяло туркам надеяться, что в оставшееся теплое время они смогут овладеть крепостью. Ночные холода всегда являлись большой проблемой для турецкой армии, особенно для янычар. Ибрахим Печеви с горечью сообщает, что ночами траншеи на турецких позициях из-за холода оказывались без охраны — все турецкое воинство стремилось укрыться в теплых палатках, чем неоднократно пользовались защитники города, совершавшие ночные вылазки на опустевшие турецкие позиции и производившие там настоящие погромы. Так, однажды они забили стволы турецких пушек, а в другой раз вытащили турецкую пушку из гнезда и сбросили ее в ров и т. п.¹¹⁷ Во время одной из таких операций солдатами гарнизона было захвачено даже несколько янычар и их офицеров, яябаши, а когда наутро сердар Синан-паша прибыл к месту, где произошел ночной инцидент, защитники Коморна вновь совершили на турок дерзкое нападение, едва не пленив самого главнокомандующего¹¹⁸. Поняв, что до наступления зимы овладеть Коморном не удастся, Синан-паша принял решение снять осаду и отступил с войском к Буде. На это решение во многом повлияли настроения в армии, не желавшей продолжать осаду. Янычары, например, заявили, что отказываются воевать, так как не получили обещанную им прибавку к жалованью¹¹⁹. В Буде сердар оставил зимовать румелийское войско под началом своего сына, а анатолийских сипахи отпустил на зимовку в Секешфехервар.

Закончилась летняя военная кампания 1594 г., и начинались новые события, грозившие Османскому государству крупными внутривластными потрясениями. Назначенный султаном валашским воеводой (господарем) Михай Витязул назанимал у янычар, некоторые из которых весьма успешно занимались ростовщичеством, значительные суммы денег. Однако воевода не смог (или не захотел) отдавать долги. Это вызвало крайнее возмущение янычар, которые во время своего пребывания во дворце во время дивана высказали свои претензии не только против валашского воеводы, но также и против Ферхад-паши, который,

по их словам, предоставлял должности за взятки. В это время в самой Валахии начались беспорядки, вызванные тем, что кредиторы явились к резиденции Михая и потребовали вернуть им их деньги. Господарь отдал приказ разогнать прибывших, и в результате произошедших столкновений многие янычары были убиты, в том числе и те, которые попытались спрятаться в церкви. Лишь немногим из них удалось спастись. Отсюда в Стамбул было послано сообщение о дерзкой акции валашского господаря¹²⁰. Едва ли бы Михай отважился действовать столь радикально, если бы у него уже не существовало плана антитурецкого восстания. По существу, это и было его началом, вернее, прологом событий, в полной мере развернувшихся позднее. 5 ноября 1594 г. князь Трансильвании Сигизмунд Баторий заключил антитурецкий союз с Михаем Витязулом и господарем Молдавии Ароном. К борьбе с турками к ним присоединились и украинские казаки¹²¹.

Мурад III счел вассальные обязательства валашского господаря грубо нарушенными и отдал приказ совершить против него карательный поход, для чего было наскоро собрано войско, в состав которого вошли не участвовавшие в венгерской кампании янычары и придворные сипахи. В армию были призваны также придворные чавуши, мютеферрика, кятибы и пограничные сипахи Никополя и Силистрии. Во главе войска был поставлен бейлербей Мараша Мустафа-паша, получивший в придачу несколько пушек и Ферхад-пашу, который также был назначен для участия в карательной операции. Дело принимало нешуточный оборот, и Михай струсил. Он попытался мирным путем уладить дело, свалив вину за инцидент с янычарами на солдат-мушкетеров, прибывших в Валахию из Польши и Трансильвании, и писал султану, что именно эти «чужаки» были повинны в гибели султанских янычар и что сам он якобы с трудом спасся от них¹²².

Однако все эти объяснения не удовлетворили султана. Войско готовилось к выступлению в Валахию. Придворным солдатам капыкулу было выдано очередное жалование за три месяца, при этом казна едва справилась с этой выплатой при помощи заема на сумму 25 юков акче (2.5 млн. акче)¹²³. Одновременно янычарский ага Йемишчи Хасан подал султану прошение разрешить янычарам, занятым в военной кампании против

Габсбургов, зимовать в Стамбуле, а не в Румелии, где, по его словам, ощущалась острая нехватка продовольствия и царил всеобщая дороговизна. Собственно, большая часть янычар уже находилась в Стамбуле, сбежав в столицу на зиму без всякого разрешения¹²⁴.

Начало 1595 г. ознаменовалось смертью султана Мурада III. 27 января 1595 г. на османский престол вступил его двадцативосьмилетний сын Мехмед (Мехмед III), срочно прибывший в столицу из Манисы. Смена правителя вызвала к жизни целый ряд административных перестановок и принесла придворному войску традиционный коронационный бахшиш. Деньги были выданы из личной казны султана — государственная казна была пуста. Янычарам досталось 55 кесе золотых монет (в кесе было по 10 тыс. монет), которые были высланы в резиденцию янычарского аги¹²⁵. Эту сумму называет в своем труде Мустафа Селяники. Мустафа Али упоминает большую цифру. По его сообщению, во время интронизации янычарам было выдано 66 кесе золотых монет. Скорее всего, это более точная цифра, так как Мустафа Али в это время занимал пост янычарского кяйтиба¹²⁶. Значительные суммы получили высшие офицеры янычарского корпуса: янычарский ага — 100 тыс. акче (в переводе с золотой монеты на серебряную), секбанбаши — 30 тыс. акче, загарджи — по 3 тыс. акче и т. д. Сам Мустафа Али как казначей янычарского корпуса получил 9 тыс. акче, а также почетное платье, оставшись таким подарком весьма недовольным. По его мнению, а он всегда ценил себя, свою службу и мнение очень высоко, ему как человеку, некогда исполнявшему обязанности дефтердаров Багдада и Эрзерума, полагалось гораздо больше. Он не постеснялся сообщить об этом новому султану и получил вместо 9 тыс. 50 тыс. акче¹²⁷. Мехмед III оплатил из личной султанской казны также все долги, которые числились за его умершим отцом. В связи с восшествием на престол нового султана на янычарскую службу было зачислено 1270 новичков, служивших до того в корпусе аджеми огланов¹²⁸.

Мехмед III совершил торжественный выезд на пятничную молитву в Айа Софью, что было одобрительно встречено всем населением Стамбула. В последние два года жизни Мурад III совсем не показывался на публике, по слухам, запуганный своими придворными карликами. «Выедешь, а обратно во дворец

попасть не сможешь. Кулы — в сговоре и сбросят тебя с трона, от чего упаси Всевышний!» — убеждали они страшившегося своих янычар султана¹²⁹.

Вступив на престол, Мехмед III назначил новым великим везиром Ферхад-пашу и сразу же обратил все свое внимание на действия своего непослушного вассала — валашского господаря Михая, отряды которого в 1595 г. начали совершать успешные нападения на посланное еще Мурадом III турецкое карательное войско. Своим указом Мехмед III направил в помощь борьбе с восставшими валахами 3 тыс. янычар во главе с секбанбаши и назначил румелийского бейлербея Хасан-пашу руководить военными операциями против мятежников. Однако очень скоро стало ясно, что к борьбе с валахами следует привлечь сильную армию. Одновременно в Порте усиленно обсуждался вопрос о преобразовании управления в Дунайских княжествах с целью усиления там турецкого контроля и турецкой власти¹³⁰. Однако это обсуждение не привело ни к каким решениям. Османское правительство обратилось к простейшему (и любимому им) средству решения политических проблем — военному усмирению восстания. Такое решение было принято на созванном султаном расширенном заседании дивана. Оставалось уговорить принять в этом участие придворных сипахи, которые, вернувшись из Венгрии, не торопились отправляться в новый поход, требуя выдачи бахшиша и грозя бунтом. Их пытались увещевать, убеждали в «непатриотичности» такого поведения, наносящего урон «чести и достоинству веры и государства», объясняли недопустимость «неповиновения эмиру» и наконец отправили к улемам, обратившись к единственному непреложному авторитету и последнему средству. Однако между бунтующими и шейхульисламом согласия достигнуто не было. При этом сам шейхульислам не спешил издавать фетву, осуждающую поведение сипахи, не рискуя своим религиозным авторитетом, так как было ясно, что сипахи не послушаются и в случае издания фетвы, а может быть, и опасаясь за свою жизнь.

Правительству ничего не оставалось, как пойти на уступки мятежникам. Для них к дворцовым воротам были вынесены мешки с монетой. Однако придворные сипахи не притрунулись к ним, предъявив новое требование, — сместить с поста сердара Ферхад-пашу, якобы оскорбившего их во время текущего

конфликта. Сердару приписывали слова, с которыми он будто бы обратился к сипахи: «Жены ваши порожни, а сами вы — гяуры» (по тогдашним понятиям — жесточайшее оскорбление). Толпа разъяренных сипахи стояла у дворцовых ворот (Мустафа Али пишет, что дело происходило около мечети Айа Софья) в окружении придворных и улемов, готовая взяться за камни. Вскоре камни и в самом деле полетели в головы сановников, которые поспешили сесть на лошадей и удалиться. Только тогда к бунтовщикам была применена сила — янычарский ага отдал приказ своим янычарам разогнать бунтующих с помощью дубинок¹³¹. Бунт сипахи был подавлен. Янычары явились единственными спасителями и защитниками интересов трона, за что получили 120 тыс. акче. Десять офицеров корпуса, кроме того, были одарены «почетным платьем»¹³².

Тот факт, что бунтовщики не удовлетворились выданными им деньгами и потребовали смещения Ферхад-паши, похоже, оправдывало возникшее подозрение, что за их спиной стоял смещенный с поста великого везира и сердара Синан-паша. В столице открыто говорили, что бунт был поднят его сторонниками. После подавления его Синан-паша, в это время находившийся неподалеку от Стамбула, отправился в Малкару¹³³, смирившись со своей отставкой. Таким образом, по-видимому, можно говорить о том, что с этого времени придворное войско почти открыто начало использоваться в борьбе за власть влиятельными сановниками столицы. Любопытно и то, что придворное войско на жалованье не представляло собой монолитного целого. В данном случае янычарам противостояли придворные сипахи, и одна группа была использована правительством для борьбы с другой.

Приближались конец весны 1595 г. и открытие нового сезона военных кампаний. Великий везир Ферхад-паша, являвшийся и сердаром объявленного похода против мятежной Валахии, начал готовиться к выступлению из столицы. Военные действия в Венгрии решено было на время приостановить. Основную часть недавно бунтовавших сипахи отправили в гарнизоны венгерских городов — Буду, Эстергом, Темешвар, в то время как с Ферхад-пашой к границам Валахии отправилось лишь два бёлюка сипахи¹³⁴. В валахской карательной экспедиции должны были также принять участие сипахи 14 бей-

лербейств. Однако проверка, устроенная доверенными лицами султана, установила, что из 40—50 тыс. сипахи, записанных в поход, явилось не более 4 тыс. Проверяющие доложили султану, что «никто не выполняет приказы командующего». Все это внушало мало веры в военный успех Ферхад-паши.

На созванном Мехмедом III совете было высказано мнение о необходимости послать в поход янычарского агу с целью поддержания дисциплины среди янычар. О янычарах, их недисциплинированности, отказах выполнять свои военные обязанности на совете говорилось особенно много. Отмечалось их стремление уклониться от военной службы, о проникновении в янычарскую среду «чужаков», т. е. лиц, незаконно зачисленных в ряды янычар, без положенной предварительной службы и подготовки. Шла речь и о падении авторитета религии и представителей султанской власти¹³⁵.

Между тем ситуация в Валахии продолжала складываться для турок на редкость неблагоприятно. Отряды, составленные из воинов Трансильвании, Польши, Валахии и Молдавии, совершали нападения на пограничные турецкие земли, подвергая их грабежу и пожарам. 20 мая и 30 июня 1595 г. в Дьюлафехерваре были подписаны договоры, по которым господарь Валахии Михай и господарь Молдавии Штефан Резван признали сюзеренитет Трансильвании. Чуть ранее обещание помочь сложившейся антитурецкой коалиции войсками и деньгами дал австрийский Габсбург Рудольф II¹³⁶. Последний был особенно заинтересован в антитурецкой лиге в Придунавье, так как борьба с ней отвлекала силы султана от венгерского театра военных действий, где находился главный интерес австрийской короны.

Как результат этих антитурецких действий в Стамбуле появились первые беженцы, рассказавшие о бесчинствах христиан, творимых на подвластных туркам землях. Секбанбаши, которого ранее направили с несколькими тысячами янычар для охраны границы, не смог оказать серьезного сопротивления инсургентам, так как большинство янычар попросту разбежалось. Чтобы заманить беглецов обратно на военную службу, Ферхад-паша объявил о выдаче янычарского жалованья и денежного пожалования — *инама* — в том месте, откуда дезертировали янычары. На помощь сердару из столицы был готов отправить-

ся янычарский ага, чтобы навести хоть какой-то порядок среди своих подопечных.

В начале июля 1595 г. румелийскому бейлербею Хасан-паше удалось отразить нападение отряда инсургентов, подошедшего к Видину, и затем соединиться с силами пришедшего к Рущуку сердара Ферхад-паши. Признать такую скорость передвижения турецкого войска быстрой можно было с очень большой натяжкой. Подготовка к выступлению и марши турецкой армии к театру военных действий занимали все больше и больше времени. Между тем войско поджидала новая напасть. В то время как сердар Ферхад-паша наблюдал за сооружением моста через Дунай, чтобы войско могло переправиться в Джурджу, к его расположению спешил гонец с приказом о смещении главнокомандующего. Его сопернику Синан-паше все же удалось устранить конкурента, и он был назначен великим везиром и сердаром вместо Ферхад-паши. В столице шли новые назначения, сторонников Ферхад-паши бросали в тюрьму замка Йеди Куле. Шейхулислам издал фетву, признававшую недопустимой слова, брошенные Ферхад-пашой в адрес сипахи во время их бунта. По слухам, появление этой фетвы стоило Синан-паше 30 тыс. акче¹³⁷. А вскоре Ферхад-паша, несмотря на все усилия своих покровителей при дворе, был казнен.

Однако смена командующего не принесла желанного успеха турецкому оружию, как не помогла и посылка в Румелию тысячи сирийских янычар. Лишь в августе 1595 г. новый сердар Синан-паша смог переправиться с войском через Дунай и направился по дороге в сторону Бухареста. На всем протяжении своего пути турецкое войско подвергалось неожиданным нападениям вооруженных огнестрельным оружием всадников Михая. Отражение этих атак, предпринимаемых из засад, и особенно преследование атакующих, затруднялось тем, что путь пролегал через сильно заболоченные или лесистые области. В условиях партизанских действий противника турки не имели возможности в полной мере задействовать свою конницу и использовать артиллерийский огонь. Во время одного из преследований неприятеля погиб в болоте румелийский бейлербей, был ранен Сатырджи Мехмед-паша, которого собирались назначить бейлербеем Валахии. Едва не погиб в болотной трясине и сам сердар Синан-паша, свалившийся с лошади¹³⁸.

Несмотря на все эти трудности и потери, турецкая армия вступила наконец в Бухарест, который не оказал ей сопротивления. Синан-паша немедленно отдал приказ о совершении набегов на окрестные земли с целью «подкормить» войско и утратить население. Затем турецкая армия двинулась в сторону Тырговиште и, войдя в город, осталась там на целый месяц. Здесь было решено поставить турецкий гарнизон под началом нескольких санджакбеев, в том числе санджакбеев Кюстендила и Дельвины. Однако у последних не было никакого желания оставаться в глубине вражеской территории в составе гарнизона. Ибрахим Печеви пишет, что беи албанских Авлоньи (алб. Влёра) и Дельвины просили Синан-пашу, албанца по происхождению, освободить их от этой службы и получили на это его согласие. Это вызвало недовольство сипахи Кюстендила, заявивших, что и они не останутся в Тырговиште. Синан-паша отдал приказ казнить бунтовщиков. Палачами было предложено выступить придворным сипахи. За это им обещали передать тимары и зеаметы, принадлежащие казнимым. Однако сипахи отказались выполнять этот приказ, а кюстендилцы так и не согласились составить гарнизон Тырговиште. Сердар был вынужден смириться. Во время возвращения из Валахии турецкая армия вновь подверглась неожиданным нападениям солдат Михая. Валашский воевода действовал с помощью небольших отрядов (в несколько сот человек), устраивавших засады в болотистых и лесистых местах. Во время одного из таких нападений румелийская конница, состоявшая из пяти-шести тысяч всадников, попыталась преследовать отряд неприятеля в триста человек, но вернулась назад со многими ранеными, потеряв во время этого рейда также много убитых¹³⁹. Конница Михая имела огнестрельное оружие и умело им пользовалась. Турецкие же всадники сражались по старинке, имея при себе лишь холодное оружие, которое не имели возможности применить из-за плотного огня противника. Вскоре Синан-паша получил известие о гибели оставленного в Тырговиште турецкого гарнизона. Еще одна неприятность ждала турецкую армию при переправе через Дунай. Нападение воинов Сигизмунда Батория и Михая у моста через Дунай вызвало среди турок такую панику, что, побросав пушки и боевое снаряжение, они в невероятной спешке и давке начали

перебираться на другой берег реки¹⁴⁰. При этом значительная часть турецкой армии погибла.

Это была бесславная кампания. В августе—октябре 1595 г. трансильванское войско под руководством Дьёрдя Борбея, пользуясь отсутствием турецкой армии в Венгрии, освободило от турок 13 пограничных пунктов на линии Марош (Мурешул)—Липпа. В октябре 1595 г., как уже указывалось, турки потерпели поражение у Джурджево¹⁴¹. Воспользовавшись тем, что они увели свою армию в Валахию, австрийцы начали осаждать Эстергом (в конце августа 1595 г.), который защищали воины нескольких турецких бейлербеев. На помощь им был послан сын Синан-паши, действовавший исключительно неумело и трусливо. Его воины, не добившись успеха, во время возвращения в Буду, подверглись внезапному нападению неприятеля и были почти полностью перебиты. Что касается Эстергома, то турки были вынуждены сдать крепость в сентябре 1595 г. Вошедшие в город австрийцы первым делом разрушили все сооруженные здесь турками мечети¹⁴².

Венгрия стала местом гибели нескольких турецких бейлербеев, принявших участие в войне с Габсбургами¹⁴³. Впервые было нанесено несколько болезненных ударов по утвердившемуся среди турок представлению о непобедимости мусульманского оружия. Мехмед III предпринимал энергичные и непривычные для султанов меры по отправке в армию всех уклоняющихся от похода. По городу шел розыск «уклонистов». Найдя, их либо снимали с жалованья, либо отправляли в поход. Вынужденные отправиться к театру военных действий, в ответ они платили бесчинствами и разбоем по пути следования¹⁴⁴. Султан и его окружение по-прежнему полагали, что военные неудачи объясняются лишь недостаточной численностью войска и нехваткой денег для выплаты ему жалованья. К границам мешками начали высылаться золотые и серебряные монеты, чтобы исправно платить войску. Однако это мало помогало да и не могло помочь в полной мере. Дело было не в плохой материальной обеспеченности турецкого войска или его малой численности, а в неумении воевать по-новому, в утрате воинской дисциплины и, ввиду частых поражений, нежелании выполнять военные обязанности. Безнаказанность и слабость власти порождали еще больший хаос и военное бессилие.

Сдача турецким гарнизоном Эстергома заставила Мехмеда III отправить в Венгрию новое войско под командованием везира Чагала Синан-паши. Эта смена командующего, однако, породила в войске пересуды о том, почему сам султан не желает встать во главе своей армии. Когда янычарский ага Йемишчи Хасан в полковой мечети Орта джами призвал своих янычар выступить в поход, в ответ они пожелали узнать, почему во главе войска не встает сам султан. При этом они ссылались на пример старого и больного султана Сулеймана, который, пусть и в повозке, но все же лично возглавил поход в Венгрию. Янычарский ага затруднился с ответом, а уже на следующий день, явившись в диван, янычары выразили свое неудовольствие по поводу неучастия Мехмеда III в военной кампании, в знак чего отказались есть приготовленную для них традиционную похлебку.

Настроение представителей религиозного авторитета в столице также оставляло желать лучшего. После того как в мечети Сулейманийе ваиз (проповедник) прочитал привычные толкования Корана и хадисы — предания о словах и деяниях Мухаммада, один из присутствовавших в мечети улемов начал горячо говорить о том, что султан уклоняется от похода за веру в то время, когда «неверные захватывают жен мусульман». Он обвинил ваиза в отсутствии у него истинной веры и призвал мусульман к сопротивлению. Огромная толпа наэлектризованных его речью верующих двинулась из мечети к резиденции шейхульислама, возбуждая, по словам Мустафы Селяники, любопытство горожан и «насмешки неверных». Явившись к дому главного муфтия, толпа потребовала издания фетвы относительно тех, кто уклоняется от участия в походе. Шейхульислам был полностью блокирован в своем доме и был вынужден издать фетву, призывающую султана употребить все меры для укрепления мусульманского войска¹⁴⁵.

Кажется, это было первое в Османском государстве массовое выступление, призывающее к «защите мусульманского отечества». Неудачи турецкого оружия заставляли турок вспомнить героические времена успешных войн за веру (газа) и призывать к их возрождению. Превосходство ислама, мусульман над неверными, представлялось само собой разумеющимся. Между тем впервые в османской истории «теория» вступала

в противоречие с практикой. Ислам в лице турецкой армии терпел поражения и чувствовал себя униженным.

Настроения в столице заставляли правительство действовать более энергично. Янычарский ага получил приказ отправиться в Буду. Однако в полковой мечети янычары заявили, что отправятся в Венгрию только под предводительством самого султана. К янычарскому аге неожиданно явился один из везиров, Ибрахим-паша, зять Мехмеда III, и попросил Йемишчи Хасан-агу немедленно созвать совет янычарских старейшин и одабаши, на котором попытался образумить янычар, по-прежнему требовавших от Мехмеда личного участия в походе. Он утверждал, что султан не должен возглавлять свою армию при столь незначительных военных обстоятельствах. Что касается янычар, то они воспользовались представившимся случаем и высказали свое недовольство общим положением дел в государстве. Затушив свечи и светильники, чтобы нельзя было увидеть лиц говоривших, они высказали свое мнение относительно причин происходящих военных неудач. По их словам, был нарушен прежний строгий порядок предоставления дирликов (тимаров и зеаметов), особенно в приграничных областях, где прежде исправно несли пограничную военную службу тимариоты и займы. Эти дирлики переходили к ним из поколения в поколение, и сипахи постоянно находились в предназначенных им местах на границе, в любой момент готовые присоединиться к армии, прибывающей из столицы. Янычары заявили, что в прежние времена во время походов их всегда встречало сильное пограничное войско, сражавшееся с ними бок о бок. Теперь же, по мнению янычар, границы стояли пустыми. Тимары и зеаметы пограничных сипахи перекочевали в руки столичной знати, живущей вдали от своих поместий. В этих условиях одним янычарам, никогда не получающим жалованья вовремя, невозможно победить врага. Основы Османского государства поколеблены, законы не исполняются, все в государстве делается за взятки — таков был вердикт офицеров янычарского корпуса, отказывавшихся подчиниться своему аге Йемишчи Хасану¹⁴⁶.

Речь офицеров армии является любопытным свидетельством их активного отношения к происходящему, способности к анализу того, что касалось их военной службы и государ-

ственных интересов. Сплоченность янычар к этому времени была уже столь велика, что заставляла верхи и султана учитывать их мнение и настроения.

Мехмед III подвергся двойному давлению — со стороны мусульманского духовенства, призывавшего его вспомнить о газавате, и со стороны своего янычарского войска. Когда в Старом дворце султан присутствовал на проповеди ваиза из мечети Айа Софья, проповедник счел необходимым затронуть злободневную тему — последние военные поражения турок в Венгрии. Ваиз говорил о потере крепостей, завоеванных дедами царствующего монарха — султаном Сулейманом. Все свидетельствовало о том, насколько сильно общественное мнение было настроено в пользу участия в походе самого султана, и он объявил, что весной 1596 г. выступит в Венгрию во главе своей армии¹⁴⁷.

Риск был велик. Поражение турецкого войска, возглавляемого султаном, было бы сочтено крайним его унижением и грозило падением авторитета верховной власти. Однако, похоже, у Мехмеда не было иного выбора. Янычары наотрез отказывались выступать в поход без султана, что само по себе крайне дестабилизировало обстановку в столице.

Начались приготовления к новой летней кампании. Закупались вьючные животные для перевозки багажа, большое количество продовольствия, боевое снаряжение. На все это были потрачены огромные средства из личной казны султана, исчислявшиеся сотнями тысяч золотых. Сухопутные действия армии должны были быть поддержаны морскими операциями османского флота. К венгерской границе с набранным войском был отправлен Джафер-паша. Между тем столица продолжала полниться слухами о поражениях, которые терпело войско сердара Синан-паши. В Стамбул непрерывно прибывали многочисленные раненные из придворного войска, привозившие малоутешительные новости. Мехмед III поддался всеобщим настроениям и сместил Синан-пашу с поста великого везира, объявив первым везиром дивана Лала Мехмед-пашу, турка по рождению, сына одного из займов Саруханского вилайета¹⁴⁸.

Впрочем, новый великий везир был тяжело болен и государственными делами занимался зять султана — Ибрахим-паша¹⁴⁹. Ему приходилось выслушивать неутешительные вести с Дуная

и из Венгрии. Один из прибывших в конце ноября 1595 г. из венгерской провинции займов заявил, что в приграничных областях совершенно нет сипахи, что гарнизонным солдатам не выплачивается жалование, и это, по его мнению, является причиной нынешних неудач мусульман¹⁵⁰. Высокопоставленные улемы столицы убеждали султана в необходимости наказать смещенного с поста Синан-пашу и взыскать с него убытки, которые понесла армия в результате его дурного военного руководства¹⁵¹.

Однако у Синана были сильные покровители при дворе. Когда неожиданно для всех умер только недавно назначенный великим везиром Лала Мехмед-паша, его печать вновь оказалась в руках Синан-паши. На созванном расширенном совете государственных сановников был заслушан отчет Синан-паши о его действиях в Валахии и обсуждено положение дел в казне. В качестве причины непоступления доходов на совете было названо полное разорение крестьянства¹⁵². Посланный в сентябре 1595 г. с инспекцией вилайета Рум (Центральная Анатолия) Мустафа Али писал, что был потрясен увиденным. В одной из посещенных им деревень у крестьян, за которыми некогда числилось 400—500 коров, осталось несколько худых и обессилевших от бескормицы животных. Такое положение, по его мнению, не могло не сказаться на доходах как сипахи — тимариотов края, впавших в бедность, так и торговцев. Он был свидетелем того, как крестьяне сами впрягались в плуг или вручную взрыхляли землю с помощью какого-нибудь подсобного средства. Повсюду, где бы ни побывал Мустафа Али, он был свидетелем невиданного падежа скота:

От пахоты вручную какой узрешь толк?
Получишь ли от этого какой-нибудь доход?
Из этого да будет извлечен урок,
Иначе бунт нам уготовит рок!¹⁵³

Так оценил в стихах увиденное османский историк и чиновник.

На состоявшемся султанском совете было высказано предложение выплатить войску очередное жалование, на что требовалось 300 юков акче, сделав заем в 1000 юков акче. Выслушав

это, султан Мехмед молча поднялся и покинул помещение дивана. Совет происходил в конце декабря 1595 г. — в это время в казне было всего 23 юка акче¹⁵⁴.

Через два дня после состоявшегося совета с участием султана великий везир Синан-паша пригласил к себе верхушку столичного духовенства, чтобы обсудить вопрос о предстоящем походе с участием султана. Улемов более всего беспокоил вопрос о материальном обеспечении войска, которое, как они полагали, было единственной гарантией успеха военного предприятия. А успех был крайне необходим для укрепления авторитета верховной власти. Улемы советовали великому везиру отправляться в поход лишь в том случае, если предстоящий год окажется урожайным и доходным¹⁵⁵.

Между тем, обдумав вопрос о займе, султан выдал в долг государственной казне 750 тыс. золотых из своей личной казны.¹⁵⁶ Всего через несколько месяцев в счет частной уплаты этого долга было полностью конфисковано имущество умершего великого везира Синан-паши. При этом безжалостно было забрано все его личное имущество — вплоть до кухонной утвари и продовольственных запасов, имевшихся в доме. Но не это было главным богатством Синана. При конфискации у него было обнаружено 600 тыс. золотых и серебряных монет, 29 мешков с драгоценностями (в том числе дорогое, украшенное драгоценными камнями и металлами оружие)¹⁵⁷.

С появлением денег началась активная заготовка фуража и продовольствия для перехода войска из столицы в Венгрию. Было выплачено очередное жалованье придворному войску, посланы деньги на выплату жалованья солдатам гарнизонов в венгерских землях. Новшеством при этом явилось то, что посланный с деньгами придворный капыджи Вели-ага, прибыв в Буду, заявил, что выплатит жалованье не по списочному составу, зафиксированному в дефтерах, а только тем, кто действительно несет военную службу. Это заявление вызвало взрыв негодования у янычар. Их офицеры — чорбаджи — подверглись нападению, у них отняли мешки с монетами, и выдача жалованья произошла по заведенному обычаю — по списочному составу. Узнав о случившемся, султан сместил с поста янычарского агу Йемишчи Хасана и назначил вместо него Вели-агу, вознаграждая его за попытку сберечь казну и навести порядок

в деле выдачи янычарского жалованья¹⁵⁸. Описанный инцидент показывает, что реальное число гарнизонных янычар значительно отличалось от количества тех, которые числились в казначейских дефтерах. При этом ясно, что деньги выплачивались по списочному составу в пользу действительно служивших.

Примерно в это же время в столицу из Венгрии прибыл один из командиров придворных сипахи, Али-ага, который жаловался на то, что из 10 тыс. янычар, которым было положено нести охрану границ, едва имеется тысяча, и все они, служащие в гарнизонах, притесняют местное население и занимаются вымогательствами и грабежами. Те же из них, кто ушел на зимовку в Стамбул, заняты спекуляциями — скупкой и перепродажей. Досталось в этой критике и пограничным бейлербеям, которых Али-ага обвинил в поборах с пограничных тимариотов и заимов. Он назвал и установленную таксу — 5 золотых (алтунов) с каждой тысячи акче записанного за тимаром или зеаметом дохода. Получив эти деньги, бейлербеи, по его словам, разрешали сипахи покидать границы и уезжать на зиму в свои родные места. Али-ага заявил также, что занятые турками крепости в Венгрии не имеют достаточно сил обороняться по той причине, что гарнизонные солдаты уже три года не получают положенного им жалованья и не имеют возможности купить для себя необходимое продовольствие¹⁵⁹. Кризис был налицо: туркам не хватало средств, чтобы обеспечивать сохранность своих завоеваний.

Встретившись с приехавшим агой и выслушав его доклад, Мехмед III отдал приказ об отправке в Венгрию 4 тыс. придворных сипахи и 4 тыс. янычар¹⁶⁰. Однако те уже привычно не спешили покидать столицу, заявив, что они отправятся к театру военных действий, только вместе с султаном, а не с назначенным для этого везиром Джеррах Мехмед-пашой¹⁶¹. Придворные сипахи действовали так же, и столь же безнаказанно. Воспротивившись назначению в один из их бѐлюков кятиба, произведенному самим султаном, сипахи явились к великому везиру и настояли на отмене султанского указа¹⁶² из опасения, что могут вскрыться многие несоответствия в дефтерах, служащих для выплаты им жалованья.

Султан пытался, грозя изгнанием из рядов придворного войска, отправить свою непослушную армию в Венгрию. Мно-

гие, внешне подчинившись и выехав за пределы города, вновь возвращались обратно. Те же, кто был зачислен в армию добровольцами, заявляли, что отправятся в поход, только когда будут зачислены на жалованье и получают прибавку¹⁶³.

Между тем обстановка на границе с Валахией и Венгрией становилась для турок угрожающей. Австро-венгерские силы летом 1596 г. собирались развить свои военные успехи. Венгерское население, враждебно относившееся к расквартированным на их землях турецким солдатам, припрятывало или отказывалось продавать им продовольствие. В то же самое время жители Венгрии оказывали всяческую поддержку австро-венгерским отрядам, как сообщали в своих донесениях в Стамбул турецкие наместники в Венгрии¹⁶⁴.

Не были завершены дела и связанные с восстанием под руководством валашского господаря. Румелийский бейберлей Хасан-паша сообщал, что вокруг Михая собираются и группируются вооруженные отряды¹⁶⁵. Одновременно Михай пытался вести переговоры с султаном, добиваясь его прощения. В конце концов прощение это было получено, так как было ясно, что невозможно вести военные действия в Венгрии, не имея надежных тылов в Валахии.

Бейлербей Буды посылал в столицу одно тревожное сообщение за другим. Он извещал султана о готовящемся нападении австрийцев на будийскую крепость и просил прислать помощь войском и продовольствием. В столице высказывались опасения, что плохо обеспеченные турецкие гарнизоны в Венгрии не смогут оказать сопротивления неприятелю, что может привести к полной потере венгерских земель. В конце концов в Буду были высланы деньги на выплату жалованья гарнизону, при этом вновь пришлось взять деньги из личной казны султана, из которой на этот раз было выдано 100 тыс. алтунов¹⁶⁶. В заботах об обеспечении армии на западных границах были забыты восточные границы государства, между тем правитель Нихавенда жаловался султану, что его солдаты уже 5 лет не получают жалованья¹⁶⁷.

Планируя свое участие в походе в Венгрию, Мехмед III пытался обезопасить свои восточные границы. Назначенный бейлербеєм Эрзерума Мустафа, сын весьма влиятельной женщины в султанском дворце, Разийе-хатун, получил инструкцию отно-

сительно охраны восточных границ силами не занятых в венгерском походе бейлербеев, санджакбеев и сипахи. Его предостерегали от попыток каких-либо самочинных действий, могущих привести к нарушению мирного договора с Ираном¹⁶⁸. Султан опасался войны на два фронта.

При подготовке похода в Европу, был проведен ряд финансовых мер, которые должны были улучшить материальное обеспечение армии. Так, Мехмед увеличил налоги на лавочников, вызвав тем самым их резкое недовольство. Во второй половине марта 1596 г. депутация стамбульских торговцев обратилась к выезжавшим из дворца после очередного дивана везирам с жалобой на новый налог, получивший название «кассаб-и зийан» (букв. «убытки мясников»). Речь шла о сборе, деньги от которого предполагалось направить на компенсацию убытков столичных мясников, поставлявших мясо янычарам по сниженным ценам. Дотации правительства все время росли вместе с ростом цен на мясо. Чтобы выплачивать их, правительству несколько раз пришлось увеличивать сбор «кассаб-и зийан», взимая деньги с торговцев-евреев и христиан Эдирне, Бурсы и Стамбула. Придя к власти, Мехмед III приказал переписать дюкканов (лавок) и обложить их ежегодным налогом в 40, 80 или 120 акче — в зависимости от доходов торговцев. Лавочники просили отменить введенную подать, указывая на свое бедственное материальное положение, связанное со всеобщим повышением цен и отсутствием достаточных доходов¹⁶⁹. Остается неизвестным, была ли удовлетворена просьба депутации торговцев.

Цены в Стамбуле действительно постоянно росли. Мустафа Селяники указывает, что до лета 1596 г. в течение года цены держались примерно на следующем уровне: хлеб весом в 100 дирхемов (около 300 г) стоил 1 акче, 1 окка мяса (1 кг 225 г) — 12 акче, киле (40 л) ячменя — 40 акче. Весной 1598 г. цена окка мяса составляла уже 32—35 акче¹⁷⁰. Тенденция к повышению цен наблюдалась и в предшествующий период, начиная с третьей четверти XVI в. К этому следует добавить ухудшившееся качество ходовой серебряной монеты — акче, содержание серебра в которой неуклонно снижалось. Баш дефтердар (главный казначей) Эль-Хадж Ибрахим-паша предложил провести проверку качества монеты, поступившей в виде налогов

из Кипра в апреле 1596 г. в 30 юках, мешках, каждый из которых содержал по 100 тыс. акче. Обнаруженные в большом числе неполноценные монеты были отосланы обратно с требованием их замены¹⁷¹. Войско неоднократно отказывалось брать монеты плохого качества при получении жалованья.

К финансовым трудностям добавилась социальная смута. В марте 1596 г. султанские эмиссары были посланы для закупки скота на продовольствие в Караманский вилайет. После недавно пережитой засухи и падежа скота подобные закупки вызывали недовольство местного населения, чем смог воспользоваться один из беев туркменского племени давуудлу. Он объявил себя потомком сельджукских султанов Коньи и оповестил население вилайета, что дарует милости и справедливое правление населению как независимый правитель области Караман. Самозванец получил поддержку значительной части караманцев. Он и собравшиеся вокруг него сторонники отнимали угоняемый султанскими эмиссарами скот. Бунтовщиками составлялись также планы нападения на караван, перевозивший в столицу египетскую казну. Все это заставило правительство объявить о поимке смутьяна и высокой награде тому, что доставит самозванца в столицу¹⁷².

Данный эпизод показывает, сколь долго сохранялась в Караманском вилайете политическая память о государственности Румского султаната, о былой независимости Караманского бейлика. Особенно ярко это проявилось при ухудшившихся экономических условиях. Реквизит скота — главной ценности полукочевых племен Анатолии — создавал благоприятную почву для успеха политических притязаний, при которых весьма важным было объявление о своем мнимом или действительном родстве с царствующей династией. Указанный политический эпизод оказался провозвестником политических событий, которые очень скоро после этого разразились в Османском государстве, сотрясая его социальные и политические основы.

Подготовка к походу близилась к концу. В ритуал ее вошла раскройка боевых султанских знамен, которая состоялась в торжественной обстановке во дворце с приглашением виднейших шейхов столицы. Процедура сопровождалась молебном во славу будущих побед ислама¹⁷³. Однако, уповая на покровительство Аллаха в ратном деле, султан не забывал о зем-

ном обеспечении успеха предстоящего похода. В конце апреля 1596 г. он выдал из своей личной казны 620 тыс. золотых монет для покрытия походных расходов. Для участия в походе был вызван со своим войском крымский хан, которому Мехмед послал, помимо 30 тыс. золотых, драгоценную саблю и богатое почетное платье¹⁷⁴.

Все заботы правительства сосредоточились вокруг финансов. Чиновники изыскивали средства для экономии государственных расходов. Мукабеледжи (кятиб, ответственный за сверку дефтеров) придворных сипахи Молла Касым-эфенди объявил в бёлюках, что назначит прибавку к жалованью в одно акче тем, кто сообщит об умерших сипахи, продолжающих числиться в дефтерах (за «мертвые души» кто-то по-прежнему получал отпускаемое казной жалованье). По подсчетам Касым-эфенди таких «мертвых душ» среди придворных сипахи было не мене 700—800 человек¹⁷⁵. Учитывая, что дневное жалованье сипахи составляло в это время 40—50 акче в день¹⁷⁶, годовая экономия казны, в случае успеха мероприятия, могла бы составить значительную сумму. Судя по тому, что мукабеледжи был одарен почетным «платьем», ему удалось успешно осуществить задуманную им финансовую меру. Подобная же акция по выявлению «мертвых душ» в янычарском корпусе и корпусе аджеми огланов была проведена янычарским кятибом Френк-бей-оглу Мехмед-беем¹⁷⁷. Подобное радение финансовых чиновников о делах казны было поистине удивительно в обстановке всеобщего казнокрадства и взяточничества. Крали под носом у самого султана. Так, за руку были пойманы два хранителя казны, пытавшиеся присвоить себе хранившиеся там отрезки дорогих тканей. Виновных казнили, а произведенное расследование выявило и других расхитителей, которых изгнали из казнохранилища, лишив жалованья¹⁷⁸. Финансовыми злоупотреблениями отличались многие султанские чиновники. Все незаконно нажитое хранилось в их домах. Сообщениями об их казнях и конфискациях огромных богатств пестрит труд Мустафы Селяники, который подробно называет суммы найденного в тайниках опальных сановников.

Во время подготовки к походу 1596 г. янычары выставили свои дополнительные особые требования. Они заявили, что выступят лишь в том случае, если будут соблюдены старинные

традиции: если во время походного марша они будут шествовать непосредственно впереди султана. Это было вовсе не пустячное требование. Близость к особе султана издревле указывала на особый статус и почет, которым пользовались янычары. Между тем с увеличением численности дворцовых слуг (их давно было более тысячи, — в их числе чавуши, мютефферика, чашнигиры и прочие придворные служители, занявшие высокое положение в придворной иерархии) положение янычар в иерархической цепочке изменилось. Многие из дворцовых слуг давно жили не на жалованье, а с доходов полученных тем или иным путем тимаров и зеаметов. Естественно, их выросший придворный статус отразился и на придворном церемониале, в частности на их местонахождении в султанской свите во время процессий. Между тем янычары требовали восстановления древних порядков и заявляли, что не пойдут впереди султанских придворных — только впереди самого султана¹⁷⁹.

Трудно сказать, до какой степени этот вопрос волновал янычар и был ли он для них столь важным, чтобы открыто проявлять свое недовольство. Гораздо более их волновало в это время другое. Шел священный для мусульман месяц рамазан, месяц строгого дневного поста верующих, и правительство активно боролось с деятельностью питейных домов — мейхане, бывших излюбленным местом времяпрепровождения для солдат придворного войска. Невзирая на святость месяца и его строгие запреты, янычары по-прежнему охотно посещали эти питейные заведения, приводя туда женщин легкого поведения. На этот раз правительство действовало сурово. С наступлением рамазана было поймано и публично казнено пять таких городских гетер, обнаруженное вино уничтожено, а двери заведений заколочены¹⁸⁰. Недовольные янычары отомстили за это стамбульскому субаши, полицмейстеру столицы, разграбив его дом при тушении очередного пожара¹⁸¹.

Наступил июнь, а султан все еще готовился к выступлению из Стамбула. Город наводнили участвующие в походе тимароты, заимы, санджакбеи и бейлербеи. Улицы столицы были запружены людьми и лошадьми. Лавочники, опасаясь грабежей, старались не открывать дверей своих заведений. Подорожал ячмень, служивший кормом для лошадей. Но наступил торжественный момент, и турецкая армия с невероятной тор-

жественностью и помпой выступила из Стамбула. По обычаю, остановились на поле Давуд-паша под стенами Стамбула, где походный лагерь посетила султанша-мать и члены султанской фамилии, в том числе дети султана. Августейшая особа и ее свита проявили царственную щедрость, бросая в толпу янычар и сипахи новенькие золотые и серебряные монеты¹⁸². Наконец 21 июня 1596 г. армия двинулась по дороге к Белграду. Султана сопровождали все везиры, в том числе духовный наставник и советник Мехмеда III Саадэддин¹⁸³.

Прибыв в Белград, султан наказал за сдачу австрийцам Эстергома Мехмед-пашу. Всё его имущество было конфисковано, а сам он заключен в тюрьму. Таким же образом был наказан — за «небрежение и халатность» — чиновник финансового ведомства Али-чавуш, ответственный за заготовку продовольствия для армии. Его было приказано повесить на городских воротах. Однако дело до казни не дошло. Вскоре оба провинившихся были прощены и выпущены из тюрьмы. Во время содержания Али-чавуш под арестом в его стамбульском доме был произведен обыск. (Кто-то донес, что в результате его деятельности в венгерских землях в его дом поступило 10 тыс. золотых монет и драгоценности.) Однако никаких денег и ценностей у него дома не нашли¹⁸⁴.

В Белграде, где сделала остановку турецкая армия, состоялся большой султанский совет, на котором решался вопрос о том, на завоевание какой венгерской крепости предпочтительнее отправить войску во главе с султаном. Чагала-заде Синан-паша предлагал осадить крепость Комаром, расположенную на берегу Дуная западнее Эстергома. Захват этой крепости, по его мнению, позволял контролировать речные коммуникации по всему среднему и нижнему течению Дуная. Остальные члены совета решительно возражали против такого плана, опасаясь, что турецкой армии не удастся овладеть этой хорошо укрепленной крепостью, и предлагали вместо этого отправиться на захват Эгера (к северо-востоку от Буды)¹⁸⁵. Для укрепления своего авторитета турецкому султану требовалась только победа.

Таким образом, разработанного плана похода до этого времени не было. Мехмеду требовалась консультация лиц, хорошо знакомых с оперативной ситуацией на месте. К тому же турки

обычно тщательно скрывали конкретную цель своих походов, желая избежать утечки важной военной информации. В данном случае плана, составленного хотя бы и втайне, не существовало. Уже на месте выбиралась цель послабее — Эгер.

Начало переправы турецкой армии во главе с султаном на противоположный берег Дуная оказалось сопряжено с неприятностями. Вызвавшиеся сооружать мост через реку янычары немедленно потребовали для себя денежного вознаграждения и, не получив согласия на свое требование, работали медленно и спустя рукава. Мехмед-паша получил приказ от султана отстранить от работы всех нерадиво работающих и продолжить строительство с помощью других людей, что и было сделано. Однако недовольные янычары напали на людей, привлеченных Мехмед-пашой, и на него самого, так что он едва спасся бегством. Заканчивали сооружение моста уже янычары, а незадачливый сын великого везира Синан-паши был оставлен, во избежание возможных будущих неприятностей, мухафызом (комендантом) Белграда¹⁸⁶.

Во время продвижения турецкой армии к Эгеру было получено известие о начавшейся осаде принадлежавшего туркам Хатвана — крепости между Будой и Эгером. Посланный с войском на помощь осажденным Чагала-заде Синан-паша не успел оказать помощь гарнизону, сдавшемуся всего после нескольких дней осады¹⁸⁷. Войско, собранное Рудольфом Габсбургом, ничуть не смутило присутствие на венгерской территории турецкой армии во главе с самим султаном. Боевой дух австро-венгров был, как никогда, высок.

Между тем в турецкой армии царили обычные в то время заботы. Придворные сипахи, не стесняясь присутствием в армии самого монарха и стремясь во что бы то ни стало получить положенное жалованье, во время одной из стоянок напали на шатер участвовавшего в походе баш дефтердара и потребовали у него выплаты денег. Результатом этих событий явилось не наказание смутьянов, а смещение главного казначея¹⁸⁸. Султан предпочел не ссориться со своей придворной гвардией. Все эти мелкие и неприятные события не должны были омрачить поход, которому придавалось исключительное значение. Последний раз армия возглавлялась султаном при прадеде царствующего правителя. Ни дед, ни отец Мехмеда III не разу не воз-

главили свою армию, предпочитая приятную жизнь во дворце и занятия охотой.

Между тем Мехмед не слишком верил в благополучный исход навязанного ему военного предприятия. Из султанской ставки в Стамбул 25 августа 1596 г. прибыли султанские капиджи, доставившие личный указ султана, в котором Мехмед предписывал провести общественный молебен в столице во имя победы турецкого оружия. Весь тон полученного послания был проникнут мусульманским патриотическим духом — вспоминались великие победы османов и славные завоевания предков, указывалась благородная цель похода — отвоевание у христиан крепости, отнятой ими у мусульман. Стамбульские улемы с жаром взялись за организацию общественного молебна. На просторной площади Ок мейданы, где обычно янычары тренировались в стрельбе из луков, шейхульислам в присутствии мусульманского клира, суфийских шейхов и потомков Пророка (сеййидов) всенародно обратил свою молитву к Всевышнему, вызвав у присутствующих, по рассказу Селяники, слезы умиления. Затем при огромном стечении верующих столь же проникновенно молитвы были прочитаны в мечети Айа Софья. Молебствия были проведены и в последующие дни в других крупных мечетях столицы¹⁸⁹.

Несмотря на всю пафосность военного предприятия и придаваемого ему значения, реальные события заставляли задуматься о его возможных тяжелых последствиях. Очень скоро после ухода армии в столице объявились первые дезертиры. Некоторые из записанных в поход предпочли «раствориться» среди жителей столицы, где-нибудь укрывшись. В Стамбуле стал известен указ султана о розыске и аресте сына главного дефтердара, который, будучи придворным мютеферрика и обладателем тимара, был призван в армию, но в поход не отправился, заявив, что воевать не будет, предпочтя положение дезертира¹⁹⁰.

Поздний срок выступления турецкой армии из столицы и ее слишком медленное передвижение привели к тому, что осада Эгера турками началась лишь в конце сентября 1596 г. Наступало худшее в тех условиях время для его блокады. По прибытии к Эгеру султан отдал приказ с хода овладеть городским предместьем, но этого сделано не было. Армия занялась более

важным для себя делом — установлением палаток и обустройством военного лагеря. По этой причине все жители смогли беспрепятственно уйти под прикрытие эгерских крепостных стен. Когда на следующий день после этого турецкие солдаты вошли в опустевший варош, они занялись разграблением того, что не смогли забрать с собой его обитатели. Начались рытье траншей и установка пушек и осадных орудий. Под стенами Эгера турки применили новый для себя способ обстрела крепостных стен, который они заметили у австрийцев, когда те осаждали Эстергом. На одной батарее устанавливалось сразу восемь пушек, стрелявших одновременно, что оказывалось весьма эффективным при разрушении крепостных стен¹⁹¹. Под стены крепости были сделаны подкопы, производились частые подрывы, под руководством румелийского бейлербея Хасан-паши началась засыпка крепостного рва. Наконец был объявлен генеральный штурм, закончившийся, впрочем, неудачей. Однако байрактару (знаменосцу) Хасан-паши удалось со знаменем подобраться к крепостной стене и, улучив момент, взобраться по ней наверх. Это вдохновило осаждающих, и начался новый штурм, закончившийся наконец успехом. Однако взяты были лишь внешние крепостные стены. Защитники Эгера укрылись в цитадели и продержались там еще несколько дней, сдавшись лишь на условиях договора. Султан обещал сохранить им жизнь. Тем не менее для большинства защитников это обещание оказалось невыполненным. Ворвавшиеся в крепость янычары сначала ограбили выходящих из цитадели, а когда те выехали из крепости и достигли края турецкого лагеря, они подверглись нападению и были перебиты, хотя бойне старались помешать некоторые турецкие офицеры. Румелийский бейлербей за свои заслуги при завоевании крепости Эгер получил звание везира и полагающиеся в связи с этим званием земельные пожалования — хассы¹⁹².

Когда весть о падении Эгера достигла столицы, она была с величайшей радостью встречена во дворце, хотя, по старинным меркам, произошло рядовое военное событие, каких было великое множество в османской истории. Мать султана (валиде султан) по случаю победы одарила милостыней бедняков Стамбула в знак благодарности Всевышнему за оказанную помощь воинам-мусульманам¹⁹³.

Столь необходимая для престижа султанской власти победа была одержана и Мехдеду III лишь оставалось с триумфом возвратиться в Стамбул. Однако турецкую армию ожидало крупное и непредвиденное испытание. Объединенное войско Сигизмунда Батория, князя Трансильвании, и императора Рудольфа попыталось нанести удар по выступившей из Эгера турецкой армии.

Турецкие армейские лазутчики вовремя узнали о готовящемся нападении. Было принято решение направить в сторону предполагаемого местонахождения противника отряды сипахи и придворную конницу — численностью в 15 тыс. человек — под командованием везира Джафер-паши. Однако Джафер-паша, зная о значительном численном превосходстве противника, выразил несогласие с готовящейся операцией, которая грозила туркам неминуемым поражением. Султанское окружение сочло это пустой отговоркой. Впрочем, в помощь Джафер-паше было придано войско под началом только что назначенного на пост румелийского бейлербея Вели-паши (ранее бывшего янычарским агой).

Джафер-паша и Вели-паша подчинились приказу и, взяв с собой 30 пушек, во главе сипахийской конницы отправились навстречу неприятелю. Приблизившись к построившемуся для боя войску христиан, турки, как и ожидал их командующий, увидели перед собой значительно превосходившие их в численности силы. Ибрахим Печеви, подробно описывающий состоявшееся сражение, как представляется, дает верное изображение той новой европейской тактики кавалерийского боя, которая теперь помогала европейцам одерживать победы над знаменитой турецкой конницей, ничего не менявшей в традиционной тактике боя. Австро-венгерская кавалерия была построена густыми глубокими колоннами, создававшими к тому же впечатление ее большой численности. Отряды кавалеристов двигались навстречу турецким всадникам медленным аллюром вооруженные ручным огнестрельным оружием. Османский хронист Ибрахим Печеви образно пишет, что противник «двигался навстречу Джафер-паше таким образом, что и горы бы не смогли выдержать и остаться на своем месте». В результате произошедшего боя все воины Джафер-паши были рассеяны и разбиты, и остатки турецкой конницы были вынуждены вер-

нуться к месту расположения остальной части турецкой армии. Артиллерия турок оказалась в бою малоэффективной и вместе с боеприпасами была брошена на поле сражения, оказавшись в руках врага¹⁹⁴.

Мехмед III, предприняв «кадровые перестановки» и поставив во главе румелийского войска Хасан-пашу, приказал ему выступить против австро-венгерского войска. Однако вскоре приказ был отменен — всем было велено оставаться на месте и, выставив караулы, ожидать подхода противника. Разведка доносила, что войско неприятеля, чрезвычайно большое по численности, через день-два прибудет к месту расположения турецкой армии. Время позволило туркам занять удобное для дачи генерального сражения место и построить войско в боевые порядки.

26 октября 1596 г. близ венгерского города Мезёкерестеше началось ставшее знаменитым сражение двух армий. Турки начали бой первыми, и сразу же обнаружилась засада противника, устроенная им в развалинах церкви, где были установлены пушки и размещены вооруженные мушкетами солдаты. Ибрахим Печеви пишет, что христиане использовали артиллерию большой дальности. Одно из ядер пролетело над головами колонны, в которой находился сам султан Мехмед III. Это заставило его ретироваться и разместиться в установленном далеко позади турецкого войска шатре своего придворного мютеферрика Юнус-аги. Мушкетеры и пушкари, первоначально засевшие в развалинах церкви, во время боя незаметно для турок перебрались по болоту, которое турки сочли непроходимым, к слабо охраняемому флангу турецкой армии и открыли по нему огонь. Это заставило турок бросить сюда конницу Чагала Синан-паши и конницу татар, которая попала под артиллерийский и мушкетный огонь и была перебита. Бой продолжался до наступления сумерек, и лишь к вечеру, когда пошел дождь, был дан отбой. Противники разошлись, не выявив победителя.

Наутро бой возобновился. Турки направили теперь свое внимание на развалины церкви, однако, прорвавшись к ней, обнаружили, что она пуста. Противник уже давно успел передислоцироваться и вел пушечный огонь, не подпуская к себе турецкую кавалерию. Наконец христиане пошли в атаку. В ней слаженно участвовали как вооруженная мушкетами пехота, так

и конница, также вооруженная огнестрельным оружием. Под их натиском турецкая пехота и конница были смяты, и противник устремился к той части войска, под прикрытием которой находилась ставка султана. Атаке подверглись румелийские сипахи во главе с Хасан-пашой, которые не смогли оказать сопротивления атакующим, рвущимся к месту, где в окружении своих телохранителей находился Мехмед III. При этом противник не забывал на ходу грабить турецкое имущество и багаж. В бой с прорвавшимися солдатами неприятеля были вынуждены вступить несшие охрану султанской ставки янычары и придворные сипахи. Между тем некоторым из наступавших удалось добраться до места, где находились сундуки с турецкой казной. Обнаружив их, они вскочили на них и предались веселой пляске, которую имел возможность наблюдать сам Мехмед III и находившийся при нем его духовный наставник Саадэддин.

Султаном овладел страх, он стал проявлять видимые признаки беспокойства, и Саадэддин принялся успокаивать Мехмеда, убеждая его, что это еще не конец сражения и что следует положиться на помощь и волю Аллаха. Османские хронисты приводят и иные версии поведения Мехмеда III в возникшей ситуации, но все они говорят о большой угрозе, которой подверглась тогда жизнь султана. Обратились в бегство, бросив Мехмеда, султанские ич огланы (пажи), увлекая за собой людей из охраны. Остававшиеся при нем слуги — ашчи, деведжи и другие, — вооружившись топорами, ножами и другими подручными средствами напали на проникших в войсковой лагерь солдат неприятеля и сумели их отогнать. На поле боя, где разворачивались основные события, туркам все же удалось переломить ситуацию в свою пользу, предприняв удачную атаку, и в конце концов одержать победу над противником¹⁹⁵.

Очень подробно описавший ход этого сражения Мюнеджим-баши приводит дополнительные детали событий, сообщая, что Мехмед III, увидевший прорвавшихся к сундукам с казной солдат неприятеля, облачился в «плащ Пророка», положил себе на колени «меч Пророка» и горячо молил Всевышнего о спасении. Согласно рассказу хрониста, нападению подвергся и сам шатер султана, который были вынуждены защищать его личные слуги¹⁹⁶.

Несмотря на одержанную турками победу, 30 тыс. участвовавших в сражении при Мезёкерестеше турецких сипахи, обратившихся в бегство и покинувших поля боя, ясно указывали на проявленное военно-тактическое превосходство армии противника, которое воочию мог наблюдать сам турецкий султан Мехмед III. Назначенный им за заслуги в бою великим везиром Чагала-заде Синан-паша немедленно объявил об отобрании дирликов (тимаров и зеаметов) у дезертировавших¹⁹⁷. Уже на следующий день после сражения новый великий везир произвел проверку-йоклама всего состава войска. Во время этой проверки, проходившей в течение трех дней в присутствии самого Синан-паши, было выявлено 30 тыс. отсутствующих и казнено несколько человек. Имущество дезертиров было конфисковано. Вслед за бежавшими с поля боя был тотчас же послан указ об их казни и конфискации имущества в местах их жительства¹⁹⁸. Следует заметить, что дезертирство в турецкой армии началось сразу же после захвата Эгера. Не ожидая, что предполагаются еще какие-то военные действия, войско покидали тысячи. Мустафа Селяники пишет, что захваченные «языки» сообщали, что австро-венгерское войско приняло решение дать бой армии противника, узнав о массовом уходе с театра военных действий турецких сипахи¹⁹⁹.

Указы о конфискации имущества коснулись не только дезертировавших сипахи, но и многих лиц, в том или ином качестве участвовавших в походе. Слухи о предстоящей конфискации просочились в Стамбул, и семьи провинившихся начали прятать самые ценные из принадлежащих им вещей. Конфискация вызывала сочувствие к пострадавшим у всех. Селяники пишет о «воплях и плаче» жен и детей виновных, о том, что их семьи оказались на улице, потеряв дома, являвшиеся их мюльковой (частной) собственностью. При этом конфискованное было передано приближенным султана²⁰⁰.

Широкие конфискации в столице привели в движение механизм связей, и очень скоро великий везир Чагала-заде Синан-паша, под грузом многочисленных жалоб и протекций, был снят с должности. Османская верхушка была шокирована радикальными мерами главы правительственного дивана. Печать великого везира была передана в руки энергичного зятя султана — Ибрахим-паши. После возвращения армии из похода

многие из провинившихся получили прощения в результате приведения в действие дворцовых связей.

Между тем лишение дирликов, т. е. средств к существованию, тысяч феодалов-сипахи — тимариотов и займов — имело тяжелые последствия для государства и привело к крупнейшим социальным беспорядкам, какие только знала история Османского государства. Отлаженная система военной службы и отношений между султанской властью и массами сипахи дала сбой. Разразившиеся в результате восстания лишь через несколько лет были с невероятным трудом подавлены с помощью регулярных войск. По словам Ибрахима Печеви, многие из наказанных, лишившись своих тимаров, вынуждены были скитаться по стране и, не имея средств к жизни, пополняли собою ряды восставших против правительства²⁰¹.

По-видимому, не слишком хорошо проявило себя в сражении при Мезёкерестеше и янычарское войско. Об этом можно судить хотя бы по тому, что сразу же после окончания с трудом выигранного сражения во главе янычар был поставлен новый ага — Тырнакчи Хасан²⁰².

Битва, произошедшая при Мезёкерестеше 26 октября 1596 г. и едва не закончившаяся для турок разгромом, произвела огромное впечатление на верхи османского общества. Турки в своих военных действиях привычно полагались на свое всегдашнее превосходство в численности армии и историю предыдущих побед. Австрийские Габсбурги, сражаясь с турецкими войсками, могли противопоставить противнику гораздо меньшее по численности войско, составленное главным образом из крестьян и наемников. Ибрахим Печеви в своем труде замечает, что численность турецкого войска была столь велика, что невозможно было и подумать о поражении. Анализируя ход состоявшегося сражения, он пишет, что турецкие воины не проявили в бою необходимой доблести в отличие от своего противника, сражавшегося с исключительным энтузиазмом, т. е. необходимым условием победы, как полагает историк, являлись индивидуальные высокие боевые качества сражавшихся. Однако даже традиционно мыслящий Печеви отмечает бросившиеся ему в глаза особенности построения и ведения боя австрийцами. Он пишет, что христиане наступали на мусульман столь плотными рядами пехоты и конницы, что это производило

устрашающее впечатление²⁰³. Турки, давно не встречавшиеся с европейцами в генеральных сражениях на открытой местности, столкнувшись с новой для себя тактикой ведения боя, увидели лишь внешние ее приметы. Разглядеть европейские тактические новшества, о которых говорилось выше, оценить и проанализировать их они не смогли, описывая ситуацию в привычных им понятиях численности войска и личной отваги сражающихся.

С трудом достигнутая победа при Мезёкерестеше, едва не ставшая для турок позорным поражением и даже грозившая пленением самого султана, была расценена вассалами Османского государства как явное ослабление его военного могущества. Показательно, что сбежавший из стамбульской тюрьмы Йеди Куле один из членов семьи йеменского имама аль-Мутаххара, поднимая в Йемене антитурецкое восстание, заявлял, что турки во главе с Мехмедом III потерпели поражение и едва спаслись бегством²⁰⁴. Во многом следствием военных событий при Мезёкерестеше объясняется и появление инсургентов в турецком Ираке, которых османские авторы привычно называли не иначе, как разбойниками²⁰⁵.

Сами турки предпочитали оценивать произошедшее как бесспорную и блистательную победу. Цена ее, похоже, волновали немногих. В столице, куда возвратился султан в конце декабря 1596 г., были устроены пышные празднества с широкой раздачей милостыни бедным. Лавочники, ремесленники и торговцы Стамбула получили указ украсить свои лавки и мастерские разноцветными тканями, в городе была зажжена праздничная иллюминация. Однако это праздничное настроение было испорчено янычарами, принявшими участие в турецкой морской экспедиции, проходившей одновременно с военной кампанией в Венгрии. Они потребовали выдачи им вознаграждения (инама) за их успешную службу. Явившись в диван, они отказались от приготовленной для них похлебки-чорба и потребовали немедленной выплаты денег. Вступившие с ними в переговоры должностные лица заявили, что 4 тыс. янычар, посланных на флот, не участвовали ни в каких боевых действиях, а потому не имеют права на получение инама. Кроме того, янычарам объясняли, что из-за засухи и недорода государственная казна оказалась пуста, а выплата инама потребовала бы не менее 40 юков акче²⁰⁶.

Удивительно, но эти объяснения возымели действие, и янычары прекратили бунт, отказавшись от своих требований.

Казна действительно была пуста. Чтобы справиться со своими финансовыми обязательствами, казначейство, по завершении военных действий в Венгрии, произвело многократные проверки дефтеров с целью выявления приписок в сторону увеличения жалованья и предоставленных прибавок. Иногда эти проверки выявляли злоупотребления, виновных наказывали, однако заступничество высоких лиц по большей части спасало провинившихся от наказания²⁰⁷. Как бы там ни было, несмотря ни на какие финансовые трудности, необходимо было каждые 3 месяца выплачивать жалованье войску. В апреле 1597 г. только одним янычарам из казны было выдано 180 юков акче (18 млн. акче). Селяники пишет, что еще никогда сумма выплачиваемого жалованья не была столь велика. Деньги для этого изыскивались всеми возможными способами. Янычарам, бунта которых боялись больше всего, жалованье было выдано в хорошей монете, в то время как придворным сипахи достались старые, стершиеся монеты, которые они отказались брать, избив при этом своих командиров, заподозренных ими в подлоге. В результате незамедлительно проведенного расследования выяснилось, что монеты плохого качества поступили от откупщиков-евреев с о. Митилена (*тур.* Мидилли). Мнимых или истинных виновников присылки плохой монеты было приказано немедленно казнить²⁰⁸.

Чиновники финансового ведомства всеми способами изыскивали средства для пополнения казны, для чего устанавливались новые подати. Так, во исполнение задачи выплаты жалованья за май, июнь и июль 1597 г., была учреждена пошлина «за провинность», пополнившая суммы налоговых поступлений из Алеппо, Диярбакыра и Триполи. Это позволило главному казначею сполна выплатить жалованье янычарам, находившимся в Стамбуле²⁰⁹. С финансовыми трудностями справлялись и иными способами, отдавая на откуп взимание государственных налогов как придворным сипахи, так и янычарам. Им поручалось, например, собирать налог на овец (адет-и агнам) и джиэю (подушный налог с немусульман).

Уже вскоре после своего возвращения в Стамбул Мехмед III возвестил о своем твердом намерении продолжить войну в Вен-

грии. Об этом было объявлено во время посещения им пятничного богослужения в соборной мечети Айа Софья²¹⁰. Командующим турецкой армией был назначен везир Сатырджи Мехмедпаша. Придворное войско попыталось оспорить это назначение, заявив, что отправится в поход только под началом великого везира²¹¹. В столице росли недовольство и критические настроения. Выразителями их выступили некоторые из улемов. Так, ваиз мечети Сулейманийе во время своей проповеди неожиданно заговорил о взятках (рюшвет), которые повсеместно берут «высокопоставленные лица» (экабир), о том, что добропорядочные люди оказались не в чести, что должности и звания предоставляются «недостойным», что нарушен традиционный порядок вещей, в результате чего милость Всевышнего оказалась утраченной. Ваиз говорил о недостойном поведении улемов, которые ради своих интересов не гнушаются общаться с «врагами веры», и заключил свою речь призывом повернуться лицом к «вратам правды» и молить Аллаха о прощении грехов. По окончании проповеди к нему бросилось сразу несколько человек. Они стащили его с мимбара, вывели из мечети и, насильно усадив в лодку, отвезли к замку Йеди Куле, где на берегу его ждала оседланная лошадь. Ваизу было велено немедленно удалиться в Румелию. Скорее всего, проповедник принадлежал к какому-то суфийскому ордену, пользовавшемуся авторитетом и влиянием в столице. Об этом можно судить по тому, что очень скоро после инцидента начались розыски изгнанника. Его судьбой заинтересовались янычары. В дело вмешалась мать султана, приказавшая найти ваиза, и через две недели его разыскали и вернули в Стамбул²¹².

Случаи участия улемов в делах общественной жизни, их критические выступления были не редкостью в истории Османского государства. Улемы часто становились выразителями общественных настроений. Будучи влиятельной и наиболее просвещенной частью османского общества, тесно связанной с его широкими слоями, остро чувствуя его беды и недовольство, например через институт кадиев²¹³, улемы обладали большой духовной властью и являлись защитниками идей справедливости, как она понималась доктриной ислама.

Готовясь к летней военной кампании 1597 г., Мехмед III считал необходимым в первую очередь убогатворить свое яны-

чарское воинство. На аудиенцию к султану во дворец были приглашены офицеры корпуса (25 янычарских яябаши и 30 бёлюкбаши), где им было торжественно вручена сумма в 10 тыс. золотых монет — «на лошадей»²¹⁴. Лояльность янычар открыто покупалась в надежде обеспечить их послушание и дисциплинированное участие в походе.

Весной 1597 г. вместе с сердаром Сатырджи Мехмед-пашой в Венгрию отправилось 12 тыс. янычар. В кампании должны были принять участие и тимариоты-сипахи. Султан издал указ об обязательном присутствии в войске всех, записанных в поход. Дезертирам грозили немедленной казнью. По Стамбулу совершал инспекционные рейды султанский бостаджи-баши Ферхад-ага, которому были даны соответствующие полномочия. Меры возымели действие, и все назначенные в поход подчинились приказу. Столь же строгие указы были посланы в провинцию, где шел призыв в армию тимариотов и займов²¹⁵.

Между тем, пока в столице издавали указы о сборе армии, австро-венгерские отряды начали активные действия по захвату у турок находившихся в их руках городов и крепостей. Осаде подверглись Пешт и Темешвар. В турецких гарнизонах царил беспорядок, боевой дух солдат находился на самом низком уровне. Испытывавшие постоянный недостаток продовольствия гарнизонные янычары находили выход своему недовольству в бунтах и бесчинствах. Так, янычары, несшие гарнизонную службу в завоеванном турками Эгере, толпой набросились на коменданта крепости и убили его за то, что он не обеспечивал их достаточным провиантом²¹⁶. После совершенного убийства находившиеся в гарнизоне «нищие» янычарские офицеры предложили янычарскому аге 10 юков акче (1 млн. акче) за то, чтобы он назначил вместо их убитого товарища некоего яябаши по имени Дервиш. Янычарский ага Тырнакчи Хасан-ага доложил о случившемся султану, и Мехмед III приказал лишить должностей всех взяточдателей²¹⁷.

Не лучше обстояло дело в гарнизонах на восточных границах государства. Так, расквартированные в Тебризе гарнизонные янычары подняли бунт против решения о смещении угодного им наместника Тебриза Саатчи Хасан-паши, совершив при этом ряд убийств²¹⁸. При подобной всеобщей недисциплинированности янычар, на которых лежала обязанность защищать

завоеванное, трудно было рассчитывать на успешную борьбу с сильным военным противником.

Между тем в Европе ситуация для Османского государства складывалась на редкость напряженная и опасная. В 1594 г. народы Балкан начали активную борьбу против турецкого господства. Уже в том году восстали сербы Баната, широко развернувшие движение гайдуков. Их военная тактика носила партизанский характер. Нападая небольшими отрядами (чётами), они отвоевывали у турок небольшие городки и местечки. Предводители их отрядов обращались с просьбой о военной помощи к трансильванскому князю Сигизмунду Баторию и Рудольфу Габсбургу, пытаясь закрепить достигнутые успехи, однако так и не дождалась ее. В начале июля 1594 г. при Бечкереке турки сумели нанести поражение объединенным силам повстанцев, а затем разбили другую их группу у Темешвара. После восстания сербов в Банате турки вынуждены были вести борьбу с восставшим валашским господарем Михаем, а в 1597—1598 гг. антитурецкие восстания охватили различные районы Сербии, Черногории и Герцеговины²¹⁹. Османское государство оказалось в роли обороняющегося, причем линия обороны охватывала почти все европейские владения султана. Очень неспокойно чувствовали себя турки и на той части венгерской территории, которая входила в состав Османской империи, где в любой момент могли произойти нападения со стороны активно действовавших австрийцев.

Главный театр военных действий в летней кампании 1597 г. находился в Венгрии. Соединившись у Белграда с анатолийским и румелийским войском сипахи, турецкая армия под командованием Сатырджи Мехмед-паши направилась к осажденному австрийцами Дьёру (*нем.* Рааб), к нему было приказано доставить несколько пушек из Буды. Однако, получив сообщение о том, что турецкий гарнизон Дьёра совершил несколько удачных вылазок из крепости и заставил уйти неприятеля из-под стен города, сердар изменил маршрут и отдал приказ двигаться в сторону занятой австрийцами крепости Тата (Табанья — на северо-западе от Буды), к которой турки подошли лишь 8 октября 1597 г. Все летние месяцы были потрачены на сбор армии и марши, а также на принятие решения о месте сражения с противником. Начатый обстрел крепостных стен

Таты, подкопы и подрывы не давали желаемых результатов. Прodelанные артиллерией бреши, как пишет турецкий хронист Мустафа Наима, оказывались слишком высоко над землей и не позволяли провести штурм. Все предпринимавшиеся турками попытки приступа заканчивались неудачей — защитники крепости метко забрасывали штурмующих камнями и бомбами. Однако ни высота брешей, ни обстрел обороняющихся никогда прежде не были непреодолимыми препятствиями для турецкой армии. Теперь это служило оправданием для военных неудач. Защитники Таты, вероятно, опасаясь того, что не смогут отстоять крепость, ночью неожиданно сами покинули ее. Турки преследовали их до Каморона, но всадники анатолийского бей-лербея Мехмед-паши, посланные в погоню, смогли убить и пленить лишь нескольких беглецов.

В Тате турецкая армия пробыла в течение нескольких дней. Были отремонтированы стены занятой крепости, гарнизону, оставляемому в городе, предоставили достаточное продовольствие и приказали защищать завоеванную крепость. Однако сыновья янычар, которым была поручена гарнизонная служба в Тате, явились к сердару и потребовали зачислить их на действительную военную службу с соответствующим жалованьем. Сердару с трудом удалось уговорить их в течение года охранять крепость в их прежнем статусе. Пожалованная им прибавка к жалованью в размере 2 акче сделала их более сговорчивыми, а представление об их зачислении на янычарскую службу было отправлено в Стамбул²²⁰.

Приближалась зима, время перерыва в военных действиях. Однако жители Буды просили сердара осадить Эстергом, жалуясь на постоянные набеги его солдат. В случае отказа оказать помощь они грозились послать жалобу в Стамбул. Сатырджи Мехмед-паша прекрасно знал, чем заканчивались подобного рода жалобы на командующего, и пообещал, в случае, если жители Буды помогут с рытьем траншей, осадить крепость. На речные суда уже были погружены пушки, чтобы переправить их к Эстергому, но выпал первый снег, и турки отказались от задуманного предприятия. В это время стало известно, что войско трансильванского князя осадило Темешвар и что один из отрядов противника подошел к Вачу (совр. Вац). Не привыкшая действовать в зимних условиях турецкая армия была вынужде-

на двинуться туда, испытывая в пути из-за частых и сильных снегопадов большие трудности. Под Вачем турок ждала неудача. Австрийцы действовали обдуманно и тактически умело. Используя особенности холмистой местности, они устроили огневые редуты, откуда вели постоянный круговой огонь из пушек и мушкетов. Турецкая армия, не имевшая возможности бороться с противником, была вынуждена отойти к Пешту. На помощь осажденному Темешвару были посланы отряды сипахи нескольких бейлербейств, в то время как сам сердар Сатырджи Мехмед-паша отправился на зимовку в Белград. При этом многие янычары и придворные сипахи, не желая там зимовать, предпочли вернуться в Стамбул. Здесь их ожидало обвинение в том, что они покинули командующего и нарушили свой воинский долг. Однако они заявили, что зимовать в Венгрии не было никакой возможности из-за нехватки продовольствия (янычары выразились образно, назвав местность, из которой ушли, «пустыней»). Им было приказано немедленно вернуться под командование сердара²²¹. Ясно, что подобное поведение солдат турецкой армии делало невозможным своевременно и маневренно проводить военные операции в Венгрии. Между тем фактор времени становился одним из решающих.

Пытаясь как-то объяснить мизерные успехи летней военной кампании 1597 г., сердар прислал в Стамбул донесение, в котором сообщал о неучастии в походе войска крымского хана, а также о том, что многие из тех, кто был обязан явиться для военных действий в Венгрии, так и не присоединились к турецкому войску. Сатырджи Мехмед-паша жаловался, что не все янычары, назначенные в поход, находились на месте, а многие из явившихся придворных сипахи не имели лошадей²²².

Видимо, под влиянием полученных от Сатырджи Мехмед-паши известий в Стамбуле прошла кампания по мобилизации тех, кто был по тем или иным причинам освобожден от участия в походе²²³. Им прекратили выплату жалованья (некоторые не получали его в течение девяти месяцев) и приказали немедленно отправиться в поход, обещая выдать жалованье в Эдирне. Необходимое количество денег для этого было изыскано и передано янычарскому кетхюда йери. Однако во время погрузки выюков с монетой к резиденции великого везира начали стекаться возбужденные группы придворных сипахи, требуя не-

медленной выплаты им жалованья. Опасаясь мятежа, перепуганное правительство пошло на уступки и выдало деньги бунтующим за три месяца²²⁴.

Отсутствие каких-либо военных успехов в Венгрии широко обсуждалось в столице. Собиравшиеся в кофейнях янычары, не участвовавшие в походе, рассуждали о причинах былых военных побед в Венгрии султана Сулеймана и нынешних поражениях, приходя к выводу: во всем виновато неучастие в походах султана. Многие рассуждали об организации весной 1598 г. похода всей армии против Вены во главе с Мехмедом III. Однако тому на всю жизнь хватило воспоминаний об Эгере и Мезёкерестеше. Зная о распространявшихся в столице слухах о его возможном участии в будущей летней кампании, султан поспешил опровергнуть их²²⁵.

Финансовые дела государства оставляли мало надежд на возможность вести успешную войну с Рудольфом Габсбургом. Казна постоянно была пуста. Поступавшие в нее деньги от налогов немедленно исчезали, уходя на выплату жалованья войску. 1597 год оказался столь же засушливым и малоурожайным, как и предыдущие два года, принеся мало денег казне. Чтобы хоть как-то улучшить финансовое положение, правительство попыталось наладить строгий контроль за налоговыми сборами. Были проверены откупа (Порта надеялась обнаружить утаенные откупщиками суммы). Однако, если злоупотребления откупщиков и обнаруживались, это не прибавляло денег казне. Правительство прибегло к частой смене финансовых чиновников и откупщиков. Во все области были направлены уполномоченные по сбору налоговых недоимок.

В начале декабря 1597 г. наступило время выплаты очередного жалованья. После произведенной сверки янычарских дефтеров стало ясно, что казна должна выплатить 140 юков акче (14 млн. акче). Ровно столько денег находилось на тот момент в государственном казначействе. Полностью опустошить казну казалось невозможным. За неприятную весть о необходимости выплатить войску такую огромную сумму поплатился своей должностью главный казначей Али-эфенди. Назначенный вместо него баш дефтердар Махмуд-эфенди заключил заем и из полученных таким образом денег выплатил жалованье. Мустафа Селяники пишет, что Али-эфенди (известный также как автор

исторического труда «Кюнх аль-ахбар») был всем известен своим скверным характером и потому нельзя было рассчитывать на то, что ему удастся найти кредиторов, в то время как, по словам Селяники, новому главному казначею предлагали деньги «со всех сторон»²²⁶.

Налоговый пресс на основных налогоплательщиков — крестьян, ремесленников и торговцев — постоянно рос, но это никак не улучшало положения казны. Значительные суммы оседали в карманах государственных чиновников, откупщиков и провинциальных правителей Османского государства. Селяники приводит многочисленные примеры взимания завышенных налогов и самочинного учреждения новых. Однако, как он пишет, эти «сверхдоходы» не попадали в казну. Крестьяне в провинции попадали под двойной налоговый гнет — сборщиков налогов (откупщиков) и должностных лиц провинциальной администрации. Покупая за ставшие почти легальными взятки (рюшвет) свои должности, чиновники всеми способами стремились как можно скорее возместить (с прибылью для себя) понесенные расходы. Не предусмотренные никакими законами подати, собираемые с населения, переключивались в карманы высшего класса османского общества, минуя казну. Обеднение крестьян приводило к росту сумм налоговых задолженностей. Чуть лучше было положение горожан, но и они испытывали трудности в связи с постоянным ростом цен и ухудшением качества монеты. Качество самой ходовой серебряной монеты — акче — на глазах ухудшалось. Мустафа Селяники пишет, что многочисленные фальшивомонетчики переплавляли акче и пускали в оборот монету ухудшенной пробы. Население, зная о плохом качестве акче, всеми способами старалось избавиться от этой монеты и по возможности скупало золотые и серебряные монеты хорошей пробы²²⁷, придерживая их. Это вело к вымыванию из сферы обращения значительного числа полноценных монет и их дефициту. Правительство пыталось отчеканить новую полноценную монету. На монетном дворе Стамбула в районе Сырча сарайи в мае 1598 г. из нескольких кантаров (кантар равен 100 кг) серебра, выданных из личной казны султана, началась чеканка новых монет²²⁸.

Отсутствие денег в казне вынудило султана весной 1598 г. выдать на выплату жалованья войску, находившемуся в Вен-

грии, 40 млн. акче из личной казны²²⁹. Все говорило о том, что финансовое положение государства было близким к банкротству. В ход пошли конфискации. Так, во дворец султана перекочевали в апреле 1598 г. сундуки с деньгами из домов смещенного с поста великого везира и посаженного в тюрьму Хадым Хасан-паши²³⁰. Такие крайние меры предпринимались и раньше, но никогда еще в них не было столь острой необходимости. Сам Хасан-паша был казнен, возможно, после просмотра султаном дефтеров (тетрадей), в которых великий везир вел запись взяток, которые он получал при назначении им на должности государственных чиновников²³¹. Подобные денежные подношения по случаю назначения на какой-либо государственный пост стали едва ли не узаконенной платой, повсеместно взимавшейся внутри чиновничества сверху донизу. О взятках (рюшвет) с осуждением писали все османские авторы конца XVI—начала XVII веков. Уплаченные суммы становились обычной платой за должностные назначения.

Откупщики, получив у правительства разрешение на сбор каких-либо налогов, одновременно уплачивали баш дефтердару, от которого зависело передать откуп тому или иному лицу, крупные денежные суммы. Мустафа Селяники сообщает, например, что в сентябре 1598 г. откупщики стамбульских таможенных сборов пожаловались султану на баш дефтердара Махмуд-эфенди, который за 10 месяцев своей службы получил с них в виде «подарков» 12 тыс. золотых. Однако его смещение и приход на должность нового дефтердара привели лишь к назначению новых откупщиков вместо прежних²³². Бывшему дефтердару повезло — он отделался лишь смещением с должности (помогло заступничество высоких лиц).

Деньги становились главным предметом обсуждения жителей Стамбула. Деньги являлись тем, что единственно интересовало войско, состоявшее на жалованье. Придворные сипахи, получив перед отправкой в Венгрию жалованье в золотых и серебряных монетах, тщательно обследовало их, выразив затем свое крайнее недовольство. По их мнению, выданные им монеты были плохого качества. Чтобы их не заподозрили в мошенничестве и подмене монет, сипахи распечатывали мешки с деньгами в присутствии своих командиров. Полностью удостоверившись в неполноценности монет, сипахи отправились

выразить протест к резиденциям великого везира и главного казначея. Последний заявил, что деньги были выданы им в полновесных золотых и курушах, обвинив при этом в подмене денег офицеров и кятибов. Чтобы предотвратить бунт, был издан указ о наказании виновных, а сипахи получили в результате жалованье в полновесных серебряных курушах²³³.

Плохое качество монеты стало бедствием для войска на жалованье. Торговцы отказывались принимать у янычар и сипахи акче скверного качества, а других денег у них часто просто не было. Это постоянно порождало конфликты и усиливало социальную напряженность в столице. Правительство объявляло официальный курс денег и грозило наказанием тем, кто использовал на рынках монету, побывавшую в руках фальшивомонетчиков²³⁴.

С наступлением 1598 г. перед сердаром Сатырджи Мехмедпашой, зимовавшим в Белграде, встал вопрос о плане новой летней кампании. Незадолго до этого турки потеряли крепость Янык (Дьёр), которой австрийцы сумели хитростью овладеть. Входившие в гарнизон крепости янычары, предававшиеся всю зиму неумеренным возлияниям, оказались мертвецки пьяными в тот момент, когда австрийцы, разрушив с помощью пушечного огня деревянные ворота крепости, ворвались в город. Они не встретили никакого сопротивления, зная об этом заранее от своих лазутчиков. Гарнизонные янычары были почти полностью перебиты. Кроме того, из Темешвара сердару поступали сообщения об успешных действиях против турецких крепостей войска трансильванского князя Сигизмунда Батория²³⁵. Одновременно с этим шла активная подготовка антитурецкого восстания в Придунавье, в котором должны были принять участие отряды болгар и валахов. Помощь им обещали оказать Рудольф II и Сигизмунд Баторий. Армия Михая Храброго вступила летом 1598 г. в болгарские земли и прошла по всей северной Болгарии от Видина до Силистры. В письме австрийскому эрцгерцогу Максимилиану от 16 октября 1598 г. валахский князь писал, что сжег Видин, Плевен, Врацу, Флорентин и Оряхово, истребляя имевшиеся в них турецкие гарнизоны²³⁶. Защищать здесь турецкие пограничные земли было поручено войскам санджакбеев Рущука, Силистры и Никополя. Комендант сожженного Видина жаловался в Стамбул, что все те, кто

должны были оказать ему военную помощь, в том числе янычары-пехотинцы и артиллеристы, не явились к месту сбора, о чем стало известно противнику²³⁷.

Войско повстанцев нанесло также туркам поражение под Никополем. Его комендант Хафиз Ахмед-паша, введенный в заблуждение переговорами о мире, который затеял с ним Михай, не ожидал совершенной против него атаки. Имевшиеся при нем 3 тыс. воинов обратились в бегство. Михаю удалось подвезти к турецкому лагерю, подвергнутому нападению, повозки с пушками, которые Хафиз Ахмед-паша принял за телеги с подарками от валашского князя, о которых ему сообщил посол Михая²³⁸. Часть войска Ахмед-паши находилась в это время на охране Рушука и Силистрии. Ахмед-паша бежал в сторону Тырново. Турки понесли большие потери. О незадачливом бей-лербее рассказывали, что он потерял при этом все свое имущество. В руках солдат Михая оказался гардероб паши, и победители устроили себе потеху, нарядив какую-то женщину в платье турецкого военачальника²³⁹.

Дела в Болгарии на границе с Валахией были столь плохи для турок, что султан в октябре 1598 г. провел в Стамбуле дополнительный набор в войско. По-прежнему причины турецких военных неудач турецкое правительство видело исключительно в недостаточной численности армии. Было объявлено о назначении сердаром везира Махмуд-паши, к которому должен был присоединиться янычарский баш хассеки с 3 тыс. янычар и полутора тысячами только что зачисленных в янычарский корпус аджеми огланов. Глашатаи разъезжали по столице, объявляя о наборе добровольцев в армию из числа освобожденных от военной службы сипахи и придворных чинов²⁴⁰. Такая необычная предпринятая мобилизация сама по себе свидетельствовала о серьезности сложившегося положения. К делу подключилось духовенство. Шейхульислам Саадэддин-эфенди издавал грозные фетвы против уклоняющихся от участия в походе. В дома придворных мютеферрика, чавушей и кятибов, живших с доходов от предоставленных им крупных зеаметов, врывались посланцы султана и обвязывали им шею веревкой, грозя казнью. Некоторых наказывали битьем. Несколько придворных сипахи-уклонистов было повешено. Всех избегавших военной службы обвиняли в отсутствии мусульманского

патриотизма в момент, когда султанские владения подвергались атакам «врагов веры»²⁴¹. Повсеместно говорили о создании «огромной армии», способной победить своей численностью. Общее мнение высказал автор трактата «Мебде-и канун»: «Малым числом людей дела не сделаешь»²⁴².

В отличие от солдат, далеких от патриотических настроений, некоторые подданные султана готовы были проявить себя совсем иначе. Так, жена назначенного сердаром Махмуд-паши пожертвовала третью часть своего состояния на расходы по ведению «священной войны с неверными» — газа, на финансирование «благих дел»²⁴³. А в январе 1599 г., пораженная дурными известиями о положении дел в Болгарии и Венгрии, мать-султанша объявила о том, что жертвует из своих личных средств 20 тыс. золотых монет на ремонт пушечных повозок. На эти же деньги ею были закуплены вьючные лошади. Султанша-мать заявила, что желает, чтобы предоставленные ею деньги были потрачены исключительно на священную войну с неверными²⁴⁴. Однако едва ли эти деньги могли хоть как-то повлиять на сложившуюся ситуацию. В Болгарии не угасал огонь антитурецкого восстания. Восставшие, при поддержке отрядов Михая и чет Баба Новака и других, освободили от турецкой власти множество деревень и городов. Из посылаемых в столицу турецких донесений о ходе военных действий было ясно, что в рядах восставших сражались представители всех европейских народов, оказавшихся под властью турок. Захваченные пленники-христиане утверждали, что турки потеряли свою былую славу «носителей справедливости», которая в прежние времена облегчала их многочисленные завоевания, что они утратили силу, ранее дававшуюся им свыше²⁴⁵.

В крайне тяжелых сложившихся обстоятельствах турецкая армия проявляла исключительную медлительность и неповоротливость. Львиная часть времени тратилась на сборы и передвижения и совсем мало на сами военные действия. Лишь 14 июля 1598 г. новый сердар Сатырджи Мехмед-паша выступил с войском из Белграда. Много времени было потеряно при сооружении моста через Дунай для переправы. Армия двигалась, подолгу задерживаясь на стоянках. В Бечкереке пробыли 54 дня в ожидании подхода войска крымского хана. (В летней военной кампании 1597 г. татарское войско не приняло участия

и многие свои военные неудачи турки приписывали этому обстоятельству.) Однако кампания 1598 г., в которой татары участвовали, принесла столь же мало успеха, что не помешало султану щедро одарить своего крымского вассала. За проявленное послушание и присоединение к действиям турецкой армии ему было пожаловано 30 тыс. золотых²⁴⁶.

Отсутствие военных действий, приводящих хоть к каким-либо успехам, не могло не сказаться на духе турецкой армии и в то же время поощряло противника. «Великое летнее турецкое стояние» привело к тому, что австрийцам удалось отвоевать Тату и осадить Палоту. Чтобы исправить положение, сердар вынужден был послать на помощь осажденным войско санджакбея Смедерево.

29 августа 1598 г. к армии Сатырджи Мехмед-паши наконец присоединилось войско крымского хана Гази-Гирея. После торжественной церемонии встречи состоялся совет, на котором присутствовали хорошо знающие местность жители, чтобы решить вопрос о том, по какой дороге отправиться в Трансильванию с карательными целями. Турки не слишком хорошо ориентировались в местности, а кроме того выбирали дорогу, наиболее легкую для продвижения войска в местах, удобных для дачи сражения в случае встречи с противником. При этом Крымский хан высказал мнение, что солдаты Сигизмунда Батория могут неожиданно совершить нападение из крепости Варад, поэтому было решено вначале осадить и взять эту крепость и лишь затем отправиться в глубь Трансильвании.

Осуществление этого плана началось с осады крепости Чанад на р. Марош, куда был отправлен мухафыз (начальник гарнизона) Темешвара. Всего после нескольких дней осады гарнизон Чанада предпочел тайно покинуть крепость, однако татарам, бросившимся вдогонку, удалось пленить большую часть воинов ее гарнизона. Они были доставлены к шатру сердара и все поголовно казнены. Это была акция устрашения. От Чанада отряды татар разъехались в разные стороны, имея целью разграбление и опустошение земель Трансильванского княжества — обычная практика крымских татар.

Турецкая армия медленно двигалась вперед к своим намеченным военным целям, и столь же неотвратимо надвигалась осень. В сущности, сезон уже был потерян для крупных

военных действий. Без боя турецкие передовые отряды вошли в покинутую защитниками крепость Арад. Вскоре после этого от Сигизмунда Батория было получено письмо с предложением мира. Мустафа Наима пишет, что в это время уже зарядили осенние дожди, и турецкая армия с превеликим трудом переправилась через р. Марош. Только к этому моменту к войску сердара присоединились отряды сипахи из далекого Эрзерумского вилайета во главе с бейлербеем Мустафа-пашой. Один из важных факторов прежних турецких побед — быстрота мобилизации и высокая мобильность — были безвозвратно утеряны. Когда армия сердара уже подходила к стенам Варада, ее нагнали отряды сипахи бейлербея Вана Юсуф-паши. К этому времени турецкое правительство испытывало трудности с мобилизацией феодалов-сипахи. Несмотря на свою обязанность нести военную службу, за которую им предоставлялись их земельные пожалования — тимары и зеаметы, — к концу XVI в. они стали рассматривать свои бенефиции как безусловные, чему способствовало уменьшение государственного контроля и возможность «решать вопросы» с помощью денег (рюшвет). Далеко не все тимариоты теперь горели желанием принять участие в очередном походе, не сулившем ничего, кроме материальных затрат и физических опасностей. Участие в войнах при заметно уменьшившихся в этот период доходах от тимаров и зеаметов было подчас разорительным для заметно обедневшего сословия сипахи. Иссаяк к этому времени и источник военной добычи — при отсутствии новых территориальных завоеваний. Однако от военной службы пытались освободиться в первую очередь не сравнительно бедные сипахи, боявшиеся потерять свой единственный источник дохода — тимар, а заимы, более обеспеченные владельцы зеаметов²⁴⁷. Обладавшие большими средствами, они имели возможность откупаться от военной службы. Практически, это можно было сделать почти легально, хотя и с нарушением формального закона. Так, сердар Сатырджи Мехмед-паша, так и не дождавшийся прибытия сипахи из Карахисара, был вынужден послать его санджакбею указ о взимании платы (бедель) с неявившихся, уже не надеясь на прибытие в армию многих назначенных в поход сипахи. Правительство реагировало на все это более радикально: из Стамбула в Карахисар были посланы султанские капыджи,

которые заставляли уклонявшихся от похода отправиться к театру военных действий. Один из таких уклонистов в назидание другим был повешен²⁴⁸.

Многочисленная турецкая армия неотвратно катилась по землям Венгрии. Первыми подошли к предместью Варада крымские татары. Жители, не укрывшиеся в крепости, оказали им вооруженное сопротивление. Рукопашные бои шли затем, по рассказу Наимы, еще в течение целых суток. Тогда воины Гази-Гирея подожгли предместье. Почти все его защитники были пленены или убиты — за исключением детей, которых оставили в качестве живой добычи. Затем началась осада Варада — были установлены пушки и вырыты траншеи. Между тем окружение сердара убеждало его в том, что задачей похода является карательная экспедиция в Трансильванию, а не овладение хорошо укрепленной крепостью, взять которую за остававшееся до зимы время было едва ли возможно. В турецкой армии было недостаточно большое количество пушек и осадных орудий. Мало кто надеялся на успех начавшейся осады. В Эгер был срочно отправлен указ доставить к Вараду 10 осадных пушек и необходимые к ним боеприпасы. Прибывший оттуда гонец известил сердара, что пушки из Эгера будут посланы, однако ни в самом Эгере, ни в окрестных крепостях для них не было достаточного количества пороха и ядер. В конце концов не прибыли и сами пушки: комендант Эгера сообщил Сатырджи Мехмед-паше, что нигде не смог достать волов для их транспортировки.

Турецкая армия стояла у стен Варада и пыталась разрушить его крепостные стены с помощью подкопов, мин и подрывов. Однако подрывы недостаточной мощности не могли образовать достаточно крупные бреши. Засидевшиеся без дела татары и турецкие акынджи просили разрешения совершить набеги на близлежащие земли, однако сердар запретил им отходить от крепостных стен. Осада затягивалась. Начались осенние дожди, дороги и землю вокруг крепости развезло, траншеи стали все более наполняться водой. Большинство осаждающих попряталось в палатки, укрываясь от дождя и холода и не желая месить ногами непролазную грязь. Крепость брали измором. В это время начали поступать сообщения об успешных действиях австрийцев у самой Буды и наконец об ее осаде — осенние холода и непогода не мешали воевать европейцам. Турецкий гарнизон

Буды запрашивал у сердара помощи. Одновременно с этим поступило сообщение о неожиданном нападении в районе Никополя отрядов Михая на пограничное войско Хафиз Ахмед-паша. Последний был вынужден бежать, понеся большие потери в людях и военном снаряжении. На венгерском театре военных действий дело обстояло совсем плохо. Австрийцы смогли отвоевать у турок крепости Тата, Веспрем и Папа. В этих условиях Сатырджи Мехмед-паша принял решение послать к Буде отряды легкой татарской конницы и известить будийский гарнизон о непременном и скором прибытии к ним на подмогу всей турецкой армии²⁴⁹.

У стен Варада, вопреки ожиданиям осаждавших, не жители города, а турецкое войско начало испытывать большие трудности с продовольствием. Если бы не рейды татарской конницы, совершавшей грабительские набеги на окрестности и реквизировавшей у жителей продовольствие, положение турецкой армии было бы отчаянным. Наконец, так и не добившись никакого военного успеха, турки были вынуждены снять осаду. Армия двинулась от Варада в сторону осажденной австрийцами Буды. Переход оказался трудным. Мост через Дунай, строительство которого было поручено Темешварскому бейлербею, оказался непостроенным. Переправа через несколько рек далась с огромным трудом и большими потерями. Многие турецкие солдаты начали умирать в пути от болезней и скудного питания. Продовольствие надеялись получить у Сольника. Однако надежда эта не оправдалась. Среди янычар поднимался ропот. Увидев у берега Тисы пришвартованные пустые суда, подвозившие горожанам продовольствие, они потребовали у сердара добираться до Буды речным путем, однако путь по Тисе и затем по течению Дуная был в несколько раз длиннее, чем сухопутный. Вооружившись палками и камнями, толпа янычар ринулась со своими требованиями к шатру сердара, едва не убив его. Сатырджи Мехмед-пашу спасли от смерти вмешавшиеся в дело офицеры. Затем разъяренные янычары разграбили палатку казначея (дефтердара) и наконец решительно отказались идти к Буде, отправив свои боевые туги (штанарты) по дороге к Сегедину (Сегеду) и назначив своей конечной целью спокойный и безопасный Белград. Таким образом, они отказывались участвовать в военной кампании в зимнее время.

Долго не решавшийся после случившегося войти в свой шатер сердар, боясь нового нападения, наконец был вынужден подчиниться и отдал приказ о движении в сторону Сегедина. Здесь армия обнаружила суда с продовольствием и запаслась наконец необходимым провиантом. По счастью для турок, австрийцы сняли осаду с Буды, ограничившись разграблением ее окрестностей.

Прибыв с войском на зимовку в Белград, Сатырджи Мехмед-паша был вынужден сделать заем у горожан и торговцев, чтобы выплатить жалованье придворному войску²⁵⁰. Так бесславно, едва ли не впервые за всю историю турецких войн, закончилась летняя кампания 1598 г. Турки радовались уже тому, что их флот благополучно возвратился в Стамбул, не потерпев поражения от противника. Однако успех этот был достигнут не силою турецкого флота, а искусством его капудана (адмирала) Чагала-заде Синан-паши, который благополучно привел флот в столицу, воспользовавшись штормовым сезоном, когда противник обычно прекращал все свои операции на море²⁵¹.

Действия сердара Сатырджи Мехмед-паши в Венгрии вызвали недовольство султанского двора. Шейхульислам Саад-эддин-эфенди послал главнокомандующему письмо, в котором укорял его за то, что тот занялся взятием крепостей, вместо того чтобы решать поставленную перед ним задачу — опустошить земли трансильванского князя. Подобные действия, заключал шейхульислам, привели к ухудшению положения турок в Болгарии, где всю хозяйничали отряды Михая²⁵².

Правительство пребывало в растерянности. Было непонятно, как вести войну дальше. Казна была пуста, платить войску было нечем. Не имея возможности выдавать жалованье даже оставшимся в Стамбуле солдатам, в ожидании прибытия налоговых сумм из Диярбакырского и Трипольского вилайетов, было решено начеканить акче из выданного в качестве заема серебра султана Мехмеда III. При этом дефтердар намеревался изъять из присылаемого налога полноценные серебряные куруши и перечеканивать их в новенькие акче.²⁵³ Жалованье за ноябрь, декабрь 1598 и январь 1599 гг. правительство смогло выплатить лишь янычарам. Придворные сипахи остались без денег, но были вынуждены смириться. В столице, из-за войны, их было слишком мало для того, чтобы поднять бунт²⁵⁴.

Недовольство складывающимся положением в стране, военными поражениями, дороговизной, санкциями против уклоняющихся от участия в походе, нежеланием Мехмеда III лично возглавить армию создали благоприятные условия для успеха самозванца, появившегося в окрестностях столицы. Повсеместно он рассказывал о том, что является сыном Селима II, чудом оставшимся в живых при восшествии на престол Мурада III. Появлению самозванца в окрестностях Стамбула предшествовала его попытка собрать вокруг себя сторонников в Анатолии, где он какое-то время служил при одном из анатолийских бей-лербеев²⁵⁵. По его версии, он был старшим в османской династии и, согласно тюркским традиционным представлениям, имел право на верховную власть. Однако, по счастью для правительства, самозванец был вскоре изловлен и казнен.

Мехмед III активно искал выход из трудной ситуации, в которой оказалось Османское государство. Постоянно проводимые советы с везирами и военачальниками, обсуждение дел казны теперь занимали значительную часть времени султана. Серьезность финансового и политического положения в государстве обязывала к этому. Ввиду полного провала кампании 1598 г. было принято решение провести серьезную подготовку военной летней кампании 1599 г., сделав крупные закупки продовольствия и обеспечив войско необходимым боевым снаряжением. В конце января 1599 г. из своей личной казны Мехмед выдал для этих нужд 100 тыс. алтунов. Из этой суммы 15 тыс. 700 золотых были вручены янычарскому аге Хасану для закупки лошадей и вьючных животных, использовавшихся для перевозки бурдюков с водой. Правительство пыталось добыть деньги любыми способами. Так, прибывшие из Ширвана тюки с шелком-сырцом попытались насильно продать торговцам по завышенным ценам — 800 акче за окка (1 окка = 1,283 кг). Продать шелк удалось лишь по 600 акче. Турецкий капудан Чагала-заде Синан-паша в свою очередь пытался продать торговцам дорогие пряности с захваченных им кораблей христиан. При этом адмирал тщетно взывал к патриотическим чувствам коммерсантов, заявляя, что вырученные от продажи пряностей деньги пойдут на нужды мусульманского флота, участвующего в священной борьбе с неверными²⁵⁶. Финансовые чиновники пытались манипулировать разницей между реальным и официаль-

ным курсом монеты. Когда весной 1599 г. в государственную казну поступили золотые флорины и серебряные куруши, собранные в качестве джизьи, итоговая сумма налога была зачтена в акче по тогдашнему реальному курсу (1 флорин = 160 акче, 1 куруш = 110 акче). Между тем задолженное казной жалованье было выплачено в акче из расчета официального курса (1 флорин = 118 акче, 1 куруш = 68 акче)²⁵⁷.

В целях экономии казны была произведена проверка сумм жалованья придворных мютеферрика. В результате обнаружилось, что многие из них получают повышенное жалованье и прибавку-терраки, не имея на это подтверждающих документов. Таких мютеферрика насчитали 70 человек. Их дневное жалованье составляло от 40 до 100 акче. Султан издал указ снять их с жалованья²⁵⁸. Таким образом была достигнута экономия казны до 4 тыс. 900 акче в день, что составляло в год — 1 млн. 743 тыс. акче. Если бы такая же проверка была проведена в янычарском корпусе, она выявила бы огромное число лиц, получающих непопущенное жалованье. Однако, боясь бунта, сделать это правительство не решалось. Весьма робко оно пыталось контролировать деятельность янычарских кятибов, имеющих отношение к выдаче жалованья, время от времени делая запросы о причинах роста численности янычар²⁵⁹.

Для заготовки армейского продовольствия в провинции были посланы румелийский кадиаскер Мустафа-эфенди, дефтердар Мурад-эфенди, 300 придворных чавушей, 300 капыджи и некоторое число придворных сипахи. Румелийские кадии получили приказ собрать с населения подать под названием «нюзуль» (*тур.* остановка в пути) — ячмень и муку. Их взымали с одного из десяти дворов. При этом было велено не брать подать деньгами, а исключительно натурой. Ответственному за сбор подати нюзуль — нюзуль эмини — приказали строго придерживаться выданного при этом списка кадийских округов (каза), подлежащих обложению. Вскоре, однако, приказ был изменен. Подать начали брать лишь в расчете с одного двора из 15. Она включала в себя 1 киле (40 литров) ячменя и 1 киле муки. Кроме того, с одного из двух дворов было предписано забирать по одной овце²⁶⁰.

Примерно в это же время в Анатолии начали разворачиваться события, которые потрясли основы Османского государ-

ства, — народные восстания, получившие у историков название джелялийской смуты (от *тур.* джелали — повстанец). Началось с того, что посланный для мобилизации войска бывший анадоллийский и караманский бейлербей Хюсейн-паша, собрав вокруг себя отряды вооруженных мушкетами стрелков-секбанов, промышлявших в провинции мелким разбоем, одновременно с выполнением данного ему задания начал взимать с реайи подати — так, что, как пишет Мустафа Селяники, после сбора налогов крестьянам стало не на что жить. Многие пытались оказывать сопротивление сборщикам, на что Хюсейн-паша ответил казнями, и тогда население подняло восстание. Кадии встали на сторону крестьян и начали посылать жалобы в столицу. В Стамбуле заговорили о том, что необходимо послать в Анатолию войско во главе с сердаром²⁶¹. Понимая, что будет сурово наказан за свое самоуправство, Хюсейн-паша открыто выступил против правительственной власти²⁶². Найти себе сторонников для этого оказалось не столь уж трудно. К этому времени в Анатолии было неспокойно — нарастало недовольство самых разных слоев населения²⁶³.

В апреле—начале мая 1599 г. великий везир Ибрахим-паша установил свои шатры в долине Давуд-паша, обозначив тем самым начало летней военной кампании. Кроме великого везира в предстоящем походе должен был принять участие янычарский ага Тырнакчи Хасан. Ибрахим-паше были выданы из казны мешки с деньгами для выплаты жалованья войску, оставшемуся зимовать близ театра военных действий в Венгрии. С учетом разных выплат (на приобретение продовольствия, лошадей, оснащения флота, жалованья), как сообщает Мустафа Селяники, подготовка кампании стоила османской казне около 1 млн. алтунов²⁶⁴. Сколь ни была богата Османская империя, получавшая в целом огромный доход в виде налоговых поступлений, ведение длительных и безрезультативных войн оказывалось для нее непосильным бременем. Весь доход государства в 1596/1597 г. составил 300 млн. акче²⁶⁵. Между тем выданная сумма в 1 млн. алтунов по официальному курсу (1 алтун = 120 акче) была равна почти половине всего годового дохода — 120 млн. акче. С огромным трудом, прибегая к помощи шейхульислама и султанши-матери, новый главнокомандующий, великий везир Ибрахим-паша, смог получить необходи-

мые для ведения войны деньги. Да и то только часть их. Еще в пути сердар выдал жалованье находившемуся при нем войску за счет собранных налогов с округа Скопье²⁶⁶. Во время продвижения армии к Белграду, по приказу султана, был казнен (руками янычар) бывший сердар Сатырджи Мехмед-паша. Все имущество его было конфисковано. Эта казнь с одобрением была встречена в Стамбуле²⁶⁷ — с именем Мехмед-паши все связывали провал военной кампании 1598 г.

По прибытии в Белград войско с заранее заготовленным продовольствием и необходимым снаряжением двинулось по дороге к Буде. При этом она выступила в путь только в конце июля 1599 г., медленно продвигаясь к Эссеку, где задержалась на целую неделю. В Мохаче, куда прибыли 19 августа, к сердару присоединилась румелийская конница во главе с Мехмед-пашой, а также сипахи бейлербейства Ракка²⁶⁸. Как обычно, турки проявляли крайнюю медлительность.

Навстречу турецкой армии двигалось татарское войско, зимовавшее в Самборе (совр. Западная Украина). Соединившись с ним, турецкая армия, уже в полном составе, подошла к Буде 18 сентября 1599 г. Оттуда ее путь лежал к Вацу, который в середине октября был предан огню и разорению. Но это была лишь турецкая акция устрашения в преддверии ожидавшегося генерального сражения с австрийцами, которые в это время были сосредоточены в ожидании неприятеля напротив Эстергома. Турки не спешили, и лишь через какое-то время было принято решение идти к Эстергому, где находились основные силы противника.

Войско, собранное австрийцами, узнав о сожжении Ваца и приближении турецкой армии, переправилось у Эстергома на правый берег Дуная. Солдаты австрийского эрцгерцога вошли в Эстергом и приготовились к обороне. Одновременно было решено затеять с турками переговоры, чтобы как можно более затянуть время. Сколь ни хотел Ибрахим-паша помешать австрийцам переправиться через Дунай, ему не хватило для этого времени, и когда турки появились на берегу Дуная, неприятель уже успел укрыться за крепостными стенами Эстергома, разрушив после себя речную переправу. Разозленные неудачей турки, обнаружив на месте, где еще недавно располагался лагерь австрийцев, раненых христиан, убили их, дав выход своему раздражению.

Начались переговоры. В Эстергом для их ведения выехали турецкие послы. Австрийцы предложили туркам произвести размен крепостей — взамен захваченного ранее турками Эгера они просили оставить за ними Эстергом. Это было, по существу, предложение о сохранении статус кво, что вовсе не устраивало Ибрахим-пашу. Его благополучие и даже жизнь зависели от того, сможет ли он добиться хоть какого-либо успеха в Венгрии. Когда по возвращении турецких послов в свой лагерь австрийские заложники покинули его, сердар отдал приказ татарской коннице разграбить область Уйвар²⁶⁹. Близилась зима и было ясно, что времени на то, чтобы захватить хоть какую-либо крепость противника, уже не осталось. Для многочисленной и хорошо вооруженной турецкой армии проведенные рейды едва ли могли считаться успехом. К тому же не заладились и отношения с татарами. На протяжении всего похода сердар не раз вступал в конфликт с вассалом турецкого султана, и тот, по окончании кампании, сразу же ушел со своим войском в Крым. Армия возвратилась в Белград, при этом сердар не разрешил анатолийским сипахи и прочим покидать место зимовки. Лишь янычарскому аге было даровано право зазимовать в Стамбуле. Единственным результатом кампании 1599 г. стало завоевание Папы, и то только потому, что, не получив денег, наемники Рудольфа II сдали туркам крепость, которую обязались защищать за 60 тыс. золотых, которые им были обещаны²⁷⁰.

Подобный ход событий в войне с Австрией мало радовал османскую столицу, в которой росли критические настроения. Не радовали и вести из Валахии и Болгарии. Михайю в 1599 г. удалось нанести туркам поражение при Силистрии, предпринять ряд антитурецких акций в районе Рушука, Видина и др. И хотя Михай не смог завладеть ни одной турецкой крепостью²⁷¹, сила его росла. 18 октября 1599 г. он вступил, по соглашению с Рудольфом II Габсбургом, в Трансильванию и нанес здесь поражение ставленнику Сигизмунда Батория кардиналу Андрашу, а затем установил здесь свою власть в качестве советника и наместника императора²⁷². Все это, в совокупности с известиями о разгорающемся антиправительственном движении в Анатолии, вынуждало искать объяснение турецким неудачам. Заступивший после смерти Саадэдина на пост шейхульислама Сунуллах-эфенди выразил общественные настрое-

ния в проповедях, прочитанных им в праздник дня рождения Пророка в различных мечетях Стамбула. Мусульманские клирики, далеко не безгрешные в своей деятельности на службе государству, тем не менее традиционно выступали защитниками интересов мусульманской общины. Их лозунгом была социальная справедливость, помощь бедным и немощным. Конечно, улемы могли сделать реально не слишком много, однако сами декларации о справедливости привлекали к ним сердца верующих мусульман. Темой своих проповедей Сунуллах избрал положение дел в вакуфах, а именно выполнение условий их завещаний. Он клеймил действия управляющих (мютевелли) вакуфов, которые, пренебрегая условиями завещателей, отказывали простолюдинам в приеме в странноприимные дома, оказывая услуги и почести лишь именитым и богатым гостям. Шейх-ульислам горячо призывал возродить благие цели учреждения медресе и больниц для бедных, делать все для бедняков, ради которых учреждались вакуфы. Он сурово осуждал пренебрежение в делах мусульманского ритуала, широко распространившуюся систему взяток (рюшвет), которую предлагал запретить. Суровой оценке подверглись практика порчи монеты и положение дел в султанском дворце, где за всеми делами стояли женщины и евнухи гарема. Сунуллах призывал к проведению мер, способных навести порядок в делах государства²⁷³.

Возможно, это была почти инстинктивная потребность «выпустить пар», воспрепятствовать неуправляемому народному недовольству в столице, которое уже открыто проявилось в Анатолии, откуда анатолийские мулязимы, духовные лица, находившиеся в ожидании получения должностей, направили султану жалобу на анатолийского кадиаскера, зятя султана, Мухизддин-эфенди. Они обвиняли его в получении «очень больших» взяток при назначении на должность кадиев и в частой их смене, так что те не успевали проработать в своей должности и года. В результате Мухизддин-эфенди, которому не помогла и принадлежность к султанской фамилии, был смещен Мехмедом III со своего поста.

Несмотря на наличие «паршивых овец» в стаде, которых подвергали наказанию, если те переходили привычные грани дозволенного, улемы оставались важным социальным слоем, чувствующим свою ответственность за состояние дел в му-

сульманской общине. В конце октября 1599 г. столичные улемы собрались в доме Халиль-паши с целью обсудить положение дел в государстве. Наибольшую их тревогу вызывало антиправительственное движение в Анатолии, которое возглавил Хюсейн-паша и к которому примкнул уже не раз оказывавший неповиновение властям опасный бунтовщик Кара Языджи. Еще в августе 1599 г. против бунтовщиков было отправлено подразделение регулярной армии во главе с Мехмед-пашой, в которую вошло около 1500 человек, 300 из которых являлись только что зачисленными в корпус янычарами. Получив известие о направляющейся против него армии, Хюсейн-паша отступил к Урфе, где в это время со своими сторонниками находился Кара Языджи. В начале октября он захватил Урфу и засел там со своими людьми. Сердар Мехмед-паша, подошедший к стенам крепости с пушками и осадными орудиями, приступил к ее осаде²⁷⁴. Улемов крайне беспокоили эти события на юго-востоке Анатолии. В число мятежников вошли крестьяне, сипахи, деклассированные элементы. Численность их была довольно велика. Наблюдатели называли армию бунтовщиков «крайне многочисленной». Высказывалось опасение, что Мехмед-паша за малой численностью своих сил не сможет справиться с порученной ему задачей, имея при себе большое число новичков-янычар, не имеющих никакого боевого опыта. Между тем действия мятежников делали анатолийские дороги опасными и затрудняли доставку в столицу налоговых поступлений из Алеппо и Египта. Собравшиеся на совет улемы говорили о том, что османские чиновники погрязли во взятках и утратили способность решать государственные дела. Они зачитывали поступившие из провинции в столицу жалобы и прошения, в которых содержался призыв покончить с беззакониями в стране, с чрезмерным обложением чрезвычайными налогами, которые с начала царствования Мехмеда III превратились в постоянные. Улемы отмечали также оскудение государственной казны и разорение тимариотов, в течение последних двадцати лет вынужденных непрерывно участвовать в походах. На совете говорилось и об обнищании крестьян из-за непосильного налогообложения. Проклятию были преданы все появившиеся в государстве «новшества» (бидаат), приводящие лишь к беспорядку и хаосу в мусульманской общине²⁷⁵.

Свое общественное недовольство улемы начали выражать еще после сражения при Мезёкерестеше (1596), в котором принял участие Мехмед III. Уже тогда один из улемов, Хасан аль-Кяфи, находясь под впечатлением от едва не проигранного сражения, написал трактат «Хикам аль-хюкм», в котором трезво оценивал положение дел в стране и, кажется, впервые в османской истории заговорил о необходимости вести одни лишь оборонительные войны, отказавшись от завоеваний²⁷⁶. Под давлением событий конца XVI в., обнаруживших военную и экономическую слабость Османского государства, наиболее дальновидные представители османской административной системы были вынуждены пересматривать традиционную наступательную доктрину газавата в стране, главой которой являлся «покровитель всех мусульман». Конечно, реалистов, подобных Хасану аль-Кяфи, в стране, особенно среди улемов, едва ли было много (консерватизм мышления среди мусульманского духовенства был очень велик), однако уже сами попытки осмыслить и проанализировать ситуацию свидетельствовали о глубоком недовольстве, царившем внутри образованного класса османского общества.

Между тем центральная власть теряла контроль над огромной страной и проявляла все бóльшую беспомощность в обуздании административного произвола и бесчинств собственной армии. Социальные волнения охватывали теперь уже не только Анатолию, но и Сирию. Местные янычары, получив доступ к сбору налогов в области Алеппо, проявили себя столь беспощадными и жадными финансовыми чиновниками, что местные жители добились их наказания. 17 янычар, собиравших налоги, казнили, а их головы водрузили на стены городской крепости. Это вызвало ярость сирийских янычар, и они, сообщив в столицу, что казни подверглись «невиновные», начали грабить принадлежащие лично султану хассы близ Дамаска, выражая тем самым свое недовольство султанской администрацией²⁷⁷.

Действия повстанцев во главе с Кара Яызджи в Анатолии вызывали все большее беспокойство правительства. Объявив себя новым верховным правителем, он создал собственные двор, канцелярию и армию и учредил тугру (печать) с надписью «Халим-шах». Своим великим везиром он назначил бунтовщика Хюсейн-пашу. Армия и двор самозваного правителя

полностью копировали османский. В гвардии Кара Языджи были солтаки и янычары, комплектовавшиеся их аджеми огланов, придворные сипахи, чавуши, чашнигиры, мютеферрика. На подвластной «шаху Халиму» территории были созданы каза во главе с кадиями, которым Кара Языджи рассылал свои указы-хюкмы²⁷⁸. Возникла угроза самому существованию османской династии.

Посланный против Кара Языджи и Хюсейн-паши сердар Мехмед-паша осадил запершихся в Урфе мятежников. По всем правилам военного искусства он начал вести обстрел ее стен. Осажденные пытались совершать вылазки, однако несли большие потери под огнем правительственного войска. Желая спасти себя, Кара Языджи пошел на предательство. По его приказу его «великий везир» Хюсейн-паша был схвачен, связан и на веревке спущен со стен крепости для передачи Мехмед-паше. Мятежника доставили в Стамбул, допросили на заседании дивана и казнили 7 февраля 1600 г.²⁷⁹

С Кара Языджи было решено заключить соглашение. Бунтовщику был предложен пост санджакбея Айнтеба (по другим сведениям — Амасьи). Его и его людей выпустили из крепости Урфы, где он пробыл 73 дня, и он со своей боевой дружиной отправился к месту своего служебного назначения, не расставшись при этом с мыслью о продолжении борьбы с правительством. Он легко находил себе новых многочисленных сторонников в разоренной непосильными налогами, измученной неурожаем и нищей стране. Поняв свою ошибку, правительство приняло решение изловить опаснейшего смутьяна, однако каждый раз он уходил от погони. Тогда, уже во второй раз, было решение «приручить» Кара Языджи с помощью назначения его на должность Чорумского санджакбея. Боровшийся с ним до этого сердар Мехмед-паша был обвинен в немилосердных поборах с населения, что по мнению столицы создавало почву для роста недовольства, и отозван в Стамбул²⁸⁰.

Правительство между тем не оставляло мысли продолжить борьбу с опаснейшим мятежником. Против Кара Языджи, к которому присоединился его брат Дели Хасан, было велено действовать двум войскам под началом отдельных командующих. Одно войско возглавил бейлербей Багдада Хасан-паша, другое — везир Хаджи Ибрагим-паша, посланный ему в помощь из

столицы. Очень скоро, однако, между ними возникли соперничество и вражда. Хаджи Ибрахим-паша, не дожидаясь соединения с войском Хасан-паши, еще находившимся в пути, вступил в сражение с армией повстанцев у города Кайсери и потерпел поражение. Это значительно подняло авторитет Кара Языджи среди его сторонников. Он распоряжался на подвластных ему территориях как полновластный верховный правитель. Осенью 1600 г. Кара Языджи, как никогда, был близок к поставленной им цели — основанию независимого от османов и подчиненного ему государства. На его сторону стали переходить отдельные провинциальные сановники.

Багдадский бейлербей Хасан-паша, учтя опыт поражения армии Хаджи Ибрахим-паши, не спешил давать генерального сражения мятежнику. Лишь объединившись с силами бейлербеев Алеппо и Дамаска, он 15 августа 1601 г. нанес поражение армии Кара Языджи близ местечка Сепетли, вынудив мятежника бежать. Преследуя беглеца, Хасан-паша дошел до Токата, где его действия остановила наступившая зима. Между тем в лагере повстанцев разгорелась борьба за власть. В результате ее в начале 1602 г. Кара Языджи погиб — скорее всего, от рук своих собственных соратников. Его брат Дели Хасан пользовался большим авторитетом среди инсургентов, основную часть которых, как представляется, составляли теперь анатолийские кочевники-туркмены. Только этим можно объяснить кажущиеся несуразными сведения о стремлении главарей повстанцев к созданию «республики» — коллективного правления в виде «совета»²⁸¹. Речь может идти о попытке возврата к патриархально-общинным, родо-племенным элементам управления, память о которых еще не исчезла в кочевнической и полукочевнической среде анатолийских племен. Именно их участием в рядах повстанцев можно объяснить победы, которые одерживали бунтовщики над посланными против них правительственными войсками. Никакая крестьянская армия не смогла бы противостоять сипахийской коннице Хасан-паши, который весной 1602 г. потерпел поражение под Токатом от войска Дели Хасана²⁸².

Армия Дели Хасана осадила Токат, где укрылся Хасан-паша, и овладела городом. В азиатской части Османской империи не оказалось правительственных войск, способных подавить

восстание. Бейлербей Диярбакыра Хусрев-паша, получивший приказ расправиться с бунтовщиком, не сумел этого сделать. Сипахи Дамаска, Алеппо и Мараша, которые должны были принять участие в карательной операции, отказались выступить против Дели Хасана, ссылаясь на близость зимы. Войско мятежников, вбирая в себя все новых недовольных и разрастаясь в пути, двинулось на запад и осадило Кютахью, где укрылся назначенный защитником (мухафызом) Анатолии везир Хафыз Ахмед-паша. Только зимние холода помешали инсургентам овладеть крепостью. Их главарь отправился на зимовку в Каракхисар. Перепуганное правительство на этот раз назначило для борьбы с Дели Хасаном Гюзельдже Махмуд-пашу. Однако Дели Хасан счел благоразумным помириться с правительством. Летом 1603 г. в Стамбул с чрезвычайной миссией прибыл его ближайший сподвижник Шахверди с просьбой о прощении. Правительство предпочло согласиться с предложением о мире и обещало Дели Хасану дать в управление Боснийский санджак²⁸³. Перебравшись со своими людьми в Румелию, Дели Хасан и здесь действовал не как правительственный чиновник, а как бунтарь и в конце концов был казнен по приказу султана.

Мятежи в Анатолии и многочисленные неудачные попытки борьбы с ними лишний раз показали ослабление центральной власти, неспособность военно-феодальной структуры быть прочной опорой государства, падение авторитета турецких султанов и его административного аппарата, более не справлявшихся в полной мере с управлением империей, потерю эффективного контроля над классом сипахи и регулярной армией. На разрушение старых социальных структур и связей указывает не только реально начавшееся массовое уклонение сипахи от своих военных обязанностей, но и растущие попытки верхов проанализировать причины нарушения «былого порядка в государстве» с целью его восстановления. Огромная Османская империя, достигшая пика своего политического могущества, проявляла все признаки начавшегося упадка. Дальнейшая ее экспансия представлялась уже невозможной в силу объективных внутренних и внешних причин. Однако далеко не сразу внутри государства это было осознано в полной мере. Идея экспансии, «борьба с неверными» еще долго продолжали оставаться доминирующими идеями общественного сознания, застав-

ля османских султанов действовать в привычном русле внутренней и внешней политики.

Одновременно с борьбой против анатолийских мятежников Османская империя продолжала войну с австрийскими Габсбургами. Летом 1600 г., уже со ставшим привычным запаздыванием, начались приготовления к очередной военной кампании. Турки не оставляли надежды отвоевать отнятый у них Эстергом, но сомнительность победы была очевидной. Войско, прошедшее зимовку в Белграде, двинувшись в глубь венгерских земель, осадило небольшую крепость Бабоча и на третий день осады овладело ею, вернее, ее предпочли сдать на условиях договора сами защитники. Затем мухафыз Буды Тирьяки Хасанпаша получил приказ овладеть крепостью Каниса. Выполняя поставленную задачу, по пути к крепости он захватил с собой австрийских наемников из Фехервара (Секешфехервар), перешедших на сторону турок из-за невыплаченного им обещанного жалованья. (У стен Канисы «франкам» было приказано рыть траншеи впереди от траншей янычар.) Было ясно, что захватить крепость можно лишь засыпав глубокий ров с водой. При помощи плетеных платформ и сложенных поленниц турки сумели подобраться к крепостным стенам и один из многих произведенных ими пушечных выстрелов вызвал случайно взрыв порохового склада в крепости. Тем не менее ее защитники и не думали сдаваться. На подмогу к ним прибыло войско австрийцев и атаковало турецкие позиции. Печеве описывает одну из атак, во время которой сипахи, попытавшиеся отразить неожиданное нападение, были накрыты метким огнем из мушкетов. В бой были экстренно брошены янычары, однако, спасаясь от мощного огня противника, они обратились в бегство, бросив на поле боя без защиты знаменосцев некоторых бейлербеев, а также самого янычарского агу с несколькими не покинувшими его людьми. Воспользовавшись возникшим замешательством, австрийцы сумели выкатить свои пушки на столь близкие позиции, что начали обстреливать турецкие траншеи. Не имея возможности совершать маневры, турки до вечера беспомощно простояли под огнем противника, в то время как неприятельские пехотинцы, не теряя времени, начали устраивать гнезда для пушек прямо напротив турецкого лагеря, к утру беспрепятственно закончив свою работу.

С рассветом турецкое войско смогло все же построиться для дачи сражения во главе с сердаром, готовым возглавить атаку. Как обычно, перед всадниками-сипахи были выставлены янычары. Противник начал атаку первым, и янычары сразу же обратились в бегство, увлекая за собой сипахи. Вместо густых рядов турецкой пехоты и конницы на поле боя остались лишь знаменосцы и офицеры. Беглецы старались укрыться в близлежащем лесу и болотце. От полного разгрома турецких позиций, как и самого сердара, Ибрахим-пашу, спас лишь опустившийся туман, не позволивший противнику вести прицельный и точный огонь. Столь поспешное бегство турецкой армии еще до начала настоящего сражения показалось австрийцам подозрительным. Искушенные в военной тактике, они сочли это военной уловкой и заманиванием в ловушку. В течение восьми дней, сбитые с толку и не веря в обыкновенное бегство противника, они простояли у стен крепости наготове, ожидая подвоха. И наконец, за отсутствием врага, покинули позиции. Наблюдавшие за всем этим защитники крепости, по их уходе, предпочли сдаться. Посланный в качестве парламентаря чавуш Синан принял участие в составлении документа о сдаче крепости, и гарнизон, по условиям заключенного договора, беспрепятственно покинул ее. Столь счастливое окончание дела при бесславном бегстве турецкого войска дало хронисту Ибрахиму Печеви основание заметить, что в данном случае не обошлось без прямого вмешательства Всевышнего²⁸⁴.

Захваченная Каниса была передана под турецкое управление. В город был назначен кади Кадири-эфенди, поставлен янычарский гарнизон. Охранять Канису было поручено янычарскому секбанбаши Сафар-аге с подчиненными ему янычарскими ротами. К ним добавилось 3 тыс. так называемых кулоглу, несших службу в ожидании зачисления в янычарский корпус, а также некоторое число добровольцев, согласившихся служить в крепости за прибавку к жалованью в 2 акче. Были произведены некоторые изменения в других гарнизонах Венгрии. Кулоглу Буды и Эгера, служившие в качестве гарнизонных солдат, были внесены в списки действительных янычар и поставлены на янычарское жалованье. Сипахи румелийского войска, участвовавшие в летней кампании 1600 г., не были отпущены домой и размещены на зимовку в Призрене, анатолій-

ские — в Баньялуке, лишь янычары, во главе с янычарским агой, получили разрешение провести зиму в Стамбуле²⁸⁵.

Овладение двумя крепостями в Венгрии сопровождалось и некоторыми успехами на границах с Валахией. Посланный с карательными целями сердар Махмуд-паша восстановил пограничную крепость Джурджево и организовал несколько набегов на валашские территории, во время которых были разграблены и сожжены многие земли²⁸⁶. Михай на этот раз не оказал туркам серьезного сопротивления, будучи занят завоеванием Молдавии и мечтами об объединении в своих руках трех княжеств — Валахии, Молдавии и Трансильвании. Неумеренные притязания Михая погубили его и одновременно помогли туркам повернуть ситуацию в Придунавье в свою пользу. Венгерское дворянство Трансильвании, призвав на помощь Габсбургов, силами наемников во главе с Кашши Джоджо Басту 18 сентября 1600 г. разбило войско Михая. Поляки изгнали солдат Михая из Молдавии и Валахии, и он был вынужден искать убежище у Габсбургов в Праге. Дворянство Трансильвании в феврале 1601 г. избрало себе князем Сигизмунда Батория. С ним попытались бороться, объединившись, Михай и Басту, но в ходе этой борьбы Михай 19 августа 1601 г. был убит по приказу своего союзника Басту²⁸⁷. Антитурецкой борьбе валашского господаря был положен конец, но не руками самих турок, а в силу развернувшейся помимо них борьбы за Трансильванию.

Продолжавшаяся война, борьба с бунтовщиками в анатолийских землях требовали от правительства все новых расходов. Не прекращался рост цен. Население было недовольно плохим качеством монеты и с трудом сводило концы с концами. Росли цены не только на продовольствие, но и на ремесленные изделия. Пара обуви, в зависимости от ее вида, стоила от 100 до 200 акче, зира (около 0,7 м) сукна хорошего качества — 400 акче, качеством похуже — 200 акче. Но и эти цены были часто номинальны. Торговцы и ремесленники нередко отказывались принимать к оплате обесценившиеся акче и требовали за свои товары золотые монеты или серебряные куруши. Реальный курс золотого составлял уже 190 акче. Казна пользовалась выгодным для нее курсом. 1 золотой официально приравнивался к 118 акче, куруш — к 68 акче. При выдаче жалованья придворному войску в расчет принимался следующий курс — 1 золо-

той шел за 120 акче. Янычары и сипахи продавали полученную в виде жалованья золотую монету по ее реальному курсу²⁸⁸.

В результате ухудшившегося положения казны придворные сипахи получили возможность поживиться при сборе налогов джизья и адет-и агнам, который им временами поручало правительство. Весной 1600 г., испытывая огромную нехватку средств, правительство попыталось сдать сбор указанных налогов на откуп. Узнавшие об этом сипахи в пятничный день собрались перед воротами султанского дворца и потребовали передать дефтеры по сбору налогов им. Одновременно они высказали крайнее недовольство своим материальным положением, не позволявшим им, по их словам, приобретать за монеты плохого качества ни хороших лошадей, ни военную экипировку. Возбуждение собравшихся достигло такого предела, что ожидали крупного бунта. У дворца собралось несколько тысяч сипахи, к которым присоединились янычары, зимовавшие в столице. Бунтовщики считали виновными в скверном положении дел с монетой откупщиков-евреев, взимавших пошлины на стамбульских таможнях, и обвинили их в порче акче. Именно они, по словам сипахи, сдавали в казну мешки с неполноценной монетой. Конногвардейцы потребовали у шейхульислама Сунуллах-эфенди издания фетвы, разрешающей казнь откупщиков. Тот отказался выдать ее, заявив, что убийство зимми (немусульманские подданные султана, «люди Писания»), к которым относились христиане и евреи) непозволительно и предложил сипахи составить петицию на имя султана.

На следующий день, в субботу, собравшись в огромные толпы, сипахи начали требовать встречи с Мехмедом III. Ситуация грозила обернуться непредсказуемыми последствиями. Султана были вынуждены прятать. Еврейские кварталы столицы начали усиленно охраняться янычарскими патрулями. На растерзание бунтующим сипахи был отдан наспех схваченный «фальшивомонетчик». Его казнь на время утихомирила сипахи, которые принялись составлять петицию на имя султана с обвинениями в адрес евреев-откупщиков. Шейхульислам, несколько подправив послание, вручил его Мехмеду III. Сипахи требовали, чтобы в воскресенье к резиденции великого везира доставили виновных фальшивомонетчиков и их сородичей. Не дожидаясь ответа на свое послание, они убили первого попав-

шегося им по пути еврея и притащили к его телу мать несчастного. Сюда же был доставлен и его брат, который спас свою жизнь, лишь согласившись перейти в ислам и отдать все свои деньги бунтующим. Тем не менее, не удовлетворившись уже содеянным, бунтовщики по-прежнему требовали санкций против откупщиков-евреев — приказа носить особую одежду и запрета заниматься откупничеством.

Гася недовольство и бунт, Мехмед III отправил бунтующим сипахи 100 тыс. золотых монет (флоринов) и передал им дефтеры на сбор налогов²⁸⁹.

Весной 1601 г. великий везир и сердар Ибрахим-паша принял некоторые шаги, направленные на заключение мира с австрийцами, однако его смерть (возможно, не случайная) в июле 1601 г. помешала начавшимся переговорам. Новым великим везиром и сердаром был объявлен Йемишчи Хасан-паша. В Стамбуле раздавались разумные голоса назначить командующим румелийского бейлербея Лала Мехмед-пашу, который в это время уже находился в Венгрии, что давало возможность армии без промедления приступить к военным действиям против неприятеля. Однако этому назначению воспротивился шейх-уль-ислам Сунуллах-эфенди, за что в конце концов, в результате интриг, потерял свою должность²⁹⁰. Опытный военачальник, румелийский бейлербей, не был назначен командующим — время опять было безнадежно упущено. Новый сердар прибыл в Белград лишь 27 августа 1601 г. Между тем австрийцы все лето не теряли времени даром. Еще весной 1601 г. они осадили занятую турками крепость Секешфехервар. Посланные сердаром на помощь осажденным сипахи румелийского, анатолийского и боснийского бейлербеев успели добраться лишь до Эссека, когда была получена весть о сдаче турками крепости. Это произошло уже на девятый день осады. Пытаясь как-то объяснить это, османские хронисты указывают на превосходящие силы противника, приводя подробный перечень его пушек (общее их число составило 30), а также численность войска осаждавших — 45 тыс.²⁹¹

Действия турецкого войска, сосредоточившегося тогда в Венгрии, несмотря на его большую численность, оказались малоэффективными. Отряды перебрасывались с места на место без предварительной разведки, которая работала плохо. Турки

не знали, где ожидать вероятного нападения противника, места его сосредоточения, предполагаемые действия. А после смерти Ибрахим-паши войско оказалось и без общего руководства, долго дожидаясь назначения нового главнокомандующего. С приездом нового сердара, Йемишчи Хасан-паши, было получено известие о том, что австрийские войска осадили Канису. Турки колебались, не зная, куда им направиться, — к крепости Секешфехервар или к осажденной Канисе. В конце концов на военном совете было принято решение идти к Секешфехервару. Лишь в самом конце сентября (или в начале октября) 1601 г. турецкое войско появилось под стенами крепости.

Австрийцы, ожидавшие подхода турецкой армии, заняли выгодную для себя боевую позицию, умело используя особенности рельефа. Во многих местах, на возвышенности, были размещены пушки, хорошо простреливавшие местность на большом радиусе. Турки были вынуждены сосредоточить на тесном пространстве большое число янычар, вооруженных мушкетами. В развернувшемся сражении они показали себя с самой плохой стороны, победив с поля боя при первых же залпах вражеских ружей и пушек. Бегство их было столь стремительным, что ринувшиеся вслед за ними австрийские солдаты едва не захватили самого турецкого командующего. Австрийские же пехотинцы действовали исключительно продуманно и умело. Из описания сражения, которое дают османские хронисты, ясно, что сила противника заключалась не только в мощи и точности огня, но и в тактических приемах ведения боя. Австрийские боевые единицы действовали с удивительной мобильностью, установленные на повозках артиллерийские орудия легко передвигались на нужное для каждого момента боя место и своим огнем парализовывали действия турецкой конницы. Тем не менее первый день сражения не выявил победителя. Сражение продолжилось на следующий день, при этом австрийцы действовали уже по другому тактическому плану, за ночь поменяв места дислокации пушек. Пошедшие утром в наступление турки атаковали уже пустующие позиции противника, действуя вслепую. Незнание расстановки сил противника привело к большим потерям в турецкой армии, особенно среди ее офицеров, возглавлявших атаки. И все же личная храбрость и личное умение сражаться в конном бою еще мно-

го значили в военных действиях того времени, и проявленное турецкими всадниками искусство не позволило австрийцам нанести туркам окончательного поражения. Ночью находившиеся у стен Секешфехервара австрийские солдаты ушли из-под его стен, прекратив всякие боевые действия, а 4 тыс. янычар после сражения были посланы во главе с турнаджибаши в подкрепление гарнизону Буды, возглавляемому румелийским бейлербеєм²⁹².

Предпринятая австрийцами тем же летом 1601 г. попытка осадить и взять Канису не принесла им желаемого успеха. Оборонявший Канису Тирьяки Хасан-паша, имея в крепости достаточное количество продовольствия и боеприпасов, стойко оборонялся, одновременно посылая сердару призывы о помощи. Австрийцы приняли решение взять крепость измором. У осажденных начали кончатся запасы пороха. К изготовлению его в самой крепости был привлечен один из янычар, который в бытность свою аджеми огланом работал в пороховой мастерской²⁹³, однако было ясно, что это принесет лишь временную оттяжку неминуемой сдачи. Однако и в лагере австрийцев возникли свои трудности. Многие из осаждающих, страдая от холодов, пытались бежать, их возвращали на место их командиры, но в конце концов у австрийцев все же осталась лишь горстка солдат, истощенных и ослабевших, которые в один прекрасный день стали легкой добычей защитников крепости. В результате предпринятой атаки турки изгнали из-под стен крепости осаждавших и завладели брошенными ими орудиями, которые были перевезены в город²⁹⁴.

Длительная оборона Канисы и стойкость ее защитников, в числе которых находились янычары во главе с секбанбаши Сафар-агой, дали наконец туркам повод для торжества их уязвленного самолюбия. Герой обороны Тирьяки Хасан-паша был удостоен личного послания Мехмеда III, в котором тот высоко оценил его службу и рвение в деле сохранения «чести и безопасности» мусульманской общины. Похвального слова удостоились и рядовые участники обороны — в своем послании Мехмед приказывал зачитать текст августейшего письма перед всем гарнизонным строем²⁹⁵. Предметом гордости турок теперь становились не завоевания, а успехи в деле сохранения завоеванного.

Венгерская кампания 1601 г. многому научила турок. Еще зимой, получив разведывательные данные от своих лазутчиков, они переправили в Белград пушки, захваченные ими под Канисой. Вся операция по доставке орудий была произведена в обстановке чрезвычайной секретности²⁹⁶. Тем самым обеспечивалась безопасность операции — боялись неожиданного нападения противника. Перевозимый груз представлял особую ценность. В руках расквартированной в Венгрии турецкой армии оказались образцы военной техники, изготовленной по передовой на тот момент европейской технологии. Потерять их было бы непростительно.

В Стамбуле также прилагали все старания, чтобы материально обеспечить войско, не дав ему повода к неудовольствию. Выступающим в поход янычарам и придворным сипахи выдали жалованье в двухкратном размере — в расчете на полгода, а в мечети султана Мехмеда Фатиха была произведена продажа на откуп дефтеров на взимание джизьи, которое было поручено придворным сипахи. После всех этих принятых мер войско во главе с янычарским агой выступило из столицы, открывая летнюю кампанию 1602 г. В конце июня 1602 г. оно соединилось с армией сердара Йемишчи Хасан-паши, перед которым стояла задача отвоевать у австрийцев занятый ими Секешфехервар. В этот раз Хасан-паша, который учел опыт прежних неудачных кампаний, не терял времени даром, и уже 12 июля турецкая армия оказалась под стенами вышеназванной крепости. Янычары установили пушки и немедленно начали обстрел крепостных стен. В четырех местах удалось сделать подкопы под стены и произвести подрывы. На 17-й день осады, во время обеденной трапезы янычар, которая происходила в самое жаркое время дня в их траншеях, один из них, неожиданно для всех схватив в руки боевой штандарт, ринулся к крепостной стене и сумел взобраться с ним наверх. Над крепостью, на виду у всех, взметнулся турецкий стяг. Увидев это, янычары и другие воины тотчас же ринулись к стенам и беспрепятственно взобрались на них. Австрийский караул, состоявший из нескольких человек, по всей видимости, не ожидал от не любивших нарушать свои ритуальные трапезы янычар подобной атаки, которая была поддержана остальной частью турецкого войска, и внешние стены Секешфехервара оказались взятыми. Защитникам города

удалось укрыться в цитадели. Однако турки, сделав несколько подкопов и подрывов, проделали бреши в стенах и были готовы провести окончательный штурм. В этих условиях защищавшие Секешфехервар предпочли запросить мира, и крепость была ими сдана²⁹⁷.

Сердар Хасан-паша оказался не только удачливым военачальником, он пытался быть дипломатом. Еще зимой его ставку посетил Мозеш Секей, выходец из дворянской семьи Трансильвании, с просьбой направить летом 1602 г. туда турецкую армию, чтобы помочь ей в ее антигабсбургской борьбе²⁹⁸. Овладев Секешфехерваром, Хасан-паша решил, что настало время предпринять поход в Трансильванию и предоставить войску желанную возможность пограбить трансильванские земли. Однако ко времени падения Секешфехервара туркам стало известно, что Мозеш Секей потерпел поражение (2 июля 1602 г.) от войска Габсбургов при Тевеше (Тейюше), и 26 июля Сигизмунд Баторий передал власть в Трансильвании габсбургскому военачальнику Басту, а сам навсегда покинул страну²⁹⁹. Предлогом для намеченного сердаром турецкого вторжения в Трансильванию послужила необходимость оказать помощь разбитому при Тевеше Мозешу Секею.

Не все поддерживали план Йемешчи Хасан-паши совершить поход в Трансильванию. Сердара пытались отговорить от этого опрометчивого шага, указывая на то, что сильное австрийское войско стоит под Эстергомом. Из описания возникших в связи с этим споров, которое дает Ибрахим Печеви, бывший свидетелем событий, видно, что кадиаскер, находившийся в войске Хасан-паши, опирался на данные своей собственной «разведки». И эти данные не совпадали с тем, что сообщали о неприятеле лазутчики самого сердара. Однако он настоял на трансильванском походе. Между тем его оппоненты предупреждали, что австрийцы непременно воспользуются уходом турецкой армии из центральной Венгрии и осадят Буду. Однако и этот довод не повлиял на решение Хасан-паши, и сердар двинул армию к границам Трансильванского княжества³⁰⁰.

Когда турецкое войско расположилось на стоянке в местечке Сарваш, сюда прибыли гонцы с известием об осаде австрийцами Буду и о разорении ими Пешта. Хасан-паша был вынужден немедленно развернуть свою армию и в спешном порядке

двинуться к Пешту. Засевшие на дунайском речном островке австрийцы, установившие там пушки, своим интенсивным огнем мешали переправе турок на противоположный берег Дуная к осажденной Буде. Одновременно австрийские пушки били по крепостным стенам осажденного города. Турки были вынуждены остановиться у границ занятого австрийцами Пешта и начать его пушечный обстрел. Безуспешное для турок артиллерийское сражение продолжалось 15 дней. Между тем в их лагере начали заканчиваться запасы продовольствия. Подскочили цены на продававшиеся продукты питания. Киле муки стоило 20—22 золотых, ячменя — 10—15. Удачей считалось раздобыть продукты и за эту огромную сумму³⁰¹. Турки, пришедшие помочь осажденной Буде, были вынуждены просить продовольствия у самих осажденных. Однако к сердару прибыли командиры будинского гарнизона с просьбой удалиться вместе с его армией, в противном случае оказались бы истощенными все продовольственные запасы Буды. Турецкий комендант Буды наотрез отказался выполнить приказ сердара и передать гарнизонное продовольствие его армии, дерзко заявив при этом, что подчинился бы только тому, кто прослужил в крепости больше, чем он сам³⁰².

Хасан-паша был вынужден отказаться от продолжения борьбы, ограничившись засылкой в город тысячи янычар: в янычарские дефтеры для этого было вписано соответствующее число кулоглу³⁰³. Зачисление такого большого числа сыновей янычар, или, как их называли, кулоглу, означало увеличение расходов казны почти на 2 млн. акче. Сумев передать Буде пушки, пушкарей и оружейников, сердар во второй половине сентября 1602 г. двинулся со своей армией по направлению к Белграду на зимние квартиры.

Мухафыз (комендант) Буды между тем успешно отражал штурмы остававшихся под стенами города австрийцев. Меткий огонь его мушкетеров и бомбардиров (хумбараджи) не позволял противнику провести штурм, который закончился бы успехом. Находившийся среди защитников крепости Сулейман-паша, проявив изобретательность, изготовил ручную бомбу такой силы, что при решительном штурме своим взрывом она нанесла значительные потери неприятелю. Однако это мало повлияло на осаждавших. Стены Буды продолжали постоянно обстрели-

ваться — у австрийцев была превосходная осадная техника и пушки. Они умело применяли подкопы и подрывы крепостных стен, в результате чего наконец появились большие бреши, позволившие надеяться на успех осады. Однако мухамет-паша применил тактику ночных вылазок из крепости. В одну из них турки совершили особенно удачный налет на траншеи противника, во время которого было перебито множество вражеских солдат, перевернуты пушки и увезена в крепость часть пороха (часть была взорвана на месте). Кади Буды Хабиль-эфенди, уже глубокий старик (ему было под 80 лет), показывая пример доблести истинной веры, собственной рукой предал смерти одного из захваченных пленных.

В результате умелых действий осажденных австрийцам так и не удалось совершить успешного решающего штурма. Начавшиеся осенние дожди сделали невозможным пребывание солдат в траншеях — погода вынуждала их уйти из-под стен Буды. Турки на этот раз не только умело защищались. Они преследовали неприятеля, отправившегося по дороге к Эстергому, и смогли отбить у отступавших несколько пушек, поместив их затем в Будийской крепости. Оборона Буды стала бесспорным успехом Мехмед-паши, который получил за это от султана звание третьего везира с пожалованием соответствующих этому рангу хассов³⁰⁴. Янычары и придворные сипахи, по прибытии в Белград, хотя и не принадлежали к гарнизону Буды, также не были забыты и получили прибавку к жалованью (по два акче получили сипахи и по одному акче — янычары)³⁰⁵.

Когда шедшая на зимовку в Белград турецкая армия достигла Землина (*серб.* Земун), она встретила с войском татар во главе с крымским ханом Гази-Гиреем. Это был несколько запоздалый приход в Венгрию, но он уберек его от гнева турецкого султана Мехмеда III. Для зимовки татарского войска были определены земли вокруг Сигетвара, Копани и Мохача. Сам Гази-Гирей предполагал зазимовать в Пече³⁰⁶.

Австро-турецкая война, изнурительная и малоуспешная для обеих сторон, приобретала все более бессмысленный характер. Бесперывные осады крепостей, их сдачи и повторные завоевания обескровливали обе стороны и истощали финансовые ресурсы противников. Успехи Габсбургов были мизерны, а расходы огромны. Жалованье наемникам и их материальное

обеспечение требовали больших средств, в результате чего Габсбургский двор был вынужден занимать значительные средства. Только одному австрийскому предпринимателю, Лазарю Хенкелю, правительство задолжало 1 млн. флоринов³⁰⁷.

Зимой 1602 г. Стамбул встретил возвратившихся для зимовки янычар, где они узнали, что мятеж Дели Хасана в Анатолии окончательно не подавлен. Под воздействием ли патриотического порыва или же, что более вероятно, попав под влияние одной из борющихся придворных партий, янычары и сипахи в присутствии янычарского аги Али обсудили на своем совете положение дел в государстве. 13 января 1603 г. придворное войско потребовало отставки каймакама (заместителя великого везира) Саатчи Хасан-паши, который был обвинен ими в «дурном управлении делами». Вместо него каймакамом был назначен Гюзельдже Махмуд-паша, а его предшественник на этом посту отправился в тюрьму Йеди Куле. За связь с «бунтовщиками» султан сместил янычарского агу Али и назначил вместо него старого придворного — бостанджи-баши Ферхад-агу, который за свою свирепость и беспощадность получил прозвище Дели (Безумный). Эта акция янычар стоила поста и шейхульисламу Мехмед-эфенди, которого сменил Сунуллах-эфенди³⁰⁸. Кажется, дело обойдется обычными должностными перестановками, которые удовлетворяют янычар. Однако события пошли по другому пути. Похоже, янычары действовали по заранее составленному плану — целенаправленно и настойчиво.

16 января 1603 г. они явились в правительственный диван, где заявили о своем недовольстве действиями везиров. Янычары выкрикивали, известно ли султану о том, что творится в его государстве. Печевы, описывающий это событие, высказывает предположение, что причиной выступления янычар были многочисленные жалобщики, прибывавшие в столицу из охваченной беспорядками Анатолии. Регулярная армия выступила не с экономическими требованиями, а с критикой правительственной политики. Янычары и сипахи осудили практику взяток при назначении на должности. В этом они видели единственную причину разорения страны, охвативших ее волнений и развернувшейся, по сути, гражданской войны между «бедными и богатыми». Солдаты капыкулу извещали султана о беззакониях, творимых в провинциях Анатолии людьми султанских

наместников и бунтовщиками, о бездарных действиях командующих султанским войском, направляемых против бунтовщиков. Они обвинили везиров в несправедливом смещении сердара Мехмед-паши, первым брошенного на борьбу с восставшим Кара Языджи. Войско требовало от правительства немедленно обсуждения государственных дел и необходимых правительственных действий. Чтобы высказать султану все эти претензии, янычары и силахи заставили вынести из дворца трон султана, который Мехмед III был вынужден занять на виду у всех. Капыкулу также выдвинули обвинения против двух дворцовых слуг, пользовавшихся огромным влиянием при дворе, — Газанфер-аги, главы придворной стражи, и Осман-аги (кызлар агасы, или дар-ас-саадет агасы), главы черных евнухов, охранявших султанский гарем. Перепуганный султан, чтобы спасти положение, немедленно отдал приказ о казни двух своих любимцев³⁰⁹.

Смена лиц в правительственной верхушке по требованию войска, выступление против политики правительства и беспрепятственное вмешательство в дела государственного управления явились прологом целой серии подобных же событий, происходивших затем на протяжении всего XVII и XVIII в. Это демонстрировало ослабление центральной власти и вступление в полосу затяжного политического кризиса Османской империи, грозившего ее деградацией и конечным распадом, реально произошедшим в XIX в. Характерной чертой этого затянувшегося процесса было участие в нем армии, все более становившейся самостоятельной политической силой, способной выступить не с одними лишь экономическими требованиями. В условиях жизни Османского государства начала XVII в., особенностей его структуры, только армия, организованная и вооруженная сила, в моменты кризисов была способна сыграть эффективную роль в их разрешении (с учетом собственных интересов). И прежде янычары, случалось, выдвигали некоторые политические требования, однако, как правило, будучи инструментом борьбы в бюрократической верхушке, использовавшей их в качестве мощного средства давления на султана. В начале 1603 г. ситуация качественно изменилась. Выступив как самостоятельная политическая сила, придворное войско выразило интересы всего общества, заинтересованного в восстановлении в стране порядка и законности.

Данное выступление армии продемонстрировало полную беспомощность центральной власти перед лицом подобных политических выступлений. Правительство не имело иной силы, способной противостоять требованиям янычар и придворного войска сипахи. В руках султана оставалась лишь сравнительно немногочисленная группа дворцовых слуг и членов дивана. При этом отнюдь не правительственный диван имел решающий голос в делах государственного управления. Гораздо большей силой и влиянием к этому времени обладали дворцовые придворные, в особенности связанные с султанским гаремом, где голос и влияние женщин (султанши-матери, старшей жены султана или его любимой наложницы) подчас имели решающее значение. Именно лиц из этой группы дворцовых служащих — капы агасы Газанфер-агу и дар-ас-садет агасы Осман-агу, приобретших чрезмерное влияние на султана, потребовали убрать во время разразившегося бунта янычары и сипахи. Перед влиянием этой дворцовой группы правительственный диван был бессилён, и только вмешательство регулярной армии, обладавшей реальной силой, могло повлиять на положение дел и разрешение кризисной ситуации в государстве.

События, произошедшие в столице, чуть позднее имели свое продолжение. Узнав о волнениях в придворном войске, сердар Йемишчи Хасан-паша поспешил в столицу. Трудно сказать с точностью, чем это было вызвано. Скорее всего, он опасался повторения печальной судьбы своего предшественника, казненного сердара Ибрахим-паши, и стремился предупредить нежелательное для него течение событий. В столице он имел самое высокое покровительство в лице султанши-матери (валиде султан), чрезвычайно влиятельной при дворе. Однако в столице Хасан-пашу ожидали тяжелые испытания. По рассказу османских хронистов, группа придворных сипахи, недовольная действиями Хасан-паши в Венгрии, явилась к шейхульисламу и обвинила сердара в том, что он плохо защищает «честь и достоинство мусульманской веры» и потому христиане одерживают верх в войне над мусульманами. Сипахи потребовали от шейхульислама издать фетву на казнь Йемишчи Хасан-паши. Шейхульислам подчинился и составил текст требуемой от него фетвы. Сипахи принудили румелийского и анатолийского кадиаскеров сделать на фетве запись о ее законно-

сти, а каймакам Гюзельдже Махмуд-паша, мечтавший о должности великого везира, поспешил передать фетву султану.

Смертельная опасность заставила хорошо осведомленного сердара, который со времени своего назначения по существу лишь номинально являлся великим везиром, будучи занятым военными делами в Венгрии, лихорадочно искать спасения. Забаррикадовавшись в своем столичном доме, Йемишчи Хасан-паша сумел оттянуть время до ночи, помешав явившимся к его дому сипахи осуществить разрешенную высшими улемами государства казнь. Ночью он сумел бежать в резиденцию только что назначенного янычарским агой Ферхада и заручиться поддержкой не только самого аги, но и находившихся при нем высших офицеров янычарского корпуса. Отсюда в султанский дворец было послано письмо, в котором Йемишчи Хасан-паша предупреждал об опасности возникновения янычарского бунта в случае его казни. В том же письме содержались обвинения по адресу шейхульислама, который, по утверждению Хасан-паши, оказывал поддержку анатолийским бунтовщикам и через своего племянника получил от мятежника Кара Языджи 30 тыс. курушей, чтобы добиться смещения с поста командующего правительственными войсками Мехмед-паши, успешно действовавшего против восставших.

Вскоре в резиденции янычарского аги был зачитан ответ, поступивший от султана. Мехмед III писал, что никогда в османской истории янычары не действовали «вероломно, предательски и несогласно» с волей своего верховного правителя и призывал их оказать помощь правительству в расправе с «бунтовщиками» в их рядах, уверяя янычар в своей неизменной к ним милости.

Присутствовавшие в резиденции аги янычары, заслушав текст письма султана, составили ответное послание со своей версией происходящего, которая ничем не отличалась от уже изложенной Хасан-пашой. В этом письме янычары требовали наказать «взяточника» шейхульислама и казнить каймакама Гюзельдже Махмуд-пашу, которого янычары обвинили в подстрекательстве к бунту придворных сипахи. Они потребовали также выдать им всех сипахи, ставших зачинщиками событий.

Совершенно очевидно, что в данном случае две части войска на жалованье — придворные сипахи и янычары — были использованы разными группами дворцовой верхушки, пресле-

дующими собственными цели. В данном случае они выступили простыми инструментами этой борьбы, хотя и руководствовались своими собственными симпатиями и антипатиями. Султану, опасавшемуся янычар больше, чем бунтовщиков-сипахи, пришлось уступить. Мехмед III издал указ о высылке из столицы в отдаленные гарнизоны смутьянов-сипахи. Когда этот указ был зачитан перед строем всех сипахи, они дружно заявили, что не выдадут своих товарищей, виновников возмущения. К этому время подоспел указ султана о смещении шейхульислама и передаче его должности азиатскому кадиаскеру Мустафа-эфенди, который проявил твердость характера и объявил командирам сипахи, что конная гвардия, отказываясь выдать зачинщиков беспорядков, будет наказана. Всем сипахи пригрозили изгнанием из рядов придворного войска. Офицеры были предупреждены о «несоответствии» с должностью, как мы бы сейчас сказали.

Йемишчи Хасан-паша, добившись поддержки нового шейхульислама, начал хлопотать о немедленной высылке прежнего главы улемов из столицы на о. Родос. Гюзельдже Махмуд-паша нашел убежище в ханке столичного суфийского шейха Рамазана и скрывался здесь до восшествия на престол нового султана — Ахмеда I (1603—1617), который простил бывшего каймакама. Тот даже взял в жены Айше Султан, дочь султана Мурада III — вдову, уже побывавшую замужем за Ибрахим-пашой и Йемишчи Хасан-пашой. Брачный контракт был заключен на сумму в 400 тыс. акче³¹⁰.

События 1603 г. показали усилившуюся борьбу за влияние не только среди светской придворной знати, но и в среде высшего духовенства. Любопытно, что победившему с помощью янычар в политической борьбе великому везиру Йемишчи Хасан-паше удалось внушить султану мысль о «подломе желаний» бывшего шейхульислама самому занять султанский трон с помощью придворного войска³¹¹. Собственные политические интересы, как представляется, были и у влиятельного неортодоксального мусульманского духовенства, если вспомнить, что сбегавший Гюзельдже Махмуд-паша нашел убежище у суфийского шейха Рамазана.

Мусульманское духовенство в это время было серьезно обеспокоено не утихающим мятежом в Анатолии и неэффективно-

стью действий турецкой армии в Венгрии, считая себя вправе взять на себя роль спасителя османской государственности. Не только бывший шейхульислам Сунуллах-эфенди, но и представители неортодоксального духовенства, шейхи суфийских орденов, пытались вмешиваться в политические дела, обладая при этом огромным духовным влиянием в обществе. Именно суфизм в Османской империи как хранитель многих старых народных верований, через неортодоксальный ислам сумевших встроиться в систему официального ислама, выступал за идею сильного верховного правителя и укрепления центральной власти в громадной Османской империи. Безусловно, султан Мехмед III мало отвечал этим требованиям. Его единственный поход в Венгрию в 1596 г., едва не окончившийся катастрофой, и дальнейшая бесславная война с Габсбургами мало укрепляли авторитет правителя. При этом главное, что занимало умы, был антиправительственный мятеж в Анатолии, который власти никак не удавалось подавить. В этих условиях один из столичных шейхов предпринял попытку смещения Мехмеда III с трона с заменой его старшим сыном султана, шехзаде Махмудом. Многие османские историографы старательно обходят обстоятельства этого эпизода в истории османской династии, лишь кратко упоминая о смерти шехзаде³¹². Кятиб Челеби, а за ним Мустафа Наима сообщают, что между шейхом, имя которого не называется, и шехзаде существовала некая переписка. При этом о шейхе говорится, что он «возносил свои молитвы» с пожеланием возведения на престол шехзаде Махмуда. Главе черных евнухов в гареме, кызлар агазы, удалось перехватить одно из писем и передать его султану. Судя по тому, что эта переписка османскими историографами названа «изменой», в письмах шла речь о замене царствующего монарха его старшим сыном. В результате и шехзаде Махмуд, и его мать, и ряд лиц, являвшихся пособниками в передаче писем, были схвачены и казнены. Примечательно, что казненный сын Мехмеда III, которого Кятиб Челеби характеризует как «честолюбивого и храброго» юношу, называется человеком деятельным и способным к решительным действиям. Шехзаде неоднократно просил своего отца, Мехмеда III, отправить его вместе с сердаром против бунтовщиков в Анатолию, обещая восстановить там власть султана³¹³. Кятиб Челеби пишет, что брат шехзаде Махмуда (неясно, о каком из

сыновей Мехмеда III идет речь — об Ахмеде, ставшем вскоре султаном, или о Мустафе — и тот и другой в это время были подростками двенадцати и десяти лет соответственно) не был столь деятельным в этом вопросе³¹⁴. Мустафа Наима, широко использовавший в своей работе труд Кятиба Челеби, вносит в данном случае поправку и пишет, что «падишах, [слыша] подобного рода речи, удерживал [сына от военного предводительства]»³¹⁵. Во всяком случае, из того, что мы знаем о казненном шехзаде Махмуде, видно, что в глазах многих он отвечал требованиям традиционных тюркских представлений о «сильном» правителе (хане).

Мехмед III был первым османским султаном, не предоставившим в управление наследнику престола санджак. Мюнеджим-баши, сообщая о воцарении Ахмеда I (1603—1617), брата убитого шехзаде Махмуда, пишет, что Ахмед не был отправлен в санджак, как это практиковалось в османской династии, из-за антиправительственных выступлений в Анатолии³¹⁶. Возможно, по этой же причине не имел санджака и казненный шехзаде Махмуд. В последующем практика предоставления наследнику престола и другим сыновьям султана санджаков в управление уже не возобновлялась. Все воспитание и обучение принцев ограничивалось узким пространством «кафеса», небольшой части дворца, где они жили практически в затворничестве и бездействии. Надо ли говорить, что такой образ жизни, бедный опытом и жизненными впечатлениями, самым пагубным образом сказывался на психике и характере потенциальных монархов, сводя их жизнь к интригам и фаворитизму двора и мало знакомя с реальной государственной системой управления, что не отменяло, правда, получения традиционного мусульманского образования, включавшего в себя не только знание основ религии, но и знакомство с классическими образцами мусульманской литературы с включением сюда и трудов по истории.

Готовившаяся летняя военная кампания 1603 г., которая должна была продолжить войну с Габсбургами, надолго задержалась из-за событий, связанных с переговорами, затеянными анатолийским мятежником Дели Хасаном с правительством. Как уже упоминалось, непобедимый инсургент, соблазненный предложенной ему должностью боснийского бейлербея, подчинился наконец мобилизационному призыву назначенного сер-

даром Лала Мехмед-паши и выехал со своими приверженцами, которых насчитывалось до 10 тыс. человек, в Белград. Новоиспеченный османский бейлербей обладал своим представлением о значимости дарованной ему должности. Он начал с того, что, вступив на борт судна, которое должно было перевезти его с азиатского на европейский берег, до глубины души возмутился малыми размерами предоставленного ему суденышка и наказал за это командира корабля смертельным выстрелом из мушкета. Появление Дели Хасана и его воинства в Белграде произвело на всех сильное и неизгладимое впечатление. Когда Дели Хасан и его воины предстали перед сердаром Лала Мехмед-пашой, их внешний вид чрезвычайно поразил турецкую армию и главнокомандующего. По словам османских хронистов, у некоторых людей Дели Хасана болтались на голой шее амулеты, к стремянам были подвешены «вероотступнические предметы», а на спинах виднелись цимбалы. Некоторые не имели шапок на головах, их длинные волосы свисали по обеим сторонам головы, а кое-кто из прибывших сверкал голыми икрами ног. В руках у некоторых были тростниковые палки, увенчанные белыми матерчатыми полосами шириной в две пяди³¹⁷. Это описание людей Дели Хасана, оставленное османскими историками, показывает, что основной массой сторонников мятежника были кочевники, принадлежавшие к смешанному населению Юго-Восточной Анатолии и совсем не походившие на правоверных мусульман.

В начале кампании долго ждали в ставке сердара Лала Мехмед-паши крымского хана, зимовавшего в Пече — его всадники, решив подкормиться, потратили немалое время на совершенные грабительские набеги на «земли неверных», но это не принесло им добычи, на которую они рассчитывали. Более того, похоже, Гази-Гирей и не собирался принимать участия в летней кампании 1603 г. и, невзирая на присылаемых к нему гонцов, отправился со своим войском обратно в Крым в нарушение своих вассальных обязательств. В условиях ослабления османской центральной власти крымский хан мог действовать совершенно безнаказанно. Сюзерен был недостаточно силен, чтобы наказать своего непослушного вассала.

Между тем с приходом лета неутомимые австрийцы открыли военные действия. Их армия находилась у Пешта. Здесь они

соорудили мост на дунайский остров и хорошо укрепили его, чтобы иметь возможность препятствовать доставке по Дунаю продовольствия и боеприпасов гарнизону Буды. Отсюда же австрийцы вели пушечный обстрел подошедшей турецкой армии. Чтобы избежать огня их вражеских батарей, оставалось одно — действовать ночью. План сердара был прост — совершить ночную высадку на остров турецких сипахи, не задействовав при этом янычар. Последние, однако, воспротивились этому, заявив, что желают участвовать в десантной операции. Более того, по их желанию высадку должна была совершить румелийская конница во главе с румелийским бейлербеем Мурад-пашой, а не всадники санджакбея Кюстендила, как того хотел командующий. Лала Мехмед-паша оставался на берегу Дуная с частью войска, куда входили недавние инсургенты во главе с Дели Хасаном, наотрез отказавшиеся копать траншеи и сооружать какие-либо укрепления.

Когда янычары и румелийские сипахи высадились на острове, войско Лала Мехмед-паши предприняло атаку на австрийцев, находившихся у Пешта на берегу Дуная. Австрийцы ответили на это атакой собственной конницы, стоявшей до этого столь плотным строем, что турки описали его затем как «сплошное стадо свиней». Десантировавшиеся на кайках и иным способом на остров сипахи и янычары за отсутствием хорошей турецкой переправы, к тому времени еще не достроенной, не смогли оперативно прийти на помощь атакованным на берегу и те потерпели сокрушительное поражение. Тысячи солдат Лала Мехмед-паши были убиты или утонули в водах Дуная. Лишь немногим удалось перебраться вплавь или на лодках на другой берег реки. Из плохо вооруженных и непривычных к подобным условиям боя всадников Дели Хасана оказалось убитыми 6 тыс. человек. Конница Дели Хасана крайне плохо проявила себя в бою с тактически умело действующим и хорошо вооруженным противником. Кроме того, австрийцам удалось артиллерийским огнем разрушить понтоны возводимой турками переправы через Дунай.

Одержавшие верх австрийцы попытались укрепиться на берегах Дуная, начав рыть траншеи, чему, однако, все же помешали действия не полностью разгромленной конницы Дели Хасана, с диким неистовством предпринявшей атаку на пехотные пози-

ции противника. Остаткам армии сердара удалось приблизиться к крепостным стенам Буды, откуда им смогли оказать поддержку солдаты будинского гарнизона. Сердар смог обеспечить доставку продовольствия для защитников Буды, отражая атаки противника. В конце концов действия австрийцев были подавлены, и они были вынуждены переправиться на другой берег Дуная, в район Пешта.

Из описания военных действий у стен Буды, как его оставили нам османские хронисты, видно, что европейцы действовали быстро, маневренно, опережая замыслы противника. Что касается турецкой армии, то отсутствие в ней дисциплины — неподчинение приказам командующего со стороны янычар, — а также плохая тактическая проработка военных действий делали ее уязвимой и слабой перед лицом врага. Эту слабость явственно ощущал сердар Лала Мехмед-паша, который после произошедших событий под стенами Буды отказался от проведения каких-либо новых военных операций, хотя еще было начало августа и летняя кампания могла быть продолжена. Он ограничился тем, что усилил гарнизоны в Буде и Секешфехерваре за счет зачисления в войско на жалованье 500 кулоглу, а сам возвратился в Белград³¹⁸. Военная кампания 1603 г. не принесла никаких реальных успехов турецкому оружию.

Зимовавшие в Стамбуле янычары оказались на этот раз втянутыми в борьбу за власть, развернувшуюся в связи с усилившимся влиянием великого везира Йемишчи Хасан-паши. Янычары стали средством устрашения и весьма действенным инструментом развернувшейся внутривластной борьбы при дворе. Влияние великого везира на государственные дела и на самого султана было достаточно велико, что не устраивало часть дворцовой камарильи. Потерявшая возможность влиять на дела управления (назначения на должности) валиде султан, дочь знатного венецианца, сумевшая поднять статус матери-султанши на невиданную до той поры высоту, попыталась избавиться от сильного великого везира с помощью янычарского аги. Тот представил султану донесение о чересчур тесных контактах великого везира с янычарами, что крайне обеспокоило Мехмеда III и он издал указ о сдаче Йемишчи Хасан-пашой печати великого везира. Однако тот, совсем недавно спасший себя от казни с помощью янычар, вновь прибегнул к их силе.

Получив приказ о сдаче печати, он известил об этом офицеров янычарского корпуса и те предприняли попытку спасти Хасан-пашу. Немедленно собрав янычар, они привели их к резиденции янычарского аги и обвинили его в кознях, приведших к смещению великого везира. Изолировав затем янычарского агу Касыма, янычары строем отправились к шейхульисламу и кадиаскерам с требованием возвратить Хасан-пашу на его прежнюю должность, в противном случае они грозили поджечь дома «несговорчивых», а «кое-кого и убить». В результате необходимые письма высшими улемами были написаны и отправлены султану. Не ожидая немедленного ответа из-за наступившей ночи, янычары направились к резиденции янычарского аги, который был вынужден бежать. Озабоченный своим личным спасением, Касым-ага развил бурную деятельность в пользу перестановок в правительстве в связи с объявленным султаном смещением Йемишчи Хасан-паши. Однако той же ночью он был сам смещен с должности янычарского аги. Утром, так и не дождавшись ответа от султана, янычары явились во дворец и потребовали, чтобы печать великого везира была возвращена Йемишчи Хасан-паше. Вскоре во дворец прибыли шейхульислам и ряд других улемов, которые встретились с новым янычарским агой Ахмедом, назначенным на свой пост ночью. Султан не желал уступать, проявил твердость и пригрозил всем бунтовщикам изгнанием из янычарского корпуса. Янычарские офицеры, не желавшие рисковать своим положением, начали уговаривать янычар разойтись, ссылаясь на право султана назначать и смещать своих великих везиров. Им удалось убедить янычар подчиниться решению султана, и вскоре Мехмедом III был издан указ о казни Йемишчи Хасан-паши³¹⁹.

Эти события в полной мере продемонстрировали возможность использования янычарского войска в борьбе за власть внутри правящей верхушки (пусть в данном случае попытка оказалась безуспешной).

Той же зимой, 22 декабря 1603 г., умер султан Мехмед III. В это время иранский шах Аббас, незадолго до того изгнавший турок из Тебриза и Нахичевани, стоял под стенами Ревана с намерением отвоевать у неприятеля и эту крепость. Турки, как всегда во время восточных кампаний, воевали бестолково и неумело, умоляя правительство и восточноанатолийских бей-

лербеев прийти к ним на помощь³²⁰. Столица бездействовала. Было совершенно невероятно ожидать выступления в восточный поход войска до наступления весны, а бейлербеи Восточной Анатолии оставались глухи к призывам турецкого гарнизона, осажденного в Реване. Османское государство стояло перед лицом ведения войны на два фронта в то время, когда сил хватало лишь для действий против Габсбургов. К весне 1604 г. турки потеряли большую часть завоеванных у Ирана в предыдущей войне земель, страшась собственных территориальных потерь. Энергичный Аббас I был полон решимости вернуть своему государству его старинные территории. Впервые в своей истории взаимоотношений с Ираном турки выступали не наступающей, а обороняющейся стороной.

Ситуация осложнялась тем, что взшедшему на османский престол султану Ахмеду I было всего 13 лет. Наступившая смерть Мехмеда III, по уже сложившейся традиции, какое-то время скрывалась. Воцарение произошло неожиданно. Преемник умершего султана Ахмед, пригласив к себе каймакама Касым-пашу, попросил его созвать на совет государственных сановников. Прибывшие, к своему удивлению, увидели перед собой парадно украшенный султанский трон, к которому вскоре вышел одетый в траурные одежды шехзаде Ахмед и на глазах у изумленных сановников воссел на него. Собравшиеся тотчас же поняли смысл происходящего и поспешили начать церемонию присяги новому правителю³²¹.

Из-за юного возраста султана казалось, что реальная власть будет какое-то время принадлежать не ему. Однако новый султан, несмотря на свою очевидную молодость, действовал твердо и внешне вполне самостоятельно, предпринимая жесткие меры против провинившихся сановников и явно стремясь добиться всеобщего послушания и порядка. В течение первого года царствования Ахмеда I казни опальных высших сановников следовали одна за другой. Османские хроники отмечают при этом, что за спиной молодого султана стоял его муаллим (учитель), имевший огромное влияние на своего воспитанника. Возможно, влиянием того же муаллима можно объяснить и тот факт, что не был отдан приказ об умерщвлении брата Ахмеда I, Мустафы, обреченного, правда, на затворническую жизнь в дворцовом кафе. В желании восстановить традиционный образ ту-

рецкого правителя, Ахмед I возродил в прежней силе обычай султанской охоты, что внушало подданным мысль о возвращении «старых добрых времен». О стремлении восстановить забытые традиции предков свидетельствует и поездка Ахмеда I в Бурсу, предпринятая им в первое же лето его царствования³²². Посещение древней османской столицы и могил предков имело важное символическое значение, открыто указывая на желание султана возродить прежний дух державы.

Воцарение Ахмеда ознаменовалось многими правительственными перестановками. 29 декабря 1603 г. из Египта прибыл Али-паша, назначенный великим везиром еще Мехмедом III. Из личной султанской казны по случаю воцарения войску был выдан традиционный коронационный бахшиш в размере 700 тыс. алтунов³²³ — государственная казна была пуста и пополнилась лишь с прибытием египетской дани.

Несмотря на молодость, султан проявлял несвойственную его возрасту решительность и твердость, которые можно было объяснить лишь негласным регентством его муаллима Мустафа-эфенди и поддержкой ряда других улемов, уже давно проявлявших общественную активность в стремлении навести порядок в делах государства. Ахмед сместил с должности нескольких влиятельных дворцовых слуг, служивших его отцу, а в Старый дворец, согласно обычаю, была отправлена всесильная валиде султан, мать покойного султана Мехмеда III и бабка вступившего на престол³²⁴. Для ведения военных действий против Габсбургов на западе и против сефевидского Ирана на востоке были назначены сердары — великий везир Явуз Али-паша и Чагала Синан-паша, занимавший до этого пост капудана. 15 мая 1604 г. последний выступил с войском из столицы в восточный поход. В июне в Венгрию отправился с войском назначенный западным сердаром великий везир. Али-паша Явуз (Грозный) предпринял немало усилий к тому, чтобы избежать этого назначения, не сулившего ему никаких явных выгод, однако не смог увильнуть от похода и был вынужден подчиниться. Великий везир смог лишь добиться того, чтобы каймакамом в столице остался Софи Синан-паша, вместо Хафыз Ахмед-паши, который был назначен боснийским бейлербеем и был вынужден также отправиться в поход в Венгрию. Явуз Али-паша явно боялся усиления его влияния во время своего отсутствия

в столице. Хафыз Ахмед-паша был широко известен как лицо, близкое муаллиму молодого султана.

Однако назначенный боснийским бейлербеем Ахмед-паша не спешил выступать из столицы. Он справедливо рассматривал свое новое назначение просто как попытку удалить его из столицы. Пост каймакама и придворные связи обещали гораздо большие возможности для приятной жизни, чем трудно достижимые военные победы в землях Венгрии.

Великий везир, пытаясь материально обеспечить поход, просил выдать ему необходимые суммы из казны. Однако на его запрос последовал весьма грозный приказ султана: «Если тебе дорога твоя голова, выступай в поход немедленно, завтра же!» И сердар вынужден был подчиниться.

Лето и осень 1604 г. не принесли никаких заметных успехов турецкому оружию на восточных рубежах государства. Марш турецкого войска занял большую часть благоприятного для военных действий времени. Армия разместилась на зимовку в различных крепостях Восточной Анатолии, так и не предприняв каких-либо действий против шаха Аббаса.

На западном фронте первоначально все складывалось крайне неудачно. По прибытии в Белград скончался великий везир Явуз Али-паша. Его печать была срочно доставлена в Стамбул и предложена к тому времени добившемуся возвращения на должность каймакама Хафыз Ахмед-паше. Однако он предпочел спокойную жизнь в своей прежней должности сулившей одни неприятности должности великого везира, который должен был бы в качестве сердара немедленно выступить в Венгрию. 5 августа 1604 г. печать великого везира отправилась в обратный путь, чтобы быть врученной недавнему сердару Лала Мехмед-паше. При этом значительная часть времени для ведения военных действий в Венгрии была потеряна. Однако и австрийцы летом 1604 г. за отсутствием возможности собрать армию, состоявшую главным образом из наемников, не пытались не только атаковать, но и защищать уже ими занятое. Австрийцы покинули Пешт еще до подхода туда турецкой армии, побросав орудия и боевое снаряжение. Оставили они и занятый ими Хатван, в котором в результате был размещен турецкий гарнизон. Опытный Лала Мехмед-паша разгадал слабость противника и отправился с армией к крепости Вац, уже в течение двух лет

удерживаемой австрийцами. В октябре 1604 г. крепость была окружена и взята в осаду, однако австрийский гарнизон предпочел не защищать ее. Ночью защитники крепости покинули Вац, и турки вошли в город³²⁵.

Все это можно было бы считать успехами турецкой военной кампании, если бы крепости были добыты силой турецкого оружия. Странное поведение австрийских гарнизонов в Венгрии объяснялось неспособностью Габсбургов сформировать в это время крупную армию для борьбы против турок. Собравшееся еще 24 февраля 1603 г. в Пожони Государственное собрание венгерской знати направило королю Рудольфу II делегацию с жалобами на бесчинства наемников и на пренебрежение, которые австрийский двор проявлял по отношению к венгерской палате. Отношения венгерских феодалов с Габсбургами еще более накалились из-за проводившейся последними религиозной политики. В Венгрии все более широкое распространение получал кальвинизм, между тем австрийцы всячески поддерживали католическое духовенство. 8 апреля 1604 г. Государственное собрание заявило протест в связи с религиозными притеснениями на венгерской территории. Эрцгерцог Матвей, представитель короля Рудольфа в Венгрии, продолжал настаивать на укреплении здесь католицизма. Кроме того, чуть ранее король принял решение отобрать имения у ряда венгерских магнатов-протестантов, выдвинув против них необоснованные обвинения в измене. В Венгрии ширились антигабсбургские настроения, вылившиеся в антигабсбургское движение, которое возглавил Иштван Бочкаи, широко пользовавшийся силой гайдуков, венгерских крестьян³²⁶, бежавших от турецких оккупантов и притеснений местных феодалов.

Разлад в австро-венгерском союзе немедленно сказался на антитурецкой борьбе в Венгрии, значительно ослабив ее. В этих условиях турки могли вести себя на венгерских землях как хозяева. Храбрый сердар даже решил осадить крепость Эстергом, под стены которой он привел свою армию 18 октября 1604 г. Турки намеревались взять крепость измором, что оказалось, однако, не столь простым делом. Неприятель совершал успешные ночные вылазки на турецкие позиции, неизменно нанося им большой урон. Янычарам крайне не нравилась перспектива мерзнуть и быть перебитыми в своих собственных траншеях и

они заявили сердару, что осада приносит им слишком большие потери, настояв на ее снятии. Новый янычарский ага Наккаш Хасан, выходец из дворцовых слуг, был далек от военного дела, да к тому же оказался трусом, что обнаружилось во время его пребывания под стенами Эстергома. Он не имел никакого авторитета среди янычар и предпочитал не вмешиваться в их действия.

Турецкая армия сняла осаду с Эстергома после того, как крымским татарам, участвовавшим в походе, и румелийскому войску была дана возможность совершить ряд грабительских рейдов по окрестным землям. Лала Мехмед-паша вступил в переговоры о перемирии с представителями короля Рудольфа II Габсбурга, находившимися в Эстергоме, которые имели для этого письма для передачи султану Ахмеду I. Их было поручено доставить в столицу османскому хронисту Ибрахиму Печеву, находившемуся в турецкой армии. Было ясно, что австрийская сторона склоняется к окончанию войны и заключению мира. Едва ли турки знали, сколь большие политические трудности в Венгрии испытывает Рудольф II Габсбург, однако ясно видели, что австрийские гарнизоны в период летней кампании 1604 г. ведут себя по меньшей мере необычно. В Буде сердар отдал распоряжение зачислить в войско на жалованье и занести в дефтеры выслуживших свой срок кулоглу, назначив тысяче человек жалованье в 6 акче. Из новичков придворного войска было сформировано четыре гарнизонных бёлюка³²⁷.

Попытка австрийцев договориться с турками, в чем они были остро заинтересованы в связи с широко развернувшейся антигабсбургской борьбой в Венгрии, окончилась, однако, неудачей. Ибрахим Печеву доставил письма новому назначенному каймакаму — Сарыкчи Мустафа-паше. Однако вскоре стало ясно, кто заправляет делами при дворе. Мустафа-паша приказал гонцу сначала передать послания вновь занявшему пост шейхульислама Сунуллах-эфенди для дальнейшего их представления султану. Узнав содержание письма, в котором австрийцы предлагали туркам вместо Эстергома область между Будой и Эгером, шейхульислам в гневе воскликнул: «Что же это такое? Разве в Эгере нет соборной мечети? Разве там не совершается намаз? Упаси Всевышний даже от мысли о подобном, не то что от разговоров о таком размене!»

Конечно, среди мусульманского духовенства не все были такими ригористами. Находились и трезвые головы, прагматически подходившие к делам политики. Но не они занимали высшие духовные должности в государстве.

Идея наступательного и всепобеждающего ислама по-прежнему владела умами турецкого мусульманского духовенства. Привезший в столицу австрийские предложения Ибрахим Печеви приводит в своем труде и такие слова шейхульислама: «Разве уже иссякла сила ислама? Разве уже нет места для чудодейств Мухаммада — да будет над ним милость Аллаха! Неужели все, что нам остается, это захватить Эстергом? Милостью Всевышнего мы овладеем [еще множеством] крепостей. Неверные останутся ни с чем, мы не оставим им ничего»³²⁸.

Ибрахим Печеви был вынужден вернуться к сердару ни с чем. Попытка мирно договориться оказалась безуспешной. Лала Мехмед-паша, по мнению Печеви, лишь внешне выразил согласие с мнением шейхульислама и вслух признал свою ошибку, состоявшую, как он выразился, в том, что «пошел на поводу у людей, лишенных [исламского] рвения»³²⁹. Но очевидно, что ему была ясна нереалистичность позиции шейхульислама, не представлявшего себе в полной мере соотношение сил, сложившееся между мусульманами и христианами в Европе.

Лала Мехмед-паша, осведомленный о развернувшемся движении Иштвана Бочкай, всячески способствовал его укреплению, помогая венгерскому борцу с Габсбургами всем, чем можно³³⁰. Временно интересы части венгерской феодальной верхушки и турецкой власти совпали. И та и другая сторона имели одного и того же противника — Габсбургов. Движение Бочкай помогло туркам добиться хотя бы некоторых успехов в Венгрии.

Еще зимой 1604/1605 г. Лала Мехмед-паша, приехав в Стамбул, подробно информировал султана Ахмеда I о благоприятно сложившейся для турок ситуации в Венгрии в связи с движением Иштвана Бочкай. Он доложил султану о сделанном им предложении Иштвану Бочкай объявить себя независимым от Габсбургов правителем в венгерских землях, не занятых турками. Знать Трансильвании уже избрала его своим князем. Лала Мехмед-паша пообещал Бочкай возложить на его голову венгерскую корону, что весной 1605 г. и было сделано. Для этого

в Стамбуле было изготовлена золотая корона, украшенная драгоценными камнями и, по рассказу Ибрахима Печеви, возложена на голову Иштвана Бочкаи на торжественной церемонии, специально устроенной сердаром. После церемонии инвеституры «по-европейски» состоялась и турецкая церемония — Иштван Бочкаи был торжественно препоясан поясом с саблей, что должно было означать вассальную зависимость нового правителя от турецкого султана³³¹.

Летом 1605 г. перед турецкой армией была поставлена задача овладеть Эстергомом. Турецкие сипахи, по указанию Лала Мехмед-паши, совершили разбойные рейды по деревням, принадлежавшим австрийской короне, предав их огню и разорению. Однако эта акция не встретила поддержки у армейского кадиаскера и дефтердара, оценивших ее как финансово вредную ввиду ожидавшегося вхождения этих земель в состав Османского государства³³². На созванном сердаром военном совете часть войсковой верхушки высказалась против осады Эстергома, предложив взамен пройти по богатым австрийским владениям в районе Канисы. Большинство на совете склонялось к этому варианту военной кампании, поддержанному в конце концов и самим сердаром. При этом было решено, что янычары выступят в этот поход первыми³³³.

Однако войсковой кади Ахмед-эфенди решительно воспротивился этому, оказав давление на Лала Мехмед-пашу. Он напомнил ему, что султан поставил перед войском задачу в первую очередь овладеть Эстергомом, и предупредил об опасных последствиях движения армии в сторону Канисы. Сердар был вынужден уступить. Существовала опасность, что с уходом турецкой армии к Канисе австрийцы, которые концентрировались близ Эстергома, направят свои силы в сторону Буды и Секешфехервара.

Весьма примечательно, что на военном совете, устроенном сердаром, первоначально верх взяли не доводы в пользу действительной военной необходимости, а мотивы чисто меркантильного характера — армия, в первую очередь янычары, ждала от войны грабежа и добычи. Соображения военно-тактического плана приносились в жертву эгоистическим требованиям военной корпорации. Лишь противодействие представителя религиозного авторитета, исходившего из по-своему понимаемых

государственных интересов заставило сердара изменить план военных действий, предлагаемый янычарами.

Участовавший в осаде Эстергома Ибрахим Печеви отметил разительное в сравнении с прежними сражениями рвение турецких солдат, с давно невиданной энергией предпринимавших многочисленные штурмы нескольких линий укреплений противника. Лишь при взятии последней линии обороны, наступательный порыв турецкого войска несколько ослаб, так как несколько штурмов закончились для турок неудачей. Лала Мехмед-паша послал Ибрахима Печеви к янычарскому аге Хюсейну, пообещав янычарам все, что они пожелают, в случае одержания ими победы. Сердар опасался, что еще один неудачный штурм подорвет веру янычар в возможность победы и они откажутся от дальнейших попыток штурмовать крепость. В этих условиях янычарский кетхюда йери предложил предпринять штурм, использовав прежде атаку румелийских сипахи, что и было сделано. В некоторых местах это привело к успеху и на бастионах неприятеля появились флаги Аладжа Хисара, Кюстендила, штандарты самого великого везира, что придало боевого пыла янычарам. Последнее сопротивление обороняющихся было сломлено. Турки одерживали верх и храбрые защитники Эстергома, посчитав дальнейшее сопротивление бесполезным, сдали крепость на условиях договора³³⁴.

Летняя кампания в Венгрии 1605 г. оказалась для турецкой армии на редкость удачной. Помощь оказывал туркам и Иштван Бочкай. Во время осады ими Эстергома Бочкай окружил со своими отрядами Уйвар, попросив у турок прислать ему подмогу. В результате ему было послано несколько отрядов румелийских сипахи и санджакбеев Венгрии, а также тысяча янычар во главе с загарджибаши. Уйвар был взят, однако передан турками, по просьбе Иштвана Бочкай, самому новоиспеченному венгерскому правителю. Чуть позже по договору турки овладели крепостью Палота³³⁵. Ситуация в Венгрии с очевидностью демонстрировала Габсбургам невозможность оказывать сопротивление турецкой армии, союзником которой выступил мятежный Иштван Бочкай. В условиях жесткой конфронтации с венгерским дворянством австрийцы не имели возможности вести эффективную борьбу с турками на венгерских землях. Только поддержка венгров в антитурецкой борьбе позволяла

прежде Габсбургам комплектовать сильное войско, способное одерживать победы над турецкой армией. К осени 1605 г. императорские войска были вытеснены из Трансильвании, и 14 сентября 1605 г. Государственное собрание в Медьеше избрало Иштвана Бочкаи трансильванским князем. Он, в свою очередь, назначил здесь правителем Жигмонда (Сигизмунда) Ракоци.

Помощь турок сыграла большую роль в усилении позиций Бочкаи, который, поддерживаемый дворянством, стремился добиться от Габсбургов восстановления независимости Трансильвании с присоединением к ней нескольких комитатов Венгрии. Габсбурги были вынуждены идти на уступки — союз Бочкаи с турками грозил австрийцам крупными потерями. 23 июня 1606 г. между сторонами был заключен Венский мир, удовлетворивший многие требования Иштвана Бочкаи³³⁶. А 11 ноября 1606 г. между Рудольфом II Габсбургом и Ахмедом I был заключен Житваторокский мир на 20 лет, по которому была признана граница между австрийскими и турецкими владениями в Европе такой, какой она была до начала войны. Османская империя, много лет воевавшая в разорительной для нее войне, на этот раз не получала никаких территориальных приобретений. Более того, мир принес для турок ощутимые потери. Договор освобождал Габсбургов от ежегодной уплаты дани турецкому султану. В последующие годы австро-турецкий договор продлевался. На длительный период между Османским государством и австрийской короной устанавливалось статус-кво, что символизировало воцарившийся паритет военно-политических сил между двумя державами. В 1618 г. этот мир был продлен еще на 20 лет и возобновлен в 1625 г. Затем турки продлевали мир с Габсбургами в 1627 и 1642 г., и лишь в 1663 г. разразился кризис в отношениях между державами, переросший в военный конфликт³³⁷.

Таким образом, с 1606 г. начался период относительной стабильности в австро-турецких отношениях, являвшихся ключевыми для противостояния мусульманского и христианского мира в Европе в этот период. Турки на длительное время сосредоточили все свои силы на восточных границах, где началась длительная и изнурительная война с Сефевидским Ираном и где с новой силой поднялась волна народных движений. 1606 г. можно рассматривать как точку отсчета для нового

периода в истории Османского государства, главной чертой которого следует считать приостановку турецкой территориальной экспансии. Отдельные попытки возродить прежнюю экспансионистскую политику на протяжении XVII в. еще имели место, однако они по большей части определялись не идеологическими мотивами, хотя их роль в государстве по-прежнему была велика, а потребностями реально складывавшихся политических обстоятельств и необходимостью защищать уже завоеванное. К этому времени изменились условия существования как класса сипахи, так и регулярной армии. Интересы и тех и других заметно смещались в сторону экономической деятельности, войны переставали быть источником сколь-нибудь значимых доходов — за сужением сферы военных действий, дороговизны участия в них и оскудением самих источников грабежа. Война становится затратным и рискованным предприятием и постепенно утрачивает свою притягательную силу для новых поколений турецких сипахи и янычарского корпуса, пополняемого теперь не столько за счет постепенно отмирающей системы девширме, сколько за счет системы потомственной службы. Старая традиция верховной власти в начале XVII в. доживает свои последние дни. Прежнюю идеологию активной экспансии в полной мере поддерживает лишь мусульманское духовенство, не забывающее о наступательном духе ислама. И чем меньше становились военные успехи Османской империи, тем более активно в Османском государстве звучала проповедь о религиозном и цивилизационном превосходстве мусульман над христианами, несмотря на то что идея эта вступала в глубокое противоречие с реальностью, еще в полной мере верховными слоями не осмысленной.

Ослабление военной машины Османской империи происходило на фоне экономического и технологического прогресса западноевропейских стран как результата успеха идей Возрождения. Османская империя не выдерживала состязания с экономически и технически развивавшейся цивилизацией Европы Нового времени. И даже в борьбе с равным себе по силе противником — Сефевидским Ираном — Османское государство демонстрировало явное ослабление своей мощи, оскудение материальных ресурсов, отсутствие верного понимания причин своих неудач и неспособность государственной машины

изменить сложившееся положение. Выйдя крайне ослабленной из многолетней войны с австрийскими Габсбургами, Османская империя оказалась втянутой в изнурительную войну с иранским шахом Аббасом I, в течение 1603—1612 гг. планомерно отвоевывавшим у турок свои владения в Азербайджане, Армении, Восточной Грузии и Луристане. В ходе этой войны иранцами были заняты Багдад, Мосул и Диярбакыр, священные для шиитов города Кербела и Неджеф. Шах Аббас, проявив себя как исключительно деятельный и талантливый правитель, предпринял ряд крайне важных и эффективных мер для поднятия экономики Ирана, провел реформу армии, во многом скопировав ее устройство и формирование у своих противников — турок, перенес свою столицу в Исфахан, усилил иранский элемент в системе государственного управления, активизировал свою внешнюю политику. Все это дало свои видимые положительные результаты.

Иран выиграл у турок войну 1603—1612 гг. После долгих переговоров в 1613 г. в Стамбуле был заключен ирано-турецкий мирный договор, по которому Иран оставлял за собой все свои завоевания. Граница между государствами была установлена по линии, существовавшей в 1578 г., что можно считать крупнейшим политическим поражением Османской империи, вступавшей в период явного ослабления своего могущества. И хотя в 1616 г. турки попытались взять реванш и начали военные действия против Ирана, напав на Тебриз (1616), а в 1623 г. на Багдад, они потерпели новую неудачу.

Ослабление военной машины Османской империи, обнаружившееся в конце XVI в., со всей очевидностью проявило себя также во время войны Османской империи с Польшей. Польско-турецкие отношения во втором десятилетии XVII в. складывались под воздействием нескольких факторов. Одним из них было стремление Речи Посполитой иметь под своим политическим влиянием Трансильванию, Молдавию и Валахию, чему противилась Османская империя, считавшая эти земли своими вассальными территориями. Вторым, важнейшим, фактором являлись не прекращающиеся набеги крымских татар на украинские земли и участвовавшие нападения запорожских казаков на османские владения. Действия казаков вызывали чрезвычайное недовольство султана и Порты, призывавших польские

власти военными мерами бороться с казачеством. Польша, озабоченная в этот период своим противостоянием с Московским государством, старалась не обострять своих отношений с турками и заключила с султаном Бушевский договор 1617 г., возобновленный в 1619 г., обязуясь бороться с «разбойничающими» казаками. В 1620 г. великий везир Али-паша потребовал у прибывшего в Стамбул для переговоров польского посла в течение четырех месяцев покончить с акциями казачества и снести возведенные казаками укрепления.

Однако, несмотря на дипломатические усилия, военный конфликт между Речью Посполитой и Османской империей все же разразился. Поводом к нему стало вторжение в сентябре 1620 г. польского войска в пределы Молдавии (оно было вызвано поддержкой поляками австрийских Габсбургов, которые в это время вели ожесточенную борьбу со своими мятежными подданными в Венгрии и Чехии). Первоначально полякам удалось захватить турецкую крепость Хотин, однако их войско потерпело поражение от турок под Цецорой и было вынуждено отступить. Политическая и военная поддержка польским королем австрийских Габсбургов спровоцировала турецкого султана на ответные действия. Польские земли, вплоть до Львова и Перемышля, по приказу султана подверглись опустошительному набегу крымских татар, а вскоре началась первая после установления между странами дипломатических отношений война Польши с Османской империей³³⁸.

Ко времени этого военно-политического столкновения во главе Османского государства уже в течение трех лет правил новый султан — девятнадцатилетний Осман II, сын Ахмеда I, рано ушедшего из жизни. Честолюбивый и деятельный Осман II, носивший имя основателя Османского государства, был полон решимости возродить традицию личного участия султанов в походах и в 1621 г., с наступлением весны, с огромной армией направился к польской границе.

Путь турецкого войска, возглавляемого Османом II, лежал к крепости Хотин, за несколько месяцев до этого завоеванной поляками. В духе старых традиций Осман по пути к театру военных действий сделал остановку в местечке Варбаш и объявил о пожаловании янычарам денежного инама — в размере полкуруша каждому. В связи с этим (а вернее, под этим предлогом)

султан устроил своей регулярной армии проверку-йоклама, не проводившуюся к тому времени уже много лет. Для получения пожалованной прибавки янычары оказались вынужденными промаршировать перед султаном³³⁹. При этом вскрылось неучастие в походе множества янычар. Эта проверка вызвала глухое недовольство в янычарском войске.

В августе 1621 г. турецкая армия подошла наконец к Хотину и разбила лагерь напротив расположения уже явившегося сюда ранее польского войска. Два лагеря разделяло небольшое расстояние, так что противники легко могли наблюдать друг за другом. Польскую армию, состоявшую из 8 тыс. немецких и 4 тыс. польских солдат (служивших за жалованье), а также из 45 тыс. казаков, возглавлял сын польского короля Сигизмунда III Владислав.

Составленная на кыпчакском языке «Каменецкая хроника», одним из авторов которой был житель польского г. Каменец-Подольский — Аксент, сохранила подробное и живое описание польско-турецкого военного противоборства под стенами Хотинской крепости, позволяющее иметь представление о состоянии турецкой армии и способах ведения ею боевых действий. В этом труде (Аксент был свидетелем описываемых им событий) имеются важные детали, какие едва ли можно найти даже в самих турецких хрониках. В турецкой армии имелось около 250 орудий — среди них 14 тяжелых пушек. «Каменецкая хроника» сообщает, что для перевозки тяжелых турецких пушек требовалось до 30 пар волов, для остальных орудий — по 9—10 пар или по 4 пары. Уже к вечеру после прихода турецкой армии артиллеристы-топчи выкатили свои орудия и начали обстрел позиций противника. Поляки ответили на это атакой нескольких эскадронов, оказавшейся, впрочем, неуспешной. Как это традиционно практиковалось турками, они отрубили головы убитых во время боя врагов для представления своим командирам. Впрочем, то же проделывали в то время и поляки. На следующий день к турецкой армии подошло многотысячное татарское войско. Часть татар немедленно перерезала полякам дорогу на Каменец-Подольский и сумела захватить обоз с продовольствием и порохом, направлявшийся в их лагерь. Все захваченное было передано в турецкий лагерь. За несколько дней турки соорудили мост через Днестр, и, переправившись

через него, татары совершили рейды по польским землям. Автор «Каменецкой хроники», описывающий установку моста, с удивлением отмечает быстроту строительных работ и «великое мастерство» соорудивших мост строителей. Это был мост «с прикрытием» и с «подъемным мостом-воротами», окованный железом.

На следующий день после первого же артиллерийского обстрела, турки, под прикрытием пушечного огня, многократно атаковали позиции казаков, но в конце дня позорно бежали теперь уже под натиском атаки самих казаков, преследовавших своего противника до самых его позиций. Во время бегства янычары побросали многие из своих пушек и орудий. Правда, казаки не смогли сразу же забрать их, так как те были соединены цепями либо с дубовыми стволами, либо друг с другом. Но они сделали это ночью, вернувшись к брошенным турецким пушкам с топорами, и сумели, изрубив на куски все их деревянные части, приволочь в свой лагерь две из них.

Неудачный исход боя вызвал гнев Османа: атаковавшие казаков янычары обещали султану в тот же день овладеть их позициями. Согласно «Каменецкой хронике», после сражения султан снял с должности янычарского агу, одного пашу казнил, а молдавского господаря Александра, участвовавшего в походе, приказал «заковать».

Через два дня турки провели новую атаку. На этот раз это было сделано в обеденное время с целью застать противника врасплох. Польский передовой редут перед воротами в лагерь охраняли польские пехотинцы и 200 гайдуков. Увидев наступающих турок, они побежали к воротам лагеря, и атакующие легко захватили редут, поубивав не успевших бежать и отрубив им головы. Полякам пришлось отвоевывать захваченный редут и выбивать из него противника. Теперь в бегство обратились турки, которыми командовал багдадский бейлербей Мустафа-паша. В тот же день, поздно вечером, турки вновь предприняли атаку — теперь уже против ворот польского лагеря, которые охраняли 3 эскадрона (точнее — сотни) дневного караула (в польской армии это было около 300 всадников). На тесном пространстве перед польским лагерем поляки сражались так, что, как пишет автор «Каменецкой хроники», «ни у одного из них (поляков. — *И. П.*) копье не осталось пустым... каждый

человек сразил двоих-троих. А потом взялись за палаши и побити столько, сколько смогли». Турки дрогнули и обратились в стремительное бегство, затаптывая при этом друг друга. Убитых с их стороны было столь много, что всю ночь посланные из турецкого лагеря ходили с фонарями и зажженными светильниками, «подбирая мертвых, которые были познатнее».

На следующий день поляки приготовились дать решающее сражение. Построившись в боевой порядок, они ожидали атаки противника, совершив перед тем «общую исповедь с причащением и прощением взаимных обид». Однако турки не ответили на этот вызов и лишь обстреляли ряды христиан из пушек, скрытно установленных в близлежащем леске. По сообщению «Каменецкой хроники», так как предыдущие турецкие атаки принесли большие потери среди янычар, их ряды пополнили многими стрелками «секбанов и бостанджи». Не состоялось генерального сражения и на следующий день, хотя поляки вновь дружно построились в боевой порядок. На противника была совершена лишь атака с тыла, из-за крепости Хотин, силами союзных туркам молдаван, валахов и крымских татар. Несколько последующих дней турки ограничивались мелкими нападениями на казаков, не наносившими им никакого серьезного урона. Лишь в один из дней произошла крупная схватка противников, в которой с обеих сторон участвовали артиллерия, пехотинцы и всадники. Но она не выявила победителя. При этом турки начали задумываться о заключении мира. Во всяком случае, в лагерь к польскому гетману (командующему) прибыл турецкий парламентар с предложением направить к великому везиру польского посла для переговоров о возможном мире.

Однако на следующий день ситуация несколько изменилась. В турецкий лагерь прибыл бейлербей Буды Каракаш-паша с 4 тыс. воинов. По-видимому, турки не давали сражения, поджидая подхода будинского бейлербея. Султан Осман отдал приказ прибывшему Каракаш-паше овладеть польским лагерем, взяв под свое командование 6 тыс. янычар, 12 тыс. румелийских и 5 тыс. анатолийских сипахи. Турецкая атака, опять начатая в обеденное время, первоначально принесла успех — янычары и конница с развернутыми знаменами добрались до вала, окружавшего польский лагерь, в то время как турецкая артиллерия вела интенсивный обстрел позиций казаков. Одна-

ко турок встретило ожесточенное сопротивление. Особо умело действовал отряд немцев из 4 тыс. воинов, входивших в состав польской армии. Немецкие наемники тактически умело совершили перегруппировку своих сил и ударили по наступавшим на них туркам, обратив их в паническое бегство. Во время этого сражения был ранен в ногу выстрелом из ружья Каракаш-паша — пуля немецкого наемника попала также в его лошадь. Когда бейлербей пересаживался на другую лошадь, переданную ему одним из сипахи, в него попала вторая пуля — на этот раз в грудь. Увидев, что Каракаш-паша упал на землю, к нему подбежали и оттащили его тело к турецкому лагерю. Этим эпизодом завершился разгром турок в этом сражении, принесшем им большие людские потери. Одним из виновников этого они посчитали перебежчика из польского латегя — гайдука, который указал боснийским сипахи якобы наилучшее место для атаки, где, по его словам, не имелось ни бастионов, ни пушек. Однако именно босняки понесли во время произошедшего боя наибольшие потери. После окончания сражения перебежчик был немедленно казнен.

Через неделю казаки и гайдуки, сражавшиеся на польской стороне, переправившись через Днестр, совершили неожиданное нападение на охрану сооруженного турками моста (охрана беспечно спала, не ожидая нападения). Атака закончилась почти поголовным истреблением турок и разграблением охранного поста, где казаки захватили находившиеся здесь же мешки с деньгами. Как пишет автор «Каменецкой хроники», в живых оставили лишь «черного арапа», находившегося в услужении у одного из турецких пашей, и подарили его сыну польского короля Владиславу, возглавлявшему польское войско.

На следующий день турки начали бой, выведя пушки на передовые позиции, однако их беспорядочная и бестолковая стрельба по наступавшей пехоте противника не привела ни к каким результатам.

В турецкий лагерь из Стамбула в это время прибыло вызванное многочисленное подкрепление, состоявшее из добровольцев-пехотинцев, записанных в армию для участия в генеральном сражении. В течение всего дня — с раннего утра и до глубокой ночи — турецкие топчи вели пушечный огонь по позициям противника. Однако, по сообщению автора «Каменец-

кой хроники», этот обстрел принес минимальный ущерб полякам. Осман II, наблюдавший за действиями своей артиллерии и атаками янычар и сипахи, решил сместить со своих постов великого везира и янычарского агу, не приносивших «счастья» турецкой армии. На следующий день султан объявил о генеральном сражении, в котором должно было принять участие все турецкое войско, за исключением солаков, янычар и балтаджи, составлявших охрану самого Османа. Заранее через Днестр в турецкий лагерь были переправлены еще 40 пушек.

В первой половине дня турки пошли в атаку. «Очень большими силами» они атаковали польский лагерь с помощью янычарской пехоты и конницы сипахи. При этом «командиры-паши подгоняли их сзади ятаганами и булавами и гнали в атаку». Атаки предпринимались до вечера девять раз. За ходом сражения внимательно наблюдал Осман II, находясь на возвышенном месте, где был установлен его трон с балдахинном. Автор «Каменецкой хроники» Аксент добавляет, возможно для «экзотики», что на двух слонах, близ трона, сидели четверо музыкантов, которые били в барабаны и играли на зурнах.

Наблюдавшие за сражением из польского лагеря были свидетелями многократного бегства янычар и сипахи, которые удирали, «побросав даже свои ружья». Турки возобновляли атаки даже в преддверие ночи, однако поляки успешно отражали их стрельбой из пушек, заряженных «всяким железным ломом». Неся огромные потери, янычары тем не менее проявляли упорство и, пользуясь наступившей темнотой, пытались подползти к польским укреплениям, но погибали под огнем врага. При этом наблюдатели отмечали, что во время атак перед янычарами гнали пеших валахов, несших наибольшие потери.

Потери были велики, впрочем, и с другой стороны. Даже легкие ранения в то время часто приводили к смертельному исходу. Сохранился рассказ о раненном в локоть одним из янычар венгерском ротмистре Фекете, который, несмотря на интенсивное лечение раны со стороны «армейских врачей и цирюльников», тем не менее умер — те не смогли извлечь попавшую в него пулю.

Описание боя под Хотинном дает представление о турецкой артиллерии того периода. В турецкой армии были задействованы пушки, стрелявшие огромными ядрами. Рассказывая об

этих пушках — «баль-йемез», Аксент пишет, что ядра их разрывали землю в диаметре до 2 метров и уходили под землю на глубину более метра. Имелись у турок и малокалиберные пушки, однако эффективность стрельбы и тех и других была не слишком велика.

Следует отметить, что в сражении при Хотине свои высокие боевые качества проявила казачья конница, действовавшая на польской стороне. Турки направляли свои атаки по большей части против нее³⁴⁰. Однако искусство конного боя казаков превосходило прославленное мастерство турецких всадников-сипахи.

Многодневное противоборство турецкой и польской армии не смогло вывить явного победителя. Осман II был огорчен и сильно разочарован. У него на глазах турецкое войско, и в особенности янычары, проявило свою неспособность одержать победу над противником. Султан не скрывал своего особого неудовольствия действиями своей регулярной армии, действовавшей на поле боя неумело и трусливо. В отсутствие военной науки, к тому времени активно развивавшейся в Европе, турки, как и прежде, придерживались традиционных моделей ведения боя, не задумываясь о введении каких-либо новшеств и тактических приемов, и по-прежнему полагались лишь на многочисленность войска, силу артиллерии и индивидуальное военное мастерство. Личная воинская доблесть по-прежнему рассматривалась как главный компонент успешности ведения боя. С этой точки зрения действия янычар под Хотинем были расценены султаном как крайне негодные и неумелые.

Находясь под впечатлением от лично увиденного, убедившийся в скверных боевых качествах своей регулярной армии султан Осман II задумал провести военное преобразование, вернее сказать, акцию, которую можно рассматривать как первую попытку военной реформы в Османском государстве. Полагая, что все дело объясняется слабыми военными качествами янычарской пехоты, Осман принял решение заменить малопригодных для ведения боевых действий стамбульских янычар янычарскими формированиями, расквартированными в Египте, укрепив их новыми подразделениями стрелков-пехотинцев и всадников, рекрутирование которых было начато в Анатолии. Этих новобранцев первоначально направили в Да-

маск и Алеппо. По-видимому, Осман считал столичных янычар ни к чему не способной солдатской массой, бесполезной для ведения войн. То же самое относилось и к столичным придворным сипахи. Вместе с тем, прекрасно зная о силе и сплоченности столичного регулярного войска, султан действовал осторожно, избегая возможных осложнений со стороны стамбульских янычар. Осман принял при этом решение перебраться из Стамбула в Каир, поближе к более боеспособной, как ему представлялось, части янычарского войска. Осуществить это было крайне непросто. Чтобы как-то объяснить свое намерение отправиться в подобное путешествие, султан заявил о своем желании совершить хадж³⁴¹. За этим последовали и другие пояснения. Осман заявил о своем намерении лично возглавить борьбу с восставшими друзьями во главе с Фехреддином, объявившим о своей независимости от османов³⁴².

Представители столичного мусульманского духовенства, имевшие доступ к султану, дружно воспротивились султанской затее. Однако Осман проявил настойчивость и в мае 1622 г. приказал переправить из Стамбула на азиатский берег Босфора, в район Ускюдара, свои шатры и иное походное снаряжение. В этих условиях у мусульманского клира оставалось последнее средство, способное изменить решение султана. Шейхуль-ислам объявил в специально изданной по этому случаю фетве, где говорилось, что обязанностью правителя является постоянное пребывание в своей столице и свершение правосудия³⁴³. Между тем в столице начали циркулировать слухи, что объявленный хадж султана является простым предлогом и что истинным намерением султана является перенесение столицы в Каир, о чем проговорился якобы глава черных евнухов — главный смотритель султанского гарема³⁴⁴.

Предполагаемый отъезд Османа из Стамбула вызвал неодобрение во всех слоях столичного общества. Простые горожане не любили султана за его непримиримую борьбу с питейными домами и любителями табака. Войско не жаловало султана за проявленную по отношению к нему скупость, а улемы — за отмену института арпалыков, особых пожалований за службу, что серьезно затронуло их экономические интересы³⁴⁵. Осман покусился на традицию, не предусматривавшую непривычного поведения монарха, действия которого мусульманское духовен-

ство сочло в данном случае недопустимым и вредным новшеством (бид'а). Представление о бид'а, возникшее еще на раннем этапе истории ислама, включало в себя всё, противоречащее словам и поступкам пророка Мухаммада, став важным орудием в руках мусульманского духовенства в случае его несогласия с нововведением любого рода. Любая инновация, сколь бы малого и частного характера она ни была, традиционно встречалась в мусульманском обществе с известной долей враждебности. В данном случае предполагаемые нововведения Османа затронули интересы двух самых могущественных социальных групп османского общества — регулярной армии и сословия улемов. При этом, конечно, реальная сила находилась в руках янычар, лишь они могли помешать чрезвычайным мероприятиям Османа. Их выступление, особенно в связи с просочившимися слухами об их замене каирскими янычарами, было почти неизбежным.

Между тем сановники и дворцовые служащие уже готовились к тому, чтобы сопровождать султана в его путешествии. На стоящие на рейде суда грузилась необходимая поклажа, а сам Осман со дня на день должен был переправиться на азиатский берег Босфора, не подозревая, что в это время набирает силу заговор с целью не допустить его отъезда. Кое-кто из дворцовых слуг знал о готовящемся заговоре. Так, главный астролог двора Мехмед-эфенди, предсказавший султану, что ему не удастся благополучно совершить хадж³⁴⁶, намекнул группе послушно готовившихся к путешествию османских должностных лиц, что они занимаются пустыми хлопотами.

Ибрахим Печеви, бывший свидетелем многих из этих событий, сообщает в своем труде, что беспорядки начались в мечети Сулейманийе; одновременно у резиденции янычарского аги собралась огромная толпа янычар и придворных сипахи. Среди собравшихся в мечети находились горожане «всех видов и состояний», позакрывавшие свои торговые лавки и явившиеся, чтобы стать свидетелями важных событий. По привычному уже сценарию такого рода происшествий бунтовщики потребовали отставки великого везира Дилавер-паши. Не добившись поддержки в этом у самого влиятельного человека двора — султанского ходжи Омера, они двинулись к площади Эт мейданы, обычном месте сборищ янычар.

Одновременно с этим к султану направилась депутация мусульманского духовенства, состоявшая из духовных должностных лиц, суфийских шейхов и сеййидов с сообщением о начавшемся бунте. Осман встретил их угрозами и обвинениями в его подготовке. Между тем депутация просила султана отказаться от его поездки, ссылаясь на то, что османские султаны никогда не совершали паломничеств в Мекку. Улемы заявили также, что считают справедливым требование янычар и сипахи наказать всех тех лиц из окружения султана, которые «подстрекали» Османа к совершению хаджа.

Высшее мусульманское духовенство преследовало две цели — помешать поездке султана и физически устранить лиц, оказывавших «дурное влияние» на монарха. Улемы убеждали Османа, что только казнь виновных сможет успокоить бунтующих. Однако никакие уговоры не действовали — султан отказывался отдать в руки палачей своих фаворитов. Это также было неслыханным нарушением традиционных «правил игры», за которое Осман жестоко поплатился. Ибрахим Печев приводит в своем труде циркулировавшие в столице слухи о том, что глава стамбульских сеййидов обратился к бунтовщикам со словами, призывавшими их действовать в сложившихся обстоятельствах по своему усмотрению.

Толпа янычар и сипахи хлынула во дворец, силой проникнув во внутренние помещения. Там бунтовщики обнаружили дрожавшего от страха Мустафу, дядю султана Османа, короткое время в 1617 и 1618 г., после смерти султана Ахмеда I, занимавшего престол, и доставили его в помещение, где проходили заседания султанского дивана. Здесь они присягнули на верность возведенному ими на престол Мустафе. Пригрозив оружием, они заставили присягнуть Мустафе и шейхульислама. Осман II, поняв, что совершил крупную ошибку, запоздало выдал бунтовщикам великого везира Дилавер-пашу и главу черных евнухов, которые были здесь же зарублены. Нового султана Мустафу, его мать и няньку посадили на арбу и провезли через весь город, доставив в янычарские казармы и поместив в казарменной мечети Орта джами. Это было невиданное зрелище. Никогда еще янычарские казармы не принимали под свою защиту османского султана, являвшегося к тому же ставленником самих янычар.

События в городе привлекли внимание всех стамбульцев, побросавших все свои дела ради того, чтобы увидеть Мустафу, едущего в странной позе на простой арбе в сопровождении янычар. Странность ситуации заключалась и в том, что не султан, как это традиционно бывало при восшествии на престол, бросал деньги в толпу, а сами горожане, вытаскивая монетки, бросали их в повозку, в то время как Мустафа время от времени бормотал какие-то слова своим подданным.

Складывалось явное двоевластие. Осман, все еще находившийся в своем дворце, производил новые назначения на должности. Великим везиром, согласно его указу, стал Хюсейн-паша, янычарским агой — Чешмели Кара Али-ага. Новый великий везир, в сопровождении большого числа своих приближенных, во второй половине дня посетил столичную мечеть Шехзаде джами, где произнес успокоительную речь перед верующими. Новый янычарский ага также приступил к исполнению своих обязанностей, прибыв в официальную резиденцию янычарского аги. Здесь он заявил, что к вечеру со смутьянами будет покончено. Наиболее действенным средством для этого был сочтен подкуп янычарской верхушки. Великий везир предлагал Осману II лично одарить офицеров и старейшин янычарского корпуса золотыми монетами, т. е. действовать хорошо известным в прошлом способом. Для этого он предлагал султану лично отправиться в резиденцию янычарского аги. Нашлись сомневающиеся в разумности этой акции. Так, тезкереджи (письмоводитель) великого везира отговаривал своего патрона от того, чтобы столь прямо сталкивать Османа и Мустафу, но Хюсейн-паша считал необходимым поступить предложенным образом, чтобы утвердить власть законного султана и «навести порядок» в государстве.

На следующее утро улицы Стамбула вновь заполнились толпами горожан. Полковая мечеть Орта джами, в которую был помещен Мустафа, была полна воинственно настроенными янычарами. Когда к ним явился назначенный Османом янычарский ага и начал уговаривать янычар подчиниться власти законного монарха, обещая за это золотые горы, бунтовщики изрубили его на месте. Вскоре был убит и новый великий везир. Наконец в руки бунтовщиков попал и скрывавшийся от мятежников Осман. Янычары провезли его по городу на отнятой

у какого-то горожанина лошади, заставив низложенного султана облачиться в поношенную одежду простолюдина. Его сопровождали толпы бунтовщиков, выкрикивавших по его адресу всевозможные оскорбления. Янычары мстили Осману за его намерение реформировать янычарское войско.

Низложенного султана доставили в ту же мечеть Орта джами, где к тому времени собрались высшие офицеры янычарского корпуса и где новый султан Мустафа и его окружение договаривались с янычарской верхушкой относительно того, кто должен возглавить султанский диван. Сошлись на Давудпаше. Мустафа начал производить назначения и других сановников, для чего было составлено 18 султанских указов — хатт-и шерифов. Султан Мустафа, в свое время около года просидевший на троне после смерти Ахмеда I в 1617 г. и смещенный за слабоумие и непригодность к правлению, вел себя нервно и пугливо. При усиливавшихся криках толпы он подбегал к окну и тревожно прижимался лицом к оконной решетке. Находившийся здесь же и наблюдавший за происходящим низложенный Осман призывал присутствующих не возводить на престол столь трусливого и слабого человека. Однако его слова не возымели никакого действия. Наконец, отчаявшись, совсем еще юный Осман, начал просить янычарских офицеров пожалеть над ним. Но и это не имело никакого эффекта. Ясно, что у янычар и янычарской верхушки уже не было дороги назад — оставить Османа на троне означало бы подписать себе смертный приговор.

Вскоре в Орта джами прибыл новый великий везир Давудпаша и джебеджи-баши (глава янычарских оружейников) с арканом в руках. Всем было ясно, какая участь ожидает бывшего правителя. Однако заарканить молодого и физически сильного Османа оказалось не так-то просто. Никто не решался прийти на помощь джебеджи-баши и в конце концов приговоренного к смерти оставили в покое, отправив Мустафу во дворец. С низложенным султаном осталось лишь несколько офицеров янычарского корпуса. Вскоре за Османом прибыла повозка, доставившая его в тюрьму замка Йеди Куле, где и окончилась его короткая жизнь монарха великой империи — он был задушен. У казненного отрезали ухо и послали его матери нового султана, чтобы она могла удостовериться в безопасности своего сына

Мустафы, занявшего османский престол при опасных и драматических обстоятельствах³⁴⁷.

Это был первый в османской истории случай свержения султана янычарским войском, важной функцией которого до сих пор являлась как раз защита династии. Низложив Османа, янычары Стамбула, почувствовавшие в его планах угрозу самому своему существованию, не просто выступили против султана, а физически расправились с ним ради собственного самосохранения. Эти события продемонстрировали некую новую роль янычарского корпуса в обществе. Если и ранее бывали случаи, когда янычары вмешивались в династийные вопросы, выступая на стороне тех или иных претендентов на султанскую власть, то они делали это в интересах высших социальных групп османского общества, являясь лишь их инструментом. При этом не существовало никакого внутреннего конфликта между султанами и их регулярной армией. Такой конфликт возник лишь при Османе II, когда непримиримо столкнулись жизненные интересы государства и армии. К этому конфликту вела длинная дорога как внутренней эволюции самого янычарского корпуса, так и изменившиеся обстоятельства существования самой Османской державы, к началу XVII в. потерявшей свой наступательный порыв в Европе, Азии и Африке в связи с ослаблением ее военной машины, изменившимися экономическими условиями существования и возросшей военно-политической мощью своих противников как на Западе, так и на Востоке. При этом обозначились предельные физические пределы турецких завоеваний и экспансии, перейти которые Османская империя объективно была уже не в состоянии. Весь XVII, а затем и XVIII век, за отсутствием значимых преобразований и реформ, Османскому государству предстояло жить в этом статус-кво, постепенно превращаясь из мощного военного государства в слабеющую империю, еще способную защищаться (иногда с реанимацией идеи завоеваний), но все более зависимую от экономического и политического влияния быстро крепнущей капиталистической Европы. В свете этого случившееся в 1622 г. низложение и казнь Османа II, попытавшегося сделать первый шаг на пути преобразования регулярной армии, имело огромные последствия. Неудача военной реформы и победа армии над государством на долгие десятилетия отложила всякую

возможность появления каких-либо нововведений — в том числе в военной области. Кроме того, она создала у янычарского корпуса уверенность в своем абсолютном политическом могуществе, в возможности безнаказанно действовать исключительно в собственных корпоративных интересах.

Участие в польском походе султана Османа II, предполагавшее продемонстрировать силу института султанской власти и военно-политическое могущество Османской империи, а также последующая попытка военной реформы, против всяких ожиданий, привели к драматическим последствиям как для самого султана, так и для судьбы Османского государства, оказавшегося на долгий период обреченным на застой и постепенное ослабление всех частей своего государственного организма при сохранении консервирующей силы янычарского корпуса. Султан Осман II, попытавшись повысить боеспособность своей регулярной армии, отважился на политический шаг, который в реальности привел к обратному результату — усилению не военной, а политической силы армии, отныне способной низлагать и возводить на престол османских правителей и во всех случаях диктовать им свою волю. Для такого исхода недостаточно было лишь внешних обстоятельств, какими явились события польской кампании. Сама внутренняя эволюция янычарского корпуса создавала условия для столь непредвиденного хода событий. Исторический идеал прошлого, который вдохновлял юного Османа II, столкнулся с изменившейся реальностью — с трансформацией самого янычарского войска, превратившегося в социальную силу, способную диктовать условия самому правителю. Янычарский корпус как замкнутая и саморазвивающаяся система превращался в институт, дестабилизирующий государство и угрожающий самому его существованию.

Внутренние потенции янычарского корпуса, вооруженной социальной силой общества, оказались направленными — в силу его корпоративного характера и преследования своих узкогрупповых интересов — на консервацию государственных порядков в том виде, в каком они были выгодны ему самому. Наличие такой консервативной социальной силы не могло не сказаться на ходе, качестве и темпах эволюции Османском государстве в целом. Янычарский корпус как важнейшая состав-

ная часть турецкой армии явился заметным тормозом на пути развития Османского государства. В сочетании с деградировавшей военно-ленной системой и растущим экономическим и техническим отставанием его от стран Европы это с неизбежностью вело к ослаблению военных возможностей и политической мощи империи с сохранением превалирующей идеи религиозного превосходства ислама и якобы имманентно присущего ему политического главенства, что постоянно создавало почву для развязывания Османской империей внешнеполитических конфликтов и войн, выигрывать которые она была уже не в состоянии.

Глава 6

ЯНЫЧАРСКИЙ КОРПУС В КОНЦЕ XVI—НАЧАЛЕ XVII В.

Что же представлял собой янычарский корпус в начале XVII в.? В какой мере было оправданным стремление Османа II реформировать его и создать вместо столичной регулярной армии новое янычарское войско, более дисциплинированное и боеспособное? Какие внутренние причины приводили в движение стамбульских янычар, порождая острые социальные конфликты? На многие из этих вопросов есть возможность ответить благодаря сочинению, «Мебде-и канун-и йеничери оджагы», составленному в 1606 г. анонимным турецким автором, связанным своей службой с янычарским корпусом (по всей видимости, канцелярской)¹. Трактат анонима дает бесценный материал для наших знаний о структуре янычарского корпуса, его установлений и внутренней жизни, а также об истории его возникновения и особенностях функционирования. Трактат был составлен в период начавшегося острого социального конфликта в Османской империи, ставшего известным под именем движения джелали и руководимого Кара Языджи, а затем Дели Хасаном. Сочинение было написано после только что закончившейся длительной австро-турецкой войны (1593—1606), показавшей военное ослабление государства, малую эффективность его военных структур, в том числе янычарского корпуса, войны, почти полностью истощившей финансовые ресурсы Османского государства, тратившего огромные средства на содержание регулярной армии.

Очень скоро после своего создания янычары начали превращаться в профессиональную военную корпорацию, быстро

растущую, хорошо организованную и довольно замкнутую — как благодаря особой системе своего комплектования (девширме), так и по причине внутреннего устава (запрет на женитьбу, казарменные установления общежития и т. д.). Со временем янычарский корпус — по сути, регулярная и оплачиваемая государством армия — начал превращаться в особый социальный институт, многими сторонами своей жизни прораставший в иные страты османского общества и постепенно меняющийся. Янычары обретали свои собственные корпоративные интересы и в силу своей сплоченности, военных возможностей и изначальной связи с османской династией с течением времени начали использоваться различными группами правящего класса в качестве инструмента для достижения различных (впрочем, весьма мелких и частных) политических целей.

С самого начала своего существования у янычар имелись собственные, весьма существенные и важные интересы, а именно экономические. Янычары являлись войском на жалованье, т. е. получали заработную плату, и были тесно связаны с материальными и финансовыми условиями существования Османского государства, что во многом объясняет психологию янычар, формировавшуюся под влиянием прежде всего меркантильных интересов. С этим связано их рано проявившееся стремление бороться за улучшение своего экономического положения. Получаемое ими жалованье (во всяком случае, рядовым составом) было весьма скромным и едва позволяло удовлетворять насущные жизненные потребности. Государство обеспечивало янычар форменной одеждой (им выдавалось для этого сукно и другие ткани) и оружием, а за все остальное они должны были платить сами (на деньги в складчину). Совместная жизнь в казармах с ежедневными общими трапезами, учебной стрельбой, с посещением собственной полковой мечети и позволительными (а иногда непозволительными) развлечениями сплачивала янычар, развивала в них исключительно высокий дух товарищества, взаимопомощи и единый общественный настрой.

Достаточно замкнутый военно-профессиональный характер янычарского корпуса сохранялся примерно до середины XVI в., до времени правления султана Селима II (1566—1574). Начиная с его царствования янычарское войско начинает претерпевать заметные изменения, о которых пишет вышеупомянутый ано-

нимный автор трактата. Во многом это было связано с изменившимися экономическими условиями жизни Османской империи — с так называемой «революцией цен», произошедшей из-за хлынувшего в Европу серебра, привезенного испанскими и португальскими конкистадорами. Удешевление серебра, уменьшение реальной стоимости серебряной монеты (в которой янычарам выдавалось жалованье), ее широко распространившаяся порча и рост цен на продовольствие и предметы ремесленного производства подорвали экономическое благосостояние армии (как и всего населения в целом), а непрерывные войны сказались на собираемости налогов, вызвав оскудение казны и частые финансовые кризисы. Янычар не могли не коснуться все эти экономические обстоятельства, влиявшие на их повседневную жизнь и военную службу. Они вынужденно искали различные способы преодоления обрушившихся на них материальных трудностей, переключив внимание со своих военных обязанностей на самостоятельное обеспечение своих жизненных потребностей.

К началу XVII в. янычарский корпус во многом утратил свою социальную замкнутость, которая обеспечивалась благодаря функционированию системы девширме и строгому следованию законам и правилам внутренней организации. В первую очередь был преодолен существовавший запрет на женитьбу, что имело в конечном счете важные социальные последствия для янычарского корпуса в целом. Согласно сообщению автора «Мебде-и канун», при султани Селиме II янычары, получившие ранения во время войны и потерявшие способность нести действительную военную службу, добились для себя права завести семьи. Естественно, что сыновья, появлявшиеся в них, по обычным в Средневековье канонам наследования детьми профессии отцов, всеми способами стремились получить разрешение быть зачисленными на янычарскую службу. Такое разрешение в результате было получено, и в янычарском корпусе появились так называемые кулоглу — сыновья янычар, которые по достижении ими совершеннолетия начали зачисляться в корпус².

Однако такая практика, по-видимому, существовала и значительно раньше, не будучи законодательно оформленной для всего корпуса. Константин из Островицы (напомним, что его

сочинение «Записки янычара» были написаны во второй половине XV в.), сообщает, в частности, о существовании сыновей янычар, которые, «когда они вырастают из детского возраста... получают службу от султана»³. Константин пишет об этом, как о привычной практике, — таким образом, можно говорить о том, что уже в XV в. янычарам удавалось обходить существовавший запрет на женитьбу (правила целибата, подобного латинскому среди католического клира, в янычарском корпусе, не существовало). Из исторических источников известно, что янычары не отличались особым пуританством в отношении женщин и позволяли себе весьма смелые развлечения даже в своих собственных казармах⁴, приводя туда женщин легкого поведения или устраивая себе любовные встречи с понравившимися им жительницами Стамбула с помощью хитроумно продуманных уловок⁵. При Селиме II янычары получили официальное разрешение на женитьбу — правда, только те, кто уже не мог нести действительную военную службу. В 1606 г., когда, предположительно, писался трактат «Мебде-и канун», это ограничение уже не соблюдалось. Жениться могли уже все, кто этого хотел, даже аджеми огланы⁶. Мюнеджимбаши сообщает, например, что, когда после смерти султана Мурада III из дворца были удалены его наложницы-невольницы (джарийе), они были выданы замуж за «эмиров и чорбаджи»⁷.

Появление к концу XVI в. значительного числа кулоглу, сыновей янычар, которых зачисляли в янычарский корпус, делало ненужным и постепенно вытесняло набор девширме. Число кулоглу настолько выросло, что многие из них годами были вынуждены ожидать зачисления в янычары, находясь на службе в провинциальных гарнизонах. При этом многие из кулоглу, у которых на войне погибли отцы, материально поддерживались казной, что налагало дополнительные расходы на и без того истощенную османскую казну.

Получение янычарами разрешения на женитьбу и зачисление в ряды янычарского корпуса сыновей янычар вели к ослаблению жестких правил комплектования корпуса, к расширению социальных связей янычар с различными слоями общества. Кроме того, возможность попасть в янычарский корпус не через систему девширме, создавала лазейку для проникновения в янычарскую среду деклассированных элементов, всеми прав-

дами и неправдами стремившихся определиться на «военные хлеба». Сами янычары называли таких незаконно проникших в корпус словом «саплама».

Появление в янычарской среде таких «саплама», или, как их еще называли, «эджнеби» (чужаков), размывало внутренний порядок и сложившиеся нормы янычарского корпуса, в том числе его дисциплину. После случавшихся внутренних беспорядков в корпусе и бунтов янычары, оправдываясь перед властями, всегда перекладывали вину на этих «чужаков» и «леваков», лиц «без роду и племени», которым были чужды дисциплина и уважение к традициям янычарского корпуса. Иногда зачисление такого рода лиц в среду янычар носило массовый характер. Как сообщает Мустафа Селяники, летом 1588 г. янычарский ага Халиль зачислил в Эрзеруме в число янычар значительное число «эджнеби», за что, по слухам, и был снят со своей должности⁸. Следует заметить, что подобные зачисления часто объяснялись действительными потребностями пополнения «кадров» (из-за боевых потерь или других обстоятельств), однако это вызывало недовольство в среде янычар. Сохранилось известие, что при выступлении в поход в июле 1589 г. янычары роптали на своих командиров-«чужаков» (эджнеби), которые «не соблюдали старинных законов»⁹. Попасты в янычарский корпус и обеспечить себя тем самым средствами на жизнь стремились прежде всего турецкие крестьяне, приехавшие в город искать лучшей доли, так называемые чифт бозаны¹⁰, т. е. крестьяне, по тем или иным причинам лишившиеся своих земельных наделов. Практика зачисления в корпус не через систему девширме, расширяясь, коррумпировала офицерскую среду, в поисках денег готовую включить в число янычар любого желающего. Мустафа Селяники прямо пишет о том, что «эджнеби» попадали в янычарский корпус за взятку¹¹. Об этом же упоминает и автор «Мебде-и канун»¹².

Для того чтобы технически такое зачисление было возможным, нужно было как минимум иметь свободные вакансии, а они имелись всегда. Смертность среди янычар, до конца XVI в. почти постоянно участвовавших в походах, была высокой как по причине боевых потерь, так и из-за случавшихся эпидемий и неизлечимых болезней. Тяжелые увечья в бою также приводили к уходу с действительной военной службы, от-

крывая вакансии для молодых и здоровых. Однако факты смерти янычар, погибших не на полях сражений, не всегда официально регистрировались. «Мертвые души» продолжали «нести службу», по крайней мере, согласно дефтерам. Их жалованье вместо умерших могли получать янычарские офицеры. Или за деньги зачислять на службу посторонних лиц, которым выдавалось жалованье выбывших по причине смерти янычар. Османский историк Мустафа Наима под 1628/29 г. упоминает о наставлении, которое был вынужден направить янычарскому кятибу (главному хранителю янычарских дефтеров) султан Мурад IV. В документе указывалось, что в янычарских дефтерах царит беспорядок, что вместо умерших янычар в дефтеры совершенно произвольно вписывают посторонних лиц и численность янычар постоянно растет, что тяжелым бременем ложится на казну. Указывалось, что в янычарские дефтеры вносятся имена несовершеннолетних сыновей крестьян и простых поденщиков¹³.

Все указанные выше явления отрицательно сказывались на дисциплине в рядах янычарского корпуса, на авторитете командиров, подрывали особый военный дух армии, характерный для более раннего периода османской истории. В конечном счете атмосфера коррупции и вседозволенности, сформировавшаяся к концу XVI в. и совпавшая с финансовыми трудностями государства, начала сказываться на всем янычарском корпусе, во все большей мере переориентируя интересы янычар с военной службы на добывание денег любым иным путем, что вовлекало их в ростовщичество, ремесло и торговлю.

Потребность в системе девширме, еще продолжавшей практиковаться в конце XVI в., значительно уменьшилась. В среде янычар за взятки даже при наборе-девширме все чаще попадали представители собственно турецкого населения империи, что было первоначально строжайше запрещено. Если христианское население европейских владений Османского государства, как правило, стремилось избавить своих сыновей от набора в янычары, то начиная со второй половины XVI в. сами турки, под давлением ухудшившихся экономических условий, всеми правдами и неправдами пытались определить своих сыновей в число янычар, для чего подкупали ответственных за проведение девширме лиц. В XVIII в. наблюдатели отмечали,

что родители радовались «милости» зачисления своих сыновей в янычарский корпус¹⁴.

Помимо тех, кто набирал детей в янычарский корпус во время девширме, в число янычар по своему усмотрению могли зачислить также янычарские аги. Таких новобранцев называли «чырагами» (мальчики-слуги) аги. Автор «Мебде-и канун» пишет, что в его время, т. е. в конце XVI—начале XVII в., составлялись специальные дефтеры таких чырагов. В их число, по его словам, за деньги попадали сыновья мусульман-турок, называвших себя «каким-нибудь гяурским (т. е. немусульманским. — *И. П.*) именем». Наш анонимный автор замечает по этому поводу: «С тех пор как появились чыраги аги, открылся путь для проникновения турок в среду янычар»¹⁵. Случайные лица зачислялись также особыми распоряжениями султана во время празднования того или иного торжественного события, как это случилось, например, при султанине Мураде III во время праздника по случаю обрезания его сына¹⁶.

Появление представителей господствующего этноса в рядах янычар изменило сам дух янычарского корпуса, прежде комплектовавшегося лишь из представителей немусульманского населения Османского государства, насильно подвергавшихся исламизации. Такие янычары-прозелиты утрачивали свои культурные корни и, воспитанные в духе мусульманского фанатизма и своей исключительности, превращались в особого рода бойцов, посвящавших свою жизнь войне и верному служению османской династии. Янычарский корпус со времени своего возникновения представлял собой профессиональную армию особого рода, какой не обладали соседние с Османской империей государства, что длительное время давало ей большие военные преимущества.

Янычары гордились своими «особыми» отношениями с османскими султанами, которым служили верой и правдой в течение длительного времени, презрительно взирая на представителей иных сословий. При этом они хорошо помнили о своем нетурецком происхождении, выделяя себя из основной массы турецкого населения страны. К тому же само название «турок» (тюрк) долго носило презрительный оттенок, означая грубого, неотесанного и необразованного крестьянина из сельской глубинки. Турки, или, как это понималось образованной частью

османского общества, «деревенщина», по мнению бюрократических верхов, мало подходили для высокой роли «воинов ислама» и, попадая незаконными способами в янычарский корпус, приносили с собой в армейскую среду психологию и этику темного турецкого крестьянства, не получившего специального образования и навыков военной службы. По словам автора «Мебде-и канун», из-за проникновения в среду янычар турок стало «бесполезно [ожидать] проявления доблести»¹⁷.

В эпоху средневековых войн, как на христианском Западе, так и на мусульманском Востоке, именно личная доблесть рассматривалась как необходимое условие военных побед, лишь постепенно уступая место иным представлениям о военной силе армии с перемещением акцента на силу техники, превосходство в оружии и тактику боя. В отличие от Запада, где начиная с XVI в. ускоренно развивались именно эти военные представления, турки, отдавая должное качеству пушек и личного огнестрельного оружия, по-прежнему делали основную ставку на личную доблесть воина и все более отставали в области вооружения, технологии и экономических возможностях.

К началу XVII в. янычары продолжали оставаться ядром османской армии, однако их военная корпорация мало напоминала прежнюю. Все большее число янычар вовлекалось в деятельность, весьма далекую от военной. Янычары становились ремесленниками и торговцами, занимались ростовщичеством и спекуляцией. К этому времени многие янычары, освоив какое-либо ремесло, начали открывать свои лавки, не порывая со своей военной службой и по-прежнему числясь в рядах янычарского корпуса. Мустафа Селяники пишет, например, что в Стамбуле многие сипахи, джебеджи, топчи и арабаджи стали мелочными торговцами¹⁸. Английский путешественник, посетивший Стамбул в 1610 г., отмечал, что многие янычары увеличивали свое скромное жалованье тем, что занимались в городе ремеслами¹⁹. Тот же Селяники упоминает о том, что в провинции янычары активно занимались скупкой и перепродажей²⁰. Некоторые из них превратились в коробейников. В качестве примера можно привести один из сохранившихся документов, в котором читаем, что в Буду прибыло судно янычара Али, которое доставило 4 бурдюка оливкового масла, 1 кантар (около 50 кг) черного винограда и 5 тюков каштанов. При этом он за-

платил пошлину (гюмрюк) в 100 акче и портовый сбор в 4 акче²¹. Скорее всего, такой торговлей занимался гарнизонный янычар. Как показывают турецкие документы, в городах, где были расквартированы янычары, чаще всего они занимались торговлей продуктами питания, были мясниками и хлебопеками²². В одном из документов отмечен случай, когда янычары занимались незаконной торговлей лесом²³.

Существовало, по-видимому, два пути появления ремесленников в янычарском корпусе. Первый путь — это прямое зачисление в янычары ремесленников, которые во многих случаях стремились к этому из желания иметь привилегии янычар (освобождение от всех видов налогов), их большую социальную защищенность, а также получать для себя дополнительный фиксированный денежный доход в виде жалованья. Второй путь — это овладение янычарами каким-либо ремеслом во время службы в корпусе. Очень часто, обремененные семьями и вынужденные содержать их в городах на весьма скромное жалованье, покупательная способность которого с ростом в XVI в. цен постоянно падала, янычары стремились дополнительно зарабатывать на жизнь посредством ремесла, которым могли овладеть, еще будучи аджеми огланами. Известно, что в резиденции янычарского аги были свои ремесленники — шорники, кузнецы, портные и др., обслуживавшие нужды самих янычар. Имели возможность овладеть каким-либо ремеслом и многочисленные сыновья янычар — кулоглу.

Получая жалованье, некоторые янычары с помощью ростовщичества имели возможность скапливать довольно значительные капиталы. В большей мере это относилось к янычарским офицерам, среди которых во второй половине XVI в. процветало взяточничество, о котором уже не раз говорилось выше. Разбогатевшие янычары нередко становились откупщиками налогов, со временем вливаясь в ряды провинциальных аянов — влиятельных членов османского общества, вес и положение которых основывалось на их богатстве.

К улучшению своего материального положения стремились все янычары. Жалованье основной их массы было весьма незначительно, так что они едва могли сводить концы с концами, если были обременены семьями. Постоянная борьба янычар за своевременное получение жалованья остро протекала со второй

половины XVI в., вызывая частые бунты и возмущения. По мере прохождения службы жалование янычар должно было расти, однако получаемые ими прибавки (терраки), были крайне незначительны. Кроме того, существовал «потолок» жалования рядового янычара. Только янычарское офицерство, получая более высокие доходы, а главное, обладая властью и возможностями ее злоупотребления, могло существенно увеличивать свои доходы и накапливать значительные капиталы.

Автор трактата о янычарском корпусе приводит многочисленные примеры взяточничества, связанные с деятельностью янычарского офицерства. К концу XVI в. взяточничеством был охвачен весь корпус. Янычарский ага брал взятки при повышении в должности янычарских офицеров. Донос о такого рода деяниях бывшего янычарского аги был получен правительством в 1590/91 г.²⁴ Янычарские аги при проведении набора рекрутов в янычарский корпус — девширме — поручали рекрутирование офицерам, беря за это крупные суммы в 300—400 тыс. акче. Рекрутеры, в свою очередь, брали с собой янычар, с которыми должны были производить набор-девширме, получая с каждого из них по 3—4 тыс. акче. Отданные суммы возмещались затем уже непосредственно при наборе, когда появлялась возможность брать деньги с родителей мальчиков — тех, кто не желал отдавать их в янычары и вынужден был откупаться от этого. Во время проведения девширме делались и другие поборы с населения, вынужденного брать к себе на постой как сборщиков, так и новобранцев. Так же за деньги в дефтеры рекрутов заносились имена мальчиков, родители которых, в нарушение существующих правил, наоборот, хотели определить своих сыновей в янычары²⁵. О злоупотреблениях сборщиков рекрутов иногда (косвенно) сообщают и османские хронисты. Кятиб Челеби пишет, например, о казни янычарского офицера турнаджибаши, обвиненного в совершении злоупотреблений при наборе-девширме²⁶.

Большие возможности для разного рода вымогательств и обогащения давала янычарам служба ясакчи. Ясакчи должны были нести охрану в городах и селах. В Стамбуле янычары-ясакчи служили при городских воротах, в таможне и т. п. Служба эта в Стамбуле предоставлялась сроком на три месяца, в провинции — на девять месяцев. Зачислялись на нее прика-

зом янычарского кетхюды, которому за это уплачивалось по 75 акче, как указывает автор «Мебде-и канун». Он же пишет, что со временем сумма эта возросла, а сама служба стала предоставляться за взятку. (В Стамбуле должность ясакчи продавалась за 30—40 алтунов²⁷.) Эти деньги возмещались затем с помощью злоупотреблений и вымогательств.

Существовали и другие способы незаконного обогащения. В ходу были различного рода уловки. Янычарские кятыбы увеличивали свой доход за счет приписок — в дефтерах за деньги делались подложные записи о более высокой сумме получаемого жалованья или пожаловании прибавки к нему, о присвоении более высокого звания и т. д. Все это делалось за соответствующую мзду. С приписками в дефтерах было очень трудно оперативно бороться, так как они сверялись и переписывались лишь раз в три месяца. При этом вносимые приписки требовали времени и возможностей для проверки, не всегда проводившейся (намеренно и небескорыстно), что постепенно создавало хаос и неразбериху в записях, облегчая возможности для дальнейших приписок и нанося большой урон казне²⁸.

Таким образом, янычарское офицерство имело наибольшие возможности для получения взяток. Автор «Мебде-и канун» сообщает, например, что в то время как согласно правилам аджами огланам или кулоглу до зачисления в янычары следовало 9—10 лет прослужить, находясь на той или иной службе, многие старались сократить для себя этот срок и подкупали офицеров, чтобы поскорее быть вписанными в янычарские дефтеры. Изменение статуса предусматривало, разумеется и более высокое жалованье²⁹.

Со второй половины XVI в. военная служба янычар едва ли могла считаться особо почетной и прибыльной, а с быстрым развитием военной техники у противника она становилась все более опасной, участие в войнах во все большей степени несло тяжелые увечья или смерть ее участникам. Среди янычар росло стремление заполучить в корпусе должности, с которыми не была связана собственно военная служба. За взятку стало возможным, например, получить себе статус коруджи — охранника. Коруджи не были обязаны участвовать в походах. Вполне молодые и здоровые янычары стремились также заполучить для себя звание отураков, или пенсионеров, которые по возвра-

сту или из-за увечий, зачислялись на пенсию³⁰. За взятку стало возможным все. Автор «Мебде-и канун» пишет, что число коруджи в янычарском корпусе достигло 3—4 тыс. человек³¹. Сообщая о массовом уклонении янычар от участия в походах, тот же аноним пишет, что с помощью различных уловок янычары освобождают себя от военной службы, давая офицерам взятки. Естественно, это приводило к уменьшению реального числа янычар, участвующих при объявлении войны в боевых действиях. «[Ныне] на своем месте нет и одного из тысячи. Малым числом людей дела не сделаешь. Поход [в этом случае] длится бесконечно. Страна и казна падишаха истощаются, а кошельки одабаши и чорваджи наполняются», — сетует автор «Мебде-и канун»³², выражая общепринятое у турок мнение, что лишь большая численность армии способна обеспечить победу.

Много уловок применялось для того, чтобы утаить имена умерших янычар и продолжать получать за них жалованье. По поводу получения денег за отсутствующих янычар русский посол в Стамбуле П. А. Толстой в самом начале XVIII в. писал, что «у кого янычар налицо меньше, тому прибыли будет больше... капитаны крадут себе то жалованье, ибо неполное число янычар держат под своею властью...»³³.

Всякого рода махинации производились и с деньгами, выдававшимися янычарам в качестве жалованья. Полноценные монеты подменялись акче плохого качества при посылке, например, жалованья гарнизонным янычарам³⁴. Махинации с монетой имели место и при закупке овец для продовольствия. Получая для этого из казны деньги в золотой монете, должностные лица корпуса подменяли их на монеты плохого качества, получая от этой операции солидный барыш³⁵.

Накопленные такими способами деньги тут же пускались в рост. Многие янычары занимались ростовщичеством, постепенно накапливая крупные денежные суммы. Ростовщические проценты при этом были весьма значительны. Из одного опубликованного османского документа (жалобы) видно, что некоторые янычары и даже аджеми огланы одалживали деньги под 30 % в месяц. У неспособных расплатиться должников отнимались принадлежавшие им дома, сады и виноградники, обрабатываемые поля. Например, жалоба на подобного рода дей-

ствия была получена в столице из Токата. В результате кади Токата было велено разобраться в деле и заставить солдат вернуть ими отнятое. Неизвестно, было ли выполнено это распоряжение³⁶. Из последующей истории османской хозяйственной жизни известно, что из такого рода разбогатевших лиц, всячески стремившихся к приобретению земель, во многом формировался слой будущих аянов.

Вовлечение янычар в торговлю, ремесло и ростовщическую деятельность побуждало многих из них всеми правдами и неправдами освободиться от действительной военной службы. При этом они стремились оставаться в списках янычар не только ради получения своего янычарского жалованья, но и для сохранения некоторых привилегий, которые приносил их статус. Наиболее удобным средством для освобождения себя от походов было, как уже указывалось, получение звания коруджи или отурака. Звание коруджи к началу XVII в. стало столь привлекательным, что покупалось за большие деньги. Автор «Мебде-и канун» пишет, что многие «становятся коруджи с [жалованьем] 25 и 27 акче. Покупая каждое акче [своего будущего жалованья] за 10 алтунов, ... сделали его большим»³⁷. Такое положение вещей возмущает пекущегося о государственной пользе автора трактата о янычарском корпусе и он замечает: «Старики несут тяготы похода, а зеленые юнцы, став коруджи, занимаются торговлей»³⁸.

В провинции янычары еще более откровенно пренебрегали своими воинскими обязанностями, целиком отдавая свое время экономической деятельности. Так, в провинции Алеппо местные янычары занимались ростовщичеством, сельским хозяйством исполу, становились управителями вакуфов, мухтесибами и даже сборщиками налогов³⁹. Во многих случаях янычары за долги экспроприировали земли крестьян. Занимаясь хозяйственной деятельностью, они пользовались своим привилегированным статусом и позволяли себе нарушать установленные в государстве правила торговли. Так, Мустафа Али сообщает, что ставшие торговцами сипахи и янычары продавали свои товары по собственным ценам, пренебрегая официально существующими ограничениями⁴⁰.

Сведения османских источников о широком распространении в обществе взяток, росте коррупции, в том числе в янычар-

ском корпусе, говорит о возрастании в Османском государстве роли лиц, обладавших денежными капиталами. Не принадлежность к традиционно уважаемому в османском обществе классу аскери (военных), а наличие богатства — денег и земля — становится в конце XVI в. отличительным признаком высокого социального положения. Долгое время им обладали феодалы-сипахи, составлявшие фундамент социальной организации общества, значительную часть турецкого войска, уважаемую страту социума и опору государственной системы Османской империи. В конце XVI в. сипахи начинают терять свое былое значение. Формально продолжая быть уважаемой частью общества, основная их масса живет на скромные доходы своих по большей части небольших земельных пожалований и начинает стремительно беднеть вместе со своими нищающими крестьянами, с трудом выполняя свои военные обязанности. Деньги и добывание их всеми возможными способами к началу XVII в. начинают становятся главной заботой всех социальных прослоек. В значительной мере это затронуло и янычарский корпус. «Кто имеет за спиной поддержку, [тот] в радости и при должности — неважно честен он или нечестен, сын своего очага или нет, знает основы закона или не знает. Были бы у него деньги да покровитель!» — горько сетует автор «Мебде-и канун», по-своему анализируя и оценивая новое положение дел, сложившееся в обществе⁴¹. Фигура турецкого тимариота, несколько веков олицетворявшая собой военно-политический успех Османского государства, уходит в тень, теряет свою привлекательность и экономические преимущества. Выполнять обязательства по военной службе на скромные доходы с деревенок-тимаров становится делом невыгодным и физически хлопотным. И отправка на службу на границу с назначением тимара рассматривается, например, среди янычар уже как наказание для провинившегося. Автор трактата о янычарском корпусе сообщает, в частности, об одном из янычарских офицеров, обвиненном в незаконном зачислении в аджеми огланы постороннего лица (вместо умершего) и приговоренном к высылке в тимар с доходом в 9 тыс. акче⁴².

Пренебрежение военной службой и стремление освободиться от участия в военных кампаниях пагубным образом начало сказываться и на военной подготовке янычар, которой некогда

придавалось большое значение. В янычарском корпусе существовала специальная школа стрельбы по мишеням — талимхане. До появления огнестрельного оружия янычары тренировались в стрельбе из луков. С появлением пищалей и мушкетов, которые выдавались янычарам из казны, были организованы тренировочные стрельбы и из огнестрельного оружия. Однако янычары проявляли к этому мало интереса. Если раньше, по сообщению автора «Мебде-и канун», они каждый вечер являлись в талимхане пострелять из лука под руководством специальных инструкторов-талимханеджи, то к началу XVII в. положение заметно изменилось. Он пишет: «...стоят [теперь] талимхане развалившимися, пауки плетут там свою паутину, стоят они заброшенными»⁴³.

Подобное пренебрежение упражнениями в стрельбе самым пагубным образом сказывалось во время войн. Как это видно из описания хода военных действий в 1621 г. у Хотина во время войны с Польшей, это приводило к неоправданно высоким потерям в людской силе с турецкой стороны.

В янычарском корпусе имелись специальные казенные ружейные мастерские, где изготовлялись тюфенки — мушкеты. За работой этих мастерских следили особые янычарские офицеры — тюфенкчибаши. Злоупотребления коснулись в конце XVI в. и этой части янычарского корпуса. Автор «Мебде-и канун» пишет, что тюфенкчи занимались изготовлением и продажей на сторону изготовленного ими оружия. При этом над частными заказами они работали значительно усерднее и тщательнее, что заставило автора трактата о янычарах заметить: «...тюфенкчи надобно ... изготавливать казенные ружья так же хорошо, как они [изготавливают] их для частных лиц»⁴⁴. По утверждению автора «Мебде-и канун», изготовлявшееся в янычарских мастерских оружие отличалось более высоким качеством, чем продукция частных ремесленников-оружейников, и потому пользовалось бóльшим спросом. Ружья янычары получали при заступлении на действительную службу. Когда объявлялось выступление в поход, они выдавались офицерами — одабаши — согласно дефтерам.

Офицерский состав янычарского корпуса, который должен был следить за дисциплиной и выучкой своих подчиненных, к концу XVI в. утратил свой былой авторитет среди рядовых

янычар. За взятку получая повышение в звании и становясь офицерами, новоявленные одабаши, по возрасту еще совсем молодые люди, не могли рассчитывать на то, что им будут беспрекословно подчиняться опытные и заслуженные янычары («старики»), что создавало трудности при поддержании дисциплины среди янычар. Такие янычарские офицеры не имели должного авторитета и не могли заставить своих подчиненных выполнять свои распоряжения. Затевавшие янычарами бунты из-за жалованья или нежелания выступать в поход оставались по большей части совершенно безнаказанными. Офицеры не обладали реальной возможностью навести порядок среди своих подчиненных, и к концу XVI в. власти имели мало рычагов для того, чтобы заставить янычар действовать в интересах правительства.

Как правило, за бунты и непослушание янычар расплачивался своей должностью янычарский ага — глава корпуса. Янычарские ага перестали пользоваться достаточным авторитетом в янычарском войске с тех пор, как ими стали назначаться султанские дворцовые слуги (по принципу личной преданности). Янычары воспринимали своего высшего командира как некое чужеродное лицо, с которым их ничего не связывало по прежней службе. Янычарские ага приходили и уходили, часто сменяя друг друга, но никак не влияя на общее положение дел в янычарском корпусе. Собственно, пост янычарского аги являлся промежуточным на карьерном пути назначаемых, которые, как правило, становились затем румелийскими бейлербеями и т. д. и едва ли жалели, что покидают свою беспокойную и даже небезопасную должность.

Участившиеся в последней трети XVI в. бунты янычар, их крайняя недисциплинированность во время походов, уменьшившаяся боевая эффективность, неуправляемый рост их численности в результате незаконного зачисления в их ряды посторонних лиц или новичков из числа кулоглу и аджеми огланов, стремительно возрастающее бремя государственных расходов на содержание янычарского корпуса, постоянные военные неудачи турецкого оружия в конце XVI—начале XVII в. — все это требовало принятия мер по изменению сложившегося положения и явилось причиной первой попытки военной реформы в Османском государстве, на которую безоглядно решился

юный султан Осман II. Эта реформа, как было показано выше, закончилась полным провалом, показав огромную силу янычарского войска. Его коррумпированный офицерский корпус, заботившийся прежде всего о своих материальных интересах, и очень неоднородная по своему составу масса рядовых янычар, мало интересующаяся своей военной профессией и заметно расслоившаяся на бедных и богатых, к началу XVII в. полностью вышла из-под контроля правительства. Из мощного военного орудия Османского государства янычары превратились в самостоятельную политическую силу, поддержка которой являлась важным фактором при формировании той или иной линии внутренней и внешней политики. На длительный период османской истории янычары стали консервативной силой, препятствующей любым новациям в Османском государстве, силой, обеспечивающей незыблемость старых порядков. Организованная и вооруженная, она показала свою способность беспрепятственно возводить на престол угодных себе султанов, связывая им руки при любой попытке каких-либо прогрессивных начинаний. Янычары, преследуя свои экономические интересы, легко превратились в орудие придворной борьбы, и Османское государство, упустившее возможность реформировать янычарское войско в начале XVII в., во многом из-за этого обрекло себя на будущие военные и политические поражения (впрочем, к счастью для других), что с особой силой проявилось к началу XVIII в. Длительные и бесплодные из-за своей малой эффективности военные кампании с участием технически и тактически отсталой янычарской пехоты и уменьшившегося в численности, обедневшего класса сипахи — владельцев малоодоходных земельных пожалований — высасывали из государства все его материальные соки, не позволяя основному классу производителей в Османском государстве — крестьянству — развиваться или даже сохранять на прежнем уровне свое хозяйство обрекая страну на экономическую стагнацию и отставание, а класс феодалов-сипахи на социальное прозябание.

Явив себя как консервирующая сила общества, янычарское войско закрепляло такое положение дел и во многом усугубляло эти стагнационные процессы, всякий раз прибегая к организованному насилию в случае угрозы появления хоть какой-либо новации. Прежде мощный инструмент в руках султанской

власти, янычарский корпус в начале XVII в. обрел все черты отдельного сословия и социальной силы, способной диктовать свою волю правительству. Янычарское войско превратилось в обособленную социальную прослойку, обладающую зафиксированными правами и обязанностями и отличающуюся их совокупностью от иных социальных групп. Письменную фиксацию этих прав и обязанностей, мы находим в трактате анонимного автора «Мебде-и канун», составленном в самом начале XVII в. И хотя его текст не является юридическим документом, однако он четко показывает права и обязанности янычар, признаваемые за ними правительством.

История янычарского корпуса представляет интерес не только с точки зрения собственно военной истории Османского государства, но и с точки зрения его социальной истории, ярко демонстрируя стратификацию османского общества эпохи Средневековья и его регламентационный характер. На примере истории этого османского военного и социально-политического института можно проследить алгоритм развития всего Османского государства, влияние самого существования янычарского корпуса на другие институты общества. Являясь одним из важнейших элементов османской общественной системы, янычарский корпус, в силу своего военного характера, служил власти в качестве государственного инструмента подавления, обеспечивавшего социальный порядок в государстве в целом — и в то же время чутким барометром его общего состояния, будучи связанным со всеми слоями османского общества. Как общественный институт, обладающий реальной силой и влиянием, янычарский корпус к началу XVII в. стал в силу произошедших в нем изменений своего рода «метасословием», способным так или иначе влиять на жизнь других классов и сословий османского общества. Для янычар как социальной группы их собственное благосостояние было тесно связано с экономическим благополучием и стабильностью всего османского общества. При этом сохранялась особая связь янычар с османской династией — учредительницей и попечительницей янычарского войска. И эта связь, несмотря на все перипетии османской политической истории, сохранялась на протяжении всего существования янычарского корпуса и исчезла лишь с его уничтожением по воле самой султанской власти в 1826 г. (при особых обстоя-

тельствах — во время мощного антитурецкого восстания в Греции, показавшего всю слабость и беспомощность османской военной машины).

Попытка Османа II в 1622 г. реформировать янычарский корпус не предусматривала его ликвидации и на деле являлась стремлением заменить его на его же аналог, отличающийся большей военной дисциплиной и эффективностью. В противоположность военной реформе султана Махмуда II в 1826 г., физически ликвидировавшего янычарский корпус в интересах сохранения государства перед лицом внутренней и внешней угрозы, ранняя реформа Османа II может рассматриваться как стремление усовершенствовать традиционный институт общества в интересах продолжения политики военной экспансии, для воссоздания и консервации тех политических установок, которые сформировались в ходе начальной истории Османского государства и продолжали существовать в течение еще длительного времени. В конце XVI—начале XVII в. Османская империя столкнулась, однако, с необходимостью не столько поддерживать свои экспансионистские интересы, сколько успешно отвечать на военно-политические вызовы экономически крепнущей Европы. Неудача военной реформы Османа II как в зеркале показала общее ослабление Османского государства в начале XVII в., оказавшегося неспособным продолжать свою прежнюю политику и столкнувшегося с трудно разрешимыми внутренними экономическими и социальными проблемами. Войны и территориальная экспансия, на которых зиждились основы османской государственности с самого начала ее существования, явились в то же время в конечном счете причиной ее последующего упадка и стагнации. Лишь постоянные успехи в войнах длительное время были «питательным раствором» огромной империи, поддерживали ее политическое могущество и экономическое благосостояние. Именно поэтому для этого периода Османская империя справедливо называется историками «военной державой». Закончились военные успехи и территориальная экспансия — начала закатываться и звезда Османской империи. Немалую лепту внесли в этот процесс янычары — одновременно и камертон, и одно из орудий ее истории.

Подводя итог, нельзя не отдать должное османской правящей элите, находившей в себе способность осмыслять и ана-

лизировать происходящее в государстве и по мере возможностей исправлять положение, управлять огромной империей, опираясь на имеющиеся у нее рычаги власти и влияния. В ходе непрерывных войн и обширных дипломатических контактов в Османской империи сформировался слой исключительно опытной и искушенной в политических делах бюрократии, в которую через систему исламизации, вошли представители многих народов, не по своей воле вошедших в состав Османского государства. Многоликая и многоязычная, верно служащая своей новой родине, эта элита умело держала на плаву корабль османской государственности даже в тот период, когда военные и политические успехи все в большей мере оставались в прошлом. Однако и постоянные военные неудачи империи конца XVI в. не смогли изменить господствующей идеологии государства, нацеленной на войну и экспансию. Консерватизм идеологических установок, постоянно поддерживаемый религиозными императивами, в начале XVII в. продолжал оставаться доминирующим фактором в формировании вектора внешней политики Османского государства, изменить который оказалось возможным лишь в XVIII в. под влиянием новых сложившихся внешне- и внутривнутриполитических обстоятельств. Военная машина Османской империи, важной частью которой являлся янычарский корпус, продолжала функционировать в своем прежнем виде, мало меняясь по существу и постепенно ветшая, заталкивая государство в узкое русло губительной политики бесполезных войн, финансовых трат и постепенного материального истощения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая книгу об истории янычар, ее автор надеется, что читатель имеет теперь более или менее ясную картину роли янычарского корпуса в многовековой истории одной из могущественных империй мира — Османской.

История янычарского войска относится не только к собственно военной истории этого государства, хотя эта роль является главной в общем контексте османских военно-исторических событий. История янычар — это также часть социальной истории Османского государства, важная для понимания и воссоздания этнографической картины средневековой жизни турок, придающая множество красок давно ушедшему миру османских султанов, дворцовых переворотов и исламских мотивов существования турецкой державы, которая, несмотря на свою воинственную мусульманскую идеологию, принадлежала общецивилизационной части мира. В истории янычар Восток и Запад как будто сходятся воедино. Вчерашние христиане — болгары, греки, сербы, армяне, обращенные в ислам и инкорпорированные в янычарский корпус, словно олицетворяют собой это единство, пусть и в столь странной, своеобразной форме, служат неким мостом, соединяющим разнородные элементы мультикультурной Османской империи.

Историкам в нашей стране еще совсем недавно во многом было свойственно рассматривать историю через призму общественно-экономических формаций, неумолимых закономерностей и «апартеида» классов, что, безусловно, имеет под собой некоторые научные основания. Янычарский корпус как военный, и общественный, институт стоит как бы на обочине этих солидных конструктов, являясь частной подробностью мощной турецкой истории, в которой войны и завоевания долгое время

являлись фундаментом существования и рычагом эволюционного развития Османского государства. Но именно такого рода «частности» делают историю интересной для всех, открывая давно ушедший мир в подробностях повседневной жизни людей, их стремлений и идей, ими владевших.

Османская империя прекратила свое существование по историческим меркам совсем недавно — 29 октября 1923 г., но осталась ее историческая преемница, Турецкая Республика, не забывающая о величии своей былой истории, властно вторгающейся в современный мир высоких технологий фантомами казалось бы канувших в вечность мегаидей и представлений, обнаруживая поразительную силу и живучесть архетипов. Уже давно нет янычарского корпуса, важнейшей части средневековой османской армии, но военные традиции государства не уходят в прошлое. Достаточно вспомнить турецкие политические события второй половины XX и начала XXI в., в которых едва ли не главная роль принадлежит армии, до недавнего времени способной оказывать существенное влияние на историю современного Турецкого государства. Военная держава остается военной державой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса) / Изд. текста, пер. с тур., введение, коммент. и указ. И. Е. Петросян. М., 1987. С. 171. (Памятники письменности Востока. LXXIX). Далее: Мебде-и канун.

² *Клейнман Г. А.* Армия и реформы. Османский опыт модернизации. М., 1989.

Глава 1

¹ О труде Яызджи-оглу Али см.: *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История / Под ред. А. Н. Кононова. М., 1965. С. 169—170; см. также: *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии // Избр. соч. Т. I. Исторические работы. М., 1960. С. 34—35 и др.

² *Recueil de texts relatifs à l'histoire des Seldjoucides par M. Th. Houtsma. Vol. III: Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineur d'après Ibn Bībī. Leide, 1902. P. 217—218.*

³ *Cahen Cl.* La Turquie pré-ottomane. Istanbul; Paris, 1988. (Varia Turcica, VII). P. 125.

⁴ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 26.

⁵ *Ahmedî. İskender-nâme.* (Араб. шрифт). Рук. С 133 из собрания Института восточных рукописей РАН. Fol. 247 r—247 v. Здесь и ниже стихотворные переводы с тур. И. Е. Петросян. Иль — здесь: народ.

⁶ *Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах* тринадцать книг. Т. I: Царствование Михаила Палеолога. 1255—1282. СПб., 1862. С. 9, 122. (Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии, кн. 5).

⁷ Жаворонков П. И. Малоазийские города периода Никейской империи // Сборник научных трудов. Свердловск, 1990. С. 54—60.

⁸ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. М.; Л., 1948. С. 698.

⁹ История Византии. Т. III. М., 1967. С. 75—76.

¹⁰ *Ahmedî. İskender-nâme*. Fol. 247 v—248 r.

¹¹ Подробно см.: Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988.

¹² См. (со ссылкой на труд Пахимера): Gibbons H. A. *The Foundation of the Ottoman Empire. A History of Osmanlis up to the Death of Bayezid I (1300—1403)*. Oxford, 1916. P. 34.

¹³ Георгия Пахимера история... С. 203.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ. Neşri tarihi*. Cilt I. Ankara, 1949. S. 72—75.

¹⁶ *Âşik-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân*. (Араб. шрифт). İstânbûl, 1332 [1913—1914]. S. 7.

¹⁷ *Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt I. S. 70—71.

¹⁸ *Âşik-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 13.

¹⁹ *Ibid.* S. 23.

²⁰ *Ahmedî. İskender-nâme*. Fol. 248 r.

²¹ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân*. (Араб. шрифт). Рукопись Венской национальной библиотеки. Мф. № 199 Института восточных рукописей РАН. F. 8 v.

²² Бартольд В. В. Хан // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 604.

²³ *Âşik-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 19—20.

²⁴ Хутба — часть пятничной молитвы с упоминанием царствующего правителя.

²⁵ *Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt I. S. 110—111.

²⁶ Долгое время историки, изучавшие ранний период становления Османского государства, не слишком доверяли этому сообщению Нешри, так как не имели монет, которые можно было бы отнести ко времени Османа. Однако турецкому историку И. Артуку удалось найти монету (правда, без даты) с легендой Осман ибн Эртогрул. Подробно см.: *Artuk İ. Osmanlı beyliğinin kurulcusu Osman Gaziye ait sikke // Türkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi. First International Congress of Social and Economic History of Turkey. 1071—1920*. Ankara, 11—13 July, 1977. Ankara, 1980. S. 27—33.

²⁷ *Âşik-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 18, 20.

²⁸ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi*. Cilt I². Ankara, 1961. S. 114.

²⁹ *Ibid.* S. 113, n. 1; S. 114.

- ³⁰ См. подробно: *Uzunçarşılı İ. H.* Gazi Orhan bey vakfiyesi 724 Rebi-ülevvel—1324 Mart // *Belleten*. N. 19. Ankara, 1941. S. 285 и след.
- ³¹ *Âşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 36.
- ³² *Владимиризов Б. Я.* Общественный строй монголов. Кочевой феодализм. Л., 1934. С. 87 и след.
- ³³ *Âşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 50.
- ³⁴ *Ahmedî*. *İskender-nâme*. Fol. 248 r.
- ³⁵ *Ibid.* Fol. 248 v.
- ³⁶ *Ibid.*
- ³⁷ Согласно сведениям византийских авторов, Пруса пала в 1326 г.
- ³⁸ *Âşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 28—30.
- ³⁹ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 737; История Византии. Т. III. С. 130.
- ⁴⁰ Там же. С. 693—694; *Gibbons H. A.* The Foundation of the Ottoman Empire. P. 60; *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 119—120.
- ⁴¹ *Wittek P.* Deux chapitres de l'histoire des turcs de Roum // *Byzantion*. Т. II (1936). Fasc. I. Bruxelles, 1936. P. 305.
- ⁴² *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878. С. 421.
- ⁴³ Там же. С. 422.
- ⁴⁴ *Âşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 44—45; *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt I. S. 164—165.
- ⁴⁵ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 459.
- ⁴⁶ *Âşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 38.
- ⁴⁷ *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. С. 68.
- ⁴⁸ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 132.
- ⁴⁹ *Ahmedî*. *İskender-nâme*. Fol. 250 r—250 v.
- ⁵⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 124.
- ⁵¹ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 158—159.
- ⁵² *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 113, n. 1.
- ⁵³ *Ahmedî*. *İskender-nâme*. Fol. 249 r.
- ⁵⁴ Подробно об этом см.: *Прохоров Г. М.* Прение Григория Паламы с «хионы и турки» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. XXVII. Л., 1972. С. 329—369.
- ⁵⁵ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 698.
- ⁵⁶ *Âşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 49.
- ⁵⁷ *Ibid.* S. 41.
- ⁵⁸ *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.; Л., 1960. С. 45.
- ⁵⁹ Цит. по: *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV—XV вв. С. 36.
- ⁶⁰ *Âşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 42.
- ⁶¹ См. об этом: *Кляшторный С. Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до

н. э.—I тысячелетие н. э.) // Рабство в странах Востока в Средние века. М., 1986. С. 330—331.

⁶² *Âşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 23—24.

⁶³ *Gibbons H. A.* The Foundation of the Ottoman Empire. P. 63.

⁶⁴ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 726.

⁶⁵ *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения... С. 249, примеч. 3.

⁶⁶ *Âşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 46.

⁶⁷ *Ibid.* Подробно об этом см.: *Петросян И. Е.* О реликтах домусульманских верований у османских турок в XIV—XV вв. // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., 1992. С. 36—44.

⁶⁸ Имарет — мусульманское благотворительное учреждение.

⁶⁹ *Âşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 42.

⁷⁰ *Ibid.* S. 42—43.

⁷¹ *Hüseyin Hüsâmeddîn*. *Alâeddîn bey* // *Türk Târîh Encümeni Mecmuası*. On beşinci sene. N. 9. S. 208—209. (Араб. шрифт).

⁷² Мютевелли — управитель вакуфа.

⁷³ *Uzunçarşılı İ. H.* *Gazi Orhan bey vakfiyesi*... S. 279—282.

⁷⁴ *Idem.* *Osmanlı tarihi*. Cilt I². S. 105.

⁷⁵ Подробно см.: *Täschner Fr.* *Beitrage zur Geschichte der Achis in Anatolien (14—17 Jht.)* // *Islamica*. T. IV, fasc. 1. Lipsiae, 1931. S. 1—47; *Gölpınarlı A.* *İslam ve Türk illerinde Fütüvvet*. İstanbul, 1951.

⁷⁶ Многими подробностями относительно организации футувва и ахи в данной книге автор обязан неопубликованному реферату упомянутой выше книги турецкого историка А. Гёльпынарлы, составленному Ю. А. Каменевым. Об участии Мурада I в ордена ахи см.: *Taeschner Fr.* *War Murad I. Grossmeister oder Mitglied des Achibundes* // *Oriens*. 1953. N. 1.

⁷⁷ См.: *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt I². S. 128.

⁷⁸ *Âşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 40.

⁷⁹ *Nesri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt I. S. 154—155.

⁸⁰ *Âşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 40.

⁸¹ См.: *Древнетюркский словарь*. Л., 1969. С. 168—169.

⁸² *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. *Tâc at-tevârîh*. Cilt I. İstânbûl, 1279 (1862). S. 40. (Араб. шрифт).

⁸³ *Ahmedî*. *İskender-nâme*. Fol. 251 v.

⁸⁴ Акче — турецкая серебряная монета, содержание серебра в которой с течением времени уменьшалось.

⁸⁵ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. *Tâc at-tevârîh*. Cilt I. S. 40; *Мебде-и канун*. С. 76.

⁸⁶ *Ibid.*

⁸⁷ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. *Tâc at-tevârîh*. Cilt I. S. 40—41.

⁸⁸ *Âşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 38.

- ⁸⁹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 459.
- ⁹⁰ *Ahmedî. İskender-nâme*. Fol. 251 v.
- ⁹¹ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi*. Cilt I². S. 160—161.
- ⁹² *Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt I. S. 192—193.
- ⁹³ *Ibid.* S. 196—199.
- ⁹⁴ [*Melikoff-Sayar I.*] *Le destan d'Umur Pacha (Düstur-name-i Enveri) / Text, traduction et notes par Irène Melikoff-Sayar*. Paris, 1954. P. 59.
- ⁹⁵ *Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt I. S. 198—199.
- ⁹⁶ *Âşîk-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 54.
- ⁹⁷ *Ibid.* S. 54—55.
- ⁹⁸ *Ibid.* S. 55.
- ⁹⁹ Мебде-и канун. С. 47.
- ¹⁰⁰ *Иречек К. История болгар*. С. 432, примеч. 43.
- ¹⁰¹ Мебде-и канун. С. 53.
- ¹⁰² [*Chalcocondyle L.*] *Histoire générale des turcs, contenant l'histoire de Chalcocondyle, traduit par Blaise de Vigenaire et continuée jusques en l'an 1612 par Thomes Artus et par le sieur de Meseray, jusques en l'an 1661. De plus l'histoire de Serail par le sieur Baudler*. T. I. Paris, 1662. P. 7—8. Далее: [*Chalcocondyle L.*] *Histoire*.
- ¹⁰³ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 34.
- ¹⁰⁴ Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 426.
- ¹⁰⁵ Мебде-и канун. Л. 36 б.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 76—77.

Глава 2

- ¹ См.: *Vryonis S. Isidoros Glabas and the Turkish devshirme // Speculum*. Т. XXXI. N. 3. 1956.
- ² *Papoulia B. D. Ursprung und Wesen der «Knabenlese» in Osmanischen Reich*. München, 1963. S. 62.
- ³ *Ibid.* S. 64.
- ⁴ *Ibid.* S. 65—66.
- ⁵ *Успенский Ф. И. История византийской империи*. Т. III. С. 754—755.
- ⁶ *Wittek P. Devshirme and shari'a // Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Т. XVII. Pt. 2. 1955. P. 274, n. 2.
- ⁷ См. об этом подробно: *Ibid.* P. 271—278.
- ⁸ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi*. Cilt 12. S. 428.
- ⁹ Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введ., пер. и коммент. А. И. Рогова. М., 1978. С. 74. Далее: Записки янычара.

¹⁰ *İbn Kemâl*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. Ankara, 1954. S. 118. Харадж — в Османской империи название налога, взимавшегося с населения покоренных земель (иногда собирался натурой).

¹¹ *Kritovoulos*. *History of Mehmed the Conqueror* / Trans. by Ch. Riggs. Princeton, 1964. P. 110.

¹² *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 156.

¹³ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı devleti teşkilâtından karıkulu ocakları*. Cilt I. *Acemi ocağı ve yeniçeri ocağı*. Ankara, 1943. S. 86—87. Далее: *Uzunçarşılı İ. H.* *Karıkulu ocakları*.

¹⁴ *Ibid.* S. 87—88.

¹⁵ *Ibid.* S. 89—90.

¹⁶ *Рабство в странах Востока*. М., 1986. С. 6—7.

¹⁷ *Ранке Л.* *Государяи и народы Южной Европы в шестнадцатом и семнадцатом веке*. Ч. 1. СПб., 1856. С. 8.

¹⁸ *Записки янычара*. С. 98.

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ Там же. С. 35—36.

²¹ Там же. С. 98.

²² *Uzunçarşılı İ. H.* *Karıkulu ocakları*. Cilt I. S. 14—15.

²³ *Ibid.* S. 93.

²⁴ *Записки янычара*. С. 98—99.

²⁵ *Albèri E.* [Ed.]. *Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albèri. Serie III^a*. T. I. Firenze, 1840. P. 49.

²⁶ *Uzunçarşılı İ. H.* *Karıkulu ocakları*. Cilt I. S. 16—17.

²⁷ *Мебде-и канун*. С. 50.

²⁸ *Войнуки и мюселлемы* — особые группы местных жителей, обязанные исполнять различные военные обязанности и освобожденные за это от уплаты части налогов. О мюсселемах (и яя) см.: *Жуков К. А.* *Османские хроники XV—XVII вв. о создании войск «яя и мюсселем»* // *Turcologica*. 1986. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1986.

²⁹ *Uzunçarşılı İ. H.* *Karıkulu ocakları*. Cilt I. S. 93.

³⁰ *Refik Ahmed*. *Mimar Sinan*. İstanbul, 1931. S. 8

³¹ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt 1². S. 214.

³² *Uzunçarşılı İ. H.* *Karıkulu ocakları*. Cilt I. S. 95.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid.* S. 96, 99 и след.

³⁵ *Ibid.* S 97, 99 и след.

³⁶ См. подробно: *Мебде-и канун*. Гл. I. С. 47—76.

³⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* *Karıkulu ocakları*. Cilt I. S. 104.

³⁸ *Мебде-и канун*. С. 53—54.

³⁹ *Tietze A.* *Muṣtafā 'Ālī's Counsel for Sultans of 1581*. Edition, translation, notes. Pt. II. Wien, 1982. P. 30.

⁴⁰ *Ibid.*

- ⁴¹ Мебде-и канун. С. 52.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Tietze A.* Muştafâ 'Âlî's Counsel. Pt. II. P. 30.
- ⁴⁴ *Refik Ahmed.* Devşirme usûlû, acemî oğlânlar // Dâr al-fünûn edebiyât fâkûltesi mecmû'ası. Beşinci cild, sâyî 1—2. İstânbûl, 1927. S. 4—5. (Араб. шрифт); *Uzunçarşılı İ. H.* Karıkulu ocakları. Cilt I. S. 94, 99 и след.
- ⁴⁵ Мебде-и канун. С. 54.
- ⁴⁶ Заим — владелиц среднего условного земельного пожалования.
- ⁴⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* Karıkulu ocakları. Cilt I. S. 101.
- ⁴⁸ Ibid. S. 101—102.
- ⁴⁹ Ibid. S. 103. О тимарной системе в Османской империи см. подробно: *Петросян Ю. А.* Османская империя. Могущество и гибель. СПб., 2017. С. 115—117, 157—158.
- ⁵⁰ Аджеми огланами называли записываемых при наборе-девширме мальчиков, предназначенных для янычарской военной службы.
- ⁵¹ *Uzunçarşılı İ. H.* Karıkulu ocakları. Cilt I. S. 33—34.
- ⁵² *Смирнов В. Д.* Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века, о причинах упадка Турции. СПб., 1873. С. 134.
- ⁵³ *Kâtib Çelebi.* Fezlike at-tevârîh. (Араб. шрифт). Рук. С 537 из собрания Института восточных рукописей РАН. Fol. 243 г.
- ⁵⁴ *Selânikî Mustafâ.* Târîh. (Араб. шрифт). Рук. С 565 из собрания Института восточных рукописей РАН. Fol. 107 г—107 в.
- ⁵⁵ *Uzunçarşılı İ. H.* Karıkulu ocakları. Cilt I. S. 103.
- ⁵⁶ *Ahmedî.* Iskender-nâme. Fol. 255 г.
- ⁵⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* Karıkulu ocakları. Cilt I. S. 103—104.
- ⁵⁸ Мебде-и канун. С. 57.
- ⁵⁹ Там же. Лазы — коренное население юго-восточного побережья Черного моря, говорящее на языке картвельской группы. К XIX в. лазы в Османской империи были полностью исламизированы.
- ⁶⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* Karıkulu ocakları. Cilt I. S. 105.
- ⁶¹ Ibid. S. 107.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Мебде-и канун. С. 54—55.
- ⁶⁴ Об этом см.: *Braudel F.* Méditerranée et le Monde Méditerranéen à l'époque de Philippe II. T. 1—2. Paris, 1966; *Barkan Ö. L.* The price revolution of the sixteenth century: A turning point in the economic history of the Near East // International Journal of Middle East Studies. Vol. 6. N. 1; *Cook M. A.* Population Pressure in Rural Anatolia. 1450—1600. London, 1972.
- ⁶⁵ *Uzunçarşılı İ. H.* Karıkulu ocakları. Cilt I. S. 108.
- ⁶⁶ Мебде-и канун. С. 55.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Uzunçarşılı İ. H.* Karıkulu ocakları. Cilt I. S. 108.

⁷⁰ Обитель Счастья (*dâr as-sââdet*) — метафорическое наименование столицы Османской империи — Стамбула.

⁷¹ Мебде-и канун. Л. 9 б.

⁷² Там же. С. 55.

⁷³ *Uzunçarşılı İ. H.* Kapıkulu ocakları. Cilt I. S. 94, 96, 99 и др.

⁷⁴ Гължбов Г. Единъ законъ и други държавни документи по събирануто на момчета за еничери // Осmano-турски извори за българската история. Свезка II. Годишник на Софийския Университетъ. Историко-филологически факултетъ. Кн. XXXV. № 6. София, 1939. С. 17.

⁷⁵ Там же. С. 7

⁷⁶ Там же. С. 6.

⁷⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* Kapıkulu ocakları. Cilt I. S. 126.

⁷⁸ Ibid. S. 126—127 и др.

⁷⁹ Ibid. S. 97.

⁸⁰ Ibid. S. 100—101.

⁸¹ Ibid. S. 109—110.

⁸² Ibid. S. 110.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid. S. 112—113.

⁸⁵ Ibid. S. 113—114.

⁸⁶ Гължбов Г. Единъ законъ... С. 17

⁸⁷ *D'Ohsson I. M.* Tableau général de l'Empire othoman. T. III. Paris, 1792. P. 397.

⁸⁸ Мебде-и канун. С. 52.

⁸⁹ Там же. С. 51, 54.

⁹⁰ См. об этом: *Тверитинова А. С.* Второй трактат Кочибея // Ученые записки Института востоковедения. Т. VI. М.; Л., 1953; *Miller B.* The Palace School of Muhammad the Conqueror. Cambridge, 1941.

⁹¹ *Cazacu M.* Les parentés byzantines et ottomanes de l'historien Laonikos Chalkokondyle (с. 1423—с. 1470) // *Turcica. Revue d'études turques.* Т. XVI. 1984. Paris, 1984. P. 99—100.

⁹² Мебде-и канун. С. 52.

⁹³ Аба — название сукна и верхней одежды янычар из этого сукна.

⁹⁴ Мебде-и канун. С. 53.

⁹⁵ *Uzunçarşılı İ. H.* Kapıkulu ocakları. Cilt I. S. 18.

⁹⁶ *Albèri E.* [Ed.]. Relazione... Т. I. P. 48—49.

⁹⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* Kapıkulu ocakları. Cilt I. S. 22, n. 1.

⁹⁸ Мебде-и канун. С. 54.

⁹⁹ Там же. С. 59.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ *Albèri E.* [Ed.]. Relazione... Т. I. P. 49.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Мебде-и канун. С. 50, 58.

- ¹⁰⁴ *Selânikî Mustafâ. Târîh.* Fol. 357 г.
- ¹⁰⁵ *Âlî Mustafâ. Kûnh al-ahbâr. Dördüncü gükn.* (Араб. шрифт). Микрофильм № 173 рукописи из Венской национальной библиотеки. Fol. 471 г.
- ¹⁰⁶ *Смирнов В. Д.* Кучибей Гёмюрджинский... С. 100, примеч. 2.
- ¹⁰⁷ *Мебде-и канун.* С. 59—60.
- ¹⁰⁸ *Albèri E.* [Ed.]. *Relazione...* Т. I. P. 50.
- ¹⁰⁹ *Мебде-и канун.* С. 58, 60.
- ¹¹⁰ *Там же.* С. 158.
- ¹¹¹ *Там же.*
- ¹¹² *Там же.* С. 60.
- ¹¹³ *Albèri E.* [Ed.]. *Relazione...* Т. I. P. 50.
- ¹¹⁴ *Ibid.*
- ¹¹⁵ *Ibid.* P. 51.
- ¹¹⁶ *Мебде-и канун.* С. 60.
- ¹¹⁷ *Там же.* С. 155.
- ¹¹⁸ *Там же.* С. 62—63.
- ¹¹⁹ *Там же.* С. 60—63.
- ¹²⁰ *Albèri E.* [Ed.]. *Relazione...* Т. I. P. 51.
- ¹²¹ *Мебде-и канун.* С. 61—62.
- ¹²² *Там же.* С. 160.
- ¹²³ *Там же.* С. 62, 160.
- ¹²⁴ Бёлюки придворных сипахи — подразделения (роты) придворной конной гвардии.
- ¹²⁵ *Мебде-и канун.* С. 158.
- ¹²⁶ *Atsız. Âlî bibliografyası. İstanbul, 1968.* S. 5.
- ¹²⁷ *Мебде-и канун.* С. 61, 71.
- ¹²⁸ *Там же.* С. 71.
- ¹²⁹ *Там же.* С. 169.
- ¹³⁰ *Albèri E.* [Ed.]. *Relazione...* Т. I. P. 52.
- ¹³¹ *Uzunçarşılı İ. H.* *Kapıkulu ocakları. Cilt I.* S. 114.
- ¹³² *Ibid.* S. 118.
- ¹³³ *Selânikî Mustafâ. Târîh.* Fol. 1 v—2 г.
- ¹³⁴ *Hammer J.* *Geschichte des Osmanischen Reiches.* Т. IX. Pest, 1833. S. 49.
- ¹³⁵ *Мебде-и канун.* С. 75.
- ¹³⁶ *Там же.* С. 63.
- ¹³⁷ *Там же.* С. 66, 162.
- ¹³⁸ *Uzunçarşılı İ. H.* *Kapıkulu ocakları. Cilt I.* S. 117.
- ¹³⁹ *Ibid.* S. 121.
- ¹⁴⁰ *Ibid.* S. 119.
- ¹⁴¹ *Мебде-и канун.* С. 67—68.
- ¹⁴² *Там же.* С. 70; *Uzunçarşılı İ. H.* *Kapıkulu ocakları. Cilt I.* S. 118.
- ¹⁴³ *Uzunçarşılı İ. H.* *Kapıkulu ocakları. Cilt I.* S. 119.
- ¹⁴⁴ *Ibid.* S. 123—124.

- ¹⁴⁵ Ibid. S. 124.
¹⁴⁶ Ibid. S. 115—116.
¹⁴⁷ Ibid. S. 122.
¹⁴⁸ Ibid. S. 123, 125.
¹⁴⁹ Ibid. S. 116.
¹⁵⁰ Ibid. S. 120.
¹⁵¹ Ibid. S. 118, 122.
¹⁵² Мебде-и канун. С. 66.
¹⁵³ *Uzunçarşılı İ. H.* Kapıkulu ocakları. Cilt I. S. 120, 125—126.
¹⁵⁴ Мебде-и канун. С. 50.
¹⁵⁵ *Albèri E.* [Ed.]. *Relazione...* T. I. P. 415.
¹⁵⁶ Мебде-и канун. С. 156—157.
¹⁵⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* Kapıkulu ocakları. Cilt I. S. 128.
¹⁵⁸ Записки янычара. С. 99.
¹⁵⁹ *Uzunçarşılı İ. H.* Kapıkulu ocakları. Cilt I. S. 129.
¹⁶⁰ Ibid. S. 130.
¹⁶¹ Ibid. S. 132 и др.
¹⁶² Ibid. S. 121.
¹⁶³ *Selânikî Mustafâ.* Târîh. Fol. 204 r.
¹⁶⁴ Мебде-и канун. С. 65—66.
¹⁶⁵ *Смирнов В. Д.* Кучибей Гөмюрджинский... С. 133—134.
¹⁶⁶ Мебде-и канун. С. 188.
¹⁶⁷ Там же. С. 157.
¹⁶⁸ Там же. С. 188.
¹⁶⁹ *Selânikî Mustafâ.* Târîh. Fol. 367 v.
¹⁷⁰ Мебде-и канун. С. 80.
¹⁷¹ Там же. С. 81.
¹⁷² Там же. С. 81—82.
¹⁷³ Там же.
¹⁷⁴ Софа — просторное помещение, выполнявшее роль прихожей.
¹⁷⁵ Мебде-и канун. С. 82.
¹⁷⁶ См. об этом: *Roux J.-P.* Quelques objets numineux des turcs et des mongols. I. Le bonnet et la ceinture // *Turcica. Revue d'études turques.* T. VII. 1975.
¹⁷⁷ Мебде-и канун. С. 82.
¹⁷⁸ Там же.
¹⁷⁹ *Selânikî Mustafâ.* Târîh. Fol. 189 v.
¹⁸⁰ Мебде-и канун. С. 84—85.
¹⁸¹ Там же. С. 87.
¹⁸² Там же. С. 148.
¹⁸³ Там же. С. 127.
¹⁸⁴ Там же. С. 135.
¹⁸⁵ Там же. С. 138.
¹⁸⁶ Там же. С. 141.

- ¹⁸⁷ Там же. С. 142.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 143.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 143—144.
- ¹⁹⁰ *Aşik-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* S. 78.
- ¹⁹¹ Мебде-и канун. С. 144.
- ¹⁹² *Aşik-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* S. 78.
- ¹⁹³ Ordo Portae. Description grecque de la Porte et de l'armée du sultan Mehmed II / Éditée, traduite et commentée par Şerif Baştav. Budapest, 1947. P. 3—7.
- ¹⁹⁴ Мебде-и канун. С. 148.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 145—147, 156.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 136.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 80, 82—83.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 83.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 80—81.
- ²⁰⁰ Там же. С. 85—86.
- ²⁰¹ Там же. С. 86.
- ²⁰² Там же. С. 80.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Там же. С. 84.
- ²⁰⁵ См. об этом также: *Петросян И. Е.* Янычарские гарнизоны в провинциях Османской империи в XVI—XVII вв. // *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы.* Сборник статей. М., 1986.
- ²⁰⁶ Мебде-и канун. С. 99.
- ²⁰⁷ Там же. С. 77—78.
- ²⁰⁸ Там же. С. 136.
- ²⁰⁹ Там же. С. 80, 84, 89, 92, 101, 103, 113, 120.
- ²¹⁰ Там же. С. 77.
- ²¹¹ Там же. С. 120—121.
- ²¹² Там же. С. 121.
- ²¹³ Там же. С. 122.
- ²¹⁴ Там же. С. 101.
- ²¹⁵ Киле — мера сыпучих тел, равная примерно 40 л.
- ²¹⁶ Мебде-и канун. С. 123.
- ²¹⁷ Там же. С. 122—125.
- ²¹⁸ Там же. С. 136.
- ²¹⁹ Там же. С. 135.
- ²²⁰ Там же. С. 153.
- ²²¹ Там же. С. 126—130.
- ²²² Там же. С. 131.
- ²²³ *Selânikî Mustafâ. Târîh.* Fol. 107 v.
- ²²⁴ Мебде-и канун. С. 132.

- ²²⁵ Там же. С. 131.
²²⁶ Там же.
²²⁷ Там же. С. 133—134.
²²⁸ Куруш — более крупная, чем акче, серебряная монета, содержание серебра в которой с течением времени менялось.
²²⁹ Субаши — должностное полицейское лицо, следившее в том числе за порядком в городских заведениях Стамбула.
²³⁰ Мебде-и канун. С. 135.
²³¹ Там же. С. 147, 151—152.
²³² Там же. С. 153.
²³³ Там же. С. 162—163.
²³⁴ Там же. С. 180
²³⁵ *Смирнов В. Д.* Кучибей Гёмюрджинский... С. 135.
²³⁶ Мебде-и канун. С. 163.

Глава 3

- ¹ *Dujčev I.* La conquête turque de la péninsule des Balkans de 1371 à 1389 // *Études historiques.* T. VII. 1975. P. 97.
² Мебде-и канун. С. 79.
³ *Histoire générale des turcs...* T. I. P. 21.
⁴ *Dujčev I.* La conquête turque... P. 97.
⁵ Мебде-и канун. С. 47.
⁶ Там же.
⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* Kapıkulu ocakları. Cilt I. S. 9, n. 1.
⁸ Мебде-и канун. С. 49.
⁹ Там же. С. 48.
¹⁰ *Бартольд В. В.* Халиф и султан // *Бартольд В. В.* Сочинения T. VI. С. 61.
¹¹ Мебде-и канун. С. 64.
¹² *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 192—193.
¹³ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 58; *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 206—207.
¹⁴ *Zachariadou E. A.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415). Venice, 1983. P. 70.
¹⁵ *Dujčev I.* La conquête. P. 91.
¹⁶ *Васильев А. А.* История Византии. Т. III. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925. С. 15; *Dujčev I.* La conquête... P. 92.
¹⁷ *Иречек К.* История болгар. С. 422.
¹⁸ Там же. С. 430—431.
¹⁹ *Matanov H.* Contribution to political history of South-Eastern Macedonia after the battle of Černomen // *Études balkaniques.* Sofia, 1986. N. 2. P. 31.

- ²⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt 1². S. 246—248.
- ²¹ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 226—227.
- ²² Ibid. S. 242—243.
- ²³ Ibid. S. 290—291.
- ²⁴ *Иречек К.* История болгар. С. 443.
- ²⁵ Там же. С. 445—446.
- ²⁶ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt 1². S. 253.
- ²⁷ Ibid. S. 253—254.
- ²⁸ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 294—301.
- ²⁹ *Ahmedî.* Iskender-nâme. Fol. 253 v—254 r.
- ³⁰ Ibid. Fol. 254 r.
- ³¹ Ibid.
- ³² *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 63.
- ³³ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 304—305.
- ³⁴ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 63—64; *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 304—307.
- ³⁵ *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941. С. 198; *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. С. 86.
- ³⁶ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 290—291.
- ³⁷ Ibid. S. 224—225.
- ³⁸ *Yücel Y.* Kadi Burhaneddin Ahmed ve devleti (1344—1398). Ankara, 1970. S. 105.
- ³⁹ *Lütfî Pâşâ.* Tevârih-i Âl-i. Fol. 13 v.
- ⁴⁰ *Жуков К. А.* Эгейские эмираты. С. 56.
- ⁴¹ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 156.
- ⁴² *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 65.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ *Zachariadou E. A.* Manuel II Palaeologos on the stripe between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 43, pt. 3. P. 472, n. 8.
- ⁴⁵ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 756.
- ⁴⁶ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I. S. 265, n. 1.
- ⁴⁷ *Васильев А. А.* История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 56.
- ⁴⁸ *Иречек К.* История болгар. С. 448—450.
- ⁴⁹ *Kiel M.* Art and Society of Bulgaria in the Turkish Period. Assen; Maastricht, 1985. P. 13.
- ⁵⁰ *Иречек К.* История болгар. С. 458.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 251—254.
- ⁵³ Там же. С. 254.
- ⁵⁴ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 66.

⁵⁵ *Summer-Boyd H., Freely J. Strolling through Istanbul. Istanbul, 1973. P. 505.*

⁵⁶ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 67.*

⁵⁷ *Гусейнов Р. А. Из «Хроники» Михаила Сирийца. (Статья пятая) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1987—1979. М., 1987. С. 45.*

⁵⁸ *Жуков К. А. Эгейские эмираты. С. 40*

⁵⁹ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 66.*

⁶⁰ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 756—757.*

⁶¹ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 66.*

⁶² *Иречек К. История болгар. С. 457—458.*

⁶³ *Gibbons H. A. The Foundation of the Ottoman Empire. P. 214—215.*

⁶⁴ *Шильтбергер Иоанн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Изд., ред. и примеч. акад. АН Азерб. ССР З. И. Буниятова. Баку, 1984. С. 9.*

⁶⁵ Там же. С. 10.

⁶⁶ *Gibbons H. A. The Foundation of the Ottoman Empire. P. 215, n. 1.*

⁶⁷ *Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 326—327.*

⁶⁸ *Шильтбергер Иоанн. Путешествие... С. 10.*

⁶⁹ *Gibbons H. A. The Foundation of the Ottoman Empire. P. 218—219.*

⁷⁰ *Шильтбергер Иоанн. Путешествие... С. 11.*

⁷¹ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 66; Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt I. S. 326—329.*

⁷² *Gibbons H. A. The Foundation of the Ottoman Empire. P. 226—227.*

⁷³ *Шильтбергер Иоанн. Путешествие... С. 12.*

⁷⁴ Там же. С. 12—14.

⁷⁵ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 66.*

⁷⁶ *Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 30.*

⁷⁷ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 759—760.*

⁷⁸ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 67—68.*

⁷⁹ *Шильтбергер Иоанн. Путешествие... С. 14—15.*

⁸⁰ Там же. С. 15—16.

⁸¹ Там же. С. 22—23.

⁸² *Ahmedî. Iskender-nâme. Fol. 256 г.*

⁸³ *Бартольд В. В. Халиф и султан. С. 46—47.*

⁸⁴ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 757—758.*

⁸⁵ *Васильев А. А. История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 56.*

⁸⁶ *Бартольд В. В. Улугбек и его время. С. 48.*

⁸⁷ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 307.*

⁸⁸ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 15 v. Баязид носил прозвание Йылдырым (тур. Молния), т. е. Молниеносный, хорошо известное Тимуру.*

⁸⁹ Кара Юсуф — глава туркменского племенного союза Кара Коюнлу («Чернобаранные» — по изображению на знамени), владения которого находились в районе о. Ван.

⁹⁰ *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и примеч. П. А. Грязневича. М., 1971. С. 215—216; *Aşik-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* S. 76.

⁹¹ *Жуков К. А.* Эгейские эмираты. С. 58 и др.

⁹² Там же. С. 58—59.

⁹³ *Aşik-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* S. 77.

⁹⁴ Ак Коюнлу («Белобаранные») — туркменский племенной союз, как и Кара Коюнлу, образовавшийся около 1375—1380 гг. из огузских кочевых племен, которые под натиском монголов в XIII в. откочевали на запад.

⁹⁵ *Шильтбергер Иоанн.* Путешествие... С. 23, 74. Кара Юлюк был тесно связан с Трапезундской империей. Мать его принадлежала к роду Комнинов, и сам он был женат на византийской принцессе.

⁹⁶ *Lütfî Pâşâ. Tevârih-i Âl-i Osmân.* Fol. 16 r.

⁹⁷ *Aşik-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* S. 77.

⁹⁸ *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. С. 46—47.

⁹⁹ *Aşik-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* S. 77.

¹⁰⁰ *Аш-Шахрастани Муххаммад ибн 'Абд ал-Карим.* Книга о религиях и сектах (Китâб ал-милал ва-н-ниҳал). Ч. I. Ислам / Пер. с араб., введен. и коммент. С. М. Прозорова. М., 1984. С. 214.

¹⁰¹ *Aşik-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* S. 77.

¹⁰² Мебде-и канун. С. 245.

¹⁰³ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 308.

¹⁰⁴ *Lütfî Pâşâ. Tevârih-i Âl-i Osmân.* Fol. 16 r.

¹⁰⁵ Ibid. Fol. 16 v.

¹⁰⁶ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 309.

¹⁰⁷ *Aşik-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* S. 78.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ *Lütfî Pâşâ. Tevârih-i Âl-i Osmân.* Fol. 17 r.

¹¹⁰ Условные земельные пожалования (тимары) в Османском государстве предоставлялись всадникам-сипахи за несение военной службы. При Баязиде I появился указ, запрещающий пожалование тимаров придворным лицам и кятибам, не связанным с ее несением. См.: *Шамсутдинов А. М.* Проблемы становления Османского государства по турецким источникам XIV—XV вв. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1981. С. 23.

¹¹¹ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 321.

¹¹² Ibid. S. 330.

¹¹³ Иоанн (Ганс) Шильтбергер, рассказывая о совершенном им однажды вместе с другими пленниками побеге, пишет, что от сурового

наказания его спас «старший сын» Баязида Сулейман (дело происходило в священном для мусульман месяце рамазана, когда принято совершать богоугодные дела). (*Шильтбергер Иоанн*. Путешествие... С. 17). На то, что Сулейман был старшим сыном, указывает, по-видимому, и то что его судьбой под Анкарой был занят сам ага янычар.

¹¹⁴ *Alexandrescu-Dersca M. M.* La campagne de Timur en Anatolie (1402). București, 1942. P. 127.

¹¹⁵ *Zachariadou E. A.* Süleyman Çelebi in Rumeli and the Ottoman chronicles // *Der Islam*. Bd. 60. Hf. 2. 1983. P. 271—272.

¹¹⁶ *Иречек К.* История болгар. С. 463.

¹¹⁷ *Zachariadou E. A.* Süleyman Çelebi... P. 272.

¹¹⁸ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 81.

¹¹⁹ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 330.

¹²⁰ *Ibid.* S. 316—318.

¹²¹ *Zachariadou E. A.* Süleyman Çelebi... P. 284.

¹²² *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 318.

¹²³ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 762.

¹²⁴ *Zachariadou E. A.* Süleyman Çelebi... P. 291.

¹²⁵ *Иречек К.* История болгар. С. 463.

¹²⁶ *Zachariadou E. A.* Süleyman Çelebi... P. 284.

¹²⁷ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 81.

¹²⁸ *Ibid.*

¹²⁹ *Ibid.*

¹³⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 330—331.

¹³¹ *Ibid.* S. 333—337.

¹³² *Иречек К.* История болгар. С. 464—465.

¹³³ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 82.

¹³⁴ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. Ankara, 1957. S. 482—483.

¹³⁵ *Ibid.*

¹³⁶ *Ibid.* 482—485.

¹³⁷ *Ibid.* 484—489.

¹³⁸ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 82.

¹³⁹ *Иречек К.* История болгар. С. 465.

¹⁴⁰ Там же. С. 465—466.

¹⁴¹ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 82.

¹⁴² *Björkman W.* Die altosmanische Literatur. Die klassisch-osmanische Literatur // *Philologiae turcaicae fundamenta*. Т. II. Wiesbaden, 1965. S. 418.

¹⁴³ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 762.

¹⁴⁴ *Иречек К.* История болгар. С. 466.

¹⁴⁵ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. S. 504—505.

¹⁴⁶ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 342.

¹⁴⁷ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 762.

¹⁴⁸ *Иречек К.* История болгар. С. 467.

- ¹⁴⁹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 762.
- ¹⁵⁰ Иречек К. История болгар. С. 467.
- ¹⁵¹ *Lütfî Pâşâ*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. Fol. 20 r.
- ¹⁵² *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt II. S. 514—515.
- ¹⁵³ *Aşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 84.
- ¹⁵⁴ *Ibid*. S. 85.
- ¹⁵⁵ [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire*. T. I. P. 78.
- ¹⁵⁶ *Aşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 84; *Lütfî Pâşâ*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. Fol. 20 r.
- ¹⁵⁷ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 762.
- ¹⁵⁸ Иречек К. История болгар. С. 468.
- ¹⁵⁹ [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire*. T. I. P. 102.
- ¹⁶⁰ *Aşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 87.
- ¹⁶¹ *Ibid*. S. 88.
- ¹⁶² *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt II. S. 528—531.
- ¹⁶³ *Ibid*. S. 530—535.
- ¹⁶⁴ Дирлик — общее название пожалований, которые предоставлялись османскими султанами за несение какой-либо службы (это могли быть тимары, заметы, хассы — в зависимости от размера приносимого дохода), доходы от которых рассматривались как средства к существованию бенефициария.
- ¹⁶⁵ *Aşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 89.
- ¹⁶⁶ Этому движению посвящено много работ отечественных и зарубежных историков. Наиболее ясное в нашей литературе изложение идей движения можно найти в работе К. А. Жукова «Эгейские эмираты в XIV—XV вв. (С. 61, 65—69). Социально-религиозное по своей сути, оно отражает не только чаяния масс и их мечты о лучшей жизни, но и особенности противостояния двух религий — ислама и христианства, попытки их взаимодействия в духе взаимопонимания и солидарности.
- ¹⁶⁷ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 763.
- ¹⁶⁸ *Lütfî Pâşâ*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. Fol. 21 v.
- ¹⁶⁹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 765; *Сфрандзи Георгий*. Хроника / Предисл., пер. и примеч. Е. Д. Джагацпаян // Кавказ и Византия. Вып. 5. Ереван, 1987. С. 188.
- ¹⁷⁰ *Düstûrnâme-i Enverî*. // *Türk târîh encümenî külliyyâtı*. 'Aded 15. İstânbûl, 1928. (Араб. шрифт). С. 91.
- ¹⁷¹ *Сфрандзи Георгий*. Хроника. С. 189.
- ¹⁷² Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 765.
- ¹⁷³ *Aşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 94—96.
- ¹⁷⁴ *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt II. S. 552—553.
- ¹⁷⁵ Васильев А. А. История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 66.
- ¹⁷⁶ *Сфрандзи Георгий*. Хроника. С. 190.
- ¹⁷⁷ *Aşîk-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 96.

- ¹⁷⁸ Ibid. S. 98.
- ¹⁷⁹ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 382—384.
- ¹⁸⁰ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. S. 564—565; *Сфрандзи Георгий.* Хроника. С. 191.
- ¹⁸¹ *Гарбузова В. С.* Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование. М., 1959. С. 134.
- ¹⁸² *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 99—100.
- ¹⁸³ [*Chalcocondyle L.*]. Histoire. T. I. P. 109.
- ¹⁸⁴ Ibid.
- ¹⁸⁵ Ibid.
- ¹⁸⁶ Ibid. P. 110.
- ¹⁸⁷ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. S. 572—573.
- ¹⁸⁸ *Сфрандзи Георгий.* Хроника. С. 191.
- ¹⁸⁹ *Васильев А. А.* История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 66.
- ¹⁹⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 389.
- ¹⁹¹ *Baysun M. C.* Emir Sultan // İslam ansiklopedisi. Cüz. 32. İstanbul, 1946. S. 261—262.
- ¹⁹² *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 766.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ *Сфрандзи Георгий.* Хроника. С. 191.
- ¹⁹⁵ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 66.
- ¹⁹⁶ Ibid. S. 101; *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. S. 566—567.
- ¹⁹⁷ Ibid.
- ¹⁹⁸ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 101.
- ¹⁹⁹ *Lütfî Pâşâ.* Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 22 v.
- ²⁰⁰ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 101—102; *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. S. 568—569.
- ²⁰¹ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 102—103.
- ²⁰² Ibid. S. 103.
- ²⁰³ *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. S. 572—575.
- ²⁰⁴ Ibid. S. 576—577.
- ²⁰⁵ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 567.
- ²⁰⁶ *Бартольд В. В.* Турция, ислам и христианство. С. 426.
- ²⁰⁷ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 107; *Neşri Mehmed.* Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. S. 582—593.
- ²⁰⁸ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 767.
- ²⁰⁹ *Васильев А. А.* История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 68.
- ²¹⁰ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 766.
- ²¹¹ *Сфрандзи Георгий.* Хроника. С. 191.
- ²¹² Там же. С. 192.
- ²¹³ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 767.
- ²¹⁴ Там же. С. 766.
- ²¹⁵ *Aşîk-pâşâ-zâde.* Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 119—120.

- ²¹⁶ *Сфрандзи Георгий*. Хроника. С. 204.
- ²¹⁷ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 768—769.
- ²¹⁸ Там же. С. 769.
- ²¹⁹ *Васильев А. А.* История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 68.
- ²²⁰ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 769.
- ²²¹ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 118—119.
- ²²² *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 769.
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 123.
- ²²⁵ *Lütfî Pâşâ*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. Fol. 24 v.
- ²²⁶ *Ibid*.
- ²²⁷ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 124.
- ²²⁸ Записки янычара. С. 124.
- ²²⁹ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 125.
- ²³⁰ *Ibid*. S. 127; *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt II. S. 628—629.
- ²³¹ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt I². S. 407.
- ²³² *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 127.
- ²³³ *A History of Hungary*. Budapest, 1973. P. 96—97.
- ²³⁴ *Иречек К.* История болгар. С. 471, примеч. 17.
- ²³⁵ *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt II. S. 644—645.
- ²³⁶ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 131; *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt II. S. 644—645.
- ²³⁷ *Иречек К.* История болгар. С. 472—473; Записки янычара. С. 60—61.
- ²³⁸ *Иречек К.* История болгар. С. 474.
- ²³⁹ *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt II. S. 646—647.
- ²⁴⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt I². S. 423, п. 2.
- ²⁴¹ Записки янычара. С. 62.
- ²⁴² *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 132.
- ²⁴³ *Ibid*. S. 131.
- ²⁴⁴ *Neşri Mehmed*. *Kitâb-i Cihan-Nümâ*. Cilt II. S. 482—483.
- ²⁴⁵ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt I². S. 425.
- ²⁴⁶ *Ibid*. S. 431, n. 1.
- ²⁴⁷ Записки янычара. С. 63; *Иречек К.* История болгар. С. 474.
- ²⁴⁸ *Lütfî Pâşâ*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. Fol. 25 v.
- ²⁴⁹ *Ibid*.
- ²⁵⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt I². S. 434.
- ²⁵¹ *Хадживанов П.* Сражението при Варна на 10 ноември 1444 година // Варна 1444. Сборник от изследвания и документи в чест на 525-та годишнина от битката край гр. Варна. София, 1969. С. 248—250.
- ²⁵² *Lütfî Pâşâ*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. Fol. 26 v; Записки янычара. С. 65.
- ²⁵³ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 132—133; Записки янычара. С. 65; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 775.
- ²⁵⁴ Записки янычара. С. 65.

- ²⁵⁵ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 133.
- ²⁵⁶ *Kâldy-Nagy Gy*. The first centuries of the Ottoman military organization // *Acta Orientalia*. T. XXXI. Fasc. 2. Budapest, 1977. P. 165.
- ²⁵⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 439.
- ²⁵⁸ *Ibid.* S. 440.
- ²⁵⁹ Записки янычара. С. 62.
- ²⁶⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 440.
- ²⁶¹ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. *Tâc at-tevârih*. Cilt I. S. 387.
- ²⁶² *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 440.
- ²⁶³ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. *Tâc at-tevârih*. Cilt I. S. 387.
- ²⁶⁴ Записки янычара. С. 62—63.
- ²⁶⁵ *Сфрандзи Георгий*. Хроника. С. 211.
- ²⁶⁶ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 133—134.
- ²⁶⁷ Записки янычара. С. 126.
- ²⁶⁸ *Lütfî Pâşâ*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. Fol. 27 г.
- ²⁶⁹ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 135.
- ²⁷⁰ *Ibid.*
- ²⁷¹ *Ibid.*
- ²⁷² *Lütfî Pâşâ*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. Fol. 27 г.
- ²⁷³ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 448.
- ²⁷⁴ Записки янычара. С. 126—127 (коммент. А. И. Рогова).
- ²⁷⁵ Ф. И. Успенский датирует этот поход Мурада 1446 г. (*Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 776).
- ²⁷⁶ Там же.
- ²⁷⁷ [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire*. Т. I. P. 148.
- ²⁷⁸ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 776.
- ²⁷⁹ *Медведев И. П.* Мистра. С. 38.
- ²⁸⁰ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt I². S. 443.
- ²⁸¹ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 776.
- ²⁸² [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire*. Т. I. P. 148—149.
- ²⁸³ *İbn Kemâl*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 5.
- ²⁸⁴ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 140.
- ²⁸⁵ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. С. 778.
- ²⁸⁶ *Babinger Fr.* *Mehmed der Eroberer und seine Zeit*. München, 1953. S. 36.
- ²⁸⁷ *İbn Kemâl*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 9—10.
- ²⁸⁸ *Сфрандзи Георгий*. Хроника. С. 213.
- ²⁸⁹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. С. 58.
- ²⁹⁰ Там же. С. 64.
- ²⁹¹ *İbn Kemâl*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 12.
- ²⁹² [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire*. Т. I. P. 164.
- ²⁹³ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 140; *İbn Kemâl*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 16—17.
- ²⁹⁴ *İbn Kemâl*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 14—19.

- ²⁹⁵ Кисе (тур. кошелек) — сумма в 100 000 акче.
- ²⁹⁶ *Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ. Cilt II. S. 686—687.*
- ²⁹⁷ *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 20—21.*
- ²⁹⁸ Записки янычара. С. 68.
- ²⁹⁹ *Сфрандзи Георгий. Хроника. С. 222.*
- ³⁰⁰ *Васильев А. А. История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 72.*
- ³⁰¹ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 141; İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 27—32.*
- ³⁰² *Рансимен С. Падение Константинополя. С. 75.*
- ³⁰³ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 779; Сфрандзи Георгий. Хроника. С. 222.*
- ³⁰⁴ *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 33—36.*
- ³⁰⁵ *Сфрандзи Георгий. Хроника. С. 222.*
- ³⁰⁶ *Матанов Хр., Михнева Р. От Галиполи до Лепанто. Бълкните, Европа и османското нашествие. 1354—1571 г. София, 1988. С. 183.*
- ³⁰⁷ Записки янычара. С. 70.
- ³⁰⁸ [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire. Т. I. P. 170.*
- ³⁰⁹ *Васильев А. А. История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 71.*
- ³¹⁰ *Сфрандзи Георгий. Хроника. С. 222.*
- ³¹¹ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 784.*
- ³¹² *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 39—40, 43, 46.*
- ³¹³ *Ibid. S. 48—49.*
- ³¹⁴ *Сфрандзи Георгий. Хроника. С. 222.*
- ³¹⁵ *Васильев А. А. История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 73.*
- ³¹⁶ Там же.
- ³¹⁷ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 787.*
- ³¹⁸ *Васильев А. А. История Византии. Т. III. Падение Византии. С. 78.*
- ³¹⁹ Там же.
- ³²⁰ *Рансимен С. Падение Константинополя. С. 78.*
- ³²¹ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 786.*
- ³²² *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 56—57.*
- ³²³ *Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. С. 788.*
- ³²⁴ Там же. С. 789—790.
- ³²⁵ *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 60—65.*
- ³²⁶ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 142; İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 58.*
- ³²⁷ Записки янычара. С. 72, 127 (коммент. А. И. Рогова).
- ³²⁸ *Рансимен С. Падение Константинополя. С. 137.*
- ³²⁹ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 142.*
- ³³⁰ *Ibid. S. 142—143.*
- ³³¹ *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân. S. 95—96.*
- ³³² *Ibid. S. 98—99; Sumner-Boyd H., Freely J. Strolling through Istanbul. P. 408—410.*

- ³³³ Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. 1516—1574. М., 1984. С. 23—24.
- ³³⁴ *Yâzıcı-ôğlû 'Alî. Târîh-i Âl-i Selcûk.* (Араб. шрифт). Рук. Д 116 из собрания Института восточных рукописей РАН. Fol. 14 г.
- ³³⁵ Рансимен С. Падение Константинополя. С. 150.
- ³³⁶ *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 107—109.
- ³³⁷ История Византии. Т. III. С. 201.
- ³³⁸ *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 109.
- ³³⁹ История Византии. Т. III. С. 201.
- ³⁴⁰ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 145.
- ³⁴¹ *Ibid.* S. 145—146; *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 112—115; Записки янычара. С. 73—74.
- ³⁴² Записки янычара. С. 74.
- ³⁴³ *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 117—120.
- ³⁴⁴ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi.* Cilt 2². Ankara, 1964. S. 15.
- ³⁴⁵ Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 101.
- ³⁴⁶ *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 122; *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi.* Cilt 2². S. 15—16.
- ³⁴⁷ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 147.
- ³⁴⁸ Матанов Хр., Мухнева Р. От Галиполи до Лепанто. С. 205—206.
- ³⁴⁹ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi.* Cilt 2². S. 16, также п. 1.
- ³⁵⁰ Записки янычара. С. 78.
- ³⁵¹ Там же.
- ³⁵² *İbn Kemâl. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 133.
- ³⁵³ [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire.* Т. I. P. 183.
- ³⁵⁴ Рансимен С. Падение Константинополя. С. 152.
- ³⁵⁵ Фрейденберг М. М. Дубровник... С. 78—79.
- ³⁵⁶ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 153.
- ³⁵⁷ История Византии. Т. III. С. 203—204.
- ³⁵⁸ Записки янычара. С. 80.
- ³⁵⁹ История Византии. Т. III. С. 204.
- ³⁶⁰ Рансимен С. Падение Константинополя. С. 153, 78.
- ³⁶¹ Записки янычара. С. 80, 129.
- ³⁶² История Византии. Т. III. С. 204.
- ³⁶³ Записки янычара. С. 81.
- ³⁶⁴ Медведев И. П. Мистра. С. 39—40.
- ³⁶⁵ История Византии. Т. III. С. 204—205.
- ³⁶⁶ Медведев И. П. Мистра. С. 40.
- ³⁶⁷ [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire.* Т. I. P. 203—204.
- ³⁶⁸ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 150.
- ³⁶⁹ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* Fol. 31 г; Записки янычара. С. 81.
- ³⁷⁰ *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârîh-i Âl-i Osmân.* S. 157.

³⁷¹ Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 135—136.

³⁷² Там же. С. 136.

³⁷³ Там же. С. 139.

³⁷⁴ Записки янычара. С. 82.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Там же. С. 83.

³⁷⁷ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 160.

³⁷⁸ Рансимен С. Падение Константинополя. С. 154.

³⁷⁹ История Византии. Т. III. С. 206; *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 160.

³⁸⁰ [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire*. Т. I. P. 209.

³⁸¹ Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. С. 139; *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 160.

³⁸² *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 151.

³⁸³ Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. С. 137—139.

³⁸⁴ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 159; *Düstûrnâme-i Enverî*. S. 112.

³⁸⁵ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 160.

³⁸⁶ См. подробно: Махмудов Я. М. К вопросу о взаимоотношениях государств Ак-Коюнлу и Сефевидов с европейскими странами (II половина XV—начало XVII века). Статья первая // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1987. № 3.

³⁸⁷ Записки янычара. С. 84—85.

³⁸⁸ Там же. С. 85.

³⁸⁹ Там же. С. 86; *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 161.

³⁹⁰ Записки янычара. С. 86—88.

³⁹¹ Там же. С. 88.

³⁹² *Düstûrnâme-i Enverî*. Fol. 112 v.

³⁹³ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 162.

³⁹⁴ Записки янычара. С. 88.

³⁹⁵ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 119.

³⁹⁶ *Düstûrnâme-i Enverî*. Fol. 112 v.

³⁹⁷ *Idem*.

³⁹⁸ Записки янычара. С. 88; *Düstûrnâme-i Enverî*. Fol. 112 v.

³⁹⁹ Рансимен С. Падение Константинополя. С. 152.

⁴⁰⁰ Фрейденберг М. М. Дубровник... С. 100; История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 134—135.

⁴⁰¹ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârîh-i Âl-i Osmân*. S. 164.

⁴⁰² Записки янычара. С. 90.

- ⁴⁰³ Ibid. С. 90, 92.
- ⁴⁰⁴ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 165.
- ⁴⁰⁵ Ibid. S. 165—166.
- ⁴⁰⁶ История Югославии. Т. I. С. 135—136.
- ⁴⁰⁷ См. например: *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран.
- ⁴⁰⁸ *Мебде-и канун*. С. 54—55.
- ⁴⁰⁹ *Записки янычара*. С. 92.
- ⁴¹⁰ *Düstûrnâme-i Enverî*. Fol. 113 г.
- ⁴¹¹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. С. 108—109.
- ⁴¹² *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. *Tâc at-tevârih*. Cilt I. S. 510.
- ⁴¹³ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 170.
- ⁴¹⁴ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. *Tâc at-tevârih*. Cilt I. S. 512.
- ⁴¹⁵ *Матанов Хр., Михнева П.* От Галиполи до Лепанто. С. 243.
- ⁴¹⁶ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 171—172.
- ⁴¹⁷ Ibid. S. 172.
- ⁴¹⁸ Ibid. S. 172—173.
- ⁴¹⁹ *Müneccim-bâşi Ahmed*. *Sahâ'if al-ahbâr*. İstânbûl, 1869. Cilt III. (Араб. шрифт). S. 385.
- ⁴²⁰ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 173; *Müneccim-bâşi Ahmed*. *Sahâ'if al-ahbâr*. Cilt III. S. 385—386.
- ⁴²¹ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 173—174.
- ⁴²² Ibid. S. 177; *Lütfî Pâşâ*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. Fol. 32 г.
- ⁴²³ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 178.
- ⁴²⁴ Ibid.
- ⁴²⁵ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt 2². S. 98.
- ⁴²⁶ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 179.
- ⁴²⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt 2². S. 101—102.
- ⁴²⁸ *Müneccim-bâşi Ahmed*. *Sahâ'if al-ahbâr*. Cilt III. S. 390; *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 180.
- ⁴²⁹ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 182—184.
- ⁴³⁰ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 251—281.
- ⁴³¹ Цитата из «Хронологических выписок» К. Маркса, приводимая в кн.: *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV—первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 21.
- ⁴³² *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия... С. 19—25.
- ⁴³³ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt 2². S. 79—80; S. 80, n. 1.
- ⁴³⁴ *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия... С. 22—23.
- ⁴³⁵ Там же. С. 27.
- ⁴³⁶ *Lütfî Pâşâ*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. Fol. 33 v.
- ⁴³⁷ *Uzunçarşılı İ. H.* *Osmanlı tarihi*. Cilt 2². S. 162.
- ⁴³⁸ *Aşik-pâşâ-zâde*. *Tevârih-i Âl-i Osmân*. S. 220.

- ⁴³⁹ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 402—403.
- ⁴⁴⁰ *Alderson A. D.* The Structure of the Ottoman Dynasty. Oxford, 1956. P. 6.
- ⁴⁴¹ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 403.
- ⁴⁴² *Ibid.* S. 405.
- ⁴⁴³ Мебде-и канун. С. 108.
- ⁴⁴⁴ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 408.
- ⁴⁴⁵ *Lütfî Pâşâ*. Tevârih-i Âl-i Osmân. Fol. 33 v; *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 403—404.
- ⁴⁴⁶ См. подробно: *Мутафчиева В.* Дело султана Джемма. М., 1973.
- ⁴⁴⁷ *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия... С. 33.
- ⁴⁴⁸ *Fisher S. N.* The Foreign Relations of Turkey. 1481—1512. Urbana, 1948. P. 30.
- ⁴⁴⁹ *Aşîk-pâşâ-zâde*. Tevârih-i Âl-i Osmân. S. 222.
- ⁴⁵⁰ *Ibid.* S. 223.
- ⁴⁵¹ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 410—411.
- ⁴⁵² *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия... С. 35.
- ⁴⁵³ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 411.
- ⁴⁵⁴ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 255.
- ⁴⁵⁵ *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. (Удивительные события). Изд. текста, введен. и общ. ред. А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. М., 1961. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. XIV). Ч. 2. Л. 375 б—376 а.
- ⁴⁵⁶ Там же. Л. 390 б—391 а.
- ⁴⁵⁷ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârih. Cilt II. S. 188—189.
- ⁴⁵⁸ *Ibid.* S. 190—197; *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 392 а—394 а; *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 440—441.
- ⁴⁵⁹ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 441—442.
- ⁴⁶⁰ *Ibid.* S. 442.
- ⁴⁶¹ *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 394 б—395 б.
- ⁴⁶² Там же. Л. 396 а.
- ⁴⁶³ Мебде-и канун. С. 56.
- ⁴⁶⁴ Там же. С. 80.
- ⁴⁶⁵ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârih. Cilt II. S. 254.
- ⁴⁶⁶ *Ibid.* S. 255—256, 259.
- ⁴⁶⁷ Зарбузан — артиллерийское орудие, применявшееся турками в XVI—XVIII вв., аналогичное итальянскому фальконету.
- ⁴⁶⁸ *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 436 а—439 б; *Lütfî Pâşâ*. Tevârih-i Âl-i Osmân. Fol. 47 г.
- ⁴⁶⁹ *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 441 б—442 а.
- ⁴⁷⁰ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârih. Cilt II. S. 279.
- ⁴⁷¹ *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 442 а—442 б.
- ⁴⁷² *Lütfî Pâşâ*. Tevârih-i Âl-i Osmân. Fol. 49 г, 50 г.
- ⁴⁷³ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârih. Cilt II. S. 281—282.

- ⁴⁷⁴ *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 443 б—444 а.
- ⁴⁷⁵ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârîh. Cilt II. S. 284—285.
- ⁴⁷⁶ *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 444 а.
- ⁴⁷⁷ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârîh. Cilt II. S. 287.
- ⁴⁷⁸ *Ibid*. S. 298—299; *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 448 б.
- ⁴⁷⁹ *Kâtib Çelebî*. Takvîm at-tevârîh. İstânbûl, 1146 (1733—1734). (Литогр., араб. шрифт). S. 234—236.
- ⁴⁸⁰ Мебде-и канун. С. 56—57.
- ⁴⁸¹ Подробно об этом см.: *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран; *Bacqué-Grammont J.-L.* Les ottomans, les safavides et leurs voisins. Contribution à l'histoire des relations internationales dans l'Orient islamique de 1514 à 1524. Istanbul, 1987.
- ⁴⁸² *Münecçim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 476; *Bacqué-Grammont J.-L.* Les ottomans... P. 50 ff.
- ⁴⁸³ *Bacqué-Grammont J.-L.* Les ottomans... P. 51—52.
- ⁴⁸⁴ *Kemal Paşa-zade* // İslam Ansiklopedisi. Cilt 5. Kısım II. İstanbul, 1950. S. 563.
- ⁴⁸⁵ *Bacqué-Grammont J.-L.* Les ottomans... P. 50.
- ⁴⁸⁶ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt 2e. S. 283; *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 28.
- ⁴⁸⁷ *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 28.
- ⁴⁸⁸ *Бартольд В. В.* Халиф и султан. С. 60.
- ⁴⁸⁹ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârîh. Cilt II. S. 333—334; *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 464 б—465 а; *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 31.
- ⁴⁹⁰ *Бартольд В. В.* Халиф и султан. С. 60, 64; *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 31.
- ⁴⁹¹ *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 31—32.
- ⁴⁹² *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 58 v.
- ⁴⁹³ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârîh. Cilt II. S. 338.
- ⁴⁹⁴ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 54 v.
- ⁴⁹⁵ *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 33—35.
- ⁴⁹⁶ *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 469 б—470 а.
- ⁴⁹⁷ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 54 v—56 r; *Хюсейн*. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 472 б; *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 35.
- ⁴⁹⁸ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 55 r; *Sa'ad ed-Dîn*. Tâc at-tevârîh. Cilt II. S. 351.
- ⁴⁹⁹ *Münecçim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 464.
- ⁵⁰⁰ *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 35—36; *Бартольд В. В.* Халиф и султан. С. 62.
- ⁵⁰¹ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârîh. Cilt II. S. 355—356; *Münecçim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 464—465.
- ⁵⁰² *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 36.
- ⁵⁰³ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 57 r—58 v.

- ⁵⁰⁴ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârîh. Cilt II. S. 373—374.
- ⁵⁰⁵ Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 37.
- ⁵⁰⁶ Хюсейн. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 48 а—48 б.
- ⁵⁰⁷ *Sa'ad ed-Dîn Mehmed*. Tâc at-tevârîh. Cilt II. S. 371.
- ⁵⁰⁸ Ibid. S. 374—376.
- ⁵⁰⁹ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 61 r—61 v.
- ⁵¹⁰ Хюсейн. Беда'и' ул-века'и'. Ч. 2. Л. 497 б—498 а.
- ⁵¹¹ Там же. Л. 501 а.
- ⁵¹² *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 476.
- ⁵¹³ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 62 r—63 r; *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 476; Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 43; Hammer J. Histoire de l'Empire Ottomane. T. V. Paris, 1836. P. 13—14. Далее: Hammer J. HEO.
- ⁵¹⁴ Hammer J. HEO. T. V. P. 14.
- ⁵¹⁵ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 63 v.
- ⁵¹⁶ Ibid. Fol. 63 r—64 v; *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 477—478.
- ⁵¹⁷ *Kara Çelebî-zâde*. Revzat al-ebrâr. Bulak, 1248 (1832—1833). (Араб. шрифт). S. 418.
- ⁵¹⁸ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 65 r—66 r; *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 478—479.
- ⁵¹⁹ Hammer J. HEO. T. V. P. 30.
- ⁵²⁰ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 66 r.
- ⁵²¹ Hammer J. HEO. T. V. P. 38—39.
- ⁵²² Мебде-и канун. С. 114.
- ⁵²³ Hammer J. HEO. T. V. P. 39—40.
- ⁵²⁴ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 66 r—66 v; *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 478—479.
- ⁵²⁵ Hammer J. HEO. T. V. P. 40—41.
- ⁵²⁶ *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 480.
- ⁵²⁷ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 67 r.
- ⁵²⁸ Ibid. Fol. 67 v—68 r; *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 481.
- ⁵²⁹ *Kara Çelebî-zâde*. Revzat al-ebrâr. S. 420.
- ⁵³⁰ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 68 r—69 r.
- ⁵³¹ A History of Hungary. P. 118.
- ⁵³² *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 69 r; *Peçevis İbrâhîm*. Târîh. Cilt I. İstânbûl, 1281 (1864—1865). (Араб. шрифт). S. 84—85.
- ⁵³³ [*Kemal Pacha zadeh*]. Histoire de la campagne de Mohacz, par Kemal Pacha zadeh / Publiée pour la première fois avec la traduction française et de notes, par M. Pavet de Courteille. Paris, 1859. P. 39.
- ⁵³⁴ Ibid. P. 44.
- ⁵³⁵ Ibid. P. 49.

- ⁵³⁶ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 70 r; [Kemal Pacha zadeh]. Histoire. P. 65.*
- ⁵³⁷ [*Kemal Pacha zadeh*]. Histoire... P. 68—70.
- ⁵³⁸ Ibid. P. 87—99; *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 70 r—73 r.*
- ⁵³⁹ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 73 r; Hammer J. HEO. T. V. P. 87—88; [Kemal Pacha zadeh]. Histoire... P. 108—109.*
- ⁵⁴⁰ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 75 r—75 v.*
- ⁵⁴¹ *Hammer J. HEO. T. V. P. 117.*
- ⁵⁴² *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 75 v.*
- ⁵⁴³ *Hammer J. HEO. T. V. P. 118—119.*
- ⁵⁴⁴ Ibid. P. 125—126.
- ⁵⁴⁵ Ibid. P. 126.
- ⁵⁴⁶ Ibid. P. 127.
- ⁵⁴⁷ Ibid. P. 127—128, 130.
- ⁵⁴⁸ Ibid. P. 134.
- ⁵⁴⁹ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 75 v.*
- ⁵⁵⁰ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II / Пер., предисл. и прилож. Е. И. Васильевой. М., 1976. С. 176.*
- ⁵⁵¹ History of Hungary. P. 123.
- ⁵⁵² *Hammer J. HEO. T. V. P. 158—159.*
- ⁵⁵³ Ibid. P. 160—161.
- ⁵⁵⁴ Ibid. P. 161.
- ⁵⁵⁵ Ibid. P. 161—162.
- ⁵⁵⁶ Ibid. P. 163—164.
- ⁵⁵⁷ Ibid. P. 167—168.
- ⁵⁵⁸ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. С. 166.
- ⁵⁵⁹ *Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 52.*
- ⁵⁶⁰ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 76 v—77 r; Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 179.*
- ⁵⁶¹ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 180—181.*
- ⁵⁶² *Hammer J. HEO. T. V. P. 209—210.*
- ⁵⁶³ *Münecim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 490.*
- ⁵⁶⁴ Ibid. S. 490—491; *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 181—182; Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 52.*
- ⁵⁶⁵ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 79 r; Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 182—183; Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 53.*
- ⁵⁶⁶ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 182; Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 53.*
- ⁵⁶⁷ *Hammer J. HEO. T. V. P. 220.*

- ⁵⁶⁸ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 79 r.
⁵⁶⁹ *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 491.
⁵⁷⁰ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 80 r.
⁵⁷¹ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси*. Шараф-наме. Т. II. С. 184—185.
⁵⁷² *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 492.
⁵⁷³ *Hammer J.* HEO. T. V. P. 230—231.

Глава 4

- ¹ *Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. С. 115.
² История стран зарубежной Азии в Средние века. М., 1970. С. 316.
³ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 82 v—82 r.
⁴ *Reçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt I. S. 205.
⁵ *Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. С. 151.
⁶ *Hammer J.* HEO. T. V. P. 301—303.
⁷ *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 493.
⁸ Ibid.
⁹ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 83 r; *Hammer J.* HEO. T. V. P. 265.
¹⁰ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 83 r.
¹¹ Ibid. Fol. 83 r—83 v.
¹² *Hammer J.* HEO. T. V. P. 270—272.
¹³ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 84 r.
¹⁴ Ibid. Fol. 84 v—85 r.
¹⁵ *Murphey R.* The Ottoman attitude towards the adaptation of Western technology: The role of the efrencî technicians in civil and military applications // Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire Ottomane. Paris, 1983. P. 287—288.
¹⁶ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 85 r.
¹⁷ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. С. 204.
¹⁸ *Reçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt I. S. 213; *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 494.
¹⁹ *Грановский Т. Н.* Лекции по истории Средневековья / Сост. С. А. Асиновская. М., 1986. С. 115.
²⁰ *Reçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt I. S. 213—216; *Müneccim-bâşî Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 496.
²¹ *Lütfî Pâşâ*. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 86 v; *Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. С. 151.
²² *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия. С. 92—93.
²³ Там же. С. 89—90, 93, 96—98.
²⁴ Там же. С. 99—100.

- ²⁵ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 210.*
- ²⁶ *Ibid. S. 208; Губоглу М. Поход Сулеймана Великолепного в Молдавию 1538/945 в свете турецких летописей // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963. С. 438—439.*
- ²⁷ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 208.*
- ²⁸ *Губоглу М. Поход Сулеймана... С. 439.*
- ²⁹ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 207, 209.*
- ³⁰ *Ibid. S. 211.*
- ³¹ *Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия. С. 98.*
- ³² *Там же. С. 104.*
- ³³ *Münecçim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 495; Lütîfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 86 r; Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 211—213; Губоглу М. Поход Сулеймана. С. 441.*
- ³⁴ *Губоглу М. Поход Сулеймана... С. 441—442.*
- ³⁵ *Lütîfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 87 r.*
- ³⁶ *Ibid.*
- ³⁷ *История Венгрии. Т. I. М., 1971. С. 241—242.*
- ³⁸ *Hammer J. HEO. T. V. P. 324.*
- ³⁹ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 226—227.*
- ⁴⁰ *Lütîfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 94r.*
- ⁴¹ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 232.*
- ⁴² *Lütîfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 94 v.*
- ⁴³ *Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 76—77.*
- ⁴⁴ *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. С. 204—205; История Венгрии. Т. I. С. 244, 329.*
- ⁴⁵ *Lütîfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 97 r.*
- ⁴⁶ *Hammer J. HEO. T. V. P. 360—361.*
- ⁴⁷ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 248—249.*
- ⁴⁸ *Hammer J. HEO. T. V. P. 369.*
- ⁴⁹ *Lütîfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 97 v; Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 249—250.*
- ⁵⁰ *Lütîfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 97 v.*
- ⁵¹ *Ibid. Fol. 98 r; Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 254.*
- ⁵² *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 258.*
- ⁵³ *Ibid. S. 258—260.*
- ⁵⁴ *Ibid. S. 264.*
- ⁵⁵ *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время / Пер. с нем. М., 1938. С. 48.*
- ⁵⁶ *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. С. 205—208.*
- ⁵⁷ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 193.*
- ⁵⁸ *Lütîfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 101 v.*
- ⁵⁹ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 279.*

⁶⁰ *Lütfî Pâşâ. Tevârîh-i Âl-i Osmân. Fol. 101 v—192 v; Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 271—274, 278; Шараф-хан ибн Шамсатдин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 193—194.*

⁶¹ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 278, 281.*

⁶² *Ibid. S. 283—284.*

⁶³ *Шараф-хан ибн Шамсатдин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 195.*

⁶⁴ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 286.*

⁶⁵ *Ibid. S. 291—292; История Венгрии. Т. I. С. 330.*

⁶⁶ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 402.*

⁶⁷ *Ibid. S. 403.*

⁶⁸ *Ibid. S. 403—404; Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 304.*

⁶⁹ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 405—406.*

⁷⁰ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 510.*

⁷¹ *Ibid. S. 510—511.*

⁷² *Ibid. S. 511.*

⁷³ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 391—393.*

⁷⁴ *Ibid. S. 394—395.*

⁷⁵ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 406—408.*

⁷⁶ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 341—342.*

⁷⁷ *Ibid. S. 307—309.*

⁷⁸ *Ibid. S. 309—312.*

⁷⁹ *Мебде-и канун. С. 196—197.*

⁸⁰ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 312.*

⁸¹ *Ibid. S. 313.*

⁸² *Ibid. S. 326—328.*

⁸³ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 389.*

⁸⁴ *Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. С. 117.*

⁸⁵ Османские хронисты называют осажденную крепость Сан Марья (Санта-Мария), Сентерме и т. д., в то время как видный турецкий историк И. Х. Узунчаршылы приводит другое ее название — *Senelen* (Святая Елена). См.: *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 389.*

⁸⁶ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 515.*

⁸⁷ *Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 410—412.*

⁸⁸ *Ibid. S. 412.*

⁸⁹ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 515.*

⁹⁰ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 390.*

⁹¹ *Самарцић Р. Мехмед Соколовић. Београд, 1975. С. 143. (Цит. по: Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. С. 118).*

⁹² *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 410, n. 2.*

⁹³ *Selânikî Mustafâ. Târih. Fol. 10 r—10 v.*

⁹⁴ *Шараф-хан ибн Шамсатдин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 214; Peçevi İbrâhîm. Târih. Cilt I. S. 420—421.*

⁹⁵ *История Венгрии. Т. I. С. 331.*

- ⁹⁶ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 416.*
- ⁹⁷ *Ibid. S. 417.*
- ⁹⁸ История Венгрии. Т. I. С. 331; *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 417—418.*
- ⁹⁹ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 418—419.*
- ¹⁰⁰ История Венгрии. Т. I. С. 332.
- ¹⁰¹ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 420.*
- ¹⁰² *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Cilt 2². S. 416.*
- ¹⁰³ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 28 v—29 r.*
- ¹⁰⁴ *Ibid. Fol. 30 v—31 r.*
- ¹⁰⁵ *Ibid. Fol. 31 r—32 r.*
- ¹⁰⁶ *Ibid. Fol. 34 r—34 v.*
- ¹⁰⁷ *Ibid. Fol. 37 r.*
- ¹⁰⁸ Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 79—93.
- ¹⁰⁹ *Ibid. Fol. 36 v.*
- ¹¹⁰ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 476.*
- ¹¹¹ *Ibid. S. 476—466.*
- ¹¹² Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 100.
- ¹¹³ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 477—478.*
- ¹¹⁴ *Münecçim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 521.*
- ¹¹⁵ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 41 v.*
- ¹¹⁶ *Âlî Mustafâ. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 356 v.*
- ¹¹⁷ Уразова Е. Кипр. М., 1966. С. 17—19.
- ¹¹⁸ *Münecçim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 523.*
- ¹¹⁹ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 486—487.*
- ¹²⁰ *Âlî Mustafâ. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 358 v.*
- ¹²¹ *Münecçim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 524—526; Матанов Хр., Михнева Р. От Галиполи до Лепанто. С. 307—309.*
- ¹²² *Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси. Шараф-наме. Т. II. С. 224.*
- ¹²³ *Münecçim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 526—527.*
- ¹²⁴ Матанов Хр., Михнева Р. От Галиполи до Лепанто. С. 308.
- ¹²⁵ Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. С. 121—122.
- ¹²⁶ Там же. С. 122; *Münecçim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 529.*
- ¹²⁷ Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 177; Матанов Хр., Михнева Р. От Галиполи до Лепанто. С. 321.
- ¹²⁸ Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. С. 122.
- ¹²⁹ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 47 r—47 v.*
- ¹³⁰ Матанов Хр., Михнева Р. От Галиполи до Лепанто. С. 322—323.
- ¹³¹ *Âlî Mustafâ. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 361 v.*
- ¹³² Подробно об этом см.: Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. С. 139—191.
- ¹³³ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 503.*

¹³⁴ *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. С. 192—195; *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt I. S. 502—503.*

¹³⁵ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 531.*

Глава 5

¹ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt 3. Kısım 1. Ankara, 1951. S. 51.

² *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. İstânbûl, 1283 (1866—1867).* (Араб. шрифт). S. 2.

³ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси.* Шараф-наме. Т. II. С. 228.

⁴ *Эфендиев О. А., Фарзалиев Ш. Ф.* К источниковедческой характеристике трудов османского хрониста XVI в. Ибрахима Рахимзаде // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. С. 145—146.

⁵ См. об этом: *Мейер М. С.* Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю // Народы Азии и Африки. 1975. № 1.

⁶ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 55 r—55 v.*

⁷ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси.* Шараф-наме. Т. II. С. 235.

⁸ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 36.*

⁹ *Ibid. S. 36—37.*

¹⁰ *Ibid. S. 39.*

¹¹ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси.* Шараф-наме. Т. II. С. 235; *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 39—40; Эфендиев О. А., Фарзалиев Ш. Ф.* К источниковедческой характеристике трудов... С. 146.

¹² *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 43.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 540.*

¹⁵ *Ibid. S. 540—541.*

¹⁶ *Ibid. S. 542; Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 51—52.*

¹⁷ *Tietze A. Muştafâ 'Âlî's Counsel for Sultans of 1581. Pt. II. P. 18.*

¹⁸ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 49.*

¹⁹ *Ibid. S. 49—50.*

²⁰ *Tietze A. Muştafâ 'Âlî's Counsel for Sultans of 1581. Pt. II. P. 18.*

²¹ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 52—54; Müneccim-bâşi Ahmed.* Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 544.

²² *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 544.*

²³ *Ibid.*

²⁴ *Tietze A. Muştafâ 'Âlî's Counsel for Sultans of 1581. Pt. II. P. 19.*

²⁵ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 544—545.*

²⁶ *Ibid. S. 545.*

²⁷ *Tietze A. Muştafâ 'Âlî's Counsel for Sultans of 1581. Pt. II. P. 20.*

²⁸ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 546—547.*

²⁹ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 63r.*

³⁰ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 546.*

- ³¹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы... С. 222—223.
- ³² *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 68—69.
- ³³ *Ibid.* S. 72—73.
- ³⁴ Мебде-и канун. С. 65.
- ³⁵ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 549; *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 74—75.
- ³⁶ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси*. Шараф-наме. Т. II. С. 241—242.
- ³⁷ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 550.
- ³⁸ См., например: *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси*. Шараф-наме. Т. II. С. 245.
- ³⁹ *Selânîki Mustafâ*. Târih. Fol. 69 v.
- ⁴⁰ *'Alî Mustafâ*. Kûnh al-ahbâr. Dördüncü rûkn. Fol. 392 v.
- ⁴¹ *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 78.
- ⁴² *Ibid.* S. 79—80.
- ⁴³ *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 81—82; *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 552.
- ⁴⁴ *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 88.
- ⁴⁵ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси*. Шараф-наме. Т. II. С. 246.
- ⁴⁶ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 556—557.
- ⁴⁷ История Ирана. Изд-во МГУ, 1977. С. 178.
- ⁴⁸ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси*. Шараф-наме. Т. II. С. 248—250; *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 558—559.
- ⁴⁹ *Selânîki Mustafâ*. Târih. Fol. 86 v.
- ⁵⁰ *Ibid.*
- ⁵¹ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 560.
- ⁵² *Ibid.*
- ⁵³ *Selânîki Mustafâ*. Târih. Fol. 96 r—96 v.
- ⁵⁴ *Ibid.* Fol. 91 r.
- ⁵⁵ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси*. Шараф-наме. Т. II. С. 257.
- ⁵⁶ Там же. С. 260.
- ⁵⁷ *Selânîki Mustafâ*. Târih. Fol. 106 r—106 v.
- ⁵⁸ *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. Гос. Изд-во политической литературы, 1952. С. 64.
- ⁵⁹ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt III. Kısım I. S. 64.
- ⁶⁰ *Selânîki Mustafâ*. Târih. Fol. 103 v—104 r, 111 r—111 v.
- ⁶¹ *Ibid.* Fol. 111 v.
- ⁶² *Ibid.* Fol. 109 v.
- ⁶³ *'Alî Mustafâ*. Kûnh al-ahbâr. Dördüncü rûkn. Fol. 452 r—452 v.
- ⁶⁴ *Selânîki Mustafâ*. Târih. Fol. 113 r.
- ⁶⁵ *Ibid.* Fol. 111 v—112 r.
- ⁶⁶ *Ibid.* Fol. 114 v.
- ⁶⁷ *Ibid.* Fol. 119 r—119 v.

- ⁶⁸ Ibid. Fol. 123 v.
- ⁶⁹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы... С. 216.
- ⁷⁰ *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi*. Cilt III. Kısım I. S. 71; *Na'imâ Mustafâ. Târih. İstânbûl, 1281 (1864—1865)*. Cilt I. (Араб. шрифт). С. 69.
- ⁷¹ *Na'imâ Mustafâ. Târih*. Cilt I. S. 69.
- ⁷² См.: [*Вратислав*]. Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжелой неволе у турок, с австрийским посольством 1591 / Пер. К. П. Победоносцева. СПб., 1877.
- ⁷³ *Hammer J.* НЕО. Т. VII. Paris, 1837. P. 263.
- ⁷⁴ *Selânikî Mustafâ. Târih*. Fol. 125 v—126 v.
- ⁷⁵ Ibid. Fol. 130 v—131 v.
- ⁷⁶ Ibid. Fol. 137 r.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ Ibid. Fol. 140 v—141 r.
- ⁷⁹ *Na'imâ Mustafâ. Târih*. Cilt I. S. 76.
- ⁸⁰ *Mustafâ 'Alî. Kûnh al-ahbâr. Dördüncü rûkn*. Fol. 455 r.
- ⁸¹ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr*. Cilt III. S. 536.
- ⁸² *Selânikî Mustafâ. Târih*. Fol. 140 v—142 r.
- ⁸³ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы... С. 216.
- ⁸⁴ *Selânikî Mustafâ. Târih*. Fol. 147 r.
- ⁸⁵ *Na'imâ Mustafâ. Târih*. Cilt I. S. 80—81.
- ⁸⁶ *Hammer J.* НЕО. Т. VII. P. 265.
- ⁸⁷ *'Alî Mustafâ. Kûnh al-ahbâr. Dördüncü rûkn*. Fol. 456 v.
- ⁸⁸ *Selânikî Mustafâ. Târih*. Fol. 149 v—150 r.
- ⁸⁹ *Hammer J.* НЕО. Т. VII. P. 268.
- ⁹⁰ *'Alî Mustafâ. Kûnh al-ahbâr. Dördüncü rûkn*. Fol. 457 v.
- ⁹¹ *Na'imâ Mustafâ. Târih*. Cilt I. S. 84.
- ⁹² *Selânikî Mustafâ. Târih*. Fol. 157 v—158 r; *Peçevî İbrâhîm. Târih*. Cilt II. S. 137.
- ⁹³ *Peçevî İbrâhîm. Târih*. Cilt II. S. 137.
- ⁹⁴ *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. С. 101, 106, 111—112, 114, 126.
- ⁹⁵ Там же. С. 134, 137.
- ⁹⁶ *'Alî Mustafâ. Kûnh al-ahbâr. Dördüncü rûkn*. Fol. 459 r.
- ⁹⁷ *Na'imâ Mustafâ. Târih*. Cilt I. S. 85.
- ⁹⁸ *Selânikî Mustafâ. Târih*. Fol. 160 v—161 r.
- ⁹⁹ *Hammer J.* НЕО. Т. VII. P. 270.
- ¹⁰⁰ *Na'imâ Mustafâ. Târih*. Cilt I. S. 86.
- ¹⁰¹ *Selânikî Mustafâ. Târih*. Fol. 165 r.
- ¹⁰² Ibid. Fol. 166 v.
- ¹⁰³ Ibid. Fol. 167 r—167 v.

- ¹⁰⁴ Ibid. Fol. 168 r, 169 r.
¹⁰⁵ Ibid. Fol. 170 v.
¹⁰⁶ Ibid. Fol. 171 r.
¹⁰⁷ *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 141—142.
¹⁰⁸ *Selânîkî Mustafâ*. Târih. Fol. 172 v—173 r.
¹⁰⁹ Ibid. Fol. 173 r.
¹¹⁰ Ibid.
¹¹¹ Ibid.
¹¹² *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 142—143.
¹¹³ *Selânîkî Mustafâ*. Târih. Fol. 175 r—175 v.
¹¹⁴ *‘Alî Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 460 r.
¹¹⁵ *Selânîkî Mustafâ*. Târih. Fol. 177 v.
¹¹⁶ *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 145—148, 153—154.
¹¹⁷ Ibid. S. 145—148, 154—156.
¹¹⁸ *‘Alî Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 463 r.
¹¹⁹ *Selânîkî Mustafâ*. Târih. Fol. 191 v.
¹²⁰ Ibid. Fol. 189 r—189 v.
¹²¹ История Венгрии. Т. I. С. 370.
¹²² *Selânîkî Mustafâ*. Târih. Fol. 192 r.
¹²³ Ibid. Fol. 196 r.
¹²⁴ Ibid. Fol. 196 v.
¹²⁵ Ibid. Fol. 203 r.
¹²⁶ *‘Alî Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 470 v.
¹²⁷ Ibid.
¹²⁸ *Selânîkî Mustafâ*. Târih. Fol. 204 r.
¹²⁹ Ibid. Fol. 206 r.
¹³⁰ Ibid. Fol. 214 r—214 v.
¹³¹ Ibid. Fol. 216 r—218 r.
¹³² *‘Alî Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 473 v.
¹³³ *Selânîkî Mustafâ*. Târih. Fol. 204 r.
¹³⁴ Ibid. Fol. 220 r.
¹³⁵ Ibid. Fol. 222 v—223 r.
¹³⁶ История Венгрии. Т. I. С. 370.
¹³⁷ *Hammer J.* НЕО. Т. VII. P. 301.
¹³⁸ *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 171; *‘Alî Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 476 v—477 v.
¹³⁹ *Peçevi İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 172.
¹⁴⁰ Ibid. S. 173.
¹⁴¹ История Венгрии. Т. I. С. 370.
¹⁴² *‘Alî Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 482 r—482 v.
¹⁴³ *Selânîkî Mustafâ*. Târih. Fol. 235 r.
¹⁴⁴ Ibid. Fol. 235 v.
¹⁴⁵ Ibid. Fol. 240 r—241 r.

- ¹⁴⁶ Ibid. Fol. 241 v—242 r.
¹⁴⁷ Ibid. Fol. 243 r—243 v.
¹⁴⁸ *‘Alī Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 485 r.
¹⁴⁹ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 246 v.
¹⁵⁰ Ibid. Fol. 247 r.
¹⁵¹ Ibid. Fol. 247 v.
¹⁵² Ibid. Fol. 247 v—248 v, 249 v.
¹⁵³ *‘Alī Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 479 r.
¹⁵⁴ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 249 v.
¹⁵⁵ Ibid. Fol. 250 r—250 v.
¹⁵⁶ Ibid. Fol. 250 v.
¹⁵⁷ Ibid. Fol. 264 r—265 r.
¹⁵⁸ Ibid. Fol. 252 r.
¹⁵⁹ Ibid. Fol. 254 v—255 r.
¹⁶⁰ Ibid. Fol. 255 r.
¹⁶¹ Ibid. Fol. 257 v.
¹⁶² Ibid. Fol. 258 r.
¹⁶³ Ibid. Fol. 260 r.
¹⁶⁴ Ibid. Fol. 263 v.
¹⁶⁵ Ibid. Fol. 263 r—263 v.
¹⁶⁶ Ibid. Fol. 265 v—266 r, 262 r, 263 v, 266 v.
¹⁶⁷ Ibid. Fol. 262 v.
¹⁶⁸ Ibid. Fol. 266 v.
¹⁶⁹ Ibid. Fol. 261 v.
¹⁷⁰ Ibid. Fol. 268 v, 331 v.
¹⁷¹ Ibid. Fol. 267 r.
¹⁷² Ibid. Fol. 264 r.
¹⁷³ Ibid.
¹⁷⁴ Ibid. Fol. 268 v—269 v.
¹⁷⁵ Ibid. Fol. 268 r.
¹⁷⁶ *‘Alī Mustafâ*. Künh al-ahbâr. Dördüncü rükn. Fol. 474 r.
¹⁷⁷ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 268 r.
¹⁷⁸ Ibid. Fol. 273 r.
¹⁷⁹ Ibid. Fol. 269 v.
¹⁸⁰ Ibid. Fol. 270 v.
¹⁸¹ Ibid. Fol. 272 r.
¹⁸² Ibid. Fol. 278 r.
¹⁸³ *Peçevî İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 190—191.
¹⁸⁴ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 285 v.
¹⁸⁵ *Peçevî İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 191.
¹⁸⁶ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 284 v—285 v.
¹⁸⁷ *Peçevî İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 192.
¹⁸⁸ Ibid.

- ¹⁸⁹ *Selânikî Mustafâ*. Târîh. Fol. 283 v—284 r.
¹⁹⁰ Ibid. Fol. 286 r—286 v.
¹⁹¹ *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 193.
¹⁹² Ibid. S. 194—195.
¹⁹³ *Selânikî Mustafâ*. Târîh. Fol. 288 v—289 r.
¹⁹⁴ *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 195—196.
¹⁹⁵ Ibid. S. 197—202.
¹⁹⁶ *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 591—592.
¹⁹⁷ Ibid. S. 592.
¹⁹⁸ *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 205; *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 165.
¹⁹⁹ *Selânikî Mustafâ*. Târîh. Fol. 290 r—290 v.
²⁰⁰ Ibid. Fol. 294 r—294 v.
²⁰¹ *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 205—206.
²⁰² *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 593.
²⁰³ *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 202—203.
²⁰⁴ *Selânikî Mustafâ*. Târîh. Fol. 336 v.
²⁰⁵ Ibid. Fol. 337 r.
²⁰⁶ Ibid. Fol. 302 v.
²⁰⁷ Ibid. Fol. 303 r, 315 r.
²⁰⁸ Ibid. Fol. 311 r.
²⁰⁹ Ibid. Fol. 318 v—319 r.
²¹⁰ Ibid. Fol. 304 r.
²¹¹ Ibid. Fol. 306 r.
²¹² Ibid. Fol. 308 v.
²¹³ Ibid. Fol. 339 r.
²¹⁴ Ibid. Fol. 309 r.
²¹⁵ Ibid. Fol. 316 r—317 v.
²¹⁶ Ibid. Fol. 313 v, 315 v.
²¹⁷ Ibid. Fol. 325 v.
²¹⁸ Ibid. Fol. 319 r.
²¹⁹ История Югославии. Т. I. С. 207.
²²⁰ *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 173—174.
²²¹ Ibid. S. 174—178; *Selânikî Mustafa*. Târîh. Fol. 327 r.
²²² *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 179; *Selânikî Mustafâ*. Târîh. Fol. 326 r.
²²³ *Selânikî Mustafâ*. Târîh. Fol. 324 r.
²²⁴ Ibid. Fol. 327 r.
²²⁵ Ibid. Fol. 321 v.
²²⁶ Ibid. Fol. 325 r.
²²⁷ Ibid. Fol. 325 r, 332 r.
²²⁸ Ibid. Fol. 336 v.
²²⁹ Ibid. Fol. 333 r.
²³⁰ Ibid. Fol. 332 v.
²³¹ Ibid. Fol. 333 r—332 v.

- ²³² Ibid. Fol. 343 v.
- ²³³ Ibid. Fol. 334 r.
- ²³⁴ Ibid. Fol. 353 v.
- ²³⁵ *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Cilt I. S. 182—183, 185.
- ²³⁶ *Николов Й.* Общоисторически черти на първото Търновско въстание през 1598 г. // Исторически преглед. 1985. Кн. 4. С. 30—31.
- ²³⁷ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 337 v.
- ²³⁸ *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Cilt I. S. 204—205.
- ²³⁹ Ibid. S. 206.
- ²⁴⁰ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 346 v—347 r.
- ²⁴¹ Ibid. Fol. 347 v.
- ²⁴² Мебде-и канун. Л. 192.
- ²⁴³ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 349 r.
- ²⁴⁴ Ibid. Fol. 356 r.
- ²⁴⁵ Ibid. Fol. 352 r—353 v.
- ²⁴⁶ Ibid. Fol. 356 r.
- ²⁴⁷ См. об этом подробно: *Akdağ M.* Celâlî isyanları (1550—1603). Ankara, 1963.
- ²⁴⁸ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 339 r.
- ²⁴⁹ *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Cilt I. S. 204.
- ²⁵⁰ Ibid. S. 188—197.
- ²⁵¹ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 356 v.
- ²⁵² *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Cilt I. S. 197—201.
- ²⁵³ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 351 r.
- ²⁵⁴ Ibid. Fol. 358 r.
- ²⁵⁵ Ibid. Fol. 351 r—351 v; *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Cilt I. S. 212.
- ²⁵⁶ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 357 r.
- ²⁵⁷ Ibid. Fol. 360 r.
- ²⁵⁸ Ibid. Fol. 358 r.
- ²⁵⁹ Ibid. Fol. 355 v.
- ²⁶⁰ Ibid. Fol. 357 r—357 v.
- ²⁶¹ Ibid. Fol. 366 v—367 r.
- ²⁶² Ibid. Fol. 368 v.
- ²⁶³ См. об этом подробно: *Тверитинова А. С.* Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции М.; Л., 1947; *Akdağ M.* Celâlî isyanları.
- ²⁶⁴ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 362 r.
- ²⁶⁵ *Тверитинова А. С.* Восстание... С. 38.
- ²⁶⁶ *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Cilt I. S. 208—209.
- ²⁶⁷ *Selânikî Mustafâ*. Târih. Fol. 366 r.
- ²⁶⁸ *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Cilt I. S. 213.
- ²⁶⁹ *Peçevî İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 226—227; *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Cilt I. S. 213—217.
- ²⁷⁰ *Peçevî İbrâhîm*. Târih. Cilt II. S. 228—229.

- ²⁷¹ Николов Й. Общоисторически черти... С. 33, 35.
- ²⁷² История Венгрии. Т. I. С. 372—373.
- ²⁷³ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 371 r.*
- ²⁷⁴ Тверитинова А. С. Восстание... С. 59, 64; *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 371 v.*
- ²⁷⁵ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 371 v—372 r.*
- ²⁷⁶ См. об этом подробно: Петросян И. Е. Турецкие социально-политические трактаты XVI—XVII вв. // Народы Азии и Африки. 1987. № 2.
- ²⁷⁷ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 374 r—374 v*; О турецком правлении в Сирии см.: Rafeq Abdul-Karim. Changes in the relations between the Ottoman central administration and the Syrian provinces from the sixteenth to the eighteenth centuries // Studies in 19th Century Islamic History. Oxford, 1971.
- ²⁷⁸ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 375 r—376 v.*
- ²⁷⁹ Ibid. Fol. 381 v.
- ²⁸⁰ Тверитинова А. С. Восстание... С. 66—69.
- ²⁸¹ Там же. С. 74.
- ²⁸² Подробно об антиправительственном движении в Анатолии под руководством Кара Яызджи и Дели Хасана, помимо указанных выше работ А. С. Тверитиновой (Восстание...) и Мустафы Акдага (*Akdağ M. Celâlî isyanları*), см.: Griswold William J. The Great Anatolian Rebellion. 1000—1020/1591—1611. Berlin, 1983. (Islamkundliche Untersuchungen. Bd. 83).
- ²⁸³ Тверитинова А. С. Восстание... С. 75—77.
- ²⁸⁴ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 232—235.*
- ²⁸⁵ *Na'imâ Mustafâ. Târîh. Cilt I. S. 236.*
- ²⁸⁶ Ibid. S. 240—241.
- ²⁸⁷ История Венгрии. Т. I. С. 373—374.
- ²⁸⁸ *Selânikî Mustafâ. Târîh. Fol. 384 r—384 v.*
- ²⁸⁹ Ibid. Fol. 384 v—385 v.
- ²⁹⁰ *Na'imâ Mustafâ. Târîh. Cilt I. S. 242—244.*
- ²⁹¹ Ibid. S. 244—245.
- ²⁹² Ibid. S. 247—249.
- ²⁹³ Ibid. S. 263—264.
- ²⁹⁴ Ibid. S. 271—272.
- ²⁹⁵ Ibid. S. 279—280.
- ²⁹⁶ Ibid. S. 280—281.
- ²⁹⁷ Ibid. S. 286—287; *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 242—243.*
- ²⁹⁸ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 244.*
- ²⁹⁹ История Венгрии. Т. I. С. 374.
- ³⁰⁰ *Peçevî İbrâhîm. Târîh. Cilt II. S. 244—246.*
- ³⁰¹ Ibid. S. 246—247.
- ³⁰² *Na'imâ Mustafâ. Târîh. Cilt I. S. 290—291.*
- ³⁰³ Ibid. S. 291.

- 304 Ibid. S. 291—292.
- 305 Ibid. S. 293—294.
- 306 Ibid. S. 292—293.
- 307 A History of Hungary. P. 146.
- 308 Ibid. S. 294—295.
- 309 Ibid. S. 296—296; *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 255.
- 310 *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 296—308, 389.
- 311 *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 256.
- 312 *Kara Çelebî-zâde*. Revzat al-ebâr. S. 494.
- 313 *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 312—313.
- 314 *Kâtib Çelebî*. Fezlike at-tevârîh. 44 v.
- 315 *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 313.
- 316 *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 617.
- 317 *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 314—315.
- 318 Ibid. S. 314—319.
- 319 Ibid. S. 320—324; *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 257.
- 320 См. об этом подробно: «Джихан-ньюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.) / Предисл., пер. и коммент. А. А. Папазяна. Ереван, 1973.
- 321 *Müneccim-bâşi Ahmed*. Sahâ'if al-ahbâr. Cilt III. S. 617.
- 322 *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 313.
- 323 *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 360—361.
- 324 Ibid. S. 361.
- 325 Ibid. S. 382—384.
- 326 История Венгрии. Т. I. С. 307—309, 386.
- 327 *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 384—385; *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 297.
- 328 *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 297—298.
- 329 Ibid. S. 298.
- 330 Ibid. S. 300.
- 331 Ibid. S. 330; *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 403—404.
- 332 *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 301—302.
- 333 *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 396—397.
- 334 *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 302—306.
- 335 *Na'imâ Mustafâ*. Târîh. Cilt I. S. 402—403.
- 336 История Венгрии. Т. I. С. 386—388.
- 337 Там же. С. 334—335.
- 338 Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов / Сост. Х. М. Ибрагимбейли и Н. С. Рамба. М., 1984. С. 23—32.
- 339 *Peçevî İbrâhîm*. Târîh. Cilt II. S. 376.
- 340 Османская империя в первой четверти XVII века. С. 59—66.
- 341 *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt III. Kısım I. S. 139—140.

³⁴² *Hammer J.* НЕО. Т. VIII. Paris, 1837. P. 289. Друзы — население горных районов Ливана и Сирии, исповедующее одну из разновидностей шиизма. Турки-османы в подавляющей своей части были приверженцами суннизма.

³⁴³ *Na'imâ Mustafâ. Târih.* Cilt I. S. 211.

³⁴⁴ *Peçevî İbrâhîm. Târih.* Cilt II. S. 380.

³⁴⁵ *Hammer J.* НЕО. Т. VIII. P. 273, 287.

³⁴⁶ *Ibid.* P. 294.

³⁴⁷ *Peçevî İbrâhîm. Târih.* Cilt II. S. 381—388.

Глава 6

¹ О сочинении анонима (с переводом на рус. текста сочинения) см.: Мебде-и канун.

² Мебде-и канун. С. 67; также: [*Wright W. L.*]. [Ed.]. Mehmed Pasha, Sarı. Ottoman Statecraft. The Book of Counsel for Vezirs and Governors / Turkish text with introduction, translation, and notes by W. L. Wright. Princeton, 1935. P. 39.

³ Записки янычара. С. 99.

⁴ Мебде-и канун. С. 149.

⁵ См., например: [*Вратислав*]. Приключения чешского дворянина...

⁶ Мебде-и канун. С. 80.

⁷ *Müneccim-bâşi Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr.* Cilt III. S. 536.

⁸ *Selânîkî Mustafâ. Târih.* Fol. 98 r.

⁹ *Ibid.* Fol. 104 r.

¹⁰ *Ibid.* Fol. 118 r.

¹¹ *Ibid.* Fol. 315 r.

¹² Мебде-и канун. С. 139.

¹³ *Na'imâ Mustafâ. Târih.* Cilt I. S. 421.

¹⁴ *D'Ohsson I. M. Tableau général de l'Empire ottoman.* Т. III. P. 397.

¹⁵ Мебде-и канун. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ Там же. С. 60.

¹⁸ *Selânîkî Mustafâ. Târih.* Fol. 279 r.

¹⁹ [*Wright W. L.*]. Mehmed Pasha, Sarı. Ottoman Statecraft... P. 39.

²⁰ *Selânîkî Mustafâ. Târih.* Fol. 254 v.

²¹ *Фекете Л.* Торговля в Буде в период турецкого господства во второй половине XVI в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 92.

²² *Yücel Y. Osmanlı İmparatorluğunda desantralizasyona (adem-i merkeziyet) dair genel gözlemler // Belleten.* Cilt XXXVIII. Ekim 1974. Sayı 152. Ankara, 1974. S. 690.

- ²³ *Faroqhi S.* Rural society in Anatolia and the Balkans during the Sixteenth Century. I // *Turcica. Revue d'études turques*. T. IX/1. Paris; Strasbourg, 1977. P. 184.
- ²⁴ *Selânikî Mustafâ.* Târih. Fol. 114 v.
- ²⁵ Мебде-и канун. С. 37, 53—54.
- ²⁶ *Kâtib Çelebî.* Fezlike at-tevârih. Fol. 243 r.
- ²⁷ Мебде-и канун. С. 93.
- ²⁸ Подробно об этом см.: Там же. С. 161—187; также: *Selânikî Mustafâ.* Târih. Fol. 303 r.
- ²⁹ Мебде-и канун. С. 188.
- ³⁰ Там же. С. 189.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 192.
- ³³ *Толстой П. А.* Состояние народа турецкого в 1703 г. // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. Год двадцать седьмой. Симферополь, 1914. № 51. С. 69.
- ³⁴ Мебде-и канун. С. 138.
- ³⁵ Там же. С. 111.
- ³⁶ *Faroqhi S.* Rural society in Anatolia and the Balkans during the Sixteenth Century. II // *Turcica. Revue d'études turques*. T. IX. Louvain; Paris; Strasbourg, 1979.
- ³⁷ Мебде-и канун. С. 116.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Rafeq Abdul-Karim.* Changes in the relationship between the Ottoman central administration and the Syrian provinces... P. 59.
- ⁴⁰ *Alî Mustafâ.* Kûnh al-ahbâr. Dördüncü rûkn. Fol. 479 v.
- ⁴¹ Мебде-и канун. С. 171.
- ⁴² Там же. С. 66—67.
- ⁴³ Там же. С. 151—152.
- ⁴⁴ Там же. С. 136.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. [Вратислав]. Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжелой неволе у турок, с австрийским посольством 1591 / Пер. К. П. Победоносцева. СПб., 1877.
2. Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах тринадцать книг. Т. I: Царствование Михаила Палеолога. 1255—1282. СПб., 1862. (Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии, кн. 5).
3. Гусейнов Р. А. Из «Хроники» Михаила Сирийца. Статья пятая // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1987—1979. М., 1987.
4. Гълъбов Г. Единъ законъ и други държавни документи по събирануто на момчета за еничери // Осmano-турски извори за българската история. Свезка II. Годишник на Софийския Университетъ. Историко-филологически факултетъ. Кн. XXXV. № 6. София, 1939.
5. «Джихан-ньюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.) / Предисл., пер. и коммент. А. А. Папазяна. Ереван, 1973.
6. Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введ., пер. и коммент. А. И. Рогова. М., 1978.
7. Козин С. А. Сокровенное сказание. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
8. Мебде-и канун-и еничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса) / Изд. текста, пер. с тур., введ., коммент. и указ. И. Е. Петросян. М., 1987. (Памятники письменности Востока. LXXIX).
9. Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов / Сост. Х. М. Ибрагимбейли и Н. С. Рамба. М., 1984.
10. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952.
11. Сфрандзи Георгий. Хроника / Предисл., пер. и примеч. Е. Д. Джагацпаян // Кавказ и Византия. Вып. 5. Ереван, 1987.

12. *Тверитинова А. С.* Второй трактат Кочибея // Ученые записки Института востоковедения. Т. VI. М.; Л., 1953.
13. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
14. *Толстой П. А.* Состояние народа турецкого в 1703 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Год двадцать седьмой. Симферополь, 1914. № 51.
15. *Хюсейн.* Беда'и' ул-века'и' (Удивительные события) / Изд. текста, введ. и общая ред. А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. М., 1961. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. XIV).
16. *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси.* Шараф-наме. Т. II / Пер., предисл. и прилож. Е. И. Васильевой. М., 1976.
17. *Аш-Шахрастānī Муххаммад ибн 'Абд ал-Карīm.* Книга о религиях и сектах (Kitāb al-milal wa-n-niḥal). Ч. I. Ислам / Пер. с араб., введен. и коммент. С. М. Прозорова. М., 1984.
18. *Шильтбергер Иоанн.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Изд., ред. и примеч. акад. АН Азерб. ССР З. И. Бунятова. Баку, 1984.
19. *Ahmedî. İskender-nâme.* (Араб. шрифт). Рук. С 133 из собрания Института восточных рукописей РАН.
20. *'Alî Mustafâ. Kûnh al-ahbâr. Dördüncü rûkn.* (Араб. шрифт). Микрофильм № 173 рукописи из Венской национальной библиотеки.
21. *Aşîk-pâşâ-zâde. Tevârih-i Âl-i Osmân.* (Араб. шрифт). İstânbûl, 1332 [1913—1914].
22. *Düstûrnâme-i Enverî / Türk târih encümenî külliyâtî.* 'Aded 15. İstânbûl, 1928. (Араб. шрифт).
23. *İbn Kemâl. Tevârih-i Âl-i Osmân.* Ankara, 1954.
24. *Kara Çelebî-zâde. Revzat al-ebrâr.* Bulak, 1248 (1832—1833). (Араб. шрифт).
25. *Kâtib Çelebî. Fezlike at-tevârih.* (Араб. шрифт). Рук. С 537 из собрания Института восточных рукописей РАН.
26. *Kâtib Çelebî. Takvîm at-tevârih.* İstânbûl, 1146 (1733—1734). (Литогр., араб. шрифт).
27. *Lütfî Pâşâ. Tevârih-i Âl-i Osmân.* (Араб. шрифт). Рукопись Венской национальной библиотеки. Мф. № 199 Института восточных рукописей РАН.
28. *Müneccim-bâşî Ahmed. Sahâ'if al-ahbâr.* Cild III. İstânbûl, 1869. (Араб. шрифт).
29. *Na'imâ Mustafâ. Târih.* Cild I. İstânbûl, 1281 (1864/1865). (Араб. шрифт).
30. *Neşri Mehmed. Kitâb-i Cihan-Nümâ. Neşri tarihi.* Cilt I—II. Ankara, 1949—1957.
31. *Peçevi İbrâhîm. Târih.* Cilt I—II. İstânbûl, 1281—1283 (1864/65—1866/67). (Араб. шрифт).
32. *Sa'ad ed-Dîn Mehmed. Tâc at-tevârih.* Cilt I. İstânbûl, 1279 (1862). (Араб. шрифт).

33. *Selânikî Mustafâ*. Târîh. (Араб. шрифт). Рук. С 565 из собрания Института восточных рукописей РАН.
34. *Yâzici-ôğlû 'Alî*. Târîh-i Âl-i Selcûk. (Араб. шрифт). Рук. Д 116 из собрания Института восточных рукописей РАН.
35. *Albèri E.* [Ed.]. *Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albèri. Serie III^a. T. I.* Firenze, 1840.
36. [*Chalcocondyle L.*]. *Histoire générale des turcs, contenant l'histoire de Chalcocondyle, traduit par Blaise de Vigenaire et continuée jusques en l'an 1612 par Thomes Artus et par le sieur de Meseray, jusques en l'an 1661. De plus l'histoire de Serail par le sieur Baudler. T. I.* Paris, 1662.
37. [*Kemal Pacha zadeh*]. *Histoire de la campagne de Mohacz, par Kemal Pacha zadeh / Publiée pour la première fois avec la traduction française et de notes, par M. Pavet de Courteille. Paris, 1859.*
38. *Kritovoulos*. *History of Mehmed the Conqueror / Trans. by Ch. Riggs.* Princeton, 1964.
39. [*Melikoff-Sayar I.*]. *Le destan d'Umur Pacha (Düstur-name-i Enveri) / Text, traduction et notes par Irène Melikoff-Sayar. Paris, 1954.*
40. *D'Ohsson I. M.* *Tableau général de l'Empire othoman. T. III.* Paris, 1792.
41. *Ordo Portae*. *Description grecque de la Porte et de l'armée du sultan Mehmed II / Éditée, traduite et commentée par Şerif Baştav. Budapest, 1947.*
42. *Recueil de texts relatifs à l'histoire des Seldjoucides par M. Th. Houtsma. Vol. III: Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineur d'après Ibn Bîbî. Leide, 1902.*
43. *Tietze A.* *Muştafâ 'Âlî's Counsel for Sultans of 1581. Edition, translation, notes. Pt. II.* Wien, 1982.
44. [*Wright W. L.*]. [Ed.]. *Mehmed Pasha, Sarı. Ottoman Statecraft. The Book of Counsel for Vezirs and Governors / Turkish text with introduction, translation, and notes by W. L. Wright. Princeton, 1935.*

Литература

1. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963.*
2. *Бартольд В. В.* Турция, ислам и христианство // *Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966.*
3. *Бартольд В. В.* Улугбек и его время // *Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964.*
4. *Бартольд В. В.* Халиф и султан // *Бартольд В. В. Сочинения Т. VI. М., 1966.*

5. *Бартольд В. В.* Хан // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Сочинения. Т. V. М., 1968.
6. *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и примеч. П. А. Грязневича. М., 1971.
7. *Васильев А. А.* История Византии. Т. III. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925.
8. *Владимирицов Б. Я.* Общественный строй монголов. Кочевой феодализм. Л., 1934.
9. Военный энциклопедический словарь. М., 1983.
10. *Гарбузова В. С.* Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование. М., 1959.
11. *Гонца Г. В.* Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV—первой трети XVI в. Кишинев, 1984.
12. *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В. А. Избр. соч. Т. I. Исторические работы. М., 1960.
13. *Грановский Т. Н.* Лекции по истории Средневековья / Сост. С. А. Асиновская. М., 1986.
14. *Губоглу М.* Поход Сулеймана Великолепного в Молдавию 1538/945 в свете турецких летописей // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.
15. *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время / Пер. с нем. М., 1938.
16. *Дмитриева Л. В., Музинов А. М., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История / Под ред. А. Н. Кононова. М., 1965.
17. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
18. *Жаворонков П. И.* Малоазийские города периода Никейской империи. Сборник научных трудов. Свердловск, 1990.
19. *Жуков К. А.* Османские хроники XV—XVII вв. о создании войск «яя и мюселлем» // *Turcologica*. 1986. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1986.
20. *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988.
21. *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. Гос. изд-во политической литературы, 1952.
22. *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. 1516—1574. М., 1984.
23. *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878.
24. История Венгрии. Т. I. М., 1971.
25. История Византии. Т. III. М., 1967.
26. История Ирана. Изд-во МГУ, 1977.
27. История стран зарубежной Азии в Средние века. М., 1970.
28. История Югославии. Т. I. М., 1963.

29. Клейнман Г. А. Армия и реформы. Османский опыт модернизации. М., 1989.
30. Кляшторный С. Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э.—I тысячелетие н. э.) // Рабство в странах Востока в Средние века. М., 1986.
31. Матанов Хр., Михнева Р. От Галиполи до Лепанто. Бълкните, Европа и османското нашествие. 1354—1571 г. София, 1988.
32. Махмудов Я. М. К вопросу о взаимоотношениях государств Ак-Коюнлу и Сефевидов с европейскими странами (II половина XV—начало XVII века). Статья первая // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1987. № 3.
33. Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
34. Мейер М. С. Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю // Народы Азии и Африки. 1975. № 1.
35. Мутафчиева В. Дело султана Джема. М., 1973.
36. Николов Й. Общоисторически черти на първото Търновско въстание през 1598 г. // Исторически преглед. 1985. Кн. 4.
37. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.
38. Петросян И. Е. О реликтах домусульманских верований у османских турок в XIV—XV вв. // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., 1992.
39. Петросян И. Е. Турецкие социально-политические трактаты XVI—XVII вв. // Народы Азии и Африки. 1987. № 2.
40. Петросян И. Е. Янычарские гарнизоны в провинциях Османской империи в XVI—XVII вв. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. Сборник статей. М., 1986.
41. Петросян Ю. А. Османская империя. Могущество и гибель. СПб., 2017.
42. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.; Л., 1960.
43. Прохоров Г. М. Прение Григория Паламы с «хионы и турки» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVII. Л., 1972.
44. Рабство в странах Востока. М., 1986.
45. Ранке Л. Государи и народы Южной Европы в шестнадцатом и семнадцатом веке. Ч. 1. СПб., 1856.
46. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983.
47. Самарцић Р. Мехмед Соколовић. Београд, 1975.

48. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
49. *Смирнов В. Д.* Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века, о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
50. *Тверитинова А. С.* Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. М.; Л., 1947.
51. *Уразова Е.* Кипр. М., 1966.
52. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. III. М.; Л., 1948.
53. *Успенский Ф. И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.
54. *Фекете Л.* Торговля в Буде в период турецкого господства во второй половине XVI в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
55. *Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. М., 1989.
56. *Хадживанов П.* Сражение при Варна на 10 ноября 1444 года // Варна 1444. Сборник от исследования и документи в чест на 525—та годишнина от битката край гр. Варна. София, 1969.
57. *Шамсутдинов А. М.* Проблемы становления Османского государства по турецким источникам XIV—XV вв. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1981.
58. *Эфендиев О. А., Фарзалиев Ш. Ф.* К источниковедческой характеристике трудов османского хрониста XVI в. Ибрахима Рахимзаде // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988.
59. *Akdağ M.* Celâli isyanları (1550—1603). Ankara, 1963.
60. *Artuk İ.* Osmanlı beyliğinin kurulcusu Osman Gaziye ait sikke // Türkiyenin sosyal ve ekonomik tarihi. First International Congress of Social and Economic History of Turkey. 1071—1920. Ankara, 11—13 July, 1977. Ankara, 1980.
61. *Atsız.* Âli bibliografyası. İstanbul, 1968.
62. *Baysun M. C.* Emir Sultan // İslam ansiklopedisi. Cüz. 32. İstanbul, 1946.
63. *Gölpınarlı A.* İslam ve Türk illerinde Fütüvvet. İstanbul, 1951.
64. *Hüseyn Hüsâmeddîn.* Alâeddîn bey // Türk Târih Encümeni Mecmuası. On beşinci sene. N. 9 (араб. шрифт).
65. *Kemal Paşa-zade /* İslam Ansiklopedisi. Cilt 5. Kısım II. İstanbul, 1950.
66. *Refik Ahmed.* Devşirme usûlî, acemî oğlanlar // Dâr al-fünûn edebiyât fâkûltesî mecumû'asî. Beşinci cild, sâyi 1—2. İstânbûl, 1927. (Араб. шрифт).
67. *Refik Ahmed.* Mimar Sinan. İstanbul, 1931.
68. *Uzunçarşılı İ. H.* Gazi Orhan bey vakfiyesi 724 Rebiülevvel—1324 Mart // Belleten. N. 19. Ankara, 1941.
69. *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı devleti teşkilâtından kapıkulu ocakları. Cilt I. Acemi ocağı ve yeniçeri ocağı. Ankara, 1943.

70. *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt 1². Ankara, 1961; cilt 2². Ankara, 1964; cilt 3. Kısım 1. Ankara, 1951.
71. *Yücel Y.* Kadi Burhaneddin Ahmed ve devleti (1344—1398). Ankara, 1970.
72. *Yücel Y.* Osmanlı İmparatorluğunda desantralizasyona (adem-i merkezîyet) dair genel gözlemler // Belleten. Cilt XXXVIII. Ekim 1974. Sayı 152. Ankara, 1974.
73. A History of Hungary. Budapest, 1973.
74. *Alderson A. D.* The Structure of the Ottoman Dynasty. Oxford, 1956.
75. *Alexandrescu-Dersca M. M.* La campagne de Timur en Anatolie (1402). Bucureşti, 1942.
76. *Babinger Fr.* Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953.
77. *Bacqué-Grammont J.-L.* Les ottomans, les safavides et leurs voisins. Contribution à l'histoire des relations internationales dans l'Orient islamique de 1514 à 1524. Istanbul, 1987.
78. *Barkan Ö. L.* The price revolution of the sixteenth century: A turning point in the economic history of the Near East // International Journal of Middle East Studies. Vol. 6. N. 1.
79. *Björkman W.* Die altosmanische Literatur. Die klassisch-osmanische Literatur // Philologiae turcicae fundamenta. T. II. Wiesbaden, 1965.
80. *Braudel F.* Méditerranée et le Monde Méditerranéen à l'époque de Philippe II. T. 1—2. Paris, 1966.
81. *Cahen Cl.* La Turquie pré-Ottomane. Istanbul; Paris, 1988. (Varia Turcica, VII).
82. *Cazacu M.* Les parentés byzantines et ottomanes de l'historien Laonikos Chalkokondyle (c. 1423—c. 1470) // Turcica. Revue d'études turques. T. XVI. 1984. Paris, 1984.
83. *Cook M. A.* Population Pressure in Rural Anatolia. 1450—1600. London, 1972.
84. *Dujčev I.* La conquête turque de la péninsule des Balkans de 1371 à 1389 // Études historiques. T. VII. 1975.
85. *Faroqhi S.* Rural society in Anatolia and the Balkans during the Sixteenth Century. I // Turcica. Revue d'études turques. T. IX/1. Paris; Strasbourg, 1977.
86. *Faroqhi S.* Rural society in Anatolia and the Balkans during the Sixteenth Century. II // Turcica. Revue d'études turques. T. IX. Louvain; Paris; Strasbourg, 1979.
87. *Fisher S. N.* The Foreign Relations of Turkey. 1481—1512. Urbana, 1948.
88. *Gibbons H. A.* The Foundation of the Ottoman Empire. A History of Osmanlis up to the Death of Bayezid I (1300—1403). Oxford, 1916.
89. *Griswold William J.* The Great Anatolian Rebellion. 1000—1020/1591—1611. Berlin, 1983. (Islamkundliche Untersuchungen. Bd. 83).
90. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. T. IX. Pest, 1833.
91. *Hammer J.* Histoire de l'Empire Ottomane. T. V. Paris, 1836; T. VII. Paris, 1837; T. VIII. Paris, 1837.

92. *Káldy-Nagy Gy.* The first centuries of the Ottoman military organization // *Acta Orientalia*. T. XXXI. Fasc. 2. Budapest, 1977.
93. *Kiel M.* Art and Society of Bulgaria in the Turkish Period. Assen; Maastricht, 1985.
94. *Matanov H.* Contribution to political history of South-Eastern Macedonia after the battle of Černomen // *Etudes balkaniques*. Sofia, 1986. N. 2.
95. *Miller B.* The Palace School of Muhammad the Conqueror. Cambridge, 1941.
96. *Murphey R.* The Ottoman attitude towards the adaptation of Western technology: The role of the efrençî technicians in civil and military applications // *Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire Ottoman*. Paris, 1983.
97. *Papoulia B. D.* Ursprung und Wesen der «Knabenlese» in Osmanischen Reich. München, 1963.
98. *Petrosyan Irina Ye.* The formation of the Ottoman State and the origins of the Janissary Corps // *The Turks*. Vol. 3: Ottomans / Eds Hasan Celâl Güzel, C. Cem Oğuz, Osman Karatay. Ankara, 2002.
99. *Rafeq Abdul-Karim.* Changes in the relations between the Ottoman central administration and the Syrian provinces from the sixteenth to the eighteenth centuries // *Studies in 19th Century Islamic History*. Oxford, 1971.
100. *Roux J.-P.* Quelques objets numineux des turcs et des mongols. I. Le bonnet et la ceinture // *Turcica*. Revue d'études turques. T. VII. 1975.
101. *Summer-Boyd H., Freely J.* Strolling through Istanbul. Istanbul, 1973.
102. *Taeschner Fr.* War Murad I. Grossmeister oder Mitglied des Achibundes // *Oriens*. 1953. N. 1.
103. *Täschner Fr.* Beiträge zur Geschichte der Achis in Anatolien (14—17 Jht.) // *Islamica*. T. IV, fasc. 1. Lipsiae, 1931.
104. *Vryonis S.* Isidoros Glabas and the Turkish devshirme // *Speculum*. T. XXXI. N. 3. 1956.
105. *Wittek P.* Deux chapitres de l'histoire des turcs de Roum // *Byzantion*. T. II (1936). Fasc. I. Bruxelles, 1936.
106. *Wittek P.* Devshirme and Shari'a // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. T. XVII. Pt. 2. 1955.
107. *Zachariadou E. A.* Manuel II Palaeologos on the stripe between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 43, pt. 3.
108. *Zachariadou E. A.* Süleyman Çelebi in Rumeli and the Ottoman chronicles // *Der Islam*. Bd. 60. Hf. 2. 1983.
109. *Zachariadou E. A.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshé and Aydin (1300—1415). Venice, 1983.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас I, иранский шах 381, 382, 481, 482, 484, 492
- Абдаллах, узбекский хан 381
- Абд ас-Селям, дефтердар султана Баязида II 278
- Абдул Латиф, правитель (хан) Самарканда 299
- Абу Бакр, халиф 366, 382
- Абуссууд, шейхульислам 351
- Абу Ханифа, арабский богослов, факих, мухаддис 293, 364
- Абу Эйюб, сподвижник пророка Мухаммада 202
- Авни, литературное имя Мехмеда II 235
- Адиль-Гирей, брат крымского хана Мухаммад-Гирея II 371
- Азев-беги, глава азевов, санджак-бей Мусы, сына Баязида I 147
- Айас-паша, везир Баязида II 239
- Айас-паша, везир Сулеймана II, великий везир 278, 301, 302, 309
- Айас-паша, эрзерумский бейлер-бей 329
- Айша, жена пророка Мухаммада, дочь первого халифа Абу Бакра 366, 382
- Айше Султан, дочь Мурада III 475
- Аксак Сейфеддин, сторонник шехаде Баязида, сына Сулеймана II 329
- Аксент, автор «Каменецкой хроники», написанной на кыпчакском языке 494, 498, 499
- Ак Шемседдин, османский богослов, участник осады Константинополя в 1453 г. 199, 202
- Алаэддин, почетное прозвание, здесь: обобщенное имя трех султанов Румского (Сельджукского) султаната 10
- Алаэддин, сын Мурада II 190
- Алаэддин-паша, брат османского бей Орхана 31
- Александр, сын болгарского царя Ивана Шишмана, ренегат, поступивший на службу к Баязиду I 121
- Александр (Искандер), грузинский князь Загама и других грузинских земель 368
- Александр, молдавский господарь 495
- Александр Македонский, царь древней Македонии 10, 263
- Алексеев А. И. 4
- Алексей Комнин, сын императора Трапезундской империи Иоанна IV Комнина 214
- Алексей II Комнин, византийский император 122

- Али, халиф, зять пророка Мухаммада 41, 293
- Али, янычарский ямбаши 56
- Али, янычар 515
- Али, янычарский ага 343
- Али, янычарский ага 471
- Али-ага, придворный сипахи 416
- Али-ага Кара Чешмели, янычарский ага 503
- Али ал-Бистами, мусульманский богослов, факих 223
- Али-бей, военачальник Мехмеда II 221
- Али-бей Алаэддин, караманский бей 111, 113, 117, 119, 128
- Али-бей Бенги, брат караманского бей Ибрахима 168
- Али-бей Малкоч-оглу, санджакбей Силистрии 243
- Али-бей Михаль-оглу, глава сил акынджи 229
- Али-бей Шахсувар-оглу, военачальник Баязида II и Селима I, представитель династии Зулкадир 253, 269, 273
- Али-бей Эвренос-оглу, бей румынских сил акынджи 147, 148, 173
- Али бен Шовейя, военачальник аль-Мутаххара 348
- Али Мустафа, османский историк 55, 56, 70, 75, 185, 357, 370—372, 383, 389, 390, 393—395, 404, 406, 414, 438, 520, 538, 561, 563—566, 572, 574
- Али-паша, турецкий военачальник, великий везир Мехмеда II 127, 131, 132, 134, 136, 140
- Али-паша, капудан (адмирал), везир 351, 353—355
- Али-паша, великий везир Османа II 493
- Али-паша Семиз, великий везир Сулеймана II 338
- Али-паша Кылыч, турецкий бей-лербей Алжира, капудан, участник морского сражения при Лепанто 354—356, 359, 360, 379
- Али-паша Хадым, румелийский бейлербей Баязида II, великий везир 242, 243
- Али-паша Хадым, румелийский бейлербей, комендант Буды, везир Сулеймана II 326, 329
- Али-паша (Явуз), великий везир, сердар 483, 484
- Али-чавуш, чиновник финансового ведомства 422
- Али Челеби, кадиаскер, сын Чандарлы Халиля 111, 112
- Али Яызджи-оглу, придворный историк турецкого султана Мурада II 8, 9, 530, 551, 575
- Алкас-мирза, беглербег Ширвана, брат сефевидского шаха Тахмаса I 318, 319, 321
- Альберт Габсбург, король Венгрии 173, 174
- Амедей IV, граф Савойский 108
- Амир бен Дауд, арабский принц Адена 298
- Амир-хан, правитель Тебриза 369
- Андраш, кардинал, ставленник Сигизмунда Батория в Трансильвании 453
- Андроник II Палеолог, византийский император 11, 20, 21, 530, 573
- Андроник III Палеолог, византийский император 20, 21, 25
- Андроник IV Палеолог, византийский император 109, 118
- Анна Савойская, мать византийского императора Иоанна V Палеолога 25
- Арон, господарь Молдавии 403
- Арслан-паша, бейлербей Буды 338, 340

- Артук И. 531, 578
Асиновская С. А. 558
Аспортче-хатун, жена главы Османского бейлика Орхана 18
Ахмед, сын Мурада II 191
Ахмед, сын Баязида II 245, 248, 268
Ахмед I, турецкий султан 475, 477, 482, 483, 486, 487, 490, 493, 502, 504
Ахмед, янычарский ага 307
Ахмед-ага, янычарский ага 481
Ахмед-бей (паша) Араб, турецкий правитель о. Родос 353, 377, 378
Ахмед Бюкаи-эфенди, главный кади Бурсы 243
Ахмед (Джелаири) Гийас ад-дин, султан, представитель династии Джелаиридов 132
Ахмед, автор поэмы (дестана) «Искендер-наме» 10, 13, 16, 19, 20, 24, 26, 34, 36, 58, 105, 114—116, 530, 532—534, 536, 542, 543, 574
Ахмед-паша, военачальник Мехмеда II, сын улема Фенари 230
Ахмед-паша, румелийский бейлербей, везир 271, 276—278
Ахмед-паша, румелийский и аналитийский бейлербей, везир Сулеймана II 314, 321, 322, 326, 329, 343
Ахмед-паша, великий везир Мурада III, член султанской фамилии 373
Ахмед-паша Гедик, военачальник Мехмеда II, великий везир Баязида II 228, 231, 233, 239, 240
Ахмед-паша Дукакин-оглу, военачальник, везир Селима I 253, 255
Ахмед-паша Пир, великий везир 277
Ахмед-паша, сын улема Фенари 230
Ахмед-паша Хафыз, комендант Никополя (Нигеболу), везир, каймакам, боснийский бейлербей 442, 447, 459, 483, 484
Ахмед-паша Херсек-заде, аналитийский бейлербей, везир 243, 245, 255
Ахмед-паша Шемси, румелийский бейлербей, везир Сулеймана II 338
Ахмед Синан-оглу, улем, перебежчик Мехмеда II к Узун Хасану 230
Ахмед-эфенди, войсковой кади 488
Ашык-паша-заде Ахмед, османский историк 10, 13—15, 17, 18, 23, 27, 28, 30, 33—35, 38, 43, 44, 89, 108, 114—116, 123, 125, 127, 130, 134, 136, 137, 142, 144—146, 148, 149, 152—154, 159, 165, 170—174, 176, 178, 181, 186, 187, 190, 201, 202, 205, 212, 215, 217, 219, 220, 223, 226, 227, 229—231, 235, 241, 531—533, 540—554, 574
Баба Новак, предводитель чет в Болгарии 443
Бабингер Фр. 237, 549, 579
Бали-ага, глава придворных сипахи 265
Бальйемез-ага см. Осман-ага Бальйемез
Барбаросса см. Хайреддин-паша
Баркук ал-Малик аз-Захир Сайф ад-дин Баркук, первый мамлюкский султан из династии Бурджитов 130
Бартольд В. В. 23, 41, 42, 167, 531, 532, 534, 541, 543, 544, 547, 555, 575, 576
Басту Кашши Джоджо, командир наемников, 462, 468

- Бахадур-шах, правитель Гуджаратского султаната 297, 298
- Баязид, сын Мехмеда II 229, 230
- Баязид, сын Сулеймана II 296, 313, 319, 321, 327—331, 335, 363
- Баязид I, турецкий султан 43, 44, 58, 88, 89, 106, 108, 111, 114—138, 140, 142, 143, 149, 154, 155, 157—159, 162, 179, 181, 239, 253, 544, 545
- Баязид II, турецкий султан 97—99, 235, 237—245, 247, 248, 280, 327
- Баязид-ага, секбанбаши 97
- Баязид ибн Иваз, тимариот, отец везира Мурада II Хаджи Иваз-паши 166
- Баязид-паша, военачальник и везир Мехмеда I 151—153, 159
- Бедреддин Махмуд Симави (Симавна-оглу), шейх, идейный глава народного движения на западе Малой Азии 146, 150, 153, 156, 330
- Беляев Д. Д. 4
- Бёрклюдже Мустафа, сподвижник Бедредина Симави 154
- Бешишти, османский историк 183
- Бехрам-бег, турецкий санджакбей Адена 298
- Биад, сторонник шехзаде Баязида, сына Сулеймана II 329
- Бильгиль Алп, участник военных рейдов Эртогула, отца Османа I 10
- Битлиси Идрис, османский историк 106, 183, 253, 254
- Богдан, боярин, оказавший помощь Орхану, сыну убитого Сулеймана I Челеби 147, 148
- Бондаренко Д. М. 4
- Борбей Дьёрдь, трансильванский военачальник 410
- Босворт К. Э. 544, 576
- Бочкаи Иштван, венгерский предводитель антигабсбургского движения, князь Трансильвании 485, 487—490
- Бригадино Марк Антонио, глава защитников Фамагусты, 353
- Буниатов З. И. 543, 574
- Васильев А. А. 541—543, 546—548, 550, 576
- Васильева Е. И. 557, 558, 574
- Вели-ага, придворный капыджи, 415, 426
- Вели-паша, румелийский бейлербей (бывший янычарский ага) 426
- Велиэддин-оглу, османский богослов, участник осады Константинополя в 1453 г. 199
- Вильер д'Иль-Адам, капитул ордена иоаннитов на о. Родос 276
- Витол А. В. 4
- Виттек П. 44, 532, 534, 580
- Влад Дракула, валашский господарь 53, 174, 180
- Владимирцов Б. Я. 532, 576
- Владислав, валашский господарь 39
- Владислав, сын польского короля Сигизмунда III 494, 497
- Владислав I Ягеллон, король Венгрии 175—177, 179—182
- Владислав III, король Венгрии 222
- Владко Хранич, боснийский воевода 113
- Влад Цепеш, господарь Валахии 218—221
- Влкахин, сербский князь 110
- Вратислав, член посольства Фредерика де Креквица 386, 564, 571, 573
- Вълк, сербский деспот 144

- Газанфер-ага, глава дворцовой стражи 472, 473
- Гази-Гирей, брат крымского хана Мухаммад-Гирея II 371
- Гази-Гирей II, крымский хан 444, 470, 478
- Гарбузова В. С. 547, 576
- Гарцони Константино, член свиты венецианского посла в Стамбуле при султানে Селиме II 79, 80
- Гаттилузи, правитель Митилены, представитель генуэзской аристократической фамилии 126
- Гаттилузи Дорино, владетель о-вов Лесбос и Тасос, представитель генуэзской аристократической фамилии 203, 204, 221
- Гаттилузи Никколо, младший сын Дорино Гаттилузи 221
- Генрих VIII, английский король 300
- Георгий VIII, царь Грузии 214
- Георгий Бранкович, правитель (де-спот) Сербии 170, 174—178, 180, 187, 188, 191, 203, 205, 206
- Герлах Стефан, немецкий путешественник 64, 66
- Гёк Алп, сын Чобан-бея Хюсамедина 8
- Гиббонс Х. А. 126
- Ги де Лузиньян, король Иерусалимский 350
- Гильельмо II, герцог Архипелага, правитель Наксоса 204
- Гонца Г. В. 240, 553, 554, 558, 559, 576
- Гордлевский В. А. 530, 532, 576
- Грановский Т. Н. 558, 576
- Григора Никифор, византийский историк 28, 33
- Гритти Алоизио, венецианский авантюрист, сподвижник Яноша Запольяи 286
- Грязневич П. А. 544, 576
- Губоглу М. 559, 576
- Гусейнов Р. А. 543, 573
- Гюндюз Алп, сын Чобан-бея Хюсамедина 8, 10
- Гължбов Г. 537, 573
- Давид, брат императора Трапезундской империи Иоанна IV Комнина, избранный императором 214, 216
- Давуд, янычарский яябаши 64
- Давуд Кайсери, мюдеррис (преподаватель) медресе в Изнике 31
- Давуд-паша, военачальник Орхана и Мурада I 22, 110
- Давуд-паша, великий везир Мустафы I 504
- Дадзиани, грузинский князь, владетель Мингрелии и Имеретии 203
- Дандоло Никколо, венецианский наместник на Кипре 352
- Дели Хасан, бунтовщик, брат Кара Языджи 457—459, 471, 477—479, 508
- Дельбрюк Г. 559, 564, 576
- Дервиш, янычарский яябаши 434
- Дервиш-ага, мусахиб (собеседник) Мурада III 386
- Дервиш-паша, бейлербей Алеппо 352
- Джагацпанян Е. Д. 546, 573
- Джакобо из Гаеты, придворный врач Мехмеда II 211
- Джанберди см. Джанберди ал-Газали
- Джанберди ал-Газали, мамлюкский военачальник, мамлюкский наместник в Сирии 264, 265, 269, 270
- Джанбулат-заде, правитель Клиса 351
- Джанфедатахун, распорядительница султанского гарема 390

- Джафер-ага, сияхтар Сулеймана II, янычарский ага 342, 349
- Джафер-паша, бей Дьюлы, везир 360
- Джафер-паша, везир, военачальник 381, 413, 426
- Джафер Челеби Таджи-заде, анатолийский кадиаскер 255
- Джелял-бей, мухтесиб Селима II 356
- Джеляледдин Руми, основатель ордена мевлеви 226
- Джеляль (Шах Вели), глава восстания в Анатолии 268
- Джем, сын Мехмеда II 229, 236—242, 273, 276
- Джибрил (библ. Гавриил), архангел 263
- Джихангир, сын Сулеймана II 318, 328, 335
- Джунейд Айдыноглу, бывший бей Айдынского бейлика 154—158, 160, 169
- Джустиниани Джованни, генуэзец, защитник Константинополя в 1453 г. 198
- Дилавер-паша, великий везир 501, 502
- Димитри, участник сговора при наборе-девширме 56
- Димитрий Леондарис, представитель византийского нобилитета 155, 156
- Димитрий Палеолог, владетель Мистры 191, 203, 210—212
- Дмитриева Л. В. 530, 576
- Доган Куртчу (Казанджи), янычарский ага 185, 193, 194
- Дориа Андреа, генуэзский адмирал 297, 303—305, 356
- Дориа Джан Андреа, сын генуэзского адмирала Андреа Дориа 356
- Дука, византийский историк 169, 196
- Дурмуш, христианский подданный султана 69
- Дюндар-бей, дядя Османа I, брат Эртогрула 15
- Дюндар-бей, глава бейлика (эмира-рата) Хамид 18, 159
- Евгений VI, папа римский 180
- Евфимий, митрополит 120, 121
- Елена, жена византийского императора Мануила II 169
- Ермаченко И. О. 4
- Жаворонков П. И. 531, 576
- Жан Паризо де ла Валетт, рыцарь-иоаннит, глава обороны о. Мальта 337
- Жигмонд (Сигизмунд) Ракоци см. Ракоци Жигмонд (Сигизмунд)
- Жуков К. А. 531, 532, 535, 542—544, 546, 576
- Заганос-паша, великий везир Мехмеда II 67, 183, 205
- Закария-эфенди, шейхульислам 388
- Аз-Захир Сайф ад-дин Юсуф, мамлюкский султан 182
- Зейнель-мирза, сын Узун Хасана 230
- Зриньи Миклош, командир венгерского отряда 340, 341
- Зульфикар-бек, предводитель антишиитского восстания в Иране 291
- Иаков (тур. Якуб), библ. 264
- Иаков II (Лузиньян), последний король Кипра 350
- Ибн ал-Асир, арабский историк 9
- Ибн Баттута, арабский путешественник 41

- Ибн Биби, историк Румского (Сельджукского) султаната Малой Азии 8
- Ибн Ийас, арабский историк 203
- Ибн Кемаль (Кемаль-паша-заде), османский историк 45, 191, 193, 195, 197, 200, 202, 204, 259, 267, 535, 549—551, 556, 557, 575
- Ибн Улйана (Улайян-оглу), арабский эмир, глава антитурецкого восстания в Южном Ираке 348
- Ибрагимбейли Х. М. 570, 573
- Ибрахим (библ. Авраам) 264
- Ибрахим (Караманоглу), бей Караманского бейлика 45
- Ибрахим Караманоглу, представитель караманской династии 168, 178, 192, 225
- Ибрахим-паша, великий везир Мурада II, внук Чандарлы Халиля 160, 164, 166, 167
- Ибрахим-паша, великий везир Сулеймана II 277, 278, 280—283, 285—290, 292, 293, 295, 296, 305
- Ибрахим-паша, бейлербей Диярбакыра 384, 385
- Ибрахим-паша, везир султанского дивана, великий везир, зять Мехмеда III 412, 413, 429, 451—453, 461, 464, 465, 473, 475
- Ибрахим-паша Хаджи, везир Мехмеда III, борец с восстанием Кара Языджи 457, 458
- Ибрахим-паша эль-Хадж, баш дефтердар (главный казначей) 418
- Ибрахим-хан Туркмен, иранский посол ко двору Мурада III 375
- Иваз-паша Хаджи, субаши Бурсы, везир Мехмеда I 151, 157, 160, 165, 166
- Иванов М. С. 563, 576
- Иванов Н. А. 551, 553, 555—557, 561, 562, 576
- Иван Страшимир (Страцимир), царь Видинской Болгарии, брат болгарского царя Ивана Шишмана 123, 124, 141
- Иван Шишман, болгарский царь 39, 112, 120, 121
- Изабелла, жена Яноша Запольяи, дочь польского короля Сигизмунда I 310, 311, 313
- Ильяс-бей, турецкий военачальник 112
- Ильяс Ментешеоглу, представитель династии Ментешеоглу, 132, 194
- Имам-Кули-хан, правитель Гянджи, Берды и Карабаха 367, 369, 372, 376, 378
- Инджеджик Балабан, турецкий военачальник 112
- Ине-бей, субаши области Караси 136
- Иоанн VI Кантакузин, великий доместик, со временем византийский император 21, 25, 29, 108
- Иоанн IV Комнин, император Трапезундской империи 203, 213, 214
- Иоанн Палеолог, племянник византийского императора Мануила II Палеолога 127, 131
- Иоанн V Палеолог, византийский император 25, 44, 108, 109, 117—119, 121
- Иоанн VIII Палеолог, византийский император, сын Мануила II 158, 169
- Иоанн Углеш, деспот Серреса 110
- Иосиф (тур. Юсуф), библ. 264
- Иречек К. 532, 534, 541—543, 545, 546, 548, 576
- Иса, сын Баязида I 135, 138, 141—143, 149, 150

- Исаак (тур. Исхак), библ. 264
- Иса-бей, глава пограничных сил, сын анатолийского бейлербея Исхак-паши 205, 206
- Иса-бей Айдыноглу, правитель Айдынского бейлика 117
- Иса-бей Озгур-оглу, анатолийский бейлербей Мурада II 185
- Исакий Асан, представитель византийского нобилитета 155
- Исидор, митрополит Фессалоник 43, 44
- Исидор, кардинал, бывший московский митрополит, 198
- Искендер см. Александр
- Искендер-ага, капыджибаши, янычарский ага 335
- Искендер-паша, везир Селима I 255
- Искендер-паша, везир 265
- Ислам-Гирей II, крымский хан 379
- Исмаил, янычарский ага 208
- Исмаил I, сефевидский шах 243, 244, 250—254, 256, 258, 259, 265, 268, 284, 292, 293
- Исмаил-бей, бей бейлика Джаник 213, 214
- Исмаил Кара, бёлюкбаши янычарского аги 383
- Исмаил-мирза, сын шаха Тахмаспа I, иранский шах Исмаил II 365, 366
- Исхак-паша, военачальник, везир Мурада II и Мехмеда II, великий везир 184, 194, 197, 205, 228, 236—238
- Исфендияр, бей бейлика Джаник 142, 143, 153, 156, 190, 191
- Исэров А. А. 4
- Й**язид бин Аби Унайса, мусульманский еретик, создатель учения о появлении нового пророка из неарабов 134
- Кади Бурханеддин, правитель тюркского государства в Малой Азии 129, 131
- Кадири-эфенди, кади Канисы 461
- Казимир IV, польский король 233, 242
- Каин, библ. 149
- Каит-бай, мамлюкский султан 242
- Кайтас-паша, турецкий правитель Арраша 371
- Каликст III, папа римский 206, 207
- Каменев Ю. А. 533
- Канан Иоанн, византийский автор, 162
- Кансух ал-Гаури, мамлюкский султан 258—263
- Капистрано Джованни да, инквизитор-францисканец, проповедник, организатор антиосманского похода 207
- Караджа, соллак 89
- Караджа-бей, приближенный Сулеймана I Челеби 145
- Караджа-бей (паша) Дайи, румелийский бейлербей Мехмеда II 195, 197, 207, 209
- Караджа-паша, турецкий правитель Алеппо 269
- Каракаш-паша, бейлербей Буды 496, 497
- Кара Мукбиль, приближенный Сулеймана I Челеби 145
- Карачинский А. Ю. 4
- Кара Юлюк Осман, основатель государства (племенного союза) Ак Коюнлу 133
- Кара Юсуф, правитель государства (племенного союза) Кара Коюнлу 132, 544
- Кара Языджи, бунтовщик, глава анатолийских отрядов повстанцев 455—458, 472, 474, 508

- Карл V, император Священной Римской империи, Карл I Габсбург испанский 276, 284, 299, 300, 312, 313, 318, 358, 359
- Карл VII, французский король 195
- Карл Бурбон, представитель боковой ветви французского королевского дома 299, 300
- Карл I Токко, деспот Эпира, Ионических островов, Элиды 173
- Карл II, сын Карла I Токко 173
- Касым, брат Сулеймана I Челеби 140, 141
- Касым, сын главы бейлика Джаник Исфендияра 151, 153
- Касым, янычарский ага 481
- Касым-бей, брат караманского бей Мехмеда 228
- Касым-бей, предводитель отряда акынджи 290
- Касым-паша, бейлербей 176
- Касым-паша, каймакам 482
- Касым-эфенди Молла, сверщик дефтеров (мукабеледжи) придворных силах 420
- Катаволина Фома, секретарь-грек великого везира Мехмеда II Махмуд-паши 216
- Катарина, жена Иакова II Лузиньяна 350
- Кей Кубад I Алаэддин, султан Румского султаната 8, 10
- Кидони Дмитрий, константинопольский патриарх 29
- Клейман Г. А. 530, 577
- Климент VII, папа римский 300
- Климент VIII, папа римский 385
- Кляшторный С. Г. 532, 577
- Кобыла Милош, сербский воин, убийца Мурада I 115
- Козин С. А. 542, 573
- Колесников А. А. 4
- Кононов А. Н. 530
- Константин, владетель Македонии 120
- Константин, сын Ивана Страшимира 141
- Константин из Островицы, автор «Записок янычара», янычарский топчи (пушкарь) 45, 48—50, 80, 176—178, 180, 182, 184, 185, 194, 200, 206, 208, 215, 217—221, 223, 224, 510, 511, 534, 573
- Константин XI Палеолог, последний византийский император 188, 189, 196—198, 200
- Константин Палеолог, брат Феодора Палеолога 189
- Константин Палеолог Грайтца, комендант Сальменикона 212
- Коркуд, сын Баязида II 237, 247
- Корнаро Джованни, венецианец, современник событий, последовавших после пленения Баязида I Тимуром 139
- Кору, турецкий заим 56
- Кочубей Гёмюрджинский, османский автор критического трактата 58, 70, 82, 102
- Крадин Н. Н. 4
- Креквиц Фредерик де, посол Рудольфа II Габсбурга ко двору Мурада III 386
- Критовул, византийский историк 46, 199, 204, 212, 535, 575
- Кудуз Ферхад, сторонник шехзаде Баязида, сына Сулеймана II 329
- Кумрал Деде, мюрид (ученик) суфийского шейха Эдебалы 14
- Курд-ага, душеприказчик дворцового чавуш-баши 382
- Курд Шейх Хасан, посол Узун Хасана к Мехмеду II 217
- Куш Т. В. 4
- Кылыдж Арслан-бей Лютфи-бейоглу, правитель Алайе 228

- Кятиб Челеби Мустафа, османский историк 255, 476, 477, 517, 536, 555, 570, 571, 573, 574
- Лазарь, племянник сербского деспота 144
- Лазарь, сербский князь 112, 113, 115, 117
- Лайош (Людовик) II Ягеллон, венгерский король 270, 279, 281—283
- Лала Шахин см. Шахин-паша Лала
- Лжемустафа (Мустафа), человек, выдававший себя за сына Баязида I 154, 155, 157—161
- Лжемустафа, человек, выдававший себя за сына Сулеймана II 330, 331
- Лоредано, дож Венеции 270
- Лорендано, адмирал Венецианской Республики 154
- Луис де Торес, папский легат 354
- Лука Нотара (Нотарас), византийский нотабль 198
- Лютфи-паша, османский историк 10, 13, 16, 134, 137, 173, 180, 182, 235, 236, 262, 271, 275, 279, 281, 283, 285, 294, 301—303, 307—310, 319, 531, 542—544, 546—549, 551, 553—560, 574
- Максимилиан Габсбург, австрийский эрцгерцог 441
- Максимилиан I Габсбург, король Венгрии (с 1564 г.), Максимилиан II Священной Римской империи 338
- Мамона, мегадука, правитель Монемвасии 131
- Мануил Кантакузин, представитель византийского нобилитета 155
- Мануил Мелакринос, византийский посол к Мураду II 169
- Мануил II Палеолог, византийский император 117—119, 121, 123, 127, 131, 139, 140, 150, 154, 155, 163, 169
- Марко, боснийский король (бан) 120
- Марк К. 553
- Мартинуцци Дьёрдь, опекун Яноша Жигмонда, сына Яноша Запольяи 312, 313
- Матанов Хр. 541, 550, 551, 553, 561, 577, 580
- Матвей (Матьяш II), эрцгерцог, король Венгрии 485
- Матьяш Корвин см. Матьяш Хуньяди
- Матьяш (I) Хуньяди (Корвин), король Венгрии 224, 241, 283
- Махмуд, глава (ага) азебов 230
- Махмуд, сын гуджаратского правителя Бахадур-хана 298
- Махмуд, сын Мехмеда III 476, 477
- Махмуд II, турецкий султан 5, 526
- Махмуд, янычарский ага 58
- Махмуд, янычарский ага 387
- Махмуд-бей Кассаб-оглу, посол Мехмеда II к караманскому бею Ибрахиму 192
- Махмуд-бей Рамазан-оглу, военачальник Селима I, представитель династии Рамазанидов 261
- Махмуд-паша, великий везир Мехмеда II 67, 106, 202, 209, 210, 216, 223, 225, 226
- Махмуд-паша, турецкий бейлер-бей Йемена 347
- Махмуд-паша, сердар (главнокомандующий) 442, 443
- Махмуд-паша Гюзелдже, везир Мехмеда III 459, 462, 471, 474, 475
- Махмудов Л. М. 552, 577

- Махмуд-эфенди, главный казначей (баш дефтердар) 438, 440
- Махмуд-эфенди Тезкереджи-заде, дефтердар Сирии 388
- Мевляна Вели, посол караманского бея Ибрахима к Мехмеду II 192
- Мезид-бей, бей сил румелийских акынджи при Мураде II 175
- Мейер М. С. 562, 577
- Мелик Касым-бей-оглу, бей, военачальник Мурада II 174
- Меми-бей Коджа, командир румелийских сипахи 392
- Мемнон, незаконнорожденный сын Карла I Токко 173
- Менгли-Гирей I, крымский хан 231, 240
- Мехмед, янычарский яябаши 56
- Мехмед, караманский бей 228
- Мехмед, внук Баязида II, сын его сына Шахиншаха 246
- Мехмед, сын Сулеймана II 301, 313
- Мехмед I, турецкий султан 136, 138, 141—143, 146—157, 160, 164—167, 192, 194
- Мехмед II, турецкий султан 45, 46, 61, 67, 87—89, 122, 136, 163, 178—186, 190—197, 199—226, 228—238, 271, 273, 276, 365
- Мехмед III, турецкий султан 81, 87, 375, 404, 405, 407, 410—413, 415—418, 420, 422—424, 426—429, 431—434, 438, 449, 455, 456, 463, 464, 466, 470, 472, 474—477, 480—483
- Мехмед, янычарский ага 397, 401
- Мехмед-бей, бейлербей Буды, румелийский бейлербей, сын Чагала-заде Синан-паши 392, 394, 399
- Мехмед-бей Караманоглу, глава Караманского бейлика 151
- Мехмед-бей Михаль-оглу, бей сил румелийских акынджи, румелийский бейлербей Мусы, сына Баязида I 144, 149, 150, 160—162, 165, 174
- Мехмед-бей Френк-бей-оглу, янычарский кятиб 420
- Мехмед-паша, бей Кастамону, комендант Тифлиса 368
- Мехмед-паша, бейлербей Алеппо 369
- Мехмед-паша, комендант Эстергома, Белграда; сын Чагала Синан-паши 422, 423
- Мехмед-паша, анатолийский бейлербей 436, 452, 455, 456, 472, 474
- Мехмед-паша, румелийский бейлербей, мухафыз Буды, везир 470
- Мехмед-паша Акчайлы-оглу, военачальник, перешедший на османскую службу из Караманского бейлика 194
- Мехмед-паша Джеррах, сердар (главнокомандующий) венгерской кампании 416
- Мехмед-паша Карагёз, правитель Караманского вилайета 242
- Мехмед-паша Карамани, великий везир Мехмеда II 236, 237
- Мехмед-паша Лала, великий везир Мехмеда III, Ахмеда I, сердар 413, 414, 464, 478—480, 484, 486—489
- Мехмед-паша Рум, везир Мехмеда II 227, 228
- Мехмед-паша Сатырджи, везир Мехмеда III, сердар 408, 433—437, 443—448, 452
- Мехмед-паша Соколлу, румелийский бейлербей, везир, великий везир 307, 311, 312, 317, 325, 326, 328, 329, 335, 338, 341, 344, 349, 352, 358, 359, 366, 373, 380

- Мехмед-паша Ходжа-заде, везир Селима I 260
- Мехмед Угурлу, сын Узун Хасана 230, 231
- Мехмед Трабзонлу, янычарский ага 234
- Мехмед-хан (Зулькадир), правитель Нигеболу 331
- Мехмед Челеби, реис-уль-кюттаб (глава внешнеполитического ведомства) 343
- Мехмед-эфенди, дефтердар (казначей) 390
- Мехмед-эфенди, шейхульислам 471
- Мехмед-эфенди, главный астролог султанского двора 501
- Мехмед-эфенди Сеййид, главный казначей (баш дефтердар) 389
- Мирза Салман Джабири Исфাহани, великий везир иранского шаха Мухаммада Худабенде, 366
- Мирча, валашский господарь 113, 120, 124, 127, 143, 150
- Митрофан, константинопольский патриарх 357
- Михаил Кантакузин, османский богач-торговец аристократического греческого происхождения 357
- Михаил VIII Палеолог, византийский император 11, 12, 530, 573
- Михай Витязул (Храбрый), господарь (воевода) Валахии 402—404, 407—409, 417, 435, 441—443, 447, 453, 462
- Михалков Н. С. 6
- Михаль, военный сподвижник османского бей Османа 29, 37
- Михнева Р. 550, 551, 553, 561, 577
- Миху, глава молдавских военных сил 306
- Мугинов А. М. 530, 576
- Музаффар-паша, бейлербей 353
- Музаффар-хан, правитель Ширвана, владетель Гиляна 292, 293
- Мулай Мухаммад, султан Туниса 359, 360
- Мулай Хасан, султан Туниса 358
- Мурад (Лжемурад), мнимый племянник Селима I, якобы сын принца Ахмеда 268
- Мурад I, сын Орхана, правителя Османского бейлика 23, 32, 34—39, 41, 43, 44, 49, 104—106, 108—117, 166, 172
- Мурад II, турецкий султан 45, 53, 107, 156, 157, 159—192, 194, 203, 205, 236, 237
- Мурад III, турецкий султан 66, 75, 81, 82, 99, 363, 364, 366, 367, 372, 374—376, 379, 381, 384—388, 390, 391, 393, 397—399, 403—405, 449, 511, 514
- Мурад IV, турецкий султан 513
- Мурад-бек Байындыр-оглу, правитель Ирака, турецкий назначенец 292
- Мурад-паша, везир Баязида I 136
- Мурад-паша, турецкий наместник в Йемене 347
- Мурад-паша, румелийский бейлербей 479
- Мурад-паша Хасс, румелийский бейлербей 229
- Мурад-эфенди, дефтердар (казначей) 450
- Муратов С. Н. 530, 576
- Муса, сын Баязида I 135, 138, 142—147, 149—152, 154, 160, 179
- Муса Казим, сын шестого имама шиитов Джафара ас-Садика 293
- Мусаннф, улем Мехмеда II из рода Али ал-Бистами 223
- Мустафа, брат Мурада II 163—165
- Мустафа, сын караманского бей Мехмеда 152

- Мустафа, сын Баязида I 135, 136, 155, 157—161
- Мустафа, сын Мехмеда II 229, 230
- Мустафа, сын Сулеймана II 296, 319, 327—330
- Мустафа, янычарский ага 194
- Мустафа, янычарский ага 278
- Мустафа I, брат султана Ахмеда I, сын Мехмеда III 482, 502—505
- Мустафа Али см. Али Мустафа
- Мустафа-бей Малкоч-оглу, военачальник Баязида I 133
- Мустафа-паша, приближенный шеихаде Баязида, будущего султана Баязида II, его везир 238, 240, 246
- Мустафа-паша, везир, военачальник Сулеймана II 302, 360
- Мустафа-паша, бейлербей Мараша, бывшего княжества Зулькадир 368, 369, 403
- Мустафа-паша, грузинский ренегат на турецкой службе, вновь возвратившийся в Грузию 376
- Мустафа-паша, эрзерумский бейлербей 417, 445
- Мустафа-паша, багдадский бейлербей 495
- Мустафа-паша Кибран Бали, кетюда реис-уль-кютаба Хайдер-эфенди 278
- Мустафа-паша Кызыл Ахмедли, сердар похода против Мальты, везир 336, 337
- Мустафа-паша Лала, военачальник Сулеймана II, Селима II и Мурада III 329, 348, 351—353, 367, 368, 370—374, 393
- Мустафа-паша Сарыкчи, каймакам 486
- Мустафа-паша Чобан, везир, наместник Египта 277, 302
- Мустафа Челеби Хамидоглу, сын главы бейлика Хамидоглу 113
- Мустафа-эфенди, румелийский кадиаскер, анатолийский кадиаскер, шейхульислам 450, 475
- Мустафа-эфенди, муаллим (учитель) Ахмеда I 483
- Мутафчиева В. 554, 577
- Аль-Мутаххар, сын зейдитского имама Йемена 347, 348, 431
- Мутаххартан, владетель Эрзинджана 133, 134
- Мутеваккиль, аббасидский халиф 262
- Мухаммад, пророк, основатель религии ислама и первой общины мусульман 41, 44, 107, 133, 163, 263, 289, 356, 366, 411, 487, 501
- Мухаммад-хан, сефевидский наместник в Ираке 291
- Мухаммад-хан, правитель Мазандерана 373
- Мухаммад Худабенде см. Султан Мухаммад-мирза
- Мухаммед-бей Кади-заде, глава заговора против турецкого наместника Египта Ахмед-паши 278
- Мухаммед-Гирей II, крымский хан 372, 373, 379
- Мухиэддин-эфенди, анатолийский кадиаскер, зять Мехмеда III 454
- Мюнеджим-баши Ахмед, османский историк 178, 227, 237—239, 242, 264, 270, 278, 301, 337, 428, 477, 511, 553—564, 567, 570, 571, 574
- Мюстенджаб, субаши 112
- Наваджеро Бернардо, венецианский посол при дворе султана Сулеймана II 51, 68, 71—74, 76
- Наима Мустафа, османский историк 386, 389, 436, 445, 446, 476, 477, 513, 564, 567—571, 574

- Наполеон, французский император 276
- Насиреддин, глава княжества Зулькадир 148
- Ан-Насир Насиреддин Фарадж, мамлюкский султан 129, 133
- Насух Гедик, военачальник Баязида II, санджакбей 239
- Немировский А. А. 4
- Нерио, правитель Афин 188
- Нерио Ачайоли, владетель Афин 130
- Нешри Мехмед, османский историк 10, 13—15, 18, 33, 36—38, 107, 108, 112—117, 124—126, 145, 146, 149, 152, 157, 160, 162, 165, 166, 176, 178, 179, 193, 230, 531—534, 541—543, 545—548, 574
- Никколо (Гаттилузи) 221
- Никколо да Канале, правитель о. Эвбея 226
- Николов Й. 568, 569, 577
- Нуреддин (Нур Али Халифе), дerviш, руководитель антитурецкого восстания 246, 247
- Огуз-хан, племянник Баязида II, сын Джема 237
- Омар, халиф 382
- Омер, ходжа Османа II 501
- Омер-бей Турахан-оглу, военачальник Мехмеда II 229
- Орудж, османский историк 10, 178
- Орхан (Урхан), правитель (бей) Османского бейлика 13, 18—33, 35, 36, 39, 108, 156
- Орхан, сын Мехмеда I 179, 180, 192
- Орхан, сын Сулеймана I Челеби 147
- Орхан, внук Сулеймана II, сын его сына Баязида 329
- Осман, халиф 366, 382
- Осман I, глава Османского бейлика 9, 13—19, 29, 32, 40, 156
- Осман II, турецкий султан, 257, 273, 324, 493, 496, 498—506, 508, 524
- Осман-ага, глава черных евнухов гарема (кызлар агасы) 472, 473
- Осман-ага Бальйемез, секбанбаши (янычарский ага) 255
- Осман-паша, турецкий бейлербей Йемена 348
- Осман-паша, бейлербей Диярбакыра, турецкий наместник Ширвана 369—371, 373, 376, 378—380
- Осман-шах-бей, племянник Сулеймана II, сын его сестры Хатидже Султан 328
- Д'Оссон М., автор сочинения, посвященного истории Османского государства 66, 537, 571, 575
- Оюл Тугджа, великий везир Лжемустафы, выдававшего себя за сына Сулеймана II 330
- Павел I, российский император 276
- Палама Григорий, византийский богослов 26
- Паламеде, владетель Эноса и о. Имрос, брат Дорино Гаттилузи 203, 204
- Палей П. Э. 4
- Папаян А. А. 570, 573
- Пахимер Георгий, византийский автор 11, 13, 530, 531, 573
- Паша Йигит, бей пограничных сил акынджи в Румелии 147, 148
- Пертев, янычарский ага, румелийский бейлербей 335
- Пертев-паша, везир Сулеймана II 328, 335, 338, 339, 343
- Петросян И. Е. 3, 4, 530, 533, 540, 569, 573, 577

- Петросян Ю. А. 536, 554, 574, 577
Петр Рареш, молдавский господарь 305—309
Петрушевский И. П. 532, 533, 577
Петр Хронот, соперник Стефана III, претендент на молдавский престол 242
Печеви Ибрахим, османский историк 307, 308, 314, 325, 337, 347, 394, 402, 409, 426, 427, 430, 460, 461, 468, 471, 486—489, 501, 502, 556, 558—571, 574
Пий II, папа римский 222, 224, 225
Пий V, папа римский 354, 357
Пинателли, итальянский перебежчик, командир румелийских sipахи и янычар во время турецкого похода в Южную Италию 301
Пир Ахмед, караманский бей 225, 229, 231
Пири-паша, великий везир Сулеймана II 272
Пири Реис, капудан (адмирал) Сулеймана II 318
Пири Челеби, дефтердар Селима I 253, 255
Пияле-паша, капудан (адмирал), командующий флотом при осаде Мальты, везир Сулеймана II 336, 337, 343, 351
Плифон Георгий, византийский автор, преподаватель неоплатоновской философии 154
Победоносцев К. П. 564, 573
Прозоров С. М. 544, 574
Прохоров Г. М. 532, 577
Пушкин А. С. 5
Раванди Мехмед, историк Румского (Сельджукского) султаната в Малой Азии 8
Радосав Павлович, магната Южной Боснии 222
Раду Красивый, брат валашского господаря Влада Цепеша 219, 221, 232
Разийе-хагун, служительница султанского гарема, 417
Ракоци Жигмонд (Сигизмунд), князь Трансильвании 490
Рамазан, суфийский шейх 475
Рамазан-паша, турецкий правитель Туниса 360
Рамба Н. С. 570, 573
Ранке Л. 535, 577
Рансимен С. 535, 549—552, 577
Рашид-ад-дин, персидский историк (XIV в.), автор труда «Джами ат-таварих» 542, 573
Резван-паша, турецкий бейлербей Йемена 347
Рефик Ахмед, османский, турецкий историк 52, 535, 536, 578
Ричард Львиное Сердце (Ричард I), английский король, во время 3-го крестового похода захвативший о. Кипр 349
Рогов А. И. 534, 549, 550, 573
Рудольф II Габсбург, император Священной Римской империи (Рудольф I, король Венгрии) 385, 386, 407, 423, 426, 435, 438, 441, 453, 485, 486, 490
Рустем Кара, улем Мурада I 37
Рустем-паша, великий везир Сулеймана II 319, 327, 328
Рухи, османский историк 185
Саадеддин Мехмед, османский историк, шейхульислам 33, 34, 56, 184, 185, 250, 254, 255, 260, 265, 422, 428, 442, 453, 533, 549, 553—556, 574
Саадет-Гирей, сын крымского хана Мухаммед-Гирея II 379
Савджи Челеби, сын Мурада I 109

- Сакка Махмуд, Стамбульский ага 73
- Сальм Экхард, командир отрядов в Венгрии, освобождавший захваченные турками Веспрем и Тату 340
- Самарций Р. 560, 577
- Сам-мирза, предводитель антишахского восстания в Иране 294
- Сандаль Хранич, боснийский магнат Южной Боснии, сторонник протурецкой ориентации 222
- Сан-Суперан, правитель Наварина 130, 131
- Сарадж-бей, предводитель отрядов татар Добруджи 111
- Сара-хатун, мать правителя государства Ак Коюнлу Узун Хасана 216, 217
- Саруджа-паша, турецкий военачальник, предводитель сил яя 112
- Саруджа-паша, везир Мурада II 185
- Сары Салтук Деде, сельджукский «воитель за веру» в Румелии (XIII в.), народный герой 307
- Сафар-ага, янычарский секбанбаши 461, 466
- Сахиб-Гирей I, крымский хан 308
- Секей Мозеш, трансильванский дворянин, посланец к турецкому сердару Йемишчи Хасан-паше 468
- Селим I, турецкий султан 52, 73, 75, 92, 244—269, 273, 276, 277, 280, 346
- Селим II, турецкий султан 57, 76, 301, 313, 319, 323, 327—330, 335, 341—345, 349—351, 356—358, 362, 363, 366, 449, 509—511
- Селяники Мустафа, османский историк 58, 61, 76, 85, 342—345, 347, 381, 383, 388—390, 392, 398, 400, 404, 411, 418, 420, 424, 429, 432, 438—440, 451, 512, 515, 536, 538—540, 560—569, 571, 572, 575
- Семенов А. А. 542, 573
- Сербеллони Габрио, граф, итальянский генерал, наместник Туниса 359
- Сигизмунд (Жигмонд), венгерский король 123—128, 173
- Сигизмунд I, польский король 305
- Сигизмунд III, польский король 494
- Сигизмунд Баторий, князь Трансильвании 403, 409, 426, 435, 441, 444, 445, 453, 462, 468
- Сикст IV, папа римский 232
- Симон, грузинский князь 376
- Синан, факир в период правления османского бея Орхана 26
- Синан, чавуш, парламентар 461
- Синан-бей, османский художник 209
- Синан-бей, дядька (лала) шехзаде Ахмеда, сына Баязида II 246
- Синан Мимар, османский архитектор 307
- Синан-паша, военачальник Баязида I, румелийский бейлербей Мурада II 44, 170—173
- Синан-паша, анатолийский бейлербей, зять Баязида II 236
- Синан-паша, сердар турецкой армии, везир 367, 374—376
- Синан-паша Коджа, сердар (главнокомандующий) тунисской кампании, везир 359
- Синан-паша Софи, каймакам 483
- Синан-паша Халдым, анатолийский, румелийский бейлербей, великий везир Селима I 252, 258, 260, 263, 265

- Синан-паша Чагала-заде, сердар иранского похода, везир, великий везир, капудан 380, 389, 391—394, 396—402, 406, 408—411, 413—415, 422, 448, 449, 483
- Синан Челеби, эмин (градоначальник) Кафы 307
- Сиявуш, янычарский ага 349
- Сиявуш-паша, великий везир 387, 389, 391
- Скандербег (Георгий Кастриоти), руководитель антитурецкого восстания в Албании 182, 186, 225
- Смирнов В. В. 70, 536, 538, 539, 541, 553, 578
- Степан Вукчич Косача, племянник Сандаля Хранича, сторонник протурецкой ориентации 222
- Стефан (Штефан) III (Великий), молдавский господарь 232—234, 242
- Стефан Лазаревич, сербский князь (позже — деспот) 120, 147, 148, 169
- Стефан Лакуста (Лэкуста), молдавский господарь 308
- Стефанович П. С. 4
- Стефан Твртко, король Боснии 112
- Стефан Томаш (Томашевич), король Боснии 222—224
- Сулейман-ага, ага придворных си- пахи 389
- Сулейман Балта-оглу, турецкий капудан (адмирал) 197
- Сулейман I (Челеби), правитель Османского бейлика, сын Баязида I 58, 120, 121, 133, 135, 138, 139, 141—147, 149—150, 179, 545
- Сулейман II, турецкий султан 68, 72, 75—77, 101, 269—274, 276—303, 305—313, 315—321, 323, 325, 327—335, 338—342, 344, 346, 350, 360, 362, 364, 366, 375, 411, 413, 413, 438
- Сулейман (Сулейман-паша), сын османского бая Орхана 22—25, 36, 39
- Сулейман-паша, капудан (адмирал) 298
- Сулейман-паша, защитник Буды 469
- Сулейман-паша Хадым, румелийский бейлербей 232
- Султан-Махмуд, самаркандский хан 137
- Султан Мухаммад-мирза (Мухаммад Худабенде), брат сефевидского шаха Исмаила II 366, 381
- Султан Хайдар-мирза, сын шаха Тахмаспа I 365
- Сунуллах-эфенди, шейхульислам 453, 454, 463, 464, 471, 476, 486
- Ас-Сухраварди Шихаб ад-дин Абу Хафс 'Умар, суфийский шейх, основатель тариката ас-сухравардийа 32
- Стефанович П. С. 4
- Сфрандзи (Франдзис), византийский придворный, автор автобиографического сочинения 123, 156, 158, 162, 163, 169, 186, 191, 196—198, 546—550, 573
- Схоларий, идейный противник Георгия Плифоня 154
- Таваша Шерефеддин Мукбили, вольноотпущенник османского бая Орхана, мютевелли вакуфа 31
- Тадж ад-дин Курди, мюдеррис (преподаватель) медресе в Изнике 31
- Таджеддин-оглу, везир Мустафы, брата Мурада II 165
- Тарда, сторонник шехзаде Баязида, сына Сулеймана II 329

- Тахартсыз Хатиб, житель Гелиболу, человек великого везира Ибрахим-паши при Мураде II 160
- Твртко Стефан, правитель Боснии 112
- Твртко II, король Боснии 222
- Терзи Сарудж, раб Мусы, сына Баязида I 149
- Тахмасп I, сефевидский шах 287, 291—295, 311, 318—322, 327, 330, 332, 333, 335, 365
- Тверитинова А. С. 537, 554, 568, 569, 574, 578
- Тизенгаузен В. Г. 530, 574
- Тимофей, епископ 357
- Тимур, среднеазиатский завоеватель 89, 127, 130—138, 140, 141, 143, 155, 181, 253
- Тимурташ-бей, предводитель военных отрядов Сиврихисара 111
- Тимурташ Деде, сын Хаджи Бекташа Вели 42
- Тимурташ-паша Кара, военачальник Мурада I и Баязида I, везир 106, 110, 111, 112, 122, 125, 127
- Тимурташ-паша Сары анатолийский бейлербей 111, 128, 130
- Токмак-хан, иранский военачальник, правитель Ревана 367, 373, 376, 377
- Толстой П. А., русский посол в Стамбуле 519, 572, 574
- Томаш, боснийский князь 210
- Торлак Кемаль, сподвижник Махмуда Бедредина Симави 154
- Торуджа Балабан, турецкий военачальник 112
- Тротушан, молдавский логофет, глава канцелярии молдавского господаря 306, 307
- Туга-Тимур, ильхан 26
- Туман-бай, племянник мамлюкского султана Кансуха ал-Гаури, мамлюкский султан 260, 263—267
- Турахан-бей, военачальник, предводитель сил акынджи 158, 168—169, 178, 182, 188—189, 193, 196, 210
- Тургут-паша, турецкий наместник Туниса 336, 337, 358
- Тури Дьёрдь, защитник крепости Палота 340
- Турсун-бег, османский историк 181
- Уваров П. Ю. 4
- Угурлу Мехмед см. Мехмед Угурлу
- Узун Хасан, правитель государства Ак Кююклу 214 217, 218, 225, 228—232
- Узунчаршылы И. Х. 64, 125, 174, 362, 532—539, 541—545, 547—549, 551, 553—555, 560—564, 570, 578, 579
- Улама (Улама-хан), приближенный сефевидского шаха Тахмаспа I 291, 292, 294
- Умур-бей, турецкий участник сражения при Никополе (1396 г.), сын Кара Тимурташ-паши 125
- Умур-бей, военачальник, везир Мурада II 159
- Умур-бей (Айдыноглу), правитель Айдынского бейлика 29, 122
- Уразова Е. 561, 578
- Урбан, венгр, пушечных дел мастер 197, 199
- Успенский Ф. И. 12, 531—534, 542, 543, 545—550, 552, 578
- Фарзалиев Ш. Ф. 562, 578
- Фатима-хатун, сестра Сулеймана I Челеби 140, 141
- Фекете, венгерский ротмистр 498
- Фекете Л. 571, 578
- Фенари, улем 166, 167, 230
- Феодора, дочь Иоанна Контакузина 25
- Феодора, дочь трапезундского императора Иоанна IV Комнина 214

- Феодор Палеолог, правитель, деспот Морей, сын византийского императора Иоанна V Палеолога 130, 131, 189
- Фердинанд I Габсбург, король Богемии и Венгрии, император Священной Римской империи 283—286, 288, 290, 291, 302, 303, 306, 310, 311, 313, 318, 338
- Феридун-бей, глава кятибов (писцов) султанского дивана 341, 343
- Ферхад-ага, бостанджи-баши, янычарский ага 434, 471, 474
- Ферхад-паша, янычарский ага, везир 81, 82
- Ферхад-паша, везир Сулеймана II, военачальник 269, 270, 340, 343
- Ферхад-паша, янычарский ага, везир, бейлербей Буды, великий везир 375—381, 383, 386, 387, 402, 403, 405—408
- Фехреддин, вождь антитурецкого восстания друзов 500
- Филипп Бургундский, герцог Бургундии 214
- Филипп II Габсбург, король Испании и Португалии 354
- Фома Палеолог, деспот Морей, брат византийского императора Константина XI 191, 203, 211, 212
- Франко, глава Афинского герцогства 209
- Франциск I, французский король 299, 300
- Фрейденберг М. М. 551, 552, 558, 560, 561, 578
- Хабиль-эфенди, кади Буды 470
- Хаджи Бекташ Вели, основатель тариката бекташи 42
- Хадживанов П. 548, 578
- Хаджи-Гирей, крымский хан 231
- Хаджи Иль-беги, везир сына эмира Караси, военачальник Мурада I и Баязида I 23, 110
- Хадым Шехабедин-паша см. Шахин-паша Кула
- Хайдар-мирза, сын Хамза-мирзы 381
- Хайдер-паша, турецкий бейлербей г. Тунис 358—360
- Хайдер-паша, румелийский бейлербей 376
- Хайдер-эфенди, реис-уль-кюттаб 278
- Хайреддин-паша (Барбаросса), османский капудан (адмирал) 297, 300—305, 312, 318, 336, 358
- Хайыр-бай (Хайр-бек), алеппский правитель мамлюкского султана Кансуха ал-Гаури 261, 262, 267
- Халиль-ага, сияхтар, янычарский ага 387
- Халиль-ага, янычарский ага 512
- Халиль-паша, великий везир Мурада II 181, 183—185, 194
- Халиль-паша, везир Мехмеда III 455
- Халиль Чандарлы (Хайреддин-паша), кади Биледжика, кадиаскер, румелийский бейлербей 33, 34, 37, 38, 111, 166, 167
- Халими Челеби, муаллим (учитель) султана Селима I 255
- Халкокондил Л., византийский историк 40, 104, 105, 151, 161, 162, 189, 190, 192, 208, 534, 546, 547, 549—552, 575
- Хамза-бей, племянник Скандербега (Георгия Кастриоти) 186
- Хамза-бей, посол Мехмеда II к валашскому господарю Владу Цепешу 219
- Хамза-мирза, внук шаха Тахмасапа I, наследник престола 380, 381

- Хамид-оглу 113
 Хаммер Й. 289, 313, 538, 556—559, 564, 565, 571, 579
 Харвахал Хуан, кардинал, папский легат 207
 Хасан, сын Мурада II 190
 Хасан-ага, янычарский ага 136, 139, 143, 145, 179
 Хасан-ага, субаши 243
 Хасан-ага (паша) Йемишчи, начальник дворцовой стражи (капыджи-баши), янычарский ага, великий везир, сердар 391, 401, 403, 411, 412, 415, 449, 464, 465, 467—469, 473—475, 480, 481
 Хасан-ага Тырнакчи, янычарский ага 430, 434, 451
 Хасан аль-Кяфи, улем, автор трактата «Хикам аль-хюкм» 456
 Хасан-бек, предводитель кочевых туркмен 367
 Хасан Наккаш, янычарский ага 486
 Хасан-паша, румелийский бейлербей, участник Чалдыранской битвы 252
 Хасан-паша, боснийский бейлербей, бейлербей Румелии 385, 391—394, 399, 405, 408, 417, 425, 427, 428
 Хасан-паша, багдадский бейлербей 457, 458
 Хасан-паша Саатчи, турецкий наместник в Тебризе 434, 471
 Хасан-паша Тирьяки, мухафыз (комендант) Буды, Канисы 460, 466
 Хасан-паша Урус, турецкий наместник в Йемене 347, 348
 Хасан-паша Хадым, великий везир 440
 Хасан-эфенди, дефтердар (казначей) 391
 Хатидже Султан, сестра Сулеймана II 328
 Хафсе-хатун, дочь правителя Айдынского бейлика Иса-бея 117
 Хенкель Лазарь, австрийский предприниматель, богач 471
 Хетагуров Л. А. 542, 573
 Хитирир, янычар 189
 Хрисохор, греческий посол в Венецию 131
 Хуан Австрийский дон, брат испанского короля Филиппа II Габсбурга 354, 355
 Хумаюн, правитель Могольской империи 297
 Хунди-хатун, дочь Баязида I 162
 Хуньяди Янош, венгерский магнат, военачальник, правитель Венгрии 168, 170, 175, 176, 180—182, 187, 188, 191, 194, 207—209
 Хуррем Султан (Роксолана), жена султана Сулеймана II 77, 296, 319, 327, 328, 364
 Хусейн, сын халифа Али 293
 Хусрев-бей, глава сипахи и акын-джи Боснии 288
 Хусрев-паша, везир Сулеймана II, военачальник 316
 Хусрев-паша, Ванский бейлербей 366
 Хусрев-паша, диярбакырский бейлербей 459
 Хызыр Коджа, янычарский яябаши 182
 Хызыр-паша, бейлербей Ревана 381
 Хюсам-паша, везир Селима I 264, 265
 Хюсейн, бей Пало 60
 Хюсейн, османский историк 554—556, 574
 Хюсейн, янычарский ага 489
 Хюсейн-паша, мятежник, участник антиправительственного движения в Анатолии 83

- Хюсейн-паша, анатолийский, караманский бейлербей 451, 455, 456
- Хюсейн-паша, великий везир Османа II 503
- Хюсейн Шах-бей, санджакбей Карлы-или 307
- Цамблак Григорий, киевский митрополит, писатель 120, 121
- Цезарини Юлиан, кардинал, папский легат 180
- Чингиз (Чингисхан), основатель и великий хан Монгольской империи 203, 263
- Чобан-бей Хюсамеддин, военачальник сельджукского султана Алаэдина Кей Кубада I 8, 9
- Шагинян А. К. 4
- Шамсутдинов А. М. 544, 578
- Шарабдар Ильяс, дядька (лала) младшего брата Мурада II, Муштафы 164, 165
- Шараф-хан, правитель Битлисского вилайета 292, 322, 364, 366, 385
- Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси, курдский бек, на службе осевидского шаха, затем османского султана, автор исторического сочинения «Шараф-наме» 287, 322, 557, 559—563, 574
- Шах Вели см. Джелал
- Шахверди, посол Дели Хасана к Мехмеду III 459
- Шахин-паша Кула (Хадым Шехабеддин-паша), румелийский бейлербей Мурада II, везир Мехмеда II 175, 180, 184, 190, 193, 201
- Шахин-паша Лала, бейлербей Румелии 22, 37; 38, 110
- Шахкулу, глава антитурецкого восстания 243—246
- Шахкулу Султан, сефевидский правитель Ревана 330
- Аш-Шахрастани Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим 544, 574
- Шильтбергер Иоанн (Ганс), участник антитурецкого крестового похода 1396 г. 124—127, 130, 133, 543—545, 574
- Шишкин В. В. 4
- Штефан Резван, молдавский господарь 407
- Эврен-бей, тимариот, борец с гайдучеством 339
- Эвреноз-бей Хаджи, военачальник Мурада I 37, 38, 113, 125, 130, 139, 145
- Эдебалы, суфийский шейх, ахи 14, 32
- Элдерсон А. Д. 237, 554, 579
- Эмир Султан (ал-Бухари), суфий, имам Мурада II 162
- Энвери, османский историк, автор стихотворного «Дюстур-наме» 155, 220, 534, 546, 552, 553, 574, 575
- Эртогрул (Тогрул), отец правителя Османского бейлика Османа I 8—13, 15, 16, 159
- Эртогрул, сын Баязида I 118
- Эфендиев О. А. 562, 578
- Юнус-ага, придворный мютеферрика (султанский порученец) 427
- Юнус-паша, везир султана Селима I 92
- Юсуф-бей, бей пограничных сил акынджи Румелии 147
- Юсуф-мирза, военачальник Узун Хасана 228, 229
- Юсуф-паша, янычарский ага 82
- Юсуф-паша, везир Селима I 267

- Юсуф-паша, ванский бейлербей 445
 Юсуф-паша Френк, янычарский ага, везир 375
- Якуб**, сын Мурада I 111, 115—117
 Якуб-ага, янычарский ага 255
 Якуб-бей, правитель Силистрии 378
 Якуб Гермияноглу, бей (глава) Гермиянского бейлика 23
 Якуб-паша, военачальник Баязида I 127
- Яни, христианский подданный султана 69
- Янош Запольяи, венгерский магнат 283—286, 291, 303, 306, 310, 311
- Янош Жигмонд (Сигизмунд), сын Яноша Запольяи и Изабеллы, дочери польского короля Сигизмунда I 310—312, 338
- Яхши-бей, турецкий военачальник, сын Тимурташ-пашы 112
- Яхши-бей Михаль-оглу, бей румелийских сипахи 148, 149
- Яхши Факих, османский историк 148
- Яхья, янычарский кетхюда-бей 351
- Яхья Ташлыджалы, османский стихотворец, янычар 328
- Яхья-эфенди, дефтердар (казначей) 391
- Ahmedî см. Ахмеди
 Akdağ M. 568, 569, 578
 Albèri E. 535, 537—539, 575
 Alderson A. D. см. Элдерсон А. Д.
 Alexandrescu-Dersca M. M. 545, 579
 'Alî Mustafâ см. Али Мустафа
 'Alî Yâzıcısı oğlû см. Али Языджи-оглу
 Artuk İ. см. Артук И.
 Artus Th. 534, 574
- Aşık-pâşâ-zâde см. Ашык-паша-заде
 Atsız 538, 578
- Babinger Fr. см. Бабингер Фр.
 Bacqué-Grammont J.-L. 555, 579
 Barkan Ö. L. 536, 579
 Baştav Ş. 540, 575
 Baudler 534, 574
 Baysun M. C. 547, 578
 Björkman W. 545, 579
 Braudel F. 536, 579
- Cahen Cl. 530, 579
 Cazacu M. 537, 579
 Chalcocondyle L. см. Халкокондил Л.
 Cook M. A. 536, 579
- Dujčev I. 541, 579
- Enverî см. Энвери
- Faroqhi S. 572, 579
 Fisher S. N. 554, 579
 Freely J. 543, 580
- Gibbons H. A. 531—533, 543, 579
 Gölpınarlı A. 533, 578
 Griswold W. J. 569, 579
 Güzel H. C. 580
- Hammer J. см. Хаммер Й.
 Houtsma M. Th. 530, 575
 Hüseyin Hüsâmeddîn 533, 578
- İbn Kemâl см. Ибн Кемаль
- Kaldy-Nagy Gy. 549, 580
 Kara Çelebî-zâde Abdülazîz 556, 570, 574
 Karatay O. 580
 Kâtib Çelebî см. Кятиб Челеби
 Kemal Pacha zadeh см. Ибн. Кемаль
 Kiel M. 542, 580
 Kritovoulos см. Критовул

- Lütfî Pâşâ см. Лютфи-паша Roux J.-P. 539, 580
- Matanov H. см Матанов Хр. Sa'ad ed-Dîn Mehmed см. Саадед-дин Мехмед
Melikoff-Sayar I. 534, 575
Meseray de 534, 574
Miller B. 537, 580
Müneccim-bâşî Ahmed см. Мюне- Selânîkî Mustafâ см. Селяники Му-
джим-баши Ахмед Summer-Boyd H. 543, 580
Murphey R. 558, 580
- Täschner (Taeschner) Fr. 533, 580
Tietze A. 535, 536, 562, 575
- Na'ima Mustafâ см. Наима Мустафа Uzunçarşılı İ. H. см. Узунчаршы-
Neşrî Mehmed см. Нешири Мехмед лы И. Х.
- Oğuz C. C. 580
D'Ohsson I. M. см. Д'Оссон М. Vignaire B. de 534, 574
Vryonis S. 534, 580
- Papoulia B. D. 534, 580
Pavet de Courteille 556, 575
Peçevî İbrâhîm см. Печевии Ибрахим
Petrosyan Irina см. Петросян И. Е. Wittek P. см. Виттек П.
Wright W. L. 571, 575
- Rafeq Abdul-Karim 569, 572, 580
Refik Ahmed см. Рефик Ахмед Yücel Y. 542, 571, 579
Riggs Ch. 535, 575
- Zachariadu E. A. 541, 542, 545,
580

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Начало османской государственности. Первые военные формирования	8
Глава 2. Комплектование и структура янычарского корпуса . . .	43
Глава 3. Янычарский корпус в процессе укрепления Османского государства (XV—первая половина XVI в.)	104
Глава 4. Расширение империи	297
Глава 5. Янычарский корпус и кризис верховной власти	362
Глава 6. Янычарский корпус в конце XVI—начале XVII в.	508
Заключение	528
Примечания	530
Библиография	573
Указатель имен	581

Научное издание

Ирина Евгеньевна Петросян
ЯНЫЧАРЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
ГОСУДАРСТВО И ВОЙНЫ
(XV—НАЧАЛО XVII В.)

Редактор издательства *И. Е. Петросян*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Компьютерная верстка *А. Л. Селяниновой*

Подписано к печати 17.10.2018. Формат 60 × 88 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 37.2. Уч.-изд. л. 33.4.
Тираж 300 экз. Тип. зак. № 1297

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12
Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-040540-0

9 785020 405400

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ

ЯНЫЧАРЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Книга И. Е. Петросян рассказывает об истории янычарского корпуса, правилах и нормах его комплектования и существования, а также той роли, которую сыграли янычары как в военных, так и во внутриполитических событиях Османской империи. В монографии показаны фундаментальные особенности функционирования османской государственности, ее тесная связь с политикой войн и территориальной экспансии, влияние исламского фактора, а также значительная роль янычарского войска в формировании внешней и внутренней политики турецких султанов. История янычарского корпуса рассмотрена в книге на фоне военных событий XV—начала XVII в., результатом которых стали заметное ослабление османской военной державы и упадок самого янычарского корпуса как военного института.

Издательство «Наука»